Ѳ. Ѳ. АРИСТОВЪ.

Томъ первый.

КАРПАТО-РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

КАРПАТО-РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Ѳ. Ѳ. АРИСТОВЪ.

КАРПАТО-РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Томъ первый.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАНІЕ ГАЛИЦКО-РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

CARPATHO-RUSSIAN LITERARY ASSOCIATION
P. O. Box C, Barnum Station
Bridgeport, Connecticut 06605
1977

МОСКВА.
1916.

Эта книга издана на средства П. С. Гардого. Весь тираж ее
составитель предоставляет в распоряжение
Карпаторусского Литературного Общества в США.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Изданіе трехтомнаго изслѣдованія Ѳ. Ѳ. Аристова «Карпаторусскіе писатели» впервые было начато в Москвѣ, въ 1916 году. Выпущенный изъ печати первый томъ сразу же вызвалъ живой интересъ среди литературовѣдовъ, славистовъ, историковъ и въ широкихъ кругахъ читающей публики. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль книга, изданная въ количествѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, полностью разошлась, и въ настоящее время является библіографической рѣдкостью.

Въ связи съ начавшимися революціонными событіями, оказалось невозможнымъ не только переиздать первый томъ, но и осуществить изданіе 2-го и 3-го томовъ, изъ-за наступившей общегосударственной разрухи. Готовый наборъ былъ разобранъ и даже авторская рукопись безслѣдно исчезла. Такъ, успѣшно начатое изданіе многолѣтняго труда, состоящаго изъ 125 печатныхъ листовъ (2000 печатныхъ страницъ текста) въ который было вложено много силъ, усердія, большой научной освѣдомленности, эрудиціи и глубокаго проникновенія въ изучаемый предметъ, было прервано наканунѣ своего завершенія и остается до сихъ поръ недоведеннымъ до конца. Очень важная и основоположная глава исторіи литературы Галицкой, Карпатской и Буковинской Руси, и вмѣстѣ съ этимъ и исторіи всей общерусской литературы, остается еще незаполненной исторически вѣрнымъ, научно провѣреннымъ и установленнымъ, добросовѣстно документированнымъ и объективно изложеннымъ содержаніемъ.

Въ революціонной бурѣ, но при другихъ обстоятельствахъ, о которыхъ говориться въ дальнѣйшемъ, погибъ также и Карпаторусскій Музей, тщательно и заботливо составленный Ѳ. Ѳ. Аристовымъ, и постоянно и неутомимо пополняемый имъ. Это было чрезвычайно цѣнное собраніе уникальныхъ матеріаловъ: около пяти тысячъ рукописныхъ документовъ — автобіографій, воспоминаній, дневниковъ, записныхъ книжекъ, обширной переписки, литературныхъ произведеній и научныхъ трудовъ карпаторусскихъ писателей и ученыхъ; всей важнѣйшей печатной научной и художественной литературы о Галицкой, Карпатской и Буковинской Руси; художественно-иконографическихъ матеріаловъ по національно-культурному развитію, экономическому состоянію, этнографическому, географическому и архитектурному описанію края, статистическихъ данныхъ, діаграммъ, схемъ, картъ, фотографій, изображеній, портретовъ видныхъ писателей, ученыхъ, художниковъ и общественныхъ дѣятелей; научно-справочныхъ матеріаловъ по карпаторусской библіографіи и разныхъ другихъ свѣдѣній по исторіи этой древней русской окраины. Изученіе и научная обработка всѣхъ этихъ матеріаловъ составило содержаніе многочисленныхъ научныхъ работъ Ѳ. Ѳ. Аристова и въ частности его трехтомнаго труда «Карпаторусскіе писатели».

Общеизвѣстно, что во время русской революціи безсмысленно и преступно были уничтожены безчисленныя и невознаградимо драгоцѣнныя національныя сокровища, и среди нихъ богатѣйшіе библіотеки и архивы. Въ порывахъ слѣпыхъ и варварскихъ истребленій, помимо дикихъ и примитивныхъ революціонныхъ элементовъ и своекорыстныхъ отечественныхъ и иностранныхъ хищниковъ, особенно злостно дѣйствовали сознательные народные враги, хорошо понимавшіе значимость расхищаемыхъ и истребляемыхъ національныхъ русскихъ богатствъ. Къ счастью, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, усиліями благоразумныхъ людей, были спасены отъ уничтоженія остатки культурныхъ сокровищъ которыми сейчасъ гордится Россія и любуется все человѣчество. Хотѣлось бы надѣяться, что когда нибудь въ будущемъ, при разборѣ недоступныхъ еще для научнаго ознакомленія государственныхъ, и можетъ быть частныхъ, книжныхъ собраній и архивовъ, будутъ обнаружены пропавшая рукопись «Карпаторусскіе писатели» и матеріалы Карпаторусскаго Музея, если не полностью, то хотя бы частично. Невознаградимымъ ущербомъ для историческихъ научныхъ изслѣдованій была бы полная пропажа такого многообразнаго и богатаго собранія наглядныхъ свидѣтельствъ національнаго единства всей Руси — отъ Карпатъ и до Великаго океана.

Трудъ Ѳ. Ѳ. Аристова «Карпаторусскіе писатели», помимо своей научной цѣнности, имѣетъ еще и то большое значеніе для общерусской исторической науки, что впервые широко раскрываетъ передъ русскимъ обществомъ почти неизвѣстную ему захватывающую, красочную и героическую картину бережно собраннаго, внимательно изученнаго и правдиво описаннаго богатаго духовнаго и идейнаго содержанія жизни многомилліоннаго коренного населенія Галицкой, Карпатской и Буковинской Руси. Эта далекая русская окраина, въ теченіи многихъ столѣтій находилась въ насильственной оторванности и изолированности отъ единокровнаго русскаго народа, въ полной національной безпризорности, во власти враждебныхъ правительствъ и жестокой національной и религіозной угнетенности. Польское, австрійское, венгерское и румынское правительства и католическая іерархія, стремились ополячить, германизировать, мадьяризировать и окатоличить русскихъ людей всѣми средствами пропаганды, соблазна, обмана, принужденія, даже террора. И т.к. эти поставленныя цѣли все таки полностью не осуществлялись, то они старались хотя бы заразить русское населеніе гнилой идеей мѣстнаго, такъ называемаго украинскаго сепаратизма. Однако, такія и подобныя дѣйствія встрѣчали сознательное и рѣшительное національное и религіозное сопротивленіе въ широкихъ народныхъ кругахъ этихъ русскихъ областей, которое въ особенно возмутительныхъ случаяхъ насилія, выражалось въ народныхъ возстаніяхъ, часто потрясавшихъ юго-западную украину. Высокая религіозная стойкость и непоко-

лебимое сознаніе своей русской національности, являются характерными чертами народныхъ убѣжденій галичанъ, карпатороссовъ, и буковинцевъ, и въ первую очередь его лучшихъ представителей — писателей, ученыхъ и духовныхъ пастырей.

Такъ, помимо литературно-исторической цѣнности, трудъ Ѳ. Ѳ. Аристова «Карпаторусскіе писатели» пріобрѣтаетъ еще и дополнительную, большую и важную общественно-политическую значимость, особенно нужную въ настоящее время, такъ какъ вводитъ въ научный и культурный оборотъ литературныя произведенія, научные труды, публицистическія работы, многія біографическія, историческія и другія свѣдѣнія о художественной и культурной дѣятельности галичанъ, карпатороссовъ и буковинцевъ, проникнутой горячей любовью къ родному русскому народу, сыновной преданностью и крѣпкой вѣрой въ грядущее и уже нераздѣльное объединеніе своего обездоленнаго края съ общерусской родиной — Россіей. Эта мечта въ наши дни сбылась, однако не полностью, такъ какъ Лемковская и Пряшевская Русь еще остаются внѣ предѣловъ русской государственности. Крѣпкій, сознательный и неистребимый патріотизмъ русскаго населенія этой самой отдаленной западной русской украины, вноситъ отрезвляющую ясность въ безнадежную драму современнаго украинскаго сепаратизма, убѣдительно разоблачая и опровергая его нищую, вздорную и ложную сущность.

Большая научная цѣнность историко-литературнаго и общественно-политическаго матеріала представленнаго въ первомъ томѣ «Карпаторусскіе писатели», выдвигаетъ этотъ трудъ на уровень основного и необходимаго руководства для познанія правдивой исторіи Галичины, Карпатской и Буковинской Руси, не только для каждаго слависта, литературовѣда и историка, но и для всякаго, кто интересуется прошлымъ и настоящимъ русскаго народа. Для правильной оріентаціи читателей и яснаго пониманія своеобразія и особенностей галицкой, карпаторусской и буковинской литературы, Карпаторусское Литературное Общество считаетъ умѣстнымъ предварить трудъ Ѳ. Ѳ. Аристова краткой методологической статьей Ю. А. Яворскаго «Значеніе и мѣсто Закарпатья въ общей схемѣ русской письменности».

Къ культурнымъ богатствамъ народовъ, къ числу многихъ видовъ національнаго творчества, въ первую очередь относится КНИГА — вѣрная хранительница правдивой исторіи жизни, завѣтныхъ чаяній, всенародныхъ невзгодъ, страданій, надеждъ, радостей, достиженій, успѣховъ. Только черезъ КНИГУ полнѣе всего сохраняется неразрывная связь поколѣній, отъ праисторическихъ предковъ, до отдаленныхъ потомковъ, въ глуби предстоящихъ тысячелѣтій народной жизни. Только черезъ КНИГУ вѣрнѣе всего передается богатое духовное національное наслѣдство накопленное предками, для дальнѣйшаго совершенствованія въ творческомъ развитіи ихъ потомковъ. Только КНИГА сохраняетъ живой исто-

рію прошедшей жизни народовъ и намѣчаетъ пути ихъ дальнѣйшаго бытія. Но все это возможно только черезъ такую КНИГУ, которая составлена съ чистой совѣстью и безкорыстной цѣлью служить только ПРАВДѢ.

Такъ понимая КНИГУ, Карпаторусское Литературное Общество, въ порядкѣ выполненія намѣченной издательской программы, переиздаетъ фотомеханическимъ способомъ, первый томъ «Карпаторусскіе писатели» по московскому изданію 1916 года, одинъ изъ немногихъ экземпляровъ котораго сохранился въ книжномъ собраніи извѣстнаго слависта, историка, литературовѣда и этнографа Ю. А. Яворскаго, любезно предоставленнаго для настоящаго переизданія.

Въ виду того, что по счастливой случайности частично уцѣлѣли корректурные оттиски второго и третьяго томовъ «Карпаторусскіе писатели», что нѣкоторые главы изъ нихъ были уже опубликованы отдѣльными изданіями, и что сохранились нѣкоторые матеріалы Ѳ. Ѳ. Аристова, относящіеся къ этому его труду, имѣется реальная возможность возстановить пропавшій авторскій текстъ, если не полностью, то хотя бы въ основномъ своемъ содержаніи. Надо надѣяться, что эта задача будетъ успѣшно выполнена и тогда Карпаторусское Литературное Общество незамедлительно приступитъ къ изданію двухъ послѣднихъ томовъ «Карпаторусскіе писатели».

Карпаторусское Литературное Общество.

ЗНАЧЕНІЕ И МѢСТО ЗАКАРПАТЬЯ ВЪ ОБЩЕЙ СХЕМѢ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Изученіе исторіи единонаціональныхъ литературныхъ комплексовъ по частнымъ діалектическимъ группамъ или областямъ, поскольку лишь оно не путаетъ и не разсѣкаетъ живыхъ и органическихъ корней и нитей общаго имъ всѣмъ развитія и бытія, представляетъ въ общемъ самый раціональный и цѣлесообразный методъ для возможно точнаго и четкаго изслѣдованія и освѣщенія отдѣльныхъ составныхъ частей или явленій — и самихъ по себѣ, и въ общенаціональной ихъ концепціи, преемственности и связи. Особенно умѣстно и необходимо подобное, формально обособленное, изученіе въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-нибудь часть единаго національно-литературнаго цѣлаго въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени жила въ какихъ-нибудь особыхъ бытовыхъ, культурныхъ или политическихъ условіяхъ и такъ или иначе подвергалась вмѣстѣ съ этимъ соотвѣтственнымъ воздѣйствіямъ и искусамъ со стороны.

Такъ и литературное развитіе Закарпатской Руси, во тьмѣ вѣковъ оторванной отъ общенаціональной связи, все время находившейся подъ гнетомъ чуждой и ревнивой власти и подвергавшейся разнообразнымъ — мадьярскому, румынскому, южно-славянскому, чешскому и польскому — культурнымъ и языковымъ вліяніямъ, необходимо изучать, конечно, не въ непосредственной связи — не только съ общерусской, но и съ болѣе ей близкой малорусской письменностью вообще, а — въ формальномъ отношеніи — самодовлѣюще отдѣльно, какъ особую и въ высшей степени своеобразную ихъ часть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако же, необходимо тутъ-же и установить его удѣльное значеніе и мѣсто въ общихъ рамкахъ русской и, въ особенности, малорусской письменности, съ которою его тѣсно и неразрывно связываютъ, помимо національной принадлежности, не только общія основы и традиціи древнѣйшаго періода, но также, несмотря на многовѣковую отчужденность, и непрерывныя взаимныя сношенія въ послѣдующія времена.

Сообразно съ этими двумя главнѣйшими и основными положеніями, какъ вся старинная (до XIX-го вѣка), такъ и — частью — новая литература Закарпатской Руси (съ включеніемъ и нѣкоторыхъ однородныхъ письменныхъ явленій изъ ближайшей, прилегающей къ послѣдней, горной полосы по той — галицо-русской — сторонѣ Карпатъ) представляетъ, въ сущности, два разныхъ, явственно запечатлѣнныхъ, лика, въ общемъ образующихъ довольно сложную и нѣсколько причудливую смѣсь: съ одно стороны — она такъ непосредственно и плотно примыкаетъ къ общерусскому (и обще-малорусскому) литературному ядру, что можетъ съ полнымъ основаніемъ считаться просто лишь одной изъ областныхъ,

діалектическихъ его частей, съ другой-же — осложняется сторонними и инородными вліяніями и примѣшками въ такой изрядной степени, что ужъ какъ-будто въ ней сквозитъ особый, промежуточно образовавшійся, уклонъ и даже типъ.

Въ формальномъ отношеніи карпато-русская литература можетъ быть въ существенныхъ чертахъ раздѣлена на слѣдующіе четыре, гранями сквозящіе другъ въ другѣ, частные періода:

1. Древнѣйшій — подлинно славяно-русскій, приблизительно до конца XVI-го вѣка, почти исключительно еще въ предѣлахъ общерусскаго литературнаго наслѣдія и на традиціонномъ — съ мѣстными чертами — церковно-славянскомъ языкѣ.

2. Средній — за XVII-й и XVIII-й вѣка, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ народнаго нарѣчія и съ всевозможной примѣсью различныхъ инородныхъ элементовъ, главнѣйшимъ образомъ — изъ области учительной и назидательно-повѣствовательной литературы, которая, однако, въ то-же время существенно здѣсь пополнялась также и изъ общерусскихъ или малорусскихъ, неизбывно проникавшихъ извнѣ, рукописныхъ и печатныхъ книгъ; кромѣ этого, довольно широко распространились здѣсь въ означенный періодъ также полемическія сочиненія, какъ противъ католичества, такъ и протестантизма, чѣмъ, въ свой чередъ, карпаторусская литература ближайшимъ образомъ опять-таки вернулась все въ тотъ-же родственный духовно-національный кругъ.

3. Латинско-мадьярскій — съ половины XVIII-го до 40-хъ годовъ XIX-го вѣковъ, съ преимущественно этими двумя чужими языками въ сочиненіяхъ научнаго характера, хотя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ подспуднымъ продолженіемъ народно-письменной традиціи въ низахъ; съ нимъ совпадаетъ также приблизительно и оживленная литературная экспансія карпаторусскихъ выходцевъ въ Россіи и въ Галичинѣ, вся — разумѣется — на русскомъ языкѣ.

4. И, наконецъ, періодъ возрожденія — съ А. С. Духновича и его сподвижниковъ до нашихъ дней, съ естественнымъ и постепеннымъ пріобщеніемъ къ сокровищницѣ общерусской письменности и созданнаго ею языка.

Въ итогѣ же карпаторусская литература, въ особенности — средняго періода, отнюдь не такъ однообразна и бѣдна, какъ это представляется на первый взглядъ. Помимо многочисленныхъ и характерныхъ воспріятій и отображеній изъ чужихъ, сосѣднихъ языковъ, а также нѣкоторыхъ мѣстныхъ, самобытныхъ проявленій, обуславливающихъ ея своеобразный и особый типъ, она — съ естественными въ тѣхъ условіяхъ пробѣлами и опозданіями — все-таки отражаетъ также въ миніатюрѣ и всѣ главнѣйшіе этапы и теченія всерусскаго литературнаго развитія, являясь, такимъ образомъ, одной изъ отдаленныхъ и отсталыхъ, но, въ сущности, прямыхъ его вѣтвей.

Ю. А. Яворскій.

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ АРИСТОВЪ

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ АРИСТОВЪ

ПАНТЕЛЕЙМОНЪ ЮРЬЕВЪ.

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ АРИСТОВЪ

Опытъ литературной біографіи писателя и историка литературы.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ.

Опытъ литературной біографіи писателя и историка литературы.

> **«... Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще, кое-гдѣ отзовется какъ будто родное слово».**
>
> Н. В. Гоголь.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Предпринимаемое въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ новое изданіе классическаго труда профессора Ѳедора Ѳедоровича Аристова — **«Карпаторусскіе писатели»,** — вновь привлекаетъ наше вниманіе къ этому замѣчательному человѣку, неутомимому изслѣдователю, собирателю и историку.

Среди изслѣдователей русской литературы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ занимаетъ совершенно особое мѣсто. Онъ всецѣло посвятилъ себя изученію найменѣе извѣстному раздѣлу русской литературы, а именно — литературы Карпатской Руси.

Среди русскихъ литературовѣдовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ является тѣмъ человѣкомъ, который приложилъ много силъ и глубокаго вниманія, чтобы не только разсказать русской общественности о существованіи карпаторусской литературы, но и подчеркнуть ея кровныя, извѣчныя и нерушимыя связи съ литературой общерусской, въ найболѣе широкомъ значеніи этого понятія.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ заинтересовался вопросами карпато-русской и галицко-русской литературы не случайно. Интересъ ученаго къ творчеству галицко-русскихъ и карпаторусскихъ писателей и поэтовъ основанъ на глубокомъ пониманіи историческихъ процессовъ происходившихъ въ концѣ XIX и началѣ XX в.в. въ Галичинѣ и въ Карпатахъ, въ обстановкѣ австро-венгерскаго террора, жесточайшаго преслѣдованія всего, что русское. Исповѣданіе русскости въ тогдашнихъ условіяхъ было подлиннымъ подвигомъ, исторической миссіей русскаго зарубежнаго міра. И Аристовъ, — глубоко-идейный славянофилъ, выросшій и воспитанный въ традиціяхъ великой общерусской литературы, не могъ не обратить вниманія на новый для него самого, а въ Риссіи почти никому не извѣстный, міръ Карпатской Руси. Многовѣковая, полная оторванность Галицкой и Карпатской Руси отъ Россіи, привела къ тому, что въ Россіи почти ничего не знали о нуждахъ и запросахъ карпаторусскаго населенія.

Русское славянофильство, правда, стремилось къ оказанію помощи болгарамъ, черногорцамъ и сербамъ, къ отнюдь не символическому водруженію православнаго креста надъ святой Софіей. Но тѣ-же славянофилы ничего не знали о своихъ русскихъ, кровныхъ братьяхъ, проживающихъ тутъ-же, за межою русско-австрійскаго рубежа!

Русская имперія, презрительно называя Австро-Венгрію «лоскутной монархіей», даже и не подумывала объ оказаніи какой либо помощи русскому населенію проживавшему въ Галицкой и Карпатской Руси.

Отдѣльные карпаторусскіе дѣятели, находившіе себѣ пріютъ въ Россіи, быстро терялись въ общерусскомъ морѣ, не сумѣвъ привлечь симпатій Россіи къ русскому Зарубежью. Даже весна народовъ не пробудила интереса Россіи къ русскому населенію въ Австро-Венгріи, гдѣ они находились почти въ условіяхъ крѣпостного строя и постояннаго религіознаго, національнаго и классоваго угнетенія.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ занялся изученіемъ огромнаго литературнаго наслѣдства XIX столѣтія. Передъ нимъ оно не было систематизировано и изучено. Передъ молодымъ русскимъ литературовѣдомъ стояла огромная задача. Нужно было выявить, неоднократно спасая отъ гибели, литературные архивы уже умершихъ писателей и поэтовъ, навязать переписку съ живущими. Изученіе творчества XIX и начала XX вѣка необходимо было вести по первоисточникамъ, на основаніи оригинальныхъ изданій и публикацій печати, рукописей, воспоминаній, критическихъ отзывовъ современниковъ и т.п.

Достаточно сказать, подчеркивая значеніе задачи, поставленной Ѳ. Ѳ. Аристовымъ, что карпаторусская литература XIX вѣка была богаче чѣмъ, напримѣръ, сербская и болгарская литература прошлаго столѣтія вмѣстѣ взятыя!

Піонерскій характеръ труда предпринятаго Ѳ. Ѳ. Аристовымъ требовалъ спеціальныхъ усилій въ дѣлѣ собиранія необходимыхъ литературовѣдческихъ матеріаловъ. Болѣе того: карпаторусская и галицко-русская литература прошлаго вѣка издавалась малыми тиражами, книжки въ библіотекахъ зачитывались до отказа, ихъ всегда нехватало. Многихъ изданій Ѳ. Ѳ. Аристову такъ и не удалось пріобрѣсти, несмотря на усиленные розыски проводимые какъ имъ самимъ, такъ и лично заинтересованными авторами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ трудности, Ѳ. Ѳ. Аристову удалось собрать огромную библіотеку. Это было собраніе книгъ карпаторусскихъ и галицко-русскихъ поэтовъ и писателей, равнаго которому не имѣлось въ мірѣ. Особенно богато былъ представленъ отдѣлъ уникальныхъ рукописей и автографовъ. Даже трудно повѣрить, что подобное библіотечное собраніе могло являться результатомъ коллекціонированія только одного ученаго. А вѣдь приходилось преодолѣвать и денежныя и иные затрудненія. Нуж-

но знать, что трудъ проф. Ѳ. Ѳ. Аристова никѣмъ и никогда не былъ субсидированъ!

Проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ старался пріобрѣтать для своего музейнаго собранія различные экспонаты связанные съ жизнью и бытомъ Галицкой и Карпатской Руси, съ исторіей этихъ земель, съ творчествомъ галицко и карпато-русскихъ писателей и поэтовъ.

Собраніе проф. Ѳ. Ѳ. Аристова давало широкую картину о повседневной жизни населенія Карпатской Руси, и собранные имъ этнографическіе матеріалы имѣли большое научное значеніе.

Особенную цѣнность имѣла такъ называемая «Карпаторусская картотека», которую велъ Ѳ. Ѳ. Аристовъ. По его личному свидѣтельству, она насчитывала свыше 10.000 карточекъ и содержала краткую документацію его работъ и научныхъ изысканій въ области карпаторусской и галицко-русской литературы.

Къ сожалѣнію, картотека эта погибла вмѣстѣ со всѣми собраніями проф. Ѳ. Ѳ. Аристова, въ ломбардѣ, куда была передана на сохраненіе въ началѣ революціи.

Гибель этихъ матеріаловъ весьма затрудняла позднѣйшія востановительныя работы ученаго надъ его частично уцѣлѣвшими отрывками рукописей и корректурныхъ отпечатковъ.

Ѳ. Ѳ. Аристову приходилось неоднократно возвращаться къ востановленію безслѣдно утерянныхъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, не только онъ самъ, но и, послѣ его смерти, его дочь не смогли закончить востановительной работы.

Небольшая группа энтузіастовъ, знакомая съ трудами покойнаго профессора, ведетъ въ настоящее время работы тематически связанныя съ проблематикой карпаторусской либо галицко-русской литературы. Къ сожалѣнію, ихъ литературовѣдческіе поиски не объединены общимъ планомъ, единой цѣлью. Кромѣ того, даетъ знать о себѣ отсутствіе отчетливой формулировки основного вопроса: чѣмъ въ сущности говоря, является карпаторусская и галицко-русская литература для литературы общерусской?

Многіе изъ молодыхъ историковѣдовъ вынуждены разсматривать галицко-русскую и карпаторусскую литературу не какъ интегральную часть литературы общерусской. Эта, въ корнѣ ошибочная, установка является слѣдствіемъ того, что молодымъ ученымъ приходится считаться съ оффиціальнымъ подходомъ къ понятію «Украина».

Ѳ. Ѳ. Аристовъ твердо и непоколебимо стоялъ на почвѣ безоговорочнаго признанія общности историческихъ корней, единыхъ для всѣхъ вѣтвей русскаго народа. Въ одной изъ своихъ лекцій, прочитанныхъ въ 1915 году, Ѳ. Ѳ. Аристовъ подчеркивалъ кровную связь карпаторусской и галицко-русской вѣтвей единаго русскаго народа съ такъ называемой «Русью московской» потому, что Червоная Русь, — это извѣчно русская, прарусская земля, независимо отъ того, какъ кто ее называетъ.

Ѳ. Ѳ. Аристовъ съ большимъ преклоненіемъ относился къ дѣятелямъ эпохи карпаторусскаго возрожденія. Онъ подчеркивалъ ихъ достиженія на народней нивѣ, въ области просвѣщенія и культуры.

Мечтой Ѳ. Ѳ. Аристова было созданіе въ Россіи карпаторусскаго издательскаго фонда. Эта идея смогла быть имъ осуществлена только частично, когда ему въ началѣ первой міровой войны (1914-1916) удалось напечатать и выпустить въ свѣтъ нѣсколько книгъ сочиненій карпаторусскихъ и галицко-русскихъ писателей, а также рядъ біо-библіографическихъ очерковъ имъ посвященныхъ.

Говоря о дѣятельности проф. Ѳ. Ѳ. Аристова, нельзя не указать на то, что его рабочая установка, даже въ годы войны, далеко не совпадала съ оффиціальной точкой зрѣнія на Австрію, господствовавшей въ правительственныхъ кругахъ Россіи. Работа проф. Ѳ. Ѳ. Аристова, истиннаго демократа, человѣка передовыхъ взглядовъ, далеко не всюду встрѣчала должное пониманіе. Доходило даже до того, что проф. Ѳ. Ѳ. Аристову, при выпускѣ своихъ трудовъ, посвященныхъ вопросамъ карпатовѣдѣнія, приходилось преодолѣвать значительныя трудности.

Появленіе перваго тома «Карпаторусскихъ писателей» обратило на себѣ вниманіе не только въ кругахъ спеціалистовъ, но и въ болѣе широкихъ слояхъ русской интеллигенціи. О книгѣ не только заговорили, ее расхватали съ полокъ книжныхъ магазиновъ Москвы.

Почти шестьдесять лѣтъ отдѣляетъ появленіе новаго изданія труда проф. Ѳ. Ѳ. Аристова отъ времени, когда онъ впервые вышелъ изъ печати. Теперь новое изданіе «Карпаторусскихъ писателей выходитъ не въ Россіи, а въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, и на этотъ разъ, несомнѣнно, будетъ встрѣченъ читателями съ не меньшимъ интересомъ, чѣмъ первое его изданіе. Трудъ проф. Аристова является именно той книгой, неимѣніе которой въ книжномъ обращеніи ощущается особенно остро во всемъ русскомъ мірѣ. Онъ представляетъ собой то звено, которое соединило разрозненную цѣпь единаго историческаго развитія общерусской культуры, выявленнаго въ литературныхъ и научныхъ трудахъ русскихъ людей, раздѣленныхъ между собой временемъ и государственными границами.

Предлагаемый томъ представляетъ собою какъ-бы законченную цѣлостность. Онъ даетъ богатый фактическій и литературовѣдческій матеріалъ по исторіи карпаторусской литературы и въ этомъ его самая главная, основная, непреходящая цѣнность.

Огромное значеніе переизданія книги проф. Ѳ. Ѳ. Аристова заключается также въ томъ, что, благодаря перепечаткѣ, замѣчательная эта книга сохранится для потомства. Насколько извѣстно, отъ ея перваго изданія сохранились только единичные экземпляры. А книги этого рода не могутъ, не имѣютъ права быть преданными народному забвенію!

Думается, что для читателя большое значеніе имѣетъ предвареніе новаго изданія «Карпаторусскихъ писателей» вступительной статьей разсказывающей о работахъ проф. Ѳ. Ѳ. Аристова въ области изученія карпаторусской и галицко-русской литературы, о его собраніяхъ и коллекціяхъ, объ ихъ трагической судьбѣ.

МАТЕРІАЛЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ЖИЗНИ И КЪ РАБОТАМЪ Ѳ. Ѳ. АРИСТОВА.

Жизни и работамъ замѣчательнаго знатока карпаторусской и галицко-русской литературы, — Ѳ. Ѳ. Аристова, посвященъ рядъ статей, какъ равно информаціонныхъ замѣтокъ, въ энциклопедіяхъ, журналахъ и другихъ изданіяхъ.

Къ основнымъ (въ смыслѣ ихъ относительной полноты) работамъ слѣдуетъ отнести прежде всего біографію Ѳ. Ѳ. Аристова, изданную въ 1930 году въ Ужгородѣ журналомъ «Карпатскій Свѣтъ». Брошюра издана отдѣльнымъ оттискомъ къ XXV-лѣтію научной дѣятельности карпатовѣда. Ея титулъ: «П. Ѳедоръ: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ». Девять лѣтъ спустя послѣ выхода этой брошюры въ свѣтъ въ варшавскомъ журналѣ «Лукошко», въ номерѣ 18 (1939 г.), появился біографическій очеркъ Семена Витязевскаго (стр. IV-XII), «Историкъ карпаторусской литературы Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ». Двадцатью годами позже, въ Гіряшевѣ въ журналѣ «Дукля» въ номерѣ первомъ за 1950 годъ, на страницахъ 101-108 были опубликованы «Замѣтки о проф. Ѳ. Ѳ. Аристовѣ», написанныя совмѣстно его дочерью Татьяной Ѳ. Аристовой и проф. Василіемъ Ваврикомъ. Авторъ настоящихъ строкъ, П. В. Юрьевъ опубликовалъ въ изданномъ имъ въ 1939 г: въ Парижѣ, въ самый канунъ войны, литографскимъ способомъ сборникѣ «Карпатская Русь» (выпускъ 1), на страницахъ 79-82, статью «Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ», въ которой много мѣста было посвящено изложенію его научной дѣятельности. Татьяна Аристова и Василій Ваврикъ, еще разъ посвятили обширную статью «Ѳ. Ѳ. Аристовъ» памяти покойнаго ученаго. Эта обстоятельная информація о жизни и трудахъ проф. Ѳ. Ѳ. Аристова была напечатана въ 27 выпускѣ «Краткихъ сообщеній Института Славяновѣдѣнія АН СССР» (стр. 87-93), выходящихъ въ Москвѣ. Публикація появилась въ 1959 году.

Воспоминаніямъ о своемъ отцѣ посвятила свою статью «О моемъ отцѣ» Татьяна Ѳедоровна Аристова въ апрѣлѣ 1960 года, напечатанной на страницахъ журнала «Русскій голосъ» (IV, 8-9). На страницахъ этого же періодическаго изданія, въ 1958 году, въ номерѣ 21, была напечатана статья, посвященная 70-лѣтію со дня рожденія Ѳ. Ѳ. Аристова: «Замѣчательный ученый». Статья, написанная проф. В. Р. Ваврикомъ, была подписана псевдонимомъ А. Зваричъ.

САТЕНИКЪ ЮСИПОВНА АРИСТОВА, ур. Авакимякъ
Художница-скульпторъ, своей рукой на первой
странице этой книги увековечила обликъ
Карпато-русскихъ писателей.

Информаціонныя замѣтки встрѣчаемъ въ «Малой совѣтской экциклопедіи» (томъ I, стр. 509) третьяго изданія 1958 г., въ «ЛЭ» — Краткой литературной энциклопедіи, томъ I, страницы 296-297, и въ нѣкоторыхъ другихъ энциклопедіяхъ.

Слѣдуетъ указать, что въ 1914-1915 гг. фотографіи Карпато-русскаго музея были напечатаны въ еженедѣльникахъ «Всемірная панорама», «XX вѣкъ». Цитирую по памяти, т.к. соотвѣтствующихъ номеровъ подъ рукой въ данное время не имѣю.

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ Ѳ. Ѳ. АРИСТОВА.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ родился 14 октября 1888 года въ городѣ Варнавино Костромской губерніи. Отецъ его — Ѳедоръ Ивановичъ Аристовъ былъ заслуженнымъ врачемъ, извѣстнымъ профессоромъ медицинскихъ наукъ, человѣкомъ обширныхъ культурныхъ и общественныхъ горизонтовъ, человѣкомъ передового образа мышленія.

Также и мать будущаго ученаго Александра Александровна Аристова, урожденная Кубинская, была всесторонне образованной женщиной, большой начитанности.

Въ воспитаніи мальчика большую роль сыграла старшая сестра Марія Ѳедоровна Аристова, — его первая учительница. Это она учила брата первымъ шагамъ въ области русскаго языка, подготовила маленькаго Ѳедю къ поступленію въ кадетскій корпусъ.

Среднее образованіе Ѳедоръ Ѳедоровичъ получилъ въ Первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, — высшее образованіе на экономическомъ факультетѣ Московскаго коммерческаго института и на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго государственнаго университета.

Въ первую міровую войну Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ пошелъ рядовымъ солдатомъ. Позже, по окончаніи Александровскаго военнаго училища, онъ былъ оставленъ при немъ на краткое время въ качествѣ курсового офицера, а затѣмъ снова пошелъ на фронтъ.

Демобилизировался уже послѣ октябрьскаго переворота, и всецѣло посвятилъ себя научной и преподавательской дѣятельности. Объ отдѣльныхъ этапахъ его жизни и его трудахъ мы разсказываемъ на послѣдующихъ страницахъ нашего очерка.

Скончался въ возрастѣ 44 лѣтъ 5 ноября 1932 года.

Его перу принадлежитъ свыше 200 работъ по славяновѣдѣнію и около тысячи замѣтокъ, посвященныхъ славяновѣдѣнію и востоковѣдѣнію.

Жизнь его складывалась трагически: ему пришлось пережить утрату своихъ безцѣнныхъ научныхъ собраній, гибель своихъ научныхъ работъ.

Въ его работахъ вѣрной помощницей была его жена (художница-скульпторъ) Сатеникъ Іосифовна Аристова, ур. Авакимянъ.

КАРПАТОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Говоря о Өедорѣ Өедоровичѣ Аристовѣ мы прежде всего видимъ въ немъ автора важнѣйшей работы, написанной имъ по исторіи карпаторусской литературы, — «Карпаторусскіе писатели».

Этотъ обширный трехтомникъ явился своеобразной литературной сенсаціей своего времени. Впервые россійскій читатель получилъ возможность познакомиться съ карпаторусскими писателями, поэтами и учеными, о существованіи которыхъ онъ до появленія труда Ө. Ө. Аристова имѣлъ весьма смутное понятіе, либо не зналъ ничего.

Въ составъ трехтомника входили литературовѣдческіе матеріалы о слѣдующихъ писателяхъ, поэтахъ и ученыхъ:

Въ томѣ первомъ, который Ө. Ө. предварилъ интереснѣйшимъ очеркомъ по исторіи Карпатской Руси, было разсмотрено творчество Д. И. Зубрицкаго, А. В. Духновича, Н. Л. Устіановича, Я. Ө. Головацкаго, И. И. Раковскаго, А. И. Добрянскаго-Сачурова, А. С. Петрушевича и И. Н. Гушалевича.

Только этотъ томъ появился въ печати. Два послѣдующихъ были сданы въ типографію, набраны, но въ печать уже, въ вихрѣ революціонныхъ событій, и прежде всего по причинѣ неимѣнія въ типографіяхъ бумаги, не поступили.

Во второмъ томѣ разсказывалось о творческихъ путяхъ И. Г. Наумовича, Б. А. Дѣдицкаго, И. И. Шараневича, В. Д. Залозецкаго, о. Анатолія Кралицкаго, И. А. Сильвая, В. И. Хиляка, Е. А. Фенцика, Ф. И. Свистуна, О. А. Маркова, Г. И. Купчанко, В. О. Шавинскаго и А. А. Полянскаго.

Третій томъ содержалъ матеріалы, посвященные О. А. Мончаловскому, В. Ө. Луцыку, И. И. Процыку, Д. А. Маркову, Д. Н. Вергуну, Ю. А. Яворскому, М. Ө. Глушкевичу.

Этотъ томъ заканчивался исторіей общерусской литературы въ Карпатской Руси.

Два послѣднихъ тома сохранились въ гранкахъ въ семейномъ архивѣ Т. Ө. Аристовой, но только частично. Отдѣльно были опубликованы раздѣлы второго тома, говорящіе о Наумовичѣ, Дѣдицкомъ, Шараневичѣ, Залозецкомъ, Кралицкомъ и Полянскомъ; изъ третьяго тома — раздѣлы о Вергунѣ, Яворскомъ и Глушкевичѣ.

Т. Ө. Аристова прилагаетъ всѣ усилія къ возстановленію матеріаловъ своего отца. Къ сожалѣнію, она и въ настоящее

время въ значительной степени оторвана отъ необходимыхъ ей при возстановительной работѣ — источниковъ. Вѣдь уникальная библіотека Ѳ. Ѳ. Аристова погибла въ 1917 году!

Вопросъ переизданія второго и третьяго тома «Карпаторусскихъ писателей» имѣетъ огромное значеніе. Возстановительныя работы необходимо продолжать и непремѣнно довести ихъ до конца!

Въ принципъ трехтомнаго труда Ѳ. Ѳ. Аристова возведена идея общерусскаго культурнаго единства, а прежде всего единство историческихъ истоковъ и культурныхъ устремленій Буковинской, Галицкой и Угорской Руси.

Ѳ. Ѳ. Аристовъ всегда горячо отстаивалъ и защищалъ идею всерусскаго культурнаго единства. Такое пониманіе единства было для него основоположнымъ для опредѣленія карпаторусской литературы, какъ составной части общерусской литературы.

Именно поэтому Ѳ. Ѳ. Аристовъ придавалъ такое большое значеніе своей заключительной статьѣ въ третьемъ томѣ «Карпаторусскихъ писателей», говорящемъ объ исторіи общерусской литературы въ Карпатской Руси.

Послѣ смерти Ѳ. Ѳ. Аристова этой темѣ посвятилъ рядъ своихъ работъ извѣстный галицко-русскій литературовѣдъ Василій Романовичъ Ваврикъ.

Насколько автору этихъ строкъ извѣстно, въ настоящее время нѣсколько молодыхъ ученыхъ предприняли работу въ области тематики предусмотренной программой содержанія второго и третьяго томовъ «Карпаторусскихъ писателей» Ѳедора Ѳедоровича Аристова.

Выходъ въ свѣтъ перваго тома «Карпаторусскихъ писателей» произвелъ огромное впечатлѣніе, какъ среди читающей публики, такъ и въ ученыхъ кругахъ. Книга моментально исчезла съ полокъ книжныхъ магазиновъ, ее раскупили въ теченіе нѣсколькихъ дней, а въ нѣкоторыхъ книжныхъ лавкахъ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ!

Россійская Академія Наукъ удостоила трудъ Ѳ. Ѳ. Аристова высокой ученой наградой, — такъ называемой Шахматовской преміей. Первому тому «Карпаторусскихъ писателей» посвятили свои отзывы такіе солидные органы печати, какъ «Историческій вѣстникъ» (въ номерѣ 4 за 1917 годъ), «Русская Свобода» (Петроградъ, 1917, номеръ 22-23). Сочувственные отзывы дали такіе ученые, какъ К. Я. Гротъ, А. Л. Погодина, Ѳ. И Свистунъ, М Н Сперанскій, А. И. Покровскій, Ю. А. Яворскій и цѣлый рядъ другихъ.

Проф. А. И. Покровскій, на страницахъ газеты «Утро Россіи», выходившей въ Москвѣ, посвятилъ «Карпаторусскимъ писателямъ» большую статью подъ заглавіемъ «Во славу Руси подъяремной». Эта статья была признаніемъ огромныхъ, неоцѣнимыхъ заслугъ проф. Ѳ. Ѳ. Аристова.

А-24

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ АРИСТОВЪ И ЕГО УЧАСТІЕ ВЪ РАБОТАХЪ ОБЩЕСТВА «СЛАВІЯ».

Глубокая преданность Ѳедора Ѳедоровича Аристова славянской идеи и великому дѣлу объединенія славянъ, а въ частности русскихъ племенъ и народностей, красной нитью проходитъ черезъ всю жизнь замѣчательнаго ученаго.

Мы уже указывали, что Ѳ. Ѳ. Аристовъ былъ славянофиломъ активнымъ, глубоко изучившимъ такъ называемый славянскій вопросъ. Его славянизмъ не являлся отвлеченной, мертвой, схоластической доктриной. Въ отличіе отъ многихъ другихъ ученыхъ славянофиловъ, онъ въ славянскомъ движеніи видѣлъ прежде всего извѣчную историческую правду, — стремленіе всѣхъ славянскихъ народовъ къ сліянію въ могучемъ руслѣ славянства.

Вполнѣ понятно, что интересуясь историческими судьбами славянскихъ народовъ, порабощенныхъ вѣковыми угнетателями ихъ національной независимости, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ въ первую очередь обращалъ свои взгляды на зарубежную Русь, обладавшую не только общими съ русскимъ народомъ истоками, но также и высоко-развитой, русской по своему духу и содержанію, культурой.

Когда началась первая міровая война, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ «ура патріотовъ». Ѳ. Ѳ. Аристовъ никогда не шелъ на поводу великодержавныхъ идей. Его славянофильство шло изъ глубокаго пониманія тѣхъ историческихъ процессовъ, которые неизбѣжно долженствовали привести къ торжеству національнаго освобожденія, къ торжеству славянскихъ національныхъ культуръ, что, какъ мы всѣ знаемъ, и произошло въ первой половинѣ и въ серединѣ XX столѣтія. Именно поэтому Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ, съ молодыхъ лѣтъ, стремился не только изучать культурное наслѣдство, культурныя цѣнности отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, но и находить въ ихъ сокровищницахъ то общее, что позволяетъ намъ говорить о существованіи единой, замѣчательно богатой общеславянской культуры.

Необходимо указать, что во времена Ѳ. Ѳ. Аристова славянофильство уже не было тѣмъ, чѣмъ являлось въ болѣе раннѣе время. Интересъ къ славянству въ русской общественности былъ настолько великъ, что могли выходить и то, для своего времени, отнюдь не малыми тиражами, такіе журналы какъ «Славянскій міръ» В. П. Турбы, «Извѣстія славянскаго общества» и «Славянскія из-

вѣстія» редактируемые В. В. Комаровымъ, какъ «Славянское обозрѣніе» А. С. Будиловича, «Славянская корреспонденція» И. А. Пузыревскаго.

Доктриной, господствовавшей въ тогдашнихъ славянофильскихъ кругахъ, являлась всемірная историческая роль русскаго народа въ дѣлѣ національнаго освобожденія славянскихъ народовъ, вліяніе такъ называемаго «военнаго» теченія въ основѣ котораго лежалъ еще санктъ-петербургскій журналъ «Славянинъ», выходившій въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, какъ приложеніе къ популярной газетѣ «Русскій инвалидъ».

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ отрицалъ въ славянофильствѣ всѣ элементы панславизма, порицалъ выступавшіе въ концѣ XIX столѣтія въ русскомъ славянофильствѣ элементы великодержавности. Для него славянофильство являлось не столько литературной школой создавшейся около половины тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, сколько конкретной общественно-политической и культурной программой.

Отсюда и расхожденіе славянофильскихъ взглядовъ Ѳ. Ѳ. Аристова съ такъ называемымъ «оффиціальнымъ» славянофильскимъ курсомъ.

Въ своихъ докладахъ и рефератахъ посвященныхъ проблематикѣ славянства Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ исходилъ изъ конкретныхъ установокъ и явленій существовавшей дѣйствительности. Славянофильскія тенденціи и устремленія Хомякова, Киреева, Шишкова и Аксакова — были для Ѳ. Ѳ. Аристова уже далекой исторіей, глухой стариной. Славянизмъ Ѳ. Ѳ. Аристова искалъ новыхъ путей, новыхъ формъ общеславянскаго общенія весьма далекихъ отъ первоначальныхъ традицій славянофильства и болѣе поздняго панславизма.

Воспитанный въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ не воспринялъ господствовавшей въ военной средѣ того времени точки зрѣнія на славянскій вопросъ. Его интересовала только проблематика освобожденія порабощенныхъ славянскихъ народовъ.

Страсть къ славянству, огромная любовь къ богатымъ источникамъ славянской культуры не могли въ конечномъ результатѣ не привести Ѳедора Ѳедоровича къ его основной тематикѣ, — къ темѣ Карпатской, Закарпатской и Галицкой Руси.

Говоря о заинтересованности Ѳедора Ѳедоровича Аристова карпаторусской проблематикой надо указать, что работа проводимая имъ велась въ отрывѣ отъ оффиціальныхъ, такъ сказать, «правительственныхъ» каналовъ. Получать необходимые матеріалы, вести переписку съ подъяремной Русью особенно въ годы непосредственно предшествовавшіе первой всемірной войнѣ, было дѣломъ далеко не легкимъ. Корреспондентамъ Ѳ. Ѳ. Аристова, въ условіяхъ австро-венгерской полицейской системы вѣчнаго сыска и подозрѣнія каждаго русскаго подданнаго двуединой импе-

ріи въ государственной измѣнѣ, приходилось вести свою переписку съ русскимъ ученымъ далеко не въ нормальной обстановкѣ.

Все это однако не сломило энергіи Ѳ. Ѳ. Аристова, — онъ неутомимо собиралъ всѣ матеріалы такъ необходимые для его работъ по карпаторусскому вопросу.

Ѳедору Ѳедоровичу Аристову исполнилось всего двадцать лѣтъ, когда онъ выступилъ въ Москвѣ съ идеей созданія студенческаго общества «Славія». Въ 1908 году «Славія» начинаетъ свою оживленную дѣятельность. Если мы примемъ во вниманіе, что молодое студенческое общество возникло какъ разъ въ тотъ періодъ, когда, послѣ подавленія первыхъ въ Россіи революціонныхъ вспышекъ, начинала торжествовать реакція и студенческая жизнь была взята подъ пристальное наблюденіе охранки, то поймемъ какихъ усилій потребовало отъ организаторовъ «Славіи» созданіе новаго общества. Не приходится удивляться, что общество подверглось, несморя на явный характеръ своей дѣятельности, закрытію. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ — душа и руководитель «Славіи» — оставался предсѣдателемъ Общества отъ момента его возникновенія до закрытія. Дѣятельность Ѳ. Ѳ. Аристова въ студенческомъ обществѣ «Славія» не можетъ быть предана нами забвенію хотя бы уже только потому, что на собраніяхъ этого общества молодой ученый выступалъ уже передъ студенческой аудиторіей съ интересными, блестяще документированными докладами о Карпатской Руси. Эти доклады слушались молодежью съ большимъ интересомъ и сопровождались широкимъ обсужденіемъ.

Въ заслугу студенческаго общества «Славія» нужно отнести и то, что оно, руководимое Ѳ. Ѳ. Аристовымъ, рѣшительно порвавъ съ такъ называемымъ «традиціоннымъ» славянофильствомъ и идеями панславизма, обратило въ тоже время вниманіе русской общественности на существованіе, нужды и національныя стремленія населенія Карпатской и Галицкой Руси.

Въ настоящее время трудно установить, что именно явилось причиной закрытія студенческаго общества «Славія», но можно полагать, что оно было вызвано внѣшними причинами — недовольствомъ университетскихъ властей политической линіей общества.

Обстановка однако быстро мѣнялась въ пользу сторонниковъ славянской идеи. Война на Балканахъ, борьба славянскихъ народовъ съ турецкимъ игомъ, снова пробудили славянофильскія настроенія. Въ этихъ условіяхъ начинаетъ работать политическое общество «Славія», возникшее какъ мы можемъ догадываться на базѣ ликвидированнаго студенческаго общества дѣйствовавшаго по той-же программѣ и подъ такимъ же названіемъ. Въ новомъ обществѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ занялъ постъ генеральнаго секретаря и фактически руководилъ всей работой — какъ издательской такъ и лекціонной. Въ новомъ обществѣ Ѳ. Ѳ. Аристовъ двоился и троился организуя доклады не только въ самой Москвѣ, но

и въ другихъ городахъ. Доклады Ѳ. Ѳ. Аристова пользовались большимъ успѣхомъ и ихъ нерѣдко приходилось повторять. Много шуму въ Москвѣ надѣлало знаменитое письо Л. Н. Толстому адресованное отъ имени «Славіи» и написанное Ѳ. Ѳ. Аристовымъ. Какъ вспоминаетъ о своемъ отцѣ Т. Ѳ. Аристова, онъ принималъ дѣятельное участіе въ работѣ многочисленныхъ славянскихъ организацій, созданныхъ при его ближайшемъ содѣйствіи, въ томъ числѣ въ Галицко-русскомъ обществѣ, Славянскомъ вспомогательномъ обществѣ, Обществѣ имени Яна Гуса, Словацко-русскомъ обществѣ имени Л. Штура, Русско-хорватскомъ обществѣ имени Крижанича и др.

Такъ широко развернутая дѣятельность не мѣшала Ѳ. Ѳ. Аристову принимать въ тоже время самое дѣятельное участіе въ «Всероссійскомъ попечительствѣ о плѣнныхъ славянахъ» гдѣ онъ занималъ постъ секретаря московскаго отдѣленія этого общества, руководя, какъ секретарь, организаціей «общеславянскихъ трапезъ».

Объ этихъ «Общеславянскихъ трапезахъ» имѣемъ информацію С. К. Родіонова который на страницахъ московскаго журнала «Славянское объединеніе» (въ номерѣ первомъ 1915 года) писалъ въ статьѣ: «Идейныя основы общеславянскихъ трапезъ въ Москвѣ»:

«Съ наступленіемъ великой войны среди московскихъ славянофиловъ возникла мысль о необходимости возможно частаго и полнаго обсужденія славянскаго вопроса, чтобы тѣмъ самымъ объяснить русскому образованному обществу значеніе роли России въ славянскомъ мірѣ. Такимъ славянскимъ собраніямъ было рѣшено придать характеръ трапезъ, на которыхъ могли бы объединиться для дружной работы члены московскихъ славянскихъ обществъ. На каждой трапезѣ поручено Ѳ. Ѳ. Аристову читать докладъ по славянскому вопросу, послѣ чего происходитъ обмѣнъ мнѣній. Чтобы рѣчи участниковъ не пропадали безслѣдно и могли служить матеріаломъ для разрѣшенія славянскаго вопроса, издается спеціальный двухнедѣльный журналъ «Славянское Объединеніе».

Напомнимъ здѣсь, что редакторомъ этого журнала былъ тотъже неутомимый Ѳ. Ѳ. Аристовъ.

Въ серіи книжечекъ «Славянская дума» издававшихся книгоиздательствомъ «Славія» вышелъ рядъ работъ и самого Ѳ. Ѳ. Аристова. Въ частности его перу принадлежали «Галицко-русскіе писатели», вышедшіе въ свѣтъ въ 1911 году и явившіеся предвѣстникомъ его трехтомнаго фундаментальнаго изслѣдованія подъ тѣмъ же самымъ названіемъ.

Работа въ обществѣ «Славіи» — одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ біографіи замѣчательнаго русскаго историка карпаторусской литературы.

Ѳ. Ѳ. АРИСТОВЪ, КАКЪ ЛЕКТОРЪ-ПРОПАГАНДИСТЪ КАРПАТОВѢДѢНІЯ.

Профессоръ Ѳ. Ѳ. Аристовъ обладалъ незауряднымъ даромъ краснорѣчія. Его выступленія съ докладами или съ научными лекціями неизмѣнно привлекали многочисленныхъ слушателей. Даромъ краснорѣчія Ѳ. Ѳ. Аристовъ обладалъ съ молодыхъ лѣтъ, когда, будучи еще студентомъ, выступалъ съ публичными лекціями въ студенческомъ обществѣ «Славія».

Къ лекціонной работѣ его привлекло впервые литературное объединеніе, созданное преподавателями и учениками Московскаго кадетскаго корпуса. Еще въ корпусѣ Ѳ. Ѳ. Аристовъ читалъ своимъ одноклассникамъ доклады на тему славянскихъ литературъ, уже тогда показывая свои глубокія знанія.

Ѳ. Ѳ. Аристовъ былъ хорошимъ педагогомъ. Онъ умѣлъ разсказывать обо всемъ интересно и содержательно. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ лекторовъ. Гдѣ онъ только не выступалъ со своими лекціями и докладами! Безъ его «вступительныхъ словъ» не имѣли бы своей прелести московскія «общеславянскія трапезы». А каждое такое «вступительное слово» было ничѣмъ инымъ, какъ обширной, очередной информаціей, преимущественно на карпаторусскую тему.

Какъ лекторъ, Ѳ. Ѳ. Аристовъ выступалъ въ Москвѣ, въ Закавказьѣ, въ Черноморской полосѣ. Въ Ѳеодосіи являлся лекторомъ мѣстнаго Народнаго университета, потомъ читалъ лекціи на военныхъ курсахъ для команднаго состава. Въ августѣ 1922 г. былъ освобожденъ отъ военной службы и переведенъ на педагогическую работу въ Москву. Въ Москвѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, до дня своей смерти, читалъ лекціи на Промышленно-экономическихъ курсахъ, въ Московскомъ Государственномъ Униреритетѣ, въ Московскомъ Институтѣ Журналистики, въ Московскомъ Институтѣ Востоковѣдѣнія и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Курсъ лекцій былъ посвященъ главнымъ образомъ вопросамъ славяновѣдѣнія. Въ частности Ѳ. Ѳ. Аристовъ читалъ по славянскому вопросу лекціи и доклады въ Московскомъ лекціонномъ бюро, которое организовывало лекціи Ѳ. Ѳ. Аристова также и во многихъ крупныхъ городахъ Россіи.

Послѣ смерти ученаго, въ домашнемъ архивѣ семьи Аристовыхъ сохранились многочисленные конспекты лекцій, читанныхъ имъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Галицко-русскій поэтъ Маріанъ Глушкевичъ, лично знавшій Ѳ. Ѳ. Аристова, разсказывалъ въ свое время во Львовѣ, на вечерѣ организованномъ студенческимъ обществомъ «Другъ», о поразительной способности ученаго увлекать аудиторію, о чемъ бы онъ не разсказывалъ. Но, отмѣчалъ М. Ф. Глушкевичъ, особенно талантливо говорилъ Аристовъ о своихъ карпаторусскихъ друзьяхъ. Онъ вдохновенно преображался. Въ немъ тогда можно было видѣть черты вдохновеннаго трибуна.

А-29

КАРПАТОРУССКІЙ МУЗЕЙ Ѳ. Ѳ. АРИСТОВА.

Карпаторусскій музей, созданный въ Москвѣ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Аристовымъ, — это наиболѣе трагическія страницы въ его біографіи.

Огромный трудъ, продѣланная ученымъ почти единолично, гигантская работа по собиранью богатѣйшихъ и притомъ уникальныхъ, не имѣющихъ цѣны коллекцій и собраній, былъ высоко оцѣненъ современниками. До нашихъ дней, къ сожалѣнію, Карпаторусскій музей не сохранился. Его трагическая судьба до сегодняшняго дня остается неразрѣшенной загадкой.

Предпринятые въ свое время розыски, хотя и велись по сравнительно еще свѣжимъ слѣдамъ, не принесли желательныхъ результатовъ. Загадка судьбы Карпаторусскаго музея остается до сегодняшняго дня неразрѣшенной.

Карпаторусскій музей экспонировалъ богатѣйшіе историческіе матеріалы, собранные Ѳ. Ѳ. Аристовымъ еще передъ первой міровой войной и значительно пополненные въ 1914-1915 г.г. Хотя документація этого музея до нашихъ дней не сохранилась, все-же о характерѣ музейныхъ собраній и даже отдѣльныхъ экспонатовъ можно судить по отдѣльнымъ, отрывочнымъ даннымъ. В. Р. Ваврикъ упоминаетъ, въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ проф. Ѳ. Ѳ. Аристову, что начало музею было положено въ 1907 году. Еще будучи студентомъ и активнымъ дѣятелемъ студенческой организаціи «Славія», Ѳ. Ѳ. Аристовъ приступилъ къ собиранію своей замѣчательной коллекціи.

Московская газета «Вечернія извѣстія» писала, въ номерѣ отъ 26 марта 1923 г., въ статьѣ, посвященной этому музею:

— «. . . единственный въ своемъ родѣ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, Карпаторусскій музей Ѳ. Ѳ. Аристова въ Москвѣ. Въ музеѣ находились рѣдчайшія письма и рукописи выдающихся славянскихъ писателей и ученыхъ, множество книгъ не имѣвшихся даже въ библіотекахъ Россійской Академіи Наукъ, Румянцевскаго и Историческаго музеевъ, а также въ заграничныхъ книгохранилищахъ».

Т. Ѳ. Аристова, дочь покойнаго профессора, свидѣтельствуетъ, что въ Музеѣ находились богатѣйшіе, нигдѣ не опубликованные, матеріалы историческаго значенія.

Московскія «Вечернія извѣстія» въ выше цитируемомъ нами номерѣ сообщали, что въ Музеѣ, среди иныхъ матеріаловъ, находилось до ста тысячъ отпечатанныхъ портретовъ (цѣлая систематически подобранная галерея). Важнѣйшую часть Музея составляла библіотека съ огромнымъ отдѣломъ рукопи-

сей. Только незначительная часть этихъ рукописей (всего собраніе насчитывало свыше пяти тысячъ рукописей), была опубликована въ трудахъ Ѳ. Ѳ. Аристова. Рукописи имѣли уникальный, неповторимый характеръ, — это были оригинальныя рукописи карпато-русскихъ и галицко-русскихъ писателей, поэтовъ, ученыхъ и будителей-просвѣтителей. Дневники, записныя книжки и т.п. экспонаты, богатое собраніе писемъ и другихъ документовъ, — все это безслѣдно пропало.

Библіотека включала въ себѣ всю литературу (печатную), какъ о Карпатской Руси, такъ и изданную карпатороссами и галицкими русскими. Это было уникальное книжное собраніе. Съ богатствомъ и количествомъ собранныхъ въ ней трудовъ по Карпатовѣдѣнію, съ библіотекой музея не могла бы сравниться ни одна другая библіотека въ мірѣ! О библіотекѣ Ѳ. Ѳ. Аристова свидѣтельствуетъ И. А. Пытинъ, что она открывала передъ молодыми учеными совершенно новые горизонты.

Иконографическій отдѣлъ Музея представлялъ собою огромное количество фото-снимковъ, гравюръ, рисунковъ, репродукцій, и даже нѣкоторое количество картинъ и портретовъ писанныхъ масляными красками. Коллекція была тематически связана съ настоящимъ и прошлымъ Карпатской и Галицкой Руси. Особенно важны были портреты виднѣйшихъ карпаторусскихъ дѣятелей, литераторовъ, ученыхъ, виды городовъ и деревень, снимки старинныхъ церквей и т.п. Отдѣльный подъотдѣлъ составляли карты, схемы и діаграммы.

Аннотированная картотека помогала посѣтителямъ Музея пользоваться его богатыми собраніями. Значеніе этой картотеки выходило изъ рамокъ своего основного предназначенія. Она фактически представляла собою краткую энциклопедію Карпатовѣдѣнія.

Въ 1914-1915 году Музей пополнился этнографическими экспонатами: предметами народнаго быта карпатороссовъ, народными вышивками, народной одеждой, головными уборами и т.п.

П. Ѳедоръ упоминаетъ также о «Кабинетахъ карпато-русскихъ писателей», — каждому карпато-русскому писателю въ Музеѣ отводился отдѣльный кабинетъ. По мысли проф. Ѳ. Ѳ: Аристова, въ каждомъ такомъ кабинетѣ вся обстановка должна была точно соотвѣтствовать той, которая существовала при жизни даннаго писателя, а именно: та-же мебель, картины, обстановка, книги и разные мелкіе предметы.

Хотя П. Ѳедоръ и пишетъ, что «этотъ отдѣлъ былъ самый своеобразный и въ смыслѣ наглядности наиболѣе интересный», — слѣдуетъ полагать, что въ Музеѣ Ѳ. Ѳ. Аристова такіе кабинеты были единичными.

Дальнѣйшая судьба Музея оказалась трагической. Лѣтомъ 1917 года онъ былъ уложенъ въ ящики и отданъ на сохраненіе въ городской ломбардъ на улицѣ Большой Бронной. Сохранилась

КАРПАТОРУССКІЙ МУЗЕЙ Ѳ. Ѳ. АРИСТОВА.

Карпаторусскій музей, созданный въ Москвѣ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Аристовымъ, — это наиболѣе трагическія страницы въ его біографіи.

закладная квитанція за номеромъ 1-02,307. Это все, что осталось отъ Музея. Въ годы разрухи ломбардъ былъ разграбленъ и тогда-то погибли и собранія Аристова, находившіяся въ немъ. Отдача Музея въ ломбардъ была вызвана реквизиціей помѣщеній Музея подъ лазаретъ для тяжело-раненыхъ воиновъ.

РАБОТЫ Ѳ. Ѳ. АРИСТОВА ПОСВЯЩЕННЫЯ КАРПАТОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Кромѣ основныхъ работъ, посвященныхъ вопросамъ карпаторусской литературы, т.е. трехтомнаго изслѣдованія «Карпаторусскіе писатели», а также «Литературнаго развитія Подкарпатской (Угорской) Руси» — которая, какъ извѣстно, такъ и осталась въ рукописи, не дождавшись типографскаго станка, Ѳ. Ѳ. Аристовъ написалъ цѣлый рядъ другихъ работъ, посвященныхъ тому-же вопросу. Если «Литературное развитіе Подкарпатской (Угорской) Руси» насчитывало шесть авторскихъ листовъ, то «Карпаторусская библіографія» являлась уникальной работой, объемомъ въ 125 печатныхъ листовъ, включавшей свыше тысячи аннотированныхъ справокъ.

Большое изслѣдованіе «Исторія литературнаго развитія Карпатской Руси» являлось, первымъ въ наукѣ, опытомъ освѣщенія литературнаго движенія въ Буковинской, Галицкой и Угорской Руси. Работа эта имѣетъ значеніе не меньшее чѣмъ трехтомникъ «Карпаторусскіе писатели». Въ силу нѣкоторыхъ объективныхъ причинъ этотъ замѣчательный трудъ, оставаясь въ рукописи, не получилъ огласки. А между тѣмъ его значеніе огромно. Къ сожалѣнію большинство упоминаемыхъ нами работъ Ѳ. Ѳ. Аристова погибло въ годы первой міровой войны и революціи.

Неизвѣстна намъ и судьба портретной литературной энциклопедіи Карпатской Руси, — «Портреты карпато-русскихъ писателей», содержавшей свыше трехсотъ справокъ, иллюстрированныхъ 300 фотоснимками. Цѣнность этой работы неизмѣрима, такъ какъ ученый собралъ оригинальные снимки, въ огромномъ большинствѣ случаевъ передъ этимъ нигдѣ и никогда не публикованные!

О значеніи и цѣнности карпаторусской научной и художественной литературы Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ писалъ и въ своемъ трехтомномъ трудѣ «Исторія Карпатской Руси» и въ работѣ энциклопедическаго характера «Подкарпатская Русь въ прошломъ и настоящемъ». Для того, чтобы понять какое значеніе и какую цѣнность для науки и русской широкой общественности имѣла бы эта работа по опубликованіи, достаточно уяснить себѣ, что она охватывала почти двадцать пять авторскихъ листовъ, иначе говоря составляла увѣсистый томъ объемомъ свыше четырехсотъ страницъ битаго текста, не говоря уже о спеціально приготовленномъ и тщательно подобранномъ иллюстраціонномъ матеріалѣ!

Кромѣ этихъ работъ Ѳ. Ѳ. Аристова ниже упомянемъ главнѣйшія изъ напечатанныхъ на страницахъ повременной печати, либо изданныхъ отдѣльными книгами и брошюрами и трактующими о карпаторусской литературѣ въ ея цѣломъ, либо о ея отдѣльныхъ представителяхъ.

Галицко-русскимъ писателямъ — В. Д. Залозецкому, Д. Н. Вергуну и М. Ф. Глушкевичу посвящена брошюра, изданная подъ общимъ заглавіемъ «Галицко-русскіе писатели» въ 1911 году (съ тремя портретами) московскимъ книгоиздательствомъ «Славія» въ серіи «Славянская дума», содержавшей, какъ стояло въ ея подзаголовкѣ — «рядъ статей по важнѣйшимъ для сознательнаго Славянства вопросамъ». Брошюра эта вышла какъ четвертый выпускъ этой серіи и была предназначена для самаго широкаго круга читателей.

Отдѣльными брошюрами (преимущественно оттисками изъ повременныхъ изданій) были изданы работы Ѳ. Ѳ. Аристова о И. И. Шараневичѣ (Львовъ, 1929 г.), Ю. А. Яворскомъ (Львовъ, 1928), І. А. Дедицкомъ (Львовъ, 1927), А. А. Полянскомъ (Львовъ, 1930); въ Ужгородѣ были напечатаны и выпущены въ свѣтъ: А. В. Духновичъ, — (изъ серіи «Карпаторусскіе писатели») (1929), А. И. Добрянскій (1924), А. Ф. Кралицкій (1930).

Карпаторусская библіографія частично публиковалась во Львовѣ, — въ частности на страницахъ «Временника ставропигійскаго института» 1932 года.

Много статей о карпаторусской литературѣ было напечатано Ѳ. Ѳ. Аристовымъ на страницахъ повременной печати. Попробуемъ привести главнѣйшія изъ этихъ публикацій, приводя ихъ въ хронологическомъ порядкѣ опубликованія.

Въ петербургскомъ «Славянинѣ», издаваемомъ извѣстнымъ славянофиломъ А. Ф. Олешинскимъ подъ редакціей В. А. Лугановскаго и П. В. Васильева, въ номерѣ отъ 24 марта 1913 года была напечатана статья «В. Д. Залозецкій, —къ 80-лѣтію со дня рожденія». Статья эта широко информировала русскаго читателя о творчествѣ и жизненномъ пути В. Д. Залозецкаго. Какъ извѣстно, карпаторусскій писатель былъ личнымъ другомъ Ѳ. Ѳ. Аристова и даже передалъ ему въ своемъ завѣщаніи всѣ права на свое литературное наслѣдство. Статья эта обратила на себѣ вниманіе литературной критики.

Нѣсколько ранѣе на страницахъ того-же «Славянина», въ номерѣ отъ 28 февраля, появилась статья подъ названіемъ «Маріанъ Глушкевичъ». Статья была посвящена творческому пути галицкорусскаго поэта въ связи съ десятилѣтіемъ со дня выхода въ свѣтъ первой книги его стихотвореній.

Петербургскій «Славянинъ» не имѣлъ ничего общаго съ газетой того-же названія, выходившей въ Москвѣ и тоже занимавшейся славянскимъ вопросомъ.

Ѳ. Ѳ. Аристовъ принималъ самое близкое участіе въ «Русскомъ Архивѣ», гдѣ фактически руководилъ славянскимъ отдѣломъ. Въ этомъ, одномъ изъ старѣйшихъ русскихъ журналовъ (основанъ въ 1863 г.), Ѳ. Ѳ. Аристовъ посвятилъ рядъ своихъ статей карпаторусской тематикѣ:

Объ Александрѣ Васильевичѣ Духновичѣ разсказывала довольно обстоятельная статья, напечатанная въ номерѣ 2 за 1913 годъ. Она была помѣщена на страницахъ 277-292. Очень длинная статья была посвящена въ нѣсколькихъ очередныхъ номерахъ Русскаго Архива» Адольфу Ивановичу Добрянскому (номера: 3 — стр. 377-411; 4-5 — стр. 663-706).

Въ номерѣ 6/7 за тотъ же годъ Ѳ. Ѳ. Аристовъ печатаетъ свою замѣчательную статью: Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ (стр. 126-143). Въ слѣдующемъ, 1914 году, на страницахъ того-же «Русскаго Архива» Ѳ. Ѳ. Аристовъ снова возвращается къ темѣ Александра Васильевича Духновича и на этотъ разъ дважды. Въ номерѣ 4 книги первой, въ статьѣ: «Истинная исторія карпатороссовъ или угорскихъ русиновъ» (стр. 528-559) и въ номерѣ 5, — книга вторая, въ статьѣ «Значеніе А. В. Духновича какъ угрорусскаго историка» (стр. 144-155).

Въ 1915 году издатель С. К. Родіоновъ привлекаетъ Ѳ. Ѳ: Аристова къ редактированію новаго журнала «Славянское объединеніе». Ѳ. Ѳ. Аристовъ становится главнымъ редакторомъ этого журнала и помѣщаетъ на его страницахъ преимущественно свои собственныя статьи. Всего вышло три двойныхъ номера. Первый выпускъ въ апрѣлѣ, послѣдній безъ даты. Содержаніе этого журнала (въ первую очередь статьи подписанныя Ѳ. Ѳ. Аристовымъ) въ слѣдующемъ, 1916 году было перепечатано въ прогрессивномъ издательствѣ А. С. Дзюбенко отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Славянское объединеніе» (Москва, 1916, 122 страницы). Карпаторусскому вопросу въ журналѣ «Славянское объединеніе» Ѳ. Ѳ. Аристовъ посвятилъ слѣдующіе матеріалы:

Въ № 1-2: «Карпаторусскіе писатели». Стр. 11-16.

Въ № 3-4: «Памяти В. Д. Залозецкаго». Стр. 65-74.

Въ № 5-6: «Угро-русская литература». Стр. 99-112.

«Славянское объединеніе», какъ мы уже упомянули почти въ девяноста процентахъ написано перомъ Ѳ. Ѳ. Аристова. Къ этому ему было не привыкать: еще въ 1908 году въ издательствѣ С. О. Коничекъ онъ выпускаетъ подъ своей редакціей журналъ-альманахъ «Славянскій путешественникъ». Цѣлый журналъ написанъ единолично Ѳ. Ѳ. Аристовымъ. Первый выпускъ появился изъ печати лѣтомъ 1908 г. и на немъ-же окончилось существованіе этого любопытнаго изданія. Журналъ-альманахъ былъ иллюстрированъ. Какъ указываетъ Т. Ѳ. Аристова, въ «Славянскомъ путешественникѣ» содержались этнографическо-статистическіе очерки о южныхъ и

западныхъ славянахъ, и, что важнѣе всего, указатель литературы по славяновѣдѣнію и рядъ замѣтокъ.

Въ 1914 году въ Кіевѣ начала выходить газета «Прикарпатская Русь» — органъ Карпато-русскаго освободительнаго комитета, подъ редакціей С. А. Лабенскаго и Ю. А. Яворскаго. Въ Кіевѣ вышло два номера (10 и 17 августа). Газета являлась продолженіемъ львовской «Прикарпатской Руси» и, послѣ освобожденія Львова русскими войсками, была снова перенесена во Львовъ. Въ кіевскихъ номерахъ газеты Ѳ. Ѳ. Аристовъ напечаталъ:

«Исторія Карпатской Руси» А. Духновича,

«Старая традиція Карпатской Руси».

Въ «Прикарпатской Руси», выходившей во Львовѣ, Ѳ. Ѳ. Аристовъ неоднократно помѣщалъ свои статьи и кореспонденціи изъ Москвы. Среди нихъ отмѣтимъ:

«Пятидесятилѣтіе литературнаго фонда» (1909).

«Національный вопросъ» (1909).

«Національный вопросъ и его разрѣшеніе» (1909).

«Славянскому съѣзду въ Софіи» (1910).

«Обсужденіе русскаго вопроса въ обществѣ «Славія» (1910).

«Левъ Толстой и славянкій вопросъ» (1910).

«Малорусскій вопросъ» (1910).

«Вечеръ студенческаго общества «Славія» въ честь русскихъ галичанъ» (1910).

«Галицко-русскій вопросъ въ обществѣ «Славянской культуры» въ Москвѣ» (1911).

«Докладъ академика Ф. Е. Корша по малорусскому вопросу» (1911).

«Новая чешская литература» (1911).

«Чешская литература. Новѣйшая литература» (1911).

«Чешская литература и гуситское движеніе» (1911).

«Общеславянскій языкъ» (1911).

«Сущность сокольства» (1911).

«Сербо-лужицкая литература» (1911).

«Докладъ В. А. Бобринского» и др. матеріалы (1912).

«Годичное собраніе всеславянскаго общества «Славія» (1912).

«Карпато-русскій писатель» (1913).

Въ издательствѣ «Славія», гдѣ Ѳ. Ѳ. Аристовъ былъ тѣсно связанъ съ руководствомъ, вышли слѣдующія брошюры:

Въ 1909 году — «Славянская идея»,

Въ 1911 году — «Галицко-русскіе писатели»,

Въ томъ-же году — «Общеславянскій языкъ».

Эта послѣдняя брошюра была полностью перепечатана во львовской газетѣ «Прикарпатская Русь» въ номерѣ 552 за 1911 годъ.

Многія статьи Ѳ. Ѳ. Аристова появлялись на страницахъ разныхъ журналовъ и газетъ. Статьи его печаталъ еженедѣльникъ

«Итоги жизни», выходившій въ Москвѣ подъ редакціей В. Л. Олсуфьева въ издательствѣ В. В. Кузнецова. Въ этомъ журналѣ Ѳ. Ѳ. Аристовъ рѣзко и рѣшительно выступилъ противъ гоненій на Православіе, проводящееся австро-венгерскими властями. Этой тягостной темѣ посвящена въ частности статья «Гоненіе на православное движеніе въ Угорской Руси» (Номеръ 5-6 за 1914 г.).

Статьи Ѳ. Ѳ. Аристова печатались также въ тифлисской газетѣ «Рѣчь», въ «Московскомъ листкѣ», «Утрѣ Россіи». Въ послѣдней былъ напечатанъ обширный очеркъ «Галицко-русскіе дѣятели» (1913). Вышеприведенными матеріалами библіографія напечатанныхъ трудовъ и статей Ѳедора Ѳедоровича Аристова конечно далеко не исчерпывается.

КАРПАТОРУССКАЯ КАРТОТЕКА.

Карпаторусская картотека, нѣчто самостоятельное и цѣлое, была задумана Ѳ. Ѳ. Аристовымъ какъ своеобразная, многосторонная энциклопедія, разсчитанная не только на спеціалиста, научнаго работника, но и на рядового читателя.

Идея «Карпаторусской картотеки» зародилась у Ѳ. Ѳ. Аристова еще въ молодые годы, когда онъ только еще приступалъ къ собиранію необходимыхъ матеріаловъ для своего будущаго «Карпаторусскаго музея». На тысячахъ карточекъ были собраны матеріалы самаго разнообразнаго рода, прежде всего относящіеся къ духовной и матеріальной культурѣ карпатороссовъ.

Трудъ этотъ былъ предпринятъ въ исторіи карпаторусскаго народа впервые. Молодость и упорство помогли Ѳ. Ѳ. Аристову преодолѣть многія затрудненія въ собираніи необходимыхъ матеріаловъ. Картотека заведенная Ѳ. Ѳ. Аристовымъ беспрерывно пополнялась новыми матеріалами. Къ 1917 г. она въ основномъ была закончена.

Въ этомъ-же году она частично погибла вмѣстѣ съ другими собраніями «Карпаторусскаго музея».

Много позже, около 1928-29 г.г., проф. Ѳ. Ѳ. Аристовъ начинаетъ работать надъ ея возстановленіемъ. Вслѣдствіе его смерти эта работа остается незаконченной. Изъ того, что уцѣлѣло въ 1917 году, почти все затерялось!

Ѳ. Ѳ. Аристовъ увлекался также намѣреніемъ создать «Карпато-русскую библіографію» съ данными расположенными хронологически. По его мысли «Карпаторусская библіографія» должна была охватить періодъ отъ «Весны Народовъ» (1848) до 1930 года включительно. Въ видѣ исключенія предвидѣлось помѣщеніе матеріаловъ относящихся къ болѣе раннему времени (свѣдѣнія объ изданіяхъ первой половины XIX вѣка) и даже болѣе старые — въ части о первопечатныхъ книгахъ.

Библіографическій указатель предполагалось печатать отдѣльными выпусками, состоящими изъ несшитыхъ карточекъ, расположенныхъ по двойной системѣ — хронологической (на основаніи года изданія) и алфавитной (данныя расположены въ порядкѣ слѣдованія буквъ въ алфавитѣ).

По окончаніи печатанія «Карпато-русской библіографіи» Ѳ. Ѳ. Аристовъ планировалъ выпустить отдѣльнымъ приложеніемъ указатель, въ которомъ къ хронологическому и алфавитному былъ-бы прибавленъ еще третій указатель — предметный.

Такой тройной указатель, по мысли Ѳ. Ѳ. Аристова, долженъ былъ представлять собою сжатый «Словарь научно-литературныхъ дѣятелей, книгъ и повременныхъ изданій Карпатской Руси».

Тутъ слѣдуетъ припомнить, что намѣреніе Ѳ. Ѳ. Аристова создать словарь этого рода, въ позднѣйшіе годы было подхвачено отдѣльными историками-библіографами. Конкретныхъ результатовъ ихъ разрозненныя начинанія пока что однако еще не принесли, хотя потребность созданія такого словаря для всѣхъ является очевидной.

Одно время намѣчалась возможность изданія «Карпаторусской библіографіи» частями во Львовѣ и въ Ужгородѣ. Усилія въ этомъ направленіи не привели, однако, къ положительнымъ результатамъ, т. к. обстоятельства тѣхъ лѣтъ препятствовали осуществить близкій контактъ Аристова съ его зарубежными издателями.

БИБЛІОТЕКА КАРПАТОРУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Желаніе ознакомленія возможно болѣе широкихъ круговъ русской общественности съ произведеніями карпаторусскихъ и галицко-русскихъ писателей и поэтовъ зародило у Ѳ. Ѳ. Аристова мысль объ изданіи наиболѣе выдающихся произведеній карпаторусской литературы въ видѣ отдѣльной серіи однотомниковъ. Серія должна была, по первоначальному замыслу ученаго, насчитывать тридцать томовъ.

Въ связи съ «Библіотекой карпаторусскихъ писателей» Ѳ. Ѳ. Аристовъ произвелъ большую подготовительную работу, опасаясь, что бы производимый имъ отборъ произведеній не былъ одностороннимъ. Длительныя консультаціи позволили въ конечномъ результатѣ выбрать наиболѣе интересныя для россійскаго читателя произведенія наиболѣе выдающихся карпаторусскихъ писателей и поэтовъ.

Военная обстановка и послѣдовавшій въ 1917 году государственный переворотъ помѣшали осуществленію издательскихъ плановъ Ѳедора Ѳедоровича Аристова. Изъ печати вышелъ въ 1915 году однотомникъ, содержащій полное собраніе сочиненій А. В. Духновича. Вслѣдъ за этимъ появился въ свѣтъ однотомникъ А. А. Полянскаго — «Избранныя сочиненія».

Изъ публицистической литературы была издана (вторымъ изданіемъ) классическая работа Ф. И. Свистуна «Прикарпатская Русь под владѣніемъ Австріи» (эта книга была недавно переиздана въ США Петромъ Семеновичемъ Гардымъ), О. А. Мончаловскаго «Положеніе и нужды Галицкой Руси», Д. И. Маркова «Русская и украинская идея въ Австріи».

Подготовленныя къ печати и частично даже сданныя въ наборъ сочиненія М. Ф. Глушкевича, О. А. Мончаловскаго и В. Д. Залозецкаго уже не смогли появиться въ свѣтъ, въ силу финансовыхъ затрудненій.

Ниже мы частично приводимъ предисловіе Ѳ. Ѳ. Аристова къ задуманной имъ тридцатитомной серіи. Это предисловіе имѣетъ большую цѣнность какъ общая сводка разсказывающая намъ о карпаторусскихъ писателяхъ и поэтахъ.

— «Карпато-русскіе писатели отразили въ своихъ сочиненіяхъ идею національно-культурнаго единства русскаго народа, то-есть тотъ основной фактъ нашей исторіи, который извѣстенъ подъ именемъ «собиранія Русской Земли». По горькой ироніи судьбы, собираніе русской территоріи въ свое время какъ разъ не коснулось Карпатской Руси, которая въ теченіе всей своей исторіи постоянно ратовала за эту идею. Извѣстно, что первый митрополитъ московскій Петръ, внушившій московскимъ князьямъ мысль о необходимости собиранія в с е й Р у с и , былъ родомъ изъ Галичины, которая воспитала въ немъ любовь къ русской національной идеи. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени идея общерусскаго національно-культурнаго единства являлась основнымъ факторомъ всей общественной жизни Карпатской Руси, гдѣ даже раздѣленіе на два главныхъ политическихъ теченія основано на этомъ принципѣ: «руссофилы» выступаютъ какъ убѣжденные поборники единства, «украинофилы» же, наоборотъ, стоятъ за сепаратизмъ.

Выдающіеся карпато-русскіе писатели, хотя и касаются въ своихъ произведеніяхъ мѣстныхъ темъ, однако при этомъ постоянно стремятся показать важность идеи обще-русскаго національно-культурнаго единства, почему ихъ сочиненія имѣютъ огромное воспитательное значеніе и должны быть своего рода національнымъ катехизисомъ для каждаго русскаго человѣка.

Дѣйствительно, стоитъ только, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, ознакомиться съ характеромъ сочиненій писателей Карпатской (Галицкой, Буковинской и Подкарпатской) Руси, чтобы увидѣть, сколько въ этихъ произведеніяхъ заключается для русскаго общества новаго, интереснаго и въ высшей степени поучительнаго».

Далѣе, въ своемъ предисловіи, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ кратко излагаетъ карпаторусскую исторію литературы, упоминая всѣхъ ея главнѣйшихъ представителей.

«Библіотека карпаторусскихъ писателей» явилась первой по

времени, попыткой издать въ систематизированномъ видѣ полныя или избранныя сочиненія карпаторусскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ въ доступныхъ, массовыхъ изданіяхъ.

Роль самого Өедора Өедоровича Аристова въ этомъ дѣлѣ была весьма велика если мы примемъ во вниманіе, что онъ самъ редактировалъ всѣ тексты, дѣлалъ ихъ подборку, снабжалъ необходимыми литературовѣдческими и историческими комментаріями, давалъ объ упоминаемыхъ авторахъ необходимыя біографическія и библіографическія справки.

Насколько большое значеніе придавалъ Өедоръ Өедоровичъ Аристовъ изученію политическаго и общественнаго положенія дѣлъ на Галицкой и Карпатской Руси свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что на ряду съ книгами карпаторусскихъ литераторовъ былъ предпринятъ выпускъ книгъ и сочиненій публицистическаго характера, ярко освѣщающія политическіе процессы, происходившіе въ тѣ годы въ границахъ австро-венгерской «двуединой» имперіи. Къ числу этихъ работъ принадлежала объемистая брошюра, изданная въ 1915 году въ Москвѣ въ восьмую часть листа. Она была написана О. А. Мончаловскимъ («Положеніе и нужды Галицкой Руси») и Д. А. Марковымъ (Русская и «украинская» идея въ Австріи). Обѣ работы были совершенно самостоятельны, Ө. Ө. Аристовъ объединилъ ихъ въ одной брошюрѣ потому, что вмѣстѣ взятыя, онѣ болѣе широко освѣщали сущность событій происходившихъ на Червонной Руси.

РУКОПИСИ Ө. Ө. АРИСТОВА ПОСВЯЩЕННЫЯ СЛАВЯНСТВУ.

Въ семейномъ архивѣ Аристовыхъ сохраняется рядъ неопубликованныхъ работъ покойнаго профессора. Въ большинствѣ случаевъ — это статьи довольно большого объема, среди нихъ имѣется нѣсколько работъ энциклопедическаго типа.

Өедоръ Өедоровичъ Аристовъ широко интересовался исторіей славянскихъ народовъ. Двадцать лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ изученію словацкой литературы. Словакіи проф. Ө. Ө. Аристовъ посвятилъ цѣлый циклъ своихъ лекцій, статей и приготовленныхъ къ печати книгъ.

Исторія словацкаго народа нашла свое широкое и полное отображеніе въ циклѣ лекцій прочитанныхъ ученымъ на собраніяхъ «Русско-Чешскаго Общества им. Яна Гуса», проводившихся въ Москвѣ. Сохранились полностью конспекты этихъ лекцій. Еще и сегодня они не утратили своего научнаго значенія.

Среди отдѣльныхъ рукописей, посвященныхъ словацкому народу, находимъ между иными:

«Словакія и перспективы ея національнаго развитія»,

«Словаки — ихъ исторія и литература»,

«Словацкая литература».

О значимости этихъ трудовъ говоритъ и ихъ объемъ. Такъ работа «Словацкая литература» насчитываетъ семь авторскихъ листовъ и является пiонерской въ прямомъ смыслѣ этого понятiя.

Исторiи славянскихъ народовъ посвященъ рядъ другихъ, по счастью тоже уцѣлѣвшихъ, рукописей. Среди нихъ:

«Сравнительный обзоръ исторiи славянства»,

«Славяно-католики и православные тенденцiи въ ихъ средѣ»,

«Исторiя Болгарiи»,

«Исторiя Польши»,

«Исторiя Сербiи»,

«Исторiя чешскаго народа»,

«Исторiя чешской литературы»,

«Исторiя хорватовъ»,

«Исторiя Словенцевъ»,

«Черногорцы и ихъ прошлое»,

и другiя рукописи этого-же рода.

Съ темой славянства непосредственно связаны слѣдующiя работы Θедора Θедоровича Аристова:

«Сравнительный обзоръ исторiи славянства»,

«Россiя и славянство»,

«Славянская взаимность»,

«Славяно-монгольскiя отношенiя»,

«Славянофильство и западничество въ русской литературѣ»,

«Завѣтныя мысли Крыжанича».

Нѣкоторыя работы посвящены вопросу взаимоотношенiй славянъ съ неславянскими народами. Къ числу этихъ работъ, наряду съ уже упомянутой выше статьей «Славяно-монгольскiя отношенiя» принадлежатъ обзоры, написанные съ глубокимъ знанiемъ разсматриваемаго вопроса: «Нѣмецко-славянскiя отношенiя», «Мадьяро-славянскiя отношенiя». Съ тематикой этихъ работъ въ нѣкоторой степени соприкасается и очеркъ «Восточный вопросъ». Вопросы общеславянскаго объединенiя были разсматриваемы Θ. Θ. Аристовымъ въ самыхъ разнообразныхъ аспектахъ. Въ его рукописяхъ находимъ такiе матерiалы какъ «Роль женщины въ славянскомъ движенiи», «Экономическiя основы славянскаго объединенiя», «Вопросы междуславянскихъ внутреннихъ проникацiй», «Значенiе дѣятельности св.св. Кирилла и Меθодiя для славянства и всего человѣчества».

Въ рукописяхъ остаются также работы замѣчательнаго ученаго, посвященныя такимъ темамъ какъ «Историческое развитiе славяновѣдѣнiя», «Янъ Каменскiй — великiй чешскiй педагогъ и гуманистъ», «Исторiя русской скульптуры» и т.п.

Рядъ работъ Θ. Θ. Аристова посвященъ изученiю международныхъ отношенiй и политической проблематикѣ. Къ ихъ числу можемъ отнести такiя работы какъ:

«Грузинскiй вопросъ»,

«Армянскій вопросъ» (жена Аристова была армянкой),

«Внѣшняя и внутренняя политика Россіи съ національной точки зрѣнія».

Говоря о рукописяхъ Ѳ. Ѳ. Аристова, сохранившихся въ семейномъ архивѣ нельзя не упомянуть о матеріалахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ разсматриваемой нами карпаторусской тематикѣ. Это прежде всего проникновенное и документальное историческое обозрѣніе «Исторія карпатской Руси», — наряду съ ней не менѣе для насъ важное «Литературное развитіе Подкарпатской (Угорской) Руси». Послѣдняя работа, несмотря на свою кажущуюся краткость (около трехъ авторскихъ листовъ), — является цѣннымъ изложеніемъ всѣхъ наиболѣе значительныхъ и интересныхъ явленій въ карпаторусской литературѣ.

Къ рукописямъ, съ нѣкоторой натяжкой, можно отнести и корректурные оттиски тѣхъ работъ, которыя, будучи уже набранными, однако не увидѣли типографскаго станка. Къ ихъ числу слѣдуетъ отнести и частично уцѣлѣвшія гранки второго и третьяго тома основного труда Ѳ. Ѳ. Аристова «Карпаторусскіе писатели».

ВМѢСТО ЗАКЛЮЧЕНІЯ.

Значеніе научной дѣятельности Ѳедора Ѳедоровича Аристова, несмотря на то, что онъ скончался въ относительно молодыхъ годахъ, для исторіи русской литературы огромно, и о немъ можно было бы сказать, что даже еще сегодня оно не поддается учету.

Работы проф. Ѳ. Ѳ. Аристова носятъ піонерскій характеръ. До него никто изъ русскихъ ученыхъ не посвятилъ всей своей жизни изученію совершенно для русскаго общества незнакомой и неизвѣстной отрасли общерусской литературы — литературы Карпатской и Галицкой Руси.

На протяженіи столѣтій мѣнялись границы государствъ, въ составъ которыхъ входили Карпатская и Галицкая Русь. Только въ результатѣ второй міровой войны эти земли вошли въ составъ Совѣтскаго Союза, объединенныя и возсоединенныя жертвенной кровью русскаго бойца.

Въ результатѣ многихъ, неоднократно чрезвычайно сложныхъ и многосторонниxъ процессовъ общественныхъ перемѣнъ, многія историческія установки были подвергнуты переоцѣнкамъ, пережили какъ перемѣны естественнаго порядка, такъ и измѣненія механическія, — продиктованныя сверху.

Въ частности на базѣ галицкаго и карпаторусскаго нарѣчій сформировался на нашей памяти украинскій литературный языкъ. Этотъ языкъ хотя и выросъ въ обстановкѣ единства съ общерусскими языковыми корнями и установками, является уже отличнымъ отъ языка Наумовича, Духновича и другихъ замѣчательныхъ представителей Карпатской и Галицкой Руси.

И Карпатская и Галицкая Русь въ настоящее время входятъ въ составъ СССР. Внѣ русской государственности, Лемковская Русь, входящая теперь въ предѣлы Польши, и Пряшевская Русь, входящая въ предѣлы Чехословакіи.

Вторая міровая война, со всѣми ея ужасами, затемнила въ памяти потомковъ трагическій образъ Талергофа, Терезина и другихъ лагерей смерти періода первой всеміpной войны.

Однако, отъ звѣрствъ усердныхъ прислужниковъ и пособниковъ гитлеровскихъ фашистовъ, — украинскихъ бандитовъ изъ УПА и другихъ подобныхъ организацій, тянется нить въ прошлое, — къ тѣмъ годамъ, когда украинскіе сепаратисты въ тѣсномъ со-

трудничествѣ съ австро-венгерскими цесарско-королевскими насильниками и палачами грабили и истребляли на Галицкой Руси русское населеніе, затирали своей кровавой и преступной рукой слѣды всего, что еще оставалось русскимъ на несчастной подъяремной Руси.

Еще и сегодня украинскіе сепаратисты всѣхъ мастей, убѣгая на гостепріимный западъ отъ заслуженнаго возмездія за свои злодѣянія, и затаившись въ своихъ зарубежныхъ норахъ, мечтаютъ о погибели Руси, о погибели русскаго народа.

Они стремятся внѣдрить въ сознаніе выходцевъ изъ Галицкой и Карпатской Руси чувство ненависти къ своей кровной матери — Руси, къ своему кровному брату — великому русскому народу, — къ своей кровной сестрѣ великой общерусской культурѣ.

Труды проф. Ѳ. Ѳ. Аристова ярко и образно, на конкретныхъ фактахъ показываютъ намъ, документируютъ, проявленія замѣчательной культуры нашего народа, — сыновей и дочерей Карпатской и Галицкой Руси.

Этотъ вкладъ свидѣтельствуетъ объ огромномъ патріотизмѣ, объ огромномъ эмоціональномъ динамизмѣ карпатороссовъ. Въ лицѣ ихъ «будителей», ихъ писателей, поэтовъ и національныхъ дѣятелей, мы имѣемъ дѣло съ представителями зрѣлой, одухотворенной творческимъ воспріятіемъ Руси, — культуры.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ былъ въ Россіи первымъ, который не только собралъ въ одно цѣлое обильныя богатства карпаторусской литературы, но и изучилъ ея національные корни, ея общественную значимость, ея подлинно народныя традиціи. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристовъ никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ псевдо-славянофиловъ, которые шумно и крикливо говоря о славянствѣ, не сумѣли замѣтить самого факта существованія въ сосѣдней Австро-венгріи своихъ родныхъ братьевъ и сестеръ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Аристов зналъ о своихъ карпаторусскихъ братьяхъ все, или почти все. Это и помогло ему въ его работѣ надъ замѣчательнымъ трехтомникомъ «Карпаторусскіе писатели».

Трагической оказалась судьба для Ѳедора Ѳедоровича Аристова. Въ дни великихъ революціонныхъ перемѣнъ и потрясеній, гибнутъ его замѣчательныя собранія, находившіяся на сохраненіе въ ломбардѣ. Мы выше говорили уже объ этомъ. На долю историка и литературовѣда выпалъ рядъ дальнѣйшихъ испытаній. Гибнутъ пробные оттиски, а частично и корректура второго и третьяго томовъ фундаментальнаго труда «Карпаторусскіе писатели».

Авторъ настоящихъ строкъ, въ свою бытность въ Москвѣ, выяснилъ, что въ семейныхъ архивахъ покойнаго ученаго сохранилась только незначительная часть рукописей пока еще никѣмъ не разработанная. Впрочемъ говоря о дальнѣйшей работѣ надъ литературнымъ наслѣдіемъ Ѳ. Ѳ. Аристова слѣдуетъ принять во вниманіе то, что въ Москвѣ нѣтъ, если не считать его дочери Татьяны,

ученыхъ которые интересовались бы и занимались вопросами такъ интересовавшими Ѳ. Ѳ. Аристова.

Несмотря на то, что рукописи и корректурныя отпечатки второго и третьяго томовъ «Карпаторусскихъ писателей» сохранились лишь частично, существуетъ конкретная возможность возстановленія авторскаго текста.

Дѣло въ томъ, что уже въ повоенные годы отдѣльные раздѣлы второго и третьяго томовъ «Карпаторусскихъ писателей» были публикованы, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ въ зарубежной печати, — во Львовѣ, Пряшевѣ и Ужгородѣ. Эти оттиски могутъ сыграть важнѣйшую роль при возстановленіи авторскаго текста Ѳ. Ѳ. Аристова.

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ относительно иллюстраціоннаго матеріала. Обложки отдѣльныхъ брошюръ и книжекъ, фотографіи Ѳ. Ѳ. Аристова и его семьи заимствованы изъ собранія автора, а въ большинствѣ случаевъ изъ семейнаго архива Аристовыхъ, любезно предоставленныя автору дочерью покойнаго ученаго Татьяной Ѳедоровной Аристовой, за что авторъ и выражаетъ Ей глубокую благодарность.

Пантелеймонъ Юрьевъ.

1973.VII.2.

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Ѳ. Ѳ. АРИСТОВЪ
со своими дѣтьми
Николаемъ, Татьяной и Тамарой.

Содержаніе.

Портреты перваго тома.

Предисловіе.

Изслѣдованіе „Карпато-русскіе писатели“.

Въ 1907 году нами было приступлено къ собиранію матеріаловъ для изслѣдованія по неизданнымъ источникамъ *„Карпато-русскіе писатели“*. Цѣлью этого труда являлось восполнить пробѣлъ въ наукѣ путемъ ознакомленія образованнаго общества съ жизнью и дѣятельностью писателей Карпатской Руси. Обыкновенно историки русской литературы ограничивались разсмотрѣніемъ жизни и творчества писателей, работавшихъ въ Россіи, дѣятели же общерусской литературы въ Карпатской Руси, къ великому сожалѣнію, оставались внѣ поля изслѣдованія. Отсюда проистекало явное противорѣчіе: въ то время какъ статистика и этнографія устанавливали существованіе четырехъ милліоновъ русскаго народа въ Австро-Угріи, исторія литературы, замалчивая фактъ литературнаго развитія Карпатской Руси, какъ бы отвергала неопровержимыя данныя статистики и этнографіи! Односторонность и неправильность такого явленія нужно прежде всего объяснять тѣмъ, что въ Россіи историческая наука, а вмѣстѣ съ нею и исторія литературы, все еще находятся подъ сильнымъ вліяніемъ принципа государственности въ ущербъ идеѣ народности. Въ русскомъ обществѣ, а также и въ наукѣ, было слабо развито сознаніе того, что этнографическія границы русскаго народа идутъ дальше политическихъ границъ русскаго государства и что русскіе живутъ какъ въ Россіи, такъ и въ Австро-Угріи. Исторія русской литературы должна представить ходъ литературнаго развитія в с е г о русскаго народа (слѣдовательно и четырехъ милліоновъ русскихъ галичанъ), а не только его главной массы, живущей въ предѣлахъ Россіи.

Въ своемъ трехтомномъ изслѣдованіи мы дали біографіи-характеристики всѣхъ выдающихся писателей общерусскаго направленія Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. Въ качествѣ введенія ко всему труду предпосланъ очеркъ—„Исторія Карпатской Руси“, съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, а заключеніемъ, обобщающимъ все изслѣдованіе, служитъ статья—„Исторія общерусской литературы въ Карпатской Руси“.

При разсмотрѣніи жизни и творчества карпато-русскихъ писателей мы заботились о томъ, чтобы были приведены слѣдующія историко-литературныя данныя:

1) Біографія или автобіографія (необходимо при этомъ отмѣтить, что всѣ автобіографіи по бóльшей части написаны спеціально для нашего изслѣдованія).

2) Разборъ важнѣйшихъ произведеній съ приведеніемъ изъ нихъ выдержекъ.

3) Отзывы критики о данномъ писателѣ.

4) Общая оцѣнка писателя съ опредѣленіемъ его значенія въ общемъ ходѣ литературнаго развитія Карпатской Руси.

5) Полный перечень сочиненій писателя (что́ являлось особенно кропотливой работой, представляющей продолженіе,—за послѣднія 20 л.,— извѣстнаго труда И. Е. Левицкаго „Галицко-русская библіографія").

6) Указатель всей литературы о писателѣ (наглядно показывающій, насколько даннымъ авторомъ интересовались историки литературы).

Кромѣ того, обращено большое вниманіе на то, чтобы, по возможности, привести въ изслѣдованіи всѣ портреты даннаго писателя въ разные періоды его жизни.

Содержаніе трехтомнаго изслѣдованія слѣдующее:

Томъ I. Исторія Карпатской Руси.—Д. И. Зубрицкій.—А. В. Духновичъ.—Н. Л. Устіановичъ.—Я. Ѳ. Головацкій.—И. И. Раковскій.— А. И. Добрянскій-Сачуровъ.—А. С. Петрушевичъ.—И. Н. Гушалевичъ.

Томъ II. И. Г. Наумовичъ.—Б. А. Дѣдицкій.—И. И. Шараневичъ.—В. Д. Залозецкій.—О. Анатолій Кралицкій.—И. А. Сильвой.— В. И. Хилякъ.—Е. А. Фенцикъ.—Ф. И. Свистунъ.—О. А. Марковъ.— Г. И. Купчанко.—В. О. Щавинскій.—А. А. Полянскій.

Томъ III. О. А. Мончаловскій.—В. Ѳ. Луцыкъ.—И. И. Процыкъ.— Д. А. Марковъ.—Д. Н. Вергунъ.—Ю. А. Яворскій.—М. Ѳ. Глушкевичъ.—Исторія общерусской литературы въ Карпатской Руси.

„Библіотека карпато-русскихъ писателей".

Одновременно съ изслѣдованіемъ „Карпато-русскіе писатели" нами предпринято изданіе многотомной *„Библіотеки карпато-русскихъ писателей"*, представляющей уже не біографіи-характеристики дѣятелей общерусской литературы въ Карпатской Руси, а самыя сочиненія карпато-русскихъ писателей.

Карпато-русскіе писатели отразили въ своихъ сочиненіяхъ идею національно-культурнаго единства русскаго народа, т.-е. тотъ основной фактъ нашей исторіи, который извѣстенъ подъ именемъ „собиранія Русской Земли". По горькой ироніи судьбы, собираніе русской территоріи въ свое время какъ-разъ не коснулось Карпатской Руси, которая въ теченіе всей своей исторіи постоянно ратовала за эту идею. Извѣстно, что первый митрополитъ Московскій—Петръ, внушившій московскимъ князьямъ мысль о необходимости собиранія всей Руси, былъ родомъ изъ Галичины, которая воспитала въ немъ любовь къ русской національной идеѣ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени идея общерусскаго національно-культурнаго единства являлась основнымъ факторомъ всей общественной жизни Карпатской Руси, гдѣ даже раздѣленіе на два главныхъ политическихъ теченія было основано на этомъ принципѣ: „руссофилы" выступали какъ убѣжденные поборники единства, „украйнофилы" же, наоборотъ, стояли за сепаратизмъ.

Выдающіеся карпато-русскіе писатели, хотя и касаются въ своихъ произведеніяхъ мѣстныхъ темъ, однако, при этомъ постоянно стремятся показать важность идеи общерусскаго національно-культурнаго единства, почему ихъ сочиненія имѣютъ огромное воспитательное значеніе и должны быть своего рода національнымъ катехизисомъ для каждаго русскаго человѣка.

Дѣйствительно, стоитъ только хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомиться съ характеромъ сочиненій писателей Карпатской (Галицкой, Буковинской и Угорской) Руси, чтобы увидѣть, сколько въ этихъ произведеніяхъ заключается для русскаго общества новаго, интереснаго и въ высшей степени поучительнаго.

Первымъ по времени карпато-русскимъ писателемъ общерусскаго направленія является Д. И. Зубрицкій, написавшій „Исторію древняго галичско-русскаго княжества“, которая познакомила русскихъ галичанъ съ ихъ историческимъ прошлымъ и положила начало историческому изученію Галицкой Руси. Рядомъ съ Д. И. Зубрицкимъ работаютъ его ученики: Я. Ѳ. Головацкій, поэтъ, этнографъ, историкъ литературы и языковѣдъ, напечатавшій четырехтомное собраніе „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“, а также А. С. Петрушевичъ, неутомимый русскій историкъ и археологъ, написавшій нѣсколько сотъ сочиненій, въ числѣ которыхъ почетное мѣсто занимаетъ его шеститомная „Сводная галичско-русская лѣтопись“; за свои ученыя заслуги авторъ былъ избранъ почетнымъ членомъ русской Академіи Наукъ. Одновременно съ Галичиной совершается національное возрожденіе и Угорской Руси, гдѣ работаютъ: А. И. Добрянскій-Сачуровъ, человѣкъ энциклопедическаго образованія, политическій вождь угро-руссовъ и выдающійся писатель; А. В. Духновичъ, поэтъ, драматургъ, историкъ и педагогъ, дѣятельность котораго составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи Угорской Руси, и священникъ И. И. Раковскій, которому принадлежитъ заслуга широкаго распространенія общерусскаго литературнаго языка въ угро-русской журналистикѣ, а также воспитаніе цѣлаго поколѣнія въ русскомъ національномъ духѣ и преданности восточному христіанству; послѣ смерти И. И. Раковскаго воспитанное имъ поколѣніе угро-руссовъ открыто перешло изъ уніи въ православіе. Вслѣдъ за учеными и народными дѣятелями выступаютъ и поэты; такъ, въ Галицкой Руси пишутъ стихи: Н. Л. Устіановичъ и И. Н. Гушалевичъ, которые въ своихъ произведеніяхъ стремились очищать галицко-русское нарѣчіе отъ чужеземныхъ словъ и выраженій и тѣмъ самымъ сближать его съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ. Высшей точки развитія достигаетъ литературное движеніе въ лицѣ И. Г. Наумовича, который написалъ нѣсколько сотъ сочиненій публицистическаго, повѣствовательнаго и популярно-научнаго характера, былъ депутатомъ Львовскаго сейма и Вѣнскаго парламента и еще при жизни получилъ почетное названіе Просвѣтителя Галицкой Руси. Въ 1861 году возникла во Львовѣ

большая политическая газета „Слово“, выходившая первыя десять лѣтъ подъ редакціей Б. А. Дѣдицкаго, неутомимаго журналиста, писателя, поэта и народнаго дѣятеля. На поприщѣ журналистики выдающіяся заслуги принадлежатъ О. А. Маркову, издававшему рядъ газетъ, литературныхъ сборниковъ и отдѣльныхъ сочиненій карпаторусскихъ писателей. Братъ его—Д. А. Марковъ тоже извѣстенъ какъ талантливый публицистъ, много сдѣлавшій для распространенія общерусскаго языка въ Галичинѣ, а кромѣ того, въ качествѣ депутата, произнесшій впервые рѣчи на русскомъ литературномъ языкѣ: въ Вѣнскомъ парламентѣ — 27 іюня (9 іюля) 1907 года и во Львовскомъ сеймѣ—1 (14) февраля 1914 года. Живымъ звеномъ, соединявшимъ галицко-русскую журналистику съ остальной славянской, былъ В. О. Щавинскій, ежедневно помѣщавшій въ газетѣ „Прикарпатская Русь“ „Письма изъ Вѣны“, которыя знакомили русскихъ галичанъ съ общественной и парламентской дѣятельностью славянъ въ Вѣнѣ, отличались хорошимъ языкомъ и были проникнуты непоколебимою вѣрою въ торжество русско-славянской національной идеи. Въ Угорской Руси общерусская литература имѣетъ въ этотъ періодъ такихъ представителей, какъ о. Анатолій Кралицкій, весьма разносторонній и плодовитый писатель, оставившій послѣ себя рядъ сочиненій по русской исторіи и разсказовъ изъ народной жизни; И. А. Сильвой (Уріилъ Метеоръ), самый выдающійся угро-русскій беллетристъ; Е. А. Фенцикъ, поэтъ и журналистъ, основатель и редакторъ журнала „Листокъ“, выходившаго въ теченіе 19 лѣтъ. Въ Буковинѣ въ это время работалъ Г. И. Купчанко, издававшій въ Вѣнѣ журналы „Русская Правда“ и „Просвѣщеніе“ и написавшій много сочиненій популярно-научнаго и повѣствовательнаго характера. Научное теченіе представляютъ въ Галицкой Руси И. И. Шараневичъ, проф. австрійской исторіи во Львовскомъ университетѣ и авторъ цѣлаго ряда трудовъ по исторіи и археологіи Галичины, и Ф. И. Свистунъ, ученый всесторонняго образованія, работающій въ областяхъ русской исторіи, литературы, педагогики и публицистики, а кромѣ того, принимающій самое видное участіе въ общественной жизни, состоя одновременно директоромъ библіотеки „Народнаго Дома“ и предсѣдателемъ „Общества имени Мих. Качковскаго“. Разсказы изъ народной жизни писали: В. Ѳ. Луцыкъ (Бодакъ Музыка), И. И. Процыкъ (Иванъ Кумъ) и особенно В. И. Хилякъ (Іеронимъ Анонимъ), произведенія котораго изданы въ пяти книгахъ и являются любимымъ чтеніемъ русскихъ галичанъ. Народную жизнь изображаетъ также А. А. Полянскій (Недолевъ), которому принадлежитъ кромѣ того большая заслуга въ дѣлѣ развитія въ Галицкой Руси драматической литературы и введенія по деревнямъ любительскихъ народныхъ театровъ. Первое мѣсто среди беллетристовъ занимаетъ В. Д. Залозецкій, отпраздновавшій въ 1910 году 50-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Русскіе галичане издали, по общенародной подпискѣ, ко вре-

мени юбилея три тома его сочиненій; послѣдній же (четвертый) томъ выйдетъ въ Москвѣ. Самымъ выдающимся публицистомъ является О. А. Мончаловскій, неутомимый труженикъ на поприщѣ русской литературы, издававшій журналы „Страхопудъ" и „Бесѣду" и принимавшій видное участіе въ „Галичанинѣ" и „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы", а также работавшій во всѣхъ крупныхъ львовскихъ русско-народныхъ организаціяхъ. (Полное собраніе его сочиненій будетъ напечатано въ Москвѣ). Литературная критика представлена въ лицѣ Ю. А. Яворскаго, автора ряда стихотвореній, очерковъ и разсказовъ, отличающихся красотою языка, а кромѣ того, постоянно работающаго въ области изученія южно-русской словесности, причемъ отдѣльныя его сочиненія издаетъ русская Академія Наукъ. Поэзія нашла прекрасное выраженіе въ стихахъ Д. Н. Вергуна и М. Ѳ. Глушкевича. Первый поэтъ касается главнымъ образомъ національныхъ темъ, второй же—посвящаетъ больше вниманія любовной лирикѣ. И „Червоннорусскіе отзвуки" Д. Н. Вергуна, и „Мелодіи" М. Ѳ. Глушкевича были очень сочувственно встрѣчены критикой, которая отмѣтила въ этихъ сборникахъ наличность безспорнаго таланта, оригинальность содержанія и красоту языка.

Такимъ образомъ, Карпатская Русь со времени своего національнаго возрожденія (1848 г.), т.-е. въ теченіе всего полустолѣтія, дала цѣлую плеяду выдающихся писателей, съ которыми уже успѣли познакомиться не только славяне, но и всѣ культурные народы Запада. Теперь очередь за русскимъ обществомъ, для котораго эти писатели не иностранные, а свои же, родные. Пора заполнить пробѣлъ въ нашемъ образованіи и тѣмъ самымъ доказать, что трудъ карпато-русскихъ писателей не былъ только для одной Карпатской Руси: вѣдь они писали свои сочиненія, имѣя въ виду весь русскій народъ отъ Карпатъ до Камчатки.

Великая война 1914 года имѣетъ для Россіи то огромное значеніе, что, съ присоединеніемъ Галицкой Руси, завершилось дѣло собиранія русскихъ земель, начатое еще при Иванѣ Калитѣ. Прежде чѣмъ наступило политическое объединеніе, оно уже было подготовлено въ идейномъ отношеніи, благодаря самоотверженной литературной и народной дѣятельности карпато-русскихъ писателей.

Трудъ карпато-русскихъ писателей настолько значителенъ, что заслуживаетъ самаго подробнаго ознакомленія со стороны русскаго образованнаго общества.

Будемъ вѣрить, что въ Россіи карпато-русскихъ писателей, наконецъ, узнаютъ, а узнавъ оцѣнятъ и полюбятъ.

„Карпато-русскій музей Ѳ. Ѳ. Аристова".

Работая надъ своимъ изслѣдованіемъ „Карпато-русскіе писатели" и редактируя „Библіотеку карпато-русскихъ писателей", намъ удалось собрать много цѣннаго матеріала въ видѣ писемъ, автобіографій, рукописей, портретовъ, рѣдкихъ печатныхъ изданій и разнаго рода предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературной дѣятельности карпато-

русскихъ писателей. Такимъ именно образомъ составился *„Карпато-русскій Музей Ө. Ө. Аристова“*.

Желая и впредь пополнять Музей, мы обращаемся ко всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу лицамъ съ просьбою о присылкѣ матеріаловъ, которые будемъ пріобрѣтать за высокую цѣну, установленную по взаимному соглашенію. Что же касается пожертвованій, то о лицахъ, сдѣлавшихъ таковыя, будетъ съ благодарностью отмѣчаться въ особомъ „Указателѣ“ Музея.

Заботясь о томъ, чтобы собранные въ Музеѣ матеріалы сдѣлались достояніемъ науки, мы будемъ ихъ печатать въ видѣ отдѣльныхъ изданій. Такъ, напримѣръ, будутъ обнародованы въ особой книгѣ „Письма В. Д. Залозецкаго Ө. Ө. Аристову“, весь сборъ отъ продажи которой поступитъ въ фондъ на сооруженіе памятника на могилѣ этого выдающагося галицко-русскаго писателя.

Итакъ, какъ видятъ читатели, ознакомленіе русскаго общества съ жизнью и дѣятельностью карпато-русскихъ писателей нами было предпринято въ широкихъ размѣрахъ.

Что касается нашего изслѣдованія „Карпато-русскіе писатели“, то считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю благодарность нижеслѣдующимъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе при составленіи и печатаніи перваго тома нашего труда.

Директору библіотеки „Народнаго Дома“ во Львовѣ Ф. И. Свистуну за присылку печатныхъ изданій и вообще за цѣнные совѣты.

Дѣтямъ Я. Ө. Головацкаго, особенно въ лицѣ В. Я. и О. Я. Головацкимъ, за составленіе воспоминаній о частной жизни своего покойнаго отца и присылку его портретовъ.

Дочери А. И. Добрянскаго-Сачурова—Е. А. Будиловичъ и ея сыну Б. А. Будиловичу за содѣйствіе при составленіи очерка о жизни и дѣятельности Адольфа Ивановича и за предоставленіе для изданія его рѣдкихъ портретовъ.

Проф. И. А. Линниченко за просмотръ корректурныхъ листовъ очерка объ А. С. Петрушевичѣ и введенія „Исторія Карпатской Руси“.

Проф. М. Н. Сперанскому за составленіе отзыва о значеніи „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“ Я. Ө. Головацкаго.

Своей женѣ С. І. Аристовой за наблюденіе за художественной стороной изданія, чтеніе корректурныхъ листовъ и вообще за ближайшее содѣйствіе при составленіи и печатаніи книги.

Особенно горячую благодарность должны принести предсѣдателю Петроградскаго Галицко-Русскаго Общества графу В. А. Бобринскому, не только обезпечившему изданіе изслѣдованія съ матеріальной стороны, но также никогда не отказывавшему въ своихъ цѣнныхъ совѣтахъ и указаніяхъ при самомъ составленіи нашего труда.

Ө. Ө. Аристовъ.

Москва,
май 1916 г.

Исторія Карпатской Руси.

Первый періодъ (съ X до половины XIV вѣка).

Галицкая (и Буковинская) Русь подъ управленіемъ русскихъ князей.

Карпаты — общеславянская прародина.

Карпаты являются общеславянской прародиной, откуда въ VII вѣкѣ славянскія племена разселились въ разныя стороны. Находясь на рубежѣ между Русью и Польшей, Галичина постоянно служила предметомъ спора между этими двумя государствами. Въ 981 году русскій князь Владиміръ Великій завоевалъ у Польши Червонную Русь или Червенскіе города. Однако, междоусобица, начавшаяся послѣ смерти Владиміра, привела къ тому, что польскій король Болеславъ Храбрый въ 1018 году присоединилъ эти города вновь къ Польшѣ. Послѣ смерти Болеслава Храбраго, русскій князь Ярославъ Мудрый въ 1031 году снова отвоевалъ у Польши Червонную Русь. Послѣ смерти Ярослава Мудраго (1054 г.) Русь была раздѣлена на удѣлы, причемъ на западѣ русскаго государства образовалось четыре княжества: Владиміро-Волынское, Перемышльское, Звенигородское и Теребовльское. Владиміръ-Волынскій достался сыну Ярослава Мудраго—Игорю, а Галичина—Всеволоду. Но Всеволодъ принужденъ былъ уступить ее внуку Ярослава Мудраго—Ростиславу Владиміровичу, который впослѣдствіи бѣжалъ въ Тмутаракань, гдѣ и умеръ въ 1064 году. Галичина и вмѣстѣ съ нею Волынь достались Ярополку, сыну Изяслава кіевскаго. Но сыновья Ростислава—Рюрикъ, Володарь и Василько, выросши, стали добиваться отцовской волости. Всеволодъ уважилъ ихъ просьбу и, отобравъ у Ярополка Изяславича ихъ часть волости, отдалъ ее Ростиславичамъ (около 1085 года). Такимъ образомъ Рюрикъ получилъ Перемышльское княжество, Володарь—Звенигородское и Василько—Теребовльское. Положеніе ихъ сразу оказалось довольно труднымъ: Польша выставляла свои притязанія на Галичину, Угрія, владѣвшая Угорской Русью, хотѣла также включить въ свои границы и Русь Галицкую, наконецъ, волынскіе князя смотрѣли на Галичину какъ на неотъемлемую часть своего удѣла. Не успѣли Ростиславичи утвердиться въ Галичинѣ, какъ имъ пришлось вести борьбу съ волынскимъ княземъ Ярополкомъ Изяславичемъ. Осенью 1087 года онъ двинулся на Звенигородъ, но въ пути былъ убитъ нѣкіимъ Нерядцей. Осада же Перемышля кіевскимъ княземъ Всеволодомъ, выступившимъ въ походъ съ цѣлью

покарать Ростиславичей, принявшихъ къ себѣ Нерядцу, окончилась безуспѣшно. Въ 1092 году Рюрикъ умеръ и въ Перемышль перешелъ Володарь.

Въ 1097 г. состоялся Любечскій съѣздъ русскихъ князей, окончательно утвердившій за Ростиславичами Галичину. Однако, видя въ молодыхъ, энергичныхъ и талантливыхъ Ростиславичахъ опасныхъ сосѣдей, волынскій князь Давидъ Игоревичъ, по наущенію своихъ бояръ, вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ Святополкомъ II тотчасъ же послѣ съѣзда ослѣпилъ участвовавшаго на немъ Василька. Володарь, мстя за обиду брата, сильно опустошилъ Волынское княжество и, осадивъ его столицу гор. Владиміръ, принудилъ Давида выдать бояръ, замѣшанныхъ въ ослѣпленіи Василька. Самъ Давидъ, при общемъ негодованіи, за вѣроломство поплатился своимъ удѣломъ и бѣжалъ въ Польшу. Послѣ этого Ростиславичамъ пришлось еще вести войну съ кіевскимъ княземъ Святополкомъ II, который успѣлъ завладѣть Волынью. Завязавшаяся борьба, въ которой Ростиславичамъ помогли половцы, окончилась страшнымъ пораженіемъ союзниковъ Святополка—мадьяръ подъ Перемышлемъ въ 1099 году.

Перемышльская побѣда сильно упрочила положеніе Ростиславичей: она надолго остановила движеніе мадьяръ черезъ Карпаты и обезопасила Галичину со стороны Волыни. Зато менѣе удачны были войны Володаря съ Польшей. Володарь неоднократно дѣлалъ попытки нападать на польскія земли, пока въ 1122 году не былъ выданъ находившимся у него на службѣ полякомъ Петромъ Властомъ. Цѣною огромнаго выкупа и заключенія постояннаго мира съ Польшей Володарь получилъ свободу.

Въ 1124 году умерли Володарь и Василько. Ихъ дѣятельность имѣла большое значеніе для Галичины. Удачно отстаивая свои земли отъ притязаній поляковъ и мадьяръ, они своей политикой по отношенію къ Волыни и Кіеву вывели Галичину изъ роли захолустной кіевской волости и подготовили почву для превращенія Галицкой Руси въ сильное и самостоятельное государство.

Володимірко Володаревичъ (1124—1153)

Дѣти Володоря (Ростиславъ и Володимірко) и Василька (Юрій и Иванъ) недолго прожили въ мирѣ. Въ послѣдовавшей усобицѣ одержалъ верхъ наиболѣе способный, предпріимчивый и энергичный Володимірко, постепенно объединившій въ своихъ рукахъ всю Галичину, съ новой, болѣе центральной, столицей въ Галичѣ. Послѣднимъ соперникомъ его и претендентомъ на владѣніе Галичиной былъ сынъ Ростислава Володаревича—Иванъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Берладника. Однако, его домогательства были безуспѣшны и ему пришлось удалиться изъ предѣловъ Галичины въ Молдавію.

Володимірко успѣшно продолжалъ начатое старшими Ростиславичами устроеніе Галичины. Среди частыхъ, но не всегда удачныхъ, войнъ онъ неоднократно выходилъ изъ труднаго положенія своимъ

умѣніемъ „многоглаголати". Придерживаясь традиціонной политики Ростиславичей, онъ много способствовалъ дальнѣйшему освобожденію Галичины изъ-подъ опеки Кіева. Препятствуя усиленію кіевскихъ князей, онъ поддерживалъ ихъ соперниковъ князей черниговскихъ, а кромѣ того помогалъ суздальскому князю Юрію въ его планахъ относительно Кіева.

Не принимая особыхъ мѣръ противъ занятыхъ въ это время своими дѣлами поляковъ, Володимірко вступилъ въ союзъ съ византійскимъ императоромъ Мануиломъ противъ мадьяръ. Ловкій и находчивый, но также вѣроломный Володимірко является истиннымъ создателемъ Галицкаго княжества.

Ярославъ Осмомыслъ (1153—1187).

Послѣ Володимірка наслѣдовалъ его единственный сынъ Ярославъ Осмомыслъ (1153 — 1187), о которомъ лѣтопись говоритъ: „бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ и богобоинъ и милостыню сильну раздавашетъ, странныя любя и во всемъ законѣ ходя Божи".

„Слово о полку Игоревѣ" характеризуетъ Ярослава въ слѣдующихъ словахъ: „Галичкыи Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными полки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная: грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями".

Въ этихъ словахъ заключается оцѣнка политическаго могущества Галицкаго княжества и положенія, занятаго имъ въ исторіи Руси. Полки Ярослава стерегли Карпаты и оберегали Галичину и вообще всю Русь отъ притязаній и вторженій мадьяръ. Считаясь съ могуществомъ Ярослава, угорскій король пытался завязать дружественныя отношенія и домогался брачнаго союза съ дочерью Ярослава, но эта попытка не удалась вслѣдствіе вмѣшательства Византіи, которая ревниво оберегала дружбу и союзъ съ галицкимъ княземъ.

Союзъ и дружба византійскаго императора Мануила съ Ярославомъ Осмомысломъ оставались неизмѣнны даже послѣ пріема послѣднимъ бѣжавшаго соперника Мануила, его двоюроднаго брата, извѣстнаго своими приключеніями Андроника. Пребываніе Андроника въ Галичинѣ дало ему возможность ознакомиться съ русской жизнью: царевичъ получилъ города въ управленіе, ѣздилъ съ Ярославомъ на охоту, столь любимую русскими князьями, присутствовалъ на совѣщаніяхъ съ дружиной и обѣдалъ въ княжескомъ теремѣ. Ставъ впослѣдствіи императоромъ Византіи, Андроникъ въ построенномъ имъ дворцѣ велѣлъ увѣковѣчить свое пребываніе на Руси, написавъ картину, изображающую эпизоды изъ его жизни и сцены охоты. Пріемъ, оказанный Андронику, объясняется родственными связями: дочь Володаря, сестра Володимірка, была замужемъ за Исаакомъ Комненомъ и, такимъ

образомъ, Андроникъ приходился Ярославу Осмомыслу двоюроднымъ братомъ. Если византійскіе писатели подчеркиваютъ обязательность союза для галицкаго князя съ Византіей, то русская народная память, наоборотъ, указываетъ на другую сторону, и въ „Словѣ о погибели русской земли“, смѣшавъ воедино воспоминанія объ отношеніяхъ Владиміра Мономаха къ царю Алексѣю Комнену и Ярослава Осмомысла къ Мануилу,—рисуетъ такую картину, что „Мануилъ опасъ имѣя, поне и великіе дары посылаше, абы подъ нимъ Царя-города не взя“.

Владѣнія Ярослава Осмомысла доходили до Чернаго моря и устья Дуная, гдѣ работали галицкіе рыболовы. По Дунаю, Днѣстру, Пруту и Бугу были разсѣяны русскія поселенія, причемъ гор. Берлядь являлся какъ бы пристанищемъ какъ для обездоленныхъ князей, такъ и для берладниковъ—этихъ своего рода казаковъ XII вѣка. По Днѣстру же шелъ важный залозный путь изъ Галичины въ Грецію, по которому русскіе промышленники получали рыбу. Сама Галичина изъ Коломыи доставляла, главнымъ образомъ, соль и между прочимъ красный шиферъ для построекъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ Ярослава Осмомысла, дѣйствительно, были ключи дунайской торговли. Въ эти черноморскія степныя пространства не доходили кочевники, но галицкіе полки не разъ отправлялись на половцевъ.

Про галицкую помощь южно-русскимъ князьямъ въ борьбѣ съ погаными говоритъ лѣтопись въ 1155 и 1183 гг., когда Святославъ кіевскій обращался къ галицкимъ князьямъ. Это участіе въ общерусскомъ дѣлѣ борьбы со степью способствовало укрѣпленію чувства національнаго и политическаго единства со всею Русью. Помощь, оказываемая Ярославомъ Осмомысломъ Юрію Долгорукому, кн. Ростиславу Мстиславичу и Мстиславу Изяславичу вводила галицкаго князя въ междукняжескія усобицы за кіевскій столъ и не-разъ имѣла рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ. Политическое могущество Ярослава Осмомысла отмѣчаетъ кромѣ „Слова о полку Игоревѣ“, также и лѣтопись, говоря, что „князь былъ честенъ въ земляхъ и славенъ полкы“. Но главное вниманіе обращаетъ лѣтописецъ на устройство имъ земли и его личныя достоинства: на умъ, образованіе, любовь къ церкви и къ просвѣщенію. Однако, въ лѣтописи мало свѣдѣній, въ чемъ заключалось устройство земли Ярославомъ Осмомысломъ и поэтому мы должны воспользоваться сводомъ Татищева, который даетъ слѣдующія подробности. Ярославъ Осмомыслъ былъ страшенъ сосѣдямъ, потому что обратилъ вниманіе на военное устройство, перенявъ многое изъ военнаго искусства грековъ, чеховъ и угровъ. Онъ способствовалъ торговлѣ съ Византіей, строилъ города (Галичина изобиловала камнемъ и потому постройки были каменныя), призывалъ иноземцевъ-промышленниковъ и особенно заботился о просвѣщеніи, основывая училища на счетъ монастырей. Князь любилъ чтеніе и зналъ нѣсколько языковъ. Будучи чрезвычайно богатымъ, онъ любилъ пода-

вать милостыню и, когда передъ смертью приказалъ раздать свое имѣніе монастырямъ и нищимъ, то этого не смогли сдѣлать въ теченіе трехъ дней. Описывая трогательно-благочестивую кончину князя, который передъ всѣми исповѣдывалъ свои грѣхи, плача и говоря: „се уже отхожу свѣта сего суетнаго,“—лѣтописецъ прибавляетъ, что князь сказалъ своимъ мужамъ: „се азъ единою худою своею головою ходя, удержалъ всю землю Галицкую.“ Князь былъ правъ, такъ какъ послѣ его смерти въ Галицкомъ княжествѣ наступили усобицы и вмѣшательство иноземцевъ.

Причиной смутъ въ юго-западной Руси были, помимо общерусскихъ политическихъ условій того времени, особенности внутренняго строя Галичины и вмѣшательство сосѣднихъ государствъ.

Галицкое княжество имѣло двѣ особенности, отличавшія его отъ другихъ русскихъ областей: сильное и своевольное боярство и пестрый по этнографическому составу промышленный классъ, возникшій вслѣдствіе иноземной колонизаціи. Бояре были крупными землевладѣльцами, причемъ богатства края и безопасность отъ кочевниковъ способствовали полученію большихъ доходовъ; бояре наслѣдственно управляли городами, владѣли значительнымъ количествомъ рабовъ и располагали собственными полками. Достигнувъ такого положенія на службѣ князю и осѣвъ вмѣстѣ съ нимъ въ Галичинѣ, бояре держались исключительно княжей службой, а не связью съ землею: поэтому они всегда и стремились имѣть такого князя, который прислушивался бы къ ихъ мнѣнію и исполнялъ ихъ желанія. Галицкіе бояре говорили отъ имени всей земли, но далеко не являлись истинными выразителями ея интересовъ. При всякомъ удобномъ случаѣ сказывалось вредное вліяніе боярства. Они вмѣшивались даже въ семейную жизнь Ярослава Осмомысла.

Умирая, Ярославъ завѣщалъ галицкій столъ побочному своему сыну Олегу. Однако, Олега бояре немедленно прогнали, посадивъ въ Галичѣ законнаго сына Ярослава—Владиміра. Но Владиміръ сразу же не оправдалъ боярскихъ надеждъ, такъ какъ проявилъ независимый характеръ. Недовольствомъ бояръ воспользовался волынскій князь Романъ, изгнанный вскорѣ изъ Галичины мадьярами, посадившими въ 1188 году на галицкій столъ королевича Андрея. Попытки Романа, а затѣмъ и Ростислава (сына Ивана Берладника) прогнать мадьяръ, окончились неудачею. И только, когда мадьяры возбудили своими насиліями противъ себя населеніе, Владиміру, при поддержкѣ польскаго короля Казиміра Справедливаго и сочувствіи суздальскаго князя Всеволода, удалось вернуть себѣ Галичъ, гдѣ онъ княжилъ уже спокойно. Со смертью его въ 1198 году прекратился родъ Ростиславичей.

Романъ Мстиславичъ (1199—1205).

Романъ Мстиславичъ (1199—1205), послѣ смерти Владиміра занялъ Галичину и соединилъ ее со своимъ Волынскимъ удѣломъ. Такимъ образомъ создалось весьма сильное Галицко-Волынское

княжество, которое получило выдающееся значеніе въ дѣлахъ всей Руси. Послѣ того, какъ Романъ утвердился въ Галичѣ, въ южно-русскихъ земляхъ на него возлагали большія надежды, какъ на смѣлаго и сильнаго князя.

Походы на Литву и половцевъ.

Онъ, дѣйствительно, прославился своими побѣдоносными походами на Литву и половцевъ. О побѣдахъ его надъ Литвою даже сохранилась пословица: „Романе, Романе, лихимъ живеши, Литвою ореши“. О походахъ Романа на половцевъ слагались пѣсни, но только отголоски ихъ дошли до насъ, въ родѣ отрывка въ Галицкой лѣтописи:

Устремлялся на поганыхъ—словно левъ,
Сердитъ онъ былъ—словно рысь,
И губилъ ихъ—словно крокодилъ,
Переходилъ ихъ землю—словно орелъ,
А храбръ онъ былъ—словно туръ.

Присоединеніе Кіева.

Не ограничиваясь походами на Литву и половцевъ, Романъ принималъ самое ближайшее участіе въ борьбѣ южно-русскихъ князей за кіевскій столъ. Когда онъ пошелъ съ войскомъ на Кіевъ, на своего тестя, кіевскаго князя Рюрика, то кіевляне, отступивъ отъ своего обычнаго правила невмѣшательства въ княжескія дѣла, открыли передъ Романомъ ворота Кіева и провозгласили его своимъ княземъ. Кіевляне надѣялись, что грозный и могучій Романъ, занявъ столъ отца своего и дѣда, возродитъ славное прошлое Кіевскаго княжества, какъ самаго главнаго во всей русской землѣ. Однако, Романъ счелъ неудобнымъ для себя въ данный моментъ лично занять кіевскій столъ, посадивъ на него сперва своего двоюроднаго брата Ярослава, а затѣмъ Рюриковича—Ростислава. Какъ бы то ни было, Кіевъ находился въ полной зависимости отъ Романа, который впослѣдствіи, вѣроятно, не преминулъ бы забрать Кіевскую землю подъ свою непосредственную власть. Современники вполнѣ сознавали значеніе Романа Мстиславича, какъ главы русскихъ земель, и называли его не только „великимъ княземъ,“ но и „самодержцемъ всея Руси“.

Борьба съ буйнымъ галицкимъ боярствомъ.

Захвативъ во второй разъ Галицкую землю, Романъ Мстиславичъ началъ сильную борьбу съ боярствомъ. Современный польскій лѣтописецъ Кадлубекъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ, какъ Романъ забиралъ боярскія помѣстья, самихъ же бояръ убивалъ и подвергалъ различнымъ мученіямъ, приговаривая: „не побивши пчелъ, не ѣсть меду“. Суровая расправа Романа съ боярами весьма содѣйствовала его славѣ и расположенію къ нему народа. Галицкое боярство забрало слишкомъ большую силу въ землѣ, притѣсняло и закрѣпощало простой народъ и не знало надъ собой ни суда, ни управы. Населеніе жаловалось на высокомѣріе и жадность боярскихъ заправилъ. Князей они нарочно старались смѣщать какъ можно чаще, чтобы держать фактически все управленіе въ своихъ рукахъ. Въ Галицкой лѣтописи, писанной въ княжескомъ, враждебномъ боярамъ, духѣ на каждомъ шагу

встрѣчаются жалобы на своеволіе бояръ. Любопытно прочитать здѣсь, напр., такую картину, какъ бояринъ Добриславъ ѣдетъ черезъ Галичъ къ князю безъ стѣсненія въ одной сорочкѣ, „загордившись такъ, что и на землю не смотритъ", а „галичане бѣжали у его стремени".

Отказъ отъ принятія уніи.

Успѣшная политика, и внутренняя и внѣшняя, создала такую шумную славу Роману Мстиславичу, что молва объ его значеніи достигла до Цареграда и Рима. Такъ, византійскій императоръ Алексѣй Ангелъ просилъ у него помощи отъ половцевъ, разорявшихъ Ѳракію, а когда на Цареградъ напали крестоносцы, то искалъ у галицкаго князя даже убѣжища. Одновременно и Иннокентій III, этотъ воинственный папа средневѣковья, задумалъ, разсчитывая на славолюбіе галицкаго князя, распространить свою власть и надъ Русью, для чего послалъ къ Роману пословъ съ предложеніемъ королевской короны и уніи. Но Романъ Мстиславичъ о дѣлахъ вѣры сталъ говорить на основаніи Священнаго Писанія, а отъ королевской короны отказался, причемъ на слова папскаго легата о значеніи меча св. Петра для пріобрѣтенія новыхъ земель заявилъ, что онъ доволенъ и своимъ мечомъ. Приводимъ стихотвореніе графа А. К. Толстого „Романъ Галицкій", гдѣ пріемъ папскаго представителя описанъ слѣдующимъ поэтическимъ образомъ:

Къ Роману Мстиславичу въ Галичъ посломъ
  Прислалъ папа римскій легата.
И вотъ, надъ Днѣстромъ, среди свѣтлыхъ хоромъ
  Въ вѣнцѣ изъ царьградскаго злата,
Князь слушаетъ, сидя, посольскую рѣчь,
Глаза опустивъ, опершися на мечъ...
  И молвитъ легатъ: „Далеко ты,
О княже, прославленъ за доблесть свою!
  Ты въ русскомъ краю,
  Какъ солнце, на всѣхъ изливаешь щедроты;
  Врагамъ ты въ бою
  Являешься Божіимъ громомъ:
Могучей рукой ты Царьградъ поддержалъ,
Въ землѣ Половецкой не разъ испивалъ
  Отъ синяго Дона шеломомъ...
Ты храбръ, аки туръ, и сердитъ, аки рысь;
  Но ждетъ тебя бóльшая слава,
Лишь римскому папѣ душой покорись,
  Святое признай его право:
Онъ можетъ по волѣ рѣшить и вязать,
На домъ онъ на твой призоветъ благодать,
  На недруговъ—Божье проклятье...
Прими-жъ отъ него королевскую власть,
  Къ стопамъ его пасть
Спѣши,—и тебѣ онъ отверзетъ объятья

И, сыномъ коль будешь его нарекомъ,
  Тебя опояшетъ духовнымъ мечомъ!"
Замолкъ... И лукавую выслушавъ рѣчь,
  Романъ на свой мечъ
  Взглянулъ—и его вполовину
Онъ выдвинулъ вонъ изъ нарядныхъ ноженъ:
  „Скажи своему господину:
Когда такъ духовнымъ мечомъ онъ силенъ,
  То онъ и хвалить его воленъ;
Но пусть онъ владѣетъ попрежнему имъ,
А я вотъ и этимъ, желѣзнымъ, своимъ
  Доволенъ...
А впрочемъ, за ласку къ Червонной Руси
  Поклонъ ему нашъ отнеси!"

Романъ Мстиславичъ, кромѣ походовъ на Литву и половцевъ, принималъ также участіе и въ польскихъ дѣлахъ, что, однако, стоило ему очень дорого: на рѣкѣ Мозгавѣ онъ былъ однажды опасно раненъ, а въ 1205 г. подъ городомъ Завихостомъ убитъ въ расцвѣтѣ своей государственной дѣятельности.

Даніилъ Романовичъ (1205--1264). Даніилъ Романовичъ (1205 — 1264) утвердился на галицкомъ престолѣ только послѣ долголѣтней борьбы. По смерти Романа Мстиславича остались его вдова и два малолѣтнихъ сына—Даніилъ и Василько. Галичиной стремились въ то время завладѣть южно-русскіе князья, Польша и Угрія. Малолѣтнихъ Романовичей перевезли въ болѣе безопасный Владиміръ, въ Галичинѣ же почти ежегодно происходила смѣна правителей. Дольше другихъ удерживались въ Галицкой Руси Игоревичи (1206—1211), сыновья Игоря, героя „Слова о полку Игоревѣ", завладѣвшіе Галичиной благодаря поддержкѣ галицкихъ бояръ. Недовольные правленіемъ Игоревичей, бояре затѣмъ призвали Даніила, котораго очень скоро смѣнилъ одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ бояръ—Владиміръ Кормиличичъ (1213—1214). Въ 1214 году въ Спишѣ, между польскимъ королемъ Лешкомъ и угорскимъ—Андреемъ, произошло соглашеніе, по которому женатый на трехлѣтней дочери Лешка—Соломеѣ маленькій Коломанъ, сынъ Андрея, былъ коронованъ королевской короной и посаженъ на галицкомъ столѣ. Этотъ брачный союзъ былъ придуманъ для примиренія интересовъ Угріи и Польши, и съ тѣхъ поръ угорскій король сталъ употреблять титулъ „король Галиціи и Владиміріи" („rex Galiziae et Lodomeriae"). Польша же, а затѣмъ и Австрія ссылались на это обстоятельство, какъ на доказательство своихъ государственныхъ правъ на Галицію. Для Рима въ свою очередь эпизодъ съ вокняженіемъ Коломана послужилъ поводомъ для усиленія католической пропаганды. Однако, такое положеніе вещей продолжалось недолго: мадьяры, насильственнымъ навязываніемъ католицизма, скоро возбудили противъ себя русскихъ галичанъ. Этимъ воспóль-

зовался новгородскій князь Мстиславъ Удалой и, при содѣйствіи поссорившагося съ Андреемъ Лешка, занялъ въ 1219 году Галичину. Пока шла ожесточенная борьба за Галицкую Русь, подрасталъ Даніилъ Романовичъ. Романовичамъ удалось сразу утвердиться во Владимірѣ-Волынскомъ, гдѣ Даніилъ много работалъ для упроченія своего положенія. Смерть Мстислава Удалого развязала Даніилу руки и онъ въ 1230 году добился галицкаго престола.

Неудачная борьба съ татарами.

Даніилу Романовичу пришлось имѣть дѣло съ двумя сильными врагами—татарами и Литвой. Впервые встрѣтился Даніилъ съ татарами еще будучи юнымъ княземъ, въ битвѣ на Калкѣ, когда выказалъ свою храбрость и былъ раненъ въ бою. Когда татары, пройдя всю русскую землю, стали проявлять надъ нею свою власть, то зависимость отъ нихъ юго-западной Руси оказалась очень слабой, и Романовичи не спѣшили ѣхать въ орду. Однако, въ 1245 г. Даніилъ вынужденъ былъ поѣхать въ орду на поклонъ къ хану Батыю. Напрасно въ ордѣ заискивали передъ галицко-русскимъ княземъ, Даніилъ Романовичъ не хотѣлъ оставить мысли о борьбѣ, мечтая о крестовомъ походѣ западно-европейскихъ государствъ противъ татаръ. Не найдя поддержки въ Западной Европѣ, Даніилъ повелъ борьбу собственными силами, исходъ которой былъ печаленъ: галицкому князю пришлось всетаки подчиниться приказанію татаръ и срыть всѣ русскія крѣпости, за исключеніемъ Холма.

Вліяніе Руси на Литву.

По отношенію къ Литвѣ Даніилъ велъ энергичную политику: онъ пытался то составить противъ литовскаго государства коалицію, то воевалъ, то велъ переговоры, наконецъ, рѣшилъ дѣйствовать культурнымъ воздѣйствіемъ и положилъ начало вліянію Руси на Литву. Сынъ Миндовга—Войшелкъ принялъ христіанство и, сдѣлавшись монахомъ, передалъ сперва свои волости Роману Даниловичу, а впослѣдствіи и престолъ своего отца Шварну Даниловичу, женатому на его сестрѣ.

Участіе въ дѣлахъ Западной Европы.

Если въ восточной политикѣ Даніилу Романовичу пришлось испытать немало горечи, то зато въ Западной Европѣ его вліяніе и могущество сказалось очень ярко. Такъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ польскихъ дѣлахъ, оказывая поддержку краковскому и мазовецкому князьямъ въ достиженіи столовъ, за что обязывалъ ихъ помогать ему въ борьбѣ съ ятвягами. Спорный вопросъ о Люблинѣ былъ рѣшенъ въ пользу галицко-русскаго князя. Вообще взаимныя отношенія Руси и Польши Даніилъ Романовичъ стремился упорядочить мирнымъ путемъ и съ этою цѣлью былъ созванъ съѣздъ въ Тернавѣ въ 1262 году. Также и угорскій король постоянно обращался за помощью къ Даніилу Романовичу. Лѣтопись говоритъ, что никто такъ глубоко не ходилъ въ землю Лядскую, какъ Даніилъ, никто не стремился въ землю Чешскую раньше его, ни Святославъ, ни Владиміръ Святой; въ Моравіи, близъ Опавы, Даніилъ поставилъ свою хоругвь; нѣмцы подъ Вѣной не могли надивиться свѣтлости русскихъ полковъ и самому князю, ѣхавшему на конѣ, по русскому обычаю, въ кожухѣ

изъ греческаго олавира. Войска Даніила видѣли и Вѣну и далекую отъ Галичины Ригу. Любопытно отмѣтить, что Даніилъ Романовичъ вступилъ въ борьбу за обладаніе Австріей, когда въ ней прекратился домъ Бабенберговъ. Женивъ своего сына Романа на Гертрудѣ, наслѣдницѣ Австріи и Штиріи, Даніилъ думалъ утвердиться тамъ, но эта попытка окончилась неудачей: Романъ былъ побѣжденъ чешскимъ королемъ Премысломъ Оттокаромъ II, который въ свою очередь былъ вынужденъ уступить Австрію Габсбургамъ.

Принятіе уніи и полученіе королевской короны. Политика Даніила Романовича обратила на себя вниманіе всего Запада и главнымъ образомъ Рима, стремившагося распространить свою власть на юго-западную Русь. Между римскимъ папой и галицкимъ княземъ велись переговоры еще въ то время, когда Даніилъ лелѣялъ планъ борьбы союза христіанскихъ государствъ противъ татаръ. Даніилъ принялъ унію и получилъ въ 1253 г. отъ папы королевскую корону; однако, не видя обѣщанной помощи противъ татаръ, отрекся отъ уніи.

Смерть Даніила и распаденіе его державы. Въ своей внутренней политикѣ Даніилъ Романовичъ совершилъ коренную ошибку, допустивъ дробленіе княжеской власти. Послѣ его смерти въ Галицко-Владимірскомъ княжествѣ появилось, кромѣ его брата Василька, еще четыре князя: три сына Даніила—Шварнъ, Левъ и Мстиславъ и племянникъ—Владиміръ Васильковичъ. Такимъ образомъ, со смертью Даніила Романовича распалось могущественное Галицко-Владимірское княжество.

Левъ Даниловичъ (1264—1301). Левъ Даниловичъ (1264—1301), наслѣдуя отъ отца стремленіе къ широкимъ замысламъ и къ собиранію русской земли, не имѣлъ, однако, его благородства. Онъ запятналъ себя вѣроломствомъ и неразборчивостью въ средствахъ, вплоть до убійства изъ зависти къ Шварну Войшелка и поддержки литовскаго князя Тройдена, а также призыва на помощь татаръ. Въ своей внѣшней политикѣ онъ стремился присоединить къ Галичинѣ Угорскую Русь, а также по смерти Болеслава заявлялъ притязанія на земли Малой Польши.

Юрій Львовичъ (1301—1308). Юрій Львовичъ (1301 — 1308) былъ могущественнымъ княземъ и хорошимъ правителемъ, при которомъ Галичина пользовалась спокойствіемъ. Княженіе Юрія Львовича было эпохой блеска, богатства и славы Галицко-Владимірскаго государства. На своей печати Юрій Львовичъ, подобно дѣду, назывался „королемъ Руси“. Его же самого эта печать изображаетъ почтеннымъ, величественнымъ старцемъ, съ длинной бородой, сидящимъ на тронѣ, въ коронѣ, со скипетромъ въ рукахъ. Ко времени княженія Юрія Львовича относится раздѣленіе южно-русской православной митрополіи. Послѣ паденія Кіева кіевскіе митрополиты начали все больше проживать въ сѣверныхъ, суздальско-московскихъ, земляхъ, а въ 1299 году, послѣ одного татарскаго погрома, митрополитъ и совсѣмъ туда переселился. Тогда галицкіе князья добились у патріарха и византійскаго императора, чтобы имъ былъ поставленъ отдѣльный митрополитъ (1303 г.) и, такимъ образомъ, ра-

зорвалась церковная связь, соединявшая Кіевскую Русь съ Галичиной. Однако, избранный для управленія галицкой православной митрополіей подвижникъ Петръ Ратенскій сдѣлался не галицкимъ, а первымъ Московскимъ митрополитомъ.

Андрей и Левъ Юрьевичи.

У Юрія было два сына Андрей и Левъ и дочь Марія. Верховную власть послѣ Юрія Львовича наслѣдовалъ Андрей, который совмѣстно съ Львомъ правилъ Галицкимъ княжествомъ. Основной задачей своей политики они ставили борьбу съ татарами, для чего тѣснѣе сблизились съ западными государствами. Они вступаютъ въ союзъ съ Польшей и Литвой и закрѣпляютъ его брачнымъ союзомъ, выдавъ свою сестру Марію за мазовецкаго князя Тройдена, а дочь Андрея Бушу— за Любарта Гедиминовича. Возобновляются также переговоры съ папой (Іоанномъ XIII) о крестовомъ походѣ противъ татаръ. Наконецъ, они заключаютъ оборонительный союзъ и торговое соглашеніе съ Тевтонскимъ орденомъ. Въ 1321—1322 гг. Андрей и Левъ неожиданно умерли, и такимъ образомъ прекратился родъ Романовичей.

Юрій II—Болеславъ Тройденъ (1325—1340).

Юрій II — Болеславъ Тройденъ (1325 — 1340), внукъ Юрія Львовича, былъ сыномъ Маріи Юрьевны и мазовецкаго князя Тройдена. Князь Болеславъ былъ католикомъ, но перешелъ затѣмъ въ православіе, принявъ имя Юрія. Онъ придерживался миролюбивой внѣшней политики и питалъ пристрастіе къ иностранцамъ, особенно нѣмцамъ, притокъ которыхъ въ Галичину сильно увеличился благодаря введенію магдебургскаго права въ городахъ и оживленнымъ торговымъ сношеніямъ съ Тевтонскимъ орденомъ. Такое покровительство иностранцамъ возбудило недовольство среди галичанъ, и когда Юрій-Болеславъ, несмотря на принятіе православія, вторично перешелъ въ католичество и началъ притѣснять своихъ православныхъ подданныхъ, то былъ отравленъ галичанами въ 1340 году.

Послѣ смерти Юрія-Болеслава прекратилось существованіе Галицкой Руси, какъ независимаго государства, и она подпала подъ власть Польши.

Угорская Русь (съ X в. до 1360 г.).

Культурное вліяніе угро-руссовъ на мадьяръ.

Угро-руссы поселились на южныхъ склонахъ Карпатъ еще съ незапамятныхъ временъ. Сѣмена христіанской вѣры были принесены сюда ранѣе, чѣмъ къ остальнымъ русскимъ. Славянскіе Первоучители святые Кириллъ и Меѳодій еще болѣе упрочили православную вѣру среди угрорусскаго населенія. Когда въ 889 году въ Тисо-Дунайскую равнину пришли угры или мадьяры, то они поддались культурному вліянію угро-руссовъ и вообще славянъ. Первые угорскіе короли признавали за угро-руссами ихъ религіозныя, національныя и политическія права. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ Угріи преобладало византійское и славяно-русское вліяніе надъ латино-нѣмецкимъ. Оказавъ важныя услуги мадьярамъ при занятіи Угріи, угро-руссы долгое время

несли сторожевую службу по охранѣ границъ государства; многіе угро-руссы занимали также высокія должности при дворѣ, составляли почетную стражу королей или завѣдывали королевскими имѣніями. Любопытно отмѣтить, что самыя должности при угорскомъ дворѣ носили славяно-русскія названія, какъ, напр., воевода, стольникъ, придворный панъ. Угорскіе короли обыкновенно передавали свою власть надъ Угорской Русью отдѣльнымъ членамъ своего дома съ титуломъ воеводъ или князей. Соединенный въ одну область, угро-русскій народъ имѣлъ также національное самоуправленіе, избирая ежегодно своихъ чиновниковъ подъ названіемъ кенезіевъ и крайниковъ. Этимъ чиновникамъ принадлежало право рѣшенія возникавшихъ среди населенія споровъ; жалобы отъ кенезіевъ поступали къ крайникамъ, которыми и рѣшались окончательно, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію князей или уполномоченныхъ ими кастелановъ, а также дѣлъ о княжескихъ доходахъ. Но и эти дѣла рѣшались при посредствѣ и наблюденіи русскихъ чиновниковъ.

Признаніе церковныхъ и націон. правъ угро-руссовъ.

Въ религіозной области угро-руссы первоначально также пользовались полной свободой. Однако, по мѣрѣ того, какъ Угрія подпадала подъ вліяніе латино-нѣмецкаго Запада, православные угро-руссы стали терпѣть притѣсненія со стороны католическаго духовенства. Первые слѣды борьбы съ восточной церковью въ Угріи замѣтны уже въ правленіе Стефана I. Явившіеся съ его женою Гизелой, баварской принцессой, латинскіе монахи тотчасъ же начали свой походъ противъ православной церкви, привлекая на свою сторону мадьяръ. Латинское духовенство въ своей нетерпимости дошло до того, что воздвигло гоненія на православныхъ, крестило ихъ какъ язычниковъ и отнимало у нихъ церкви. Тогда угро-русскій народъ возсталъ подъ предводительствомъ Купы Стренчаника, Уйки и Кіамы, но былъ побѣжденъ. Купа былъ разорванъ на части, которыя, для большаго устрашенія населенія, повѣсили на городскихъ воротахъ. Такъ печально окончился первый опытъ латинизаціи угро-русской церкви. Большой ударъ православной церкви былъ нанесенъ вторгнувшимися въ 1241 году въ Угрію татарами, которые истребили много тысячъ жителей, разорили монастыри и церкви и сожгли множество селъ. Послѣ ухода татаръ православные монастыри и храмы долгое время остались въ развалинахъ, такъ какъ угро-руссы не имѣли средствъ для ихъ возстановленія.

Кн. Ѳеодоръ Коріатовичъ.

Въ 1338 году явился въ Угорскую Русь потомокъ литовскаго Гедимина князь Ѳеодоръ Коріатовичъ. Не будучи въ состояніи выдержать натиска своего дяди Ольгерда, онъ оставилъ свое Подольское княжество и удалился къ угорскому королю Карлу-Роберту I. По заключенному съ угорскимъ королемъ Людвигомъ I въ 1354 г. договору въ гор. Брацлавѣ онъ уступилъ ему свои права на Подолію, получивъ взамѣнъ владѣнія Мукачевское и Маковицкое. Поселившись въ Мукачевѣ и выстроивъ крѣпость, онъ окружилъ себя подвластными русскими вассалами и при помощи ихъ расширилъ свои владѣнія. Въ 1360 году

онъ основалъ на Чернецкой горѣ, близъ Мукачева, православный монастырь въ честь св. Николая Чудотворца. Приходъ Коріатовича поднялъ духъ угро-русскаго народа. Къ сожалѣнію, князь Ѳеодоръ Коріатовичъ не упрочилъ своей власти въ Угорской Руси, а ушелъ обратно въ Подолію, гдѣ и умеръ.

Второй періодъ (съ половины XIV до послѣдней четверти XVIII в.).

Галицкая Русь подъ властью Польши (1340—1772 гг.).

Завоеваніе Галицкой Руси Польшею.

Съ 1340 по 1387 годъ шла борьба между Польшей и Литвой за обладаніе Галицко-Владимірскимъ королевствомъ. Грамоты Казиміра и папы ясно показываютъ конечную цѣль ихъ политики: „отмстить обиду, причиненную христіанской вѣрѣ“ (устраненіемъ Юрія-Болеслава—сторонника Рима), для чего польскій король двинулъ свои полки на Русь. Римская курія, Угрія и Тевтонскій орденъ явились союзниками Польши противъ Руси и, соединившей съ нею свои интересы, Литвы. Въ этой 47-лѣтней борьбѣ особенно выдѣляются историческія личности трагическаго князя Любарта и двухъ бояръ: Дѣдка и Даніила (de Ostrow), дѣлавшихъ геройскія усилія для отстаиванія независимости Галицко-Владимірскаго государства. Въ 1386 году бракъ Ягайлы съ Ядвигой, соединивъ Литву съ Польшей, кончилъ споръ тѣмъ, что Галицкая Русь вошла въ составъ Польши подъ именемъ русскаго воеводства (Львовская, Перемышльская, Сянокская, Галицкая и Холмская земли); унія же 1569 года окончательно закрѣпила эти земли за Польшей. Характерной чертой польскаго владычества надъ Галицкой Русью была упорная борьба польскаго правительства съ православной вѣрой и русской народностью. Вслѣдъ за занятіемъ Польшей Галицкой Руси, въ нее направилась польская колонизація; тутъ была мелкая шляхта и безземельные шляхтичи, а также магнаты, державшіе въ своихъ рукахъ судьбы польскаго государства. Русское боярство и мѣщанство ополяличось и тѣмъ самымъ увеличило ряды противниковъ Руси. Православію и русской національности остались вѣрными только крестьянство и духовенство или, какъ говорили въ Галичинѣ, „хлопъ да попъ“. Русское мѣщанство, не отрекшееся отъ своей вѣры и народности, не пользовалось магдебургскимъ правомъ, предоставленнымъ полякамъ и католикамъ. Земледѣльческій свободный классъ постепенно спускался на положеніе рабовъ. Остались, однако, свободными общины у подножія Карпатъ и, благодаря этимъ свободнымъ горцамъ, а также тому, что сосѣднія степи звали къ себѣ всѣхъ недовольныхъ,—въ Галичинѣ наблюдается броженіе среди русскаго населенія уже въ XV вѣкѣ; въ 1490 году въ Галичинѣ происходитъ возстаніе противъ польскаго владычества подъ предводительствомъ нѣкоего Мухи и, такимъ образомъ, тамъ намѣчаются тѣ событія, которыя черезъ два вѣка разыгрались въ Южной Руси. Огромную роль въ Галицкой Руси сыграла православная церковь, явившаяся единственнымъ центромъ, въ которомъ со-

средоточилась вся историческая жизнь русскаго народа, единственной хранительницей его религіозныхъ и національныхъ традицій.

Борьба польскаго правительства съ православной вѣрой и русской народностью.

Еще въ эпоху самостоятельности Галицко-Владимірскаго государства, въ XIII вѣкѣ, доминиканцы получили разрѣшеніе устроиться въ Галичѣ, а францисканцы—въ Перемышлѣ, что подало поводъ королю Казиміру усилить въ Галицкой Руси католическую пропаганду учрежденіемъ викаріатства, латинскихъ епархій и поставленіемъ латинскаго архіепископа. Одновременно онъ стремился и унизить православное духовенство. Въ Галицко-Владимірскомъ государствѣ къ этому времени были: древнѣйшая, со Святого Владиміра, Владиміро-Волынская епархія, къ которой присоединились Луцкая и Перемышльская, съ XII вѣка--Галицкая и со временъ Даніила Романовича—Холмская. Еще при Юріи Львовичѣ была сдѣлана попытка учредить Галицкую митрополію, для которой предназначался подвижникъ Петръ Ратенскій, сдѣлавшійся впослѣдствіи не галицкимъ, а первымъ Московскимъ митрополитомъ и сподвижникомъ Ивана Калиты по собиранію Руси. Польское правительство, въ цѣляхъ борьбы съ православіемъ, учреждаетъ латинскія епархіи, отбирая имущество у православныхъ церквей. Епископство упраздняется и по духовнымъ дѣламъ православные должны были ѣздить въ Молдавію. Хотя затѣмъ мы снова видимъ галицкаго епископа, подчиненнаго Кіевской митрополіи, однако, униженіе православнаго духовенства продолжало усиливаться, причемъ духовенство и крестьянство было уравнено въ несеніи повинностей, и православное населеніе обязано было платить десятину въ пользу католической церкви. Насколько католическое духовенство было нетерпимо по отношенію къ православнымъ, можно судить, напр., по тому, что во второй половинѣ XVI вѣка Львовскій архіепископъ Суликовскій принуждалъ русскихъ галичанъ праздновать католическіе праздники и разгонялъ молящихся изъ православныхъ храмовъ наканунѣ праздника Рождества Христова. Со введеніемъ уніи въ 1596 году началась еще болѣе ожесточенная борьба, такъ какъ Галицкая Русь уніи не приняла. Положеніе русскаго духовенства рисуется Львовскимъ Ставропигійскимъ Братствомъ въ 1508 году слѣдующимъ образомъ: „Русскихъ священниковъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ въ церкви, изъ рукъ священниковъ вырываютъ Св. Тайны и бросаютъ на землю, не допускаютъ русскихъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые уже были записаны въ цехи, насиліемъ, денежною пенею и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждаютъ ходить въ латинскіе костелы“. Твердынями православія въ эту эпоху были Львовское Ставропигійское Братство и монастырь Манявскій Скитъ.

Буковинская Русь подъ властью Молдавіи (1359—1774 гг.).

Государство „Земля Молдавская“.

Въ половинѣ XIV столѣтія русскій народъ въ Буковинѣ былъ покрѣпленъ православными румынами, занявшими, по предложенію угорскаго короля Людовика I, послѣ изгнанія имъ татаръ изъ Угріи, Буко-

вины и Молдавіи,—незаселенныя мѣста въ южной части Буковины. Воеводѣ Богдану Драгошу, подъ предводительствомъ котораго прибыли въ Буковину румыны, въ 1359 году удалось съ помощью буковинскихъ русскихъ и румынъ овладѣть сосѣдней Молдавіей и образовать изъ этихъ двухъ земель особое независимое государство подъ названіемъ „Земля Молдавская“. Въ 1399 году въ буковинскомъ городѣ Сучавѣ молдавскимъ княземъ Югою была учреждена первая православная митрополія въ Буковинѣ, а до этого времени буковинская православная церковь находилась подъ управленіемъ православнаго архіепископа въ гор. Охридѣ, въ Македоніи. Однако, въ 1564 году столица буковинской митрополіи была перенесена, вмѣстѣ со столицей молдавскихъ князей, изъ Сучавы въ Яссы, въ Молдавію, въ Буковинѣ же православная митрополія была возобновлена только въ 1873 году съ мѣстопребываніемъ митрополита въ Черновцахъ. Подъ владычествомъ молдавскихъ князей, въ свою очередь подвластныхъ Турціи и вообще весьма покровительствующихъ православной вѣрѣ, Буковина находилась вплоть до 1774 года, когда въ силу Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Россіи съ Турціей она перешла подъ власть Австріи.

Культурное вліяніе русскихъ на румынъ.

Любопытно отмѣтить, что находясь подъ властью Молдавіи, буковинско-русское населеніе пользовалось не только полной свободой въ своихъ религіозныхъ и національныхъ дѣлахъ, но кромѣ того оказывало сильное вліяніе на буковинскихъ румынъ, причемъ русскій языкъ получилъ среди нихъ большое распространеніе. Румыны въ Буковинѣ настолько поддались вліянію русскаго народа, что переняли отъ своихъ русскихъ сосѣдей и единовѣрцевъ русскій языкъ, славянскія письмена, одежду, нравы и обычаи.

Угорская Русь (1360—1771 гг.).

Насильств. распространеніе уніи.

Вслѣдъ за эпохой князя Ѳеодора Каріатовича наступили тяжелыя времена для Угорской Руси. Мадьяры начали всячески ограничивать религіозныя, національныя и политическія права угро-руссовъ. Сначала стало отказываться отъ православной вѣры и своего русскаго имени дворянство, съ теченіемъ же времени и часть крестьяства, желая получить права и преимущества господствующей мадьярской народности, измѣнила родной вѣрѣ и народности. Такимъ образомъ, постепенно совершалась мадьяризація и латинизація угро-русскаго населенія.

Кромѣ того мадьярское правительство имѣло обычай поручать русскимъ отрядамъ охраненіе границъ государства. Разбросанные по разнымъ мѣстностямъ Угріи, русскіе отряды не были въ состояніи сохранить свою народность среди другихъ народовъ и сливались съ ними.

Не будучи въ состояніи сломить твердость своихъ русскихъ подданныхъ, угорскіе короли, наученные латинскимъ духовенствомъ, не призвали русскихъ православныхъ епископовъ, посылали въ православные при-

ходы латинскихъ монаховъ, чтобы совратить угро-руссовъ въ латинство и вообще относились къ православной церкви съ явнымъ пренебреженіемъ. Примѣру королей слѣдовала мадьярская аристократія. Угро-русскій народъ защищался всѣми силами отъ угрожавшей ему опасности полнаго обезличенія въ религіозномъ и національномъ отношеніяхъ, призывая архіереевъ и священниковъ изъ Галицкой Руси и Молдавіи. Однако, борьба становилась тѣмъ болѣе трудной, что Угрія все болѣе подчинялась вліянію Запада, и русскій языкъ въ церкви и въ общественныхъ учрежденіяхъ былъ замѣненъ латинскимъ. Къ концу XV вѣка русскіе крестьяне были лишены права свободнаго перехода.

Въ 1526 году произошла битва при Могачѣ, послѣ которой восточная Угрія подпала подъ власть турокъ, а западная—отошла къ Австріи. Перемѣна верховной власти возбудила въ угро-руссахъ надежды на лучшее будущее. Въ XVI вѣкѣ проникла въ Угрію реформація. Кальвинисты и іезуиты стали оспаривать другъ у друга свое вліяніе на православныхъ угро-руссовъ, а православные епископы, чтобы добиться подтвержденія своего избранія и своихъ правъ и удержать въ повиновеніи совращаемую въ латинство и кальвинизмъ паству, были вынуждены искать покровительства католиковъ и кальвинистовъ. Видя такую безпомощность угро-русскаго населенія, мадьярскій магнатъ Георгій Гоммонай задумалъ въ 1614 году перевести его въ унію и, пригласивъ для осуществленія своего намѣренія Перемышльскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго, привлекъ къ уніи нѣсколько священниковъ и иноковъ, жившихъ въ его владѣніяхъ, подъ условіемъ неприкосновенности восточнаго обряда. Когда, однако, угро-русскій народъ узналъ о такомъ намѣреніи навязать унію, то вооружившись вилами и кольями, напалъ на приверженцевъ уніи и выгналъ ихъ изъ Угорской Руси. Споръ кончился на время такимъ образомъ, что избирались два епископа: одинъ—православный и другой—уніатскій. Въ 1646 году въ Ужгородѣ собрались 63 угро-русскихъ священника, провозгласившіе унію. Народъ, услышавъ о принятіи уніи, пришелъ въ негодованіе, жегъ уніатскія церковныя книги, перекрещивалъ дѣтей въ православіе и повсюду обнаруживалъ свою ненависть къ латинскому обряду. Такимъ образомъ, хотя унія и была заключена, но простой народъ и большая часть духовенства ее не признали, продолжая еще долгое время свято хранить православную вѣру. Съ утвержденіемъ уніи положеніе угро-русскаго населенія мало измѣнилось: простой народъ оставался попрежнему въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ и только русское уніатское духовенство получило нѣкоторыя преимущества въ то время, когда Мукачевской епархіей управлялъ ученый грекъ Іосифъ де-Камелисъ, который старался всѣми способами поддерживать и распространять унію среди угро-русскаго населенія. Де-Камелисъ совратилъ въ унію волоховъ, основавъ для нихъ особый Велико-Варадскій викаріатъ. Несмотря на все это, де-Камелисъ умеръ всетаки не самостоятельнымъ епископомъ, такъ какъ Остригомскій архіепископъ подчинилъ де-Камелиса и его преемниковъ Ягерскимъ латинскимъ еписко-

памъ съ тѣмъ, чтобы Мукачевскіе епископы произносили клятву въ вѣрности латинству. Это подчиненіе подало поводъ къ продолжительнымъ и ожесточеннымъ спорамъ Мукачевскихъ епископовъ съ Ягерскими, кончившимся лишь въ 1771 году благодаря возвышенію Мукачевскаго викаріата въ самостоятельное епископство при Іоаннѣ Брадачѣ.

Когда Іоаннъ Брадачъ вступилъ въ управленіе Мукачевской епархіей былъ уже возбужденъ вопросъ объ ея канонизаціи; поэтому онъ заявилъ протестъ противъ даннаго ему, со стороны Ягерскаго епископа графа Эстергазія, титула викарія. Ни та, ни другая сторона не хотѣли уступать и трудно было предвидѣть, чѣмъ кончится споръ Эстергазія и Брадача. Когда въ Мукачевъ пріѣхалъ наслѣдникъ австрійскаго престола—Іосифъ, то онъ принялъ Брадача въ своей квартирѣ, а затѣмъ присутствовалъ на богослуженіи въ русской церкви. Послѣ этого Іоаннъ Брадачъ отправился въ Вѣну, чтобы лично хлопотать о признаніи самостоятельности за Мукачевской епархіей. Марія-Терезія обратилась по этому поводу въ Римъ, но папа былъ непреклоненъ. Тогда австрійская императрица рѣшила на основаніи принадлежащаго ей права патроната учредить Мукачевское епископство и сообщила объ этомъ папскому нунцію въ Вѣнѣ, чтобы онъ передалъ объ ея рѣшеніи папѣ Клименту XIV. Только послѣ этого папа, наконецъ, уступилъ, назначивъ мѣстопребываніемъ русскаго епископа гор. Мукачъ, а для епархіи Мукачевскую и Мараморошскую области со всѣми другими, гдѣ только въ Угріи живутъ уніаты. 20 марта 1771 года папскимъ постановленіемъ Мукачевскій викарій былъ возведенъ въ санъ епископа. Такъ успѣшно закончилась многолѣтняя борьба угро-русскаго духовенства за права своей церкви. Вождь этого движенія — Іоаннъ Брадачъ умеръ черезъ годъ (1772 г.) послѣ признанія самостоятельности за Мукачевской епархіей и похороненъ на Чернецкой горѣ, близъ Мукачева.

Іоаннъ Брадачъ и признаніе самостоят. за Мукачевской епархіей.

Третій періодъ (съ послѣдней четверти XVIII в. до войны 1914 г.).

Галицкая Русь подъ властью Австріи (1772—1914 гг.).

Въ 1772 году произошелъ первый раздѣлъ Польши между Россіей, Австріей и Пруссіей. По этому раздѣлу Галичина была присоединена къ Австріи за исключеніемъ лишь двухъ округовъ—Тарнопольскаго и Скалатскаго. Эти округа были возвращены Россіи, и все ихъ населеніе поголовно перешло изъ уніи въ православіе. Обстоятельство это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что галицко-русскій народъ при первой возможности покидалъ навязанную унію и возвращался въ вѣру своихъ предковъ — православіе. Въ 1815 году, по Вѣнскому трактату, Тарнопольскій и Скалатскій округа отошли къ Австріи и ихъ православное населеніе (около 1 милліона человѣкъ) было опять насильственно обращено въ унію.

Присоединеніе Галицкой Руси къ Австріи (1772).

Послѣ 400-лѣтняго польскаго владычества Галицкая Русь находилась въ состояніи крайней бѣдности, забитости и полнаго порабощенія.

Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуютъ слова галицко-русскаго писателя Левицкаго: „Я уже совершенно сжился съ мыслью, что Русь скорѣе погибнетъ, чѣмъ что-нибудь изъ нея выйдетъ. Очень жаль, что мы учились; такъ какъ если бы мы, подобно нашимъ отцамъ, ничего не знали, то не чувствовали бы тѣхъ кривдъ, какія терпимъ безъ вины. И не только наше униженіе, но и подводы и панщина, какую отбывали наши отцы, не были бы такъ тягостны, какъ теперешняя неволя. А если бы надоѣли намъ панщина и подводы, то, будучи православными мужиками, мы легко бы нашли покровительство въ Москвѣ, и навѣрное нашли бы его тамъ скорѣе, чѣмъ теперь въ Римѣ. Жаль, что конфедератамъ не посчастливалось. Они бы насъ вырѣзали и успокоились, а то теперь насъ бьютъ, бьютъ и не могутъ убить!“.

Стремленіе къ онѣмеченію Галичины. Присоединивъ къ себѣ Галичину, Австрія прежде всего принялась за германизацію этой области. Галичина была раздѣлена на нѣсколько округовъ, управляемыхъ особыми старостами; во главѣ области стоялъ львовскій губернаторъ. Всюду вводилось нѣмецкое управленіе и судопроизводство, причемъ чиновниками были вездѣ нѣмцы. Многія мѣстности Галицкой Руси были тоже заселены нѣмцами.

Улучшеніе положенія русскихъ крестьянъ. Несмотря на германизацію, положеніе Галицкой Руси въ первое время австрійскаго владычества все-же нѣсколько улучшилось по сравненію съ прежнимъ безправнымъ существованіемъ Такъ, въ царствованіе Іосифа II (1780—1790) галицко-русское крестьянство получило личную свободу и было освобождено отъ многихъ тяжелыхъ повинностей въ пользу польскихъ помѣщиковъ. Вообще взаимныя отношенія русскихъ крестьянъ и польскихъ помѣщиковъ въ Галичинѣ были во многомъ упорядочены.

Распространеніе просвѣщенія. Одновременно съ экономическими реформами было приступлено и къ удовлетворенію духовныхъ потребностей галицко-русскаго населенія. Въ 1783 году во Львовѣ была учреждена русская духовная семинарія; нѣсколько позднѣе была возстановлена Львовская православная митрополія; въ 1784 году былъ основанъ Львовскій университетъ, гдѣ на богословскомъ и философскомъ факультетахъ въ теченіе 11-ти лѣтъ (1787—1808) читались лекціи на русскомъ языкѣ.

Наступленіе реакціи при Меттернихѣ. Доброжелательная политика австрійскаго правительства продолжалось, однако, недолго. Скоро наступила эпоха Меттерниха, всесильнаго австрійскаго министра, старавшагося самыми суровыми мѣрами заглушить не только въ Австріи, но и во всей Европѣ малѣйшія проявленія національныхъ движеній. Подъ вліяніемъ Меттерниха, Австрія начинаетъ подавлять въ Галичинѣ все русское и усиленно проводить германизацію этой области. Съ этого времени нѣмцы избираютъ себѣ союзниковъ въ лицѣ польской шляхты, вмѣстѣ съ которой стремятся всѣми средствами уничтожить проблески русскаго національнаго самосознанія. Такая политика продолжалась до памятнаго 1848 года, когда наступило національное возрожденіе Галицкой Руси.

1848 годъ и національное возрожденіе Галицкой Руси.

Въ чемъ же заключались причины и каковъ былъ ходъ этого движенія? Извѣстный галицко-русскій публицистъ и общественный дѣятель О. А. Мончаловскій слѣдующимъ образомъ изображаетъ эту знаменательную эпоху.

„1848 годъ засталъ у насъ „мерзость запустѣнія". Отдѣленная цѣлыя столѣтія отъ общей жизни съ остальною Русью, Червонная Русь влачила жалкое существованіе въ качествѣ производительности рабочей силы для пановъ-помѣщиковъ и предмета прозелитскихъ опытовъ и попытокъ со стороны польскихъ патріотовъ и римскихъ іезуитовъ. Русское дворянство, сманенное „Польши шумными пирами", уже давно и всецѣло находилось на польской сторонѣ, увеличивъ такимъ образомъ не только число польскихъ пановъ, но и вскрѣпивъ матеріальныя силы Польши русскимъ добромъ и русскою землею. Нынѣ говорятъ, что Червонную Русь составляютъ одни „хлопы и попы", а въ 1848 году и этого нельзя было сказать. Русское духовенство было почти поголовно ополячено. Рѣдко въ домѣ русскаго священника былъ разговорный галицко-русскій языкъ. Проповѣди въ церквахъ, если вообще говорились, то по-польски. Тутъ и тамъ вспыхивало иногда пламя русскаго національнаго самосознанія и патріотизма; въ 1816 году возникло въ Перемышлѣ стараніемъ каноника перемышльскаго капитула Ивана Могильницкаго „Общество священниковъ", которое поставило себѣ цѣлью распространять просвѣщеніе среди народа, но для осуществленія этой цѣли не было средствъ, такъ какъ кромѣ „Букваря", изданнаго въ 1807 году Ставропигійскимъ Институтомъ, въ Червонной Руси не было никакихъ другихъ учебниковъ; въ 1829 г. учредилъ епископъ Іоаннъ Снѣгурскій въ Перемышлѣ типографію и всячески поощрялъ молодыхъ людей къ національному труду; тамъ же, въ Перемышлѣ, каноникъ Иванъ Лавровскій основалъ капитульную библіотеку; изъ древняго Перемышля искра русскаго самосознанія перескочила въ младшій Львовъ и тутъ зажгла въ первой половинѣ 30-хъ годовъ въ сердцахъ молодыхъ семинаристовъ яркій пламень патріотизма: Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ образовали кружокъ, который усердно дѣйствовалъ въ пользу національнаго движенія; результатомъ его дѣятельности явилась изданная въ Будапештѣ въ 1837 году первая русско-галицкая книжка, напечатанная гражданскими письменами, „Русалка Днѣстровая". Но это движеніе показалось опаснымъ не только австрійскому правительству, но и русскому духовному начальству и оно, подавленное въ самомъ зародышѣ, „отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть". А нужно знать еще и то, что тогдашнее австрійское правительство косо смотрѣло на русское населеніе Галичины. Въ 1816 году Львовская губернія представила „придворной канцеляріи" въ Вѣнѣ, что „политическія соображенія не велятъ вмѣсто польскаго языка распространять русскій, такъ какъ послѣдній составляетъ только разновидность россійскаго". Еще въ концѣ 50-хъ годовъ правительство предложило русской консисторіи во Львовѣ

составить образцы такой русской скорописи, которая бы отличалась отъ скорописи, употребляемой въ Россіи. Печатное гражданское письмо было въ Галичинѣ строго запрещено, а русскія слова, которыхъ цензоръ по незнанію русской рѣчи не понималъ, считались „московскими" и немилосердно вычеркивались. Оффиціальными языками считались языки латинскій и нѣмецкій; народныхъ школъ почти-что не было, а среднія и высшія учебныя заведенія не были разсадниками просвѣщенія въ такомъ значеніи, какъ это мы нынѣ понимаемъ, но воспитывали только благонадежныхъ для правительства чиновниковъ. Съ заграничною Русью наша Русь не имѣла почти никакого общенія. Изъ русскихъ ученыхъ знали о существованіи Червонной Руси только М. П. Погодинъ, Шевыревъ и Кирѣевскій, „открывшіе" ее случайно, возвращаясь изъ-за границы, въ 1835 году, по русскимъ надписямъ на башнѣ василіанскаго монастыря во Львовѣ. Съ одной стороны не было кому писать, съ другой — тѣ, которые могли писать о насъ въ заграничныя изданія, боялись, такъ какъ существовалъ законъ, налагавшій пеню въ суммѣ 25 дукатовъ на того, кто печаталъ за границею сочиненія, не прошедшія черезъ горнило мѣстной цензуры. Только передъ 1848 годомъ русскіе галичане: Денисъ Зубрицкій, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ начали переписываться съ славянскими и русскими дѣятелями въ Прагѣ, Варшавѣ, Кіевѣ и Москвѣ и печатать за границею свои статьи. Умственное и національное состояніе Червонной Руси до 1848 года представляетъ всего лучше число появившихся въ ней галицко-русскими авторами написанныхъ сочиненій. Въ этомъ отношеніи „Галицко-русская Библіографія" И. Е. Левицкаго содержитъ многоцѣнныя и очень поучительныя указанія. Въ 1847 году появилось всего 30 сочиненій, написанныхъ русскими галичанами; изъ этого числа 22 сочиненія написаны на русскомъ языкѣ, 4 на польскомъ, и 4 на латинскомъ. Объ уровнѣ тогдашняго образованія галицко-русскаго общества и его потребностяхъ свидѣтельствуетъ то, что на число 22 русскихъ „сочиненій" сложились: „Русско-словеньскій букварь", „Возвѣщеніе" (т.-е. проспектъ) объ изданіи книжки „Размышленія благоговѣйныя", „Науки парохіальныя на недѣли всего лѣта", „Гласнопѣснецъ малый" (должно быть „Гласопѣснецъ"), „Каталогъ книгъ русско-словенскихъ" Ставропигійскаго Института, „Библійная исторія ветхаго завѣта", три „Слезы", одинъ „Плачъ", одна „Надгробная поэма" и одинъ „Стихъ печальный" по поводу смерти епископа Іоанна Снѣгурскаго; дальше „Лѣствица къ блаженному животу", „Наука о управѣ тютюну для Галиціановъ", „Радостная пѣснь Русина Галичанина" по поводу именинъ митрополита Михаила, „Благоговѣйныя размышленія, русскимъ чадамъ къ чтенію опредѣленная. Сочинительницею памятки по доброй матери изъ подлинника англическаго на языкъ польскій, изъ тогоже на языкъ русско-словенскій переведенная", пастырское посланіе епископа І. Снѣгурскаго, „Чинъ утрени и вечерни" и, наконецъ, стихотвореніе „Ѵмнъ Благодѣтельнымъ". Самыя цѣнныя сочиненія, появив-

шіяся въ 1847 году, были бы „Букварь“ и „Библійная исторія“, если не считать книжки „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки“, изданной въ Вѣнѣ Иваномъ Ѳ. Головацкимъ на средства сербскаго патріарха Іосифа Раячича. Но не всѣ эти „сочиненія“ появились въ Галичинѣ. Два изъ нихъ напечатаны въ Вѣнѣ, именно „Вѣнокъ“ и „Наука о управѣ тютюну“, одно въ Будапештѣ, одно въ Черновцахъ. Изъ польскихъ и латинскихъ изданій 1847 года—три архипастырскія посланія митрополита Левицкаго, два—„Шематизмы“ клира епархій перемышльской и львовской, одно стихотвореніе по поводу смерти епископа І. Снѣгурскаго и „Wykład teologii pastoralnej“. Только два сочиненія, а собственно говоря двѣ статьи, написанныя Д. И. Зубрицкимъ въ 1847 г. имѣютъ научную и литературную стоимость, именно: „Начало уніи“ и „Приглашеніе къ суду по уголовному дѣлу около половины XVII в. во Владимірской Руси“, но онѣ появились въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“. Судя по перечисленнымъ „сочиненіямъ“, въ умственной, національной и политической жизни существовалъ у насъ полнѣйшій застой. И удивительно ли послѣ того, что Червонная Русь встрѣтивъ 1848 годъ безъ соотвѣтствующей подготовки, безъ историческихъ воспоминаній, безъ опредѣленнаго и яснаго національнаго сознанія, безъ политическаго опыта, не умѣла оріентироваться среди тогдашнихъ событій и, правду сказать, сыграла въ рукахъ правительства довольно печальную роль?

„Какъ видимъ, русское населеніе Галичины до 1848 года состояло изъ крестьянъ, коснѣющихъ во мракѣ невѣжества и стонущихъ подъ игомъ панщины (барщины, крѣпостничества) и изъ духовенства, въ общемъ мало образованнаго и зависимаго отъ польскихъ патроновъ; конечно, и среди тогдашняго русскаго духовенства были люди образованные, но это образованіе было латинское, нѣмецкое и польское, а не русское. Университеты и духовныя семинаріи во Львовѣ, Перемышлѣ и Вѣнѣ могли дать духовенству общее и богословское образованіе, но по-русски оно знало лишь столько, сколько могло научиться по церковнымъ книгамъ. Многіе, особенно „луцаки“, т.-е. получившіе богословскую подготовку и рукоположеніе въ Луцкѣ, нынѣшней Волынской губерніи, не умѣли даже читать по-русски и пользовались при богослуженіи церковными книгами лишь такимъ способомъ, что велѣли себѣ русскій текстъ надписывать латинскими буквами. Эпоха общерусской литературы отъ Ломоносова до Карамзина, сочиненія Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Хераскова, Богдановича, общерусская литература начала XIX ст., начиная съ Карамзина и кончая писателями Пушкинской эпохи, не имѣли ни малѣйшаго доступа и вліянія на Червонную Русь. Извѣстный славистъ Фр. Миклошичъ писалъ въ 1850 году М. П. Погодину: „Пражане (die Prager) такъ счастливы, что могутъ изъ Россіи кое-что получить, между тѣмъ какъ мы въ Вѣнѣ, скорѣе получимъ появившуюся въ Кантонѣ книжку, чѣмъ русскую. Всѣ мои старанія получить самонужнѣйшее изъ русской литера-

туры были безуспѣшны“. Это вполнѣ, если не въ большей еще степени относилось и къ Галичинѣ. Тѣмъ и объясняется, что ода Г. Р. Державина „Богъ“, изданная во Львовѣ въ 1830 году Д. И. Зубрицкимъ съ польскимъ и нѣмецкимъ переводами, была единственнымъ произведеніемъ русской литературы, которое проскользнуло въ Червонную Русь, да и то благодаря газетѣ „Dziennik Wilenski“, гдѣ въ 1822 г. былъ напечатанъ польскій переводъ этой оды. Однимъ словомъ, въ литературномъ и умственномъ отношеніи Червонная Русь находилась до 1848 года въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Великая Русь до Лермонтова, съ тѣмъ, однако, исключеніемъ, что Великая Русь не страдала отъ иностранныхъ вліяній, Червонная же Русь въ лицѣ своей интеллигенціи таяла подъ вліяніемъ польскимъ и нѣмецкимъ. Лучше всего представятъ эти цифры публикацій. Съ 1800 до 1848 года появилось въ Галичинѣ всего 159 русскихъ публикацій, написанныхъ или изданныхъ галицко русскими уроженцами. Въ числѣ тѣхъ 159 публикацій 47 падаетъ на церковныя книги, молитвословы и проповѣди, 15 на „буквари“, а остальныя состоятъ изъ панегириковъ, каталоговъ книгъ Ставропигійскаго Института, австрійскихъ гимновъ и т. д. Очень небольшое число публикацій имѣло образовательное или литературное значеніе. Къ такимъ принадлежатъ: „Грамматика языка русскаго въ Галиціи“ (1834 г.), составленная однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, сознательныхъ и образованныхъ въ то время галичанъ, — свящ. Іосифомъ Левицкимъ по нѣмецко-россійской грамматикѣ Таппе и „Мотыль на малорусскомъ языцѣ“ Рудольфа Моха (1841), брошюра, содержащая 11 стихотвореній и нѣкоторые переводы Шиллера, сдѣланныя названнымъ І. Левицкимъ.

„Откуда у галицко-русскихъ дѣятелей 1848 года взялось вдругъ такое сильное національное сознаніе, что они могли выступить въ защиту отдѣльности галицко-русскаго народа отъ польскаго и предъявить правительству свои національныя требованія? Крѣпостью, которая сохранила національные идеалы и особенности русскаго населенія Галичины въ теченіе долгихъ вѣковъ польскаго политическаго ига, силой, которая, какъ могучій рычагъ, выдвинула въ 1848 году Червонную Русь на поприщѣ національной и политической дѣятельности и сдѣлала изъ нея отдѣльный національный организмъ, была русская церковь. Какъ извѣстно, національная идея и національные вопросы появились только послѣ того, какъ Наполеонъ I перевернулъ вверхъ ногами почти всю Европу и разрушилъ средневѣковый ея строй. До того времени господствовалъ религіозный принципъ. Польша, управляемая іезуитами и пропитанная іезуитскимъ духомъ, не знала силы національной идеи и все свое вниманіе обращала преимущественно на распространеніе римскаго католичества среди русскаго населенія своихъ областей. Хмѣльницкій ободрялъ ряды казаковъ передъ битвою словами: „за вѣру и свободу!“—о народности же и не упоминалъ. Ставропигійское братство во Львовѣ тоже было основано для защиты вѣры. Вве-

деніе церковной уніи въ Червонной Руси въ XVII и XVIII вѣкахъ усыпило отчасти бдительность Польши. Она довольствовалась переходомъ червонно-русскаго дворянства въ латинство, а имѣя надъ уніатскою церковью такихъ надежныхъ стражей, какъ іезуиты, разсчитывала, что со временемъ и крестьянское „быдло“ будетъ заманено въ ихъ сѣти и съ переходомъ въ латинство ополячится. Впрочемъ, шляхетская Польша мало занималась своимъ польскимъ крестьянствомъ, а тѣмъ меньше русскимъ. Между тѣмъ именно въ русской церкви, хотя и уніатской и среди ея вѣрныхъ, подъ соломенными крышами, тлѣла искра національной мысли; церковь отдѣляла русскій народъ не только отъ костела, но и отъ польской національности, церковь сохранила русскій языкъ и русское письмо и оберегала національныя преданія. Въ церковныхъ службахъ св. Владиміру, св. Ольгѣ, свв. Борису и Глѣбу и другимъ нашимъ національнымъ святымъ и священники и народъ читали и слышали о „русскомъ родѣ“, а это съ живыми преданіями и разсказами, ходившими въ народѣ о Кіевѣ, о Почаевѣ и другихъ русскихъ городахъ и мѣстахъ благочестиваго паломничества, о казацкихъ войнахъ съ Польшею и т. п. создавало въ умахъ галичанъ образъ Руси и утверждало ихъ о пламенной къ ней принадлежности. Это смутное стихійное пониманіе ждало только, чтобы выразиться сознательно. Толчокъ дали немногіе образованные и сознательные русскіе галичане тогдашняго времени. Мы видѣли, что тогдашняя галицко-русская литература не давала образовательныхъ средствъ въ направленіи знанія русской исторіи. Тутъ опять явилась косвенно спасительницею и учительницею русская церковь. Галичане-священники, изучая исторію церквей, силою вещей были принуждены изучать и исторію русской церкви, а такъ какъ она тѣсно связана съ политическими и національными судьбами русскаго народа, то вмѣстѣ съ церковною исторіею они ознакомлялись и съ исторіею Руси. Къ ознакомленію съ судьбами галицко-русскаго народа приводило также изученіе исторіи такихъ церковныхъ учрежденій, какъ Ставропигійское братство во Львовѣ, монастыри чина св. Василія Великаго и церковная іерархія. Такъ, уже въ 1830 году Д. И. Зубрицкій издалъ брошюру: „Die griechisch-katholische Stauropigialkirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut“; въ 1836 году онъ напечаталъ сочиненіе п. з. „Historyczne badania o drukarniach Rusko-słowiańskich w Galicyi“, въ 1837 году „Rys do historyi Narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej w témże królestwie“ (съ 988 до 1340), а въ 1844 году монументальное сочиненіе „Kronika miasta Lwowa“. Въ университетскихъ библіотекахъ Львова и Вѣны находились нѣкоторыя русскія сочиненія по исторіи и литературѣ. Изъ воспоминаній Я. Ѳ. Головацкаго („Литературный Сборникъ“, 1885 г.) извѣстно, что онъ въ 1831 году переписалъ цѣлый „Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ“ Максимовича (изд. 1827) и познакомился съ произведеніями Пушкина и „Исторіей Россіи“ Кайданова въ польскомъ переводѣ, такъ какъ нельзя было получить подлинниковъ. Въ львовской же университет-

ской библіотекѣ находилась „Исторія Руси“ Бантышъ-Каменскаго, которую особенно изучила извѣстная „русская троица“ М. Шашкевичъ, И. Вагилевичъ и Я. Головацкій. Послѣ посѣщенія Львова Погодинымъ, упомянутая троица получала лучшія книги изъ Россіи, а именно отъ Погодина, Кирѣевскаго и О. Бодянскаго. То же самое случилось и въ Вѣнѣ. Изъ автобіографіи свящ. Антонія Добрянскаго, автора „Исторіи епископовъ“, знаемъ, что онъ въ вѣнской университетской библіотекѣ случайно наткнулся на исторію Бантышъ-Каменскаго и такимъ образомъ изучилъ исторію Руси. Конечно, сознательныхъ русскихъ галичанъ можно было передъ 1848 годомъ посчитать на пальцахъ, тѣмъ не менѣе уже тогда они мужественно защищали даже русскую азбуку. Когда въ 1834 году Іосифъ Лозинскій, впослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ русскихъ дѣятелей, по наущенію польскаго писателя Вацлава Залескаго въ журналѣ „Rozmaitości“ напечаталъ статью. „O wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego“ и въ слѣдующемъ году издалъ книжку „Ruskoje wesile“, противъ его проекта рѣзко выступили Іосифъ Левицкій и Маркіанъ Шашкевичъ. И не съ однимъ недостаткомъ образовательныхъ средствъ боролись наши доблестные предки. Чтеніе славянскихъ книгъ и славянская литературная работа считались тогда въ глазахъ правительства преступленіемъ Извѣстно, что предвѣстница народнаго возрожденія—„Русалка Днѣстровая“ была запрещена, а ея сочинители подвержены гоненію. Директоръ львовской полиціи Пайманъ сказалъ прямо по поводу изданія „Русалки“: „Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken!“ Это нерасположеніе правительства подсыщали еще польскіе революціонеры, мстя русскимъ за то, что они не хотѣли пристать къ нимъ. Арестованные польскіе революціонеры клеветали на русскихъ сколько душѣ было угодно. Такъ по запискамъ Я. Ѳ. Головацкаго, въ 1841 году, когда львовскія тюрьмы были переполнены поляками, практикантъ уголовнаго суда чехъ Марекъ сказалъ литератору В. Запу. „Не помни Богъ полякамъ за то, что они наклеветали на бѣдныхъ русиновъ“. Можно принять за общее правило, что за исключеніемъ перемышльскаго епископа Іоанна Снѣгурскаго, остальные галицко-русскіе владыки до 1848 года смотрѣли на начинающееся русское движеніе глазами правительства и полиціи. Такъ митрополитъ Михаилъ Левицкій возбудилъ processum canonicum противъ авторовъ „Русалки“, а епископъ Григорій Яхимовичъ говорилъ проповѣди у іезуитовъ, относился безучастно къ патріотическимъ начинаніямъ молодыхъ людей, а просившихъ у него совѣта по литературнымъ дѣламъ, отсылалъ къ адвокату и говорилъ, что онъ не можетъ помочь, такъ какъ все зависитъ отъ правительства и полиціи. Національное и политическое положеніе Червонной Руси съ замѣчательнымъ на тогдашнее время мужествомъ представилъ въ 1846 году Яковъ Ѳ. Головацкій въ первой въ Червонной Руси политической брошюрѣ „Zustände der Russinen in Galizien“, вышедшей въ

Липскѣ какъ отпечатка изъ журнала „Iahrbücher für slavische Lieteratur-Kunst und Wissenschaft“. Эта брошюра произвела такое впечатлѣніе на нѣмцевъ и поляковъ, что они нарочно ее покупали, чтобы уничтожить, вслѣдствіе чего тогдашніе русскіе семинаристы по ночамъ списывали съ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ сотни копій и разсылали списки на провинцію“.

Политика Голуховскаго по отношенію къ Галицкой Руси.

Въ 1849 году намѣстникомъ Галичины былъ назначенъ ярый врагъ всего русскаго графъ Агеноръ Голуховскій. Внушивъ австрійскому правительству недовѣріе къ русскимъ галичанамъ, онъ обезпечилъ полякамъ полное господство въ краѣ. Особенно Голуховскій стремился къ тому, чтобы замѣнить въ Галичинѣ русскую азбуку латинскимъ алфавитомъ. Этого ему, однако, сдѣлать не удалось, благодаря стойкости галицко-русскаго образованнаго общества и особенно заслугамъ Б. А. Дѣдицкаго, подробно разъяснившаго вопросъ въ своихъ извѣстныхъ брошюрахъ. Въ 1859 году Голуховскій всетаки издалъ постановленіе, запрещающее что-либо печатать въ Галичинѣ по-русски гражданскимъ алфавитомъ, допуская лишь церковно-славянскій шрифтъ.

Заявленіе И. Г. Наумовича объ единствѣ всей Руси.

Для того, чтобы уничтожить у русскихъ галичанъ сознаніе ихъ принадлежности къ русскому міру, австрійское правительство стало по отношенію къ нимъ примѣнять вмѣсто единственно правильнаго наименованія „русскіе“ вновь придуманныя названія: „русины“, „рутены“ и „украинцы“. Лучшимъ отвѣтомъ на всѣ эти поползновенія Вѣны отнять у русскихъ галичанъ ихъ родное имя было историческое заявленіе просвѣтителя Галицкой Руси И. Г. Наумовича, прочитанное имъ въ качествѣ депутата во Львовскомъ сеймѣ въ 1866 году: „сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто на свѣтѣ: ни законы, ни сеймы, ни министры“.

Отданіе управленія Галичиной въ руки поляковъ (1867).

Въ 1867 году въ Австріи былъ введенъ дуализмъ и управленіе Галичиной перешло всецѣло въ руки поляковъ. Основой польской политики сдѣлался лозунгъ: „Натравить русскаго на русскаго“ („Puscic rusina na rusina“). Дѣйствительно, съ этого времени сталъ усиливаться расколъ въ средѣ галицко-русской интеллигенціи: русско-народная партія продолжала по-прежнему стоять за національно-культурное единство всего русскаго народа, „украйнофилы“ же, наоборотъ, стремились къ обособленію не только Галичины, но и Малороссіи отъ Россіи, русской церкви, русскаго языка и вообще русской культуры. Пользуясь поддержкой и покровительствомъ австрійскаго правительства, „украйнофилы“ начали основывать свои отдѣльныя общества и издавать особыя книги и газеты. Таковы общества: „Руска Бесіда“ (1861 г.), „Просвіта“ (1869 г.), „Товариство имени Шевченка“ (1873 г.) и др., а изъ газетъ—„Діло“ и „Русланъ“.

Политическій процессъ 1882 г.

Покровительствуя всячески „украйнофиламъ“, австрійское правительство не останавливалось ни передъ чѣмъ, чтобы уничтожить русско-народную партію. Такъ, въ 1882 году, послѣ перехода села Гниличекъ въ православіе, былъ затѣянъ политическій процессъ по обвиненію вы-

дающихся дѣятелей Галицкой Руси въ государственной измѣнѣ въ пользу Россіи.

Провозглашеніе „новой эры". (1890).

Въ 1890 году былъ сдѣланъ новый натискъ на русско-народную партію и вообще на общерусское движеніе въ Галичинѣ. „Украйнофилы", по соглашенію съ поляками и австрійскимъ правительствомъ, провозгласили во Львовскомъ сеймѣ такъ-называемую „новую эру", сущность которой сводилась: 1) къ преданности Австріи, 2) къ приверженности уніи и вообще Риму и 3) къ союзу съ поляками.

Въ томъ же 1890 году было издано распоряженіе о введеніи въ школы и оффиціальную переписку вмѣсто этимологическаго правописанія вновь сфабрикованной фонетики, которая должна была затруднить русскимъ галичанамъ пользованіе книгами, изданными въ Россіи, и еще болѣе отдалить ихъ отъ вліянія общерусской культуры. Русско-народная партія не могла, конечно, примириться съ такимъ антирусскимъ распоряженіемъ правительства, и подала въ Вѣнскій парламентъ противъ фонетическаго правописанія протестъ, собравъ подъ нимъ 50 тысячъ подписей.

XX вѣкъ ознаменовался въ жизни Галицкой Руси борьбой за Львовскій университетъ (1901 г.) и за улучшеніе экономическаго положенія галицко-русскаго крестьянства.

Рѣчь д-ра Д. А. Маркова въ Вѣнскомъ парламентѣ на русскомъ языкѣ (1907).

Въ 1907 году было введено всеобщее избирательное право. Галицкая Русь послала въ числѣ другихъ своихъ депутатовъ стойкаго и убѣжденнаго защитника русскихъ интересовъ д-ра юриспруденціи Дмитрія Андреевича Маркова, который 27 іюня (9 іюля) 1907 года произнесъ въ Вѣнскомъ парламентѣ *рѣчь на общерусскомъ литературномъ языкѣ*. Этимъ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ было заявлено, что Галицкая Русь считаетъ языкъ Пушкина и Гоголя своимъ роднымъ языкомъ. Когда въ отвѣтъ на рѣчь Д. А. Маркова австрійскій министръ внутреннихъ дѣлъ баронъ Бинертъ отъ лица правительства заявилъ, что въ Австріи нѣтъ русскаго народа, то со всѣхъ концовъ Галицкой Руси было прислано въ парламентъ *сто тысячъ петицій* слѣдующаго содержанія:

„Высокая палата! Галицко-русскій народъ по своему историческому прошлому, культурѣ и языку стоитъ въ тѣсной связи съ заселяющимъ смежныя съ Галиціей земли малорусскимъ племенемъ въ Россіи, которое вмѣстѣ съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ составляетъ цѣльную этнографическую группу, т.-е. русскій народъ. Языкъ этого народа, выработанный тысячелѣтнимъ трудомъ всѣхъ трехъ русскихъ племенъ и занимающій въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ среди остальныхъ міровыхъ языковъ, Галицкая Русь считала и считаетъ своимъ и за нимъ лишь признаетъ исключительное право быть языкомъ ея литературы, науки и вообще культуры. Доказательствомъ этого является тотъ фактъ, что за права этого языка у насъ въ Галиціи боролись такіе выдающіеся дѣятели, какъ епископы: Яхимовичъ и Іосифъ Сембратовичъ, ученые и писатели: Зубрицкій, Наумовичъ, Площанскій,

Добрянскіе, Устіановичъ, Дѣдицкій, Головацкій, Петрушевичъ, Гушалевичъ, изъ младшихъ же — Золозецкій, Свистунъ, Хилякъ, Мончаловскій, Иванъ Левицкій, Дудыкевичъ, братья Марковы, Вергунъ, Яворскій, Святитскій, Глѣбовицкій, Глушкевичъ, Полянскій и многіе другіе. Общерусскій литературный языкъ у насъ въ Галиціи въ повсемѣстномъ употребленіи. Галицко-русскія общественныя учрежденія и студенческія общества во Львовѣ, въ Черновцахъ, въ Прагѣ, въ Вѣнѣ ведутъ пренія, протоколы и переписку на русскомъ литературномъ языкѣ. На этомъ же языкѣ у насъ сыздавна издавались и теперь издаются ежедневныя повременныя изданія, какъ: „Слово“, „Проломъ“, „Червонная Русь“, „Галицкая Русь“, „Галичанинъ“, „Бесѣда“, „Страхопудъ“, „Изданія Галицко-Русской Матицы“, „Русская Библіотека“, „Живое Слово“, „Живая Мысль“, „Славянскій Вѣкъ“, „Изданія Общества имени Михаила Качковскаго“, расходящіяся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Ссылаясь на вышеизложенное, высокая палата изволитъ признать законодательнымъ порядкомъ за общерусскимъ языкомъ права гражданства въ предѣлахъ королевствъ и земель, представленныхъ въ Вѣнскомъ парламентѣ, ввести русскій языкъ какъ преподавательный, въ начальныхъ школахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и прочихъ училищахъ русской части Галиціи, что будетъ содѣйствовать поднятію низкаго уровня образованія въ этихъ школахъ; приступить къ разработкѣ вопроса относительно основанія русскаго университета во Львовѣ, безотлагательно же учредить при Львовскомъ университетѣ каѳедры русскаго литературнаго языка, русской литературы, русской исторіи и исторіи русскаго права“.

Къ этой петиціи слѣдуетъ добавить, что со времени ея подачи (1907 г.) и вплоть до великой войны 1914 года въ Галицкой Руси печаталось на русскомъ литературномъ языкѣ еще нѣсколько повременныхъ изданій, изъ которыхъ особеннно должны быть отмѣчены: ежедневная большая газета „Прикарпатская Русь“ и студенческій журналъ „Новая Жизнь“.

Посѣщеніе въ 1908 г. Галицкой Руси гр. В. А. Бобринскимъ

Въ 1908 году состоялся Пражскій славянскій съѣздъ, на которомъ русскіе какъ изъ Россіи, такъ и изъ Галицкой Руси образовали одну делегацію. Этимъ было подчеркнуто общерусское національно-культурное единство, причемъ славянскіе представители признали, что объединеніе славянства возможно только на основѣ единаго русскаго народа. Послѣ съѣзда часть русскихъ делегатовъ, во главѣ съ графомъ В. А. Бобринскимъ, отправилась въ Галицкую Русь, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ жизнью галицко-русскаго населенія. Посѣтивъ Галичину, графъ В. А. Бобринскій издалъ весьма интересную книгу, а также прочелъ во многихъ городахъ Россіи рядъ лекцій по галицко-русскому вопросу, чѣмъ весьма способствовалъ ознакомленію русскаго общества съ историческимъ прошлымъ и современнымъ состояніемъ этой забытой и забитой русской земли.

Дѣло С. Ю. Бендасюка.

Австрійское правительство, видя ростъ общерусскаго національнаго самосознанія въ Галицкой Руси, рѣшило его задушить при помощи несло-

ханныхъ гоненій. Галицко-русское населеніе, чтобы спасти свою церковь и народность отъ окончательнаго порабощенія, стало переходить изъ уніи въ православіе. Такъ, еще въ 1881 году, какъ уже упомянуто, вернулось въ лоно православной церкви село Гнилички, въ 1903 году заявили себя православными всѣ жители села Залучья; въ послѣдніе годы въ православіе перешла вся западная часть Галицкой Руси—Лемковщина. Желая запугать православныхъ, австрійское правительство создало политическій процессъ по обвиненію журналиста С. Ю. Бендасюка, православныхъ священниковъ М. Т. Сандовича и И. Ф. Гудимы и студента В. А. Колдры въ государственоой измѣнѣ. Всѣмъ подсудимымъ угрожала смертная казнь. На судѣ выяснилась полная несостоятельность обвиненія и присяжными засѣдателями всѣ подсудимые были оправданы. Этотъ процессъ явился какъ бы заключительнымъ звеномъ въ длинной цѣпи мученій, перенесенныхъ Галицкой Русью подъ владычествомъ Австріи.

Буковинская Русь подъ властью Австріи (1774—1914 гг.).

Гражданское управленіе Буковиной.

Послѣ присоединенія въ 1774 году къ Австріи, Буковина получила военное устройство на подобіе Военной Границы. Въ 1787 году правительство замѣнило военное управленіе гражданскимъ, и Буковина, какъ округъ, была присоединена къ Галичинѣ, въ составѣ которой находилась до 1848 года. Съ 1848 года Буковина образовала особую коронную землю подъ названіемъ воеводства, получивъ собственное управленіе и войдя въ составъ цислейтанской половины Габсбургской имперіи. Съ 1861 года Буковина посылала въ Вѣнскій парламентъ 30 своихъ представителей, составляющихъ буковинскій сеймъ. Высшее мѣстное управленіе воеводства Буковины сосредочивается въ гор. Черновцахъ. Во главѣ управленія стоитъ областной начальникъ; ему подчинены 8 окружныхъ начальниковъ, соотвѣтственно 8 округамъ, на которые Буковина раздѣляется съ 1868 года: Черновецкій, Радовецкій, Сучавскій, Серетскій, Выжницкій, Старожинецкій, Кимполунгскій и Коцманскій.

Устройство православной буковинской церкви.

Завладѣвъ Буковиной, Австрія стала покровительствовать румынамъ и нѣмцамъ въ ущербъ русскимъ буковинцамъ, а также занялась усиленнымъ насажденіемъ католицизма среди православнаго населенія этой страны. Объ устройствѣ православной буковинской церкви сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія проф. Г. А. Воскресенскій въ своемъ цѣнномъ трудѣ „Православные славяне въ Австро-Венгріи“:

„Нынѣшняя православная буковинская церковь, составная часть Буковинско-Далматинской митрополіи, развилась изъ епископіи Радовецкой. Основанная въ 1402 г. молдавскимъ княземъ Александромъ Добрымъ, Радовецкая епископія подпала власти тогдашняго архіепископа и митрополита Сочавскаго, а когда этотъ послѣдній въ 1630 г. вмѣстѣ съ княземъ переселился въ Яссы—митрополиту Молдавскому, имѣвшему свою резиденцію въ Яссахъ. Эта епископія тогда охватывала не только значительную часть нынѣшней Буковины, но и одну часть

Молдавской митрополіи и имѣла много богатыхъ монастырей, изъ коихъ стоитъ упомянуть Ватру Молдавицу (основ. въ 1401 г.), знаменитую Путну, женскій монастырь Петрацу, а между болѣе поздними Сочавицу и Драгомирню. Что состояніе Радовецкой епархіи было относительно очень хорошее, доказываетъ и то обстоятельство, что въ правленіе епископа Варлаама она имѣла (1735—1744) и свою собственную типографію. Но въ 1775 г. Порта уступила Буковину императрицѣ Маріи Терезіи и тогда, естественно, православная буковинская церковь подпала Австріи, а Молдавскій митрополитъ потерялъ (1781 г.) всякое вліяніе на Радовецкую епархію, которая въ теченіе двухъ лѣтъ, до 1783 г., была самостоятельной, а въ этомъ году императоръ Іосифъ II какъ буковинскую епископію подчинилъ ее въ догматическомъ и отчасти духовномъ отношеніяхъ Карловецкому митрополиту. Вмѣстѣ съ симъ изъ девяти большихъ и двѣнадцати малыхъ монастырей оставлено только три: Путна, Сочавица и Драгомирня, а изъ остальныхъ церковныхъ имуществъ образованъ такъ-называемый религіозный фондъ, на счетъ котораго нынѣ содержится вся буковинская церковь. Одновременно и епископская каѳедра перенесена изъ Радовецъ въ главный городъ австрійской Буковины, въ Черновцы. Тогда же буковинская церковь получила и лучшее устройство: консисторію, богословское училище и общежитіе; значительно преобразованы и приходы.

„Но уже при епископѣ Евгеніи Гакманѣ (1835—1873) сказалось недовольство тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Особенно отъ правительства требовалось, чтобы управленіе религіознымъ фондомъ возвращено было епископу и консисторіи, равно и право избранія епископа; тогда же находилъ большое сочувствіе и планъ Ердельскаго (Германштадтскаго или Сибиньскаго) митрополита Андрея Шагуны, который хотѣлъ соединить подъ своей юрисдикціей всю румынскую православную церковь въ Австро-Венгріи. Успѣшное развитіе буковинской церкви и недовольство государственнымъ управленіемъ съ одной стороны и стремленіе Карловецкаго митрополита Іосифа Раячича поставить въ зависимость отъ Карловецкой митрополіи православную церковь въ Далмаціи, Ердели и Буковинѣ съ другой стороны, сдѣлали состояніе Буковинской епископіи невыносимымъ, и правительство въ 1861 г. поручило епископу Евгенію Гакману представить коронѣ изложеніе своихъ и народныхъ желаній. Епископъ предложилъ, чтобы была учреждена самостоятельная митрополія для Буковины, которая принимала бы участіе въ единомъ генеральномъ синодѣ всѣхъ православныхъ церквей въ Австро-Венгріи. Этотъ планъ, однако, трудно было осуществить, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны митрополита Андрея Шагуны и многихъ буковинцевъ. Въ концѣ концовъ онъ и не былъ приведенъ въ исполненіе, но послѣ долгой переписки съ правительствомъ, острыхъ столкновеній между епископомъ и одной частью народа, и вопреки протестамъ народныхъ партій и въ Буковинѣ и въ Далмаціи, буковинская церковь соединена съ сербскою цер-

ковью въ Далмаціи и въ 1873 г. установлена нынѣшняя православная Буковинско-Далматинская митрополія".

Румыно-русскія отношенія. До половины XIX вѣка взаимныя отношенія исконныхъ жителей Буковины—русскихъ и румынъ были въ общемъ удовлетворительныя или по крайней мѣрѣ сносныя. Австрія, Германія и іезуиты способствовали тому, что отношенія эти стали измѣняться къ худшему и въ послѣднее время совершенно испортились. Въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія румыны, подъ вліяніемъ вѣнскихъ политиковъ, приняли сначала въ гражданскомъ, а потомъ въ 70-хъ годахъ и въ церковномъ употребленіи новоизобрѣтенную вѣнскими учеными румынско-латинскую азбуку, стали выбрасывать изъ румынскаго языка всѣ славянскія слова и замѣнять ихъ вновь составленными латинскими словами и фразами.

Національное возрожденіе Буковинской Руси. Національное возрожденіе Буковинской Руси, хотя и началось одновременно съ возроженіемъ Галицкой и Угорской Руси, въ 1848 г., но развилось гораздо позднѣе, только послѣ введенія въ Австріи конституціи въ 1867 году. Душою буковинско-русскаго движенія былъ В. Ө. Проданъ, основавшій въ Черновцахъ въ 1868 году литературное общество „Русская Бесѣда". Новый толчокъ культурному развитію Буковинской Руси былъ данъ благодаря учрежденію въ 1875 году Черновецкаго университета.

Гоненія на русскихъ буковинцевъ. Въ Буковинѣ православная церковь и русская народность за послѣдніе годы подверглись неслыханнымъ гоненіямъ. Такъ, въ 1910 году всѣ учрежденія русско-народной партіи въ Черновцахъ „Народный Домъ" съ общежитіемъ для гимназистовъ, женскій пріютъ, общество русскихъ женщинъ, студенческое общество „Карпатъ" были закрыты якобы за руссофильскую агитацію. Популярный народный дѣятель священникъ д-ръ Кассіанъ Богатырецъ, бывшій въ 1908 году въ Россіи, лишенъ своего мѣста и сосланъ викаріемъ въ глухой приходъ. Въ связи съ православнымъ процессомъ въ Мараморошъ-Сигетѣ, въ Буковинѣ въ 1914 г. были арестованы видные дѣятели братья Геровскіе, которымъ, къ счастью, удалось бѣжать изъ тюрьмы и спастись въ Россію. Буковинская Русь стремительно клонилась въ XX столѣтіи къ упадку во всѣхъ отношеніяхъ—церковно-религіозномъ, національномъ, политическомъ, экономическомъ, умственномъ и вообще культурномъ.

Угорская Русь (1771—1914 гг.).

Царствованіе Маріи-Терезіи. Царствованіе Маріи-Терезіи и ея сына Іосифа II ознаменовалось для Угорской Руси нѣкоторыми важными реформами. Такъ, желая поддержать и укрѣпить унію, Марія-Терезія учредила въ 1774 году при церкви св. Варвары въ Вѣнѣ уніатскую семинарію, извѣстную подъ именемъ „Барбареума". Эта семинарія оказала сильное вліяніе на умственное развитіе угро-русской и вообще славянской молодежи въ Австріи. Марія-Терезія также окончательно устроила богословскую школу, основанную Мануиломъ Ольшавскимъ въ Мукачевѣ. Эта школа въ

1778 году была переведена въ Ужгородъ, причемъ преподаваніе въ ней велось на русскомъ языкѣ. Кромѣ того было разрѣшено русскому духовенству пр(износить проповѣди по-русски. Наконецъ, Марія-Терезія сдѣлала попытку упорядочить отношенія между крестьянами и помѣщиками.

Царствованіе Іосифа II.

Еще благодѣтельнѣе для русскаго народа въ Австріи было царствованіе Іосифа II. Задавшись мыслью поднять просвѣщеніе среди своихъ подданныхъ, онъ заботился объ открытіи новыхъ школъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить то важное обстоятельство, что на богословскомъ и философскомъ факультетахъ Львовскаго университета въ теченіе 11-ти лѣтъ (1787—1808) лекціи читались на русскомъ языкѣ, причемъ среди профессоровъ видную роль играли угро-руссы Лодій и Щавницкій. Іосифъ II въ 1781—1785 гг. уничтожилъ крѣпостную зависимость, и крестьяне были объявлены лично свободными. Не столь, однако, благодѣтельнымъ былъ для крестьянъ предпринятый Іосифомъ II, на основаніи новаго измѣренія всего государства и провѣрки поземельнаго дохода, кадастръ. Въ Угорской Руси, такъ же какъ въ Галичинѣ и Буковинѣ, крестьяне испугались новыхъ податей и сами отказывались отъ земельной собственности, надѣясь пользоваться ею съ разрѣшенія помѣщиковъ на что, однако, послѣдніе не согласились.

Переселеніе видныхъ угро-руссовъ въ Россію.

Братъ Іосифа II и его преемникъ Леопольдъ II не продолжалъ прежней политики, а, наоборотъ, сталъ на явно-реакціонный путь. Поэтому, вслѣдствіе стѣсненій на родинѣ, угро-руссы П. Д. Лодій, М. А. Балудянскій, И. С. Орлай и Ю. И. Венелинъ переселились въ Россію. Ихъ дѣятельность для русской науки была весьма значительна и много способствовала ознакомленію русскаго ученаго міра и вообще образованнаго общества съ Угорской Русью. П. Д. Лодій былъ первымъ по времени ректоромъ Петроградскаго университета и своими „Началами любомудрія“ создалъ научные термины чистой философіи; М. А. Балудянскій былъ воспитателемъ Александра I и много потрудился надъ созданіемъ русской юридической терминологіи; Ю. И. Венелинъ не только своими трудами о Болгаріи воскресилъ одно изъ забытыхъ славянскихъ племенъ и былъ отцомъ мысли о доверш енномъ послѣ его смерти политическомъ освобожденіи болгаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи домашнимъ воспитателемъ въ семьѣ С. Т. Аксакова, воспиталъ Ивана Сергѣевича и Константина Сергѣевича Аксаковыхъ, этихъ виднѣйшихъ дѣятелей русскаго славянофильства; И. С. Орлай является авторомъ статьи „Исторія о карпато-россахъ“, которая много способствовала ознакомленію России съ Угорской Русью.

Дѣятели оставшіеся въ Угорской Руси.

Не довольствуясь переселеніемъ видныхъ угро-руссовъ въ Россію, австрійское правительство продолжало свои притѣсненія. Такъ, въ 1809 г. былъ удаленъ русскій языкъ изъ Ужгородской гимназіи и вмѣсто него введенъ латинскій. Въ такое тяжелое время упавшій духъ угро-руссовъ поддерживали: епископъ Бачинскій и писатели Базиловичъ и Лучкай.

848 г. и національное возрожденіе Угорской Руси.

Въ 1848 году произошло національное возрожденіе Угорской Руси, которому, помимо другихъ причинъ, весьма способствовалъ походъ русскихъ войскъ въ Угрію. День, когда на высотахъ Карпатъ появились русскія войска и угнетаемые мадьярами угро-руссы увидѣли въ русскихъ воинахъ родныхъ по вѣрѣ, языку и крови братьевъ, сталъ поворотнымъ пунктомъ въ угро-русской исторіи. Въ 1848 году угроруссы предъявили къ австрійскому правительству свои требованія о признаніи ихъ политическихъ и національныхъ правъ. Австрійское правительство отнеслось сочувственно къ этимъ требованіямъ, и скоро угро-русскій народъ получилъ разныя льготы. Угрія была превращена въ австрійскую провинцію, уничтожены крѣпостное право и безграничная власть мадьяръ надъ русскимъ народомъ, причемъ національный вождь Угорской Руси А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ назначенъ жупаномъ (управителемъ) четырехъ русскихъ областей съ мѣстопребываніемъ въ городѣ Ужгородѣ. Вліяніе А. И. Добрянскаго-Сачурова было огромно и онъ имѣлъ такихъ выдающихся сподвижниковъ, какъ А. В. Духновичъ, И. И. Раковскій и другіе.

Введеніе дуализма въ 1867 г.

Національное возрожденіе Угорской Руси встревожило мадьяръ и нѣмцевъ и они поспѣшили воспрепятствовать дальнѣйшему преуспѣянію угро-русскаго населенія. Особенно сильный ударъ угро-русскому національному и вообще культурному развитію былъ нанесенъ введеніемъ дуализма въ 1867 году. Съ этихъ поръ началась усиленная мадьяризація Угорской Руси, не прекращавшаяся вплоть до великой войны 1914 года. Прежде всего правительство назначило епископомъ Мукачевской епархіи преданное ему лицо—Степана Панковича, который всячески старался задержать угро-русское національное движеніе.

Для того, чтобы понять весь ужасъ положенія Угорской Руси, достаточно указать на то, что во всѣхъ мѣстныхъ школахъ не слышно ни одного звука русской рѣчи и даже священники, стоящіе ближе всѣхъ къ народу, у себя дома и въ церковныхъ проповѣдяхъ употребляютъ мадьярскій языкъ. Тяжелое положеніе Угорской Руси еще болѣе усугубляется страшной экономической нуждой угро-русскаго населенія.

Православное движеніе.

XX вѣкъ ознаменовался въ жизни Угорской Руси возвращеніемъ угро-русскаго населенія изъ навязанной уніи въ вѣру своихъ предковъ — православіе, Церковь, такимъ образомъ, явилась тѣмъ оплотомъ, который спасъ Угорскую Русь отъ неминуемой смерти въ національномъ отношеніи.

Въ 1914 году наступила великая война, которая, Богъ дастъ, откроетъ новый періодъ въ жизни Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, какъ составной части Россіи, осуществивъ вѣщія слова воззванія Верховнаго Главнокомандующаго:

„Да не будетъ больше подъяремной Руси! Достояніе Владиміра Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи“.

Денисъ Ивановичъ Зубрицкій.

(Родился въ 1777 г.—умеръ 4 (16) января 1862 г.).

Молодые годы и занятія древними актами.

Денисъ Ивановичъ Зубрицкій, по своему происхожденію принадлежавшій къ старинному дворянству герба Вѣнявы изъ Зубрицы, родился въ 1777 году въ селѣ Батятичахъ, Жолковскаго уѣзда, гдѣ его отецъ былъ помѣщикомъ. Послѣ домашней подготовки онъ поступилъ во Львовскую гимназію, которую съ успѣхомъ и окончилъ въ 1795 году. Д. И. Зубрицкому не пришлось получить университетскаго образованія, которое онъ, однако, восполнилъ путемъ постояннаго самообразованія. Еще будучи въ четвертомъ классѣ гимназіи онъ усердно занимался разборомъ городскихъ и земскихъ грамотъ и всякаго рода актовъ въ архивѣ Бернардинскаго монастыря во Львовѣ. Такимъ образомъ, уже съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ привыкъ къ трудной и усидчивой работѣ.

Служба въ Сянокскомъ округѣ.

По окончаніи гимназіи Д. И. Зубрицкій поступилъ на службу въ Березовскій магистратъ, Сянокскаго округа, гдѣ и дослужился до званія городского синдика. Прямотою своего характера и неподкупной честностью онъ снискалъ любовь и уваженіе какъ простого народа, такъ и образованнаго общества. Сянокскій округъ, находящійся на рубежѣ двухъ народностей, русской и польской, имѣлъ для Д. И. Зубрицкаго то важное значеніе, что далъ ему возможность не только въ теоріи, но и на практикѣ хорошо ознакомиться съ русско-польскими отношеніями.

Управленіе имѣніями гр. Пининскихъ и сочиненія по сельскому хозяйству.

До 1820-хъ годовъ Д. И. Зубрицкій послѣдовательно проходилъ разныя служебныя должности, пока австрійское правительство не назначило его опекуномъ надъ малолѣтними дѣтьми графа Пининскаго. Его безкорыстное управленіе обширными имѣніями сиротъ и увеличеніе ихъ состоянія, побудило Пининскихъ, въ знакъ благодарности, предоставить Д. И. Зубрицкому въ пожизненное пользованіе одну изъ деревень, гдѣ онъ и поселился со своимъ семействомъ. Этотъ періодъ его жизни былъ посвященъ изученію сельскаго хозяйства. Задолго до появленія первыхъ польскихъ экономистовъ и агрономовъ (напр., Очаповскаго, Касперовскаго и другихъ) и до основанія еще земледѣльческихъ обществъ Краковскаго, Варшавскаго и Львовскаго, Д. И. Зубрицкій своими переводами уже знакомилъ поляковъ съ произведеніями Тэра и Бургера и вообще помѣщалъ много статей по сельскому хозяйству въ разныхъ польскихъ повременныхъ изданіяхъ.

„О галицкихъ народныхъ пѣсняхъ“ (1823).

Въ 1823 году Д. И. Зубрицкій напечаталъ въ календарѣ „Пилигримъ Львовскій“ „(Pielgrzym Lwowski“—„Der Pilger von Lemberg“), издававшемся на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, свою статью *„О галицкихъ народныхъ пѣсняхъ“ („O spiewach ludu pospolitego“—„Ueber galizische Volkslieder“)*, въ которой, указывая на нѣмецкихъ собирателей народныхъ пѣсенъ, какъ Гердера, Герреса, Бюшинга и др., высказывалъ пожеланіе, чтобы и въ Галичинѣ ученые удѣляли больше вниманія народнымъ пѣснямъ, какъ важному источнику для познанія старины, обычаевъ и завѣтныхъ мыслей населенія родной земли. Галицкія народныя пѣсни и тѣсно съ ними связанныя пляски онъ раздѣляетъ на три разряда: русскія, польскія и пѣсни жителей горъ. Больше всего русскіе имѣютъ пѣсенъ историческихъ, лирическихъ и бытовыхъ. Въ содержаніи и напѣвѣ ихъ прорывается грусть, галицко-русская лирика (думки)—это элегія, а въ мелодіяхъ пѣсенъ, сопровождающихъ танцы (напр., коломыйку), замѣтна меланхолія. Въ польскихъ пѣсняхъ и танцахъ нѣтъ жалобы и горечи: онѣ дышатъ радостью, и чувствомъ довольства. Середину же между меланхоліей и весельемъ занимаютъ, по своему характеру, пѣсни жителей горъ.

Такимъ образомъ, Д. И. Зубрицкому принадлежитъ неоспоримая заслуга въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе русскихъ галичанъ на содержаніе и красоту народныхъ пѣсенъ.

Переѣздъ во Львовъ и начало изученія русской исторіи.

Болѣзнь жены заставила Д. И. Зубрицкаго вскорѣ переѣхать во Львовъ, гдѣ для него началась совершенно иная жизнь, посвященная изученію галицко-русской исторіи. Но и при новомъ положеніи Д. И. Зубрицкій не хотѣлъ разставаться съ сельскимъ хозяйствомъ и взялъ у Львовскаго магистрата въ аренду небольшую усадьбу (Сегенёвку) возлѣ Львова. Однако смерть жены и единственнаго сына, для котораго онъ собиралъ богатую библіотеку, съ цѣлью сдѣлать изъ него ученаго, окончательно измѣнили образъ его жизни и изъ агронома сдѣлали историкомъ. Состоя съ 1829 г. членомъ Ставропигійскаго института, Д. И. Зубрицкій, послѣ смерти сына, принесъ въ даръ этому учрежденію, одну (бо̀льшую), часть своей библіотеки, а другую—подарилъ (въ 1832 г.) Львовскому университету. Во время его управленія (съ 1830 г.) Ставропигійской типографіей были отпечатаны въ ней лучшія изданія. Кромѣ того, имъ былъ разсмотрѣнъ и приведенъ въ порядокъ богатый архивъ Института.

„Греко-каѳолическая Ставропигіальная церковь во Львовѣ и соединенный съ нею Институтъ“ (1830).

Первое сочиненіе Д. И. Зубрицкаго, имѣвшее самую большую связь съ русской исторіей, было напечатано по-нѣмецки въ 1830 г. подъ заглавіемъ: *„Греко-каѳолическая Ставропигіальная церковь во Львовѣ и соединенный съ нею Институтъ“ („Die griechisch-katholische Stavropigialkirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut“*; помѣщено въ вѣнскомъ „Neuestes Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst“, 1830, № 77. Эту же самую статью въ польскомъ переводѣ онъ помѣстилъ въ „Rozmaitościach Lwowskich“ за 1831 г.). Несмотря на сжатость изложенія, въ этой работѣ собрано все, что

только было тогда извѣстно о Ставропигійскомъ братствѣ и вообще прошлой судьбѣ Галицкой Руси.

„Историческія изслѣдованія о русско-славянскихъ типографіяхъ въ Галичинѣ“ (1836).

Въ 1836 году, напечатавъ въ „Wiener Zeitung“ некрологъ галицкаго уніатскаго митрополита Михаила Гарасевича, который и самъ былъ знатокомъ церковной исторіи Галичины, Д. И. Зубрицкій издалъ на польскомъ языкѣ важный въ своемъ родѣ трудъ: *„Историческія изслѣдованія о русско-славянскихъ типографіяхъ въ Галичинѣ“* (*„Historyczne badania o drukarniach Rusko-słowiańskich w Galicyi“*. Львовъ, 1836 г. Русское извлеченіе изъ этой книги подъ заглавіемъ „О славяно-русскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомеріи“ напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, за 1838 годъ).

„Очеркъ исторіи русскаго народа въ Галичинѣ“ (1837).

Продолжая трудиться въ области исторіи, Д. И. Зубрицкій издалъ въ 1837 г., по-польски новый свой трудъ: *„Очеркъ исторіи русскаго народа въ Галичинѣ и церковной іерархіи въ томъ же королевствѣ“* (*„Rys do historyi Narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnéj w temże Królestwie“*). Въ этомъ сочиненіи авторъ хотѣлъ разсмотрѣть исторію Галицкой Руси, начиная съ введенія христіанства и до XVIII вѣка. Однако, этотъ планъ былъ выполненъ лишь отчасти.

„Лѣтопись Львовскаго Ставропигіальнаго братства“ (1849—1850)

Въ то же время Д. И. Зубрицкій написалъ по-польски и другое сочиненіе, имѣвшее ближайшую связь съ вышеназваннымъ, именно „Исторію Ставропигійскаго братства“, которое осталось въ рукописи, а въ русскомъ переводѣ появилось въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ (за 1849—1850 гг.) подъ заглавіемъ *„Лѣтопись Львовскаго Ставропигіальнаго братства“*.

„Хроника города Львова“ (1844).

Въ 1843 г. магистратъ города Львова пригласилъ его, какъ опытнаго изслѣдователя древнихъ актовъ, разсмотрѣть и привести въ порядокъ свой старинный архивъ. Д. И. Зубрицкій выполнилъ порученіе, и плодомъ его трудовъ явилось польское сочиненіе *„Хроника города Львова“* (*„Kronika miasta Lwowa“*. 1844 г.).

Вотъ что сообщаетъ въ письмѣ отъ 26 февраля (10 марта) 1841 г. Д. И. Зубрицкій объ этомъ своемъ трудѣ проф. М. П. Погодину:

„Сей нѣдели окончилъ я Хронику города Львова зъ 80 листовъ моего почерку мелкого, и подалъ въ Цензуру. Стоила она меня много, много труду. Черезъ три года собиралъ матеріалы, а цѣлый годъ занимался почти ежедневно обработаніемъ, основывая всякое положенное factum на архивныхъ документахъ. Содержитъ она не только городскія произшествія, но и многія приключенія, народовъ рускаго, армянскаго, жидовского, здѣсь обытающихъ, касающыхъся. До обработки этого творенія, ободрялъ меня шефъ нашей полиціи и я согласился, но зъ условіемъ, чтобъ цензура не измарала ничего, въ противномъ случаѣ я не дамъ печатать“. (См. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“. Москва, 1880, вып. III, стр. 551—552).

Однако вышло не такъ, какъ этого хотѣлъ Д. И. Зубрицкій. Цензура не пропустила рукописи „Хроники города Львова“, вычеркнувъ въ ней всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ галицко-русскій историкъ на осно-

ваніи архивныхъ данныхъ представилъ въ вѣрномъ свѣтѣ угнетеніе львовскихъ русскихъ во время польскаго управленія. Въ концѣ-концовъ авторъ рѣшилъ напечатать свой трудъ съ цензурными пропусками и посвятилъ „Хронику" тогдашнему директору львовской полиціи Захеръ-Мазоху (посвященіе было напечатано только при 300 экземплярахъ). Тѣ же мѣста, которыя вычеркнула цензура, Денисъ Ивановичъ вписалъ на одномъ печатномъ экземплярѣ и ждалъ благопріятной поры, когда можно будетъ издать свой трудъ полностью. Но это намѣреніе не удалось осуществить. По смерти Д. И. Зубрицкаго (1862 г.) другъ его—проф. М. П. Погодинъ обратился къ дочери покойнаго историка Станиславѣ Денисовнѣ съ просьбою прислать ему экземпляръ „Хроники города Львова" съ рукописными добавленіями автора, для изданія въ русскомъ переводѣ этого труда въ Москвѣ. С. Д. Зубрицкая выслала упомянутый экземпляръ въ Москву, но М. П. Погодинъ почему-то не издалъ „Хроники города Львова", экземпляръ которой, послѣ его смерти, былъ купленъ Петроградскою Публичною Библіотекою, гдѣ и хранится въ настоящее время. (См. И. Е. Левицкій „Галицко-Русская Библіографія", т. I. стр. 24).

Сочиненія, напечатанныя Моск. Общ. Истор. и Древ. Рос. (1845—48). Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издало въ 1845 г. отдѣльною книгою (въ переводѣ О. М. Бодянскаго) сочиненіе Д. И. Зубрицкаго—„*Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія*", а въ „Чтеніяхъ" того же Общества за 1847—1848 гг. были напечатаны: „*Приглашеніе къ суду по уголовному дѣлу около половины XVII вѣка во Владимірской Руси*", и (въ переводѣ А. А. Майкова) статья о Литовской уніи „*Начало уніи*", давшая новое освѣщеніе этого вопроса.

Статьи въ «Jahrbücher» за 1845 и 1847 гг. Кромѣ того, Д. И. Зубрицкій помѣщалъ по-нѣмецки статьи въ „Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft", издававшихся въ Лейпцигѣ лужичаниномъ Іорданомъ и имѣвшихъ очень важное значеніе для своего времени въ качествѣ общеславянскаго литературнаго органа. Въ этомъ журналѣ имъ были напечатаны статьи: въ 1845 г.—„*Объ еврейскомъ населеніи Царства Польскаго*" („*Ueber die istraelitische Bevölkerung im Königreich Polen*") и въ 1847 г.—„*Объ измѣненіи народности*" („*Ueber Aenderung der Nationalität*").

Мѣсто русскаго переводчика въ судѣ (1849). До 1840-хъ годовъ Д. И. Зубрицкій писалъ только по-польски и по-нѣмецки. Хотя онъ съ молодыхъ лѣтъ изучалъ русскій языкъ, однако, болѣе обстоятельное знаніе русской рѣчи пріобрѣлъ лишь въ 1849 г., когда въ разныхъ мѣстностяхъ Галичины стояли русскіе полки. Знаніе общерусскаго языка доставило ему должность переводчика въ апелляціонномъ судѣ.

„Границы между русскимъ и польскимъ народомъ въ Галичинѣ" (1849). Когда былъ поднятъ въ Галичинѣ жгучій вопросъ о раздѣленіи ея на двѣ части—русскую (восточную) и польскую (западную), Д. И. Зубрицкій выступилъ съ сочиненіемъ, разъясняющимъ вопросъ съ историко-этнографической точки зрѣнія. Это сочиненіе—„*Границы между русскимъ и польскимъ народомъ въ Галичинѣ*" („*Granice między Ruskim*

i Polskim Narodem w Galicyi". Львовъ, 1849 г.. Нѣмецкій переводъ вышелъ въ томъ же году подъ заглавіемъ „Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien".)

„Исторія древняго галичско-русскаго княжества" (1852—55).

Когда въ національно-возродившейся Галицкой Руси возникъ, наконецъ, вопросъ объ обработкѣ русской исторіи, тогда 75-лѣтній Д. И. Зубрицкій съ энергіей молодого ученаго началъ уже *на русскомъ языкѣ* свой большой и самый главный трудъ—„*Исторія древняго галичско-русскаго княжества*".

Въ письмѣ (отъ 6 (18) января 1853 г.) въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ Д. И. Зубрицкій слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію возникновенія и характеръ своего труда:

„Въ исходѣ 1847 или началѣ 1848 года, когда мятежныя движенія (волненія) стали усиливаться въ умахъ Галич. жителей Польск. происхожденія, созвалъ тогдашній Губернаторъ графъ Стадіонъ къ себѣ нѣсколькихъ человѣкъ изъ насъ Галич. Руссиновъ, спрашивалъ есть ли у насъ Галичская Исторія, Литература и пр. совѣтовалъ упражнятся въ народной рѣчи и требовалъ отъ меня заняться издаваніемъ Журнала на Русскомъ языкѣ.—Я поблагодарилъ за довѣренность, отказался однакъ по поводу старости и когда уже вспыхнула революція, по внушенію тогожъ Губернатора и съ его пособіемъ началъ молодой кандидатъ Права (Антонъ Павенцкій. Примѣчаніе наше *Ѳ. А.*) издавать кирилицею Журналецъ подъ заглавіемъ „Галицка Зоря" на смѣси изъ простонароднаго Галичко Русскаго и Поль. говора, ибо и онъ самъ и читатели его не умѣли другаго.

„Между тѣмъ думалъ я о составленіи народной, для Галичанъ понятной Исторіи, и первымъ вопросомъ было: на какомъ нарѣчіи писать ее?—Писать на галиматіи изъ Польскаго и простонароднаго говора было ужасъ, было тоже—что упрочать разладье въ Русскомъ языкѣ; —употребить церковно славянское нельзя было, ибо наше Русское духовенство составляющее многочисленную часть здѣшней читающей Русской публики воспитанное и обученное въ училищахъ на Нѣмецкомъ, Польскомъ и Латинскомъ языкахъ, не понимаетъ и того діалекта и только тогда, когда поставляется въ священники за недостаткомъ каѳедры церковно-славянскаго языка учится приватно, кое-какъ читать священныя книги. Слѣдовательно рѣшился я въ первый разъ въ своей жизни писать на звучномъ, въ Россійской литературѣ употребляемомъ и единственно чистомъ Русскомъ языкѣ, хотя впрочемъ еще и самъ дурно на немъ изъясняюсь. Я разсуждалъ, что лучше плоховато какъ вздорно. И такъ началъ я писать въ 1849 тогда, когда едва 10 человѣкъ находилось въ Галиціи, которые разумѣли настоящее русское слово. Но я долженъ однако прибавить, что теперь уже и студенты пытаются писать чисто по Русски, хотя впрочемъ есть еще и партія старыхъ невѣждъ, осуждающихъ это стремленіе.

„Вторымъ вопросомъ было: Откуда начать и какъ изложить эту Исторію такъ, чтобы она отвѣтствовала потребностямъ и извѣстнымъ

мнѣ понятіямъ Галичскихъ читателей.—Я убѣдился, что превосходное твореніе Карамзина, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ Польскомъ переводѣ не плѣняетъ Галичанъ такъ, какъ бы принадлежало; по поводу множества фактовъ и лицъ некасающихся Галичскихъ дѣлъ и утомленія ихъ памяти многочисленностію княжескихъ единоименныхъ названій. Слѣдовательно положилъ я начать отъ Рюрика и продолжая сколько возможно сокращенно разсказъ общей Русской Исторіи, тамъ только писать подробнѣе, гдѣ повѣсть относится къ дѣламъ Галичскихъ князей или гдѣ Галичскія происшествія находятся въ связи съ происшествіями другихъ княжествъ.

„Почти общее было мнѣніе у менѣе образованныхъ моихъ соотчичей, что нашъ Русскій, и такъ называемый ими Московскій или Россійскій народъ есть два чуждые, различные между собой народы.—Надо было разрушить этотъ предразсудокъ, надо было доказать, что въ древнія времена, не взирая на множество княжествъ вся Русь составляла одну только цѣлость, что князья тогожъ самаго рода господствовали и въ Москвѣ и въ Новгородѣ, въ Кіевѣ и Галичѣ. Въ томъ намѣреніи необходимо было мнѣ представить своимъ читателямъ родословную картину князей Рюрикова поколѣнія, обладавшихъ всей Русской землею, и тѣмъ способомъ предложить имъ такъ сказать на глаза происхожденіе и Русскихъ вообще, и Галичскихъ князей въ особенности отъ однаго и тогожъ родоначальника.—На основаніи Строевыхъ родословныхъ росписей, принялся я за составленіе Родословной, къ первой части приложенной карты и успѣлъ по крайней мѣрѣ удостовѣрить Галичанъ, что ихъ князья были однаго рода съ Московскими и другими Рюриковичами.—Хотя составленіе сего рода таблицы, счисленія ея съ лѣтописями стоило меня много продолжительнаго труда, она однакожъ не достаточна въ особенности въ 10 послѣдныхъ колѣнахъ. У меня не было нужныхъ источниковъ, и только въ 1852 году, когда она была уже напечатанна, получилъ я случайно (какъ у насъ обыкновенно водится съ Русскими книгами) Родословную Роспись, изданную Гос. Н. Головинымъ въ Москвѣ и къ сожаленію не былъ уже въ состояніи воспользоваться ею".—

Въ 1852 г. появились въ свѣтъ первые два тома „Исторіи древняго галичско-русскаго княжества", посвященные введенію въ спеціальную исторію Галицкой Руси (до 1199 г.) и напечатанные въ количествѣ тысячи экземпляровъ въ надеждѣ на то, что они разойдутся не только въ Галичинѣ, но и въ Россіи. Однако въ Галицкой и Угорской Руси подписалось на сочиненіе не болѣе 400 лицъ, въ Россіи же—никого. Это обстоятельство поколебало намѣреніе Д. И. Зубрицкаго продолжать свой трудъ. Къ тому же Ставропигійскій Институтъ, издавшій первые два тома „Исторіи", стѣснялъ его своими требованіями, и Д. И. Зубрицкій обратился, черезъ М. П. Погодина, въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ съ предложеніемъ напечатать оба тома вновь, прибавивъ къ нимъ также и третій томъ, прося въ

вознагражденіе только небольшое число экземпляровъ для распространенія среди галицко-русскихъ читателей. Однако время шло, а Д. И. Зубрицкій не получалъ никакого отвѣта. Онъ вступилъ тогда въ новыя условія съ Ставропигійской типографіей и приступилъ къ печатанію третьяго тома, содержащаго исторію Галицкаго княжества съ 1200 по 1337 годъ. Печатаніе этого тома значительно уже подвинулось впередъ, когда было получено изъ Москвы извѣстіе, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ приняло его предложеніе перепечатать два первые тома и издать третій, съ предоставленіемъ автору 600 даровыхъ экземпляровъ. Но было уже поздно, такъ какъ Д. И. Зубрицкій заключилъ новое условіе съ Ставропигійской типографіей. Впрочемъ онъ надѣялся, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ поможетъ ему распродать оставшіеся экземпляры первыхъ двухъ томовъ въ Россіи и тѣмъ уплатить долгъ Ставропигіи. Однако, наступившая вскорѣ Крымская война дала поводъ Австріи еще подозрительнѣе относиться къ національному движенію среди подвластныхъ ей славянскихъ народностей. Подписка на третій томъ „Исторіи“ была запрещена не только въ Галичинѣ, но и въ Угорской Руси; на всѣхъ же подписавшихся на первые два тома австрійскія власти стали смотрѣть, какъ на враговъ государства. При такихъ условіяхъ нашлось едва 200 человѣкъ, подписавшихся на третій томъ, да и тѣ просили, чтобы ихъ фамиліи нигдѣ не были оглашены. Въ Россіи цензура не разрѣшила книги къ продажѣ и только тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ приказалъ выписать пятьдесятъ экземпляровъ „Исторіи древняго галичско русскаго княжества“ для учебныхъ заведеній.

Мнѣніе А. С. Петрушевича объ „Исторіи древняго галичско-русскаго княжества“.

Когда, въ 1852 г., появились первыя двѣ части „Исторіи древняго галичско русскаго княжества“, А. С. Петрушевичъ послалъ Д. И. Зубрицкому письмо (отъ 19 (31) мая 1852 г.) въ которомъ далъ слѣдующую оцѣнку его труда:

„При всемъ томъ не могу я не признать, что ученый трудъ Вашего Благородія, не только касательно самаго историческаго предмета, но и относительно русскаго языка, на которомъ тотже излагается, сообразивъ бѣдственное наше состояніе и ограниченныя средства, успѣетъ самыхъ опытнѣйшихъ знатоковъ, такъ отечественной нашей Исторіи, какъ русскаго языка, почти со всѣхъ мѣръ удовлетворити. Что болѣе, это дѣльное сочиненіе сдѣлаетъ у насъ на Галичѣ великій переворотъ, не только въ отечественномъ бытописаніи, но и въ области русскаго слова; ибо первое есть испорченное хвастливыми польскими историками, второе же находится нынѣ въ такомъ крайномъ упадкѣ, что даже сами такъ званые Грамматикографы не понимаютъ, что есть русской языкъ, а что нарѣчіе его, и какъ бы Египетскою тьмою омрачены, вмѣстѣ съ послѣдователями своими до сихъ поръ дурачатся“.

Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ“ (1855).

Вмѣсто продолженія своего труда, т.-е. выпуска четвертаго тома „Исторіи“, Д. И. Зубрицкій рѣшилъ напечатать критическое изданіе подъ заглавіемъ *„Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ“* (Львовъ,

1855 г.), какъ относящееся къ исторіи Галицко-Владимірской Руси и обнимающее періодъ времени съ 1337 г. по 1387 г.

„Галицкая Русь въ XVI ст.“ (1862). Наконецъ уже въ 1862 году въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ былъ напечатанъ отрывокъ изъ сочиненія Д. И. Зубрицкаго (въ переводѣ А. А. Майкова) подъ заглавіемъ *„Галицкая Русь въ XVI столѣтіи“*.

Избраніе членомъ русскихъ ученыхъ обществъ. Вышеназванные труды Д. И. Зубрицкаго были причиной его избранія членомъ многихъ русскихъ ученыхъ обществъ. Такъ, онъ былъ избранъ: въ 1842 г. членомъ-корреспондентомъ Петроградской Археографической Комиссіи; въ 1844 г.—почетнымъ членомъ Кіевской временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, въ 1846 г.—почетнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а въ 1755 г. получилъ дипломъ на званіе члена-корреспондента Академіи Наукъ.

Переписка. Д. И. Зубрицкій, начавшій съ 1830-хъ годовъ заниматься русской исторіей, прежде же всего исторіей Галицкой Руси, обратилъ на себя вниманіе съ одной стороны галицкой церковной уніатской іерархіи и папской нунціатуры въ Вѣнѣ, нуждавшихся въ указаніяхъ по исторіи уніатской церкви въ Польшѣ и Россіи, а съ другой — виднѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи, гдѣ по почину Н. М. Карамзина стали съ большимъ усердіемъ заботиться о собираніи и изданіи историческихъ матеріаловъ. Въ 1804 г. было открыто при Московскомъ университетѣ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ 1834 г. учреждена въ Петроградѣ при министерствѣ народн. просвѣщенія Археографическая Комиссія, а въ 1843 г. въ Кіевѣ — Временная Комиссія для разбора древнихъ актовъ. Такъ какъ исторія Прикарпатской Руси всегда находилась въ тѣсной связи съ исторіей всей Руси, то названныя учрежденія обратились за содѣйствіемъ къ Д. И. Зубрицкому, какъ лучшему знатоку галицко-русской исторіи.

Эти обстоятельства придали характеръ и направленіе корреспонденціи Д. И. Зубрицкаго. Онъ переписывался съ Копитаромъ, В. В. Ганкою, Іорданомъ, Я. Ѳ. Головацкимъ, А. С. Петрушевичемъ, И. И. Раковскимъ, а въ Россіи—съ М. П. Погодинымъ, М. А. Максимовичемъ, В. А. Мацѣевскимъ, Н. И. Надеждинымъ, О. М. Бодянскимъ, барономъ С. И. Шодуаромъ, А. С. Норовымъ и кн. П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, а также посылалъ въ Кіевъ, Москву и Петроградъ для изданія большое количество документовъ, хранившихся въ архивахъ Ставропигійскаго Института во Львовѣ, во Львовской уніатской консисторіи и даже у частныхъ лицъ. Переписка Д. И. Зубрицкаго до сихъ поръ не издана цѣликомъ: отдѣльныя его письма были напечатаны Н. А. Поповымъ („Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“), д-ромъ К. Студинскимъ („З кореспонденції Дениса Зубрицького“), проф. В. А. Францевымъ („Письма къ Ганкѣ изъ славянскихъ земель“) и Ф. И. Свистуномъ, („Корреспонденція Дениса Зубрицкаго съ Копитаромъ“); все же прочее, до сихъ поръ не опубликованное, хранится въ библіотекѣ „Народнаго Дома“ во Львовѣ и у частныхъ лицъ.

Денисъ Ивановичъ Зубрицкій.

Съ портрета масляными красками, находящагося въ Ставропигійскомъ Институтѣ во Львовѣ.

Переписка Д. И. Зубрицкаго представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ содержитъ цѣнныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности ея автора и рисуетъ картину общаго положенія современной ему Галицкой Руси.

Особенной задушевностью отличалась его переписка съ М. П. Погодинымъ, продолжавшаяся болѣе двадцати лѣтъ (1839—1861 гг.) и касавшаяся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Приводимъ выдержки изъ наиболѣе характерныхъ писемъ Д. И. Зубрицкаго. Какъ тяжело жилось тогда русскимъ галичанамъ и какъ сурово преслѣдовали австро-польскія власти всякое, даже малѣйшее, проявленіе русскаго національнаго самосознанія можно судить хотя бы по его письму отъ 5 (17) мая 1852 года (см. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“, Москва, 1880, вып. III, стр. 587). Вотъ что въ немъ читаемъ: „Я писалъ („Исторію древняго галичско-русскаго княжества“. Примѣчаніе наше. Ѳ. А.) сколько сумѣлъ, на чисто-русскомъ языкѣ, а этотъ языкъ подозрѣваютъ у насъ какъ симпатизированіе съ Московщиной. Самъ тихій и смиренный журналецъ „Галицкая Зоря“ получилъ увѣщаніе, чтобъ онъ не осмѣливался употреблять московскихъ словъ подъ опасеніемъ запрещенія. Однажды написалъ Редакторъ въ одной статьи русскими буквами слова „крешчендо декрешчендо“; вдругъ перечеркнула ихъ цензура какъ Московскую уродливость, на силу только успѣлъ бѣдный Редакторъ доказать, что это не Московскія, а Итальянскія музыкальныя слова“. Д. И. Зубрицкій любилъ также высказывать свои мысли и о внутренней политикѣ Россіи. Такъ, въ письмѣ отъ 8 (20) февраля 1854 г. (тамъ же, стр. 591) онъ, между прочимъ, сообщаетъ: „Вниманіе мое обращаю я отъ нѣсколькихъ лѣтъ преимущественно на середнюю Азію, на Аральское море, на Сиртъ и на Аму Дарью — туда, гдѣ хватъ Огаревъ одержалъ почти баснословную побѣду. Тамъ-то, тамъ, на побережью того моря и рѣкъ усилившись, и покоривъ Кокандъ, Хиву и Бухарію, будетъ Россія располагать судьбою не только Азіи, но и Европы. Тамъ надо построить крѣпости, основать при Аму-Даріи торговый городъ, въ который бы русскіе фабриканты отправляли свои произведенія, а купцы завели свои конторы“. Для характеристики политическихъ взглядовъ галицко-русскаго историка особенно важно его письмо отъ 9 (21) апрѣля 1858 г.; въ этомъ письмѣ читаемъ: „Что касается нашихъ крестьянъ, то прежнее ихъ состояніе, прежнія отношенія принадлежатъ уже Исторіи, настоящое состояніе незавидное, а будущая судьба Богу только извѣстна. Ихъ нежелавшихъ, не думавшихъ, освободили на чужій коштъ, отъ обязанностей работой исправляемыхъ для помѣщика, а обременили ихъ государственными, земскими и общинными налогами и работами. Легче было отработать одинъ или два дни въ недѣлю барину употребивъ къ тому домашнюю челядь, какъ теперь платить огромныя подати. Лишили ихъ попечителей, заступниковъ и кормителей въ нуждѣ, а выставили ихъ на

произволъ жидовъ лихоимцевъ, ябедниковъ и другихъ корыстолюбцевъ, и по той причинѣ множество уже обнаженныхъ бродитъ по городамъ и мѣстечкамъ." (Тамъ же, стр. 609). Эти сужденія Д. И. Зубрицкаго о положеніи крестьянъ въ Австріи свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ былъ аристократомъ не только по рожденію, но и по своимъ политическимъ воззрѣніямъ. Весьма любопытна исторія этого письма. Когда въ Россіи подготовлялась крестьянская реформа, то нѣкоторые русскіе дѣятели заинтересовались вопросомъ о положеніи крестьянъ въ Австріи, незадолго передъ тѣмъ получившихъ свободу и могущихъ служить въ извѣстной степени прообразомъ и при проведеніи реформы въ Россіи. М. П. Погодинъ также заинтересовался этимъ вопросомъ и обратился къ галицко-русскому историку съ просьбою сообщить ему „о формѣ и средствахъ освобожденія крестьянъ въ Австріи". Д. И. Зубрицкій написалъ вышеприведенное письмо, которое М. П. Погодинъ прочелъ въ Академіи Наукъ, а копія съ него была представлена Александру II. Государь съ большимъ вниманіемъ прочелъ это письмо, дѣлалъ отмѣтки и многія мѣста подчеркнулъ, а затѣмъ передалъ его для ознакомленія будущему предсѣдателю Редакціонной Комиссіи І. И. Ростовцову и министру народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскому. По мнѣнію Н. П. Семенова (автора сочиненія „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II") письмо Д. И. Зубрицкаго имѣло то значеніе, что „внесло въ разработку крестьянскаго дѣла необходимую степень осторожности". Такова была, въ общихъ чертахъ, переписка Д. И. Зубрицкаго съ М. П. Погодинымъ.

Изъ другихъ лицъ, съ которыми переписывался галицко-русскій историкъ, должны быть особенно отмѣчены: М. А. Максимовичъ, Я. Ѳ. Головацкій, Копитаръ и В. В. Ганка.

Переписка Д. И. Зубрицкаго съ М. А. Максимовичемъ знаменательна въ томъ отношеніи, что является первымъ общеніемъ писателей Галицкой Руси съ дѣятелями русской Малороссіи.

Въ письмахъ къ Я. Ѳ. Головацкому выясняется взглядъ Д. И. Зубрицкаго на взаимоотношенія общерусскаго языка и малорусскаго нарѣчія. Денисъ Ивановичъ, какъ извѣстно, всегда отстаивалъ необходимость употребленія всѣми вѣтвями русскаго народа одного литературнаго языка и постоянно ополчался на тѣхъ украйнофиловъ, которые стремились замѣнить общерусскій языкъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Однако, онъ не былъ противъ того, чтобы издавать книги и журналы также и на малорусскомъ нарѣчіи, признавая за нимъ роль частнаго, вспомогательнаго средства для лучшаго усвоенія общерусскаго литературнаго языка. Д. И. Зубрицкій даже совѣтовалъ Я. Ѳ. Головацкому составить словарь малорусскихъ словъ и выраженій, не употребляемыхъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, а когда, въ возродившейся Галицкой Руси возникъ вопросъ объ изданіи журнала на мѣстномъ нарѣчіи, то Денисъ Ивановичъ сталъ во главѣ этого

начинанія и по словамъ его письма (отъ 19 февраля (2 марта) 1848 г.), „рѣшился въ общую народную пользу пожертвовать своимъ спокойствіемъ, своимъ даже здоровьемъ, ибо никто во Львовѣ не хотѣлъ отважиться на это предпріятіе“. Я. Ѳ. Головацкій, печатая въ своемъ сочиненіи „Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1885 и 1886 годы“, полученныя отъ Д. И. Зубрицкаго письма, сдѣлалъ къ нимъ слѣдующее примѣчаніе: „Если у Зубрицкаго сорвалась фраза противъ народниковъ, то это было справедливое негодованіе на крайнихъ украйномановъ, которые по своимъ политиканскимъ грезамъ, принявшись за разъединеніе Великороссовъ отъ Малорусскаго народа, посѣяли разладъ и между самими собою. Гоняясь за индивидуальностью говора, они отреклись отъ всякихъ грамматическихъ правилъ, началъ этимологіи и аналогіи языка и пошли по покатости обманчивой фонетики въ безобразный грамматическій хаосъ“ (стр. 74—75).

Съ Копитаромъ Д. И. Зубрицкій переписывался въ 1843 году по уніатскому вопросу, причемъ вѣнскій ученый доказывалъ Денису Ивановичу необходимость для русскихъ галичанъ сблизиться съ Римомъ и нѣмцами. Эти совѣты очень не понравились галицко-русскому историку и онъ, уже послѣ смерти Копитара (1844 г.) въ своемъ письмѣ къ В. В. Ганкѣ (въ 1846 году) между прочимъ замѣчаетъ: „У меня была очень странная (пропущено: переписка. Ѳ. А.) зъ возвратившимся зъ Рима Копитаромъ. Настаивалъ онъ на меня, чтобъ я уговорилъ нашего Митрополита или епископа на путѣшествіе въ Римъ и отправился зъ ними туда. Онъ удостовѣрялъ насъ въ хорошемъ пріемѣ, требовалъ да бы мы здѣсь дѣйствовали на духовенство за россійскими рубежами и пр. Но я. ему тонко доказалъ нелѣпость предпріятія.“ Переписка Д. И. Зубрицкаго съ В. В. Ганкою продолжалась около десяти лѣтъ (1844—1853 гг.) и касалась многихъ научныхъ вопросовъ. Получивъ въ 1852 г. отъ Д. И. Зубрицкаго „Исторію древняго галичско-русскаго княжества“, В. В. Ганка хвалитъ его за то, что написалъ свой трудъ по-русски и высказываетъ свое завѣтное желаніе, чтобы русскій литературный языкъ сдѣлался общеславянскимъ. Отвѣчая на это письмо, Д. И. Зубрицкій замѣчаетъ: „Вы одобряете употребленный мною въ Галичс. Исторіи языкъ. Я писалъ по Русски, ибо какъ Нѣмецкій такъ и Русскій одинъ только есть Литературный языкъ.“

Переписка Д. И. Зубрицкаго еще болѣе подтверждаетъ то неоспоримое положеніе, что Денисъ Ивановичъ занималъ первое мѣсто среди дѣятелей возрожденія Галицкой Руси, почему къ его голосу съ большимъ вниманіемъ прислушивались какъ русскіе, такъ и другіе славянскіе ученые и общественные дѣятели.

Послѣдніе дни и смерть (1862).

Д. И. Зубрицкій скончался 4 (16) января 1862 г., на 85 году своей жизни. Вотъ какъ описаны его послѣдніе дни въ журналѣ „Сѣверная Пчела“ (1862 г., № 58): „Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Зубрицкій страдалъ безсонницей, совѣтовался съ докторами, но, не болѣвъ ни-

когда въ продолженіе своей жизни, онъ мало вѣрилъ ихъ предостереженіямъ и совѣтамъ. Вообще въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни сталъ онъ какъ-то нетерпѣливъ и раздражителенъ. Онъ радъ былъ, правда, если кто изъ знакомыхъ иногда посѣщалъ его, но говорилъ мало и не любилъ ни продолжительныхъ разговоровъ, ни частыхъ посѣщеній. Въ день 1 января 1862 г., нѣкоторые изъ друзей посѣтили его съ поздравленіемъ новаго года. Зубрицкій принялъ ихъ радушно и просилъ зайти къ нему на-дняхъ, имѣя въ виду,—какъ онъ говорилъ,—сообщить имъ нѣчто важное. Ясно было, что жизнь угасала, и духъ его слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Въ послѣдующіе два дня ослабленіе увеличилось. Призванный его дочерьми докторъ Чирнянскій явился какъ бы для поздравленія съ новымъ годомъ и, найдя въ больномъ сильную перемѣну, уговорилъ его лечь въ постель, принять прописанные порошки и выпить стаканъ вина. Больной принялъ лѣкарство и уснулъ. Черезъ три часа онъ проснулся, зажегъ свѣчу, принялъ другой порошокъ и выпилъ еще стаканъ вина. Когда онъ заснулъ снова, то во всю ночь и до утра слышно было его тяжелое дыханіе, которое постепенно уменьшалось, потомъ утихло и, когда въ девятомъ часу пришелъ докторъ, то нашелъ его уже мертвымъ".

Отзывъ Ф. И. Свистуна о значеніи Д. И. Зубрицкаго.

По нашей просьбѣ, Ф. И. Свистунъ, самъ много потрудившійся надъ изученіемъ галицко-русской исторіи, далъ для настоящей книги слѣдующій отзывъ о значеніи Д. И. Зубрицкаго для національнаго возрожденія Прикарпатской Руси:

„Когда Д. И. Зубрицкій заинтересовался русской исторіей, онъ сталъ побуждать и другихъ галичанъ къ чтенію русскихъ книгъ и изслѣдованію родной исторіи. Первыми его учениками были: Я. Ѳ. Головацкій, А. С. Петрушевичъ и Михаилъ Малиновскій. На нихъ онъ возлагалъ большія надежды, которыя впослѣдствіи вполнѣ оправдались. До Д. И. Зубрицкаго въ Прикарпатской Руси (въ австрійскій періодъ ея существованія) занимался русскою исторіею только Гарасевичъ, написавшій исторію уніатской церкви, которая однако до 1862 г. оставалась въ рукописи. Въ началѣ 1830-хъ годовъ сталъ изучать галицко-русскую исторію Григорій Яхимовичъ, а также И. Н. Вагилевичъ, но живѣйшее движеніе на этомъ поприщѣ начинается у галичанъ только съ Д. И. Зубрицкаго. Его „Исторія древняго галичско-русскаго княжества" пробудила національное самосознаніе среди карпато-руссовъ и сильно повліяла на ихъ чувства. У червонно-русскихъ поэтовъ съ 1852 г. (времени выхода первыхъ двухъ частей „Исторіи") древній Галичъ, князья Ярославъ Осмомыслъ и Данило, и вообще слава галицко-владимірскаго княжества составляютъ любимую основу поэтическаго вдохновенія. Для русской исторической науки Д. И. Зубрицкій принесъ большую пользу тѣмъ, что открылъ много памятниковъ русской старины и постарался объ ихъ изданіи не только въ Галичинѣ, но и въ Россіи".

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Д. И. Зубрицкаго.

1819.

Rozprawa za pańszczyznę przez... z Ruszelczyc. „Rozmaitości“, Львовъ 1819.

1820.

Z maksym Aureliusza. „Rozmaitości“, Львовъ, 1820.

1821.

Burgera I. „Agronomia“, z niemieckiego przez D. Z-go. Przemyśl, druk Jana Gołębiowskiego, 1821, 8°, стр. 133.

O cenie zboża w Galicyi i Banku zbożowym w Anglil. „Rozmaitości“, 1821.

O uprawie koniczyny, rada dla pospolitego rolnika. Львовъ 1821, 8°, стр. 24.

1822.

Burgera I. „Nauka ekonomii“, z niemieckiego przełożona przez T. I. O agronomii, Lwów, 1822, nakład Józ. Jana Pillera, 8°, стр. 120.

1823.

Ueber galizische Volkslieder. „Der Pilger von Lemberg“, Львовъ, 1823. (Эта статья была напечатана, въ томъ же журналѣ, и по-польски, подъ заглавіемъ „O spiewach ludu pospolitego“).

1825.

Tedeschi, A. „Nauka robienia i ustawiania tak zwanych Tholardowskich konduktorów słomianych od piorunów i gradu“, z niem. przez... z ryciną. Львовъ, 1825, 8°, стр. 22+2 таблицы.

1829.

Uprawa lnu, rzecz dla galicyjskich gospodarzy. Львовъ, 1829, 8°, стр. 39.

1830.

Die griechisch-katholische Stavropigialkirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut. „Neuestes Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst“. Вѣна, 1830, № 77.

1831.

O cerkwi stauropigiańskiej we Lwowi. (Взято изъ „Neues Archiv für Geschichte“ за 1830 г.). „Rozmaitości“, Львовъ, 1831.

1836.

Historyczne badania o drukarniach Rusko-słowiańskich w Galicyi. Львовъ, 1836, 8°, стр. 90. (Это же сочиненіе напечатано въ извлеченіи подъ заглавіемъ „О славяно-русскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомеріи“ въ „Журн. Министерства Народ. Просвѣщ.“, 1838, часть XIX).

1837.

Rys do historyi Narodu Ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej w temże Królestwie. Zeszyt I. Zaprowadzenie chrześciaństwa na Rusi aż do

opanowania Rusi Czerwonej przez Kazimierza W. Od r. 988 do 1340. Львовъ, 1837, 8⁰, стр. 67+22.

1841.

Innocenty Kulczycki, Metropolita. „Rozmaitości", Львовъ, 1841.

Ułamek z Kroniki miasta Lwowa 1405—1704. „Rozmaitości", Львовъ, 1841.

Jundza, powieść z rossyjskiego. „Rozmaitości", Львовъ, 1841.

Kilka dni w Paryżu. Z podróżnego dziennika profesora uniwersytetu moskiewskiego Michała Pogodina w r 1839 spisanego. „Lwowianin", Львовъ, 1841.

O czuwasach i czeremisach, z rossyjskiego. „Rozmaitości", Львовъ, 1841.

Учебныя и литературныя заведенія во Львовѣ. „Москвитянинъ", Москва, 1841.

1842.

Relacya o zjeździe Króla Augusta III i Cara Piotra, 1701 roku, z manuskryptu. „Rozmaitości", Львовъ, 1842.

1843.

Rubens, w III częściach przez D. Z. „Rozmaitości", Львовъ, 1843.

1844.

Kronika miasta Lwowa. Nakładem autora. Львовъ, въ типогр. Ставр. Института, 1844, 8⁰, стр. 492+карта.

Ksiądz Mathew, Apostoł wstrzemięzliwosci „Rozmaitości", Львовъ, 1844.

1845.

Wiadomość o Reimskiej i Ostromirowskej Biblii. „Rozmaitości", Львовъ, 1845.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной, или Галицкой Руси. Отъ водворенія христіанства при князьяхъ поколѣнья Владиміра Великаго до конца XVI столѣтія. Сочиненіе Д. Зубрицкаго, переводъ съ польскаго д. члена Осипа Бодянскаго. Изданіе Общ. Исторіи и Древ. Росс. при Моск. Унив. Москва, 1845, 8⁰ стр. XLII+420+47.

Ueber die istraelitische Bevölkerung im Königreich Polen. „Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft". Лейпцигъ, 1845, стр. 328—332.

1847.

Начало уніи. Переводъ съ польскаго А. А. Майкова „Чтенія Общ. Истор. и Древ. Россійскихъ". Москва, 1847—1848, кн. 7, стр. 1—36.

Приглашеніе къ суду по уголовному дѣлу около половины XVII в. во Владимірской Руси. „Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Рос.", Москва, 1847—1848, кн 2. Смѣсь, стр. 25—28.

Ueber Aenderung der Nationalität. „Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft". Лейпцигъ, 1847, стр. 174—178.

1849.

Granice między Ruskim i Polskim Narodem w Galicyi. We Lwowie, w drukarni Instytutu Stawropigiańskiego, 1849, 8⁰, стр. 32. (Это же сочине-

ніе появилось на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien.“ Lemberg. 1849, 8⁰, стр. 39).

Лѣтопись Львовскаго Ставропигіальнаго братства. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.“, Петроградъ, 1849—1850, часть LXII, отд. II, стр. 1, 59, 131; часть LXVI, отд. II, стр. 60, 121; часть LXVII, отд. II, стр. 1 и слѣдующія.

1851.

Родословная картина русскихъ царей и князей Рюрикова рода вообще и галичскихъ въ особенности. Львовъ. 1851. (Эта таблица была затѣмъ издана въ качествѣ приложенія къ первой части сочиненія Д. И. Зубрицкаго „Исторія древняго галичско-русскаго княжества“. Львовъ, 1852).

1852.

Исторія древняго галичско-русскаго княжества. Львовъ, 1852. 8⁰. Часть первая, стр. 6+200+родословная картина. Часть вторая, стр. 139. (Часть третья этого труда появилась въ 1855 году).

1855.

Исторія древняго галичско-русскаго княжества. Часть третья. Львовъ, типомъ и иждивеніемъ Института Ставропигійскаго, 1855, 8⁰, стр. 314.

Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Латинскія выписки изъ ихъ сочиненій, статей, относящихся къ исторіи галичско-владимірской Руси, за періодъ отъ 1337 по 1387 годъ, съ русскимъ переводомъ и критическими изслѣдованіями и замѣчаніями. Вмѣсто четвертой части галичской исторіи. Иждивеніемъ сочинителя. Львовъ, 1855, 8⁰, стр. 1+122.

Посмертныя изданія.

Институтъ Ставропигійскій отъ р. 1666 до 1772 г. Урывокъ изъ „Хроники Инст. Ставроп.“. „Слово“, Львовъ, 1863, №№ 34—39, 41—51.

Вытягъ изъ списа актовъ братского Института Ставропигійскаго. „Временникъ“ Ставроп. Института на 1866 годъ. Львовъ, 1865, стр. 161—172.

Изданія, переводы и другія сочиненія Д. И. Зубрицкаго.

Богъ. Ода Г. Р. Державина на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Львовъ, въ типогр. Ставр. Инст. 1830, 8⁰, стр. 14 (переводы сдѣланы: польскій—Шидловскимъ, нѣмецкій—Уле). **Издатель—Д. И. Зубрицкій.**

List okólny do duchowieństwa Rusi zjednoczonej. Львовъ, 1841, 8⁰, стр. 32. (Это архіерейское посланіе Михаила Левицкаго, составленное имъ на латинскомъ языкѣ, было переведено: на русскій языкъ—М. Малиновскимъ, а на польскій, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ—**Д. И. Зубрицкимъ**).

Чинъ священныя и божественныя литургіи бываемыя сице въ гр. каѳ. церкви, съ переводомъ нѣмецкимъ и польскимъ. Издалъ Я. Ѳ. Головацкій.

Въ Львовѣ, типомъ Ставропигійскаго Института. 1858, 8°, стр. 268. (Это изданіе является совмѣстнымъ трудомъ Я. Ө. Головацкаго и **Д. И. Зубрицкаго.** Объ этомъ см. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель". Москва, 1880, вып. III, именно письма: отъ 26 окт. 1856 г. и 9 апр. 1858 г.).

Сочиненія, оставшіяся въ рукописи.

Rys do historyi Narodu Ruskiego w Galicyi. Вторая часть отъ 1340 до 1596 г. (Первая часть этого сочиненія, какъ выше отмѣчено, была напечатана въ 1837 г.).

Nieco o alfabetach Europeyskich w ogólności, a o sławieńskich, cyriliiskim i glagolickim w szczególności. (Написано въ началѣ 1850 г.).

Литература о Д. И. Зубрицкомъ.

Переписка.

Н. А. Поповъ. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель". Москва, 1880, вып. III, стр. 537—621 (29 писемъ, которымъ предпослана біографія Д. И. Зубрицкаго).

Студинскій. „З кореспонденциі Дениса Зубрицького" (за 1840—1853 гг.). „Записки наукового товариства имени Шевченка", Львовъ, 1901, томъ 43 и отдѣльный оттискъ).

Проф. В. А. Францевъ. „Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель". Варшава, 1905, стр. 378—392. (Напечатано 14 писемъ Д. И. Зубрицкаго за 1844—1855 гг.).

Ф. И. Свистунъ. „Корреспонденція Дениса Зубрицкаго съ Копитаромъ". „Вѣстникъ Народнаго Дома", Львовъ, 1906.

Біографіи.

Я. Ө. Головацкій. „Денисъ Зубрицкій". (Некрологъ). 1) „Слово", Львовъ, 1862, №№ 9—12 и 2) „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи". Кіевъ, 1862, томъ I, стр. 56—61 и 219—229. (Эта самая подробная біографія Д. И. Зубрицкаго, которая была съ незначительными измѣненіями перепечатана въ „Сѣверной Пчелѣ" (1862, №№ 55 и 58) и Н. А. Поповымъ въ изданіи „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель").

„Денисъ Зубрицкій". (Извѣщеніе о смерти и днѣ погребенія). „Слово", Львовъ, 1862, № 2.

„Денисъ Ивановичъ Зубрицкій". „Сѣверная Пчела", Петроградъ, 1862, №№ 55 и 58.

„Денисъ Зубрицкій". (Біогр. очеркъ). „Временникъ" Ставроп. Института на 1886 г., Львовъ, 1885, стр. 121.

Портреты.

Денисъ Зубрицкій. (Портретъ). Изданіе Венедикта Мих. Площанскаго. Изъ лит. Пиллера во Львовѣ, 1872, 4°. *(Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Александръ Васильевичъ Духновичъ.

(Род. 24 апрѣля (6 мая) 1803 г.—умеръ 18 (30) марта 1865 г.).

Александръ Васильевичъ Духновичъ родился 24 апрѣля (6 мая) 1803 года въ селѣ Тополѣ, Земплинской столицы, гдѣ жили его родители: отецъ—Василій Дмитріевичъ, приходскій священникъ, и мать—Марья Ивановна, изъ дома Герберовъ. Вскорѣ послѣ рожденія Александра Васильевича, его родители переѣхали въ село Стащинъ, гдѣ будущій писатель и провелъ первые годы своей жизни, окруженный заботами любящихъ родителей, которые ничего не жалѣли для того, чтобы доставить даровитому ребенку всевозможныя развлеченія и сдѣлать время его дѣтства поистинѣ золотымъ. Но беззаботная пора продолжалась недолго, такъ какъ А. В. Духновичу уже на седьмомъ году пришлось оставить игрушки и приняться за букварь, псалтырь и часословъ, которымъ обучалъ его дядя Дмитрій Герберъ. Въ первый день Пасхи шестилѣтній мальчикъ прочелъ за литургіею Апостола. Невыразимою радостью наполнилось его сердце, когда глаза всѣхъ присутствующихъ устремились на него, и онъ ясно сознавалъ, что опередилъ въ познаніяхъ своихъ сверстниковъ, и поэтому еще съ бо̀льшимъ стараніемъ сталъ продолжать свое ученіе. На девятомъ году онъ простился съ роднымъ домомъ и поѣхалъ учиться въ Ужгородъ, гдѣ и находился до 1822 года. Здѣсь русскій букварь былъ замѣненъ мадьярской азбукой, причемъ учитель съ нескрываемымъ злорадствомъ объявилъ, что все предыдущее обученіе было напраснымъ трудомъ и поэтому ничего не стоитъ. Не отставали въ шовинизмѣ отъ своего учителя и воспитанники школы, которые всячески издѣвались надъ А. В. Духновичемъ за его привязанность къ русской рѣчи. Чтобы избѣжать насмѣшекъ со стороны товарищей, Александръ Васильевичъ съ удвоенной энергіей принялся за изученіе мадьярскаго языка и въ короткое время настолько его усвоилъ, что могъ уже совершенно свободно говорить по-мадьярски. Но одновременно съ употребленіемъ чужого языка, А. В. Духновичъ началъ забывать свой родной и, въ концѣ концовъ, едва совсѣмъ не омадьярился. Однако, отъ національной гибели его спасло услышанное впервые отъ дѣда семейное преданіе о древнерусскомъ происхожденіи ихъ рода. Это произошло въ 1816 году, когда

Біографія

умеръ отецъ А. В. Духновича, и онъ вмѣстѣ съ братомъ и четырьмя сестрами остался сиротою. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ похоронъ отца писателя, дѣдъ призвалъ своего 12-лѣтняго внука и торжественно ему объявилъ: „Сынъ мой! отецъ твой умеръ, а мнѣ уже 70 лѣтъ и я не знаю, увижу ли тебя, когда ты вернешься изъ училища. Поэтому я долженъ тебѣ сообщить то, что̀ мой отецъ и дядя завѣщали мнѣ передать наслѣдникамъ относительно нашего рода. Предокъ нашъ происходилъ изъ Москвы и не назывался тогда Духновичемъ, а былъ изъ извѣстной фамиліи Черкасскихъ. Въ царствованіе Петра Великаго, во время его отсутствія изъ Москвы, насталъ бунтъ стрѣльцовъ, которыми руководила царевна Софья. Однимъ изъ начальниковъ стрѣльцовъ былъ нашъ предокъ Черкасскій; онъ спасся отъ казни бѣгствомъ и съ нѣсколькими своими товарищами, въ числѣ которыхъ были Герберъ и Брылла, чрезъ Польшу направился въ Угрію, гдѣ поселился подъ Бескидомъ, въ селѣ Тополѣ, принявъ имя Духновича. Здѣсь онъ получилъ должность пѣвца при деревянной церкви; но отличаясь познаніями, обратилъ на себя вниманіе сосѣднихъ священниковъ, которые убѣдили его жениться и принять званіе іерея. Онъ женился на дочери одного изъ этихъ священниковъ, отправился въ Мукачевскій монастырь, былъ тамъ посвященъ въ іереи и получилъ приходъ въ селѣ Тополѣ, который и переходилъ всегда къ его потомкамъ. Сынъ мой! Не забывай Бога, молись Ему и люби свой русскій родъ, и хоть не станешь отъ этого богатъ, но зато будешь счастливъ". По окончаніи ученія въ Ужгородѣ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1823—1824) проходилъ „философію" (т.-е. нынѣшніе VII и VIII классы гимназіи) въ Кошицахъ, откуда, уже будучи посвященнымъ въ стихарь, переведенъ въ Ужгородскую семинарію, гдѣ и изучалъ богословіе до 1827 года. Окончивъ свое образованіе, А. В. Духновичъ, по предложенію епископа Тарковича, поступилъ въ епархіальную канцелярію города Пряшева и занимался въ ней подъ руководствомъ тогдашняго секретаря и епархіальнаго нотаріуса Василія Поповича, будущаго Мукачевскаго епископа. Ничего не получая за свои труды и много терпя отъ тяжелаго характера Тарковича, А. В. Духновичъ въ 1830 г. принужденъ былъ оставить канцелярію и пробылъ около двухъ лѣтъ въ качествѣ воспитателя дѣтей въ домѣ поджупана Ужгородской сто̀лицы Стефана Петровая. Однако, жизнь въ великосвѣтскомъ домѣ тяготила Александра Васильевича, и въ 1832 г. онъ снова поступилъ въ канцелярію, въ которой и служилъ до 1833 г., когда былъ назначенъ приходскимъ священникомъ въ село Комлошу, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ село Бѣловѣжу. Въ 1838 г. его сдѣлали нотаріусомъ Ужгородской консисторіи, а въ 1843 г. назначили каноникомъ (протоіереемъ) въ Пряшевскій соборъ. Въ этомъ званіи А. В. Духновичъ и трудился до самой своей смерти. Въ послѣднее время жизни у Александра Васильевича стала развиваться водянка, которая продержала его прикованнымъ къ постели цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Пріобщившись Св. Таинъ изъ рукъ самого епископа Іосифа Гаганца А. В. Духновичъ скончался 18 (30) марта 1865 года.

Александръ Васильевичъ Духновичъ.

Народная дѣятельность.

Александръ Васильевичъ Духновичъ былъ выдающейся личностью во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ народный дѣятель онъ много поработалъ для Угорской Руси, постоянно подвергаясь преслѣдованіямъ со стороны мадьярскихъ шовинистовъ. Онъ былъ не только однимъ изъ главныхъ основателей, но и первымъ предсѣдателемъ Общества Іоанна Крестителя въ Пряшевѣ, которое, помимо заботъ о развитіи литературы, оказывало также поддержку русскимъ воспитанникамъ Пряшевской гимназіи, давая имъ квартиру со столомъ и необходимые учебники. Какъ членъ Пряшевской консисторіи, онъ много содѣйствовалъ основанію народныхъ школъ. Александръ Васильевичъ обладалъ рѣдкимъ по твердости характеромъ и былъ строгимъ ревнителемъ благочестія, неизмѣнно преданнымъ православію. О религіозныхъ воззрѣніяхъ А. В. Духновича можно лучше всего судить по его сочиненію „Литургическій катехизисъ" (Будапештъ, 1851). По словамъ Я. Ѳ. Головацкаго (см. его „Дополненія къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго", Петроградъ, 1874, стр. 64, примѣчаніе къ № 443), когда появилась эта книга, то галицкіе каноники: бывшій ректоръ духовной семинаріи въ Вѣнѣ Спиридонъ Литвиновичъ и Григорій Шашкевичъ, найдя въ статьѣ катехизиса „Когда и какъ совершается освященіе даровъ?" отступленіе отъ догматовъ католической церкви, донесли объ этомъ римскому нунцію въ Вѣнѣ. Нунцій вошелъ въ объясненія съ А. В. Духновичемъ и въ переписку въ епископомъ Іосифомъ Гаганцемъ, но Александръ Васильевичъ, по сообщенію Я. Ѳ. Головацкаго, „смѣло и рѣшительно отвергнулъ всѣ требованія, увѣщанія и угрозы нунція и твердо стоялъ на своемъ: «пускай латинствующіе вѣнскіе каноники вѣруютъ какъ хотятъ, я же, Духновичъ, такъ вѣрую и исповѣдую, и ни за что не отступлю отъ преданій св. Отцовъ и ученія св. восточной церкви, такъ бо вѣруютъ и исповѣдуютъ вся Угорская Русь и всѣ Румыны даже уніаты». Нунцій, видя такую рѣшимость каноника Духновича и поддержку этого дѣла угорско-русскимъ клиромъ и народомъ, оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, и не трогая его больше, упросилъ автора, если онъ не хочетъ перемѣнить текста, то пусть позволитъ вырѣзать въ книгѣ нѣсколько листовъ. Духновичъ согласился, и вотъ причина, почему полные экземпляры „Литургическаго катехизиса" весьма рѣдки. Во второмъ изданіи его, во Львовѣ, въ 1854 г., каноникъ Духновичъ приказалъ выпустить эту статью". Наконецъ, чтобы вполнѣ обрисовать личность Александра Васильевича, какъ народнаго дѣятеля, надо отмѣтить, что его домъ отличался чисто-русскимъ хлѣбосольствомъ и служилъ средоточіемъ народной жизни въ Угорской Руси. У него сходились для идейной бесѣды и заслуженные дѣятели и совсѣмъ еще юная молодежь, и всѣхъ одинаково объединяла благородная личность „батька" А. В. Духновича, который всегда былъ неизмѣнно спокойнымъ, жизнерадостнымъ и остроумнымъ.

Литературная дѣятельность.

Литературно-просвѣтительная дѣятельность А. В. Духновича началась съ того времени, когда онъ сдѣлался настоятелемъ прихода села Бѣловѣжи. Тогда онъ сталъ заниматься русскою литературою, изучалъ церковно-славянскій и общерусскій языки и собиралъ народныя пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны въ извѣстномъ трудѣ Я. Θ. Головацкаго „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси".

Первымъ трудомъ А. В. Духновича былъ русскій букварь, появившійся въ 1847 году подъ заглавіемъ „*Книжица для начинающихъ*".

Посвящая себя дальнѣйшей работѣ надъ просвѣщеніемъ угро-русскаго населенія, А. В. Духновичъ прежде всего озаботился объ устройствѣ типографіи, въ которой можно было бы печатать полезныя для народа книги. Съ этой цѣлью онъ обратился въ 1851 году въ Ужгородскую консисторію съ ходатайствомъ объ учрежденіи книгопечатни при Мукачевскомъ монастырѣ. Однако, этотъ планъ А. В. Духновича не могъ тогда осуществиться, такъ какъ послѣ мадьярской революціи 1848—49 годовъ власти весьма подозрительно относились даже къ малѣйшимъ проявленіямъ національнаго самосознанія среди австрійскихъ народностей. Но первая неудача не остановила писателя, и онъ продолжалъ трудиться для просвѣщенія и возрожденія Угорской Руси.

Въ Вѣнѣ онъ издалъ на 1851 г. и въ Будапештѣ на 1852 г. литературный сборникъ „*Поздравленіе Русиновъ*", а во Львовѣ—на 1854 и 1857 гг. свой календарь подъ заглавіемъ „*Мѣсяцословъ*".

Въ 1850 г. появилась въ Перемышлѣ его драма „*Добродѣтель превышаетъ богатство*", которая тогда же была разыграна учениками въ нѣсколькихъ народныхъ школахъ. Затѣмъ имъ были изданы: для начальныхъ школъ — „*Краткій землеписъ*" (1851 г.) и „*Литургическій катехизисъ*" (1851 г.), для взрослыхъ — молитвенникъ „*Хлѣбъ души*" (1851 г.), для интеллигенціи—„*Сокращенная грамматика письменнаго русскаго языка*" (1853 г.) и, наконецъ, для учителей — „*Народная педагогія въ пользу училищъ и учителей сельскихъ*" (1857 г.).

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что литературная дѣятельность А. В. Духновича была самой разнообразной: онъ одновременно былъ поэтомъ, драматургомъ, историкомъ и педагогомъ.

Въ автобіографическихъ „Запискахъ" А. В. Духновичъ характеризуетъ свою дѣятельность слѣдующимъ образомъ:

„По скончанію несчастнаго мятежа такъ реченнаго Кошутовскаго въ Угорщинѣ—угорскіе русины россійскими полками одушевленные зачали по народному думать, воздвигши по силамъ слабымъ письменность свою. Я въ томъ дѣлѣ былъ одушевленъ, понуждалъ молодежь русскую до дѣла, источивъ силы и деньги, выдалъ сей часъ дѣлце подъ заглавіемъ: «книжица для начинающихъ», которое дѣлце для простого народа въ стихахъ, четыри разъ печатанное великую принесло пользу для народного духа и для литературы;—издалъ сей часъ Молитвенничокъ русскій—Хлѣбъ души—которое дѣлце съ востор-

гомъ росхваченное такъ, что четыри разы должно было печатать. Сей часъ издалъ Алманахъ, и Мѣсяцесловъ и прч.

„Я радовался духомъ, что наши забвенные русины показали пламѣнь духовной жизни, трудился ночью и днемъ, боролся съ перепонами, и врагами и заложилъ, учредивъ Литературное Заведеніе, которое порядочно издавало начальныя Литературныя сочиненія.

„И радостно могу сказать, что русины Епархіи Пряшовской одушевилися, найпачеже молодежь стала душевно ревновать за русскій духъ, и за русское слово. Дѣвушки уже не стидилися пѣть русскія пѣсни, а пѣснь моя народная: Я русинъ былъ, есмь и буду, по всюду голосовала въ въ обществахъ, да уже и жиды зачинались учить русскому. На гимназіи Пряшовской я преподавалъ русскій языкъ и любезно посѣщали Школу мою не токмо русины, но и Словаки, и мадяры, да и лютеранскіи ученики; кто извѣстить мое удвольствіе, я трепеталъ въ радости, думая, что оно и таки останется на всегда!“

Стихотворенія.

Стихотворенія А. В. Духновича разбросаны по разнымъ сборникамъ и журналамъ и до сихъ поръ не появлялись еще отдѣльною книгою. Онъ пробовалъ свои силы во многихъ родахъ поэзіи. Такъ, къ одамъ относится его стихотвореніе „*Надежда въ Бога*“, изъ басенъ замѣчательна по мысли „*Противъ стыдающихся своей народности*“, изъ сатиръ и юмористическихъ стихотвореній особенно интересны „*Критикъ*“ и „*Надгробное вепрю*“; онъ также любилъ писать думы, изъ которыхъ лично къ нему относится „*Дума на 60-лѣтній день*“, гдѣ онъ, между прочимъ, сожалѣетъ о быстро промелькнувшей молодости. Но болѣе всего между стихотвореніями А. В. Духновича извѣстны въ Угорской Руси его подражанія народнымъ пѣснямъ и такія стихотворенія съ національной окраской, какъ напр., „*Я русинъ былъ, есмь и буду*“, которое было написано на мѣстномъ нарѣчіи, положено на музыку и сдѣлалось народнымъ гимномъ Угорской Руси. Въ качествѣ образца приводимъ начало этого стихотворенія:

Я русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился русинòмъ,
Честный родъ мой не забуду,
Остану́сь его сынóмъ.
Русинъ мой былъ отецъ, мати,
Русская вся родина,
Русины сестры, браты
И широка дружина.
Великій мой родъ и главный,
Міру есть современный,
Духомъ и силою славный,
Всѣмъ народамъ пріемный

и т. д.

Прозаическія сочиненія.

Прозаическія сочиненія А. В. Духновича имѣютъ, главнымъ образомъ, учебно-воспитательное значеніе, такъ какъ произве-

денія художественнаго характера онъ писалъ по преимуществу стихами. Если не считать драмы „Добродѣтель превышаетъ богатство", то всѣ остальныя крупныя его сочиненія въ прозѣ, ставятъ своей задачей практическое служеніе народному просвѣщенію и представляютъ разнаго рода буквари, молитвенники, календари („мѣсяцословы") и руководства для учителей. Особенно извѣстна его „Народная педагогія", которая замѣнила собой мадьярскія и нѣмецкія пособія и была составлена примѣнительно къ потребностямъ угро-русской школы. Кромѣ того, необходимо отмѣтить его публицистическую дѣятельность, выразившуюся въ многочисленныхъ корреспонденціяхъ изъ Пряшева, которыя А. В. Духновичъ помѣщалъ въ „Вѣстникѣ" И. Ѳ. Головацкаго, „Семейной Библіотекѣ" С. Г. Шеховича, „Церковной Газетѣ" и „Церковномъ Вѣстникѣ" И. И. Раковскаго и въ „Словѣ" Б. А. Дѣдицкаго. Всѣ публицистическія статьи А. В. Духновича можно раздѣлить, по характеру ихъ содержанія, на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ знакомятъ читателей съ культурно-просвѣтительнымъ движеніемъ въ Угорской Руси, другія же—касаются вопроса о литературномъ языкѣ русскаго Прикарпатья.

Сочиненія, оставшіяся въ рукописи.

Много сочиненій А. В. Духновича осталось также въ рукописи и въ томъ числѣ: „Privatae cogitationes" („Частныя размышленія"; относятся къ 1830 гг. и содержатъ стихи и прозу на латинскомъ, русскомъ и мадьярскомъ языкахъ), „Біографія Василія Поповича" (по латыни), вторая часть „Народной педагогіи", затѣмъ слѣдующіе пять сборниковъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ „Народнаго Дома" во Львовѣ: „Забавки" (въ трехъ частяхъ, изъ которыхъ первая содержитъ стихотворенія, вторая—статью объ угро-руссахъ и третья—повѣсти), драма „Головный тарабанщикъ", „Загадки и логогрифы", „Естественно-духовныя разсужденія" и „Statuta Capituli Eperiensis" („Уставъ Пряшевскаго капитула", т.-е. соборнаго причта) и, наконецъ, автобіографическія „Записки" (рукопись 1861—1864 гг.; хранится въ Пряшевской епископской библіотекѣ).

Значеніе дѣятельности А. В. Духновича.

Значеніе дѣятельности А. В. Духновича для развитія Угорской Руси настолько велико, что составляетъ цѣлую эпоху въ ея исторіи. До него въ литературѣ употреблялись послѣдовательно церковно-славянскій, латинскій и мадьярскій языки, и только онъ первый началъ писать по русски: сперва на мѣстномъ нарѣчіи, а затѣмъ и на общерусскомъ языкѣ. Какъ священникъ, онъ постоянно заботился о чистотѣ восточнаго обряда, а какъ народный дѣятель — много содѣйствовалъ открытію новыхъ школъ. Вообще своими трудами А. В. Духновичъ указалъ угро-руссамъ то направленіе, по которому должно совершаться ихъ національное развитіе. Если Угорская Русь,—въ противоположность Галичинѣ и Буковинѣ, — никогда не знала украйнофильства и всегда отстаивала общерусское національно-культурное единство, то этимъ она въ значительной степени обязана плодотворной дѣятельности Александра Васильевича Духновича.

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій А. В. Духновича.

Примѣчаніе. А. В. Духновичъ имѣлъ *криптонимы*: 1) А. Д. (изъ Пряшева): альманахъ „Поздравленіе Русиновъ", на 1851 и 1852 гг.; „Вѣстникъ", 1852 и 1853 гг.; „Зоря Галицкая", 1853 г.; „Отечественный Сборникъ", 1853 г.; „Церковная Газета", 1857 и 1858 гг.; „Слово", 1861 и 1862 гг. и „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи", 1862 г. 2) Д. (изъ Пряшева): „Зоря Галицка", 1849 г.; альманахъ „Поздравленіе Русиновъ", на 1851 г.; „Вѣстникъ", 1852 г.; и „Церковная Газета", 1857 г. и *псевдонимъ*— Архидіяконъ Спижскій.

1847.

Книжица читальная для начинающихъ. Будапештъ, 1847, 32°, стр. 120. (Второе изданіе появилось въ 1851 г., а третье—въ 1852; и то и другое въ Будапештѣ).

Corpus Juris Canonici. Томъ I. Пряшевъ, 1847.

1849.

Состояніе Русиновъ въ Угорщинѣ. „Зоря Галицка", Львовъ, 1849, № 31.

1850.

Поздравленіе Русиновъ на новый годъ 1850. Перемышль, 1850, 16°, стр. 54. Въ этомъ сборникѣ, составленномъ А. В. Духновичемъ, помѣщены два его произведенія:

Поздравленіе (стихотвореніе) и

Прощаніе съ 1849 годомъ (статья).

Добродѣтель перевысшаетъ богатство. Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изреченію въ ползу народа Карпато-Русскаго отъ Александра Духновича. Въ Перемышли, тvпомъ собора русскихъ Крылошанъ, 1850, 16°, стр. 122.

Поздравленіе Русиновъ на годъ 1851, отъ литературнаго заведенія Пряшевскаго. Вѣна, 1850, 16°, стр. 156+1 иллюстрація. Въ этомъ сборникѣ, составленномъ А. В. Духновичемъ, помѣщены слѣдующія его произведенія: стихотворенія—

Поздравленіе (стр. 3—8);

Орелъ (стр. 9—14);

Мысль о Бозѣ (стр. 15—18);

Сирота въ заточеніи (стр. 19—23);

Убѣгша свобода (стр. 33—34);

Свобода (стр. 35—36);

Незабудка (стр. 37—39);

Сѣтованіе Павла Аньоша (стр. 40—42);

О придворной жизни (стр. 43—47);

Жаба. По Лаборскому выраженію (стр. 50—51);

Врученіе (стр. 69—70) и путевые очерки (въ прозѣ) —

Память Щавника (стр. 71—78).

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ", Вѣна, 1850, №№ 14—16, 21, 29, 35, 43, 54, 55, 62, 84, 85, 87 и 88.

1851.

Литургическій катехизисъ. Будапештъ, 1851, 8°, стр. 207. (Второе изданіе вышло во Львовѣ въ 1854 г.).

Хлѣбъ души, или набожныя молитвы и пѣсни для восточныя церкви православныхъ христіанъ. Будапештъ, 1851, 16°, стр. 184. (Эта книга выдержала около десяти изданій: второе появилось въ Будапештѣ въ 1857 г., а всѣ послѣдующія въ Перемышлѣ въ 1860, 1864, 1866, 1868, 1869 и 1877 гг.).

Краткій землеписъ для молодыхъ Русиновъ. Перемышль, 1851, 16°, стр. 100.

Счетъ литературнаго заведенія Пряшевскаго. „Вѣстникъ", Вѣна, 1851, № 145.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ", Вѣна, 1851, №№ 5, 8 и 145.

1852.

Поздравленіе Русиновъ на Новый годъ (стихотвореніе). „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, № 3.

Пращаніе съ мясницами (стихотвореніе). „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, № 14.

Эпитафія или надгробная надпись славнаго пьяницы (стихотвореніе). „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, № 38.

Загадки. „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, №№ 4—9, 11, 13, 15, 20—24, 35, 37, 40, 42, 46, 48, 50, 51, 55, 69, 70, 73.

Логогрифы. „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, №№ 26, 27, 29—32, 40, 43, 52, 54—56, 68, 70, 73—77, 79.

Господарка (мелкія хозяйственныя замѣчанія). „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, №№ 13—15.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ", Вѣна, 1852, №№ 10, 11, 24, 68, 74, 78.

Корреспонденція изъ Пряшева. (Безъ всякой подписи). „Зоря Галицкая", Львовъ, 1852.

Праводушное привѣтствованіе Франца-Іосифа, городъ Пряшевъ всемилостиво посѣтившаго. Будапештъ, 1852, 4°, стр. 7.

Въ книгѣ „Поздравленіе Русиновъ на годъ 1852 отъ Литературнаго Заведенія Пряшевскаго" (Будапештъ, 1852), А. В. Духновичъ напечаталъ слѣдующія свои стихотворенія:

Вѣчность (стр. 3—9);

Храмъ любви (стр. 15—30);

Любовь милой и отечества (стр. 31—33);

Тоска на гробѣ милой (стр. 34—39);

Александръ Васильевичъ Духновичъ.

Образъ жизни (стр. 71—72);
Мысль въ началѣ весны (стр. 126), а также (въ прозѣ) басню — **Женская свирѣпость** (стр. 133--143).

1853.

Сокращеная грамматика письменнаго рускаго языка. Будапештъ, 1853, 8°, стр. 51. (Эта грамматика была написана А. В. Духновичемъ на угро-русскомъ нарѣчіи, но В. М. Войтковскій и И. И. Раковскій, которому авторъ послалъ въ Будапештъ свое сочиненіе для напечатанія, измѣнили первоначальный языкъ грамматики на общерусскій ладъ и въ такомъ видѣ выпустили ее въ свѣтъ).

Корреспонденція изъ Пряшева. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1853, № 32.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Зоря Галицкая“, Львовъ, 1853, № 32.

1854.

Молитвенникъ для русскихъ дѣтей. Будапештъ, 1854, 16°, стр., 210.

Мѣсяцословъ для угорскихъ Русиновъ на годъ 1854. Изд. Александръ Духновичъ. 1854, 8°.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Отечественный Сборникъ“, Вѣна, 1854, № 3.

1856.

Мѣсяцословъ господарскій Львовскій на годъ отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 1857. Львовъ, 1856, 8°, стр. 108. (Этотъ же „Мѣсяцословъ“ А. В. Духновичъ приспособилъ и къ потребностямъ угро-руссовъ, для чего замѣнилъ въ немъ свѣдѣнія о галицкихъ ярмаркахъ соотвѣтствующими данными объ ярмаркахъ въ Угорской Руси. Во львовскомъ „Мѣсяцословѣ“, между прочимъ, напечатана пѣсня А. В. Духновича „**Я русинъ былъ, есмь и буду**“ (стр. 91—92).

Корреспонденція изъ Пряшева. „Церковная Газета“, Будапештъ, 1856, № 29.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Семейная Библіотека“, Львовъ, 1856, стр. 30.

1857.

Народная педагогія въ пользу училищъ и учителей сельскихъ. Часть I. Педагогія общая. Львовъ, 1857, 8°, стр. V+91. (А. В. Духновичъ написалъ также и вторую часть этого сочиненія подъ заглавіемъ „Педагогія спеціальная“, которая до сихъ поръ еще не напечатана).

Была пора, коль Русскій сынъ (стихотвореніе, напечатанное въ альбомѣ, поднесенномъ императору Францу-Іосифу I, по случаю его путешествія по Угріи въ 1857 г. Это же стихотвореніе перепечатано въ „Церковной Газетѣ“, Будапештъ, 1858, № 3).

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Церковная Газета“, Будапештъ, 1857, №№ 9, 28 и 34.

1858.

Правила Чина Св. Василія Великаго въ Угорщинѣ. Львовъ, 1858, 8°, стр. 160+IV.

Голосъ изъ подъ Карпатъ (стихотвореніе, напечатаное въ изданіи „Das Kaiser-Album Viribus Unitis", Вѣна, 1858, стр. 209 — 210. Это же стихотвореніе перепечатано въ „Отечественномъ Сборникѣ", Вѣна, 1858, № 20).

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Церковная Газета", Будапештъ, 1858, №№ 2, 10 и 14.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Церковный Вѣстникъ", Будапештъ, 1858, № 6.

1860.

Въ изданіи „Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860". (Издалъ Б. А. Дѣдицкій. Львовъ, 1860, 8°, стр. XXII+560) А. В. Духновичъ напечаталъ слѣдующія свои стихотворенія:

Голосъ радости въ честь новопоставленному Митрополиту Львовско-Галичскому, Его Высоко-Преосвященству Григорію барону Яхимовичу отъ Угорскихъ Русиновъ (стр. XV—XVI);

Пѣснь земледѣльца весною (стр. 58—59);

Счастіе жизни (стр. 59);

Поздравленіе Новому Другу (д-ру Влад. Терлецкому; стр. 59—60) и

Что бывало, есть и нынѣ (стр. 60—61).

1861.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Слово", Львовъ, 1861, №№ 45 и 60.

1862.

Послѣдняя моя пѣснь (стихотвореніе). „Галичанинъ", Львовъ, 1862, кн. I, вып. 1, стр. 19—20.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи", Кіевъ, 1862, т. II, стр. 140—141.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Слово" 1862, №№ 1, 14 и 100.

1863.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Вѣстникъ", Вѣна, 1863, №№ 2, 6—11, 43.

Корреспонденціи изъ Пряшева. „Слово", 1863, №№ 10 и 101.

1864.

Въ книгѣ „Мѣсяцословъ на годъ 1865" (Ужгородъ, 1864) А. В. Духновичъ напечаталъ слѣдующія свои стихотворенія:

Русскій маршъ (стр. 3—4);

Муха (стр. 23—25);

Надгробное вепрю (стр. 25—26);

Пѣснь простонародна (стр. 44—47);

Надежда въ Бога (стр. 76—77);
Критикъ (стр. 81);
Солнце (стр. 103—105);
Мѣсяцъ (стр. 105—106) и
Дума на 60-лѣтній день (стр. 141).

1865.

Въ книгѣ „Мѣсяцословъ на годъ 1866“ (Ужгородъ, 1865), напечатаны слѣдующія произведенія А. В. Духновича:
Дочь (стихотв., стр. 45);
Фальшивому другу (стих., стр. 44—45);
Цыганъ (стих., стр. 45);
Дѣло отъ бездѣлія (статья, стр. 43—44) и
Басня противо стыдающихся своей народности (разсказъ, стр. 45).

Русскій литеральный земледѣлецъ (стихотв.). „Голосъ Народный“, Коломыя, 1865, № 2.

О придворной жизни (стих.). „Слово“, Львовъ, 1865, № 34.

Погибшая свобода (стих.). „Слово“, Львовъ, 1865, № 34.

Корреспонденція изъ Пряшева. „Слово“, Львовъ, 1865, № 2.

Посмертныя изданія.

Отечество (стих.). „Слово“, Львовъ, 1865, № 75.

На похоронъ матери (стихотвореніе). „Отечественный Сборникъ“, Вѣна, 1866, № 9.

Бесѣда, выголошена во время инсталяціи протоіерея Михаила Герберія (статья). „Отечественный Сборникъ“, Вѣна, 1866, № 16.

О склонностяхъ человѣческихъ и физіогноміи (статья). „Отечественный Сборникъ“, Вѣна, 1866, №№ 7—8.

Загадка (стих.). „Читанка русская для низшей гимназіи“, Львовъ, 1866, стр. 10 и 34.

Удовольствіе (стих.). „Мѣсяцословъ на 1869 годъ“, Ужгородъ, 1868.

Чины знаешь (стих.). „Ластовка“, Львовъ, 1869, № 4.

Исторія Пряшевской епархіи. Сочиненіе А. В. Духновича. Переводъ съ неизданной латинской рукописи протоіерея К. Кустодіева. Петроградъ, 1877, 8°, стр. 102. Цѣна 50 коп. (Неизданный латинскій оригиналъ написанъ въ 1846 г. и носитъ заглавіе „Chronologica Historia almae Dioecesis Eperjessiensis ab origine videlicet, usque olitum primi Episcopi Gregorii Tárkovits deducta per Alexandrum Duchnovics Cathedralis Ecclesiae Eperjessiensis Magistrum Canonicum. Anno 1846. Pars I-ma“).

Василію Поповичу на день 1 января 1837. (стихотв.). „Листокъ“, Ужгородъ, 1885, № 3,

Сочиненія, оставшіяся въ рукописи.

Privatae cogitationes, praesertim nocturnae Alexandri Duchovics. 8° (Эту рукопись, относящуюся къ 1830 гг., открылъ Анатолій Кралицкій, который и далъ о ней краткую замѣтку подъ заглавіемъ „Корреспонденція. Мукачево 9 (21) января 1892." „Листокъ", Ужгородъ, 1892, № 4).

Biographia Basilii Popovics, Episcopi Munkacsiensis, seu Status Dioecesis Munkacsiensis ab Anno 1809 usque 1843, adumbratus per Alexandrum Duchnovics, cath. Eccl. Eperjes. Canonicum, antea notarium Cons. Munk. Пряшевъ, 1847, 8°, стр. 6+134. (Этотъ трудъ, повидимому, не оконченъ. По крайней мѣрѣ, въ рукописи, принадлежавшей А. И. Добрянскому-Сачурову и находящейся теперь у его дочери Е. А. Будиловичъ, разсказъ доведенъ только до начала епископства Василія Поповича. Сочиненіе богато автобіографическими данными).

Народная педагогія. Часть вторая, носящая заглавіе „Педагогія спеціальная".

Въ библіотекѣ „Народнаго Дома" во Львовѣ хранятся слѣдующіе пять сборниковъ рукописей А. В. Духновича (подробное ихъ описаніе дано въ книгѣ И. С. Свѣнцицкаго: „Описаніе иноязычныхъ и новѣйшихъ карпато-русскихъ рукописей библіотеки „Народнаго Дома" во Львовѣ", Львовъ, 1905, стр. 12—15):

Забавки. Пряшевъ, 1848, 32°, въ трехъ частяхъ: часть I (стихотворенія) стр. 94, часть II (статья объ угро-руссахъ) стр. 77, часть III (повѣсти) стр. 56.

Головный тарабанщикъ, драма отъ Александра Духновича. Пряшевъ, 1852, 32°, стр. 206.

Загадки и логогрифы. Дѣйствованіе А-дра Д-ча крылошанина въ Пряшевѣ 1852 г. 16°, стр. 153. (Часть загадокъ и логогрифовъ была напечатана. Кромѣ загадокъ сборникъ содержитъ и стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя тоже были изданы).

Естественно-духовная разсужденія. Пряшевъ, 1855, 16°, 7 л.+205 стр.

Statuta Capituli Eperiensis Concinnavit A-er D-cs Canon. Eperiensis. 16°, стр. 226+29.

Записки Александра Духновича. 8° (Писаны въ теченіе 1861—1864 гг. Хранятся въ Пряшевской епископской библіотекѣ. Выдержки изданы въ книгѣ И. С. Свѣнцицкаго „Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси", Львовъ, 1909, стр. 118—126).

Литература объ А. В. Духновичѣ.

Біографіи характеристики.

А. И. Павловичъ. „Батькови Духновичу" (стихотвореніе).

V. M. „Aleksandr Vas. Duchnovič". Словацкій журналъ „Sokol", Будапештъ, 1863, № 2.

„Александръ Васильевичъ Духновичъ" (некрологъ). „Золотая Грамота", Вѣна, 1865, № 3.

„Александръ Васильевичъ Духновичъ“ (некрологъ). „Слово“, Львовъ 1865, № 24.

„Воспоминанія о блажен. пам. А. В. Духновичѣ“. „Слово“, 1865, № 25.

К. и Л. „Александръ Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій“ (біографическій очеркъ съ портретомъ). „Золотая Грамота“, Вѣна, 1865, № 7.

М. А. Маленькій. „А. В. Духновичъ, его жизнь и дѣйствованіе“. „Слово“, Львовъ, 1865, № 34.

Анатолій Кралицкій. „А. В. Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій“. 1) „Мѣсяцословъ на годъ 1866, для русскихъ угорскія краины“, Ужгородъ, 1865 и 2) „Временникъ“ Ставропигійскаго Института, Львовъ, 1871.

„Aleksandr Vasiljevič Duchnovič“. „Slawische Blätter“, Вѣна, 18 5, стр. 211—213.

Кр—кій. „Олександеръ Духновичъ“. „Календарь товариства „Просвѣта“, Львовъ, 1866, стр. 71.

Торонскій. „Александръ Духновичъ“ (біографическій очеркъ). „Русская Читанка“, Львовъ, 1868, стр. 317.

Н. А. Поповъ. „Русскій писатель въ Венгріи, Александръ Васильевичъ Духновичъ“. „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности“, Москва, 1871, вып. 3, стр. 50—61.

Александръ Барвинскій. „Александръ Духновичъ“ (біограф. очеркъ). „Русская Читанка“, Львовъ, 1871, стр. 520.

Владиміръ Терлецкій. „Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи“, Кіевъ, 1874, стр. 21—23.

Василь Лукичъ. (Владиміръ Левицкій). „Угорска Русь, еи розвой и теперѣшній станъ“, Львовъ, 1887, стр. 16—18.

Евменій Сабовъ. „Христоматія церковно-славянскихъ и угрорусскихъ литературныхъ памятниковъ“, Ужгородъ, 1893, стр. 196—198.

Студинскій. „Корреспонденція Якова Головацького въ літахъ 1850—62“, Львовъ, 1905. (Здѣсь напечатано 28 писемъ А. В. Духновича къ Я. Ѳ. Головацкому).

Иванъ Созанскій. 1) „Поетична творчість Олександра Духновича“. „Записки наукового товариства имени Шевченка“, Львовъ, 1908, томъ 86, стр. 123—140 и 2) „Александер Духнович“ (угро-руский автор народних учебників і публіцист“). „Учитель“, Львовъ, 1908, стр. 137—147, 162—167, 178—184.

Портреты.

Александръ Духновичъ. (Портретъ на полулистѣ). Изданіе Общества св. Василія Великаго въ Ужгородѣ. Вѣна, 1867.

М. А. Врабель. „Русскій соловей или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ“, Ужгородъ, 1890, стр. 1 (портретъ и факсимиле. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

Николай Леонтьевичъ Устіановичъ.

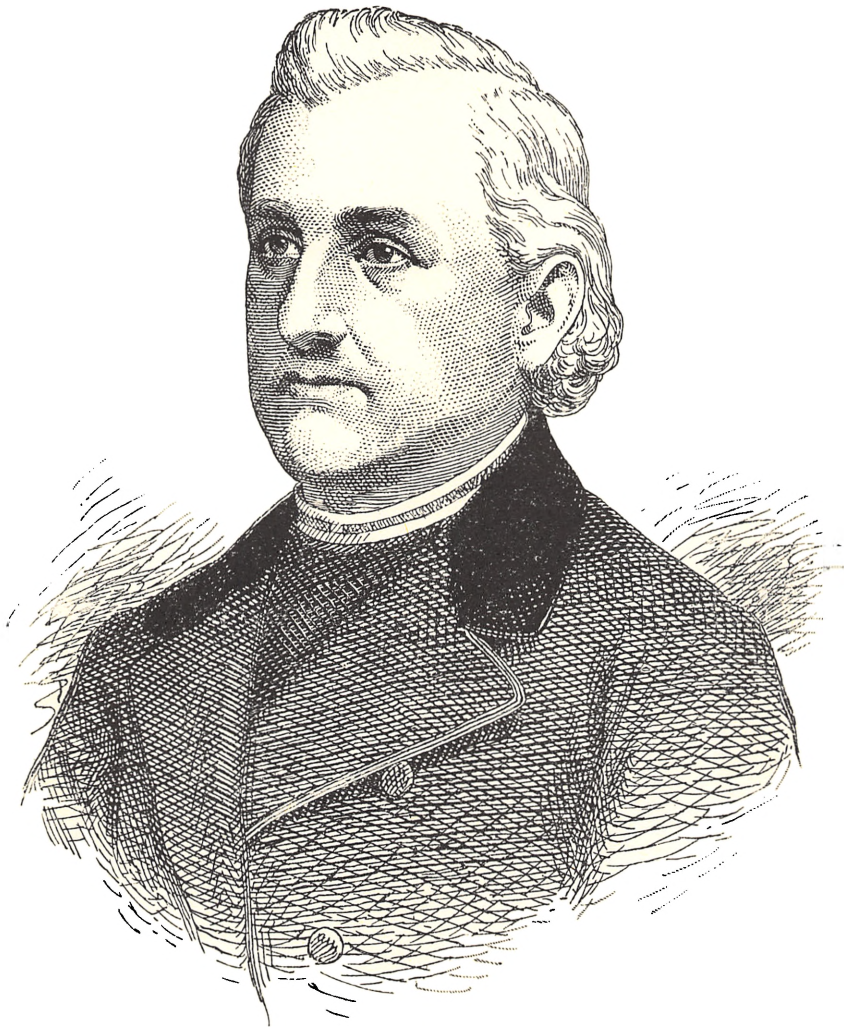
(Род. 25 ноября (7 дек.) 1811 г.—умеръ 22 окт. (3 ноября) 1885 г.).

Біографія. Николай Леонтьевичъ Устіановичъ родился 25 ноября (7 декабря) 1811 года въ мѣстечкѣ Николаевѣ, Жидачевскаго уѣзда (отсюда и псевдонимъ его—Н и к о л а й и з ъ Н и к о л а е в а), гдѣ его отецъ былъ громадскимъ начальникомъ (бурмистромъ). Неотразимое вліяніе на весь складъ характера Николая Леонтьевича оказала его мать, съ одинаковой любовью и нѣжностью воспитывавшая одиннадцать человѣкъ своихъ дѣтей, которыя передъ ней положительно преклонялись и почитали ее какъ святую. Свое ученіе Н. Л. Устіановичъ началъ у мѣстнаго дьячка, пройдя по старо-русскому обычаю псалтырь и часословъ, а послѣ того, какъ прочелъ на клиросѣ Апостола и тѣмъ самымъ доказалъ свои успѣхи въ русской грамотѣ, былъ отданъ въ нѣмецкую начальную школу, по окончаніи которой перешелъ во Львовскую гимназію. Когда онъ состоялъ студентомъ „философіи“ (т.-е. нынѣшнихъ VII и VIII классовъ гимназіи), то увлекся польскимъ націонализмомъ, и въ 1830 году едва не сдѣлался участникомъ польскаго возстанія. По окончаніи „философіи“ Н. Л. Устіановичъ поступилъ на богословскій факультетъ Львовскаго университета, гдѣ сблизился съ Маркіаномъ Семеновичемъ Шашкевичемъ.

5 (17) сентября 1835 года онъ былъ принятъ въ духовную семинарію. и въ томъ же году, черезъ М. С. Шашкевича, познакомился съ только что вернувшимся изъ Будапешта Я. Ѳ. Головацкимъ.

Въ 1836 году появилось первое печатное произведеніе Н. Л. Устіановича, его элегія — „*Слеза на гробѣ Михаила Гарасевича*“ (архипресвитера митрополичьей консисторіи во Львовѣ и автора сочиненія „Annales Ecclesiae Ruthenae“). За это стихотвореніе онъ попалъ въ подозрѣніе у политическихъ властей, подвергся полицейскому обыску и былъ вмѣстѣ съ М. С. Шашкевичемъ и другими воспитанниками семинаріи лишенъ права на полученіе „титула стола“ („tituli mensae“) и, неизвѣстно почему, вплоть до 1848 г. находился подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1837 году поэтъ окончилъ богословскій факультетъ и женился на дочери священника—Аннѣ Петровнѣ Плешкевичъ. Въ 1838 году

Николай Леонтьевичъ Устіановичъ.

онъ былъ рукоположенъ въ іереи и назначенъ администраторомъ прихода села Волкова, около Львова, а черезъ три года—настоятелемъ прихода села Славска, Стрыйскаго уѣзда, въ столь горячо имъ любимыхъ Карпатахъ, гдѣ и занималъ эту должность въ продолженіе 28 лѣтъ. Здѣсь Н. Л. Устіановичъ много потрудился для просвѣщенія своихъ прихожанъ и поднятія ихъ національнаго самосознанія. Насколько работа Николая Леонтьевича была плодотворна, можно судить уже по одному тому, что жители этого края (бойки) до настоящаго времени являются убѣжденными русскими и недоступны для украйнофильской пропаганды.

Въ іюнѣ 1848 г. онъ написалъ въ „Зорѣ Галицкой" патріотическую статью, направленную противъ основаннаго поляками „Русскаго Собора", который долженъ былъ служить противодѣйствіемъ національнымъ стремленіямъ главной „Русской Рады" на Святоюрской горѣ. Въ томъ же году онъ подалъ „Русской Радѣ" мысль созвать во Львовѣ соборъ русскихъ „ученыхъ", которые основали бы издательское научно-литературное общество подъ названіемъ „Галицко-Русская Матица" и рѣшили вопросъ, на какомъ языкѣ должны писать русскіе галичане. Съ этой цѣлью „Русская Рада" созвала „соборъ ученыхъ", который засѣдалъ съ 7 (19) по 14 (26) октября 1848 года. Въ первый день работъ собора Н. Л. Устіановичъ произнесъ воодушевленную рѣчь, въ которой обратилъ вниманіе на красоту народной малорусской поэзіи и доказывалъ фактами отдѣльность малорусскаго языка отъ польскаго. При основаніи Галицко-Русской Матицы пошли долгія пренія относительно литературнаго языка и, въ концѣ концовъ, было рѣшено, по убѣдительному предложенію Антонія Степановича Петрушевича, писать для интеллигенціи на языкѣ, близкомъ къ общерусскому литературному, для простого же народа—на мѣстномъ его нарѣчіи. Однако, сначала предложеніе А. С. Петрушевича казалось Н. Л. Устіановичу „необоснованнымъ" и, такъ какъ онъ не зналъ общерусскаго языка, то рѣшилъ держаться „навсегда простонароднаго слова". („Слово" 1861, № 6). Слѣдуя такому взгляду, онъ ввелъ малорусское нарѣчіе въ издаваемую имъ (при участіи И. Ѳ. Головацкаго, Б. А. Дѣдицкаго и М. Н. Коссака) оффиціальную газету—„Галичо-рускій Вѣстникъ", которая въ теченіе семи мѣсяцевъ (съ 2 (14) іюля 1849 г. по 7 (19) февраля 1850 г.) выходила подъ его редакціей во Львовѣ. Хотя Н. Л. Устіановичъ еще хорошо не зналъ церковно-славянскаго языка и не имѣлъ достаточнаго представленія о языкѣ общерусскомъ, онъ все же стремился въ „Галичо-рускомъ Вѣстникѣ" освобождаться отъ польскаго вліянія, для чего, вслѣдствіе скудости мѣстнаго нарѣчія, уже тогда, хотя и безсознательно, прибѣгалъ къ выраженіямъ, употребляемымъ въ общерусской литературной рѣчи. Послѣ перенесенія этого изданія (подъ измѣненнымъ названіемъ—„Вѣстникъ для Русиновъ австрійской державы") въ Вѣну, Николай Леонтьевичъ возвратился въ свой приходъ, село Славско.

Природа родныхъ Карпатъ благотворно вліяла на чувствительную, воспріимчивую душу поэта, и онъ написалъ много лирическихъ и эпическихъ стихотвореній, историческихъ думъ и повѣстей. Однако, семейныя заботы тяжелымъ камнемъ ложились на его нѣжное сердце. У него было двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ самый старшій (Корнилій), поэтъ и художникъ, несмотря на увѣщеванія отца перешелъ въ украйнофильскій лагерь. Къ тому же приходилось служить въ бѣдномъ горскомъ приходѣ, и всѣ многочисленныя просьбы въ консисторію о переводѣ на лучшее мѣсто не имѣли успѣха.

Въ 1861 году Н. Л. Устіановичъ былъ избранъ депутатомъ перваго галицкаго сейма. Однако, онъ мало занимался сеймовыми дѣлами, такъ какъ по складу своего характера былъ поэтомъ, а не политикомъ. Къ тому же времени относится и перемѣна взглядовъ Николая Леонтьевича, который сталъ исповѣдывать идею общерусскаго національно-культурнаго единства.

Въ 1868 году поэтъ просилъ митрополичью консисторію, разрѣшить ему поѣхать на двѣ недѣли въ Кіевъ, чтобы навѣстить своего родного брата Василія Леонтьевича, занимавшагося тамъ торговлей, но и на это ему отвѣтили отказомъ.

Въ 1870 году Н. Л. Устіановичъ простился со Стрыйскими горами и переѣхалъ въ Сучаву, гдѣ былъ назначенъ уніатскимъ настоятелемъ прихода. Но и здѣсь не было лучше старому поэту: опять уныніе, опять тяжелыя мысли...

24 іюня (6 іюля) 1878 года Николай Леонтьевичъ праздновалъ въ Сучавѣ 40-лѣтнюю годовщину своего священства. Русскіе галичане, какъ общерусскаго, такъ и украйнофильскаго направленія, помѣстили по этому случаю въ своихъ изданіяхъ рядъ статей о плодотворной дѣятельности юбиляра и послали ему много разнаго рода привѣтствій. Н. Л. Устіановичъ отвѣтилъ на всѣ поздравленія стихотвореніемъ „*Моимъ друзьямъ*" („Родимый Листокъ", 1879, № 12), въ которомъ, выражая благодарность за юбилейныя привѣтствія, высказываетъ свое завѣтное желаніе:

„О, Боже мой! если бы прежняя сила,
Если бы та горячихъ чувствъ волна,
Что прежде быстро такъ во мнѣ струилась,
Была и днесь доступной для меня —
О, какъ охотно и съ какимъ влеченьемъ,
Я сталъ бы вновь учиться и писать;
Съ какимъ горячимъ, неусыпнымъ рвеньемъ
Я сталъ бы всѣхъ къ единству призывать—
Къ единству нашихъ дѣлъ и убѣжденій,
Къ единству нашихъ думъ и чувствъ святыхъ,
Къ единству нашихъ будущихъ стремленій,
Къ единству цѣлей и надеждъ златыхъ!

Послѣ юбилея Николай Леонтьевичъ Устіановичъ прожилъ всего семь лѣтъ и скончался 22 октября (3 ноября) 1885 года.

Литературная дѣятельность.

Литературную дѣятельность Н. Л. Устіановичъ началъ стихотвореніями. Такъ, еще въ 1836 году появилась его элегія—„*Слеза на гробѣ Михаила Барона отъ Neustern Гарасевича*". На смерть своего друга М. С. Шашкевича († 1843 г.), Николай Леонтьевичъ написалъ польскій стихъ („Cieniom Marcyjana Szaszkiewicza ku wiecznej Jego pamięci"), переведенный затѣмъ самимъ поэтомъ на галицко-русское нарѣчіе и изданный въ 1848 году подъ заглавіемъ „*Згадка за Маркіяна Шашкевича во вѣчную Его память*". Изъ другихъ его лирическихъ стихотвореній наилучшими считаются: „*Третій май*" (по поводу отмѣны барщины), „*До Перемышлянъ*" (на тему о русско-польскихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ), „*Верховинецъ*" (въ настоящее время одна изъ любимыхъ народныхъ пѣсенъ), „*Туга*", *Бѣдна*", и „*Хора*" (больная). Всѣ они проникнуты неподдѣльной искренностью тона и чувствомъ русскаго національнаго сомосознанія. Кромѣ того Н. Л. Устіановичъ написалъ немало и другихъ стихотвореній, относящихся къ самымъ различнымъ видамъ поэзіи, а именно: панегирики — „*Молитва русскаго священника въ день рождественный Ея цесарскаго Высочества архикнягини Софіи Фридерики Дорофеи Маріи Іосифины 21 февраля*" и „*Его Высоко-Преосвященству Григорію барону Яхимовичу, новопоставленному митрополиту Галичскому*"; баллады—„*Проклятство матери*" и „*Рекрутка*"; притчи и сказки (принадлежащія къ наиболѣе слабымъ его произведеніямъ)—„*Святый Іоаннъ Евангелистъ*", „*Провидѣніе*", и „*Пещена* (избалованная) *дѣтина*"; историческія думы — „*Смерть князя Романа подъ Завихостомъ въ лѣто 1205*", „*Ужасъ на Руси при сближеніи Монголовъ въ лѣто 1224*", „*Княгиня Романова (1206)*" и „*Походъ на Царьгородъ*". Самымъ замѣчательнымъ по мысли стихотвореніемъ является „*Моимъ друзьямъ*", которое излагаетъ національно-политическое „вѣрую" поэта и написано на довольно чистомъ общерусскомъ литературномъ языкѣ. Н. Л. Устіановичъ хотѣлъ написать еще большую поэму „Путь на полонину", но не успѣвъ ее закончить, напечаталъ изъ нея только три отрывка: „*Чары*", „*Дорога жизни*" и „*Восходъ солнца въ горахъ*". Въ 1860 году Б. А. Дѣдицкій издалъ первую часть стихотвореній Н. Л. Устіановича и въ своемъ предисловіи сравнивалъ его съ нѣмецкимъ поэтомъ Людвигомъ Уландомъ и польскимъ — Викентіемъ Полемъ, какъ принадлежащаго „къ числу лучшихъ — да, самыхъ лучшихъ писателей австрійской Руси".

Изъ прозаическихъ сочиненій Н. Л. Устіановича должны быть прежде всего отмѣчены повѣсти: „*Старый Ефремъ*", „*Месть верховинца*", „*Страстный четвергъ*", „*Допустъ Божій*" и сказка „*Толкущему отверзется*". Въ повѣстяхъ „Допустъ Божій" и „Старый Ефремъ" встрѣчается много автобіографическихъ данныхъ: такъ, въ первой изъ нихъ авторъ изобразилъ свою добрую мать, а во второй — описалъ домъ умнаго старца, къ которому часто во время школьныхъ каникулъ заходилъ писатель и затѣмъ женился на его дочери. Въ повѣсти „Месть верховинца" Н. Л. Устіановичъ очень красиво описалъ Карпатскія горы,

вѣрно изобразивъ при этомъ бытъ ихъ жителей—верховинцевъ; картины горной природы проходятъ передъ читателемъ также и въ повѣсти „Страстный четвергъ". Въ сказкѣ „Толкущему отверзется" авторъ вспоминаетъ о временахъ Григорія Яхимовича. Очень видное мѣсто среди прозаическихъ произведеній Н. Л. Устіановича занимаютъ его автобіографическія воспоминанія: *„Возрожденіе Галицкой Руси и Маркіянъ Шашкевичъ"* („Родимый Листокъ", Черновцы, 1880 г., №№ 1, 2 и 3) и *„Изъ автобіографіи Н. Л. Устыяновича"* („Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1885 г., вып. I, стр. 41—46); кромѣ того Ярославъ Гординскій (см. его брошюру „До біографіи и характеристики Миколи Устіяновича", Львовъ, 1911 г.), опубликовалъ еще третью автобіографію поэта, написанную уже не на общерусскомъ языкѣ и прозой, а на галицко-русскомъ нарѣчіи и стихами, подъ заглавіемъ *„Спомины"*. Однако, подлинность этой автобіографіи весьма сомнительна: во-первыхъ, потому, что не сохранилось черновика, писаннаго рукою самого поэта, а во-вторыхъ, автобіографія составлена въ украйнофильскомъ духѣ и притомъ въ 1884 г., слѣдовательно, за годъ до смерти Н. Л. Устіановича, который, какъ извѣстно, съ 1860-хъ годовъ и до конца своей жизни исповѣдывалъ идею общерусскаго національно-культурнаго единства. Наконецъ, необходимо отмѣтить, что кромѣ повѣстей и автобіографическихъ воспоминаній, прозою также написаны: историческія разсужденія—*„О вліяніи женщины на обычаи, отечество и религію"*, *„Антоній Ангелловичъ, митрополитъ галицкій, во время 1809 года"* и *„Зъ житья Іосифа II"*; историко-литературный очеркъ—*„Початки литературы русской въ Галичинѣ"*; статья *„На що тіи выборы и той соймъ"*, разъясняющая политическое значеніе перваго галицкаго сейма 1861 года; педагогическое сочиненіе — *„Якъ учити дѣтей рахунку зъ головы"*; статьи по сельскому хозяйству, главнымъ образомъ о виноградарствѣ, а также нѣсколько корреспонденцій, помѣщенныхъ въ вѣнскомъ „Вѣстникѣ" (посланы изъ Львова и Славска) и львовскомъ журналѣ „Письмо до Громады" (изъ Славска).

Значеніе литературной дѣятельности. Значеніе литературной дѣятельности Николая Леонтьевича Устіановича лучше всего опредѣлено самимъ поэтомъ въ его автобіографической статьѣ „Возрожденіе Галицкой Руси и Маркіянъ Шашкевичъ", гдѣ онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ своихъ произведеніяхъ постоянно стремился о ч и щ а т ь галицко-русское нарѣчіе отъ чужеземныхъ словъ и выраженій и тѣмъ самымъ с б л и ж а т ь его съ русскимъ литературнымъ языкомъ, который, по глубокому убѣжденію писателя, является одинаково дорогимъ и общимъ какъ для великороссовъ, такъ и малороссовъ.

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Н. Л. Устіановича.

Примѣчаніе. **Н. Л. Устіановичъ** имѣлъ слѣдующіе *криптонимы:* 1) **Н. изъ Н.**; 2) **Н. У.**; 3) **...ъ.** и *псевдонимы*: 1) **Дротаръ**; 2) **Наумъ**; 3)**Николай изъ Николаева**.

1836.

Слеза на гробѣ Его Высокопреподобія и Всечестнѣйшаго Господина Михаила Барона от Neustern Гарасевича. Львовъ, 1836, 4⁰, стр. 4.

1847.

Въ сборникѣ „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки", часть вторая (Вѣна, 1847), Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Осѣнь (стр. 123—124);

Побратимови въ день именинъ Его (стр. 125);

Наднѣстрянка (стр. 126—127) и

Гей, гей милый Боже (стр. 128—129).

1848.

Згадка за Маркіана Шашкевича во вѣчную Его память. — Cieniom Marcyjana Szaszkiewicza ku wiecznej Jego pamięci. Львовъ, 1848, 8⁰, стр. 15 (Это стихотвореніе появилось за подписью Николай изъ Николаева).

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1848) Н. Л. Устіановичъ (за подписью Николай изъ Николаева) помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Думка матери руской (№ 10);

До Перемышлянъ (№ 12) и

До Зори Галицкой (№ 14).

1849.

Изъясненіе громадского устава зъ дня 17-го Марта 1849-го року. Львовъ, 1849, 8⁰, стр. 114. (Н. Л. Устіановичъ сдѣлалъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, переводъ этого устава съ нѣмецкаго языка на русскій).

Въ газетѣ **„Галичо-рускій Вѣстникъ"** (Львовъ, 1849), выходившей подъ редакціей Н. Л. Устіановича, онъ помѣстилъ слѣдующія произведенія:

Третій май (безъ подписи; стихотвореніе; № 4);

Соединенными силами (за подписью Наумъ; стихотвореніе; № 29);

Старый Ефремъ (повѣсть; №№ 7—11, 14, 16, 19, 20, 22, 25, 32, 33, 36, 42—45) и

Месть верховинца (за подписью **Н. зъ Н.**; повѣсть, №№ 75—78. Окончаніе этой повѣсти появилось въ той же газетѣ за 1850 г., № 1).

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1849) Н. Л. Устіановичъ (за подписью Николай изъ Николаева) помѣстилъ стихотворенія:

Жебракъ (№ 5) и

Вѣстка съ чужины (№ 14).

1850.

Въ газетѣ **„Галичо-рускій Вѣстникъ"** (Львовъ, 1850), выходившей подъ редакціей Н. Л. Устіановича, онъ (за подписью **Н. зъ Н.**) помѣстилъ два произведенія:

Месть верховинца (повѣсть; № 1, окончаніе. Начало этой повѣсти появилось въ той же газетѣ за 1849 г., №№ 75—78) и

Чары (стихотвореніе; № 4).

Въ изданіи „Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ и справозданье первого собору ученыхъ рускихъ и любителей народного просвѣщенія" (Львовъ, 1850) помѣщены слѣдующія рѣчи Н. Л. Устіановича:

Высокодостойная Радо! Славско дня 15-го Серпня 1848 г. (Обращеніе къ „Головной Русской Радѣ" съ предложеніемъ созвать во Львовѣ „соборъ русскихъ ученыхъ"; стр. XVII—XIX);

Рѣчь держана при запроводѣ товарищества руского народного просвѣщенія Н. Устіяновичемъ, парохомъ рускимъ въ Славску, у Львовѣ дня 19 Жовтня 1849 (стр. 1—11) и

Прощальна промова Н. Устіяновича въ общемъ засѣданію на зъѣздѣ ученыхъ рускихъ у Львовѣ дня 26 Жовтня 1848 голошена (стр. 102—107).

1851.

Кто виноватъ? Уваги надъ причинами упаденія народности Малорусской (за подписью **...ъ.**; статья). „Зоря Галицкая", Львовъ, 1851, №№ 94, 95, 97 и 98.

Корреспонденція изъ Львова (за подписью Наумъ). „Вѣстникъ", Вѣна, 1851, № 1.

1852.

Въ журналѣ „Зоря Галицкая" (Львовъ, 1852) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ двѣ повѣсти:

Страстный четвергъ (за подписью **...ъ.**; №№ 1—8, 10, 12—18) и

Ночь на Бержавѣ, образецъ зъ угорской Верховины (№№ 39—42).

Въ „Вѣстникѣ" (Вѣна, 1852) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ:

До давныхъ содруговъ (за подписью Наумъ; стихотвореніе; № 16) и

Корреспонденціи изъ Верховинъ, Стрыйскаго округа (за подписью **...ъ.**; №№ 96—98).

1853.

По вопросу о галицко-русской письменности (за подписью **ъ.**; статья). „Вѣстникъ", Вѣна, 1853, № 71.

Въ журналѣ „Отечественный Сборникъ" (Вѣна, 1853) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія произведенія:

Св. Іоаннъ Евангелистъ (за подписью ...ъ; стихотвореніе; № 24);

Зеркало души (за подписью ...ъ; стихотвореніе; № 30);

Верховинецъ (за подписью **Н. зъ Н.**; стихотвореніе; № 34);

Провидѣніе (за подписью Д р о т а р ъ; стихотвореніе; №№ 36 и 43);

Проклятство матери (за подписью Д р о т а р ъ; стихотвореніе; №№ 39—40);

Зеркало души (за подписью **Н. зъ Н.**; малорусское переложеніе стихотворенія Щербины; № 52) и

Степь Муганъ (за подписью **Н. зъ Н.**; статья; № 50).

1854.

Въ журналѣ „Отечественный Сборникъ" (Вѣна, 1854) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія произведенія: стихотворенія—

Новый рокъ 1854 (за подписью Д р о т а р ъ; № 1);

Сотворитель (за подписью Д р о т а р ъ; № 2);

Отвѣтъ многимъ (№ 3);

Вопросъ зъ польской рукописи (за подписью Д р о т а р ъ; № 6);

Хора (за подписью Д р о т а р ъ; № 7);

Извиненіе (за подписью Д р о та́ р ъ; № 11);

Старость не радость (за подписью **Н. У.**; № 11);

Старость-юность (за подписью Н а у м ъ; № 12);

Зри Европо (за подписью ...**ъ.**; № 15);

Стихъ въ поклонъ любви, вѣрности и непоколебимой преданности отъ Русиновъ Австрійскихъ своему цѣсарю Францъ Іосифу (за подписью **ъ.**; № 15);

А. Б. (за подписью Н а у м ъ; № 18) и

Невинность (за подписью Д р о т а р ъ; № 18), а также двѣ статьи (обѣ за подписью **ъ.**)—

Скала надъ Бубнищами (№№ 1—4. Въ концѣ этой статьи находится кромѣ того стихотвореніе Н. Л. Устіановича: „*По гробахъ гробовъ*") и

О вліянію женщины на обычаѣ, отечество и религію (№ 20).

Плугъ и борона (за подписью Д р о т а р ъ; стихотвореніе). „Домова Школка", Вѣна, 1854, № 7.

1855.

Молитва руского священника въ день рождественный Ея цѣсарского Высочества Архикнягини Софіи Фридрики Дорофеи Маріи Іосифины 21 февруара (за подписью **Н. У.**; стихотвореніе). „Отечественный Сборникъ", Вѣна, 1855, № 9.

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1855) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Новый рокъ (за подписью **Н. У.**; № 2) и

Рой и трутень (№ 32).

1857.

Въ журналѣ „Отечественный Сборникъ“ (Вѣна, 1857) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ два стихотворенія:

До нового року 1857 (№ 1) и

Хлѣборобъ (№ 2)

1859.

Антоній Ангелловичъ, митрополитъ галицкій, во время 1809 года (за подписью **Н. У.**; статья). „Перемышлянинъ, мѣсяцесловъ на годъ 1859“, Перемышль, 1859, стр. 59—68.

Въ журналѣ „Отечественный Сборникъ“ (Вѣна, 1859) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Бѣдна (№ 4);

Дорога жизни (№ 5);

Пещена дѣтина (№ 21);

Земскій рай (№ 22) и

Всходъ солнца въ горахъ (№ 24).

1860.

Въ сборникѣ „Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860“. (Издатель Б. А. Дѣдицкій. Львовъ, 1860) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Его Высоко-Преосвященству Григорію барону Яхимовичу, новопоставленному Митрополиту Галичскому (стр. IX—XI и отдѣльный оттискъ, въ 8°, стр. 7);

Смерть князя Романа подъ Завихостомъ въ лѣто 1205 (стр. 29—32);

Ужасъ на Руси при сближеніи Монголовъ въ лѣто 1224 (стр. 32—35);

Народный Домъ (стр. 35—37) и

Рекрутка (стр. 37—39).

Поезіи Николая Устіяновича. Часть первая. Львовъ, типомъ Ставропигійского Института, 1860, 16°, стр. XVI + 118 + 2.

1861.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1861) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на статію г. Костецкого, обголошенную въ дневнику польскомъ „Przegląd Powszechny“ подъ заглавіемъ: „Recenzya Zorji Galickiej na god 1860“ (№№ 4—7) и

На що тіи выборы и той соймъ (№ 14).

1862.

Княгиня Романова, 1206 (стихотвореніе). „Слово“, Львовъ, 1862, № 17.

Славянська колыбель (стихотвореніе). „Вечерницѣ“, Львовъ, 1862, № 5.

Въ „Львовянинѣ“ (Львовъ, 1862) Н. Л. Устіановичъ (за подписью **Н. зъ Н.**) помѣстилъ два стихотворенія:

Отповѣдь (стр. 124) и
Взростъ (стр. 124—125).

1863.

Походъ на Царьгородъ, въ року 907 (стихотвореніе). „Вечерницѣ", Львовъ, 1863, № 8.

Смерть (переводъ сербо-хорватскаго стихотворенія Прерадовича). „Галичанинъ, литературный сборникъ", Львовъ, 1863, кн. I, вып. 3—4, стр. 1—2.

1864.

Въ журналѣ „Письмо до Громады" (Львовъ, 1864) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ:

Зъ Верховинъ (корреспонденція; № 1) и
Саське жито (статья; № 2).

1865.

Въ изданіи „Науковый Сборникъ Галицко-Русской Матицы" (Львовъ, 1865) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Могила Святослава (стр. 220—221);
Жестокая ласкавость (стр. 221—222);
Черная Галича злоба (стр. 222—224) и
Молитва дяйра. Изъ турецкого (стр. 224).

Въ „Недѣлѣ" (Львовъ, 1865) Н. Л. Устіановичъ (за подписью Николай изъ Николаева) помѣстилъ слѣдующія произведенія:

Якъ ощадити палива, где его мало (статья; №№ 5 и 8);
Допустъ Божій (повѣсть; №№ 11—13) и
Толкущему отверзется (сказка; № 14).

Въ журналѣ „Письмо до Громады" (Львовъ, 1865) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ:

Два зарѣчніи (разсказъ; № 24) и
Русинъ за порцію свѣдчитъ въ судѣ (корреспонденція изъ Славска; № 27).

Якъ учити дѣтей рахунку зъ головы (за подписью **Н. У.**). „Школа", Львовъ, 1865, №№ 6—7.

1866.

Въ „Недѣлѣ" (Львовъ, 1866) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ:

Трудись и молись (стихотвореніе; № 11) и
Зъ житья Іосифа II (статья; № 12).

Въ книгѣ „Читанка руская для низшой гимназіи". Часть II (Львовъ, 1866) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія произведенія: стихотворенія—

Ой лихо дитинѣ (стр. 20);
Праведный (стр. 54—55);
Туга (стр. 262—263) и разсказъ—
Ловецъ верховинскій (стр. 149—150).

1871.

Въ книгѣ „Читанка руска для низшихъ клясъ середнихъ школъ". Часть I (Львовъ, 1871) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія статьи:

Ходъ на остру Кѣчирку (стр. 292—293);

Ходъ до писаной керницѣ (стр. 294) и

Красота Верховины (стр. 296—297).

1874.

Десять пальцевъ (стихотвореніе). „Ластовка", Львовъ, 1874, № 4.

1878.

Въ „Газетѣ Школьной" (Львовъ, 1878) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Не журѣться (№ 16);

Бажаня Руси (№ 17);

Цесаревой Елисаветѣ въ день вѣнчальный на поклонъ (№ 17) и

Було—минуло (№ 18).

Моимъ друзьямъ. Отвѣтъ на поздравленія съ 24-ымъ Юнія 1878 года (стихотвореніе). Черновцы, 1878, 4°, стр. 2. (Это стихотвореніе было затѣмъ перепечатано: въ журналѣ „Родимый Листокъ", Черновцы, 1879, № 12 и въ газетѣ „Слово", Львовъ, 1879, № 86).

1879.

Практична наука о годованю винной лозы. Коломыя, 1879, 16°, стр. 30.

Початки литературы руской въ Галичинѣ (статья). „Газета Школьна", Львовъ, 1879, № 23.

Въ журналѣ „Русская Рада" (Коломыя, 1879) Н. Л. Устіановичъ помѣстилъ двѣ статьи:

О виноградѣ (за подписью **Н. У.**; № 5) и

Винная лоза и плеканье еи въ нашôмъ пôднесенію (№№ 17, 18, 20 и 21).

1880.

Возрожденіе Галицкой Руси и Маркіянъ Шашкевичъ. „Родимый Листокъ", Черновцы, 1880, №№ 1, 2 и 3.

1881.

О. Ивану Наумовичу (стихотвореніе). „Родимый Листокъ", Черновцы, 1881, №№ 14—15.

1885.

Изъ автобіографіи Николая Л. Устыяновича. „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1885, стр. 41—46.

Посмертныя изданія.

Въ сочиненіи Ярослава Гординскаго „До біографії й характеристики Миколи Устіяновича“ („Записки наукового товариства имени Шевченка“, Львовъ, 1911, томъ 104 и отдѣльный оттискъ) напечатаны три стихотворенія, авторство которыхъ приписывается Н. Л. Устіановичу:

Вспомины. (Автобіографія Н. Л. Устіановича, подлинность которой весьма сомнительна, такъ какъ рисуетъ поэта украйнофиломъ и написана не имъ самимъ, а рукою его сына; стихотвореніе помѣчено 1884 годомъ);

Сонъ внучки (помѣчено 1884 годомъ) и

Конь и песъ (помѣчено 1869 годомъ).

Отдѣльныя изданія ранѣе напечатанныхъ сочиненій.

Старый Ефремъ, оповѣдане для руского народу. Написалъ Николай Устыяновичъ, рускій священникъ въ Сучавѣ, на Буковинѣ. Изданіе товариства „Просвѣта“, Львовъ, 1874, 16°, стр. 64.

Повѣсти Николая Устыановича. I. Страстный Четвергъ, повѣсть верховиньска изъ мѣстцевыхъ поговорокъ. II. Месть верховинця, повѣсть по правдивомъ случаю. Изданіе редакціи „Зори“, Львовъ, 1879, 8°, стр. 191.

Месть верховинця. Оповѣданье Николая Устыановича. Изданіе „Газеты Школьной“, Львовъ, 1879, 8°, стр. 87.

Страстный четвергъ. Оповѣданье Николая Устыановича. Изданіе „Газеты Школьной“, Львовъ, 1879, 8°, стр. 102.

Въ изданіи „Руска письменність“, томъ третій (Львовъ, 1906, изданіе товариства „Просьвіта“) напечатаны сочиненія Н. Л. Устіановича съ краткой его біографіей и портретомъ (стр. 170—486) и объясненіями къ сочиненіямъ (стр. 487—494). Ниже мы отмѣчаемъ только тѣ произведенія, которыя не были указаны въ „Хронологическомъ перечнѣ напечатанныхъ сочиненій Н. Л. Устіановича“; а именно, стихотворенія:

Пѣснь опришковъ (это переводъ пѣсни изъ драмы польскаго писателя Корженевскаго: „Karpaccy górale“; стр. 190);

Круся (стр. 198);

Чѣмъ провинили мы? (стр. 210);

До неи—безнадѣйнои (стр. 215);

Въ день нового року до неи (стр. 218) и

Судьба (стр. 222).

Литература о Н. Л. Устіановичѣ.

Переписка.

К. Студинскій. „Кореспонденція Якова Головацького“: за 1835—1849 гг., Львовъ, 1909; за 1850—1862 гг., Львовъ, 1905. (Приводится пять писемъ Н. Л. Устіановича, а также говорится о немъ въ предисловіи ко второму тому (Львовъ, 1905) на стр. III, VIII, XIV, XV, XXX, LXXII и CX).

Мих. Мочульскій. „З кореспонденциі Миколи Устіяновича“. „Записки наукового товариства имени Шевченка“, Львовъ, 1907, томъ 75, стр. 123—130.

Біографіи и характеристики.

Я. Ѳ. Головацкій. „Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ“. Львовъ, 1850, стр. XVII—XXIV и 1—II.

А. Торонскій. „Николай Устіяновичъ“. „Руская Читанка“, Львовъ, 1868, стр. 264—265.

А. Барвинскій. „Николай Устіяновичъ“: 1) „Руска Читанка“, Львовъ, 1871, стр. 290 и 2) „Виімки з народноі литератури украіньско-рускоі XIX віку“, часть 2, Львовъ, 1893, стр. 141.

„Н. Устіановичъ“. „Поэзія Славянъ“ Н. В. Гербеля, Петроградъ, 1873, стр. 206.

„Николай Устыановичъ“. „Газета Школьна“, Львовъ, 1875, № 8.

„40-лѣтній юбилей священства о. Устіановича“. „Правда“, Львовъ, 1878, № 13.

Н. Л. Устіановичъ: 1) „Возрожденіе Галицкой Руси и Маркіянъ Шашкевичъ“, „Родимый Листокъ“, Черновцы, 1880, №№ 1, 2 и 3 и 2) „Изъ автобіографіи Николая Л. Устыяновича“, „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1885, стр. 41—46.

„Николай Л. Устіановичъ“ (съ портретомъ). „Родимый Листокъ“, Черновцы, 1881, №№ 14—15.

Буковинецъ. „Памяти Н. Л. Устіяновича и его похороны“. „Слово“, Львовъ, 1885, №№ 121 и 122.

Е. А. Поповичъ. „Николай Устіяновичъ“. „Буковина“, Черновцы, 1885, № 21.

И. Я. Франко. „Николай Устіяновичъ“. „Зоря“, Львовъ, 1885, № 21.

„Н. Л. Устіяновичъ“ (некрологъ). „Слово“, Львовъ, 1885, №№ 116 и 117.

„Н. Л. Устіановичъ“ (некрологъ). „Новый Проломъ“, Львовъ, 1885, № 281.

„Н. Л. Устіановичъ“ (некрологъ). „Наука“, Львовъ, 1885, № 11.

„Н. Л. Устіановичъ“ (некрологъ). „Миръ“, Львовъ, 1885, №№ 96 и 97.

„Н. Л. Устіановичъ“ (некрологъ). „Русская Рада“, Коломыя, 1885, № 21.

Е. Партыцкій. „Николай Устіяновичъ“. „Руска Читанка“, Львовъ, 1886, стр. 332.

Е. Цурковскій. „Слово на поминальницѣ по бл. пам. Ник. Устыяновичу“. Тернополь, 1886, 8⁰, стр. 11.

Ф. „Николай Устіяновичъ“ (съ портретомъ). „Календарь товариства „Просвѣта“ на 1887 рокъ“, Львовъ, 1886, стр. 81.

Емельянъ Огоновскій. „Історія литературы руской“. Львовъ, 1889, томъ 2, часть вторая, стр. 393—426.

Т. Любичъ. „Николай Устіановичъ“. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института, Львовъ, 1895, стр. 131—134.

И. А. Лабенскій. „Николай Леонтьевичъ Устіановичъ“ (по случаю столѣтія со дня рожденія). „Прикарпатская Русь“, Львовъ, 1911, № 648.

К. Лучаковскій. „Промови послів Устіяновича і Гушалевича на першім галицькім соймі в році 1861“. „Неділя“ (приложеніе къ газетѣ „Діло“), Львовъ, 1911, стр. 9—10.

Ярославъ Гординскій: 1) „Тихі ювілеі“, „Руслан“, Львовъ, 1911, №№ 69—70 и 2) „До біографіі й характеристики Миколи Устіяновича“, „Записки наукового товариства имени Шевченка“, Львовъ, 1911, томъ 104 и отдѣльный оттискъ въ 8⁰, стр. 40.

М. Вознякъ. „Літературні сьвята в 1911, і 1912 рр.“ Календарь общества „Просьвіта“ на 1912 годъ, Львовъ, 1912, стр. 47—48 (съ портретомъ).

Т. Реваковичъ. „Польонофільство Ник. Устияновича“. „Діло“, Львовъ, 1912, № 41.

Портреты.

Н. Л. Устіановичъ. (Фотографія, изображающая писателя въ среднюю пору его жизни. Перепечатана въ отмѣченныхъ выше изданіяхъ. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій.

(Родился 17(29) октября 1814 г.—умеръ 1(13) мая 1888 г.)

Приводимыя ниже автобіографическія воспоминанія Якова Ѳедоровича Головацкаго, „*Пережитое и перестраданное*“, были имъ написаны въ 1884 г. по просьбѣ Б. А. Дѣдицкаго, который подготовлялъ тогда рядъ статей о зарожденіи русской литературы въ Галицкой Руси. Однако, Б. А. Дѣдицкій безъ вѣдома и согласія автора напечаталъ въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1885—1886 гг.) нѣкоторые отрывки изъ автобіографіи Я. Ѳ. Головацкаго, причемъ произвольно измѣнилъ многія выраженія и правописаніе подлинника.

Желая познакомить читателей съ интересными воспоминаніями Я. Ѳ. Головацкаго, доведенными имъ, къ сожалѣнію, лишь до 1848 года, помѣщаемъ безъ малѣйшихъ измѣненій начало „Пережитаго и перестраданнаго“, которое, такимъ образомъ, съ рукописи впервые печатается только въ настоящей книгѣ.

Ѳ. Ѳ. Аристовъ.

Пережитое и перестраданное. Записки Я. Ѳ. Головацкаго.

Лѣсистая возвышенность сѣверо-восточной Галичины или Галицкое Полѣсье Золочевскаго уѣзда—это страна, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ Божій и прожилъ первые годы дѣтскаго возраста, гдѣ впервые впечатлѣнія природы подѣйствовали на мое умственное развитіе. Село Чепели *), въ которомъ я родился 17-го октября 1814 года (ст. стиля), находится въ верхнемъ басейнѣ рѣки Серета на возвышенной равнинѣ съ покатостью къ рѣкѣ Чабаркѣ, или, собственно, каналу соединяющему воды огромнаго Пеняцкаго пруда съ водами Маркопольскаго и Межигорскаго прудовъ. Это небольшое село состояло изъ 60-ти дворовъ однихъ крестьянъ; во всемъ селѣ не было ни одного мазура, ни одного ляха (пана или подпанка), ни одного ремесленника—все чистая однолитая хлѣборобы-Русь. Село раздѣлялось на Старое село и Новоселки, позднѣйшій приселокъ, прибавленный къ коренному селу. Пер-

---

*) А не Чапелицы, какъ напечатано въ „Всеросс. выставкѣ“ и въ „Моск. унив. Изв.“. (Примѣчаніе Я. Ѳ. Головацкаго).

Яковъ Θедоровичъ Головацкій въ 1856 г.

Съ очень рѣдкой фотографіи, исполненной на клеенкѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

вое расположено было вокругъ небольшаго, квадратнаго выгона (майдана), на срединѣ котораго находилась одна хата дьяка (школа); подворья крестьянскихъ усадебъ выходили на улицы или на майданъ, огороды же тянулись по покатости внизъ и оканчивались небольшими сѣнокосными лугами, называемыми пастовниками. Все было расположено правильно, чего я не замѣчалъ въ другихъ селахъ. Въ одномъ углу этого майдана у въѣзда въ село, стояла деревянная колокольня (звонница) и далѣе на погостѣ (цвинтарѣ) небольшая деревянная церковь. На погостѣ, гдѣ во время моей молодости еще погребали умершихъ, были посажены терносливы, черешни, рябина и росли кусты калины и бузины (базнику) и три громадныя липы. Рядомъ съ погостомъ на майданѣ находилась усадьба священника (поповство) съ огородомъ и пастевникомъ, только церковная земля была втрое больше крестьянскаго надѣла, т.-е. кромѣ огорода 60 морговъ пахатной земли. Домъ (плебанія), въ которомъ я родился и провелъ первые годы жизни, былъ деревянный, безъ трубы (комина), подъ соломянной крышей, глиной смазаный и мѣломъ выбѣленный, какъ мужицкія хаты, съ тѣмъ однакоже различіемъ, что въ немъ находилась изба (или покой) съ досчатой перегородкой (ванькиремъ), гдѣ мы жили, и черезъ сѣни жилая комната для челяди (пекарня). Передъ домомъ было большое подворье или дѣтинецъ. Садовъ въ деревнѣ не было, только мой отецъ развелъ садъ, засадивъ почти половину огорода вишнями, яблонями, грушами и сливами, а подъ заборами малиной и крыжевникомъ. Всю усадьбу отецъ мой обсадилъ вербами и кругомъ пастевника, на которомъ находилась своя кирница и своя сажавка. Крестьяне увѣряли, что въ Чепеляхъ не будутъ*), что зимой вымерзаютъ или ссохнутъ, и въ самомъ дѣлѣ кромѣ вишень, всѣ сливы и другія деревья перевелись. За то почти у каждаго крестьянина на дворѣ передъ хатой росли дикія деревья, большею частью широколистые ясени, яворы, или у воротъ красовалась рдѣющими ягодами рябина и придавала селенію живописный видъ. Кругомъ села лѣтомъ растилались пахатныя поля, раздѣленныя на четыре руки, смѣны. Съ сѣвера простиралась надъ Чабаркой яркою зеленою полосою топкая долина; за ней на возвышенномъ берегу виднѣлись опять поля, село Пеняки съ приселкомъ Подзамче, бѣлѣющаяся графская палата помѣщицы съ красной крышей, называемая замкомъ, съ большими постройками, пивоварней (оледерней), конюшнями, скотными сараями и пр. Еще болѣе живописными казались окрестности возвышеннаго южнаго поля, окаймленнаго дремучимъ буковымъ лѣсомъ, называемымъ Зборовскимъ лѣсомъ, принадлежащимъ Зборовскому имѣнію, отстоящемъ оттуда три мили, рядомъ съ которымъ лѣсомъ находились Чепелевскіе теребѣжи и прелестные гаи. У моего отца былъ также такой гай, съ роскошными де-

*) Чепеляне уповали только на пахать, приговаривая: Сливка—слинка, грушка—минушка, рыба — вода, хлѣбъ — голова. (Примѣчаніе Я. Ѳ. Головацкаго).

ревьями; въ немъ просторная сѣножать, пасѣка, пчельникъ и небольшой садикъ. Мы часто ходили за грибами въ Зборовскій лѣсъ, также за малиной; въ гаю же или на противоположной сторонѣ лежащей дубровѣ собирали ожевиху (ежевику), чернику, землянику (суницы) и орѣхи, по навѣсшимъ надъ провалившимися отъ воды рытвинами (дебрами) густымъ орѣшникамъ (лѣщинами). Съ дѣтства любили мы ходить по кручамъ дебри и удивляться наслоеніямъ песку, камней, глины и задавать себѣ вопросы, откуда взялись на такой высотѣ морскія раковины? Изъ-подъ Зборовскаго лѣса открывался великолѣпный видъ на волнующіяся рожью или бѣлѣющія гречихою поля, а далѣе виднѣлись вершины Подкаменецкой горы, а за ней еще дальше макушка Почаевской лавры. Это граница Галицкой Руси, а тамъ неизмѣримыя пространства Россійской Руси. Съ раннихъ лѣтъ стремились туда мои завѣтныя думы, и духъ располагался къ мечтательности, душа стремилась куда-то въ дальнюю даль, можетъ быть предчувствуя свою судьбу.

Родъ Головацкихъ (или какъ поляки прозвали Гловацкихъ) происходитъ изъ г. Николаева, бывшаго Стрыйскаго уѣзда, въ которомъ въ 1782 родился мой отецъ Ѳедоръ. Въ родѣ Головацкихъ въ Николаевѣ хранилось семейное преданіе, что они были дворяне изъ шляхты, герба Прусъ, и что въ войскѣ Богдана Хмельницкаго былъ одинъ полководецъ Головацкій изъ Николаева *). Сколько въ этихъ преданіяхъ исторической правды, за неимѣніемъ документовъ не могу ручаться. Послѣ преждевременной смерти моего дѣда Ивана, бургомистра г. Николаева, отецъ мой Ѳедоръ, научившись въ мѣстной школѣ грамотѣ, продолжалъ свои науки въ Львовской образцовой нормалкѣ**), послѣ въ академ. гимназіи и кончивъ тамъ уже философію и богословіе, женился въ Турѣ, Золочевскаго уѣзда на дочери Турянскаго священника Василія, Якимовича, Ѳеклѣ Васильевнѣ и за неимѣніемъ лучшаго прихода, поселился на парохіи въ Чепеляхъ и оставался тамъ до своей смерти 1847 года. Изъ моего дѣтства помню только то, что старшій братъ мой, 5-тилѣтный Ѳома (Томціо) умеръ. Помню, какъ сквозь сонъ, какъ онъ лежалъ на столѣ въ бѣломъ платьѣ, а кругомъ стояли зажженныя свѣчи. Мнѣ сказали, что братчикъ спитъ; я смотрѣлъ на него совершенно равнодушно и только тогда началъ плакать, когда его положили въ гробъ и стали отпѣвать. Мать моя

---

*) См. Памяти Димитрія Головацкаго. Львовъ. 1877 г. Данныя на стр. 15 и 16 не совсѣмъ вѣрны; у Ивана Головацкаго было только 3 сына. (Примѣчаніе Я. Ѳ. Головацкаго).

**) Отецъ разсказывалъ, что вмѣстѣ съ нимъ на квартирѣ за св. Юромъ жилъ Іоаннъ Снѣгурскій изъ Перемышльской епархіи, ученикъ образцоваго поведенія; онъ почти всегда сидѣлъ надъ книгой, отчего надъ нимъ подтрунивали, говоря: „Учися Ивасю,—будешь Владыкою“ и напророчили какъ говорится: Снѣгурскій достигъ епископскаго сана. Вся Галичина помнитъ незабвеннаго Перемышльскаго Еп. Іоанна Снѣгурскаго. (Примѣчаніе Я. Ѳ. Головацкаго).

Я. Ѳ. Головацкій—ректоръ Львовскаго университета въ 1864 г.

По фотографіи Бернгарда Бранда и Іосифа Эдера во Львовѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

долго не могла забыть своего любимца и всегда ставила мнѣ въ примѣръ Томця, какой-то онъ былъ умный, чистоплотный, послушный, богомольный и на 5-омъ году уже умѣлъ читать не только по польски, но и по нѣмецки. Вступая по слѣдамъ брата и я передъ иконами распятія, Божьей Матери и Николая Чудотворца, охотно клалъ земные поклоны утромъ и вечеромъ и повторялъ за матерью: Молитвъ ради *) Царю небесный, Святый Боже, Отче нашъ, Богородице Дѣво, Подъ Твою милость, Достойно есть, Ослаби, остави и даже предлинное и самое трудное Вѣрую. Мой отецъ съ матерью обыкновено говорили по польски, а у старшаго брата Николая была даже нянька—полька, научившая его говоритъ по польски; но съ нами дѣтьми никто, никогда не говорилъ иначе, какъ по русски и мать обыкновенно передъ поляками тѣмъ извиняла насъ, что мы привыкли между челядью къ русскому говору и что даже полезно дѣтямъ начинать говорить по русски, такъ какъ дѣти привыкаютъ къ трудному произношенію русскихъ словъ, легко изучаютъ польскій, нѣмецкій и др. языки. Казалось, что поляки и польки вѣрили этому заявленію, такъ какъ и у ляховъ (у графскихъ приказчиковъ и слугъ) дѣти тоже говорили по русски. У меня была нянькой русская дѣвочка, дочь казачки, воспитывавшаяся послѣ при дворѣ графини Міончинской и вышедшая замужъ за вознаго при Бродскомъ магистратѣ Ковальскаго. Она-то и есть матерью нынѣшняго всѣмъ извѣстнаго совѣтника Василія Ковальскаго. Отецъ мой воспитывался во Львовѣ, мать получила образованіе въ Турянскомъ дворѣ, гдѣ жилъ экономъ Вислоцкій, жена котораго не имѣя собственныхъ дѣтей, принимала молодыхъ дѣвицъ на обученіе, и потому мы считались высшимъ сословіемъ, хотя мы бѣгали по двору босякомъ и въ однѣхъ рубашенкахъ, какъ мужицкія дѣти, опоясанныя цвѣтной лентой, пока не доросли до майтокъ, а на 5-омъ году начали учиться у матери же грамотѣ. Намъ запрещалось сидѣть въ пекарнѣ, выбѣгать на улицу и играть съ крестьянскими ребятишками; челядь и крестьяне говорили намъ вы и называли паничами (впрочемъ только въ глаза, а за глаза крестьяне называли нашихъ родителей попъ, попадья, а насъ поповичами). Намъ дозволялось только ходить въ школу къ дьяковскимъ дѣтямъ, но мы, вышедши за ворота, познакомились съ дѣтьми всѣхъ сосѣдовъ, жившихъ кругомъ майдана. Крестьянскіе ребятишки имѣли подбритыя головы съ чубами, а намъ всегда стригли волосы, отчего крестьяне называли насъ иногда стрижками или стригунами. Между тѣмъ мы постоянно слышали отъ нянекъ колыбельныя и другія пѣсни и наслушались не мало сказокъ и баекъ отъ бабушекъ, ко-

---

*) Крестьяне молились: За молитовъ отецъ нашихъ, Оче нашъ, оже еси на небеси, Прійдѣмо, поклонѣмося цареви нашему Богу; но мнѣ говорили, что это по хлопски и учили правильно по книжкѣ. (Примѣчаніе Я. Ѳ. Головацкаго).

торыя постоянно сидѣли въ пекарнѣ, пряли ленъ или пеньку, или коечто помогали по хозяйству. Особенно мнѣ нравились обряды на коляду, когда застилали столъ сѣномъ и накрывали бѣлой скатертью, которая всѣ три дня не снималась; въ углу ставили дѣдуха, снопъ пшеницы и снопъ ржи и растилали по всему полу избы солому, и крестьяне приносили коляду (пару калачей, яблока, лѣсковые и волоскіе орѣхи). На канунъ же Богоявленія дѣвки пѣли подъ окнами щедровки. Это было для меня чѣмъ то обаятельнымъ, когда по очереди начали щедровку для меня. На радости я требовалъ, чтобы мнѣ еще повторили: Нашъ паниченько перебôрниченько, коники перебирае, ой дзвôнъ дзвонитъ, мѣсяць сходитъ, нашъ паниченько на конику играе и пр.

У нашихъ родителей было всего десять дѣтей; изъ нихъ трое умерли, между ними одна дочь; въ живыхъ осталось шесть сыновей: Николай, я, Иванъ, Петръ, Василій и Емильянъ и одна сестра Юлія. Старшій изъ насъ Николай былъ посланъ тремя годами раньше въ школы во Львовъ, гдѣ посѣщалъ уже гимназію дядя Дмитрій Васильевичъ Якимовичъ.

Въ 1820 году, на 6-омъ году жизни, отецъ отвезъ и меня вмѣстѣ съ старшимъ братомъ въ школу во Львовъ. До этого времени я не выѣзжалъ изъ роднаго дому, за исключеніемъ одного раза, когда мы поѣхали въ сосѣднее село Голубицу на той сторонѣ Пеняцкаго пруда, на рождественскіе праздники къ Тихоцкому, русину, который державъ въ арендѣ приходскія земли отъ Подгорецкихъ базиліянъ, гдѣ завѣдывающимъ приходомъ былъ монахъ Іоакимовичъ. Онъ бывалъ въ нашемъ домѣ, любилъ дѣтей; особенно же онъ любилъ разсказывать про Россію и Литву, про тамошнюю жизнь, народъ, судоходство и т. п. Онъ самъ происходилъ изъ Литвы, странствовалъ много, пока не добрался до Почаева и наконецъ перешелъ въ Галицію. Отецъ мой тоже любилъ разсказывать про Россію, про французскую войну, про русскія войска, проходившія черезъ Галичину и про русскихъ генераловъ, которые управляли страной въ 1809 году. Меня оставили у Тихоцкихъ на двѣ недѣли поиграть съ дѣвочками; впродолженіе этого времени о Іоакимовичъ возилъ меня въ г. Броды. Я впервые увидалъ городъ съ каменными домами и досчатой мостовой, какая тогда была въ Бродахъ. Другой разъ взяли меня лѣтомъ на крестины къ лѣсничему Лабенцкому, также русину. Мы ѣхали по громаднымъ буковымъ лѣсамъ, пока не остановились на Гутискѣ въ лѣсничевкѣ. Среди тѣнистыхъ деревъ стояла хата подъ соломяной крышей, не лучше нашей. Собраніе гостей было большое; были всѣ ляхи (помѣщичьи управляющіе, писаря, экономы), знакомые и незнакомые. Подчивали гостей порядочно. Послѣ всѣ начали пѣть хоромъ; между польскими пѣснями: „Pojedziemy na łów“ etc., пѣли и по русски: Дай намъ Боже добрый часъ, Посѣявъ чоловѣкъ ячмень, Сѣмь день молотила. Въ то время и ляхи иногда говорили по

русски и не чуждались пѣть русскія пѣсни, даже московскія. Я запомнилъ всѣ пѣсни и повторялъ ихъ наизустъ. Мнѣ очень понравилась эта лѣсная дача. Кругомъ лѣсъ, зелень, прохлада. Отецъ завѣдывалъ капеляніей въ Пенякахъ и каждую вторую недѣлю служилъ въ тамошней мурованной церкви, иногда даже въ костелѣ на загребелью; меня и туда брали. Тамъ я слышалъ игру на органахъ и замѣчалъ разницу между польскимъ и русскимъ набоженствомъ. Въ своей приходской церкви отецъ читалъ проповѣди изъ Почаевскихъ „Патріархальныхъ Наукъ“ 1749 г. или изъ тетрадокъ, писанныхъ польскими буквами. Въ то время почти никто изъ священниковъ не зналъ русской скорописи. Когда же онъ служилъ обѣдню и въ церкви бывала графиня съ дворскими паннами, или кто-нибудь изъ подпанковъ, то отецъ читалъ проповѣдь по польски. Послѣ обѣдни графиня обыкновенно приглашала отца на завтракъ и нерѣдко оставляла на обѣдъ; но насъ никогда не водили во дворъ, и мы отправлялись кратчайшимъ путемъ по тропинкамъ черезъ луга и Чабарку домой. Вообще, отецъ любилъ сообщаться и жить съ русскими изъ высшаго сословія,—панковъ и подпанковъ не любилъ, и у насъ дома слышались выраженія: „Ляхи кровопійцы, шляхтичи съ перевареной сыворотки, дворская поливка“ и т. п. О Россіи отецъ говорилъ всегда съ восторгомъ, хотя при этомъ былъ хорошимъ патріотомъ австрійскимъ. Отецъ былъ строгъ къ дѣтямъ, хотя и любилъ насъ; за то мать вся была предана дѣтямъ. Во время болѣзней, кори, коклюша, скарлатины, которыя перебывали у меня въ дѣтствѣ, она по цѣлымъ ночамъ просиживала у кровати, читая изъ Почаевскаго молитвослова (напечатаннаго польскими буквами и съ польскимъ переводомъ) акаѳисты или молебны, давала лѣкарства и угождала во всемъ. По временамъ она любила ѣздить къ своимъ родителямъ Турья; она всегда грустила за своей родиной, за своими сосновыми борами, за лѣсными поселеніями турянъ, за ихъ жизнью, черноземными или супесочными полями, привѣтливостью народа, его свободной походкой въ легкихъ постолахъ по песчанымъ равнинамъ. Мать любила брать насъ съ собою; по дорогѣ мы замѣчали ея радость, когда мы выѣхали изъ дубовыхъ и грабовыхъ дубравъ, спустились съ крутой горы въ Бродскомъ Гутискѣ или Ясеновѣ и въѣхали на необозримыя равнины Стырскаго басейна и пшеничныя нивы. Мы привыкли замѣчать разницу между суглинистыми влажными полями Чепелевскими а гористой страной нашей родины, и жителями, заботящимися только обработкой своихъ и панскихъ полей, требующихъ постоянной унавозки, и тяжелой, черноземной почвой, на которой безъ унавоженія родится полновѣсное, красное просо и чистая пшеница Судомѣрка. Мы находили разницу въ народномъ быту, постройкѣ немазанныхъ бревенчатыхъ хатъ изъ прямого, сосноваго лѣса, удивлялись высотѣ старыхъ сосенъ, въ которыхъ выдалбывали борти для пчелъ; мы замѣчали, что турянцы при хлѣбѣ занимаются скотоводствомъ, овцеводствомъ и лѣсными промыслами. Мы съ малу привыкли отмѣчать раз-

ницу въ сельскомъ быту, обстановкѣ, обычаяхъ, костюмѣ и даже въ языкѣ. Мы съ малу узнали, что въ Турьѣ говорятъ: хòдить, нòсить, хòдять, нòсять, а въ Чепеляхъ: хòдитъ, нòситъ, хòдятъ, нòсятъ; въ Турьѣ говорили: не цы-мàло, а въ Чепеляхъ богàто, мнòго. Но какая радость была, когда мы пріѣхали къ дѣдуню и къ бабунѣ! Бабуня радовалась: уже мои львовскіе дердасики (отъ нѣмецкаго der, die, das дердасами въ шутку называли нѣмцевъ) пріѣхали; угождала во всемъ, баловала; только всякую субботу должны были всѣ дѣти купаться или мыться въ теплой сывороткѣ и тогда не обошлось безъ плача. На шестомъ году отецъ отвезъ меня въ школу во Львовъ*).

.....не возвратились во Львовъ, а остались цѣлый годъ въ родительскомъ домѣ на излѣченіи. Я скоро забылъ объ Львовѣ и наслаждался вполнѣ улюбленною сельскою жизнью, проживая поперемѣнно, то въ Чепеляхъ, то въ Турьѣ. Кромѣ болѣзни причиной нашего пребыванія въ деревнѣ было и то, что отецъ по причинѣ неурожая сказалъ: я не имѣю чѣмъ васъ содержать, ни что продать,

---

*) На этомъ кончается первая часть автобіографіи Я. Ѳ. Головацкаго, которая на слѣдующей страницѣ рукописи начинается словами: „не возвратились во Львовъ"; такимъ образомъ между 10 и 11 страницами рукописи нѣтъ непрерывной связи, потому что не достаетъ предыдущей фразы, поясняющей, что въ первый разъ Яковъ Ѳедоровичъ недолго пробылъ во Львовѣ, такъ какъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ серьезно заболѣлъ и былъ отвезенъ родителями для выздоровленія въ Чепели, откуда братья на школьный 1820 годъ уже больше „не возвратились во Львовъ". Подъ этимъ на 10 страницѣ рукописи Я. Ѳ. Головацкій сдѣлалъ слѣдующую собственноручную приписку:

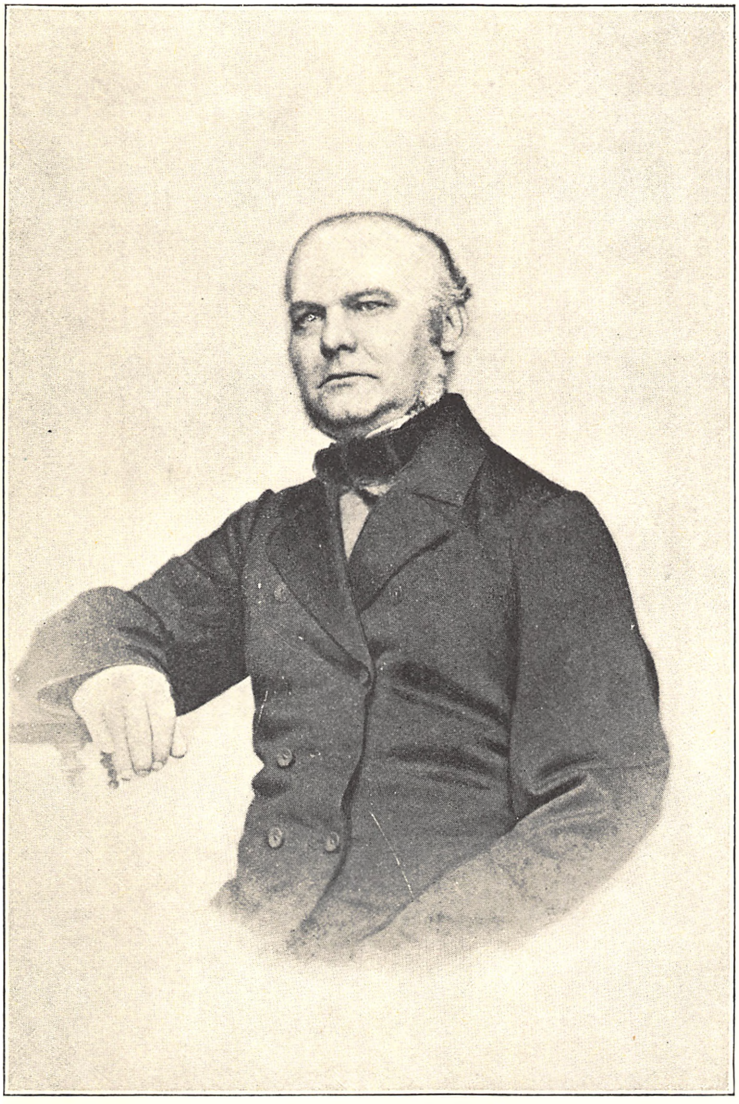
„Посылаю Вамъ, Достоуважаемый Богданъ Андреевичъ, недостающее Вамъ начало моей записки. Вы не сообщили мнѣ, съ какихъ словъ начинается 3-ій л.—и я по соображенію—далъ моей дочери переписать столько, сколько могло вмѣститься въ прежнихъ двухъ листахъ, которые пропали. Если Вамъ понадобится имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о нашемъ родѣ, Вы напишите письмо къ Николаевскому (б. стрыйск. у.) священнику, пускай поищетъ въ старинныхъ метрикахъ и подѣлаетъ Вамъ выписки. За таковыя я буду Вамъ благодаренъ, если изволите сообщить мнѣ. Что касается продолженія моей автобіографіи съ 1848 г.—это большой трудъ, однако-же я не отказываюсь приняться за него, если у меня будетъ свободное время. Подъ моимъ управленіемъ стоятъ два заведенія, археологическая Комиссія (съ ежегодной дотаціей 9.000 р.) и публ. библіотека и музей (съ дотаціей 8.000 р.), за всѣмъ смотрѣть, наблюдать, распоряжаться и вести счеты. Трудно улучить свободное времячко — развѣ въ праздники. Только 24-го Сент. я пріѣхалъ изъ Кавказа, былъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Тифлисѣ, пробывъ 5 сутокъ на морѣ на параходѣ и проѣхалъ поперекъ Черное море, исполинскій Кавказъ и всю южную Россію. Жаль, что нѣтъ времени описать мое путешествіе и начертать мои впечатлѣнія. Прощайте.

Вашъ Я. Головацкій".

ни денегъ не было. Въ этомъ году братъ Иванъ и я тяжко заболѣли тифомъ и нѣжная мать не отступала ни на шагъ, днемъ и ночью берегла насъ. Въ эти предлинныя каникулы отецъ научилъ меня по печатному букварю церковно-славянской азбукѣ и я зазубрилъ всѣ слова пишущіяся подъ титлами: ангелъ, ангельскій и проч. Это называлось читать по русски; но писать по русски я не научился, такъ какъ ни отецъ, ни дьякъ не умѣли писать русской скорописью. Въ 1823 году мы опять поѣхали во Львовъ и, хотя я могъ бы поступить въ III-тій классъ, но директоръ Краммеръ, который былъ когда-то учителемъ моего отца, посовѣтовалъ оставить меня на второй годъ въ томъ же II-омъ классѣ, а также старшаго брата Николая оставили во II классѣ латинскихъ школъ (въ инфинтѣ), но братъ Иванъ поступилъ въ высшій I классъ. Я скоро припомнилъ забытое, но классъ былъ многочисленъ— 120—150 мальчиковъ, и учителя (изъ отставныхъ капраловъ) рады были, что проэкзаменуютъ одинъ разъ въ курсѣ, а лишнее время обратятъ на проэкзаменовку отставшихъ учениковъ. Случилось, что учитель грамматики заболѣлъ и его мѣсто занялъ директоръ Краммеръ. Онъ велѣлъ написать на доскѣ нѣмецкое предложеніе и потомъ спросилъ одного изъ лучшихъ учениковъ, какъ можно сказать то-же самое, чтобъ не было welcher? Ученикъ не зналъ; спросилъ другого, третьяго— не знаютъ. Это собственно было курсомъ III класса. Но Краммеръ сказалъ: кто можетъ отвѣтить, пусть подыметъ руку. Весь классъ молчалъ; я одинъ поднялъ руку, вышелъ къ доскѣ (таблицѣ) и ясно, толково изъяснилъ, какъ можно вмѣсто welcher употребить причастіе. Краммеръ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ, я, не запинаясь, отвѣтилъ на всѣ съ толкомъ: „Sehr gut, sehr schön,—ты не даромъ называешься Гловацкій, ты машь добре глове до грамматики; учись только и я о тебѣ не забуду“, и записалъ себѣ мое имя. Онъ сообщилъ учителю Вейссу, который спросилъ меня и убѣдился въ моихъ знаньяхъ. У Вейсса былъ методъ, тѣхъ, которые у него получили sehr gut, спрашивать на каждомъ урокѣ, хотя два, три слова. Впродолженіе цѣлаго года и въ III классѣ я былъ постоянно спрашиваемъ по нѣмецкой грамматикѣ и былъ однимъ изъ первыхъ. Во второмъ и третьемъ классѣ меня произвели въ II-ые преміанты и я получилъ книги въ награду. Мы жили на Краковской площади, повыше стариннаго костела св. Яна. На предмѣстьѣ было свободнѣе. Съ нами жили сыновья священника, четыре брата Децикевичи и крестьянскій сынъ Боницкій. Они имѣли хорошіе голоса и любили пѣть хоромъ. Особенно весной и осенью они пѣли, сидя на скамейкахъ передъ домомъ; по вечерамъ раздавалось стройное, мелодическое пѣнье по всей площади. Они пѣли на нѣсколько голосовъ фигуральные, церковные напѣвы: Святый Боже, Единородный Сыне, съ басомъ соло (отлично пѣлъ Гурникъ, приходившій для усиленія хора), но большею частью пѣли народныя пѣсни: Дай намъ Боже добрый часъ; Станьмо братья въ коло; не ходи Грицю; Ой погнала дѣвчинонька ягнатонько въ

поле и др. Я запомнилъ текстъ и мотивъ и записалъ себѣ съ десятокъ пѣсенъ въ тетрадку, конечно, польскими буквами; русской скорописи никто не зналъ. Это былъ мой первый сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ.

Братъ Николай началъ сильнѣе болѣть; вередъ сдѣлался на лѣвой рукѣ возлѣ локтя. Онъ долженъ былъ бросить школу и поступить въ Піярскую больницу въ клинику д-ра Вагнера. Мы остались вдвоемъ съ Иваномъ и жили въ Мытномъ переулкѣ у стараго Тейфеля. Намъ наняли домашняго репетитора Филимона Тарнавскаго (изъ поэтики). Мы учились очень прилежно, даже по утрамъ вставали до книжки. По собственному влеченію мы съ братомъ упражнялись въ нѣмецкомъ правописаніи и дошли до того, что, когда писали во II классѣ подъ диктовку, не сдѣлали ни одной ошибки. На экзаменѣ во II и III классахъ я былъ вторымъ, а Иванъ первымъ преміантомъ. Мы получали ежегодно преміи, нѣмецкія книжки для дѣтскаго чтенья съ картинками, по 2 и по 3 тома; я прочелъ ихъ всѣ. Отецъ былъ внѣ радости, хвалилъ насъ и величалъ передъ всякимъ гостемъ или пришедшими по дѣламъ, показывая всѣмъ наши книжки, даже безграмотнымъ крестьянамъ. Мы всегда конфузились и нерады были этой презентаціи. Во мнѣ возбудилась охота къ чтенію и самообразованію. Особенно меня привлекала греческая и римская миѳологія Куфнера, изд. въ Вѣнѣ съ прекрасными изображеніями. Я съ наслажденіемъ читалъ фантастическія сказанія и греко-римскіе миѳы и любовался красотами эстетическихъ формъ боговъ и полубоговъ римскихъ, стройными рисунками и принадлежностями культа. Съ такой подготовкой умственнаго развитія, пріобрѣтеннаго въ школѣ и внѣ ея, я поступилъ въ 1825 году въ I классъ второй (такъ называемой Доминиканской) гимназіи съ учителемъ Клипуновскимъ, который шелъ съ своимъ классомъ отъ I до IV (синтаксимы). Онъ былъ русинъ (его родной братъ былъ сельскимъ священникомъ), но все обученіе и вся обстановка велись на нѣмецкомъ языкѣ. Никто изъ всѣхъ учителей въ гимназическомъ зданіи не проронилъ ни одного польскаго слова, тѣмъ болѣе русскаго (хлопскаго). Излюбленный его предметъ была латинская грамматика (по учебнику Бредера), и кто у него былъ твердъ въ грамматикѣ, тому онъ спускалъ въ географіи, исторіи и математикѣ. Къ несчастью, на квартирѣ, гдѣ мы жили на Хорущинѣ, я попалъ въ общество мальчишекъ, которые безъ надлежащаго присмотра по цѣлымъ днямъ бѣгали, играли въ мячикъ (пилку), вообще бездѣльничали. Сынокъ хозяйки Монцебовичъ и сынъ одного чиновника Фурманъ держали голубятни, весь день возились съ голубями, манили чужихъ голубей и ловили ихъ. Поневолѣ я участвовалъ въ этихъ занятіяхъ, небрежно училъ уроки, торопливо писалъ письменныя работы и, полагаясь на хорошую память, заучивалъ уроки въ школѣ наскоро, отрывочно и, стало быть, неосновательно. Братъ Иванъ держался всю гимназію первымъ преміантомъ, а я получалъ переводъ и только по нѣкоторымъ предметамъ имѣлъ отличныя отмѣтки, эминен-

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій въ 1867 г.

Съ очень рѣдкой фотографіи.

Воспроизводится въ печати впервые.

ціи или адъэминенціи, но не довелъ ни разу до степени преміанта и даже до акцедента. Иванъ получалъ ежегодно въ награду книжки, преимущественно латинскія, а я долженъ былъ довольствоваться переводомъ въ высшій классъ. Съ перемѣной квартиры прошли и тѣ шалости. Намъ нашли квартиру около св. Антонія у бывшаго сосѣда моего отца и бывшаго лѣсничаго въ Зборовскомъ лѣсу Зелинскаго. Старшій сынъ его Людвигъ, молодой, красивый человѣкъ, занимался разносною торговлею: онъ бралъ въ магазинѣ галантерейные мелкіе товары, носился со шкатулкой по заѣзжимъ домамъ и продавалъ въ три-дорога пріѣзжимъ на контракты помѣщикамъ и помѣщицамъ. При томъ онъ подъ руководствомъ жившаго у его матери слушателя правъ Дуцинскаго, читая книги, слушалъ съ любопытствомъ его объясненія о поэзіи, литературѣ, эстетикѣ и философіи и, почувствовавъ въ себѣ склонность къ авторству, началъ писать польскія статейки стихами и прозой. Ободренный своимъ менторомъ, онъ, самоучка, еле кончившій II нормальный классъ въ Бродахъ, передѣлалъ изъ какого-то переводнаго романа драму подъ заглавіемъ: „Гонзальвъ съ Кордубы", бросилъ свою коммерцію и сталъ польскимъ литераторомъ. У него была не большая польская библіотека, которую я всю прочелъ. Панъ Людвигъ съ охотой давалъ намъ читать книжки, потому что мы, особенно старшій братъ, часто помогали ему въ перепискѣ его сочиненій и давали ему справки по миѳологіи, исторіи и латинскому языку (котораго онъ вовсе не зналъ). Любовь къ чтенію возрасла во мнѣ до ненасытной страсти; я читалъ постоянно въ библіотекахъ Университетской и Оссолинскихъ, бралъ книги отъ знакомыхъ и друзей, читалъ днемъ и ночью, все, что попало, польское и нѣмецкое; даже на урокахъ и школьныхъ лекціяхъ книга всегда была со мной. Впродолженіе всѣхъ студій мы не пропустили ни однихъ каникулъ, чтобъ не погостить 3, 4 недѣли у дѣдуня. Это былъ почтенный старикъ, священникъ р у с с к и х ъ студій, но хорошо понималъ по латыни и даже говорилъ на этомъ языкѣ, несмотря на то, что онъ кончилъ только синтаксиму (IV классъ) у Піяровъ въ Золочевѣ. Мой отецъ не любилъ читать книгъ, развѣ съ практическимъ примѣненіемъ, какъ сѣять конюшину, садить сливы или дѣлать прививки, окопать деревья и т. п. Онъ былъ энергическимъ хозяиномъ, самъ любилъ что-нибудь смастерить или починить, что было нужно въ хозяйствѣ, топоромъ, стругомъ, осонякомъ. Напротивъ того, дѣдъ Василій Якимовичъ передалъ веденіе хозяйства сыну Дмитрію, который ходилъ что-то 5 лѣтъ на философію и ежегодно проваливался у Кодеша по математикѣ; наконецъ потерялъ надежду быть священникомъ въ селѣ, гдѣ были въ 3-ехъ поколѣніяхъ Якимовичи и остался на хозяйствѣ. Самъ же дѣдунь нашъ любилъ читать книги и приказывалъ мнѣ читать вслухъ при разложеномъ кострѣ въ пустомъ сливовомъ саду, усѣвшись семейно. Передъ отъѣздомъ во Львовъ, дѣдунь всегда давалъ намъ по рублику, по два-три отъѣздного, на которые я покупалъ себѣ книжки, сначала польскія и нѣмецкія, а потомъ К о т л я р е в-

скаго, Державина, Основьяненка и др. У дѣда Якимовича я нашелъ Панѳеонъ Карамзина, который кто-то изъ квартировавшихъ въ 1809 году русскихъ офицеровъ оставилъ ему на память. Онъ подарилъ мнѣ эту книгу; я читалъ ее прилежно, хотя не все могъ понять. Я читалъ по галицкому произношенію и никто не могъ мнѣ разъяснить, какъ слѣдуетъ читать *э* или *ѣ* и когда нужно произносить *г* какъ *g*, и когда какъ *h*. Первая русская книга досталась мнѣ еще раньше отъ дьяка Домбровскаго, русскій букварь (безъ заглавія и безъ конца), въ которомъ находились и молитвы и краткая ариѳметика. Изъ этого букваря я научился читать по русски, а курсивъ навелъ меня на мысль, какъ должно писать скорописью, пока я не нашелъ въ университетской библіотекѣ нѣмецко-русской грамматики Гейма и въ ней таблица скорописи была для меня новымъ открытіемъ. Изъ такой же грамматики Таппе Іос. Левицкій скопировалъ образецъ русской скорописи и посредствомъ своей грамматики (der ruthen. Sprache) научилъ все молодое поколѣніе скорописи. — Въ высшихъ классахъ гимназіи у учителя Пивоцкаго я утвердился въ латинскомъ языкѣ, такъ какъ онъ въ классѣ большею частью говорилъ по латыни и изрѣдка только отзывался по нѣмецки. Я читалъ Валерія Максима съ коментаріями, даже Юлія Цезаря, Цицерона и Виргилія изъ книгъ, получаемыхъ моимъ братомъ Иваномъ въ награду. Будучи въ гимназіи, я любилъ римскія древности, географію и исторію. Кромѣ заучиванія уроковъ, которые для облегченія учителя задавали, вычеркивая самыя важнѣйшія мѣста учебника, я по собственному влеченію дома читалъ сплошь всю книжку и меня особенно занимало то, что не было предписано зазубрить. Вообще я не привыкъ зубрить (какъ дѣлали новики), а изъяснялся своими словами и потому учители рѣдко ставили мнѣ отличный баллъ. Я ежедневно посѣщалъ библіотеку; послѣ уроковъ изъ костела ($10^1/_2$ час.) я бѣжалъ туда, хотя на полтора часа. Въ высшихъ классахъ гимназіи (риторикѣ и поэтикѣ) на квартирѣ жили студенты изъ Мазуровъ (изъ Сонча, Тарнова, Вадовицъ); я подружился съ ними и слушалъ отъ нихъ многое объ ихъ странѣ. Особенно же заинтересовали меня жившіе послѣ въ смежной квартирѣ польскіе богословы Тарновской епархіи, стипендіаты, Горали изъ подъ Татровъ, большею частью крестьянскіе сыновья. Они получили образованіе въ Венгріи, въ монашескихъ гимназіяхъ и философскихъ лицеяхъ въ Подолинцѣ, Тырновѣ, Сомботѣ, Прешовѣ, Кошицахъ; кругъ знаній у нихъ былъ ограниченный. Они не знали даже по нѣмецки, польской литературы вовсе не знали. Между собою они разговаривали на своемъ горальско-мазурскомъ нарѣчіи, по мадярски или по латини (конечно, кухонно венгерскимъ жаргономъ). Самыя фамиліи ихъ показались мнѣ странными: Ябцонь, Кидонь, Барцикъ, Шимекъ, Грона, Югасъ и т. п.; но они были добродушный, привѣтливый, простой народъ. Съ увлеченіемъ разсказывали они про свои горы, пѣнины (полонины), про пастырскій бытъ подгалянъ; съ восхищеніемъ вспоминали о Венгріи, которую иные

изъ нихъ во время каникулъ по тамошнему обычаю исходили вдоль и поперекъ. Они разсказывали разныя разности о Словакахъ, Сербахъ (Рацахъ), Хорватахъ и др. и возбуждали во мнѣ желаніе познакомиться съ славянскими нарѣчіями и бытомъ Славянъ. Ученики и студенты того времени любили пѣть пѣсни. И такъ между Мазурами я узналъ мелодіи и пѣсни: Мазуровъ и Гораловъ, даже славацкія и чешскія пѣсни, а съ своими Русинами мы составили подобранный пѣвческій хоръ, въ которомъ участвовали: братъ Иванъ и я, братья Сриновичи, Загайскій (теперь выслуженный игуменъ и директоръ бучацкой гимназіи), Леонтовичъ и другіе отличавшіеся хорошими голосами. У себя дома и на загородныхъ гуляньяхъ мы пѣли исключительно галицко-русскія пѣсни иногда и московскія, такъ какъ мы чувствовали себя русинами, которымъ неприлично пѣть ляцкія или нѣмецкія пѣсни. Политическія происшествія имѣли также свое вліяніе. Я слыхалъ и читалъ о возстаніи Грековъ, о подвигахъ Ипсилантія и Маврокордата и не понималъ, почему Нѣмцы не сочувствуютъ потомкамъ славныхъ Эллиновъ, тогда какъ русскіе и даже поляки сочувствуютъ Грекамъ. Въ 1828 г. мы опять съ Поляками радовались успѣхамъ Паскевича и Дибича, тогда какъ Нѣмцы а за ними жиды были на сторонѣ Турокъ. Политическіе споры доводили иногда до кулачнаго боя и тогда сдвинувъ въ классѣ скамьи, начинали драться съ примѣрными Турками, т.-е. при крикахъ Алла! защищавшими свой лагерь Нѣмцами. Русскіе съ Поляками дружно аттаковали и взяли воображаемую Варну, пока удивленный профессоръ Пивоцкій войдя въ классъ закричалъ: quid hoc est, spelunca latronum, non schola humaniorum. Никто не пожаловался, никто не выдалъ виновныхъ. Во время коронаціи въ Варшавѣ, 1829 года, Поляки были въ восторгѣ, они говорили: Царь Николай отниметъ Галицію и Познань и возстановитъ королевство по желѣзные столпы. Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Галицію, но ни за что не хотѣли отдать Польшѣ Волыни, Подолья, Бѣлоруссіи и Червоной Руси; отстаивали за Россіей русскія земли, спорили съ Ляхами, наконецъ порѣшили: „не дадимъ вамъ ни одной пяди русской земли. Поки церкви—все наше“, какъ будто это зависѣло отъ нашего рѣшенія. Еще рѣзче обособились обѣ народности въ 1830—31 гг. Всѣ Поляки отозвались за Польшей, русскіе остались рѣшительно по сторонѣ Россіи. Студенты поляки толпами переходили за Вислу; туда посылали отъ Поляковъ деньги, оружіе, шарпіи и пр. Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались нейтральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже нѣмецкія власти смотрѣли сквозь пальцы на то, что комитеты полугласно собирали деньги, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за границу. Наконецъ явились извѣстія, что Дверницкій разбитъ подъ Берестечкомъ и спасся бѣгствомъ за Збаражемъ въ Галиціи; что вся его шайка обезоружена австрійцами и взята въ плѣнъ. Та же участь постигла корпусъ Ромарина, ко-

торый, спасаясь отъ погони, переправился въ Решовскомъ уѣздѣ черезъ Вислу. Затѣмъ сдалась и Варшава. Во время каникулъ я былъ въ Пеняхахъ у поссесора Михалика. Поляки пали духомъ: „вшистко пржепадло". Но у нихъ сейчасъ же найдется причина: „Это Круковецкій измѣнилъ, такъ какъ наши родацы сами здрайцы". Для меня было все это безразлично, и я принесъ домой радостную новость, что Русскіе побѣдили, Паскевичъ взялъ штурмомъ Варшаву. Слава Русскимъ! Многая лѣта провозгласилось въ отцовскомъ домѣ. Сами крестьяне интересовались и приходили спрашивать: Правда ли, что Москаль побивъ Ляховъ и добувъ Варшаву?

Въ 1831/2 г. кончивъ гимназію, я поступилъ на философическій факультетъ Львовскаго университета и получилъ стипендію изъ религіознаго фонда 80 гульд. въ годъ. Философы обыкновенно любили пользоваться университетской свободой и свысока смотрѣли на гимназистовъ. Въ коллегіи вписалось 200—300 студентовъ. Профессора преподавали весь курсъ, не спрашивая никого, рѣдко производили перекличку и то только за неимѣніемъ времени на удачу двѣ-три буквы изъ алфавитнаго списка, когда замѣчали слишкомъ пустыя скамейки, такъ что можно было пропускать лекціи или послѣ переклички выйти изъ класса. Никто не мѣшалъ читать во время лекціи какую-угодно книгу. Я пользовался этой свободой, читалъ книги, касающіяся исторіи и языкознанія, преимущественно русскаго и славянскаго. Не легко давалась мнѣ эта наука русскаго языка безъ руководителя. По собственному влеченію я дѣлалъ себѣ выписки и извлеченія изъ всякихъ книгъ и изучалъ единственную, находящуюся въ университетской библіотекѣ нѣмецко-русскую грамматику Гейма и переписалъ весь сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (съ 1827 г.), нѣкоторыя пѣсни Кирши Даниловича (изд. 1818 г.) изъ имѣвшихся въ библіотекѣ Оссолинскихъ экземпляровъ, прежде въ черновую тетрадку, а потомъ дома я переписывалъ начисто. Между тѣмъ мой сборникъ пѣсенъ постоянно увеличивался.

Слушатель II коллегіи философіи (физики) Маркіанъ Шашкевичъ, который въ свою очередь занимался русскимъ языкомъ и исторіей Руси, замѣтивъ, въ какомъ направленіи я читаю книги и дѣлаю эксцерпты, онъ сблизился со мной, прямодушно открывъ свои думы, сказавъ, что онъ Русинъ и заявилъ рѣшительно, что намъ молодымъ русинамъ нужно соединиться въ кружекъ, упражняться въ славянскомъ и русскомъ языкахъ, вводить въ русскихъ кругахъ разговорный русскій языкъ, поднять духъ народный, образовать народъ и, противоборствуя полонизму, воскресить русскую письменность въ Галиціи. Я пришелъ въ восторгъ отъ этого предложенія, о которомъ я позволялъ себѣ только грустно желать. Шашкевичъ познакомилъ меня съ Иваномъ Вагилевичемъ, моимъ коллегою на I году философіи, и съ тѣхъ поръ мы стали закадычными друзьями. Мы постоянно, встрѣчаясь дома, въ аудиторіяхъ, на гуляньяхъ, вездѣ мы втроемъ говорили, толковали, спорили, читали,

Я. Ѳ. Головацкій въ 1868 г.

„Московская фотографія“ въ Вильнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

Я. Ѳ. Головацкій въ 1868 г.

По фотографіи В. Довмонта въ Вильнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

критиковали, разсуждали о литературѣ, народности, исторіи, политикѣ и пр. и почти всегда мы говорили по русски, такъ что коллеги называли насъ въ насмѣшку „русская тройца". Изъ сбереженныхъ денегъ я покупалъ книжки, преимущественно русскія. Я купилъ во Львовѣ польско-русскую грамматику Гродзицкаго, лиру Державина, изд. въ Вильнѣ. Больше нельзя было найти въ Львовѣ и я выписалъ исторію Бантышъ-Каменскаго (III тома), Котляревскаго Энеиду III книги*), Кулжинскаго Малороссійская деревня и др. Притомъ я пріобрѣлъ поэмы Пушкина въ польскомъ переводѣ, изд. въ Вильнѣ и исторію Россіи Кайданова II томъ за невозможностью получить въ подлинникѣ. Шашкевичъ, смѣлый до нахальства, пріобрѣлъ больше сочуствующихъ нашимъ идеямъ. Мы условились, что всякій пріобрѣтенный нами и вступающій въ нашъ русскій кружекъ, долженъ подать руку и заявить честнымъ словомъ, что онъ обѣщаетъ всю жизнь дѣйствовать въ пользу народа и возрожденія русской народной словесности. Чтобъ освятить это обѣщаніе, мы приняли славянскія имена: Шашкевичъ—Руслана, Вагилевичъ—Далибора, я—Ярослава. Затѣмъ явились Велиміръ Лопатинскій, Мирославъ Ількевичъ, Богданъ мой братъ Иванъ, Ростиславъ Бульвинскій (умеръ): явились Всеволоды, Мстиславы, Володари и пр. Шашкевичъ пошелъ дальше, онъ составилъ альбумъ „Русская Зоря", въ которомъ расписывались желающіе съ своими стишками или девизами, но не иначе, какъ русскою скорописью и на русскомъ языкѣ. Я вписался съ другими при словахъ: „Γνῶθι σεαυτόν, Пôзнай себе, буде съ Тебе". Шашкевичъ привелъ изъ пѣсенъ Максимовича: „Свѣти, Зоре, на все поле, закôль мѣсяць зійде", Острожинскій написалъ: „Часъ уже Ляхамъ перестати, а намъ Русинамъ начинати". Вписались философы и богословы: Покинскій, Урицкій, Минчакевичъ, Кульчицкій, Охремовичъ, Гадзинскій, Бѣлинскій и др. Въ семинаріи начались толки о русскомъ народѣ, о его просвѣщеніи посредствомъ народнаго языка. У насъ, правда, не было яснаго понятія и опредѣленной программы; всякій понималъ дѣло по своему, но движеніе между молодымъ поколѣніемъ было сильно. Въ это время Вацлавъ изъ Олеска (Залескій) напечаталъ сборникъ пѣсенъ; мы гордились тѣмъ, что полякъ ставилъ русскія пѣсни гораздо выше польскихъ по поэтическому творчеству, но мы негодовали на то, что русскія пѣсни напечатаны въ перемежку съ польскими и что напечатаны польскими буквами. Намъ хотѣлось бы имѣть національный сборникъ въ родѣ Максимовича (съ 1827 г.). Я съ своей стороны величался тѣмъ, что въ моемъ сборникѣ находится много истинно народныхъ пѣсенъ, которыхъ нѣтъ у Максимовича, ни у Залескаго. У насъ

*) Четвертую книгу изъ III-го изданія я собственноручно переписалъ изъ экземпляра, открытаго мною въ св. Онуфрейской библіотекѣ. Всѣ эти и многія другія я подарилъ послѣ въ пользу Народнаго Дома, гдѣ ихъ должно быть въ народной библіотекѣ болѣе двухсотъ книгъ съ моею подписью и съ моимъ клеймомъ. Я положилъ начало библіотекѣ Народнаго Дома. (Примѣчаніе Я. Ѳ. Головацкаго).

зародилась мысль издать русскій альманахъ подъ названіемъ „Зоря", въ которомъ были бы помѣщены народныя пѣсни, сочиненія стихами и прозой, памятники прежней народной поэзіи и переводы. Сказано: довольно словъ, надо приступить къ дѣлу. Начали сочинять статьи: Шашкевичъ написалъ на основаніи Бантышъ-Каменскаго біографію Богдана Хмельницкаго, сказку Олена и нѣсколько стихотвореній; Вагилевичъ — Мадея и Жулинъ и Калина; я сочинилъ: Два вѣночка и выбралъ пѣсни изъ моего сборника, къ которымъ Вагилевичъ взялся написать предисловіе. На счетъ правописанія происходили длинные споры. Я предлагалъ правописаніе Максимовича, мои сотоварищи требовали примѣненія (по мнѣнію Копитара и Гримма самаго логическаго) сербскаго правописанія Вука Стефановича. Я отстаивалъ русскую азбуку и не допускалъ латинскаго j, наконецъ рѣшили, выбросивъ ъ и ы, писать, какъ произносятъ, замѣняя ô, ê—і, ы—и. Вагилевичъ, указывая на аналогію сербскаго языка, желалъ ввести для своихъ статьей є вм. *я*, чєсть, тєжко, ч*е*сть, т*е*жко, но мы не соглашались и ч*а*сть, т*я*жко остались для всѣхъ однообразно, но въ народныхъ пѣсняхъ оставили є.

Пока я приготовлялъ рукопись для цензуры, Шашкевичъ отнесъ въ цензуру копію изображенія Хмельницкаго, срисованную семинаристомъ, объяснивъ цензору, что это ein verdienstvoller Mann und Feldherr и въ ту же минуту получилъ разрѣшеніе къ печатанію. Съ рукописью дѣло пошло не такъ успѣшно. Такъ какъ кромѣ церковныхъ книгъ, разрѣшаемыхъ епархіальной властью, съ давнихъ лѣтъ не печаталось ничего, то въ Львовѣ не было русскаго цензора и рукопись послали въ Вѣну. Копитарь отказался дать свое мнѣніе, заявляя, что онъ не понимаетъ этого языка (ruthenisch), вслѣдствіе чего назначенъ былъ цензоромъ профессоръ моральнаго богословія д-ръ Венедиктъ Левицкій, человѣкъ благожелательный русскому дѣлу, но съ своими своеобразными воображеніями. Онъ порицалъ употребленіе устарѣлыхъ церковно-славянскихъ формъ, которыя отстаивалъ (чиновникъ счетоводской канцеляріи) Стефанъ Семашъ, но желалъ видѣть языкъ книжный русскій съ тѣмъ, чтобы ввести нѣкоторыя потерянныя формы, напр. славянскій звательный падежъ и полныя формы прилагательныхъ: ый, ыя и (сред.) ая. Нечего удивляться, что цензоръ съ такими убѣжденіями не одобрилъ нашего радикальнаго правописанія и простонароднаго слога и языка и написалъ на рукописи: Non admittitur ad impemendum. Нашъ кружекъ палъ духомъ. Но дѣло этимъ не кончилось. Полиція обратила на насъ вниманіе, и черезъ нѣсколько дней у Шашкевича на квартирѣ сдѣлали обыскъ. Полицейскіе комисары перерыли всѣ его вещи, но не нашли ничего запрещеннаго. Къ счастью его альбумъ „Зоря" былъ при немъ въ карманѣ, его же особы не трогали, а то, если бы нашли списокъ именъ съ девизами, нѣмцы были бы увѣрены, что они открыли русскій заговоръ и Шашкевичъ по своей неосторожности погубилъ бы столько пол-

ной надежды молодежи. Послѣ ревизіи Шашкевичъ бросилъ свою „Зорю“ въ нужникъ.

Вмѣстѣ съ нами коллегіи посѣщалъ небольшой человѣчекъ, нѣкто Игнатій Паули, мазуръ, пріѣхавшій изъ Сандечской гимназіи въ университетъ. Онъ побратался, познакомился съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научиться по русски и по славянски, корчилъ изъ себя славянина и подписывался даже Жегота Паули. Я не довѣрялъ ему, но Вагилевичъ былъ болѣе откровеннымъ, а Шашкевичъ радъ былъ, что идея славянства пускаетъ корни на польской почвѣ и что Паули стоитъ за демократическій принципъ, такъ какъ онъ собиралъ пѣсни польскаго люда и потому онъ считалъ его безвреднымъ, находя, что будто на основаніи демократическаго устройства ляхи намъ не опасны. Паули выманилъ у насъ не только тетрадки народныхъ пѣсенъ, но и переписалъ отъ меня пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу К. Яблонскому, который ихъ издалъ въ двухъ частяхъ: „Pieśni ludu ruskiego w Galicyi zebrał (?) Żegota Pauli. Lwów 1839“, хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсенъ, а переписалъ готовыя. Паули ввелъ насъ въ польскіе кружки и познакомилъ съ Бѣлевскимъ, Сѣминскимъ, Войцицкимъ, Туровскимъ. Въ это время весь Львовъ кишѣлъ эмигрантами и повстанцами. Возвратившіеся изъ-за Вислы студенты, принятые на курсы, ходили въ университетъ въ уланскихъ каскахъ и рейтузахъ; польскія фуражки вошли въ моду и почти всѣ польскіе студенты и ученики носили фуражки, кто съ бѣлымъ, кто съ краснымъ околышемъ (и нашъ Ник. Устіяновичъ франтилъ въ такой фуражкѣ). У Бѣлевскаго или у адвоката Высоцкаго собирались по вечерамъ молодые люди (поляки), Сѣминскій, Винцентій Поль, читатали свои патріотическіе стихи. Тамъ велись рѣчи, пускались въ ходъ анекдоты и спичи на нѣмецкое правительство, говорилось о необходимости прогнать нѣмцевъ и завести народное правленіе—республику или королевство. Нѣсколько времени спустя Паули открылъ намъ подъ секретомъ, что готовится возстаніе и всякому благомыслящему земляку (обитателю) этой области нужно быть готовымъ, чтобы въ случаѣ дѣла знать, къ кому пристать. Онъ сказалъ намъ, каждому поодиночкѣ, что онъ уполномоченъ комитетомъ для того, чтобъ навербовать 10 человѣкъ, которымъ онъ будетъ сообщать приказы свыше. Всякій завербованный, если онъ по обязанности навербуетъ 10 человѣкъ, будетъ ихъ же десятникомъ, управляющимъ. Я не охотно отдавался такимъ внушеніямъ и не вѣрилъ ляхамъ, но думалъ про себя: пусть ляхи затѣваютъ рухавку, они свое, а мы свое—мы будемъ просвѣщать народъ и поддерживать русскую народность.

Среди такихъ теченій и неопредѣленности въ будущемъ не возможно было спокойно предаваться школьному дѣлу. Мы мало заботились о запискахъ, а поддавались внушеніямъ опытныхъ, что будто хорошая голова можетъ одолѣть все въ 5—6 дней, приготовиться къ экзамену на инстерстиціяхъ, т.-е. промежуткахъ во время экзаменовъ,

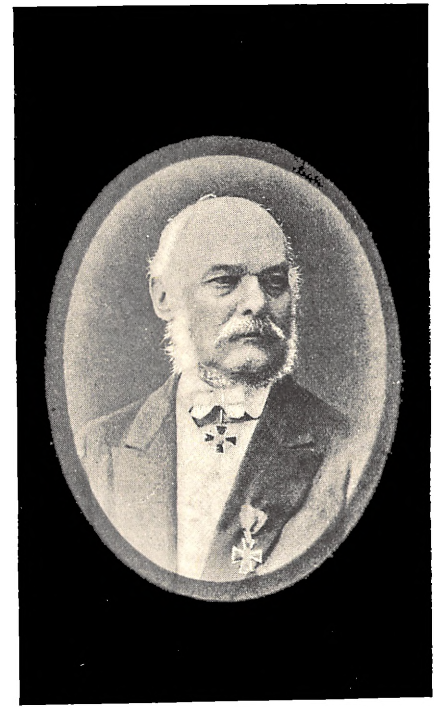
пока придетъ очередь, хотя бы пришлось посвятить ученію 3—4 ночи. И я испыталъ это съ другими; оставалось 3 дня до экзамена. Половина учебника математики была еще не пройдена нами; мы рѣшили въ 3 ночи сряду, безъ просыпа, переработать весь предметъ и такъ поперемѣнно, одинъ писалъ на доскѣ, а трое слушали. Но уже на вторую ночь мы истощились отъ труда и безсонницы, такъ что, стоя у доски, мы дремали, утомленные глаза смыкались, мѣлъ и губка падали изъ рукъ и мы валились отъ усталости. Нечего было дѣлать. Опытные посовѣтовали смѣло идти неподготовленнымъ къ экзамену на-авось. Audaces fortuna iuvat. Профессоръ торопился, чтобъ скорѣе проэкзаменовать весь классъ, спрашивалъ поверхностно; экзаменъ былъ настоящая лотерея: иному удалось, другой провалился. Законъ Божій у Яхимовича надо было весь вызубрить; всѣ знали, что его не проведешь, онъ былъ справедливъ ко всѣмъ, но и неумолимъ. Я заранѣе приготовился и получилъ хорошій баллъ. Но у Шульца по математикѣ не удалось—я получилъ двойку. Филологія у Тангля сошла хорошо безъ приготовленія. Психологія у Новотнаго также сошла. Естественную исторію у Фикера я оставилъ на послѣ каникулъ, надѣясь получить разрѣшеніе, если мнѣ удастся получить хорошій баллъ во второмъ семестрѣ по геометріи и въ такомъ случаѣ мнѣ можно будетъ пользоваться стипендіей. Между тѣмъ слухъ о нашихъ знаніяхъ славянскаго и русскаго языковъ распростанился и между поляками. Въ 1834 г. графъ Янъ Тарновскій написалъ письмо къ своему знакомому Василевскому (который всегда ходилъ въ польскомъ кунтушѣ съ вилётами), въ Львовѣ, чтобы онъ прислалъ ему кого-нибудь изъ студентовъ, знающихъ церковно-славянскій и русскій языки для разсмотрѣнія и описанія старославянскихъ рукописей и старорусскихъ памятниковъ письменности. Нашъ другъ Маркіанъ Шашкевичъ, о которомъ Василевскій, какъ о сиротѣ священника, жившаго въ его имѣніи Княже, возлѣ Золочева, присвоилъ себѣ попеченіе о немъ, рекомендовалъ Вагилевича и меня Василевскому, который снабдилъ насъ письмомъ къ графу. Мы сказались больными въ университетѣ и весной 1834 года отправились въ путь. Вагилевичъ знакомъ былъ съ южною подкарпатскою страною своей родины, мнѣ же знакома была сѣверная часть Галичины, но ни онъ, ни я никогда не бывали въ западной половинѣ Галичины, поэтому въ экскурсіи нашей намъ все представлялось новымъ. Мы находили различіе при видѣ мѣстности, распредѣленіи селъ и хозяйственной обстановкѣ, костюмѣ, внѣшнемъ видѣ встрѣчнаго народа. Вагилевичъ находилъ большую разницу отъ своихъ горцевъ Бойковъ, я же напротивъ замѣчалъ только постепенные переходы или переливы галицко-русскаго народа, живущаго возлѣ Львова. Вагилевича возмущало чрезвычайно сильное ополяченіе страны; слыша польскія южъ вм. уже, вже, дзись, дзисяй вм. сегодня, нынѣ, биты (bôty) вм. чоботы, сапоги, или формы: я не хцу (chcę), ты не хцешь, вôнъ не хце, мы не хцемы, вы не хцете, вони не хцутъ вм. я не хочу

Я. Ѳ. Головацкій въ 1871 г.

По фотографіи Л. Тевеля въ Вильнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

Я. Ѳ. Головацкій въ 1871 г.

По фотографіи В. Довмонта и К. Гулетскаго въ Вильнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

и т. д. или мы будем*ы* р о б ûт û, х о д ûт û, вм. чистаго выговора почти роб*ыты*, ход*ыты*, винъ хòд*и*, нòс*и* вм. ходитъ, робитъ или я бывъ, мы были вм. я бувъ, мы були. Онъ приписывалъ все это вліянію полонизма и готовъ былъ признать мѣстный говоръ прямо польскимъ нарѣчіемъ. Напротивъ того, я, признавая сильное вліяніе польщизны, въ лексическомъ отношеніи находилъ въ формахъ х ц у, х ц е ш ь, ход*и*, нос*и*, аналогію съ сербскимъ ћу, ћешь, ходи, носи, а въ произношеніи ход*ити*, роб*ити*, б ы л ъ, б ы л а, были, я искалъ первоначальное древнеславянское произношеніе, именно различіе гласныхъ *и* и *ы*, потерявшееся въ малорусскомъ и югославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ такихъ этнографически-лингвистическихъ упражненіяхъ мы проѣхали черезъ мѣстечка и города: Судовую Вишню, Мостиска, пользуясь каждой остановкой въ корчмѣ или остеріи для разспросовъ и разговоровъ съ крестьянами. Въ Перемышлѣ мы осмотрѣли развалины замка и полюбовались прекраснымъ видомъ на равнины рр. Сяна и Вѣгоря и на амфитеатрально-возносящіяся Карпатскія горы, и вспомнивъ о прежнихъ временахъ въ раздумьѣ оставили ополяченную столицу Володаря. За Перемышлемъ уже мало слышалась русская рѣчь;жители впрочемъ говорили наравнѣ по польски и по малорусски. Мы нашли народъ тихій, смирный, во всемъ уступчивый, запуганный преобладающимъ полонизмомъ. Въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ или въ корчмѣ мы нашли крестьянина въ черной свиткѣ, разговаривающаго съ женщиной въ холщевой кофточкѣ, почти шопотомъ разговаривающихъ по русски и попивающихъ водочку. Вдругъ съ шумомъ вошли двое молодыхъ людей рослыхъ, крѣпкосложенныхъ въ сапогахъ съ длинными голенищами, одѣтыхъ въ синіе суконные камзолы съ висящими до колѣнъ клапанами. У одного на головѣ была красная шапка съ высокимъ рогатымъ верхомъ и поярковымъ опушкомъ, у другого черная шляпа съ широкими полями. Это были два извозчика—мазуры изъ Тарнова или изъ Кракова. Они начали развязно похаживать по комнатѣ, ведя оживленный разговоръ, обращаясь на своемѣ мазурскомъ нарѣчіи другъ къ другу не на т ы или на в ы, какъ водится у крестьянъ, но говоря себѣ п ò н ъ, н ѣ х ъ п ò н ъ б е д з ѣ л а с к а в ъ, п р о с е н ъ у п и з е п ь е, подтрунивая надъ господами, рисуясь смѣлой жестикуляціей; наконецъ остановились около разговаривающихъ русиновъ, и подступая все ближе и ближе, почти подталкивали ихъ. Крестьянинъ взялъ фляжку съ водкой и отошелъ съ своей собесѣдницей къ другому концу стола. Два мазура подступили къ другому концу, ведя громкій разговоръ: русины посторонились къ другому столу, но нахалы-мазуры и туда подошли, и опять прижали ихъ. Русскіе оставили и это мѣсто и стали въ уголокъ близъ двери, держа въ рукахъ фляжку. Насъ поразило нахальство мазуровъ, но еще больше удивила уступчивость заспанныхъ русскихъ. Когда мазуры вышли къ своимъ лошадямъ въ конюшню, мы начали укорять русина въ томъ, почему онъ далъ себя такъ стѣснять пріѣзжими мазурами у себя дома, а н а с в о е м ъ с м ѣ т ь ю и к о г у т ъ с м ѣ л ы й,

„Паничу, вы не знаете, якій то лукавый народъ тыи мазуры; они наумысне шукали зачêпки, а мы люди спокойны всякому чорту уступаемъ. На што намъ бѣды? вôдъ мазура и полу врѣжь, та втѣкай". Вотъ какія отношенія сложились въ этой несчастной странѣ; не только шляхта, но и мазурскій мужикъ даетъ чувствовать свое превосходство надъ бѣднымъ Русиномъ.

Ярославъ, древне-русскій городъ, мы проѣхали мелькомъ, не осмотрѣвъ его вовсе. Въ окрестности Ярослава народъ весьма красивый. Говоритъ польскимъ почти книжнымъ нарѣчіемъ, чистымъ, не мазуруетъ. Мы убѣдились, что правъ былъ Снядецкій, говоря, что теперь самою чистою польскою рѣчью говоритъ народъ около Ярослава въ Галиціи и кто хочетъ заслушаться мелодіей польскаго языка, пусть послушаетъ разговаривающихъ крестьянъ около Ярослава. Слѣдовательно, не въ Гнѣзнѣ (этомъ гнѣздѣ Пястовъ), не въ Краковѣ и не въ Варшавѣ, въ древнихъ столицахъ Польши, а на русской землѣ, на рубежѣ Польши самая чистая рѣчь, точно такъ же, какъ и чистѣйшій нѣмецкій языкъ не внутри древней Германіи, а на бывшей когда-то славянскій землѣ, Саксоніи! Потому Вагилевичъ въ письмѣ своемъ къ Погодину порицаетъ Над-Сянское нарѣчіе за то, что оно ополячено и превозноситъ русскій языкъ, который будто бы имѣлъ громадное вліяніе на письменный польскій языкъ. Мы миновали границу русскаго и польскаго народонаселенія. Проѣзжая черезъ песчаную низменность и лѣсную равнину между Сяномъ и Вислой, мы нашли народъ говорящій на польскомъ нарѣчіи съ слабымъ оттѣнкомъ мазурскаго, впрочемъ народъ тихій, добродушный, совершенно похожій на рускихъ помѣщиковъ, живущихъ въ сосновыхъ борахъ Жолковскаго и Золочевскаго округовъ, отъ Бродовъ до р. Сяна. За Переворскомъ мы направились вдоль рѣки Сяна на сѣверъ, черезъ Соколовъ, Грибовъ, находя вездѣ тотъ же народъ и мы были почти увѣрены, что это ополяченные Русины. Цѣль нашей поѣздки мѣстечко Диковъ, расположенное на равнинѣ надъ Вислой, въ виду города Судоміря (Сандомѣржа) на противоположномъ высокомъ берегу лежащаго, съ его старыми зданіями, костелами, башнями. Смотря на него, мы вспоминали историческія событія, сбывшіяся на этой Галицкой границѣ Руси и Польши; вспомнили, что въ 1205 году, недалеко отсюда подъ Завихостомъ, князь Романъ Мстиславичъ, воюя съ ляхами, былъ нечаянно убитъ напавшимъ на него отрядомъ поляковъ. Длинныя и высокія, какъ валы, тянущіяся по берегамъ Вислы дамбы, обратили на себя наше вниманіе. Не менѣе замѣчателенъ палацъ, или замокъ гр. Тарновскаго, на живописномъ мѣстоположеніи, построенный съ карнизами въ готическомъ вкусѣ, съ прилежащимъ паркомъ и видомъ на Привислянскую окрестность. Гр. Тарновскій принялъ насъ весьма любезно и радушно, показалъ намъ свои картины, замѣчательныя искусствомъ, портреты своихъ предковъ Тарновскихъ и другихъ знаменитыхъ поляковъ; показалъ намъ славянскія глиняныя урны и другія древнія вещи доисторическихъ временъ, выкопанныя

въ Решовскомъ уѣздѣ, рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, относящіяся къ исторіи Польши. Всѣ эти предметы хранились въ богатой замѣчательной изданіями библіотекѣ. Въ особенности же графъ поручилъ намъ разсмотрѣть славянскія рукописи, писанныя кириллицей, русскія грамоты и другіе рукописные памятники. Съ жаромъ молодыхъ энтузіастовъ принялись мы за разборъ этихъ памятниковъ, видимыхъ нами первый разъ въ такомъ количествѣ и подборѣ. Мы работали, не уставая, съ утра до поздней ночи; описывали рукописи, излагали содержаніе, объясняли, переводили на польскій языкъ и ежедневно по утрамъ представляли графу результаты нашихъ разысканій, который на радости изъявлялъ удивленіе нашимъ неусыпнымъ трудамъ, хваля наше рвеніе и любовь къ разслѣдованіямъ старины и наши познанія, льстя самолюбію молодыхъ тружениковъ науки. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій, Вагилевичъ писалъ къ М. П. Погодину объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ (вмѣстѣ со мной) въ библіотекѣ ученаго гр. Тарновскаго въ Диковѣ. Вагилевичъ пишетъ о Кормчей книгѣ, которую онъ, смотря по почерку (по письму, какъ онъ выразился) и по языку относилъ къ XII или началу XIII вѣковъ. Я спорилъ съ Вагилевичемъ, относя рукопись къ XIV вѣку, тѣмъ болѣе, что она писана на б у м а г ѣ. Вагилевичъ былъ большой фантазеръ; онъ заупрямился и для поддержки своего мнѣнія утверждалъ, ссылаясь на Мацѣевскаго, который будто бы говоритъ, что еще въ XIII вѣкѣ въ Галичѣ была изобрѣтена выдѣлка тряпичной бумаги. Этимъ искусствомъ будто бы занимались два брата изъ галицкихъ мѣщанъ. Конечно, мы—сверстники Далибора относились скептически къ этому заявленію. Но Вагилевичъ все настаивалъ на своемъ и въ доказательство вѣрности, а по крайней мѣрѣ вѣроятности этого событія, онъ указывалъ на то, что на его родинѣ народъ называетъ бумагу, цидулку, записку—т е р м ѣ т к о й, и это названіе народъ будто бы наслѣдовалъ отъ своихъ галицкихъ изобрѣтателей бумаги, притомъ гордясь тѣмъ, что ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ названія бумаги на своемъ говорѣ, а всѣ заимствовали названіе отъ греческаго или латинскаго. Въ своемъ письмѣ къ историку Погодину Вагилевичъ не упоминаетъ о мнимомъ изобрѣтеніи, а говоря о т е р м ѣ т к ѣ, прибавляетъ: слово это можетъ быть взято съ греческаго языка или происходитъ отъ терметьи (т.-е. бумага); я п о л а г а ю, ч т о т о г д а (въ XII и XIII вв.) н а Р у с и б ы л и т е р м ѣ т н ы е (п и с ч е б у м а ж н ы е) з а в о д ы. Послѣ этого Вагилевичъ упоминаетъ о другой рукописной книгѣ, содержащей О т р ы к и и з ъ К о р м ч е й к н и г и XV в.; по языку она новѣе, но тѣмъ замѣчательна, что въ ней находится у с т а в ъ В л а д и м і р а о церковныхъ судахъ и у с т а в ъ Я р о с л а в а и др. Послѣ этого Вагилевичъ сообщаетъ о находящихся у графа Тарновскаго грамотахъ, договорахъ и о международной корреспонденціи польскихъ королей съ крымскимъ ханомъ, султаномъ и В. кн. Московскими. Должно быть Вагилевичъ неясно написалъ или переводчикъ невѣрно перевелъ, называя ихъ п е р е в о д-

ными и переписными. Это были, собственно, четыре пергаменныхъ грамоты съ конца XIV и начала XV вв., а именно: 1) Жалованная грамота В. кн. Витовта съ 1392 г.; 2) Грамота Галицкаго старосты Бенка съ 1398 г.; 3) Передаточная грамота на имѣніе Тростянецъ съ 1409 г. и 4) Мѣновная грамота Ивана Тучняка съ 1418 г. Я переписалъ эти грамоты съ графическою точностью, сообщилъ ихъ Д. Зубрицкому, откуда онѣ напечатаны въ Актахъ Запад. Россіи и послѣ мною напечатаны въ Науковомъ Сборникѣ 1865 и 1866 гг. и въ особыхъ оттискахъ во Львовѣ.

Кромѣ того мы нашли нѣсколько документовъ съ XVI в. на русскомъ языкѣ, договоры польскихъ королей съ В. кн. Московскими и Крымскимъ Ханомъ. Въ особенности заинтересовала насъ переписка съ Крымскимъ Ханомъ Давлетъ-Гиреемъ на русскомъ языкѣ, писанная современною русскою скорописью. У гр. Тарновскаго находилась одна статья въ 3 экземплярахъ и я осмѣлился просить графа, чтобъ онъ подарилъ мнѣ одинъ экземпляръ. Графъ похвалилъ мою любовь (zamiłowanie) къ памятникамъ старины и обѣщалъ подумать объ этомъ. Вѣроятно онъ провѣрилъ съ кѣмъ-нибудь, вѣрно ли мое заявленіе о тождественности ихъ текста; на другой день онъ вырвалъ листки изъ тетради, составлявшей отрывки какого-то сборника, вѣроятно, тетрадки Метрики Вел. кн. Литовскаго и передалъ мнѣ экземпляръ. Наша радость не имѣла границъ; мы открыли памятники дипломатическаго и дѣлового языка изъ столь отдаленныхъ временъ, и на основаніи этихъ открытій мы рѣшили, что эти документы ничто иное, какъ продолженіе той политической бытовой жизни русскаго (галицкаго) народа, которая жила и процвѣтала во время самостоятельности Галицкаго княжества съ временъ Володаря, Василька, Ярослава, Романа, Даніила и Льва. Въ своемъ воображеніи мы представляли себѣ могущественное государство на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающееся отъ источниковъ Нѣмна до устья Дуная и Чернаго моря. Въ письмѣ своемъ Вагилевичъ намекнулъ только о важности этихъ памятниковъ для исторіи языка, какъ вѣрнаго изображенія языка самаго древняго времени. Мы нашли, что кромѣ памятниковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) мертваго церк.-славянскаго, мы напали на памятники древняго живущаго, настоящаго, народнаго русскаго языка; что этотъ „языкъ простъ и красивъ и сходенъ съ древнимъ; языкъ же XVI и XVII вв. передѣланъ на образецъ латинскаго (?), потомъ онъ очень ополонизовался и испортился“. Соображаясь съ мнѣніемъ ученыхъ того времени сужденіе наше было правильно, хотя мы не были въ состояніи дать научнаго удовлетворительнаго отчета и не умѣли сдѣлать правильнаго лексико-грамматическаго разбора найденныхъ памятниковъ.

Въ это время все сильнѣе пробуждалась любовь къ русской письменности и интеллигентные люди принимали дѣятельное участіе въ возникшихъ вопросахъ дня. Вацлавъ Залескій издалъ тогда Сборникъ народныхъ пѣсенъ: „Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego“, на ко-

торый я не замедлилъ подписаться. Въ предисловіи къ своему изданію, Залескій прямо заявилъ, что Галицкіе Русскіе (nasi Rusini) должны присоединиться къ польской литературѣ, такъ какъ полякамъ вовсе нежелательно, чтобы русскіе галичане развивали особую литературу. Залескій соблазнилъ молодого священника Іосифа Лозинскаго, который, при дѣятельномъ вліяніи своего коллятора Гвальберта Павликовскаго, напечаталъ статью „О введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность“. Вопросъ о замѣнѣ русской азбуки на польское абецадло не маловаженъ, а глубоко врывающійся по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь; это вопросъ о существованіи... быть или не быть русскимъ въ Галичинѣ. Прими галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло—пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русскій духъ и изъ Галицкой Руси сдѣлалась бы вторая Холмщина. Всѣ передовые люди возстали противъ затѣи Залескаго и вознегодовали на Лозинскаго. Зубрицкій написалъ возраженіе, но оно осталось въ рукописи; тогдашній капелланъ перемышльскаго епископа Снѣгурскаго Іосифъ Лѣвицкій (авторъ Галицко-Русской грамматики) написалъ на польскомъ языкѣ русскую статью противъ проекта Лозинскаго, въ защиту кириллицы. Епископъ Іоаннъ Снѣгурскій наградилъ автора и приказалъ напечатать ее въ епископской типографіи, а редакторъ офиціальной „Львовской Газеты“ и экстраординарный проф. польскаго языка и литературы Михалевичъ (русинъ) по благоволенію къ своимъ единовѣрцамъ прибавилъ оттиски ко всѣмъ высылаемымъ №№ газеты. Въ то время такой поступокъ считался весьма рискованнымъ и едва ли не этотъ шагъ былъ главною причиною удаленія Михалевича отъ редакціи и назначенія на его мѣсто настоящаго поляка Яна Каминскаго. Лозинскій пытался провести свой проектъ на дѣлѣ и сочинилъ грамматику съ польскимъ абецадломъ, но проф. и докторъ богословія Венедиктъ Левицкій, бывшій цензоръ русскихъ книгъ, трижды отвергалъ грамматику Лозинскаго. Напрасны были жалобы Лозинскаго, поддерживаемаго поляками, напрасна апелляція въ Вѣну, въ центральный цензурный комитетъ,—разъ написанный цензоромъ Левицкимъ приговоръ: Non admittitur ad imprimendum, остался въ полной силѣ, хотя придворный славянскій цензоръ Варѳоломей Копитарь и стоялъ за латинскій алфавитъ. Нѣсколько времени спустя Лозинскій успѣлъ таки добиться разрѣшенія и напечаталъ Сборникъ свадебныхъ пѣсенъ: Ruskoje wesile, opisannoje czerez I. Lozinskoho. Не менѣе негодованія на Лозинскаго выражалъ кружекъ молодыхъ русиновъ, которое отпечатлѣлось и въ письмѣ Вагилевича къ Погодину. Студентъ Маркіанъ Шашкевичъ написалъ статью Азбука и Abecadlo: цензура одобрила ее, студенты и семинаристы сдѣлали грошевую складчину, меня послали въ Перемышль и въ продолженіе двухъ недѣль статья Шашкевича въ защиту азбуки была напечатана и разослана во всѣ стороны Галиціи въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ. Вагилевичъ въ своемъ письмѣ къ Погодину торжественно заявляетъ, что теперь никто (значитъ изъ Русиновъ) не сомнѣвается въ настоятельной

необходимости Славянской азбуки для русскаго языка и каждый признаетъ ея превосходство надъ недостаточностью чужого алфавита.

Въ кружкѣ своихъ друзей мы радовались, даже гордились такими блистательными успѣхами по народному дѣлу, и не замѣтили, сколько университетскихъ лекцій было потеряно нами. Первая на очереди была геометрія, предметъ довольно пространный и для насъ совершенно новый. Мы накинулись съ разспросами на опытныхъ, которые намъ указали, что нужно и что не нужно, что спрашиваетъ и чего не спрашиваетъ или рѣдко спрашиваетъ, только на эминенцію и пр. Пробѣжавъ кое-что изъ геомертіи въ сокращенномъ видѣ, я пошелъ на-авось. На первый вопросъ я отвѣтилъ хорошо; при второмъ началъ сбиваться и путаться, и профессоръ, задавъ нѣсколько постороннихъ вопросовъ, убѣдился, что я имѣю самыя темныя понятія объ элементахъ геометріи сказалъ, sufficit и поставилъ двойку. Тогда у меня лопнула всякая надежда на переэкзаменовку, на стипендію и на переводъ въ высшій курсъ. Остальные экзамены я бросилъ и рѣшилъ въ будущемъ году повторить тотъ же курсъ. Вагилевичъ даже не готовился къ экзамену и остался на второй годъ. Мы продолжали наши литературныя сходки, наши толки о разныхъ вопросахъ науки и политики и въ концѣ-концовъ разъѣхались на каникулы.

Послѣ каникулъ я намѣренъ былъ серьезно заняться студіями въ университетѣ. Кромѣ обязательныхъ предметовъ я посѣщалъ экстраординарныя лекціи эстетики у проф. Тангля, греческія древности у проф. Мауса, предметы, которые слушали обыкновенно тѣ, которые желали держать экзаменъ на доктора философіи. Наконецъ, желая себѣ усвоить твердыя правила грамматики и примѣнить ихъ къ народному русскому языку, я слушалъ также лекціи польскаго языка и польской литературы у проф. Михалевича.

Пребываніе въ Угріи.

Въ 1834 году Я. Ѳ. Головацкій, оставивъ Львовскій университетъ, поступилъ въ Кошицкую академію, въ которой окончилъ первый курсъ, а затѣмъ перешелъ въ Будапештскій университетъ. Въ столицѣ Угріи Яковъ Ѳедоровичъ познакомился съ знаменитымъ панславистомъ Яномъ Колларомъ. 1835 году Я. Ѳ. Головацкій вернулся во Львовъ и поступилъ на второй курсъ философскаго факультета.

За эти годы Яковъ Ѳедоровичъ обошелъ пѣшкомъ Галицкую и Угорскую Русь, и свои путевыя впечатлѣнія напечаталъ въ „Часописи Чешскаго Музея“ въ статьѣ „Путешествіе по Галицкой и Угорской Руси“. („Cesta pa halické a uherské Rusi“).

Изданіе „Русалки Днѣстровой“ (1837).

Переписавъ почти всѣ статьи изъ рукописной „Зори“, „русская тройца“ въ 1837 году напечатала въ Будапештѣ сборникъ подъ заглавіемъ „Русалка Днѣстровая“, который, несмотря на то, что былъ конфискованъ цензурою, сдѣлалъ свое дѣло и составилъ цѣлую эпоху въ литературномъ развитіи Галицкой Руси. „Русалка Днѣстровая“ наглядно доказала, что русскіе галичане могутъ пользоваться въ литературныхъ

произведеніяхъ не только мертвымъ уже церковно-славянскимъ языкомъ, но и живымъ народнымъ нарѣчіемъ. Это былъ огромный шагъ впередъ, и „Русалка Днѣстровая" какъ бы послужила мостомъ для перехода отъ одного общеславянскаго языка къ другому: т. е. отъ мертваго церковно-славянскаго литургическаго языка къ соотвѣтствующему ему въ свѣтской области живому общерусскому литературному языку.

Женитьба.

Въ 1841 году Я. Ѳ. Головацкій окончилъ Львовскій университетъ по богословскому факультету и женился на Маріи Андреевнѣ Бурачинской.

Рукоположеніе въ священники

Въ 1842 г. Яковъ Ѳедоровичъ былъ рукоположенъ въ священники и получилъ должность приходскаго сотрудника въ селѣ Микитинцы. Живя здѣсь писатель приготовилъ къ печати двѣ части „Вѣнка" и статью „Zustände der Russinen in Galizien".

Изданіе „Вѣнковъ".

Въ 1846 году въ Вѣнѣ вышла первая часть „Вѣнка русинамъ на обжинки", которую напечаталъ братъ Я. Ѳ. Головацкаго—Иванъ Ѳедоровичъ на средства итальянскаго князя Лукки. Въ 1847 году появилась вторая часть „Вѣнка". Любопытно отмѣтить, что принятыя въ первой части нѣкоторыя отступленія отъ обычнаго русскаго правописанія (напр., отсутствіе „ъ"), во второй—уже не повторились, такъ какъ читатели выражали свое неудовольствіе по поводу ничѣмъ не вызываемыхъ орѳографическихъ измѣненій.

Изданіе „Zustände der Russinen".

Въ 1847 году Я. Ѳ. Головацкій (подъ псевдонимомъ Гаврило Русинъ) напечаталъ въ Лейпцигѣ въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ журнала Іордана „Jahrbücher" брошюру „Zustände der Russinen in Galizien". По словамъ О. А. Мончаловскаго, эта книжка была первой политической брошюрой въ Червонной Руси и „произвела такое впечатлѣніе на нѣмцевъ и поляковъ, что они ее нарочно покупали, чтобы уничтожить, вслѣдствіе чего тогдашніе русскіе семинаристы по ночамъ списывали съ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ и разсылали списки на провинцію".

Въ 1846 году Я. Ѳ. Головацкій переселился въ село Хмелевую, получивъ самостоятельный приходъ.

Назначеніе профессоромъ университета

Въ 1848 году Яковъ Ѳедоровичъ былъ назначенъ профессоромъ русскаго языка и словесности во Львовскомъ университетѣ. Тогда же имъ было написано очень важное для своего времени сочиненіе „Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ". Говоря о профессурѣ Я. Ѳ. Головацкаго необходимо отмѣтить, что въ 1858 году онъ состоялъ деканомъ философскаго факультета, а въ 1864—былъ даже избранъ на должность ректора Львовскаго университета.

Поѣздка на Славянскій съѣздъ въ Москву. (1867).

Въ 1867 году Я. Ѳ. Головацкій принималъ участіе въ Московскомъ славянскомъ съѣздѣ, на которомъ произнесъ рѣчь, посвященную общерусскому національно-культурному единству и всеславянскому объединенію. Эта рѣчь послужила предлогомъ для Австріи начать гоненія на Якова Ѳедоровича, которыя привели его къ необходимости покинуть родную Галицкую Русь и навсегда переселиться въ Россію.

Мытарства при опредѣленіи на службу въ Вильнѣ.

Вопросъ объ опредѣленіи Я. Ѳ. Головацкаго на службу въ Вильнѣ едва не разстроился вслѣдствіе вмѣшательства тогдашняго генералъ-губернатора А. Л. Потапова. Объ этомъ сообщилъ очень интересныя свѣдѣнія И. П. Корниловъ („Литовскія Епархіальныя Вѣдомости", Вильна, 1888 г., № 33, стр. 283—284), которыя мы приводимъ полностью, какъ наглядный образчикъ бюрократическаго формализма и вѣрное свидѣтельство пережитыхъ Я. Ѳ. Головацкимъ мытарствъ при его стремленіи устроиться въ Россіи. Вотъ что пишетъ И. П. Корниловъ

„Предмѣстникъ А. Л. Потапова, графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ, очень желалъ привлечь Головацкаго въ Вильну. 4-го іюля и 16-го декабря 1867 года онъ писалъ бывшему министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, что вполнѣ раздѣляетъ его мнѣніе о пользѣ, какую принесетъ для науки Головацкій, служа въ Вильнѣ, что считаетъ справедливымъ и необходимымъ назначить этому извѣстному ученому изъ контрибуціонныхъ сборовъ по 1.000 руб. въ годъ дополнительнаго содержанія къ окладу предсѣдателя Виленской археографической комиссіи и выдать ему изъ того же источника 1.200 руб. въ пособіе на переѣздъ въ Вильну. „Мнѣ было бы очень желательно,—писалъ графъ Барановъ,—помочь Головацкому".

„22-го декабря 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи „иностраннаго подданнаго профессора Головацкаго предсѣдателемъ Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ".

„Дѣло, повидимому, было кончено; но тутъ-то и начались треволненія для почтеннаго Якова Ѳедоровича. Едва, въ началѣ 1868 года, успѣлъ онъ переселиться съ своимъ многочисленнымъ семействомъ въ Вильну, — какъ въ этотъ городъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, прибылъ вновь назначенный на мѣсто графа Баранова, генералъ-губернаторъ А. Л. Потаповъ.

„Въ первый день пріѣзда въ Вильну, послѣ обычнаго пріема служащихъ, новый генералъ-губернаторъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и, вслѣдъ за дружескими объятіями, сообщилъ, между прочимъ, и объ увольненіи меня отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа.

„Дня черезъ два онъ снова принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и заговорилъ о Я. Ѳ. Головацкомъ.

— „Странныя вещи дѣлаются у васъ въ округѣ. Предсѣдателемъ археографической комиссіи назначенъ австрійскій эмигрантъ и уніатскій каноникъ Головацкій. Въ здѣшнемъ краѣ давно нѣтъ уніи, а вы ее снова заводите. Можно ли приглашать сюда на службу человѣка, выгнаннаго австрійскимъ правительствомъ. Не значитъ ли это возбуждать неудовольствіе Австріи".

„Я возразилъ, что Головацкій не выгнанъ съ австрійской службы и совсѣмъ не эмигрантъ; напротивъ онъ приглашенъ въ Вильну графами Д. А. Толстымъ и Э. Т. Барановымъ и назначенъ на должность по Высочайшему повелѣнію.

Яковъ Өедоровичъ Головацкій въ 1876 г.

По фотографіи А. Страуса и К⁰ въ Вильнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

— „Во всякомъ случаѣ, — настаивалъ Потаповъ, — Головацкому здѣсь не мѣсто; положеніе его, какъ уніата, невозможное; я переговорю объ этомъ съ митрополитомъ Іосифомъ и буду ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ удаленіи Головацкаго изъ Сѣверо-Западнаго края“.

„Объ этомъ разговорѣ съ генералъ-губернаторомъ я немедленно увѣдомилъ графа Д. А. Толстого, но предварительно объяснился съ Я. Ѳ. Головацкимъ и съ викаріемъ Литовской епархіи епископомъ Александромъ, такъ какъ высокопреосвященный митрополитъ Іосифъ былъ тогда боленъ и никого не принималъ.

„Почтенный Яковъ Ѳедоровичъ, спокойно выслушавъ мой разсказъ, замѣтилъ, что генералъ-губернаторъ напрасно считаетъ его эмигрантомъ; что онъ не бѣжалъ изъ Австріи и не выгнанъ съ австрійской службы, а уволенъ по неблаговоленію къ нему, какъ русскому, галицкаго намѣстника поляка графа Голуховскаго; что вопреки этому польскому патріоту, австрійское правительство было всегда къ нему благосклонно, назначило ему пенсію и дозволило безпрепятственно переѣхать съ семействомъ въ Россію; что же касается уніи, то онъ всегда смотрѣлъ на нее, какъ на неестественное и незаконное подчиненіе православія папизму и давно уже рѣшилъ со всѣмъ своимъ семействомъ принять православіе.

„Отъ Я. Ѳ. Головацкаго я поѣхалъ въ Свято-Духовъ монастырь, къ преосвященному Александру и засталъ гостившаго тогда у него извѣстнаго сподвижника митрополита Іосифа, архіепископа Антонія (Зубко).

„Послѣ обычныхъ привѣтствій, архіепископъ сказалъ мнѣ:

—„Знаете ли, кто отъ насъ только-что вышелъ. Вы едва не встрѣтились съ новымъ генералъ-губернаторомъ. У митрополита его не приняли, и онъ заѣхалъ къ намъ“.

„На замѣчаніе А. Л. Потапова, что положеніе Головацкаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни одной уніатской церкви и ни одного уніатскаго священника, невозможное, — преосвященный Антоній замѣтилъ, что уніаты такіе же православные, какъ и мы, но только подчиняются папѣ, и что Головацкій можетъ безъ тревогъ совѣсти ходить въ нашу церковь и исполнять ея обряды при помощи нашихъ священниковъ.

—„Но Головацкій эмигрантъ,—возразилъ Потаповъ, — пріятно ли было бы намъ, еслибъ австрійское правительство, по нашему примѣру, вызвало Герцена и дало ему назначеніе на государственной службѣ“.

—„Вамъ грѣшно, — замѣтилъ преосвященный Антоній, — приравнивать почтеннаго Головацкаго къ Герцену. Головацкій Австріи не измѣнялъ; онъ явился къ намъ не бѣглецомъ, а переселился съ согласія своего правительства“.

„Спустя нѣсколько дней я навсегда простился съ дорогими мнѣ сослуживцами по Виленскому учебному округу, разстался съ дѣятель-

ностью, которой былъ сердечно и глубоко преданъ, и выѣхалъ изъ Вильны. И послѣ меня А. Л. Потаповъ продолжалъ настойчиво добиваться высылки Головацкаго изъ Сѣверо-Западнаго края.

„Прибывъ въ Петербургъ, онъ вошелъ 10 апрѣля 1868 года съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующе:

„Виленская археографическая комиссія есть правительственное учрежденіе, важность котораго въ ученомъ и политическомъ отношеніи неопровержима; разработка драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ тѣмъ болѣе необходима, что при постоянномъ стремленіи польской партіи къ насильственному подавленію искони русскаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ начала и къ присвоенію себѣ незаконныхъ правъ на оный, древніе акты будутъ служить наглядным свидѣтельствомъ прошедшаго и вызовутъ изъ вѣкового уничиженія и забвенія русскую бытовую сторону съ ея историческимъ прошлымъ. Къ подобному учрежденію правительство должно питать неограниченную довѣренность, а потому предсѣдателемъ комиссіи не можетъ быть австрійскій подданный, уніатъ, носящій даже ксендзовскую одежду; тѣмъ болѣе, что членами въ ней состоятъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ (И. А. Никотинъ. *Ѳ. А.*) и православный протоіерей (Антоній Пщолко. *Ѳ. А.*); притомъ пребываніе его не только въ Вильнѣ, мѣстѣ жительства митрополита Іосифа, но и въ цѣломъ краѣ неумѣстно, такъ какъ, по благотворному руководству преосвященнаго, совершилось великое событіе нашей исторіи, сгладившее имя уніата со всей сѣверо-западной окраины нашего дорогого отечества. Не посягая на ученую извѣстность Головацкаго, я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ невозможнымъ жертвовать религіозно-политическою стороной настоящаго дѣла и полагалъ бы необходимымъ предоставить ему другое назначеніе внѣ предѣловъ Сѣверо-Западнаго края".

„Этимъ аргументамъ,—которые привожу слово въ слово, — онъ придавалъ особенно важное значеніе и признавалъ „священнымъ долгомъ вѣрноподданнаго повергнуть ихъ на Высочайшее благовоззрѣніе".

„Препровождая 16-го апрѣля свой докладъ въ подлинникѣ графу Д. А. Толстому, — А. Л. Потаповъ увѣдомилъ, что Государь Императоръ повелѣлъ войти съ нимъ по этому дѣлу въ соглашеніе.

„Желаніе его удалить Головацкаго изъ Вильны такъ было сильно, что въ письмѣ отъ 24-го апрѣля къ статсъ-секретарю И. Д. Делянову, онъ предлагалъ выдать Якову Ѳедоровичу, на переѣздъ къ новому мѣсту назначенія, 2.000 руб. „изъ собственныхъ своихъ денегъ".

„Вслѣдъ затѣмъ вскорѣ прибылъ въ Вильну вновь назначенный попечитель Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшковъ. Тогда внезапно измѣнились воззрѣнія А. Л. Потапова на пребываніе Головацкаго въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изъ гонителя почтеннаго ученаго, генералъ-губернаторъ превратился въ горячаго его покровителя и даже пересталъ заботиться о его уніатствѣ.

„5-го августа А. Л. Потаповъ писалъ графу Д. А. Толстому, что 3-го мая (т.-е. чрезъ двадцать четыре дня послѣ его всеподданнѣйшаго доклада и чрезъ девять дней послѣ письма къ И. Д. Делянову) онъ „имѣлъ счастье лично докладывать Государю Императору ходатайство предсѣдателя Виленской археографической комиссіи Головацкаго о принятіи его съ женою и шестью малолѣтними дѣтьми въ подданство Россіи. Его Величество Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе этого ходатайства, но повелѣлъ предварительно снестись съ австрійскимъ правительствомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Государь Императоръ изволилъ разрѣшить: по исполненіи Головацкимъ вѣрноподданнической присяги войти съ представленіемъ о награжденіи его чиномъ статскаго совѣтника и о зачетѣ службы его въ должности профессора Львовскаго университета въ срокъ выслуги лѣтъ на пенсію".

„Въ томъ же письмѣ генералъ-губернаторъ сообщалъ, что управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 18-го іюля увѣдомилъ, что австрійское правительство не встрѣчаетъ препятствія къ удовлетворенію желанія Головацкаго, и что 31-го іюля Головацкій присягнулъ на подданство Россіи. Въ заключеніе А. Л. Потаповъ просилъ графа Д. А. Толстого войти съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о производствѣ Якова Ѳедоровича въ чинъ статскаго совѣтника и о зачетѣ ему учебной службы и правъ на пенсію съ 13-го декабря 1848 года.

„Въ отвѣтѣ своемъ министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что онъ затрудняется теперь же испросить греко-уніатскому канонику Головацкому чинъ статскаго совѣтника и что ему необходимо предварительно сложить съ себя духовный санъ.

„7-го сентября Я. Ѳ. Головацкій съ своимъ семействомъ присоединился къ православію и оставилъ духовное званіе, а 11-го октября, по всеподданнѣйшему докладу графа Д. А. Толстого, произведенъ въ статскіе совѣтники и ему предоставлено право на службу и пенсію съ 13-го декабря 1848 года.

„Вотъ краткій перечень мытарствъ, чрезъ которыя прошелъ почтенный Яковъ Ѳедоровичъ прежде чѣмъ утвердиться на службѣ въ Вильнѣ".

„Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси".

Важнѣйшимъ трудомъ Я. Ѳ. Головацкаго являются собранныя имъ и затѣмъ изданныя Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ четырехъ томахъ *„Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси"*.

По нашей просьбѣ проф. М. Н Сперанскій написалъ спеціально для настоящей книги слѣдующій отзывъ объ этомъ трудѣ:

„Романтическое увлеченіе своей народностью дало въ результатѣ для Я. Ѳ. Головацкаго серьезное стремленіе къ собиранію матеріаловъ для изученія этой народности какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ; его одинаково интересуютъ и старые письменные памятники Галицкой и Угорской Руси, и современный бытъ, и народное творче-

ство, въ которыхъ онъ видитъ переживанія глубокой народной старисы, готовой исчезнуть часто подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и сосѣдней польской культуры. Съ 1834 года онъ становится собирателемъ: и самъ записываетъ народные пѣсни и обычаи, и собираетъ по прежнимъ не систематическимъ изданіямъ (напр., Вацлава Залескаго и Максимовича) напечатанныя галицкія и угорскія пѣсни, и добываетъ сдѣланныя другими еще неизданныя записи. Этотъ трудъ привелъ Якова Ѳедоровича къ ясному и весьма положительному выводу: русская народность въ Галицкой и Угорской Руси, несмотря на тяжелыя условія исторической жизни, въ теченіе вѣковъ сохранила въ изобиліи свое духовное богатство, съ несомнѣнностью доказавъ свое близкое родство съ остальною Русью, общность воззрѣній, обычаевъ и языка. Это превратило Якова Ѳедоровича въ этнографа-историка и въ борца не только за свою народность и ея воскресеніе, но и въ крупнаго ученаго изслѣдователя народности, давъ ему почетное мѣсто среди русскихъ ученыхъ того же направленія. Въ ряду трудовъ, доставившихъ Я. Ѳ. Головацкому почетное мѣсто въ наукѣ и составившихъ крупную его заслугу, какъ дѣятеля на пользу своей народности, на первомъ мѣстѣ стоятъ „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, четыре тома, изданные Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Это, несомнѣнно, самое крупное до настоящаго времени собраніе, объединившее почти весь до того времени существовавшій матеріалъ, цѣнное также и потому, что имъ сохранены и такія пѣсни, которыя исчезаютъ или уже изчезли подъ вліяніемъ быстро смѣняющихся условій жизни. Я. Ѳ. Головацкій отнесся къ матеріалу строго критически; всѣ поясненія, даваемыя такимъ опытнымъ этнографомъ, знатокомъ быта и исторіи, какой выработался изъ Якова Ѳедоровича, сохраняютъ въ значительной степени свое значеніе и до настоящаго времени. Особенно важнымъ въ этомъ отношеніи представляется обширное введеніе, содержащее въ себѣ этнографическій, географическій и историческій очерки Галицкой и Угорской Руси и статистическое описаніе приложенной карты русскаго населенія Галичины, Буковины и сѣверо-восточной Угріи; эта карта, тщательно составленная и провѣренная на мѣстѣ, вносила рядъ исправленій въ извѣстную карту славянства П. І. Шафарика въ его „Славянской Народописи“; изъ этихъ очерковъ Якова Ѳедоровича наиболѣе важны—первый (географическій) и четвертый (объясненія къ картѣ), тогда какъ второй (политическое и экономическое положеніе) и третій (исторія) въ значительной степени, конечно, уже устарѣли, какъ составленные въ 1850-хъ годахъ. Трудъ Я. Ѳ. Головацкаго важный для этнографа, историка литературы и историка, даетъ, однако, меньше для историка языка нашего времени: Яковъ Ѳедоровичъ, имѣя матеріалъ, разнообразный по времени и мѣстностямъ, издавалъ его придавая ему однообразіе съ точки зрѣнія языка, чѣмъ стеръ діалектическія особенности своихъ записей, важныя для историка русскаго языка при современномъ значеніи діалектологіи въ этомъ отношеніи“.

Яковъ Өедоровичъ Головацкій въ 1879 г.

По фотографіи Чеховича въ Вильнѣ.

„Географическій Словарь" (1884).

Въ 1884 году Я. Ѳ. Головацкій издалъ въ Вильнѣ весьма важный свой трудъ *„Географическій словарь западнославянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ"* (въ 371 стр.; съ приложеніемъ географической карты). Въ обширномъ и интересномъ предисловіи къ книгѣ авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ ея значеніе. «Въ русской литературѣ давно чувствуется потребность въ *Славянскомъ Географическомъ Словарѣ*, въ которомъ были бы собраны и приведены въ извѣстность топографическія или географическія названія населенныхъ мѣстностей въ земляхъ, занимаемыхъ Славянами. Западнославянскіе и югославянскіе народы имѣли несчастіе въ разныя времена попадать подъ владычество иноземцевъ и силою обстоятельствъ были подвержены сильному вліянію иностранныхъ языковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что до покоренія Славянъ другими народами во всѣхъ Славянами заселенныхъ земляхъ господствовали исключительно славянскія названія областей, рѣкъ, горъ, городовъ, селеній, которыя были въ употребленіи у всѣхъ славянскихъ племенъ. Нѣмцы, Итальянцы, Мадьяры и Турки, завладѣвъ прежними славянскими землями, истребляли памятники національной жизни, коверкали славянскіе термины на свой ладъ, или замѣняли ихъ совсѣмъ новыми изъ своего языка заимствованными словами и такимъ образомъ ввели свою топографическую номенклатуру» (стр. III). «Въ старинныхъ памятникахъ русской письменности: лѣтописяхъ, путешествіяхъ и грамотахъ до-Петровскаго времени еще сохранилось много подлинныхъ славянскихъ географическихъ названій, которыя вслѣдствіе чужеземнаго вліянія были вытѣснены изъ оффиціальнаго и общественнаго употребленія и замѣнены иностранными терминами. Эти иноязычные термины до такой степени взяли верхъ въ литературѣ и общественной жизни, что изслѣдователи исторіи и древностей нерѣдко не могутъ отыскать прежнія историческія мѣстности. Между тѣмъ первоначальныя славянскія названія живутъ до сихъ поръ въ устахъ народа» (стр. IV). Затѣмъ авторъ останавливается на неудовлетворительности существующихъ картъ и атласовъ въ дѣлѣ передачи славянскихъ географическихъ названій (стр. VI—VIII). Главное затрудненіе для картографовъ представляетъ то обстоятельство, что однѣ и тѣ же буквы латинской азбуки у разныхъ народовъ читаются не одинако, а различно. Поэтому при передачѣ какого-либо названія картографъ не знаетъ, на какой ладъ его надо передать, и въ результатѣ получается страшная путаница, которую обязаны устранить ученые языковѣды—слависты (стр. VIII—X). Покуда въ картахъ все не будетъ исполнено по требованіямъ науки, пособіемъ можетъ служить Географическій Словарь. «Онъ,—заявляетъ авторъ,—долженъ быть настольной книгой для туриста и путешественника по славянскимъ землямъ. Географическій Словарь долженъ лежать въ кабинетѣ каждаго журналиста, писателя, литератора для постоянныхъ справокъ, контроля и повѣрки европейскихъ книгъ и газетныхъ статей. Въ русскихъ газетахъ часто встрѣчаются грубыя ошибки

и недоумѣнія отъ ошибочнаго перевода географическихъ названій въ славянскихъ земляхъ» (стр. XI—XII). «Не менѣе необходимъ *Географическій Словарь* для учебныхъ заведеній и учащейся молодежи. Въ прежней системѣ обученія наука географіи и исторіи опиралась совершенно на нѣмецкіе и французскіе образцы, а въ нѣкоторыхъ институтахъ въ Россіи географія и исторія даже преподавались иностранцами на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Оттого многіе образованные люди знаютъ города, рѣки, горы на нѣмецкомъ языкѣ, и настоящее славянское названіе города или рѣки ставитъ ихъ въ тупикъ» (стр. XII).

„На засѣданіи третьяго Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ чешскій депутатъ Мартинъ Коляръ читалъ свой рефератъ: *О топографическомъ словарѣ Славянскихъ земель*, въ которомъ обращалъ вниманіе ученаго собранія на важность и необходимость *Топографическаго Словаря*, который бы содержалъ въ себѣ не только названія мѣстностей, но также названія горъ, рѣкъ, озеръ и даже ручьевъ во всѣхъ Славянскихъ земляхъ, доказывая значеніе такого литературнаго предпріятія для Славянскаго міра и вообще для науки. «Для историка и археолога,—говоритъ между прочимъ Коляръ—названія мѣстностей—это какъ бы окаменѣлые первоначальные документы о почвѣ, первоначальной культурѣ, образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ и разселеніи нашихъ предковъ. Тождественныя названія селеній могутъ ясно показать, какимъ путемъ шла славянская колонизація. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣтъ историческихъ доказательствъ, одноименныя топографическія названія убѣждаютъ насъ въ томъ, что поселенцы вышли изъ мѣстностей того же имени».

„Сознавая трудность такого предпріятія, Коляръ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Если пока (за неимѣніемъ подготовленнаго матеріала) нельзя приступить къ изданію всеобщаго славянскаго словаря, то пусть каждый изъ насъ: Русскій, Полякъ, Сербъ, Чехъ трудится по части систематической топографіи своей страны или области, задавшись цѣлію изъ частныхъ подготовительныхъ работъ и сочиненій создать достойный памятникъ народа могущественнаго, можно сказать даже могущественнѣйшаго въ Европѣ—народа Славянскаго» (стр. XIV).

„Нельзя не замѣтить, что сопоставленіе славянскихъ географическихъ названій весьма поучительно. Несмотря на долговѣчное разъединеніе Славянъ и отчужденіе ихъ другъ отъ друга, отличительная черта славянскаго единства проявляется въ тождественности наименованій странъ, горъ, рѣкъ, городовъ, селеній и пр. въ различныхъ земляхъ Славянщины. Внимательный читатель славянскихъ картъ и географическихъ сочиненій пораженъ будетъ часто встрѣчающимися точь-въ точь тѣми-же названіями мѣстностей, горъ и рѣкъ въ разныхъ, на большомъ разстояніи находящихся, земляхъ. Цѣлые десятки названій городовъ, селъ, рѣкъ и горъ, лежащихъ на сѣверѣ Карпатъ и въ Га-

личинѣ, повторяются въ Чехіи и даже за Дунаемъ въ Сербіи, Хорватіи, Далмаціи и Черногоріи. Это не простая случайность, а очевидно доказательство того, что предки нынѣшнихъ Чеховъ, Сербовъ и Хорватовъ, вышедшіе изъ извѣстной мѣстности своего прежняго отечества, которое Константинъ Багрянородный назвалъ Великой Сербіей, дали названіе родного мѣста своему новоселію" (стр. XIX–XX).

„Наконецъ, если мы пожелаемъ удовлетворить изъявленному желанію—употреблять одинъ литературный языкъ у всѣхъ Славянъ, то намъ надо будетъ усердно позаботиться объ осуществленіи этого предложенія. Мы должны постараться также о распространеніи вѣрныхъ понятій о Славянствѣ, мы должны открыть всѣ звенья, связывающія Славянъ, мы должны сблизиться, узнать ближе нашихъ единоплеменниковъ, а взаимная любовь и довѣріе явятся сами собой. Въ *Географическомъ Словарѣ* тысячи примѣровъ, гдѣ діалектическая разница нарѣчій не такъ существенна по своему коренному происхожденію, какъ это на первый взглядъ кажется многимъ буквоѣдамъ, анализирующимъ всякія тонкости фонетики и морфологіи и изучающимъ всякія системы грамматики и правописанія. Въ народѣ преданія Славянства сохранились и чищѣ и прямѣе, чѣмъ въ литературныхъ произведеніяхъ книжныхъ людей, образованныхъ подъ иностраннымъ вліяніемъ. Если литературное объединеніе Славянъ должно быть воплощено въ народѣ и не остается только мечтой идеалистовъ, то намъ нужно узнать себя, узнать Славянъ, узнать Славянскія земли, нужно придти къ твердому убѣжденію, что онѣ были, есть и должны остаться навсегда Славянскими. Пусть въ *Географическомъ Словарѣ* единство Славянъ изобразится въ такомъ видѣ, въ какомъ оно существовало до порабощенія ихъ иностранцами, и пусть это единство будетъ залогомъ ихъ братства и свободы" (стр. XX–XXI).

Значеніе Я. Ѳ. Головацкаго, какъ писателя.

Значеніе Я. Ѳ. Головацкаго въ исторіи развитія общерусской литературы въ Галицкой Руси поистинѣ огромно. Ему принадлежитъ починъ почти во всѣхъ дѣлахъ, касающихся литературы и просвѣщенія. Такъ, изданіемъ „Русалки Днѣстровой" онъ узаконилъ переходъ отъ церковно-славянскаго языка къ мѣстному галицкому нарѣчію; своей грамматикой опредѣлилъ формы малорусской рѣчи и ея отношеніе къ общерусскому языку; составленіемъ учебниковъ положилъ основы русскому просвѣщенію въ Галичинѣ; обнародованіемъ своего капитальнаго труда „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси" обратилъ вниманіе Россіи и всего славянства на народное творчество галицко-русскаго населенія, доказавъ, что оно не только было, но и осталось во всѣхъ отношеніяхъ русскимъ; выпускомъ въ свѣтъ „Географическаго словаря западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель" познакомилъ русское образованное общество съ необъятной территоріей, занятой славянствомъ, причемъ возстановилъ множество подлинныхъ названій славянскихъ мѣстностей, передѣланныхъ и исковерканныхъ уже на чужеземный ладъ; своей пере-

пиской поддерживалъ общеніе со всѣми дѣятелями Карпатской Руси и будилъ въ нихъ вѣру въ наступленіе лучшаго будущаго; наконецъ, переселеніемъ въ Россію и принятіемъ для всѣхъ послѣдующихъ сочиненій общерусскаго литературнаго языка указалъ на собственномъ примѣрѣ единственно-вѣрный путь для національно-культурнаго развитія Карпатской Руси.

Избраніе членомъ ученыхъ обществъ.

За свои научно-литературные труды Я. Ѳ. Головацкій былъ удостоенъ званія почетнаго члена Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1866 г.), члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и отъ него же золотой медали, большой серебряной медали Общества Любителей Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ, званія дѣйствительнаго члена Московскаго Археологическаго Общества, степени доктора русской словесности Новороссійскаго университета, и званія члена Общества Любителей Россійской Словесности и Общества Естествознанія Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ; кромѣ того, онъ получилъ золотую Уваровскую медаль за разборъ книги М. де-Пуле „Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ 1794—1797 годахъ“ и Уваровскую премію въ 500 рублей за свой трудъ „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“. За поднесеніе государю: этого сочиненія онъ удостоился Высочайшей благодарности, а за поднесеніе сочиненія „Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ“ былъ награжденъ золотымъ перстнемъ съ рубиномъ и бриллiантами. Кромѣ завѣдыванія Виленскою комиссіей для разбора и изданія древнихъ актовъ, Я. Ѳ. Головацкій съ 1871 г. состоялъ предсѣдателемъ временной комиссіи по устройству Виленской публичной библіотеки и музея, членомъ распорядительнаго комитета Западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Вильнѣ и членомъ попечительнаго совѣта при Виленскомъ учебномъ округѣ. За свои гражданскія заслуги Яковъ Ѳедоровичъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и награжденъ орденами: св. Станислава 1 ст. и св. Анны 1 ст.

Смерть и похороны.

На Пасхѣ 1888 года Я. Ѳ. Головацкій получилъ воспаленіе легкихъ и скоропостижно скончался 1 (13) мая. Смерть Якова Ѳедоровича произвела глубокое впечатлѣніе на все русское населеніе Вильны. Всего за нѣсколько дней до кончины, Яковъ Ѳедоровичъ былъ совершенно здоровъ и принималъ у себя знакомыхъ, пріѣзжавшихъ поздравить его съ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи. О болѣзни маститаго ученаго почти ничего не было слышно,—и потому тѣмъ неожиданнѣе была вѣсть объ его кончинѣ. Похороны состоялись въ среду, 4 мая. Отдать послѣдній долгъ почившему писателю явилось почти все русское населеніе Вильны, въ томъ числѣ прибыли: генералъ-губернаторъ И. С. Кохановъ, командующій войсками Н. С. Гонецкій, губернаторъ А. Н. Гревеницъ, помощникъ попечителя учебнаго округа А. Л. Кунъ, окружные инспектора, директора и преподаватели учебныхъ заведеній и множество интеллигенціи. Высокопреосвященный, глубоко уважавшій

Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій въ 1879 г.

По фотографіи Панова въ Москвѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

Я. Ѳ. Головацкаго, при участіи соборнаго и городского духовенства, служилъ панихиды на дому, заупокойную литургію, отпѣваніе и совершилъ самое погребеніе на Евфросиньевскомъ православномъ кладбищѣ въ Вильнѣ. Выносъ тѣла въ Николаевскій соборъ былъ совершенъ во вторникъ вечеромъ, также въ предшествіи владыки и духовенства, при участіи вышеуказанныхъ лицъ и множества народа, при ясной и тихой погодѣ. Исполненіе пѣвчими пасхальнаго канона во время погребальнаго шествія, производило на присутствующихъ особо торжественное впечатлѣніе. На заупокойной литургіи настоятель Пречистенскаго собора протоіерей Іоаннъ Котовичъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ заслуги покойнаго ученаго.

На отпѣваніи у гроба почившаго была братская хоругвь, которую держали братчики Свято-Духовскаго братства: генералъ-майоръ П. М. Смысловъ, І. Н. Ливчакъ и Ф. К. Смирновъ; она же предшествовала гробу до самой могилы на кладбищѣ. По выносѣ тѣла изъ собора, похоронное шествіе, предшествуемое хоругвями и духовенствомъ, останавливалось для краткихъ литій, предъ монастырями: Троицкимъ, гдѣ воспитанники Литовской духовной семинаріи вышли навстрѣчу останкамъ и спѣли литію и „вѣчную память“ и—Святого Духа, гдѣ тоже была совершена краткая литія. На кладбищѣ встрѣтилъ гробъ владыка, который предалъ останки землѣ. Послѣ того, какъ была пропѣта „вѣчная память“, надъ открытой еще могилой произнесъ прекрасную рѣчь русскій галичанинъ бывшій редакторъ львовскаго „Слова“ В. М. Площанскій. Онъ отъ имени Галицкой Руси благодарилъ русскихъ дѣятелей Вильны за горячее сочувствіе, оказанное почившему во все время пребыванія его въ Россіи. На гробъ Я. Ѳ. Головацкаго былъ возложенъ отъ русскихъ галичанъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью на широкой бѣлой лентѣ: „*Своему Ломоносову отъ Червонной Руси*“.

Воспоминанія дѣтей Я. Ѳ. Головацкаго о своемъ отцѣ.

По нашей просьбѣ дѣти Я. Ѳ. Головацкаго, сынъ Всеволодъ Яковлевичъ и дочь Ольга Яковлевна Головацкіе, составили спеціально для настоящей книги помѣщаемыя ниже воспоминанія о своемъ покойномъ отцѣ.

„Яковъ Ѳеодоровичъ вставалъ въ 8 часовъ утра и тщательно умывался холодной водой.

„Умывшись и одѣвшись совсѣмъ, только вмѣсто пиджака въ халатъ, Яковъ Ѳеодоровичъ выходилъ пить чай. Чаю выпивалъ два стакана съ черствой, крутой еврейской булкой, которая всегда покупалась для него заблаговременно. Чаю выпивалъ два стакана, и часто спрашивалъ: первый или второй выпилъ стаканъ и, если оказывалось, что уже второй, то никогда третьяго не пилъ. За чаемъ газетъ или книгъ не читалъ, а проводилъ время въ разговорѣ съ домашними.

„Послѣ чаю Яковъ Ѳеодоровичъ отправлялся въ кабинетъ и тамъ занимался литературнымъ трудомъ или корректурой, если же не было спѣшной работы—читалъ газеты, лежа на кушеткѣ. Нельзя не упомянуть, что несмотря на преклонный возрастъ, никогда не пользовался

очками. Даже мелкія, неразборчивыя старинныя рукописи читалъ безъ очковъ. Иногда, не будучи въ состояніи разобрать какую-нибудь рукопись, говорилъ намъ: „ну, вы съ вашими молодыми глазами, разберите, что тамъ написано!“ И всегда оказывалось, что мы не могли разобрать. Въ концѣ-концовъ разбиралъ самъ, и ему доставляло большое удовольствіе, что мы не могли разобрать. Когда занимался, то надѣвалъ на глаза зеленый козырекъ (колпачекъ). Письменный столъ стоялъ у самого окна, и многіе знакомые говорили, что, идя по улицѣ мимо нашихъ оконъ, можно было видѣть почтенную голову Якова Ѳедоровича съ сѣдою бородой. Если не было спѣшныхъ работъ, Яковъ Ѳедоровичъ очень любилъ заниматься физическимъ трудомъ, напр.: пересаживалъ цвѣты, клеилъ коробочки, переплеталъ брошюры и книжки (у него для этой цѣли былъ даже особый прессъ), починялъ разныя испорченныя вещи, а иногда чинилъ себѣ сапоги, чѣмъ очень гордился. Однажды кто-то изъ насъ дѣтей сказалъ, что онъ все умѣетъ. Это Якову Ѳедоровичу очень понравилось и онъ повторялъ наши слова при каждомъ удобномъ случаѣ. Иногда приглашалъ своего сына Всеволода помогать ему при починкѣ; при этомъ говорилъ: „смотри и учись, когда выростешь, чтобы умѣть все себѣ исправить“.

„Позавтракавши въ полдень, Яковъ Ѳедоровичъ отправлялся въ Виленскую публичную библіотеку, гдѣ занимался до 4 часовъ дня.

„Въ 4 часа былъ обѣдъ, проходившій всегда въ разговорѣ. Послѣ обѣда Яковъ Ѳедоровичъ спалъ, накрывъ голову газетой, а въ 5 часовъ отправлялся въ археографическую комисію и тамъ до 7 часовъ занимался разборомъ древнихъ актовъ.

„Въ 8 часовъ былъ вечерній чай. И если приходилъ кто-нибудь, Яковъ Ѳедоровичъ очень любилъ поговорить и о политикѣ и обо всемъ вообще, хотя дѣлалъ затѣмъ такія замѣчанія: „Какъ странно люди разговариваютъ. Не углубляются въ предметъ, а переходятъ съ одного на другой, хватаютъ верхушки и продолжаютъ дальше говорить, но уже о другомъ“. Несмотря на это, Яковъ Ѳедоровичъ былъ очень общительный человѣкъ. Со всѣми былъ ласковъ и привѣтливъ и съ каждымъ находилъ подходящій разговоръ. Не говоря уже о томъ, что Яковъ Ѳедоровичъ былъ какъ бы живая энциклопедія, всѣмъ охотно и съ удовольствіемъ разъясняя и разсказывая обо всемъ, о чемъ только его ни спрашивали. Въ разговорахъ обнаруживалъ способность схватить всегда самую суть вопроса, что особенно поражало, когда Яковъ Ѳедоровичъ говорилъ о спеціальныхъ знаніяхъ, ему мало извѣстныхъ. Всегда отстаивалъ Россію и все русское. И когда у насъ собиралась молодежь, Яковъ Ѳедоровичъ всегда принималъ участіе въ нашихъ разговорахъ, съ каждымъ умѣя найти подходящую тему, несмотря на возрастъ и образованіе и со всѣми былъ привѣтливъ. Никогда не былъ между нами лишнимъ и только добродушно подсмѣивался надъ нашими разговорами. Любилъ шутить и острить и былъ очень находчивъ.

Какъ-то разъ слушая наши разговоры на счетъ самоубійства, Яковъ Ѳедоровичъ замѣтилъ: „Я прожилъ больше вашего и были у меня очень тяжелыя минуты, но никогда въ жизни у меня не было мысли о томъ, что не стоитъ жить, о лишеніи себя жизни“.

„Всегда былъ добродушно настроенъ и не любилъ никакихъ ссоръ и исторій, стараясь ихъ прекратить или помирить.

Былъ всегда очень бодрый, энергичный и предпріимчивый. Не боялся ничего новаго, а напротивъ, охотно бралъ иниціативу во всякомъ новомъ дѣлѣ.

„Все-же нельзя не сказать, что въ Вильнѣ у него, собственно говоря, не было настоящихъ друзей: либо несерьезные, либо значительно моложе его, либо недоброжелательные знакомые. Былъ только одинъ другъ, генералъ-майоръ Петръ Алексѣевичъ Пахомовъ, очень образованный и много читавшій, съ которымъ Яковъ Ѳедоровичъ познакомился совершенно случайно, живя въ одномъ домѣ. Благодаря этому они очень часто видѣлись и обо всемъ разсуждали. Если при чтеніи какой-нибудь интересной книги или статьи П. А. Пахомову являлись сомнѣнія относительно прочитаннаго, или что-нибудь казалось невыясненнымъ, то онъ сейчасъ же забѣгалъ къ намъ и уже съ порога говорилъ: „Яковъ Ѳедоровичъ, какъ Вы къ этому отнесетесь?“ И Яковъ Ѳедоровичъ сейчасъ же, въ родѣ лекціи, глубоко и научно разъяснялъ все.

„Когда Якову Ѳедоровичу не хватило денегъ на покупку имѣнія и понадобилось взять ихъ въ банкѣ, то П. А. Пахомовъ безъ всякаго обязательства поручился за него.

„Но, къ сожалѣнію, этотъ другъ вскорѣ умеръ.

„Когда пріѣзжали галичане, Яковъ Ѳедоровичъ принималъ ихъ такъ же радушно и привѣтливо, какъ и всѣхъ, не дѣлая различія въ ихъ политическихъ оттѣнкахъ. Непремѣнно водилъ въ публичную бібліотеку и музей, а также въ археографическую комисію.

„Не курилъ, въ карты не игралъ, только любилъ поиграть въ шашки со своей женой, Марьей Андреевной. И всегда былъ очень доволенъ, когда ему удавалось выиграть, потому что игралъ разсѣянно и всегда попадался.

„Любилъ изрѣдка побывать въ театрѣ или на концертѣ, если было что-нибудь интересное, а особенно—чисто-русское, народное.

„Ложился спать послѣ 11 часовъ и на сонъ грядущій всегда читалъ газеты, или интересныя книги, также по утрамъ, если не спалось (вообще же, спалъ хорошо).

„Былъ бодрымъ и здоровымъ, никогда ничѣмъ не болѣлъ и очень любилъ, когда знакомые говорили ему, что онъ въ его годы легко одѣвается, скоро ходитъ и выглядитъ молодцомъ, и потому мало берегся. Это и было причиной его смерти. Когда Яковъ Ѳедоровичъ былъ въ апрѣлѣ 1888 года у заутрени въ дворцовой церкви у генералъ-губернатора, то, выходя оттуда въ 5 час. утра, надѣлъ пальто въ накидку и когда одинъ знакомый посовѣтовалъ ему одѣть въ ру-

кава, такъ какъ всетаки былъ только конецъ апрѣля, Яковъ Ѳедоровичъ возразилъ: „Ничего, тепло". И вотъ тутъ-то и схватилъ роковую болѣзнь и черезъ недѣлю его не стало.

„По праздникамъ, вмѣсто службы, любилъ отправляться одинъ куда-нибудь за городъ на прогулку. И если мы устраивали прогулки, то ни одна безъ него не обходилась.

„Въ кабинетѣ работалъ одинъ и только готовую работу давалъ иногда переписывать одной изъ дочерей, которая написала подъ его диктовку также „Пережитое и перестраданное".

„Свои труды предварительно тщательно обдумывалъ, а затѣмъ писалъ ихъ на отдѣльныхъ листахъ. Этимъ объясняется, что послѣ Якова Ѳедоровича не осталось черновиковъ и набросковъ намѣченныхъ трудовъ.

„Лѣтомъ Яковъ Ѳедоровичъ уѣзжалъ на 6 или 8 недѣль, смотря по тому, на сколько получалъ отпускъ, въ деревню, въ свое имѣніе „Вотню" на Днѣпрѣ, пріобрѣтенное имъ въ 1873 году. Тогда имѣнія были дешевы, въ особенности въ Сѣверо-Западномъ краѣ для русскихъ при уплатѣ пошлинъ дѣлали льготы. Купить имѣніе было его всегдашней мечтой. И, дѣйствительно, къ „Вотнѣ" онъ очень привязался и всѣ свои сбереженія вкладывалъ въ нее. Не могъ дождаться времени, когда онъ будетъ въ „Вотнѣ". Тамъ онъ почти не занимался литературнымъ трудомъ. Читалъ только письма и газеты, а остальное время посвящалъ физическому труду. Устраивалъ новыя дорожки, скамейки, сажалъ елочки, которыя теперь уже стали большими прекрасными деревьями и составляютъ украшеніе парка. Всегда ходилъ съ топорикомъ, маленькимъ и острымъ, и по цѣлымъ днямъ бывалъ на воздухѣ, причемъ загоралъ, терялъ въ вѣсѣ, но чувствовалъ себя превосходно. Послѣ обѣда немного спалъ, накрывшись газетою. Очень любилъ купаться и ежедневно купался, иногда даже нѣсколько разъ въ день и не особенно обращая вниманіе на погоду. Былъ великолѣпнымъ плавцомъ. Любилъ кататься по лѣсу и всегда говорилъ съ любовью: „Моя Вотня". Охотой и рыбной ловлей вовсе не занимался. Верхомъ даже не ѣздилъ, но когда поѣхалъ на археологическій съѣздъ на Кавказъ, то тамъ ѣздилъ верхомъ, чѣмъ поражалъ всѣхъ.

„Письма очень любилъ получать и скоро на нихъ отвѣчалъ. Вообще, въ перепискѣ былъ очень аккуратенъ, отвѣчая всѣмъ своевременно и часто сохраняя даже черновики. Переписывался съ русскими въ Россіи и въ Галичинѣ.

„Всегда содѣйствовалъ переѣзду галичанъ въ Россію и когда они бывали проѣздомъ въ Вильнѣ, принималъ ихъ радушно. То же самое было, когда пріѣзжали И. Г. Наумовичъ, съ которымъ даже снимался, и В. М. Площанскій".

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Я. Ѳ. Головацкаго.

Примѣчаніе. **Я. Ѳ. Головацкій** имѣлъ слѣдующіе *криптонимы:* 1) **Я.** „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки", 1847 г.; „Слово", 1879 и 1880 гг.; 2) **Я. Г.** „Русалка Днѣстровая", 1837 г.; „Зоря Галицкая", 1850 и 1851 гг.; „Слово", 1862, 1863, 1875, 1877, 1879, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885 и 1886 гг.; „Новый Проломъ", 1883 и 1884 гг.; 3) **Я. Г—кій.** „Слово", 1877 г.; 4) **Я. Ѳ.** „Слово", 1881 г.; 5) **Я. Ѳ. Г.** „Слово", 1862 и 1885 гг.; „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи", 1862 г.; „Ластовка", 1874 г. и *псевдонимы:* 1) **Ярослав Головацкій**; 2) **Гаврило Русинъ**; 3) **Балагуръ Яцько.**

1837.

Въ сборникѣ **„Русалка Днѣстровая"** (Будапештъ, 1837, 8⁰, стр. VI+XX+135), изданномъ „галицко-русскою тройцей"—Маркіаномъ Семеновичемъ Шашкевичемъ, Иваномъ Николаевичемъ Вагилевичемъ и Яковомъ Ѳедоровичемъ Головацкимъ, послѣдній помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія —

Два вѣночки (за подписью Ярослав Головацкій; стр. 68—70);

Три тузѣ (за подписью **Я. Г.**; съ сербскаго; стр. 107—108);

Смерть милих (за подписью Ярослав Головацкій; съ сербскаго; стр. 108) и статью—

Коротка вѣдомость о рукописах Славянских и Руских, находящихся в книжници Монастыря Св. Василія Вел. у Львовѣ (за подписью Ярослав Головацкій; стр. 122—129).

1841.

Великая Хорватія или Галицко-Карпатская Русь. „Москвитянинъ", Москва, 1841. (Эта же статья, подъ заглавіемъ „Велика Хорватія або Галичско-Карпатская Русь", была напечатана, за подписью **Я.**, въ изданіи „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки, часть вторая", Вѣна, 1847, стр. 133—206).

Cesta po halické a uherské Rusi. „Časopis českého Museum", Прага, 1841, книга II, стр. 183—223; книга III, стр. 302—317; книга IV, стр. 423—437.

1842.

Cesta po halické a uherské Rusi (окончаніе). „Casopis českého Museum", Прага, 1842, книга I, стр. 42—62.

1846.

Въ сборникѣ „Вѣнок Русинам на обжинки, часть первая“ (Вѣна, 1846, 16⁰, стр. 215) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующіе 23 перевода сербскихъ народныхъ пѣсенъ:

Вôвчарь та дѣвчина (стр. 166—167);
Оден милый та и той далеко (стр. 168);
Не ма' гаразду с вдовицею (стр. 169);
Заручена с Воєводою Степаном (стр. 170—171);
Знаки чемнои дѣвчины (стр. 172);
Выхованьє (стр. 173—174);
Дѣвчина молодцям вслугує (стр. 175);
Що кому до уподобы (стр. 176);
Донька розумнѣйша (стр. 177);
Котра неньки не послухає (стр. 178—180);
Рада милѣй (стр. 181);
Згадка (стр. 182);
Шкода час марновати (стр. 183);
Дѣвочій суд (стр. 184);
Дамьян и єго любка (стр. 185);
Уволена воля (стр. 186);
Нещасна (стр. 187);
Зависть (стр. 188—193);
Три тузѣ (перепечатано изъ „Русалки Днѣстровой“; стр. 194—195);
Смерть милих (перепечатано изъ „Русалки Днѣстровой“; стр. 196);
Асан-Агиниця. Далматинская пѣсня (стр. 197—201);
Попови (стр. 202—203) и
Школяреви (стр. 204), а также двѣ статьи —
Память Маркіяну Руслану Шашкевичу (біографія; стр. 49—66) и
Народніи Сербскіи пѣсни сочинен. и переведен. Я. Ѳ. Головацким. (стр. 153—165).

Zustände der Russinen in Galizien (за подписью Гаврило Русинъ). „Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft“, Лейпцигъ, 1846 и отдѣльный оттискъ въ 8⁰, стр. 22.

1847.

Въ сборникѣ „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки, часть вторая“ (Вѣна, 1847, 16⁰, стр. XII+396) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія—

Весна (стр. 109—112);
Туга за родиною (написано въ Будапештѣ въ 1835 г.; стр. 113—116);
Два вѣночки (перепечатано изъ „Русалки Днѣстровой“; стр. 117—118);
Рѣчка (стр. 119—120) и
Надъ Прутомъ (стр. 121—122) и прозою—

Велика Хорватія або Галичско-Карпатская Русь (за подписью **Я.**; стр. 133—206);

Подѣлъ часу у Русинôвъ (стр. 240—254);

Слова витанья, благословенства, чемности и обычайности у Русинôвъ (стр. 255—261);

Вороженьє у Русинôвъ (за подписью Балагуръ Яцько; стр. 262—272);

Добри дѣти вѣнець. Можебылиця (за подписью Балагуръ Яцько; стр. 338—345);

Казки за Жидôвъ (всего 6; за подписью Балагуръ Яцько: стр. 346—362);

Казки за Цыганôвъ (всего 8; за подписью Балагуръ Яцько: стр. 363—376);

Приказочки (всего 15; за подписью Балагуръ Яцько; стр. 377—392);

Байка и небылицѣ (всего 5; за подписью Балагуръ Яцько; стр. 393—396), а также переложеніе съ общерусскаго литературнаго языка на галицко-русское нарѣчіе трехъ сочиненій:

Ник. Маркевичъ. Лѣточисчительный списъ державцѣвъ Малоросіи. (Эта статья взята изъ сочиненія Н. А. Маркевича „Исторія Малороссіи", томъ 5 (Москва, 1843), причемъ къ переложенію Я. Ѳ. Головацкій сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній; стр. 65—90) и двухъ народныхъ сказокъ В. И. Даля—

У тебе самого є свôй розумъ (стр. 317—320) и

Шило въ мѣшку, а грѣхъ на совѣсти не утаишь (стр. 320—331).

1849.

Росправа о языцѣ южнорускôмъ и его нарѣчіяхъ. Сочинена Яковомъ Головацкимъ, читана въ общемъ засѣданію на съѣздѣ ученыхъ рускихъ 23 Жовтня 1848 г. н. ч. у Львовѣ. Изданіе Галицко-Русской Матицы, Львовъ, 1849, 8°, стр. 56. (Эта „Росправа" была затѣмъ перепечатана въ изданіи „Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ", Львовъ, 1850, стр 17—80).

Граматика руского языка. Изданіе Галицко-Русской Матицы, Львовъ, 1849, 8°, часть I, стр, 56; часть II, стр. 57+219+5

Граматика руского языка, составлена Яковомъ Головацкимъ, ц. к. професоромъ руского языка и словесности руской при всеучилищи львовскомъ. Изданіе Галицко-Русской Матицы, Львовъ, 1849, 8°, стр. 219+5.

Три вступительніи преподаванія о руской словесности, сочиненіе Якова Головацкого, публ. Профессора Руского языка и Словесности Рускои при ц к. Львовскомъ Университетѣ. Изданіе Галицко-Русской Матицы, Львовъ, 1849, 8°, стр 28.

Иванъ Котляревскій (біографія). „Пчола", Львовъ, 1849, № 3.

1850.

Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ и справоզданье первого собору ученыхъ рускихъ и любителей народного просвѣщенія. Составлено Яковомъ Головацкимъ. Изданіе Галицко-Русской-Матицы, Львовъ, 1850, 8⁰, стр. СХХ+111+2+ХХІ.

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1850) Я. Ѳ. Головацкій (за подписью **Я. Г.**) помѣстилъ двѣ статьи:

Де що о дѣловôмъ языцѣ у насъ на Руси (№ 17) и

Окружное посланіе Михаила Рогозы, митрополита кіевского, галицкого и всея Россіи (№ 26).

1851.

Въ журналѣ „Зоря Галицкая" (Львовъ, 1851) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

О митрополитѣ Руси Иларіонѣ (№ 23) и

Важный историческій вопросъ (за подписью **Я. Г.**; № 31).

1853.

Ueber Ihors Heereszug gegen die Polowcer. „Viertes Programm des k. k. akademischen Staats Gymnasiums in Lemberg am Schlusse des Schuljahres 1853", Львовъ, 1853, стр. 1—28.

1854.

Хрестоматія церковно-словенская и древно-руская въ пользу учениковъ вышшой гимназіи въ ц. к. Австрійской державѣ, составилъ Яковъ Головацкій публ. орд. професоръ руского языка и словесности рускои въ ц. к. Львовскомъ университетѣ. Изданіе правительства, Вѣна, 1854, 8⁰, стр. 358.

1856.

Lehrbuch der Geometrie für die Unterrealschulen mit eingeschalteter Terminologie in ruthenischer Sprache. Вѣна, 1856, 8⁰, стр. 316. (Русскій переводъ терминологіи сдѣланъ Я. Ѳ. Головацкимъ).

1860.

Въ сборникѣ „Зоря Галицкая яко Альбумъ на гадъ 1860" (Изданіе Б. А. Дѣдицкаго. Львовъ, 1860) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

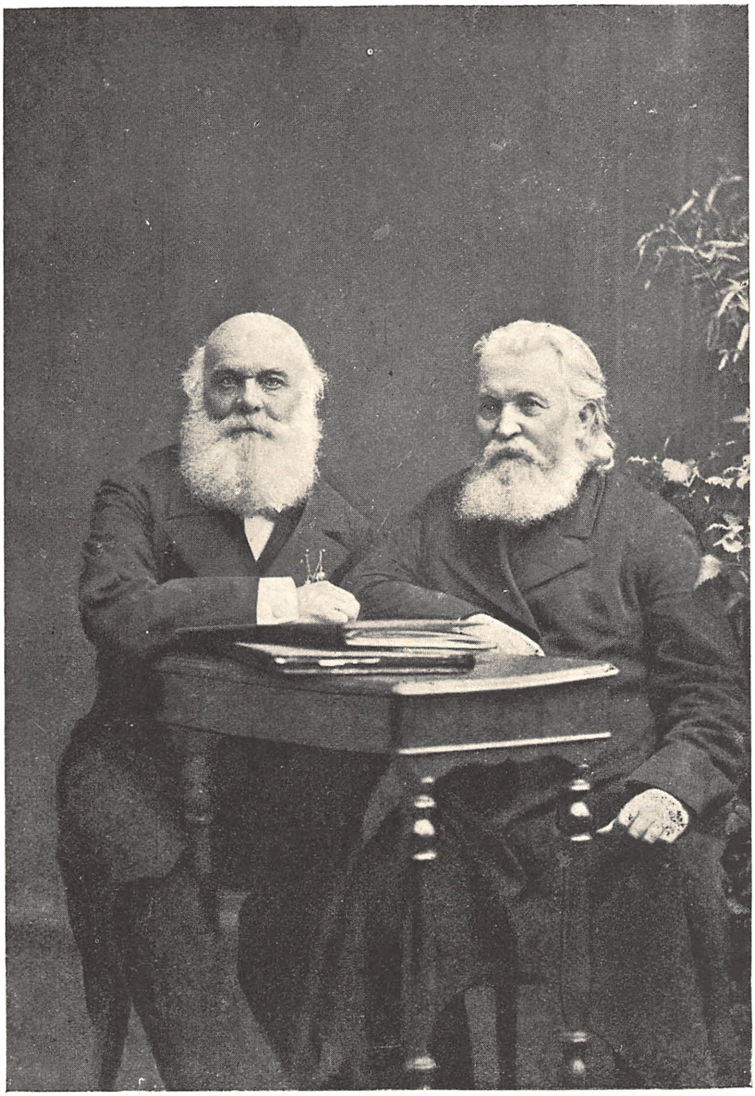
Львовская руская епархія передъ стома лѣты по донесенію, поданому до римской куріи Преосвященнѣйшимъ Львомъ Шептицкимъ (стр. 251—269 и отдѣльное изданіе въ 8⁰, стр. 21) и

Начало и дѣйствованіе Львовского Ставропигійского братства (стр. 431—476 и отдѣльное изданіе въ 8⁰, стр. 48).

Очеркъ старославянского баснословія или миѳологія. Львовъ, 1860, 16⁰, стр. 105+2.

1861.

О рукописномъ молитвенникѣ старочешскомъ съ XIV—XV вѣка, хранящемся въ университетской библіотекѣ во Львовѣ. Прага, 1861, 4⁰, стр. 24.

Я. Ѳ. Головацкій и И. Г. Наумовичъ въ 1883 г.

По фотографіи А. Страуса и К° въ Вильнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

Einige Worte über den vom Min.-Secretär Joseph Jireček gemachten Vorschlag das Ruthenische mit lateinischen Schriftzeichen zu schreiben. „Ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien“, Львовъ, 1861, стр. 112—157.

1862.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1862) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

Стипендія Геровскаг о (за подписью **Я. Г.**; № 7) и

Денисъ Зубрицкій (за подписью **Я. Ѳ. Г.**; №№ 9—12). Этотъ же некрологъ, съ небольшими измѣненіями, перепечатали: „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, Кіевъ, 1862, т. 1, стр. 56—61 и 219—229; „Сѣверная Пчела“, Петроградъ, 1862, №№ 55 и 58 и Н. А. Поповъ въ изданіи „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“, Москва, 1880, вып. 3, стр. 537—545).

Въ журналѣ „Основа“ (Петроградъ, 1862) Я. Ѳ. Головацкій (безъ подписи) помѣстилъ двѣ статьи:

Русины въ 1848. Памяти Т. Г. Шевченка (№ 4. Эта статья была затѣмъ перепечатана въ газетѣ „Слово“, Львовъ, 1863, №№ 37—39, 41—45, 47, 48, 50 и 51) и

Объ отношеніяхъ Галицкихъ Русиновъ къ сосѣдамъ (№ 5).

1863.

Въ литературномъ сборникѣ „**Галичанинъ**“, книга I, вып. 2 (Львовъ, 1863), издававшемся Я. Ѳ. Головацкимъ и Б. А. Дѣдицкимъ, первый помѣстилъ двѣ статьи:

Порядокъ школьный или Уставъ Ставропигійской школы во Львовѣ 1586 года (стр. 69—78 и отдѣльное изданіе въ 8°, стр. 12+1 снимокъ съ рукописи) и

Письмо о галицко-руской словесности профессора Михаила Максимовича, писанное въ 1840 году изъ Кіева (стр. 107—113).

Библіографія галицко-руская съ 1772—1848 года. „Галичанинъ, литературный сборникъ“, Львовъ, 1863, книга I, выпуски 3—4, стр. 309—327.

Литературныи извѣстія изъ Украины (за подписью **Я. Г.**). „Слово“, Львовъ, 1863, № 100.

Хронологическая роспись вписныхъ братій прежде братства Львовского Успенія Пресвятыя Богородицы, нынѣ же Института Ставропигійского. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1864 годъ, Львовъ, 1863, стр. 81—91.

1864.

Спростованье (касающееся гонорара за составленіе) „Руско-нѣмецкого и нѣмецко-руского списка слôвъ“. „Вѣстникъ“, Вѣна, 1864, № 72.

1865.

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ 1865) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Библіографія (стр. 54—60);

Библіографическій списокъ русскихъ книгъ, изд. въ 1864 г. (стр. 60—64);

О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи со временъ Австрійского владѣнія въ той землѣ (стр. 65—103 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 39);

Памятники дипломатического и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ Галицко-Володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ, съ второй половины XIV столѣтія (начало; стр. 181—200);

Переписка Галицко-русской Матицы (стр. 201—208) и

Нѣсколько словъ о Библіи Скорины и о рукописной русской библіи изъ XVI столѣтія, обрѣтающейся въ библіотецѣ монастыря Св. Онуфрія во Львовѣ (стр. 225—256 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 32).

1866.

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1866) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Памятники дипломатического и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ Галицко-Володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ, съ XIV и XV столѣтія (продолженіе; стр. 36—56);

Библіографическій списокъ русскихъ книгъ изданныхъ въ 1865 году (стр. 69—76);

Литературныи извѣстія (Науковое путешествіе по Россіи; стр. 348—359) и

Карлъ Ивановичъ Кузманій (некрологъ; стр. 363—366).

Въ книгѣ „Читанка руская для низшои гимназіи. Часть II“ (Львовъ, 1866) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ:

Брескини. Изъ нѣмецкого (разсказъ; стр. 240—241) и

Описаніе печеры богини Калипсы. Переводъ изъ сочиненія Фенелона (статья; стр. 250—251).

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1867 годъ (Львовъ, 1866) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ:

Львовское ставропигійское братство и князь Острожскій (стр. 66—70) и

Письма князя Константина Острожскаго (стр. 70—84. Статья и письма были затѣмъ напечатаны вмѣстѣ отдѣльнымъ изданіемъ въ 8°, стр. 19).

1868.

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1868) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ три сочиненія:

Запорозцы въ Банатѣ (стр. 109—110);

Дары въ народную библіотеку (стр. 191—198) и

Памятники дипломатического и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ Галицко-Володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ рус-

скихъ областяхъ, въ XIV и XV столѣтіяхъ (окончаніе; стр. 135—161. Все это изслѣдованіе, помѣщенное въ „Науковомъ Сборникѣ“ за 1865—1867 гг. было также напечатано и отдѣльнымъ изданіемъ, Львовъ, 1867, 8⁰, стр. 68).

О костюмахъ или народномъ убранствѣ Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверовосточной Венгріи. Петроградъ, 1868, 8⁰, стр. 67.

1869.

Историческія свѣдѣнія о Буковинѣ. „Виленскій Вѣстникъ“, Вильна, 1869.

1871.

Червоннорусская литература. „Поэзія Славянъ“ Н. В. Гербеля, Петроградъ, 1871, стр. 197—204.

Въ „Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869“ (Москва, 1871) Я. Ө. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

Объ археологическихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ въ сѣверозападномъ краѣ (стр. 147—152) и

Объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохраняющихся въ Галичинѣ и Буковинѣ (стр. 219—242 и отдѣльный оттискъ въ 4⁰, стр. 24).

Козаки въ Австріи (статья). „Руска Читанка, часть II“ Емельяна Партыцкаго, Львовъ, 1871, стр. 439.

1872.

Записка о необходимости снабженія публичныхъ и другихъ библіотекъ въ Россіи книгами на славянскихъ языкахъ и сочиненіями о славянствѣ. Москва, 1872, 8⁰, стр. 24.

1873.

Библіографическія находки во Львовѣ. Типографія Императорской Академіи Наукъ, Петроградъ, 1873, 8⁰, стр. 43. (Это сочиненіе было перепечатано въ газетѣ „Слово“, Львовъ, 1874, №№ 22—25).

1874.

Мнѣніе и сужденіе Поляка о Русинахъ 300 лѣтъ тому назадъ (за подписью **Я. Г.**). „Слово“, Львовъ, 1874, № 46.

На веснѣ (за подписью **Я. Ө. Г.**; стихотвореніе); „Ластовка“ Львовъ, 1874, №№ 8 и 9.

Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, содержащее книги и статьи пропущенныя въ первомъ выпускѣ хронологическаго указателя славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 годъ въ особенности же перечень галицко-русскихъ изданій церковной печати. Приложеніе къ 24 тому „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“, Петроградъ, 1874, 8⁰, стр. 96.

1875.

Галицкій князь Романъ Мстиславичъ, картина Н. В. Неврева (за подписью **Я. Г.**; статья). „Слово“, Львовъ, 1875, № 113.

Карпатская Русь. Географическо-статистическіе и историческо-этнографическіе очерки Галичины, сѣверовосточной Угріи и Буковины. „Славянскій Сборникъ“, Петроградъ, 1875, томъ I, стр. 1—30. (Окончаніе этого сочиненія появилось въ „Славянскомъ Сборникѣ“ за 1877 годъ).

1876.

Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверовосточной Угріи и Буковинѣ, составленная Яковомъ Ө. Головацкимъ. Вѣна, 1876, на открытомъ листѣ. (Эта же карта приложена къ сочиненіямъ Я. Ө. Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, часть I и „Карпатская Русь“, „Славянскій Сборникъ“, Петроградъ, 1875, томъ I).

Sweipolt Fiol und seine kyrillische Buchdruckerei in Krakau, 1491. „Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der k. Akademie der Wissenschaften in Wien“ Вѣна, 1876, LXXXVIII, стр. 425—448 и отдѣльное изданіе въ 8⁰, стр. 26.

1877.

Карпатская Русь. Географическо-статистическіе и историческо-этнографическіе очерки Галичины, сѣверовосточной Угріи и Буковины. „Славянскій Сборникъ“, Петроградъ, 1877, томъ II, стр. 55—84. (Начало этого сочиненія появилось въ „Славянскомъ Сборникѣ“ за 1875 годъ).

О народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галиціи и сѣверовосточной Венгріи. Петроградъ, 1877, 8⁰, стр. 85+5 картинъ. (Это сочиненіе было перепечатано въ журналѣ „Родимый Листокъ“, Черновцы, 1881, №№ 14, 15—23 и 1882, № 1).

Книга о новомъ календарѣ, напечатанная въ Римѣ въ 1596 году. Петроградъ, 1877, 8⁰, стр. 7.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1877) Я. Ө. Головацкій помѣстилъ три статьи:

Іосифъ Раячичъ. Историческое воспоминаніе (за подписью **Я. Г.**; № 56);

Попытки и старанія римской куріи ввести григоріанскій календарь у Славянъ православныхъ и уніатовъ (за подписью **Я. Г—кій;** №№ 121—129) и

Памяти Димитрія Головацкаго (за подписью **Я. Г—кій;** №№ 130, 131—133, 135 и 136 и отдѣльный оттискъ въ 8⁰, стр. 29).

1878.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я Ө. Головацкимъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1878, 8⁰, въ трехъ частяхъ (четырехъ книгахъ):

Часть I. Думы и Думки. Стр. 557+747+388+11+„Этнографиче-

Яковъ Өедоровичъ Головацкій въ 1887 г.

По фотографіи Флери и Бачанскаго въ Вильнѣ.

ская карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверовосточной Угріи и Буковинѣ"+5 картинъ.

Часть II. Обрядныя пѣсни. Стр 841+11+6 картинъ.

Часть III. Разночтенія и дополненія. Отдѣленіе I. Думы и Думки. Стр. 523+111+5 картинъ.

Часть III. Разночтенія и дополненія. Отдѣленіе II. Обрядныя пѣсни. Стр. 556+16+LXXX+11+4 картины. (Первоначально весь этотъ трудъ былъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ" Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", 1863, кн. 3 и 4; 1864, кн. 1, 3 и 4; 1865, кн. 4; 1866, кн. 1 и 3; 1867, кн. 2; 1870, кн. 3 и 4; 1871, кн. 1, 2 и 4; 1872, кн. 1, 2, 3 и 4; 1876, кн. 1, 2 и 3; 1877, кн. 2).

1879.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1879) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующія сочиненія: корреспонденціи —

Изъ Вильны (за подписью **Я. Г.**; № 10);

Отъ русской границы (за подписью **Я.**; № 11) и статьи (за подписью **Я. Г.**) —

Воспоминанія о давно прошедшемъ 65-лѣтняго старика (№№ 22 и 23);

Воспоминанія изъ начала настоящаго столѣтія (№ 44);

Недовѣсокъ до статьи: «Воспоминанія изъ начала настоящаго столѣтія» (№ 52);

Древнія преданія о городѣ Галичѣ и его окрестности (№№ 119 126) и

Львовъ и Могилевъ, взаимныя сношенія и отношенія между Львовянами и Могилевцами въ былое время (№ 125).

1880.

Дневныя записки игумена Брестъ-Литовскаго Аѳанасія Филиповича (за подписью **Я.**; статья). „Слово", Львовъ, 1880, № 36.

1881.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1881) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующія статьи:

Фондъ царскаго вина въ Карловарахъ въ Чехіи (за подписью **Я. Г.**; № 18);

Воспоминаніе о Достоевскомъ (за подписью **Я. Г.**; № 19);

Польская ученость (за подписью **Я. Ѳ.**; критика библіографіи Эстрейхера; №№ 20 и 21);

Записки василіянскаго суперіора Костецкого (за подписью **Я. Г.**; № 28) и

Изъ Варшавы (Русскія буквы и Поляки; за подписью **Я. Г.**; № 61).

1882.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1882) Я. Ѳ. Головацкій (за подписью **Я. Г.**) помѣстилъ три статьи:

Кое что изъ польской литературы. Изъ записокъ И. Д. Охотскаго (№№ 36—40);

Изъ лѣтописи Ганненской церкви (№ 68) и

Изъ Литвы. Еще одно доказательство въ пользу единства русскаго народа и русскаго языка (№ 99).

1883.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1883) Я. Ө. Головацкій (за подписью **Я. Г.**) помѣстилъ три статьи:

Русская Лѣтопись (Приготовленія къ коронаціи. Успенскій соборъ. Петръ митрополитъ; №№ 49—52);

Янъ Собѣскій писалъ по-польски русскими буквами (№№ 114 и 115) и

Доблесть нашихъ предковъ (№ 146. Всѣ три статьи вышли и отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ заглавіемъ *„Изъ настоящихъ и давнихъ временъ"*, Львовъ, 1883, 16°, стр. 30).

Въ газетѣ „Новый Проломъ" (Львовъ, 1883) Я. Ө. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

Нѣсколько словъ о іезуитахъ (№№ 13—14) и

Историческая правда о полякахъ и евреяхъ въ б. Польшѣ (за подписью **Я. Г.**; №№ 53 55 и отдѣльный оттискъ въ 16°, стр. 32).

Въ журналѣ „Кіевская Старина" (Кіевъ, 1883) Я. Ө. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

Судьба одного галицко-русскаго ученаго. Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича (книга 7, стр. 453—472) и

Къ исторіи галицко-русской письменности. Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину (книга 8, стр. 645—663).

1884.

Географическій словарь западнославянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Съ приложеніемъ географической карты. Вильна, 1884, 8°, стр. XXXII+371+1.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1884) Я. Ө. Головацкій помѣстилъ слѣдующія статьи:

Изъ западной Россіи (Педагогическая дѣятельность Галичанъ въ Россіи; за подписью **Я. Г.**; № 11);

Духъ ученія двухъ церквей: восточной и западной (за подписью **Я. Г.**; № 14);

Которое нарѣчіе болѣе сродно галицко-русскому: смежное ли мазурское, или дальнее московское (за подписью **Я. Г.**; № 62) и

Библіотека „Народнаго Дома" (письмо къ Б. А. Дѣдицкому; № 127).

Въ газетѣ „Новый Проломъ" (Львовъ, 1884) Я. Ө. Головацкій (за подписью **Я. Г.**) помѣстилъ двѣ статьи:

Польская вольность (№ 129) и

Толки польскихъ политиковъ и истинныя историческія событія (№ 151)

1885.

Пережитое и перестраданное. Записки Я. Ѳ. Головацкаго. (Воспоминаніе о Маркіанѣ Шашкевичѣ и Иванѣ Вагилевичѣ. Изданіе „Вѣнковъ" и „Zustände der Russinen" въ 1846 и 1847 г. Вспоминки изъ дѣтскихъ и школьныхъ лѣтъ). „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1885, стр. 10—41 и 127—140.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1885) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ слѣдующія статьи:

Слово правды (за подписью **Я. Ѳ. Г.**; № 26);

Литературные отзывы (за подписью **Я. Г.**; № 69);

Историческая правда о Польшѣ и Полякахъ (за подписью **Я. Г.**; № 70);

Къ предстоящему празднованію 300-лѣтней годовщины основанія Ставропигійскаго Института (за подписью **Я. Г.**; №№ 100 и 101);

О Шематизмѣ на рôкъ 1885 и Схиматісмѣ на годъ 1885 (за подписью **Я. Г.**; №№ 100 и 101);

Историческія разслѣдованія о нашихъ церковныхъ дѣлахъ (за подписью **Я Г.**; №№ 102—104) и

О языческомъ кладбищѣ въ Беремянахъ (за подписью **Я. Г**. №№ 134 и 135).

Монастыри юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь. Петроградъ, 1885, 8°, стр. 15+картина: „Видъ Креховскаго монастыря съ гравюры Дениса Сѣнкевича 1699 года". (Эта брошюра въ Австріи запрещена).

1886.

Пережитое и перестраданное. Записки Я. Ѳ. Головацкаго. (Литературныя занятія Я. Ѳ. Головацкаго по окончаніи богословскихъ студій въ 1840 г. Жизнь Якова Ѳедоровича на капеляніи въ Микитинцахъ и на приходствѣ въ Хмелевой отъ 1842—1848 г.). „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1886, стр. 198—207.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1886) Я. Ѳ. Головацкій (за подписью **Я. Г.**) помѣстилъ слѣдующія статьи:

Матеріалы къ исторіи Галичины съ 1772 года (№№ 7 и 8);

Литературные отзывы (№№ 13 и 14);

Lucida intervalla одного рьянаго украйномана (П. А. Кулиша; №№ 41 и 42);

Краковская Академія Наукъ (№№ 91 и 92);

Посѣщеніе Ихъ Императорскими Высочествами гор. Динабурга (№№ 96 и 97) и

Нѣсколько словъ въ защиту дорогой памяти Дениса Ив. Зубрицкаго (№№ 111 и 114).

Галичанка (стихотвореніе). „Руска Читанка" Емельяна Партыцкаго, Львовъ, 1886, стр. 216.

Замѣтки и дополненія въ статьѣ Пыпина «Обзоръ малорусской этнографіи». „Русскій Вѣстникъ", Петроградъ, 1886, № 11, стр. 309—361.

1887.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1887) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ три статьи:

«Ювилейное изданіе» Ставропигійского Института. Письмо въ редакцію (№ 14);

Два юбилея для Поляковъ и Русскихъ 1686 и 1767 гг (№№ 26—28) и

Какъ жилось русскому народу въ золотой вѣкъ цвѣтущей Польши (№№ 55 и 56).

Въ газетѣ „Новый Проломъ" (Львовъ, 1887) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ двѣ статьи:

Первые учебники Галицкой Руси подъ австрійскимъ правительствомъ, изданные сто лѣтъ тому назадъ (№ 426) и

Возобновимъ старину (№ 481).

Въ журналѣ „Бесѣда" (Львовъ, 1887) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ:

Первенцы галицко-русской письменности съ 1840 годовъ (№ 5) и

Библіографическая рѣдкость (Польская книга, изданная въ 1754 г. подъ заглавіемъ „Postny Obiad"; № 15).

На какомъ пространствѣ земного шара господствуетъ православіе и употребляется славяно-русская азбука. „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости", Вильна, 1887, № 19 и отдѣльный оттискъ въ 8⁰, стр. 10.

Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигіальнаго братства. „Кіевская Старина", 1887, № 5, стр. 198—200.

1888.

Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна, 1888, 8⁰, стр. 87.

Протестъ Пинскаго православнаго духовенства 1595 года противъ введенія уніи. Оттискъ изъ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", Вильна, 1888, 8⁰, стр. 7.

Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Вильна, 1888, 8⁰, стр. 47.

Въ „Червоной Руси" (Львовъ, 1888) Я. Ѳ. Головацкій помѣстилъ:

Состояніе Галичанъ во время Голуховщины (№№ 12 и 16) и

Метрика литовская, какъ богатый источникъ для исторіи Галичины (№ 23).

Посмертныя изданія.

Новооткрытый источникъ для церковной исторіи Галицкой Руси XIV столѣтія. „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1889 и отдѣльный оттискъ въ 8⁰, стр. XIX.

Въ „Литературномъ приложеніи къ «Червоной Руси»" (Львовъ, 1889) напечатаны двѣ посмертныя статьи Я. Ѳ. Головацкаго:

Обозрѣніе славяно-русской письменности и народнаго образованія въ Червоной Руси до занятія Галиціи и Лодомеріи австрійскимъ кордономъ (№№ 1—8) и

Послѣдній трудъ бл. п. Якова Ѳ. Головацкаго (три письма къ О. А. Маркову; № 1).

Памятникъ Я. Ѳ. Головацкому на его могилѣ.

(На Евфросиніевскомъ кладбищѣ въ Вильнѣ.)
По фотографіи.

Воспроизводится въ печати впервые.

Изданія, предисловія и другія сочиненія Я. Ѳ. Головацкаго.

Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreich Deutsch-ruthenische Separat Ausgabe. Вѣна, 1851, 8⁰, стр. XIII+5+294. (Въ составленіи этой юридическо-политической терминологіи, содержащей около 17.000 словъ, принимали участіе Я. Ѳ. Головацкій, Григорій Шашкевичъ и Юліанъ Выслобоцкій).

Чинъ священныя и божественныя Литургіи бываемыя сице въ гр. каѳ. церкви, съ переводомъ нѣмецкимъ и польскимъ. Издалъ Яковъ Головацкій. Львовъ, 1858, 8⁰, стр. 268. (Это изданіе является совмѣстнымъ трудомъ Я. Ѳ. Головацкаго и Д. И. Зубрицкаго. См. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“, Москва, 1880, вып. 3, именно письма отъ 26 окт. 1856 г. и 9 апр. 1858 г.).

Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej. Историческіи записки Ѳеодосія Бродовича, Архи-Пресвитера греч. уніят. капитула Луцкого о событіяхъ на Волынѣ и Подолью въ 1789 г. Часть I. Львовъ, 1861, 8⁰, стр. 129; второе изданіе, Львовъ, 1861, 8⁰, стр. VII+125+1. Часть II. Львовъ, 1862, 8⁰, стр. 246. (I часть этихъ „Записокъ“, открытыхъ А. С. Петрушевичемъ (см. его трудъ „Сводная галическо-русская лѣтопись“, Львовъ, 1889, стр. 286), была издана Б. А. Дѣдицкимъ съ предисловіемъ Я. Ѳ. Головацкаго. Все изданіе въ 500 экземпляровъ публика раскупила нарасхватъ въ теченіе 6 недѣль. Второе изданіе I части „Записокъ“, равно какъ и II ихъ часть, вышедшая въ 1862 году, изданы Я. Ѳ. Головацкимъ).

Die Stadt Lemberg im Jahre 1809 unter oesterreichischer, polnischer und russischer Regierung. Tagebuch eines Augenzeigen. Львовъ, 1862, 8⁰, стр. IV+49. (Эта брошюра издана Я. Ѳ. Головацкимъ, который написалъ къ ней также предисловіе).

Замѣтка на статью «Современника» «Національная безтактность». Второе изданіе. Львовъ, 1864, 8⁰, стр. 32. (Авторъ этой брошюры С. Гогоцкій. Первое изданіе появилось въ Кіевѣ. Я. Ѳ. Головацкій перепечаталъ кіевское изданіе во Львовѣ въ 1864 г. и прибавилъ къ брошюрѣ польскій стишокъ Б. А. Дѣдицкаго „Nie ma Rusi“ и русскій переводъ этого стишка Н. И. Костомарова).

Акты Виленской археографической комиссіи. Томъ III. Вильна, 1870, 4⁰, стр 400. (Съ предисловіемъ Я. Ѳ. Головацкаго).

Алексѣй Стороженко. Эпизодъ изъ поѣздокъ по Литвѣ и Бѣлоруссіи. „Слово“, Львовъ, 1877, №№ 24, 26—29. (Съ предисловіемъ Я. Ѳ. Головацкаго).

Украйнофильство и г. Костомаровъ. „Слово“, Львовъ, 1881, № 60. (Съ примѣчаніями Я. Ѳ. Головацкаго).

А. Демьяновичъ. Публичная лекція ксендза Калинки на тему объ уничтоженіи Руси и ея обряда подъ заглавіемъ: «Дѣло русинское на четырехлѣтнемъ сеймѣ». „Слово“, Львовъ, 1884, №№ 34 и 37. (Съ предисловіемъ Я. Ѳ. Головацкаго).

Литература объ Я. Ѳ. Головацкомъ.

Переписка.

Студинскій. „Кореспонденція Якова Головацького“: за 1850-1862 гг., Львовъ, 1905; за 1835—1849 гг., Львовъ, 1909.

Біографіи и характеристики.

„Я. Ф. Головацкій“. „Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 года“, Москва, 1867, стр. 113—121.

Торонскій. „Я. Ѳ. Головацкій“. „Руская Читанка“, Львовъ, 1868, стр. 256.

Н. М. Огоновскій. „Я. Ѳ. Головацкій“ (съ портретомъ). „Родимый Листокъ“, Черновцы, 1881, № 2.

И. Е. Левицкій. „Яковъ Головацкій и Пант. Кулѣшь“. „Дѣло“, Львовъ, 1886, №№ 48, 49 и 51.

И. П. Корниловъ. „Дополненіе къ «сообщенію о Я. Ѳ. Головацкомъ»“. „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“, Вильна, 1888, № 33.

О. А. Мончаловскій. „Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Бесѣда“, Львовъ, 1888, № 10.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (съ портретомъ). „Наука“, Вѣна, 1888, стр. 273—292.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Червоная Русь“, Львовъ, 1888, №№ 50—51.

„Яковъ Головацкій“ (некрологъ). „Дѣло“, Львовъ, 1888, № 103.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ, съ портретомъ). „Нива“, Петроградъ, 1888, № 39.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Газета А. Гатцука“, Москва, 1888, № 1.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Волынскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1888, № 15.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Волынь“, Житомиръ, 1888, № 56.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Донъ“, 1888, № 56.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, Петроградъ, 1888, № 6.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Историческій Вѣстникъ“, Петроградъ, 1888, № 7.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“, Вильна, 1888, №№ 19 и 21.

„Я. Ѳ. Головацкій“ (некрологъ). „Подольскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1888, № 41.

„Я. Ѳ. Головацкій“. „Православное Обозрѣніе“, 1888, №№ 5—6.

„Памяти Іакова Ѳеодоровича Головацкаго, Предсѣдателя Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ“. Оттискъ изъ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, Вильна, 1888, 8°, стр. 35.

Протоіерей Іоаннъ Котовичъ. „Слово надъ гробомъ Якова Ѳ. Головацкаго“, „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“, Вильна, 1888, № 19 и „Православное Обозрѣніе“, 1888, №№ 5—6.

Ѳ. М. Истоминъ. „Я. Ѳ. Головацкій". „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества", 1888, №№ 4—5.

В. М. Площанскій: 1) „По поводу кончины Я. Ѳ. Головацкаго" (за подписью П, Галичанинъ), „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости", Вильна, 1888, № 19 и „Виленскій Вѣстникъ", 1888, № 94 и 2) „Прощальная рѣчь", „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости", Вильна, 1888, № 19 и „Виленскій Вѣстникъ", 1888, № 96.

М. Г—кій. „Я. Ѳ. Головацкій" (некрологъ, съ портретомъ). „Всемірная Иллюстрація", Петроградъ, 1888, №№ 1015 и 1016.

Теобальдъ. „Погребеніе Я. Ѳ. Головацкаго". „Виленскій Вѣстникъ", 1888, № 96.

М. И. Тындюкъ: 1) „Письмо Якова Ѳ. Головацкаго", „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1890 годъ, Львовъ, 1889, стр. 145 и 2) „Отецъ Я. Ѳ. Головацкаго", „Червоная Русь", Львовъ, 1889, № 98.

Емельянъ Огоновскій. „Исторія литературы рускої", Львовъ, 1894, часть 4, стр. 60—119.

Д. Д. Языковъ. „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей", Москва, 1900, вып. 8, стр. 33—36.

И. В. Ягичъ. „Исторія Славянской Филологіи" (1-ый вып. изданія „Энциклопедія Славянской Филологіи"), Петроградъ, 1910, стр. 498—501.

„Я. Ѳ. Головацкій". „Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности", Москва, 1911, стр. 87.

Отзывы критики объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

„Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси".

О. Ѳ. Миллеръ. „Сборники по русской народной словесности за 1866 годъ". „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1867, №№ 1 и 3. (Въ № 3 данъ критическій разборъ труда Я. Ѳ. Головацкаго по сравненію съ другими сборниками русскихъ народныхъ пѣсенъ).

А. А. Потебня. „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси". (Отчетъ о 22 присужденіи наградъ графа Уварова). „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1879, кн. 11, стр. 1—3 и „Приложеніе къ 37 тому Записокъ Академіи Наукъ", 1880, стр. 64—152.

А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи", томъ 3.

И. И. Раковскій. „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ". „Слово", Львовъ, 1880, № 57.

Ю. А. Яворскій. „Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ въ сборникѣ Головацкаго". „Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1901, томъ I, кн. 2, стр. 140—160; кн. 3, стр. 198—214 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 37.

„Географическій словарь".

А. С. Будиловичъ. „Географическій Словарь..." „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1884, часть 234, августъ, II, стр. 298—312 и отдѣльный оттискъ.

И. И. Раковскій. „Примѣчанія на Географическій Словарь Я. Ѳ. Головацкаго". „Слово", Львовъ, 1884, № 117.

В. Модестовъ. „Географическій Словарь...“ „Новости и Биржевая Газета“, Петроградъ, 1884, № 143.

Ѳ. Николайчикъ. „Географическій Словарь“. „Кіевская Старина“, 1884, книга 4, стр. 649–652.

И. Спрогисъ. „Географическій Словарь“. „Виленскій Вѣстникъ“, 1884, № 3.

Ж. „Примѣчанія по поводу появленія Географическаго Словаря, составленнаго Я. Ѳ. Головацкимъ“. „Новый Проломъ“, Львовъ, 1884, № 124.

Н. П. „Географическій словарь...“ „Русскія Вѣдомости“, Москва, 1884, № 34.

Н. А. Поповъ. „Къ вопросу о славянскихъ географическихъ названіяхъ“. „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, 1887, № 1 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 13.

Портреты.

Я. Ѳ. Головацкій въ 1856 году. (Съ очень рѣдкой фотографіи, исполненной на клеенкѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій—ректоръ Львовскаго университета въ 1864 году. (По фотографіи Бернгарда Бранда и Іосифа Эдера во Львовѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1867 году. (Съ очень рѣдкой фотографіи. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1868 году. (По портрету „Московской фотографіи“ въ Вильнѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ Головацкій въ 1868 году. (По фотографіи В. Довмонта въ Вильнѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1871 году. (По фотографіи Ладислава Тевеля въ Вильнѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1871 году. (По фотографіи В. Довмонта и К. Гулетскаго въ Вильнѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1876 году. (По фотографіи А. Страуса и К° въ Вильнѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1879 году. (По фотографіи Чеховича въ Вильнѣ. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій въ 1879 году. (По фотографіи Панова въ Москвѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій и И. Г. Наумовичъ въ 1883 году. (По фотографіи А. Страуса и К° въ Вильнѣ. Есть такой же точно портретъ и одного Я. Ѳ. Головацкаго. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Я. Ѳ. Головацкій вь 1887 году. (По фотографіи Флери и Бачанскаго въ Вильнѣ. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

Иллюстраціи.

Памятникъ Я. Ѳ. Головацкому на его могилѣ на Евфросиніевскомъ кладбищѣ въ Вильнѣ. (По фотографіи. *Впервые воспроизведена въ настоящей книгѣ*).

Иванъ Ивановичъ Раковскій.

(Род. 21 февраля (5 марта) 1815 г.—умеръ 21 ноября (3 дек.) 1885 г.).

Молодые годы и полученіе образованія.

Иванъ Ивановичъ Раковскій родился 21 февраля (5 марта) 1815 г. въ деревнѣ Ставномъ, Ужанской столицы (Угорская Русь), гдѣ его отецъ долгое время былъ уѣзднымъ нотаріусомъ, пока въ 1826 году не переселился въ Ужгородъ, на должность почтоваго экспедитора. Родители И. И. Раковскаго, несмотря на бѣдность, обратили серьезное вниманіе на воспитаніе своихъ шестерыхъ дѣтей, причемъ русской грамотѣ Ивана Ивановича обучалъ самъ отецъ. Въ 1824 году мальчикъ былъ отданъ въ Ужгородскую гимназію, состоявшую въ то время изъ шести классовъ; седьмой же и восьмой классы, или по тогдашнему названію „философію", онъ прошелъ въ Кошицахъ (1831—1832). Высшее образованіе И. И. Раковскій получилъ въ богословскомъ лицеѣ въ Ужгородѣ, причемъ по прослушаніи трехъ курсовъ (1836 г.) былъ опредѣленъ въ епископскую канцелярію, въ которой занимался въ теченіе двухъ лѣтъ (1837—1838). Въ 1837 году Иванъ Ивановичъ выдержалъ въ лицеѣ выпускной экзаменъ, но такъ какъ для рукоположенія въ іереи ему не доставало требуемыхъ лѣтъ, то онъ остался въ канцеляріи и на слѣдующій 1838 годъ.

Служба въ В. Рыбницѣ и Ужгородѣ (1839—1850).

Въ 1839 году И. И. Раковскій былъ рукоположенъ въ священники (добровольно оставшись безбрачнымъ) и получилъ приходъ Вышнюю Рыбницу, въ Ужанской столицѣ. Здѣсь онъ пробылъ пять лѣтъ (1839—1844), а въ 1844 году былъ переведенъ въ Ужгородъ, гдѣ занялъ должность вице-ректора духовной семинаріи, состоя одновременно преподавателемъ мѣстной учительской семинаріи. Прослуживъ шесть лѣтъ (1844—1850), И. И. Раковскій въ 1850 году былъ назначенъ въ Будапештъ редакторомъ „Земскаго Правительственнаго Вѣстника для королевства Угорщины".

Жизнь въ Будапештѣ и редактированіе трехъ изданій (1850—1858).

На этомъ поприщѣ онъ трудился девять лѣтъ, до самаго 1859 года, когда изданіе государственныхъ законовъ на мѣстныхъ языкахъ было уничтожено. Надо при этомъ отмѣтить, что И. И. Раковскій понялъ въ широкомъ и единственно-научномъ смыслѣ данное ему порученіе издавать на русскомъ языкѣ „Земскій Правительственный Вѣстникъ", въ который ввелъ не мѣстное, еще неустановившееся, угро-русское нарѣчіе, а общерусскій литературный языкъ. Живя въ Будапештѣ, онъ въ 1856—1858 годахъ редактировалъ „Церковную Газету", въ которой помѣщались статьи, взятыя главнымъ образомъ изъ выходившихъ въ Россіи изданій: „Воскресное Чтеніе" (Кіевъ, 1849—1855 гг.), „Христіанское Чтеніе" (Петроградъ, 1853 г.), и „Творенія Святыхъ Отцевъ въ рус-

скомъ переводѣ" (Москва, 1848 и 1850 гг.). Въ 1858 году Иванъ Ивановичъ прекратилъ на 16 номерѣ „Церковную Газету" и вмѣсто нея началъ издавать „Церковный Вѣстникъ", котораго вышло всего 10 номеровъ. Съ какими затрудненіями боролся И. И. Раковскій при редактированіи своихъ изданій видно изъ его письма (см. „Древняя и Новая Россія", Петроградъ, 1880, томъ XVIII, стр. 241—244), въ которомъ читаемъ слѣдующее:

„Въ Будинѣ, въ домѣ А. И. Добрянскаго, часто собирались для вечернихъ собесѣдованій и совѣщаній я, Радолинскій, Поларикъ и другіе славяне. Возникъ вопросъ объ изданіи русской газеты, такъ какъ было замѣчено, что въ Будапештѣ, за исключеніемъ польскаго и русскаго языковъ, на всѣхъ прочихъ славянскихъ языкахъ издается какая-нибудь газета. Было предложено мнѣ приняться за изданіе русской газеты. Я согласился и заявилъ, что по этому дѣлу обращусь къ предсѣдателю общества св. Стефана канонику Іоанну Даніелику, состоя съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, будучи корреспондентомъ его мадьярскаго церковнаго журнала „Religio". Это происходило осенью 1855 года. И въ самомъ дѣлѣ мнѣ удалось исходатайствовать у поименованнаго каноника покровительство общества св. Стефана для изданія „Церковной Газеты". Въ общемъ собраніи общества, происходившемъ осенью того же года, по произнесенной мною рѣчи, было рѣшено издавать на иждивеніи упомянутаго общества русскую церковную газету. Послѣ сего вскорѣ я отнесся письменно къ полиціи о разрѣшеніи редактировать предположенную газету, а въ общество—объ изданіи ея. Въ департаментѣ пештской полиціи допрашивали: на какомъ языкѣ я намѣренъ издавать русскую газету? Я отвѣчалъ, что на литературномъ великорусскомъ языкѣ. Чиновникъ (Веберъ) защетинился и объявилъ, что такая газета не будетъ имѣть вовсе подписчиковъ. Въ отвѣтъ я сказалъ, что въ такомъ случаѣ придется прекратитъ предполагаемую газету. Чиновникъ объявилъ, что представитъ дѣло мое въ вѣнскую полицію. Изъ Вѣны, послѣ трехмѣсячнаго ожиданія, въ концѣ января 1856 года пришло разрѣшеніе издавать церковную газету. Я тотчасъ разослалъ приглашеніе къ подпискѣ и программу газеты. Оказалось всѣхъ подписчиковъ 120. Цѣна изданія въ годъ 3 гульдена. Общество св. Стефана дозволило напечатать первый пробный нумеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявило, что при такомъ незначительномъ числѣ подписчиковъ не будетъ издавать газету. По разсылкѣ перваго нумера, вышедшаго 1-го (13-го) марта 1856 года, всѣхъ подписчиковъ набралось 415. Тогда общество принялось за изданіе газеты. Полицейскіе чиновники встревожились. Нѣсколько разъ ко мнѣ на квартиру приходилъ полицейскій чиновникъ, желая удостовѣриться, получаю ли я въ самомъ дѣлѣ подлинныя статьи на литературномъ русскомъ языкѣ. Я ему показалъ статьи Головацкаго, Духновича и другихъ, и онъ убѣдился въ подлинности русскихъ статей. Первое полугодіе сошло благополучно; но во второмъ полугодіи 1856 года начались агитаціи съ цѣлью уменьшить

число подписчиковъ. Особенно въ Вѣнѣ галицкіе каноники Литвиновичъ и Шашкевичъ вооружились противъ газеты. Воспитанникамъ вѣнской духовной семинаріи и другимъ зависящимъ отъ нихъ, эти каноники запретили подписываться на нее. Число подписчиковъ, въ самомъ дѣлѣ, убавилось. Изъ 415 осталось только 280. Но общество св. Стефана еще не отказалось отъ изданія. За первый годъ изданія вышло 40 нумеровъ. Я получилъ гонораріи отъ общества въ количествѣ 300 гульденовъ. Агитація противъ газеты продолжалась безпрерывно. Въ первое полугодіе 1857 года число подписчиковъ уменьшилось до 210. Общество св. Стефана рѣшило не поддерживать газету дольше 1-го сентября. Выдавъ мнѣ за полгода слѣдовавшій мнѣ гонораріи, оно отказалось отъ издержекъ по части изданія, однако, дозволило, чтобъ газета и на будущее время выходила подъ его фирмою. При окончаніи перваго полугодія 1857 года я обратился къ покойному епископу Василію Поповичу съ просьбою предложить священникамъ выписывать газету. Преосвященный исполнилъ мою просьбу, и число подписчиковъ опять возросло до 450. За второй годъ изданія вышло 50 нумеровъ. Я объявилъ подписку и на третій годъ. Въ началѣ января 1858 года отъ имени преосвященнаго было мнѣ объявлено, что онъ не будетъ принуждать клиръ къ предплатѣ. Но въ этомъ году оная газета сдѣлалась общеизвѣстною въ монархіи. Явились подписчики изъ Чехіи, Хорватіи, Сербіи (австрійской), изъ Словеніи, кромѣ Галиціи и Венгріи. Число подписчиковъ было свыше 500, поэтому въ 7-мъ нумерѣ за 1858 годъ я вынужденъ былъ объявить, что опоздавшимъ подписчикамъ не могу доставить первыхъ 6-ти нумеровъ, такъ какъ газета печаталась всего-на-всего въ 500 экземплярахъ. Съ 7-го нумера этого года я сталъ печатать газету въ 600 экземплярахъ. Полиція крайне возмутилась этимъ и постоянно безпокоила меня. Повѣстки и приглашенія въ полицію были присылаемы мнѣ подъ самыми ничтожными предлогами. Графъ Галлеръ, генералъ-адъютантъ ерцгерцога Альбрехта, и совѣтникъ при намѣстничествѣ Веселый стали приглашать меня къ себѣ, стараясь уговорить прекратить изданіе, обѣщая мнѣ высшіе чины и угрожая немилостью. Но на всѣ ихъ обѣщанія и угрозы я не находилъ сказать имъ ничего болѣе, кромѣ того, что, имѣя достаточное число подписчиковъ, не могу прекратить въ семъ году изданія. А какъ я въ 11 нумерѣ за 1858 годъ объявилъ, что въ награду подписчикамъ за ихъ усердіе разсылаю „Объясненіе св. литургіи православной каѳолической восточной церкви“, то полиція принялась за открытое гоненіе моего изданія. Замѣтивъ, что въ самомъ переводѣ государственныхъ законовъ и правительственныхъ распоряженій я употребляю литературный великорусскій языкъ, полиція приказала мнѣ сообразоваться съ переводомъ вѣнскихъ переводчиковъ, именно галичанъ. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало запрещеніе моего изданія, отъ 19-го мая (нов. ст.) 1858 года, гдѣ употребленіе великорусскаго языка объявляется bedenklich—опаснымъ для монархіи.

„Послѣ сего полиція, желая будто бы исправить свою ошибку, увѣдомила меня чрезъ чиновника, что мнѣ можетъ быть дано дозволеніе продолжать редактированіе газеты, если я сдѣлаю нѣкоторую перемѣну по части языка. Желая споспѣшествовать духовному благу народа, я согласился переименовать газету въ „Церковный Вѣстникъ", шрифтъ гражданскій замѣнить церковно-славянскимъ и употреблять нѣкоторыя формы языка, подходящія къ народному говору, сохранивъ, впрочемъ, существенныя правила литературнаго великорусскаго языка. Заявивъ объ этихъ перемѣнахъ полиціи, я получилъ отъ нея разрѣшеніе продолжать изданіе, но съ предупрежденіемъ избѣгать всякой агитаціи и демонстраціи: подъ этимъ разумѣлось употребленіе великорусскаго языка. Такъ какъ я не могъ усвоить себѣ формы языка, требуемыя правительствомъ, да притомъ не хотѣлъ оскорбить подписчиковъ языкомъ совсѣмъ исковерканнымъ, то я продолжалъ употреблять языкъ въ сущности литературный русскій, какой былъ употребленъ мною при переводѣ свода законовъ земскихъ. Это побудило правительство отрѣшить меня отъ должности. Такимъ образомъ, въ теченіе 1858 г. вышло 16 нумеровъ „Церковной Газеты" и 10 нумеровъ „Церковнаго Вѣстника". Послѣдній нумеръ его вышелъ 10-го (22-го) октября 1858 г. Итакъ, въ самомъ разгарѣ дѣла, когда успѣхъ „Церковной Газеты" былъ обезпеченъ, она должна была печальнымъ образомъ прекратить свое существованіе. Лишившись, по прекращеніи изданія газеты, средствъ къ жизни, я вынужденъ былъ отправиться обратно въ свою епархію. Къ этому считаю нужнымъ прибавить, что въ Россію, чрезъ посредство о. протоірея Раевскаго (изъ Вѣны), выписывалось 20 экземпляровъ „Церковной Газеты" и что въ „Воскресномъ Чтеніи", церковномъ журналѣ издающемся въ Кіевѣ, о ней напечатанъ былъ отзывъ, вѣрный и достойный предмета".

Жизнь въ селѣ Изѣ и дѣятельность въ качествѣ священника

Въ 1859 году, послѣ прекращенія изданія „Земскаго Правительственнаго Вѣстника", И. И. Раковскій переѣхалъ изъ Будепешта въ село Изу, Мараморошской столицы, гдѣ получилъ мѣсто настоятеля прихода. Здѣсь онъ вошелъ въ самое близкое общеніе съ роднымъ угро-русскимъ народомъ, на развитіе котораго могъ вліять уже не только путемъ печатнаго слова, какъ было раньше, а непосредственнымъ пастырскимъ поученіемъ и главное личнымъ примѣромъ. Его приходъ считался образцовымъ во всей епархіи. Крестьяне были обучены Закону Божію и могли свободно разбираться въ важнѣйшихъ вопросахъ, отличающихъ православную религію отъ уніатской и католической. Почти всѣ умѣли по-русски читать и писать, что при отсутствіи въ Угріи русскихъ школъ является особенной заслугой сельскаго священника; проникнулись началами трезвости и всегда сознательно слушали проповѣди своего любимаго пастыря. Въ селѣ Изѣ двѣ церкви и, несмотря на это, И. И. Раковскій содержалъ обѣ изъ нихъ въ идеальномъ порядкѣ и, хотя имѣлъ въ качествѣ помощника младшаго священника, однако не пропускалъ никогда ни одного богослуженія. Въ

храмѣ онъ любилъ говорить проповѣди, причемъ не только поучалъ крестьянъ Слову Божію, но и разъяснялъ имъ права и обязанности ихъ, какъ гражданъ государства, а также призывалъ своихъ прихожанъ быть сознательными, въ религіозномъ и національномъ отношеніяхъ, людьми. Поэтому всѣ проповѣди этого истиннаго пастыря Христова, не только разсказывающаго, но и на собственномъ примѣрѣ доказывающаго, пользовались огромнымъ авторитетомъ и производили на угро-русскихъ крестьянъ неотразимое впечатлѣніе.

Главная заслуга И. И. Раковскаго, какъ священника, заключается въ томъ, что онъ воспиталъ цѣлое поколѣніе въ чисто-православномъ духѣ. Въ Угорской Руси, гдѣ школы являлись орудіемъ мадьяризаціи, единственнымъ оплотомъ русскаго національнаго развитія могла быть только православная вѣра. Эту истину прекрасно понялъ И. И. Раковскій, который и является родоначальникомъ православнаго движенія среди угро-русскаго населенія. Чтобы вполнѣ оцѣнить заслуги этого замѣчательнаго пастыря, необходимо ознакомиться съ исторіей православнаго движенія въ многострадальной Угорской Руси.

Послѣ смерти И. И. Раковскаго, воспитанное имъ поколѣніе стало думать объ открытомъ переходѣ въ православіе. Хотя въ Угріи по конституціи и обезпечена за каждымъ гражданиномъ полная религіозная свобода, однако, на практикѣ либеральный принципъ вѣротерпимости не примѣнялся къ православію. Такъ, можно было переходить изъ христіанства даже въ іудейство, но только не въ православіе. Поэтому, когда жители села Изы заявили властямъ о своемъ возвращеніи изъ уніи въ православіе, начались ихъ нескончаемыя мытарства. Въ 1903 году крестьяне села Изы въ одно изъ воскресеній пропѣли въ церкви символъ вѣры, исключивъ изъ 8-го члена слова „и Сына". Этимъ приходъ фактически заявилъ о своемъ переходѣ въ православіе. Тотчасъ село было наводнено венгерскими жандармами. Начался поголовный обыскъ, конфисковали всѣ богослужебныя книги и даже иконы. Жандармы простояли въ Изѣ нѣсколько мѣсяцевъ, забирая у крестьянъ провизію и ничего за это не платя; всячески притѣсняли и оскорбляли народъ и глумились надъ женщинами. Долго терпѣло беззащитное населеніе всевозможныя обиды; наконецъ, доведенное до отчаянія, не выдержало, причемъ нѣсколько человѣкъ воскликнуло: „пора придти русскимъ и выгнать мадьяръ". Этого было достаточно, чтобы возбудить дѣло о государственной измѣнѣ. Много крестьянъ было арестовано, а 22 человѣка привлечены къ суду. Дѣло слушалось въ 1904 г., причемъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ на судѣ пало и было замѣнено чрезвычайно неопредѣленнымъ обвиненіемъ въ „подстрекательствѣ противъ мадьярской народности" (едва-ли въ какомъ-либо другомъ государствѣ существуетъ подобная статья уголовнаго уложенія!). Наиболѣе сознательные угро-русскіе крестьяне—Акимъ Вакаровъ, Василій Лазарь и Василій Кемень были приговорены къ 14 мѣсяцамъ

тюрьмы каждый и, сверхъ того, къ уплатѣ штрафа по 400 рублей. Кромѣ того, со всѣхъ обвиненныхъ крестьянъ присудили огромныя судебныя издержки. Хозяйство этихъ крестьянъ было уже сильно подорвано административными штрафами и жандармскимъ постоемъ, а особые судебные штрафы взыскали въ то время, когда главы семействъ отбывали тюремное заключеніе. Проданы были съ молотка за безцѣнокъ: вся земля, дома, скотъ и домашняя утварь. Крестьяне вышли изъ тюрьмы совершенно нищими и семьи ихъ ютились у односельчанъ, содержимыя на скудныя средства православной общины села Изы. Но Акимъ Вакаровъ и его товарищи были бодры духомъ и, такъ какъ у нихъ своей земли больше не было, то они пошли на поденный трудъ. Несмотря на то, что село Иза находится всего въ пяти верстахъ отъ города, гдѣ имѣются всегда жандармы, венгерское правительство сочло необходимымъ учредить въ самомъ селѣ постоянную жандармскую команду и построило для нея казарму на средства крестьянъ. Вскорѣ Акимъ Вакаровъ, руководитель православнаго движенія въ селѣ Изѣ, былъ убитъ. Виновные, понятно, не были обнаружены, но все окрестное населеніе считаетъ, что онъ палъ отъ рукъ венгерскихъ жандармовъ мученикомъ за православную вѣру. Гоненія, разореніе, тюрьма и насильственная смерть Акима Вакарова не могли все-же поколебать преданности крестьянъ православію. Православнымъ угро-руссамъ необходимъ былъ священникъ. Съ этой цѣлью крестьяне отправили уполномоченныхъ къ православному сербскому епископу въ Будапештѣ—Богдановичу. Однако, Богдановичъ, будучи правительственнымъ ставленникомъ, узнавъ о характерѣ просьбы угро-русскихъ крестьянъ, даже не принялъ ихъ уполномоченныхъ. Потерпѣвъ неудачу въ Будапештѣ, крестьянская депутація отправилась въ Карловцы, къ самому сербскому православному патріарху Бранковичу. Вотъ что разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ патріархъ Бранковичъ:

„Явились ко мнѣ крестьяне изъ села Изы, просили меня принять ихъ и все село въ лоно православной церкви и послать къ нимъ священника. Я долго съ ними бесѣдовалъ, наконецъ, сказалъ имъ, что въ виду правительственнаго террора, не рѣшаюсь дать имъ священника. Потупились русскіе крестьяне, затѣмъ, очнувшись отъ своего горя, громко и твердо сказали мнѣ: „Ты—православный святитель, но мы тебя вызываемъ на страшный судъ и тамъ ты дашь отвѣтъ Господу нашему Іисусу Христу". Тутъ уже я смутился духомъ и рѣшился исполнить свой долгъ. Призвалъ я священника Петровича, поручилъ ему учиться по-русски и отпустилъ крестьянъ съ миромъ, обѣщавъ черезъ два мѣсяца, когда Петровичъ освоится съ русскою рѣчью, прислать его къ нимъ. Крестьяне поѣхали домой обрадованные. Но тѣмъ временемъ мукачевскій уніатскій епископъ, узнавъ что село Иза получитъ священника, поспѣшилъ въ Вѣну къ императору и доложилъ ему, что если появится въ той мѣстности православный священникъ, то онъ, епископъ, останется безъ епархіи, такъ какъ весь народъ немедленно

заявить себя православнымъ. И императоръ-король повелѣлъ министру-президенту передать мнѣ, что онъ не желаетъ назначенія православнаго священника въ село Изу. Въ Венгріи, гдѣ конституція—лишь фикція, желаніе короля, переданное въ такой формѣ, равносильно повелѣнію, и я священника не послалъ, и теперь—суди меня Богъ на страшномъ Своемъ судѣ!"

Изане такъ и не получили священника, а попрежнему продолжали совершать всѣ требы сами передъ раскрытымъ Евангеліемъ, а дѣтей время-отъ-времени тайно посылали партіями въ Буковину къ румынскому православному священнику, который и крестилъ ихъ. На собранныя скудныя средства изане выстроили православный молитвенный домъ, но вскорѣ онъ былъ разрушенъ венгерскими жандармами, а крестьянамъ запретили собираться на общія молитвы. Поэтому православное населеніе стало уходить въ лѣса и горы, гдѣ и собиралось для общихъ молитвъ. Гоненія не только не остановили православнаго движенія въ Угорской Руси, а наоборотъ, еще увеличили его. Вслѣдъ за Изой перешли въ православіе всѣ окрестныя села.

Въ 1910 году Угорская Русь, наконецъ, получила своего религіознаго вождя въ лицѣ іеромонаха о. Алексѣя (Кабалюка). Интересна біографія этого борца за православіе. Онъ родомъ изъ деревни Ясенье, и уже съ дѣтства отличался большою религіозностью, вслѣдствіе чего поступилъ въ уніатскій монастырь Кишъ-Баранья; но его чуткая душа не могла примириться съ ложью уніи: онъ бросилъ монастырь, перешелъ въ православіе и бѣжалъ на Аѳонъ, гдѣ и поступилъ въ монастырь св. Пантелеймона. Слухъ о немъ дошелъ до Изы, и крестьяне обратились къ о. Алексѣю съ просьбою быть у нихъ православнымъ священникомъ. Никакія препятствія, гоненія и муки не могли остановить о. Алексѣя предъ тѣмъ, куда звала его горячая вѣра и страстное желаніе дать своему мрогострадальному народу духовную опору въ годину мукъ и страданій. О. Алексѣй пріѣхалъ въ Угорскую Русь простымъ точильщикомъ (такъ какъ не хотѣлъ жить на скудныя средства прихожанъ, а содержалъ себя ремесломъ); онъ обходилъ всѣ села, перешедшія въ православіе, совершалъ требы и ободрялъ пострадавшихъ за религіозныя убѣжденія. Въ селѣ Изѣ онъ въ одинъ день крестилъ двѣсти дѣтей; въ продолженіе двухъ дней четыреста крестьянъ сосѣднихъ селъ просятъ его принять ихъ въ православіе и онъ причащаетъ болѣе тысячи крестьянъ въ одинъ день. Эти цифры лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велико и сильно православное движеніе въ Угорской Руси. Мадьярскія власти воздвигаютъ послѣ этого новыя гоненія. Жандармы окружаютъ православную церковь, обыскиваютъ всѣ дома и отбираютъ книги, образа, крестики и молитвенники, на крестьянъ налагаютъ непосильные денежные штрафы и во всѣхъ такихъ селахъ водворяются на постой жандармы. Молитвенные дома закрываются, а трехраменные кресты—символъ православія—кощунственно уничтожаются.

Всѣхъ перешедшихъ въ православіе жандармы хватали, сажали въ тюрьмы и налагали въ административномъ порядкѣ непосильные денежные штрафы. Крестьяне мужественно переносили гоненія, и какъ бы въ отвѣтъ на преслѣдованія все новыя и новыя села заявляли о своемъ рѣшеніи перейти въ православіе. Тогда мадьярскія власти рѣшили погубить вождя православнаго движенія—іеромонаха о. Алексѣя. На него была устроена настоящая облава. Крестьяне не выдавали своего духовнаго пастыря и просили его на-время скрыться въ Америку. О. Алексѣй уступилъ просьбамъ и, поселившись въ Америкѣ, продолжалъ свое дѣло проповѣди православія среди карпато-русскихъ переселенцевъ. Мадьярскія власти въ своей бѣшеной злобѣ обрушились еще болѣе на русскихъ крестьянъ. Стали арестовывать каждаго, кто только получалъ письма съ американской маркой. Въ тюрьму были заключены только изъ Изы и Сигета нѣсколько сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ всѣ родные о. Алексѣя.

Не ограничиваясь побоями, жандармы прибѣгали къ средневѣковымъ пыткамъ. Православныхъ подвѣшивали къ дереву такъ, чтобы ноги не доставали земли. Черезъ часъ такого висѣнія изъ носа, горла и ушей появлялась кровь. Если несчастный начиналъ терять сознаніе, жандармы поливали его водой и продолжали свою пытку. Въ селѣ Лѣпшѣ такъ умерла на „мучилищномъ древѣ" (такъ крестьяне называютъ этотъ способъ пытки) одна женщина. Многіе прошли черезъ это истязаніе, но отъ православія всетаки не отреклись. Люди шли на муки съ энтузіазмомъ первыхъ христіанъ, непреклонно заявляя о своемъ желаніи исповѣдывать не навязанную унію, а русскую вѣру—православіе.

Нѣкоторые искали спасенія въ лѣсахъ и горахъ. Такъ, одиннадцать дѣвушекъ, которыхъ наставляла сестра о. Алексѣя—Василиса, тайно принявшая постриженіе, удалились въ горы, построили въ глухомъ лѣсу домъ и жили по монашескому уставу. Жандармы, узнавъ объ этомъ, явились въ лѣсъ, сорвали съ нихъ одежды и въ однѣхъ рубашкахъ, босыхъ, загнали въ рѣку, продержали въ ледяной водѣ два часа, а затѣмъ отвели въ тюрьму. Нѣкоторыя при этомъ смертельно заболѣли. Вотъ имена этихъ одиннадцати дѣвушекъ, испытавшихъ мученія за православную вѣру: 1) Марія Вакарова, 2) Пелагея Смоликъ, 3) Анна Вакарова, 4) Марія Мадоръ, 5) Пелагея Тустъ, 6) Пелагея Щербанъ, 7) Параскева Щербанъ, 8) Юліанна Изай, 9) Марія Прокупъ, 10) Марія Довганичъ и 11) Анна Кемень.

Такъ преслѣдовало венгерское правительство православное движеніе въ Угорской Руси, которое, однако, не только не уменьшалось, а наоборотъ, захватывало все новыя и новыя села.

Видя, что никакія гоненія неспособны остановить переходъ изъ уніи въ православіе, венгерскія власти въ 1912 году затѣяли возмутительный процессъ, обвинивъ православныхъ угро-русскихъ крестьянъ въ государственной измѣнѣ, которая карается смертною казнью.

Иванъ Ивановичъ Раковскій.

По фотографіи Сигизмунда Лондона въ Ужгородѣ.

Насколько это обвиненіе необоснованно и совершенно нелѣпо, можно видѣть изъ обвинительнаго акта, предъявленнаго православнымъ угро-руссамъ. Всѣхъ было привлечено къ судебной отвѣтственности, кромѣ іеромонаха Алексѣя, 188 человѣкъ, но затѣмъ прокуроръ отъ обвиненія половины изъ нихъ отказался, и предъ судомъ предстали о. Алексѣй и 94 его послѣдователя.

За что же ихъ судили?

Обвинительный актъ озаглавленъ: „Отъ мармарошъ-сигетскаго прокурорскаго надзора № 5919, 1913 года".

„Мною обвиняются: Александръ Кабалюкъ (въ иночествѣ—о. Алексѣй), 36 лѣтъ, уніатскаго вѣроисповѣданія, холостой, лѣсной рабочій (русскій монахъ), родившійся и живущій въ Ясеньѣ".

Далѣе перечисляются еще 94 лица, въ томъ числѣ 3 женщины. Обвиненіе формулировано слѣдующимъ образомъ:

„Означенныя лица находятся въ сношеніяхъ съ графомъ Владиміромъ Бобринскимъ, жительствующимъ въ Петроградѣ, русскимъ подданнымъ, предсѣдателемъ „Русскаго національнаго союза" (?), членомъ Думы и Синода (?), съ Евлогіемъ Холмскимъ, Антоніемъ Житоміро-Волынскимъ, православными русскими епископами, съ аѳонскими, холмскими, московскими, кіевскими, почаевскими и яблочинскими православными монахами и получаютъ отъ нихъ денежную поддержку. Съ этими лицами и, кромѣ того, съ врачомъ Романомъ Геровскимъ, адвокатомъ Алексѣемъ Геровскимъ и инженеромъ Георгіемъ Геровскимъ въ Черновцахъ (Буковина), они вошли въ соглашеніе съ цѣлью обратить уніатскихъ жителей венгерскаго государства, живущихъ въ уѣздахъ Мармарошъ, Угочъ и Переи, въ православную русскую вѣру и подчинить ихъ Кіевскому православному патріархату (?). Все это дѣлалось съ цѣлью присоединенія означенныхъ уѣздовъ къ русскому государству и подчиненія ихъ скипетру Русскаго Царя. Руководились они отчасти соображеніями матеріальной выгоды, отчасти же любовью къ православной русской вѣрѣ, которая служитъ русской національной идеѣ".

Изъ приведенныхъ словъ видно, насколько невѣжествененъ прокуроръ, взявшійся обвинять православныхъ угро-руссовъ. Насколько, напр., комично утвержденіе обвинительнаго акта о томъ, что графъ В. А. Бобринскій—членъ Св. Синода, тогда какъ Синодъ составляется исключительно изъ іерарховъ и въ рѣдкихъ случаяхъ бываютъ въ его составѣ протопресвитеры. Прокуроръ не постѣснялся даже придумать Кіевскій патріархатъ, котораго нѣтъ и никогда не было. Графъ В. А. Бобринскій, котораго прокуроръ считаетъ главнымъ покровителемъ православнаго движенія въ Угорской Руси, не замедлилъ на столбцахъ „Новаго Времени" дать обстоятельный и поистинѣ блестящій отвѣтъ на всѣ положенія обвинительнаго акта.

„Но все это,—пишетъ графъ В. А. Бобринскій,—свидѣтельствуетъ о малой образованности и легкомысліи прокурора. Мы встрѣчаемся

даже съ явною ложью: „получали отъ нихъ денежную поддержку“, „руководились они отчасти соображеніями матеріальной выгоды“. Тутъ обвинитель старается набросить тѣнь, замарать своихъ несчастныхъ жертвъ. Но во всемъ обвинительномъ актѣ нѣтъ указаній на денежную помощь изъ Россіи и подкупъ угро-руссовъ. Говорится, правда, что въ Черновцахъ Геровскій имѣетъ свою типографію, купленную на русскія деньги; но это неправда, такъ какъ австрійскимъ властямъ прекрасно извѣстно, что Геровскій свои газеты „Русская Правда“ и „Вѣра и Церковь“ печатаетъ въ чужихъ типографіяхъ. Указывается, что въ двухъ корчмахъ православные предъявляли „копѣйки и рубли“, что свидѣтельствуетъ, что движеніе поддерживалось изъ-за границы. Но какая наивность! Неужели мы не сумѣли бы размѣнять рубли на кроны ранѣе, чѣмъ раздавать ихъ угро-руссамъ? Дѣло очень просто. Угро-руссы—народъ бѣдный и ходятъ на заработки въ нашу Бессарабію, откуда приносятъ русскія деньги, которыхъ у уніатовъ столько же, навѣрное, какъ у православныхъ. Да и самый обвинительный актъ это подтверждаетъ, указывая, что уніатскимъ священникамъ платили (очевидно, уніаты же) рублями. Другихъ болѣе серьезныхъ доказательствъ быть не можетъ, такъ какъ никакой денежной помощи православнымъ угро-руссамъ не оказывалось и только нѣкоторые наши монастыри (Почаевскій, Кіево-Печерскій) дѣйствительно иногда отпускали молитвенники и богослужебныя книги, а также иконы по пониженнымъ цѣнамъ, а отчасти даромъ угро-русскимъ и галицкимъ богомольцамъ. Кромѣ того, нѣсколько благочестивыхъ москвичей пожертвовали церковную утварь молитвеннымъ домамъ въ Изѣ и Великихъ Лучкахъ и походную церковь о. Алексѣю. Прокурору хорошо извѣстно все было, онъ и слѣдователь видѣли всѣхъ обвиняемыхъ, и они знаютъ, что не матеріальной выгоды ищутъ православные, не богатѣютъ они. Они разорены штрафами, постоемъ войскъ и тюремнымъ заключеніемъ. Но правъ, вполнѣ правъ прокуроръ, когда онъ говоритъ, что его жертвы „руководились любовью къ православной русской вѣрѣ“. За это, конечно, ихъ и держали въ тюрьмѣ, за это ихъ нынѣ и судятъ, быть-можетъ, засудятъ“.

Хотя въ обвинительномъ актѣ и говорится о томъ, что православные угро-руссы стремились къ отторженію отъ Венгріи своей земли съ цѣлью присоединенія ея къ Россіи, однако, въ подтвержденіе этого тяжкаго обвиненія приводится такое слабое доказательство. Цитируемъ дословно эти опасныя для цѣлости Австро-Венгріи слова: „говорили: уніатская вѣра испорчена, священники хотятъ сдѣлать насъ папистами, эти священники не постятся, не чтутъ вѣру, какъ слѣдуетъ, выбрасываютъ многое изъ Евангелія и богослуженія. Настоящіе священники—это русскіе священники“. Если самое главное обвиненіе формулировано такъ курьезно, то что же говорить обо всемъ остальномъ?...

Вотъ, напримѣръ, перечень „вещественныхъ доказательствъ“

государственнаго переворота: „Конецъ міра и второе пришествіе Христа“ (Одесское изданіе); одесскія иконы (изданія Фесенко) и картины, изображающія кіевскіе и аѳонскіе монастыри; Псалтырь кіевскаго изданія и т. д. и т. д.

Перичисливъ всѣ эти „вещественныя доказательства“, прокуроръ въ обвинительномъ актѣ говоритъ:

„Въ порядкѣ 477 статьи уголовнаго судопроизводства предлагаю приступить къ уничтоженію конфискованныхъ въ силу 62 статьи уголовныхъ законовъ слѣдующихъ книгъ и предметовъ“.

Просидѣвъ два года въ тюрьмѣ, православные угро-руссы, наконецъ, дождались судебнаго разбирательства. За отсутствіемъ дѣйствительныхъ уликъ, венгерскій судъ воспользовался услугами агента-провокатора Дуличковича, который безъ зазрѣнія совѣсти клеветалъ на лицъ, которыхъ никогда не зналъ.

Процессъ православныхъ угро-руссовъ въ Марамарошъ-Сигетѣ обратилъ на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра. Огромной, безспорной нравственной побѣдой надъ хитросплетеніями венгерскаго суда явились показанія графа Владиміра Алексѣевича Бобринскаго, который (несмотря на фактическое запрещеніе въѣзда въ Австро-Венгрію, гдѣ онъ какъ покровитель Карпатской Руси былъ отданъ подъ судъ) пріѣхалъ въ Марамарошъ-Сигетъ и здѣсь, на судѣ, произнесъ свою историческую рѣчь въ пользу неповинныхъ въ какомъ-либо преступленіи, а тѣмъ болѣе въ государственной измѣнѣ, забитыхъ православныхъ угро-русскихъ крестьянъ. Несмотря на выяснившуюся на судѣ полную несостоятельность обвинительнаго акта, всетаки о. Алексѣй (Кабалюкъ) и наиболѣе убѣжденные православные угро-руссы были приговорены на разные сроки (отъ шести мѣсяцевъ до четырехъ съ половиною лѣтъ) къ тюремному заключенію.

Такъ кончился послѣдній процессъ поборниковъ православія въ Угорской Руси. Венгерскія власти продолжали свой терроръ и настояли на арестѣ видныхъ буковинско-русскихъ дѣятелей братьевъ Геровскихъ, которые затѣмъ бѣжали изъ тюрьмы въ Россію и приняли русское подданство.

Побѣдоносная русская армія уже вступила въ сѣверную Венгрію и заняла Угорскую Русь... Теперь все угро-русское населеніе можетъ, наконецъ, безбоязненно вернуться въ православіе, за которое претерпѣло столько гоненій. Слава Богу, что для угро-руссовъ кончилась темная ночь и надъ Угорской Русью занялась заря новой, свободной жизни въ составѣ великой и братской Россіи!

Одновременно съ пастырской дѣятельностью И. И. Раковскій занимался также и литературой. Онъ состоялъ сотрудникомъ не только угро-русскихъ и галицко-русскихъ повременныхъ изданій, но также писалъ въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи“, выходящемъ въ Кіевѣ. По большей части это были газетныя корреспонденціи, знакомящія читателей съ религіознымъ, національнымъ и политическимъ **Литературная дѣятельность.**

положеніемъ Угорской Руси. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ авторъ постоянно подчеркивалъ необходимость употребленія въ угро-русской письменности общерусскаго литературнаго языка. Писатель также заботился о составленіи учебниковъ, издавъ, напр., на мадьярскомъ языкѣ „Русскую грамматику", которая должна была научить русской грамотѣ забывшихъ родной языкъ угро-русскихъ интеллигентовъ; имъ же была составлена для народныхъ школъ „Ариѳметика". О необходимости просвѣщенія И. И. Раковскій всегда ратовалъ и въ „Обществѣ Василія Великаго", въ которомъ состоялъ съ 1867 года товарищемъ предсѣдателя.

Главная заслуга И. И. Раковскаго, какъ писателя, состоитъ въ томъ, что онъ больше всѣхъ другихъ писателей и народныхъ дѣятелей потрудился надъ распространеніемъ въ Угорской Руси общерусскаго литературнаго языка. По этому поводу И. И. Раковскій пишетъ: „Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствіе къ литературному единенію съ прочею Русью. У насъ, такъ сказать, никогда и вопроса не было по части образованія какого-нибудь отдѣльнаго литературнаго языка. Всѣ наши писатели, съ самаго начала вступленія на поприще распространенія народнаго просвѣщенія, руководились одною мыслію, имѣющею цѣлію литературное объединеніе. Сія мысль столь овладѣла нашими писателями, что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянскомъ литературномъ соединеніи, получившей торжественное освященіе въ славянскомъ мірѣ".

Характеристика И. И. Раковскаго, какъ человѣка.

Какъ человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Раковскій былъ въ полномъ смыслѣ слова свѣтлою личностью. Непоколебимость его убѣжденій, прямота характера и истинное народолюбіе, заставляли проникаться къ нему уваженіемъ не только угро-руссовъ, но даже и мадьяръ. Такъ, когда въ 1882 году происходилъ во Львовѣ знаменитый политическій процессъ Ольги Адольфовны Грабарь, то мадьярскія власти хотя и отдали писателя подъ надзоръ полиціи, но арестовать его все-таки не рѣшились. Слишкомъ уже велика была любовь угро-руссовъ къ своему духовному пастырю и народному дѣятелю, чтобы мадьяры, зная это, стали явнымъ преслѣдованіемъ И. И. Раковскаго вызывать открытое недовольство среди всего угро-русскаго населенія! Нравственная высота личности И. И. Раковскаго проявлялась во всей его дѣятельности, и можетъ быть опредѣлена словами самого-же писателя: „прямодушіе всего лучше, хотя оно иногда терпко, но не преоборимо" (см. письмо къ Я. Ѳ. Головацкому отъ 18 (30) декабря 1857 г.).

Смерть И. И. Раковскаго (1885).

И. И. Раковскій скончался 21 ноября (3 декабря) 1885 года. По мнѣнію угро-русскаго населенія писатель (подобно митрополиту Григорію Яхимовичу и просвѣтителю Галицкой Руси И. Г. Наумовичу) былъ отравленъ.

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій И. И. Раковскаго.

Примѣчаніе. **И. И. Раковскій** имѣлъ *криптонимъ* **I. Р.**: „Карпатъ“, 1876, 1879, 1882 гг. и „Слово“, 1878, 1879 гг.

1854.

Довѣрительныя письма изъ Будина. „Зоря Галицкая“, Львовъ, 1854, №№ 7, 9, 12, 15, 18, 20, 27, 29—31, 33, 35, 45 и 47.

1855.

Довѣрительныя письма изъ Будина. „Семейная Библіотека“, Львовъ, 1855, стр. 184—189.

Апостольское посланіе святѣйшаго архіерея Пія IX. Будапештъ, 1855, въ листъ, стр. 9. (И. И. Раковскій сдѣлалъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, переводъ этого посланія съ латинскаго языка на русскій).

1856.

Довѣрительныя письма изъ Будина. „Зоря Галицка“, Львовъ, 1856, № 49.

1857.

Андрей Бачинскій, Мукачевскій епископъ (безъ подписи; біографія). „Церковная Газета“, Будапештъ, 1857, №№ 29 и 30.

1862.

Письма изъ Венгерской Руси. „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, Кіевъ, 1862, томъ I, стр. 212—217; томъ II, стр. 134—140, 167—171, 235—238. (Всего было напечатано четыре письма).

1867.

Orosz Nyelvtan. Szerkesztette es kiadta Rakovszky Janos. (Русская грамматика. Составилъ и издалъ Іоаннъ Раковскій). 1867, 8°.

Рѣчь, говоренная о. Іоанномъ Раковскимъ, вторымъ предсѣдателемъ Общества св. Василія Великаго, по случаю открытія второго общаго собранія его. „Славянская Заря“, Вѣна, 1867, стр. 202—205.

1869.

Ариѳметика. Въ двухъ частяхъ. Изданіе Общества св. Василія Великаго. Ужгородъ, 1869, 8°, стр. 86+1.

1871.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1871) И. И. Раковскій помѣстилъ:

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Оборона „Свѣта“; №№ 14 и 15) и

О фондахъ епархіи Мукачевской (№№ 56—63).

1872.

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (О русско-славянской азбукѣ). „Слово“, Львовъ, 1872, № 22.

1873.

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Объ изданіи русской политической газеты въ Унгварѣ подъ названіемъ „Карпатъ“). „Слово“, Львовъ, 1873, №№ 73 и 74.

1874.

Проектъ объ устройствѣ и открытіи въ Унгварѣ учебно-воспитательнаго заведенія для священническихъ сиротъ-дѣвицъ епархіи Мукачевской. „Карпатъ“, Ужгородъ, 1874, № 46.

1876.

Въ газетѣ „Карпатъ“ (Ужгородъ, 1876) И. И. Раковскій далъ критическіе отзывы о двухъ изданіяхъ:

Историческія пѣсни Малорусскаго народа. Вл. Антоновича и М. Драгоманова (№ 15) и

Повісті О. Федьковича, з переднім словом М. Драгоманова (№ 15).

1878.

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Церковно-литературная школа въ унгварской духовной семинаріи). „Слово“, Львовъ, 1878, №№ 134 и 135.

1879.

Въ газетѣ „Карпатъ“ (Ужгородъ, 1879) И. И. Раковскій помѣстилъ двѣ статьи:

Церковная литературная школа, состоящая въ унгварской духовной семинаріи (№№ 2 и 3) и

Поясненіе (№№ 11 и 13).

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1879) И. И. Раковскій помѣстилъ:

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Поясненіе; №№ 23—25) и

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Открытое гоненіе на народность русскую; №№ 117 и 118).

1880.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ. (И. И. Раковскій далъ критическій разборъ этого изданія). „Слово“, Львовъ, 1880, № 57.

1881.

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Наше настоящее положеніе. Русско-мадьярскій Словарь). „Слово“, Львовъ, 1881, № 128.

1882.

По поводу епархіальнаго анкета. „Карпатъ“, Ужгородъ, 1882, № 5.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1882) И. И. Раковскій помѣстилъ слѣдующія корреспонденціи:

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Отголосокъ по поводу окончанія львовскаго процесса, возникшаго по дѣлу обвиненія Русскихъ въ государственной измѣнѣ; № 89);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Примѣчанія газеты Ungvári Közlöny ко статьѣ моей въ 89 н-рѣ „Слова“; №№ 104—106);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Разбирательство панславизма №№ 113 и 114);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Примѣчаніе ко статьи „Разбирательство панславизма“; №№ 129—131) и

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Пангерманизмъ и панславизмъ; № 136).

1883.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1883) И. И. Раковскій помѣстилъ:

О нашемъ литературно-народномъ состояніи (статья; №№ 1 и 2)

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (О паденіи нашихъ народныхъ учрежденій; №№ 117 и 118) и

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Положеніе дѣлъ въ Венгріи и Угорской Руси. Комитатская жизнь въ Мараморошѣ. Наше пораженіе № 144).

1884.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1884) И. И. Раковскій помѣстилъ слѣдующія статьи и корреспонденціи:

Учебное дѣло въ Венгріи вообще, а особо въ Мараморошѣ (статья; № 1);

Общество имени М. Качковскаго (статья; №№ 137 - 139);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Толки о предполагаемомъ министеріальномъ кризисѣ въ Венгріи; №№ 17 и 18);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Незавидное ремесло редактора „Карпата“; №№ 21—23);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Наше настоящее положеніе. Русско-мадярскій Словарь; № 60);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Выборы сеймовыхъ депутатовъ въ Венгріи вообще, и особо въ Мараморошѣ; №№ 68—70);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Успѣхи мадярской культуры и наша національная неподвижность; № 86);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Вѣдомости о нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ; №№ 99—102);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Примѣчанія на „Географическій Словарь“ Я. Ѳ. Головацкаго; № 117);

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (По національному вопросу въ Венгріи; №№ 127—130) и

Корреспонденція изъ Угорской Руси. (Отвѣтъ газеты „Nemzet“ г-ну Baritiu по національному вопросу въ Венгріи; №№ 132 и 133).

1885.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1885) И. И. Раковскій помѣстилъ двѣ статьи:

Вліяніе конституціи на развитіе нашей русской народности (№ 9) и **Отвѣтъ газетѣ «Nemzet»** (№№ 32—34).

Литература объ И. И. Раковскомъ.

Переписка.

К. Студинскій. „Корреспонденція Якова Головацького в літах 1850—62“, Львовъ, 1905. (Напечатано 20 писемъ И. И. Раковскаго къ Я. Ѳ. Головацкому).

Біографіи и характеристики.

„Іоаннъ Раковскій, народный дѣятель въ Угорской Руси“ (съ портретомъ). „Древняя и Новая Россія“, Петроградъ, 1880, томъ 18, стр. 238—244.

Е. А. Фенцикъ: 1) „Іоаннъ Раковскій“, „Листокъ“, Ужгородъ, 1885, № 6 (эта же статья перепечатана въ газетѣ „Слово“, Львовъ, 1886, № 23 и въ календарѣ „Церковный Мѣсяцословъ на 1894 годъ“, Ужгородъ, 1894, стр. 77—81, съ портретомъ) и 2) „Памяти Іоанна Раковскаго“ (стихотвореніе), „Листокъ“, Ужгородъ, 1889, № 23.

„Іоаннъ Раковскій“ (некрологъ). „Листокъ“, Ужгородъ, 1885, № 5.

„Іоаннъ Раковскій“ (некрологъ). „Наука“, Львовъ, 1885, № 12.

„Іоаннъ Раковскій“ (некрологъ). „Слово“, Львовъ, 1885, №№ 134 и 135.

„Иванъ Раковскій“ (некрологъ). „Новый Проломъ“, Львовъ, 1885, № 291.

„Иванъ Раковскій“ (некрологъ). „Дѣло“, Львовъ, 1885, № 133.

Василь Лукичъ (В. Л. Левицкій). „Ватра“, Стрый, 1887, стр. 191—192.

й. „Іоаннъ Раковскій“ (съ портретомъ). „Листокъ“, Ужгородъ, 1889, №№ 23 и 24.

Евменій Сабовъ. „Христоматія церковно-славянскихъ и угрорусскихъ литературныхъ памятниковъ“, Ужгородъ, 1893, стр. 202.

Портреты.

И. И. Раковскій. (По фотографіи Сигизмунда Лондона въ Ужгородѣ. Этотъ портретъ напечатанъ въ отмѣченныхъ выше изданіяхъ. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій-Сачуровъ.

(Родился 6 (18) декабря 1817 г.—умеръ 6 (19) марта 1901 г.).

Первый періодъ жизни: 1817—1848 гг.

(Время до выступленія на общественное поприще).

Родъ Добрянскихъ.

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выводимаго имъ отъ Томова Совы, который, по его словамъ, въ X вѣкѣ переселился съ Руси въ Угрію съ княземъ Гейзою, былъ тамъ воеводою и мужественно защищалъ православіе отъ посягательствъ католиковъ. Дворянство Добрянскихъ, какъ полагалъ Адольфъ Ивановичъ, было признано жупаномъ Кендешемъ изъ Макомвизы въ 1445 году и Мараморошскою законодательною палатою въ 1763 году. Дѣдъ и отецъ А. И. Добрянскаго были священники. Его мать—Шарлотта Андреевна, урожденная Сепешгазій (дочь Левочскаго городского головы), была очень образованной женщиной и говорила на пяти языкахъ: нѣмецкомъ, мадьярскомъ, французскомъ, латинскомъ и, отчасти—русскомъ.

Молодые годы и полученіе всесторонняго образованія.

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій родился 6 (18) декабря 1817 года въ селѣ Рудлевѣ (Земплинской сто́лицы), гдѣ его отецъ—Иванъ Ивановичъ—былъ настоятелемъ прихода. Первые годы дѣтства Адольфъ Ивановичъ провелъ у своихъ родителей, гдѣ и научился русскому чтенію и письму.

Когда А. И. Добрянскому исполнилось пять лѣтъ, его отправили для изученія нѣмецкаго языка къ бабушкѣ Варварѣ Сепешгазій въ городъ Левочу; здѣсь онъ прошелъ также первые два класса гимназіи (1827—1828 гг.). Послѣдующіе классы онъ проходилъ: третій въ Рожнавѣ (1829 г.), гдѣ, кромѣ того, хорошо научился мадьярскому языку; четвертый и пятый—въ Мишковцѣ (1830—1831 гг.), гдѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго православнаго духовенства, познакомился съ догматами и обрядами православной церкви. Шестой классъ (въ то время—послѣдній)—опять въ Левочѣ, такъ какъ неподалеку отъ этого города находилось село Завадка, въ которое былъ тогда переведенъ изъ Рудлева его отецъ. Во всѣхъ классахъ гимназіи А. И. Добрянскій шелъ первымъ ученикомъ.

Высшее образованіе А. И. Добрянскій получилъ по двумъ факультетамъ: философскому—въ Кошицахъ (1833 г.) и Ягрѣ (1834 г.) и юридическому—въ Ягрѣ (1835—1836 гг.). Уже въ годы студенчества сложилось славянофильское міросозерцаніе А. И. Добрянскаго, и онъ былъ духовнымъ вождемъ ягерской славянской молодежи. Надо замѣтить, что въ Ягрѣ онъ даже подвергался преслѣдованію со стороны лицейскаго начальства за свое ревностное посѣщеніе православнаго храма. И широкое славянолюбіе и преданность православію, столь характерныя для всей послѣдующей жизни и дѣятельности А. И. Добрянскаго, развились и окрѣпли въ немъ подъ воздѣйствіемъ угро-сербскаго православнаго духовенства. Даже первую книгу на общерусскомъ языкѣ онъ получилъ отъ серба (Исаковича). Поэтому-то на склонѣ лѣтъ Адольфъ Ивановичъ любилъ называть себя Срѣмцемъ въ честь Срѣма (земли на югѣ Угріи), гдѣ такъ много православныхъ сербскихъ монастырей.

По окончаніи университетскихъ наукъ онъ недолгое время занимался юридической практикой, а затѣмъ отправился въ Щавницу и поступилъ для изученія горнаго дѣла и лѣсоводства въ Горную и Лѣсную Академію, въ которой и прослушалъ полный, четырехгодичный курсъ. Тутъ А. И. Добрянскій познакомился съ русскими изъ Россіи и Галичины и представителями другихъ славянскихъ племенъ, пріѣзжавшими учиться въ знаменитую тогда академію (нынѣ же совсѣмъ заглохшую подъ мадьярскимъ управленіемъ).

Первые годы службы до возвращенія въ Угрію въ 1848 г.

9 (21) іюня 1840 года онъ былъ назначенъ практикантомъ въ Виндшахту, около Щавницы, а въ 1842 году его сдѣлали тамъ же кунстоффицеромъ.

2 (14) мая 1846 года А. И. Добрянскому,—за его четырехлѣтнюю полезную службу, изобрѣтенія и улучшенія и особенно за заслуги по предупрежденію наводненій въ шахтахъ,—была назначена награда въ 200 гульденовъ. Въ томъ же (1846) году онъ былъ вызванъ въ Вѣну для слушанія высшей математики, механики, архитектуры и машиностроенія и занятій въ строительныхъ мастерскихъ Вѣнско-глокницкой желѣзной дороги подъ руководствомъ лучшихъ спеціалистовъ-инженеровъ.

22 апрѣля (4 мая) 1847 года А. И. Добрянскому приказано ѣхать въ Чехію, гдѣ ему удалось затѣмъ открыть каменно-угольныя копи, а черезъ мѣсяцъ онъ назначенъ кунстоффицеромъ въ Брандейзель, въ той же Чехіи. Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ много способствовалъ развитію каменно-угольнаго дѣла въ Моравіи и австрійской Силезіи.

Въ бытность въ Чехіи онъ познакомился съ В. В. Ганкою и другими дѣятелями Славянскаго Возрожденія, что еще болѣе укрѣпило славянофильскія воззрѣнія А. И. Добрянскаго.

Второй періодъ жизни: 1848—1882 гг.

(Время самой оживленной государственной и общественной дѣятельности).

Возвращеніе въ Угрію и избраніе (отмѣненное властями) депутатомъ въ угорскій сеймъ.

16 (28) марта 1848 года А. И. Добрянскому данъ приказъ вернуться въ Угрію. Въ апрѣлѣ онъ представился министру финансовъ Кошуту, а затѣмъ поѣхалъ снова въ Виндшахту, около Щавницы, гдѣ находилась у своихъ родителей его жена съ дѣтьми. Здѣсь словаки восторженно встрѣтили А. И. Добрянскаго и избрали его депутатомъ въ угорскій сеймъ; однако выборъ былъ насильственно отмѣненъ на мѣстѣ, въ городкѣ Нѣмцахъ, и депутатомъ объявленъ нѣмецъ-мадьяронъ Эмерихъ Шембери (прежде Шенбергъ).

Мадьяры, видя въ А. И. Добрянскомъ предводителя всѣхъ угорскихъ славянъ, хотѣли его схватить и предать казни. Поэтому Адольфу Ивановичу пришлось спасаться бѣгствомъ отъ мадьярскихъ шовинистовъ, боровшихся за свою *свободу*, основанную *на рабствѣ* всѣхъ не-мадьярскихъ народностей Угріи.

Бѣгство отъ преслѣдованій мадьярскихъ шовинистовъ.

21 сентября (3 октября) А. И. Добрянскій получилъ 4-недѣльный отпускъ въ Завадку, куда вскорѣ и отправился къ отцу. По дорогѣ онъ узналъ о казни нѣсколькихъ словацкихъ патріотовъ, что́ еще болѣе подтвердило его предположенія о грозящей ему опасности. Онъ скрывался то у своего отца на Спишѣ, то у зятя Яницкаго въ Мальцовѣ. Когда же пришло австрійское войско подъ начальствомъ графа Шлика и стало побѣждать мадьяръ, А. И. Добрянскій поселился въ Пряшевѣ, гдѣ собиралъ подписи подъ прошеніемъ къ императору Францу-Іосифу о присоединеніи Угорской Руси къ Галичинѣ. Этимъ путемъ угро-русское населеніе хотѣло навсегда избавиться отъ притѣсненій мадьяръ.

Вскорѣ стали подходить новыя мадьярскія войска, и генералъ Шликъ началъ отступать. А. И. Добрянскій, ѣхавшій на свадьбу своего брата Константина Ивановича, едва не попался въ руки гонведамъ (въ ночь съ 4 (16) на 5 (17) февраля 1849 года), успѣвъ во́-время укрыться отъ выстрѣловъ въ сосѣднемъ лѣсу. Когда же и на слѣдующій день Кошутовы солдаты продолжали искать Адольфа Ивановича, мѣстные русскіе крестьяне дали имъ отпоръ, взяли въ плѣнъ мятежниковъ и отдали ихъ въ руки отступавшаго австрійскаго войска. Послѣ этого А. И. Добрянскій отправился въ Галицкую Русь, гдѣ остановился въ Тыличѣ у священника Михаила Криницкаго. Здѣсь его жена родила сына Мирослава; съ ними были еще дочь Ольга и сынъ Владиміръ. Когда здоровье жены улучшилось, А. И. Добрянскій уѣхалъ въ Перемышль, гдѣ познакомился съ епископомъ (позднѣе митрополитомъ) Григоріемъ Яхимовичемъ и крылошанами: Полянскимъ, Вытушинскимъ, Ганилевичемъ и Іосифомъ Левицкимъ, который впослѣдствіи посвятилъ ему свое сочиненіе.

Пребываніе во Львовѣ.

Далѣе мы видимъ А. И. Добрянскаго въ столицѣ Галицкой Руси— гор. Львовѣ. Здѣсь онъ былъ съ большимъ почетомъ принятъ рус-

скими патріотами (онъ прямо изъ гостиницы поѣхалъ въ архіеп. зданіе при св. Юрѣ, гдѣ и жилъ съ семьей). Во Львовѣ А. И. Добрянскій познакомился съ Куземскимъ, Малиновскимъ, Лотоцкимъ, Величковскимъ, братьями Хоминскими, Гуркевичемъ, Петрушевичемъ, Зубрицкимъ и многими другими дѣятелями Галицкой Руси. А. И. Добрянскій участвовалъ въ засѣданіяхъ „Головной рады русской" и въ депутаціи, высланной радою для поднесенія намѣстнику графу Голуховскому прошенія о присоединеніи Угорской Руси къ Галицко-Владимірскому королевству, подписаннаго угро-русской интеллигенціей. Потомъ А. И. Добрянскій поѣхалъ въ Вѣну узнать, почему нѣтъ отвѣта на это прошеніе. Замѣститель министра внутреннихъ дѣлъ, два раза долго разговаривавшій съ А. И. Добрянскимъ, сказалъ ему, что „правительство не можетъ допустить, чтобы Угорская Русь освобождалась собственными силами отъ ига мадьяръ, такъ какъ это вело бы непремѣнно къ непорядкамъ, и что желаемому возсоединенію австрійской Руси противустоятъ важные интересы государства" (Автобіографія).

Дѣятельность въ качествѣ комиссара при русской арміи въ 1849 г.

19 апрѣля (1 мая) 1849 года А. И. Добрянскій былъ назначенъ помощникомъ гражданскаго комиссара при русскомъ войскѣ графа Франца Зичія, а 13 (25) іюня—гражданскимъ комиссаромъ при 3 корпусѣ генерала Ридигера. Послѣдній очень цѣнилъ совѣты А. И. Добрянскаго, знавшаго хорошо мѣстность, людей и общее положеніе вещей въ Угріи. На прощаніе Адольфъ Ивановичъ получилъ отъ Ридигера благодарственное письмо. Вообще А. И. Добрянскій пользовался большимъ уваженіемъ и любовью со стороны военно-начальствующихъ лицъ, что̀ послѣдними не разъ подчеркивалось и на дѣлѣ. Такъ, напр., князь Паскевичъ подарилъ ему два драгоцѣнныхъ пистолета.

А. И. Добрянскій участвовалъ въ большихъ сраженіяхъ при Вацовѣ и Дебрецинѣ. А въ селѣ Артандѣ близъ Великаго Варадина ему пришлось присутствовать при пріемѣ графомъ Ридигеромъ мадьярской военной депутаціи, которая отъ лица всей арміи просила о присоединеніи Угріи къ Россіи. Подъ Вилагошемъ А. И. Добрянскій былъ единственнымъ представителемъ Австріи, и ему передали плѣнныхъ.

Во время похода Адольфу Ивановичу пришлось пережить немало тяжелыхъ минутъ, вслѣдствіе чего пошатнулось его крѣпкое здоровье. Онъ вездѣ освобождалъ изъ тюремъ заключенныхъ мадьярами ни въ чемъ неповинныхъ славянскихъ дѣятелей, слѣдилъ, чтобы не было грабежей, и заботился о продовольствіи войска. Интересно при этомъ отмѣтить, что мѣстное мадьярское населеніе не хотѣло отпускать съѣстныхъ припасовъ для австрійскихъ солдатъ, наоборотъ, для русскихъ воиновъ оно дѣлало все охотно. Это марьяры объясняли тѣмъ, что австрійцевъ считаютъ своими врагами, а русскихъ—союзниками, такъ какъ послѣ окончанія возстанія примутъ подданство Россіи. За свою дѣятельность въ качествѣ военнаго комиссара при русской арміи въ 1849 году, А. И. Добрянскій былъ награжденъ сразу двумя

орденами: св. Владиміра 4 ст. (указъ данъ 20 авг. (1 сент.), а грамота—16 (28) сент. 1849 г.) и св. Анны 3 ст. (указъ данъ 21 авг. (2 сент.), а грамота—2 (14) сент. 1849 г.) Это необычайное пожалованіе надо объяснять по всей вѣроятности тѣмъ, что къ ордену Владиміра его представилъ князь Паскевичъ, а къ ордену Анны—генералъ Ридигеръ. Замѣтимъ при этомъ, что австрійскій императоръ разрѣшилъ А. И. Добрянскому русскіе ордена принять и носить, русскую же медаль въ память похода съ надписями „За усмиреніе Венгріи и Трансильваніи"— и „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ"! принять, но *не носить* (объ этомъ сохранилось особое письмо графа Зичія отъ 20 іюня (2 іюля) 1850 года), можетъ быть, потому, что видѣлъ въ послѣдней надписи намекъ на предложеніе русскому царю угорской короны; въ австрійской же медали за угорскій походъ А. И. Добрянскому отказано (бумага вѣнскаго „Platz Commando" отъ 2 (14) дек. 1882 года).

Дѣятельность по управленію въ Угорской Руси.

Нѣкоторое время (въ 1849 году) А. И. Добрянскій управлялъ въ качествѣ верховнаго комиссара Сегединскимъ округомъ, но вскорѣ опасно заболѣлъ и оставилъ эту должность. Тотчасъ по выздоровленіи А. И. Добрянскій вмѣстѣ съ братомъ—каноникомъ Викторомъ Ивановичемъ и другими угро-русскими патріотами отправился въ Вѣну просить императора о присоединеніи Угорской Руси къ Галичинѣ. Члены депутаціи, имѣвшіе полномочія отъ Пряшевскаго епископа Іосифа Гаганца и обѣихъ угро-русскихъ консисторій, были милостиво приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, но удовлетворенія своей просьбы не добились. Однако, образованіе Ужгородскаго округа и назначеніе А. И. Добрянскаго и другихъ угро-руссовъ на административныя должности въ Угорской Руси въ значительной степени объясняются впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ посольствомъ на вѣнскіе правительственные круги. 3 (15) октября 1849 года Адольфъ Ивановичъ былъ назначенъ вторымъ окружнымъ докладчикомъ (референтомъ) и правителемъ канцеляріи въ Ужгородъ.

Дѣятельность А. И. Добрянскаго на этомъ поприщѣ была весьма благотворна для Угорской Руси. Онъ добился назначенія русскихъ чиновниковъ, ввелъ въ дѣлопроизводство русскій языкъ, сдѣлалъ русскія надписи на улицахъ, призналъ русскую церковь оффиціальной и, вообще, высоко поднялъ національное самосознаніе среди угро-русскаго населенія.

Однако, патріотическая дѣятельность А. И. Добрянскаго не могла понравиться мадьярскимъ политикамъ, стремившимся къ порабощенію угро-русскаго народа; они добились того, что Адольфъ Ивановичъ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, былъ (приказомъ командующаго войсками Кошицкаго военнаго округа генерала Бордоло, отъ 19 февраля (3 марта) 1850 года) посланъ въ Шарышъ въ качествѣ королевскаго комиссара для разслѣдованія злоупотребленій жупана и другихъ чиновниковъ.

Служебна карьера 1850—61 гг.

Дальнѣйшая (съ 1850 по 1861 гг.) служебная карьера А. И. Добрянскаго протекала слѣдующимъ образомъ.

30 апрѣля (12 мая) 1850 г. Бордоло вызвалъ А. И. Добрянскаго для устнаго доклада о командировкѣ въ Кошицы, гдѣ послѣдній и остался опять въ качествѣ референта. Въ концѣ 1850 года А. И. Добрянскій получилъ двѣ командировки въ Шарышскую стóлицу для разбора жалобъ крестьянъ на притѣсненія помѣщиковъ.

4 (16) марта 1851 года А. И. Добрянскій назначенъ окружнымъ референтомъ въ Будапештѣ, а 14 (26) марта—тамъ же секретаремъ перваго класса при угорскомъ намѣстничествѣ.

Императорскимъ указомъ отъ 9 (21) іюня 1853 г. назначенъ членомъ намѣстническаго совѣта съ жительствомъ въ Великомъ Варадинѣ, а императорскимъ указомъ отъ 23 мая (4 іюня) 1860 г. переведенъ на ту же должность въ Будапештъ.

Въ бытность свою въ Великомъ Варадинѣ А. И. Добрянскій часто состоялъ членомъ и предсѣдателемъ разныхъ комиссій и исполнялъ самыя отвѣтственныя порученія. Особенно отличился онъ при устройствѣ земельныхъ отношеній освобожденныхъ въ 1848 году крестьянъ, при постройкѣ желѣзныхъ и другихъ дорогъ, осушкѣ болотъ и регуляціи рѣкъ (такъ, напримѣръ, А. И. Добрянскій сдѣлалъ судоходною рѣку Марошъ и сократилъ ея теченіе на 10 миль; также сократилъ теченіе рѣкъ: Кереша и Беретва на 53 мили и Самоша—на 27; главная заслуга А. И. Добрянскаго состоитъ въ томъ, что онъ все это выполнилъ съ малыми затратами, такъ какъ заинтересовалъ этимъ дѣломъ мѣстное населеніе).

За всѣ эти заслуги А. И. Добрянскій получилъ въ 1857 году орденъ Желѣзной Короны 3 ст., а 22 декабря того же (1857) года (3 янв. 1858 г.) ему пожаловано рыцарское достоинство съ прибавленіемъ Сачуровъ (von Szacsurov); онъ купилъ передъ тѣмъ село Сачуровъ, въ Земплинской стóлицѣ, которое впослѣдствіи продалъ.

Въ 1859 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ отличился при покупкѣ лошадей для австрійской арміи, сражавшейся тогда въ Италіи. Въ томъ же (1859) году императорско-королевскій геологическій институтъ избралъ его членомъ-корреспондентомъ за заслуги при химико-геологическомъ изслѣдованіи минеральныхъ источниковъ.

Въ 1861 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ командированъ изъ Будапешта въ Мукачевъ для ревизіи мѣстной тюрьмы.

Избраніе (отмѣненное властями) депутатомъ въ угорскій сеймъ въ 1861 г.

Въ 1861 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ избранъ отъ Шарыша депутатомъ въ угорскій сеймъ, но едва онъ въ немъ появился, какъ марьярскіе шовинисты встрѣтили его криками: „молчать“, „долой его“ и не только не дали произнести замѣчательную рѣчь (впослѣдствіи напечатанную по-нѣмецки), но даже отмѣнили его выборъ. Когда же А. И. Добрянскаго-Сачурова населеніе избрало вторично, власти вновь отмѣнили выборъ. Положеніе А. И. Добрянскаго-Сачурова въ Будапештѣ сдѣлалось невыносимымъ и онъ, безъ предварительнаго полученія отпуска, уѣхалъ въ Вѣну и ходатайствовалъ предъ императоромъ

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій-Сачуровъ.

По фотографіи Эдуарда Алькера въ Будапештѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

о переводѣ его въ столицу Австріи. Ему однако, вмѣсто удовлетворенія просьбы, было приказано немедленно вернуться въ Будапештъ для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей (бумага графа Форгача отъ 1 (13) ноября 1861 года).

Непроизнесенная рѣчь (1861). Въ бытность въ Вѣнѣ (весною 1861 г.) Адольфъ Ивановичъ прочелъ нѣкоторымъ собравшимся у него мѣстнымъ славянамъ свою рѣчь, которую онъ хотѣлъ было произнести въ угорскомъ сеймѣ во время преній объ адресѣ (онъ не могъ этого сдѣлать потому, что мадьярское большинство нарочно отложило провѣрку его полномочій до окончанія преній). Вскорѣ послѣ этого упомянутая непроизнесенная рѣчь была напечатана на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *„Рѣчь депутата угорскаго сейма Адольфа Добрянскаго по вопросу объ адресѣ“* (*„Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobrzansky in der Adress-Angelenheit“*, Вѣна, 1861 г., стр. 130).

Въ первой части этой замѣчательной рѣчи Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ отношеніе Угріи къ другимъ частямъ Габсбургской монархіи и на основаніи историческихъ данныхъ доказываетъ, что Угрія такъ же, какъ и Чехія, состоитъ съ Австріею не въ персональной, а въ реальной уніи (хотя въ случаѣ пресѣченія династіи Габсбурговъ обѣ онѣ снова обратились бы въ самостоятельныя избирательныя королевства).

Во второй части рѣчи А. И. Добрянскій-Сачуровъ требуетъ правъ на національное существованіе для не-мадьярскихъ народовъ Угріи и предлагаетъ раздѣлить ее на пять автономныхъ національныхъ областей: нѣмецко-мадьярскую, сербскую, румынскую, русскую и словацкую, соглашаясь, впрочемъ, на исключительное употребленіе мадьярскаго языка въ общемъ сеймѣ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ. Каждый изъ перечисленныхъ народовъ долженъ имѣть свои низшія, среднія и высшія юридическія школы; въ единственномъ же тогда Будапештскомъ университетѣ преподаваніе можетъ вестись на мадьярскомъ языкѣ.

Говоря о не-мадьярскихъ народахъ, Адольфъ Ивановичъ особенно подробно останавливается на историческихъ правахъ угро-руссовъ, которые издавна пользовались полною автономіею и даже особымъ привилегированнымъ положеніемъ. Въ доказательство этого, А. И. Добрянскій-Сачуровъ приводитъ множество неизданныхъ до тѣхъ поръ грамотъ, найденныхъ имъ главнымъ образомъ въ архивѣ Лелесскаго монастыря (Земплинской сто́лицы). Эта часть рѣчи имѣетъ особенную научную цѣнность, какъ первое,—послѣ оконченнаго въ самомъ началѣ XIX в. труда Базиловича,- серьезное, основанное на документальныхъ данныхъ, сочиненіе по исторіи Угорской Руси, не утратившее своего значенія и до настоящаго времени.

Награды 1862—63 гг. Въ 1862 г. А. И. Добрянскій-Сачуровъ получилъ, по случаю 1000-лѣтія Россіи, русскій орденъ св. Анны 2 ст., а въ 1863 г. ему пожалованъ австрійскій чинъ гофрата.

Служба въ придворной канцеляріи и выходъ въ отставку.

Императорскимъ указомъ отъ 22 мая (3 іюня) 1864 г. онъ назначенъ совѣтникомъ-докладчикомъ угорской придворной канцеляріи въ Вѣнѣ. До введенія дуализма (1867 г.) и образованія отвѣтственнаго министерства въ Будапештѣ, канцелярія эта была высшимъ правительственнымъ органомъ для Угріи, такъ что должность совѣтника придворной канцеляріи соотвѣтствовала должности министра.

Въ 1867 г. угорская придворная канцелярія была упразднена, и Адольфъ Ивановичъ, не желая быть орудіемъ воинствующаго мадьяризма, вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя служенію родному народу на закарпатской окраинѣ Русской Земли.

Изъ плодовъ болѣе ранней дѣятельности А. И. Добрянскаго-Сачурова въ этомъ направленіи отмѣтимъ основаніе въ 1864 г. литературнаго общества св. Василія Великаго въ Ужгородѣ, сыгравшаго важную роль въ угро-русскомъ возрожденіи и дожившаго до начала XX вѣка, когда оно было преобразовано въ паевое книгоиздательское товарищество „Уніо“.

Избраніе депутатомъ и дѣятельность въ угорскомъ сеймѣ съ 1865 по 1868 г.

Въ 1865 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ избранъ отъ Шарыша депутатомъ угорскаго сейма, въ которомъ онъ и оставался до конца 1868 года. Въ сеймѣ Адольфъ Ивановичъ проявилъ кипучую и разностороннюю дѣятельность, о которой можно лучше всего судить по произнесеннымъ имъ, въ 1867—1868 годахъ, рѣчамъ. (Болѣе же раннихъ рѣчей намъ не удалось достать. Возможно, что онѣ и не были изданы, такъ какъ раньше угорскій сеймъ былъ областнымъ, и только съ 1867 г. получилъ самостоятельное значеніе).

1) *27 октября (8 ноября) 1867 года* онъ говорилъ о мѣстномъ самоуправленіи по поводу запроса о роспускѣ правительствомъ Ягерской стóличной комиссіи (подобіе земскаго собранія) за политическое выступленіе. По мнѣнію А. И. Добрянскаго-Сачурова, мѣстное самоуправленіе не подчинено (субординировано) правительству, а сочинено (координировано) съ нимъ. Такъ вѣдь всегда было въ Угріи, такъ обстоитъ дѣло и въ Австріи. Дѣйствія правительства нарушаютъ конституцію. Впрочемъ, Адольфъ Ивановичъ не присоединился ни къ одному предложенію, такъ какъ сеймъ, не протестовавшій противъ болѣе крупныхъ правонарушеній, — въ Семиградьѣ и Рѣкѣ, въ Хорватіи и Славоніи, гдѣ въ послѣднее время даже навязывали депутатовъ, чѣмъ подтасовывали выборы, — поступилъ бы непослѣдовательно, защищая права мадьярскихъ самоуправленій, которыя (это видно изъ поведенія Земплинской стóлицы по отношенію къ населяющему ее русскому народу) часто представляютъ не интересы населенія, а взгляды отдѣльныхъ лицъ—членовъ комиссіи. А. И. Добрянскій-Сачуровъ былъ за то, чтобы сеймъ, обсудивъ предложеніе, просто перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, въ надеждѣ на внесеніе правительствомъ законопроекта о мѣстномъ самоуправленіи.

2) *1(13) декабря 1867 года* онъ выступилъ съ рѣчью, направленной противъ законопроекта о принятіи Угріей части австрійскаго государ-

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій-Сачуровъ.

Съ очень рѣдкой фотографіи.

Воспроизводится въ печати впервые.

ственнаго долга. А. И. Добрянскій-Сачуровъ признается, что всегда былъ противникомъ дуализма, но разъ послѣдній получилъ силу закона, то Угрія тѣмъ самымъ освобождается отъ платежа австрійскихъ долговъ. Къ тому же угорская половина монархіи бѣднѣе и болѣе обременена налогами; пусть лучше Австрія увеличитъ налогъ на доходы съ капиталовъ: тогда она не только покроетъ перерасходъ, но и настолько окрѣпнетъ, что Угрія будетъ смотрѣть на нее, какъ на могущественнаго и постояннаго союзника. При этомъ Австрія должна немедленно позаботиться объ удовлетвореніи справедливыхъ требованій чеховъ и другихъ славянъ, а также положить предѣлъ произволу графа Голуховскаго, политика котораго довела Галицкую Русь до небывалаго упадка. Угрія, съ непредставленными въ сеймѣ Хорватіей и Славоніей, и безъ того слишкомъ обременена; а вѣдь политика переобремененія—наихудшая политика! Для пріобрѣтенія или сохраненія свободы Угріи нужны не войско и не налоговыя жертвы, а скорѣйшее разрѣшеніе вопросовъ національныхъ и соціальныхъ. Придерживаясь такого взгляда и не желая брать на себя отвѣтственности за послѣдствія принятія законопроекта, А. И. Добрянскій-Сачуровъ присоединился къ предложенію Коломана Тисы.

3) *24 іюня* (*6 іюля*) *1868 года* А. И. Добрянскій-Сачуровъ выступилъ по поводу законопроекта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ податяхъ, защищая при этомъ свою поправку.

4) *25 іюня* (*7 іюля*) *1868 года* говорилъ противъ законопроекта, вводившаго налогъ на дома, чтó было бы особенно обременительно для крестьянскаго населенія Угріи.

5) *7*(*19*) *октября 1868 года* А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ своей рѣчи защищалъ министерскій законопроектъ объ учрежденіи, вмѣсто одного, восьми аппелляціонныхъ судовъ въ разныхъ частяхъ Угріи, высказавшись при этомъ противъ мнѣнія сеймовой комиссіи, которая, въ ущербъ не-мадьярскимъ народностямъ, отстаивала учрежденіе только двухъ аппелляціонныхъ судовъ—въ Будапештѣ и въ странѣ семиградскихъ секлеровъ, въ гор. Вашархелѣ-на-Марошѣ. А. И. Добрянскій-Сачуровъ указывалъ на опасность для Угріи отъ недовѣрія не-мадьярскихъ народностей къ правосудію, а, коснувшись исторіи вопроса, говорилъ и объ особыхъ правахъ въ Угорской Руси Мукачевскаго „domini arcis“ (т.-е. владѣльца Мукачевскаго замка).

6) *8*(*20*) *октября 1868 года* А. И. Добрянскій-Сачуровъ посвятилъ свою рѣчь вопросу о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ брачныя дѣла. Онъ приписывалъ причину неудовлетворительности церковныхъ властей всѣхъ вѣроисповѣданій Угріи государственному вмѣшательству и особенно подчеркивалъ, что, вопреки условіямъ уніи, уніатскіе епископы не избираются духовенствомъ и народомъ, а назначаются властями, что они придерживаются больше западныхъ канoновъ, чѣмъ восточныхъ, и что аппелляція отъ ихъ судовъ по брачнымъ дѣламъ противозаконно восходитъ къ римскому престолу.

7) *13(25) ноября 1868 года* рѣчь А. И. Добрянскаго-Сачурова была посвящена законопроекту о народностяхъ. Въ виду большой важности этого вопроса передаемъ болѣе подробно содержаніе рѣчи вождя угро-русскаго народа. Указавъ на огромное значеніе для Угріи національнаго вопроса, отъ благополучнаго разрѣшенія котораго зависитъ необходимое условіе ея государственнаго существованія—внутренній миръ, — А. И. Добрянскій-Сачуровъ заявляетъ, что не можетъ поддерживать законопроекта большинства комиссіи, а напротивъ требуетъ того, чтобы въ основу подробнаго обсужденія былъ положенъ проектъ меньшинства. Основное различіе между обоими проектами заключается въ томъ, что первый изъ нихъ, умалчивая о фактическомъ и законномъ существованіи всѣхъ остальныхъ народовъ государства, даетъ основаніе стремленію возвести мадьярскій народъ на степень единственнаго государственнаго народа—вершителя судебъ государства. Такое поведеніе большинства комиссіи ораторъ считаетъ несогласнымъ со всѣмъ предшествующимъ поведеніемъ сейма, выразившаго въ адресахъ 1861 г. готовность сдѣлать народностямъ всѣ уступки, согласныя съ единствомъ и цѣлостью государства и основными устоями тысячелѣтней угорской конституціи. Вѣдь не-мадьярскіе народы большею частью жили въ Угріи еще до прихода мадьяръ, отчасти же заняли ее вмѣстѣ съ мадьярами; во всякомъ случаѣ сообща защищали ее кровью и денежными жертвами. Кромѣ того, какъ въ Семиградьѣ и Хорватіи, такъ и въ собственной Угріи, каждый народъ не только самъ всегда называлъ и называетъ себя народомъ, но таковымъ онъ является и въ законодательствѣ.

Въ доказательство этого Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ порознь историческія права народовъ словацкаго, румынскаго, сербскаго, нѣмецкаго, ясъ-кунскаго (половецкаго) и русскаго и въ подтвержденіе своего положенія ссылается на многочисленныя королевскія грамоты и сеймовые законы. „Уважаемой палатѣ извѣстно“, говорилъ онъ, „что *народы ясъ-кунскій и русскій*, по свидѣтельству исторіи, отчасти населяли уже передъ приходомъ, отчасти же, *соединившись* съ мадьярами, сообща создали это отечество, въ качествѣ первыхъ *союзниковъ* мадьярскаго народа съ самаго начала имѣли свою особую территорію и народное самоуправленіе, а въ законѣ 47 : 1498 года они, будучи упомянуты вмѣстѣ (Philistei, Cumani et Rutheni), получили напоминаніе, что, если бы они посмѣли въ граничащихъ съ ихъ территоріями округахъ (стóлицахъ) нарушить спокойствіе, т.-е. и впредь освобождать крѣпостныхъ,—то они вызываются на судъ палатина.

„Несомнѣннымъ дѣлаетъ это утвержденіе.... относительно русскихъ прежде всего тотъ стародавній обычай, по которому ихъ территоріей подъ названіемъ „ducatus“ (воеводство) пользовались также и для титула, какъ св. Эмерихъ, который первый завелъ при королевскомъ дворѣ преобладавшую въ теченіе столѣтій, пользовавшуюся значительнымъ вліяніемъ, русскую стражу и, по свидѣтельству исторіи, умеръ въ ка-

чествѣ „dux Ruissorum“, такъ и Бѣла при Андреѣ I, а позднѣе Іоаннъ Корвинъ и властвовавшіе надъ русскими семиградскіе князья...

„Подтверждаютъ это относительно русскаго народа... тѣ королевскія грамоты, въ которыхъ находится подпись „dux Ruthenorum“, какъ и тѣ грамоты, въ которыхъ упоминаются чиновники русскихъ воеводъ. Такова между прочимъ и обнародованная въ трудѣ Феѣра (Fejér, Codex diplomaticus), выданная въ 1299 г. Бережскимъ жупаномъ очень интересная грамота, въ которой онъ называетъ себя чиновникомъ русскаго воеводы „Nos Georgius, comes de Beregh, officialis Leu Ducis Ruthenorum“) (т.-е. „Мы Георгій, жупанъ Бережскій, чиновникъ Русскаго Воеводы Льва“).

„Подтверждаютъ это относительно русскихъ въ особенности данныя въ 1562, 1573 и 1648 гг. подтвержденія полученныхъ отъ королей Угріи привилегій; королевскіе рескрипты, обращенные къ совокупности русскаго народа (universitati populorum Ruthenorum), изъ которыхъ очень важенъ рескриптъ, данный въ 1552 г.... касающійся отношеній между обществомъ и іерархіею; далѣе оффиціальныя грамоты Бережской столицы 1747 г... и многочисленные законы нашего отечества, а именно законы 52 : 1500, 6 : 1572, 4 : 1574, 36 : 1613, 48 : 1618, 52 : 1681, 27 : 1687, особенно же вышеупомянутый законъ 47 : 1498.

„Итакъ, *народы словацкій и румынскій* уже передъ *приходомъ мадьяръ пользовались самостоятельною государственною жизнью въ этой странѣ*; народы сербскій и нѣмецкій, хотя въ значительной своей части и поселились позже въ этой странѣ, но поселились подъ условіемъ народнаго самоуправленія; соединившіеся же искони съ мадьярскимъ народомъ народы ясъ-кунскій и русскій, какъ первые союзники мадьяръ и участники въ пріобрѣтеніи этой страны, искони имѣли собственное народное самоуправленіе.

„Всѣ эти народы... вездѣ, и во всемъ считались равноправными по слѣдующему принципу нашей стародавней конституціи, Steph. decr. I. cap. 6. § 3: „nam unius linguae uniusque moris regnum imbecille et fragile est“ (т.-е. „ибо царство съ однимъ языкомъ и однимъ обычаемъ слабо и хрупко“), что далѣе поясняется въ § 4: „Propterea jubeo te fili mi, ut bona voluntate eos nutrias et honeste teneas, ut tecum libentius degant quam alibi habitent“, (т.-е. „Поэтому я повелѣваю тебѣ, сынъ мой, охотно ихъ питать и держать въ чести, чтобы они предпочитали оставаться съ тобою, чѣмъ жить въ другомъ мѣстѣ“; изъ наставленія угорскаго короля Стефана I сыну Эмериху, вошедшаго въ законникъ) (стр. 3—5).

Въ доказательство исконной равноправности народовъ Угріи А. И. Добрянскій-Сачуровъ ссылается далѣе на королевскіе титулы разныхъ временъ: „rex Pannoniarum“ (король Панноній), „rex utriusgue Pannoniae“ (король обѣихъ Панноній), „rex Ungariae“ или „rex Hungariae“, (король Угріи), а не „rex Hungarorum“ (король мадьяръ), между тѣмъ какъ языческіе князья X вѣка назывались „dux Ungarorum“ (князь

мадьяръ); на прямое указаніе законника, что народы (nationes), мадьярскій (со слившимся съ нимъ ясъ-кунскимъ), словацкій, румынскій, русскій и сербскій были первоначально равноправны, а со времени крестьянскаго возстанія въ началѣ XVI в. различались лишь въ томъ отношеніи, что одни народы,—напр., мадьярскій,—за исключеніемъ привилегированныхъ сословій,—утратили право свободнаго перехода, другіе,—напр., русскій, сербскій и ясъ-кунскій,—сохранили его; наконецъ, на то, что „вслѣдствіе крестьянскаго возстанія законъ отнялъ право свободнаго перехода не у отдѣльныхъ лицъ, а у отдѣльныхъ народовъ, какъ корпорацій,—въ явное доказательство того, что отдѣльные, въ только что приведенномъ законѣ перечисленные народы всегда считались юридическими лицами; далѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ согласіи съ этимъ по 3 и 4 раздѣлу II части тройного законника являющееся политическимъ факторомъ *населеніе государства*, т.-е. *пользующееся правами населеніе* (populus), состояло изъ привилегированныхъ сословій всѣхъ народовъ, точно такъ же какъ римская республика вначалѣ состояла только изъ патриціевъ, или дворянъ.

„Но уже въ тройномъ законникѣ мы находимъ, что подъ выраженіемъ „populus" (населеніе) разумѣется собственно и „plebs" (простой народъ), что, слѣдовательно, только на основаніи существующихъ привилегій разумѣлись подъ этимъ названіемъ не собственно (improrie), въ духѣ тогдашнихъ временъ, одни привилегированные классы; и какъ въ римской имперіи были приняты позже въ ряды населенія (populus) и не-дворяне, такъ случилось и у насъ, а потому въ нашемъ отечествѣ съ 1848 г. всѣ жители государства или *всѣ народы вмѣстѣ* составляютъ *населеніе*, или политическій факторъ государства" (стр. 6).

Опровергнувъ въ дальнѣйшемъ возраженія мадьярскихъ шовинистовъ противъ мнѣнія объ исконномъ равноправіи угорскихъ народовъ, Адольфъ Ивановичъ переходитъ къ изложенію вопроса о постепенномъ упадкѣ этого равноправія и самоуправленія: „Правда, что уже съ XVI, а еще больше съ XVII столѣтія можно было замѣтить въ нашемъ законодательствѣ то стремленіе, которое достигло апогея во Франціи въ концѣ XVIII в., и которое, какъ кажется, до сихъ поръ не прошло въ нашемъ отечествѣ, я разумѣю *несчастное стремленіе къ государственной централизаціи, считающее государство не средствомъ, а цѣлью, слѣдовательно, несмотря на фразы о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, убивающее всякое свободное движеніе, а потому держащее западныя части Европы въ постоянномъ кипѣніи, и очень угрожающее нашему отечеству*" (стр. 8).

Но стремленіе это сперва не было направлено противъ не-мадьярскихъ народовъ: введя единообразіе въ судопроизводствѣ и управленіи и уничтоживъ національныя территоріи (русскую—въ 1746 г.), оно не коснулось равноправности народовъ.

„Только въ концѣ XVIII в. была изъ Франціи пересажена въ наше отечество идея той чрезмѣрной централизаціи, которая, не до-

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1866 г.

По фотографіи Боршоша и Доктора въ Будапештѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

вольствуясь единообразіемъ въ управленіи и судопроизводствѣ, хотѣла осуществить централизацію и относительно народности, или господство одного народа надъ остальными; а отсюда можно объяснить тотъ поступокъ законодательной власти 1791 года, что она съ одной стороны не только сохранила, но и пригласила на сеймъ ясъкунскіе и гайдуцкіе округа, тѣ самые, которые были вышеприведенными законами окончательно упразднены; а съ другой стороны уничтожила покоящіяся на государственно-правовомъ основаніи привилегіи сербскаго народа.

„На сеймѣ 1790—91 г. впервые пытались употреблять мадьярскій языкъ наряду съ латинскимъ въ качествѣ языка сеймовыхъ совѣщаній; и хотя эта попытка вслѣдствіе возникшихъ затрудненій не имѣла тогда особенно важныхъ послѣдствій, — все-же на этомъ сеймѣ положено было основаніе къ нѣкоторому предпочтенію мадьярскаго языка, такъ какъ предписано было обученіе мадьярскому языку во всѣхъ общественныхъ школахъ, а равно и право употреблять его въ областныхъ учрежденіяхъ, и избранъ особый государственный комитетъ для обработки языка. А на этой основѣ возникли мадьярскія національныя образовательныя учрежденія и вообще, доводящіе до невозможности верховенство мадьярскаго языка надъ остальными, законы 1830, 1836, 1840, 1844 и 1848 гг.“ (стр. 8—9).

Далѣе ораторъ излагаетъ вкратцѣ сущность каждаго изъ этихъ законовъ и въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ значеніе ихъ для не-мадьярскихъ народовъ Угріи: „Эти постановленія вышеуказанныхъ законовъ 1830, 1836, 1840, 1844 и 1848 гг. очень оскорбляли не-мадьярскіе народы государства, ибо, такимъ образомъ, личная свобода была сильно ограничена, и равноправность народовъ была нарушена въ томъ отношеніи, что вмѣсто безразличнаго латинскаго языка выступилъ, притомъ еще въ болѣе широкихъ предѣлахъ, языкъ живого народа, и на основаніи этихъ законовъ гражданину-мадьяру, годному при знаніи одного своего материнскаго языка къ каждой должности, способному къ осуществленію всѣхъ политическихъ правъ, было дано больше правъ, чѣмъ не-мадьяру, который, кромѣ своего родного языка,—а если хотѣлъ считаться образованнымъ, кромѣ классической латыни,—не могъ обойтись безъ изученія мадьярскаго языка, если хотѣлъ получить лишь какое-нибудь, даже самое скромное мѣсто, или только глубже осуществлять политическія права, словомъ, жить, какъ гражданинъ государства“ (стр. 10).

Но ни эти законы, ни направленные къ возвеличенію мадьяръ дѣйствія намѣстничества и адреса сейма 1860-хъ годовъ вовсе не уничтожили существованія не-мадьярскихъ народовъ: вѣдь, въ 1848 г. было учреждено представительство не какого-либо народа, а всего населенія, „на основаніи котораго“,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—„и мы заняли свои мѣста въ этой палатѣ“ (стр. 10). Свое положеніе шарышскій депутатъ подтверждаетъ цитатами изъ сеймовыхъ адре-

совъ, упоминающихъ о нѣсколькихъ народахъ Угріи и высказывающихся за полное ихъ равноправіе, а подводя итоги своей рѣчи, между прочимъ замѣчаетъ, что существованіе и равноправность не-мадьярскихъ народовъ обезпечены такими актами, „которые, имѣя характеръ договоровъ, не могутъ быть измѣнены, а тѣмъ болѣе отмѣнены одною стороною или большинствомъ голосовъ" (стр. 11).

Въ заключительной части своей рѣчи А. И. Добрянскій-Сачуровъ заявляетъ: „Въ виду всего этого, я не считаю пріемлемымъ проектъ большинства, который, какъ я сказалъ, отрицая существованіе народовъ государства, какъ-бы стремится ввести употребленіе понятія „мадьярскій народъ", вмѣсто „населеніе"; ибо я убѣжденъ, что такое измѣненіе основныхъ государственныхъ законовъ, т.-е. конституціи, не можетъ быть юридически проведено иначе, какъ на основаніи добровольнаго соглашенія въ этомъ смыслѣ заинтересованныхъ народныхъ корпорацій" (стр. 12).

Проектъ большинства заключаетъ въ себѣ духовную смерть не-мадьярскихъ народовъ, а смертью нельзя наказывать народы, составляющіе къ тому же большинство населенія; впрочемъ, по мнѣнію оратора, мадьярскій народъ для того и недостаточно силенъ.

„Этого, господа",—продолжалъ Адольфъ Ивановичъ,—„не слѣдуетъ упускать изъ виду ни относительно государства, которое, состоя изъ нѣсколькихъ народовъ, не можетъ отступить отъ слѣдующей своей указанной въ конституціи цѣли,—что оно обязано одинаково поддерживать благосостояніе всѣхъ этихъ народовъ,—и, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не можемъ подавлять большинствомъ голосовъ свои составныя части; ни при частныхъ обществахъ, общія собранія которыхъ на основаніи закона 1840 года („de societatibus actionariis", т.-е. „объ акціонерныхъ обществахъ") во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ могутъ, правда, переголосовывать всѣхъ остающихся случайно въ меньшинствѣ членовъ общества, но не относительно опредѣленной уставомъ цѣли, такъ какъ ея измѣненіе, хотя бы принятое общимъ собраніемъ, даетъ меньшинству право выйти изъ общества и потребовать назадъ вложенныя деньги съ соотвѣтствующимъ процентомъ" (стр. 13).

Поэтому, по мнѣнію вождя угро-руссовъ, сеймъ не имѣетъ права даже приступать къ обсужденію проекта большинства.

Переходя къ проекту меньшинства, ораторъ замѣчаетъ, что проектъ этотъ, „который съ одной стороны обезпечиваетъ основанное на нашей конституціи существованіе и развитіе народовъ государства, и даже справедливыя національныя притязанія меньшихъ народныхъ обломковъ; съ другой стороны—не требуетъ для отдѣльныхъ *народовъ территорій, чего бы они, однако, на основаніи исторіи и законовъ могли требовать;* даже опредѣляетъ исключительное употребленіе мадьярскаго языка какъ въ законодательствѣ, такъ и въ дѣлопроизводствѣ центральнаго правительства, что́ они, однако, на основаніи упомянутыхъ законовъ, также могли бы оспаривать, — пред-

ставляетъ весьма удобное основаніе для подробнаго обсужденія“ (стр. 13).

Хотя законопроектъ этотъ „требуетъ для *отдѣльныхъ народовъ гораздо менѣе*“ того, чего они имѣли бы право требовать, Адольфъ Ивановичъ готовъ уступить большинству „во всемъ, что *не заключаетъ духовной смерти не-мадьярскихъ народовъ*“, напр., въ вопросѣ о національныхъ флагахъ, о границахъ административныхъ дѣленій Угріи и во всемъ другомъ, „если бы было оговорено:

„1) что *всѣ народы*, которые перечислены въ 25 раздѣлѣ 3 части тройного законника, *составляютъ одно нераздѣльное населеніе* (populus) *угорскаго государства*;

„2) что народы эти призваны въ качествѣ корпорацій единственно къ развитію своего языка и народности, слѣдовательно, къ дѣятельности на культурномъ поприщѣ, и что въ этомъ отношеніи каждый народъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ безъ права имѣть притязанія на какую бы то ни было помощь другого народа или государства;

„3) что народамъ этимъ, какъ корпораціямъ, не подобаетъ пользованіе никакими другими правами, особенно—политическими, такъ какъ политическій факторъ всего государства, области или отдѣльной общины есть законно собранное представительство населенія государства, области или общины, а также всякій гражданинъ лично безъ различія народности“ (стр. 14).

Отмѣтивъ, что эти пункты не содержатъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ того ограниченія, что народамъ не принадлежатъ политическія права; выразивъ готовность принять даже проектъ большинства, если въ него будутъ включены эти три пункта,—что̀ могло бы успокоить хоть самыя умѣренныя партіи не-мадьярскихъ народовъ; извинившись, что противъ своего обыкновенія произнесъ такую длинную рѣчь,—что̀ было необходимо, для того, чтобы свѣтъ и Угрія знали, какъ умѣренны были требованія не-мадьярскихъ народныхъ депутатовъ,—А. И. Добрянскій-Сачуровъ кончаетъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Общество нашего отечества должно узнать, что согласному рѣшенію національнаго вопроса *не помѣшали* находящіеся въ совершенномъ меньшинствѣ и дѣлающіе всѣ согласимыя съ жизнью народовъ уступки *народные депутаты*, а помѣшало то, высказанное съ другой стороны, требованіе, по которому мы должны были отречься отъ единственной коренящейся въ нашихъ основныхъ законахъ *гарантіи нашей народной жизни* и даже *рѣшить нашу народную смерть*,—а въ подобномъ рѣшеніи мы даже не считаемъ компетентными ни себя, ни все законодательное собраніе.

„Если же, несмотря на то, было бы рѣшено большинствомъ голосовъ исключеніе не-мадьярскихъ народовъ изъ нашего законника или ихъ уничтоженіе,—мы, какъ послушные граждане, не можемъ, правда, сопротивляться такому проявленію власти,—но едва ли такое рѣшеніе національнаго вопроса будетъ кого-либо одушевлять, или въ годину

опасности побуждать къ жертвамъ; а потому прошу уважаемую палату, чтобы она изволила... принять во вниманіе, что государство—не цѣль, а средство къ благополучію всѣхъ народовъ, т.-е. населенія, и что въ случаѣ замѣны единственно законнаго населенія (populus) мадьярскимъ народомъ и хорватскіе представители не могли бы занять мѣста въ этой палатѣ, такъ какъ съ ними законодательныя собранія, согласно ихъ адресамъ 1861 г., желали договариваться, какъ со свободнымъ народомъ.

„Я знаю, какъ трудно стоящему на вершинѣ могущества, будь то отдѣльный человѣкъ или корпорація, уступать или хотя, какъ въ настоящемъ случаѣ, немного отступить отъ намѣченнаго пути, ибо льстивыя слова унижающихся передъ силою всегда любятъ преувеличивать, даже представлять несокрушимымъ могущество; знаю, что многіе отъ рѣшенія путемъ закона духовной смерти не-мадьярскимъ народовъ ждутъ ихъ скорѣйшаго *омадьяренія*, а тѣмъ самымъ значительнаго увеличенія мадьярскаго народа, что еще болѣе затрудняетъ отступленіе отъ намѣченнаго пути.

„Но я убѣжденъ въ томъ, что стоящіе на вершинѣ могущества больше всего должны остерегаться возвеличенія со стороны льстецовъ и примириться съ тою вѣчною истиною, что *всякое мірское могущество преходяще*. Итакъ, сильный долженъ, даже съ успѣхомъ тогда только можетъ исполнить справедливыя, а тѣмъ болѣе основанныя на естественномъ правѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на положительномъ законѣ притязанія, пока его могущество еще не поколеблено, или пока его уступчивость можетъ считаться плодомъ доброй воли.

„Что же касается будущаго омадьяренія не-мадьярскихъ народовъ, то его возможности я не отрицаю относительно тѣхъ обломковъ, которые находятся разсѣянными по мѣстностямъ, населеннымъ преимущественно мадьярскимъ народомъ, особенно если мадьярскій народъ, какъ мы того хотимъ, будетъ не угнетателемъ остальныхъ народовъ, а ихъ вождемъ, чтобы мы такимъ образомъ могли пользоваться благословеннымъ согласіемъ; омадьяреніе же многомилліонныхъ массъ не-мадьярскихъ народовъ, принимая во вниманіе не только то существенное обстоятельство, что народы эти составляютъ большинство населенія государства, но и наше географическое положеніе, я считаю совершенно невозможнымъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что и *Угрія такъ мало будетъ или можетъ быть когда-либо мадьярскою, какъ Турція будетъ или можетъ быть когда-либо турецкою*“ (стр. 15—16).

Кромѣ перечисленныхъ рѣчей, А. И. Добрянскому-Сачурову принадлежатъ еще „Запросъ“ и „Предложеніе“, которые касались слѣдующаго:

8) *Запросъ* министру юстиціи о томъ, намѣренъ ли онъ еще въ текущую сессію внести три законопроекта, направленныхъ къ ликвидаціи остатковъ крѣпостного права во всей Угріи (тогда обсуждались 2 законопроекта, касающіеся виноградниковъ, значитъ выгодные почти исключительно мадьярамъ; несмотря на это, А. И. Добрянскій-Сачуровъ защищалъ эти законопроекты, такъ какъ желалъ блага и своимъ національнымъ противникамъ—мадьярамъ).

9) *Предложеніе* сеймовыхъ депутатовъ А. И. Добрянскаго-Сачурова и двухъ румынъ—Влада и Медана сейму постановить, чтобы министръ вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія въ возможно скоромъ времени внесъ законопроектъ объ устройствѣ національныхъ соборовъ румынской и русской уніатскихъ церквей, а пока добился созыва временныхъ соборовъ на такомъ же основаніи, какое уже принято въ законодательномъ порядкѣ для православной церкви (въ *предложеніи* указывается, что условія уніи угорскихъ румынъ и русскихъ—сохраненіе восточнаго обряда, церковнаго права и выборъ епископовъ—не соблюдаются: избирается одинъ только семиградскій митрополитъ, остальныхъ епископовъ назначаетъ папа; въ брачныхъ дѣлахъ не соблюдаются законы восточной церкви; даже обрядъ приходитъ въ упадокъ).

Жизнь въ Чертежномъ (1869—1881).

Въ 1867 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ, какъ сказано, вышелъ въ отставку и по истеченіи срока депутатскихъ полномочій поселился въ своемъ имѣніи—селѣ Чертежномъ, гдѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, попрежнему принималъ видное участіе въ жизни Угорской Руси.

Его вторичному избранію въ сеймъ мадьяры, правда, воспрепятствовали грубою силою, но онъ состоялъ предсѣдателемъ основаннаго имъ въ 1864 г. Общества Василія Великаго въ Ужгородѣ. Его стараніями въ Пряшевѣ учреждено Общество Іоанна Крестителя. Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ давалъ направленіе и оказывалъ матеріальную поддержку угро-русскимъ и даже словацкимъ повременнымъ изданіямъ, а также принималъ дѣятельное участіе и въ галицко-русской печати. Но особенно много занимался А. И. Добрянскій-Сачуровъ церковными дѣлами. Видя, что послѣдніе остатки православія въ угро-русской церкви—восточный обрядъ и восточные каноны—приходятъ въ упадокъ, что на назначеніе епископовъ правительство смотритъ, какъ на орудіе мадьяризаціи, а римско-католическіе епископы видятъ въ этомъ средство для латинизаціи,—Адольфъ Ивановичъ не могъ не задумываться надъ тѣмъ, какъ бы спасти свою церковь отъ непрошеныхъ опекуновъ—латинскаго духовенства и мадьярскихъ властей; плодомъ этихъ размышленій была слѣдующая программа:

1) учрежденіе, кромѣ существующихъ Мукачевской и Пряшевской, еще третьей—Мараморошской—русской уніатской епархіи, съ возведеніемъ епископа Мукачевскаго въ санъ митрополита;

2) митрополитъ и епископы избираются, согласно условіямъ уніи, духовенствомъ и народомъ;

и 3) высшая власть въ угро-русской церкви принадлежитъ собору, состоящему, какъ въ православныхъ церквахъ угро-сербской и угро-румынской, изъ представителей духовенства и мірянъ.

Въ случаѣ осуществленія этой программы, угро-русская церковь, ставъ автономною, могла бы безпрепятственно приступить къ очищенію обряда и возстановленію древнихъ каноновъ (съ учрежденіемъ

митрополіи, въ дѣла о разводѣ, напр., не могли бы вмѣшиваться не признающіе никакого развода латинскіе архіепископы).

Первою попыткою провести въ жизнь эту программу, принятую и румынами въ примѣненіи къ своей церкви, было вышеупомянутое предложеніе (1868 г.) сеймовыхъ депутатовъ А. И. Добрянскаго-Сачурова, Влада и Медана.

Обстоятельства, казалось, благопріятствовали осуществленію программы А. И. Добрянскаго-Сачурова. Сеймъ только-что принялъ законъ (9:1868) объ автономіи угро-сербской и угро-румынской православныхъ церквей, въ 9-й статьѣ котораго было оговорено, что, если бы въ Угріи явились православные—не-сербы и не-румыны, то правительство обязано дать и имъ широкую автономію. На какомъ же основаніи могла законодательная власть отказать уніатамъ въ томъ, что̀ она только-что дала и въ будущемъ обѣщала давать православнымъ?

Вопросъ объясняется просто.

Мадьярамъ стыдно было признаться, что они согласились на автономію православныхъ церквей только изъ боязни отнимать у нихъ права, полученныя ими отъ австрійскихъ императоровъ (отчасти еще въ XVII—XVIII вв., отчасти же въ эпоху абсолютизма 1850-хъ годовъ); мадьяры не рѣшались также открыто заявить, что эту автономію они при первомъ удобномъ случаѣ обратятъ въ пустой звукъ, а давать автономію тѣмъ, у кого ея еще нѣтъ, они и вовсе не намѣрены!

Мадьярскіе политики развили поэтому агитацію за автономію въ Угріи всей католической церкви со включеніемъ русскихъ и румынскихъ уніатовъ. Съ этой цѣлью въ 1869 г. примасъ Угріи, кардиналъ Шиморъ, созвалъ въ Будапештѣ католическій соборъ изъ представителей угорскихъ католиковъ (и уніатовъ) какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія.

Участіе на католическомъ соборѣ (1869).

На соборъ прибылъ также А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ качествѣ представителя Земплинскаго округа. Онъ потребовалъ, чтобы угро-русская церковь была въ будущемъ представлена на общемъ соборѣ угорской католической церкви корпоративно, т.-е. чтобы члены общаго собора отъ угро-руссовъ избирались на ихъ особомъ соборѣ, и при этомъ заявилъ, что онъ и его угро-русскіе единомышленники только въ томъ случаѣ примутъ участіе въ работахъ собора, если послѣдній заранѣе дастъ свое согласіе на исполненіе этого ихъ требованія. Однако, мадьярское большинство собора, къ которому примкнулъ и Мукачевскій епископъ Панковичъ съ кучкою своихъ прислужниковъ, не пошло навстрѣчу справедливымъ требованіямъ угро-руссовъ. Оно лишь приняло автономію руководимой мадьярами католической церкви. Въ виду этого, Адольфъ Ивановичъ покинулъ соборъ и составилъ противъ его рѣшенія протестъ, одобренный также и другими истинными представителями угро-русской церкви и покрытый множествомъ подписей ея членовъ. Это мужественное заявленіе признаннаго національнаго вождя Угорской Руси и аналогичное ему выступленіе угро-румынъ

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій-Сачуровъ въ 1872 г.

Съ портрета масляными красками художника
Ѳеофила Копыстинскаго.

Воспроизводится въ печати впервые.

были одною изъ причинъ того, что всѣ разглагольствованія членовъ собора остались безъ послѣдствій, и мадьярамъ тогда не удалось безповоротно подчинить угро-русскую церковь. А. И. Добрянскій-Сачуровъ обнаружилъ при совѣщаніяхъ свои глубокія богословскія познанія, на которыя ничего не могли возразить даже враги. Его рѣчь, сказанная на соборѣ *31 мая (12 іюня) 1869 года* была напечатана въ мадьярской газетѣ „Autonomia" (1869 г., № 147). Вопросу объ автономіи угро-русской церкви посвящена также и принадлежащая его перу передовая статья въ „Свѣтѣ" за 1871 г. (№ 2 и „Прибавленіе" къ нему).

Покушеніе на жизнь Адольфа Ивановича въ 1871 г..

Шовинизмъ и ненависть мадьяръ по отношенію къ А. И. Добрянскому-Сачурову усиливались съ каждымъ годомъ. Мадьяры еще въ 1848—49 и 1868 гг. хотѣли убить Адольфа Ивановича, но этого имъ сдѣлать къ счастію не удалось. Послѣ засѣданій католическаго собора, къ числу враговъ вождя Угорской Руси присоединились также и нѣкоторые мадьярскіе и мадьяронскіе священники съ угро-русскимъ измѣнникомъ епископомъ Панковичемъ во главѣ. По наущенію послѣдняго въ 1871 году, во время общаго собранія членовъ Общества св. Василія Великаго въ Ужгородѣ, мадьярскіе гонведы напали на коляску, въ которой ѣхалъ сынъ Адольфа Ивановича—Мирославъ Адольфовичъ († 1898 г. въ Холмѣ), и, получивъ на вопросъ: „Кто ѣдетъ?" отвѣтъ: „Добрянскій", вытащили юношу изъ коляски и нанесли ему нѣсколько ударовъ саблями по головѣ, причинивъ глубокія раны, которыя—окажись въ колясвѣ, вмѣсто 22-лѣтняго юноши, 53-лѣтній вождь угро-руссовъ—могли бы быть смертельными. Для угорскихъ отношеній характерно то, что совершенное средь бѣла дня это дикое, возмутительное преступленіе осталось совершенно безнаказаннымъ.

Покушеніе на Адольфа Ивановича имѣло весьма печальныя послѣдствія для дальнѣйшаго культурнаго развитія Угорской Руси. Онъ не могъ уже больше появляться на собраніяхъ угро-русскихъ Обществъ и своимъ убѣдительнымъ и краснорѣчивымъ словомъ воодушевлять ихъ на работу. Поэтому ихъ дѣятельность стала замѣтно падать, пока не замерла окончательно. Прекратили свое существованіе также и (еженедѣльныя) газеты: сперва „Свѣтъ" (1867—1871), затѣмъ его преемникъ—„Новый Свѣтъ" (1871—1872). Вмѣсто нихъ сталъ выходить полумадьярскій „Карпатъ", который, по смерти своего редактора священника Н. Ю. Гомичкова, несмотря на тринадцатилѣтнее существованіе (1873—1886), не могъ, однако, продолжаться изъ-за недостатка читателей, не сочувствовавшихъ мадьярофильскому направленію этой газеты.

Поѣздка въ Россію въ 1875 г.

Въ 1875 г. Адольфъ Ивановичъ ѣздилъ въ Россію, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ большихъ городовъ онъ побывалъ въ Варшавѣ, Вильнѣ, Петроградѣ, Москвѣ и Кіевѣ; поклонился православнымъ русскимъ святынямъ; представлялся государю-цесаревичу Александру Александровичу, который его „съ небывалою снисходительностью принималъ и увѣрялъ, что высоко будетъ держать всегда прапоръ славянскій" (изъ письма А. И. Добрянскаго-Сачурова къ проф. А. С. Буди-

ловичу, написаннаго въ концѣ 1894 года). Былъ въ Петроградскомъ отдѣлѣ Славянскаго Комитета, познакомился со многими русскими людьми: К. П. Побѣдоносцевымъ, который потомъ съ нимъ переписывался и нерѣдко навѣщалъ его въ Иннсбрукѣ, И. П. Корниловымъ, гофмаршаломъ Г. П. Алексѣевымъ, въ малороссійскомъ имѣніи котораго гостилъ нѣсколько недѣль, кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ, М. Н. Катковымъ, И. С. Аксаковымъ, С. М. Соловьевымъ и другими.

Литературные труды (1869—1881). Живя въ имѣніи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ много посвящалъ времени литературнымъ трудамъ; за эти (1869—1881) годы, кромѣ уже упомянутыхъ, имъ были напечатаны слѣдующія сочиненія:

„Проектъ политической программы для Руси австрійской" (1871 г.), „Патріотическія письма" (1873 г.), „О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра" (1880 г.), „Отвѣтъ угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи своему епископу" (1881 г.) и „Аппелляція къ папѣ отъ имени угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи по вопросу о ношеніи уніатскими священниками бороды" (1881 г.).

Остановимся на разсмотрѣніи основной мысли и содержанія каждаго изъ этихъ сочиненій.

„Проектъ политической программы для Руси австрійской" (1871). Въ разсужденіи *„Проектъ политической программы для Руси австрійской"* (1871 г.) А. И. Добрянскій-Сачуровъ доказываетъ необходимость автономіи для всей австрійской Руси, подъ которой онъ разумѣетъ не только русскія части Галичины и Буковины, но также и Угорскую Русь. Послѣдняя согласно проекту должна, послѣ устраненія дуализма, составлять одно административное цѣлое съ Галичиной и Буковиной и находиться въ составѣ федераціи австро-угорскихъ народовъ, которая будетъ именоваться Австріей. Отсюда и происходитъ принятое авторомъ названіе,—австрійская Русь.

Ходъ всего изложенія слѣдующій.

Галицко-русскій, или австрійско-русскій, вопросъ не является мѣстнымъ, наоборотъ, въ его разрѣшеніи заинтересовано все австро-угорское государство. Такъ какъ оно должно, рано или поздно, преобразоваться изъ дуалистическаго въ федеративное, то и австрійской Руси необходимо заранѣе выяснить свои требованія и выработать опредѣленную политическую программу.

„Представляю затѣмъ Радѣ русской,—говоритъ авторъ,—на которой лежитъ обязанность защиты правъ цѣлой Руси австрійской, покорнѣйшее внесеніе, дабы возвала всѣхъ патріотовъ изъ Галиціи, Угоръ и Буковины до предложенія требованій, и дабы на основаніи тѣхже занялась составленіемъ полной *политической* программы" (стр. 4).

При изложеніи программы необходимо исходить изъ того соображенія, что русскій народъ, живущій въ Австріи, является „только частью одного и того же народа русского,—мало- бѣло- и великорусского,—имѣетъ одну съ нимъ исторію, одни преданія, одну литературу и одинъ обычай народный" (стр. 9—10).

Это національно-культурное единство русскаго народа не въ силахъ нарушить даже сепаратистическая дѣятельность украйноманской партіи, которая,—по мнѣнію автора,—когда убѣдится въ „невозможности воскресенія Украины въ предѣлахъ монархіи австрійской" должна будетъ солидарно трудиться со „всею интеллигенціею нашей" (стр. 16).

Затѣмъ указывается на недовольство дуализмомъ всѣхъ (за исключеніемъ нѣмцевъ и мадьяръ) народовъ государства, такъ какъ онъ построенъ на противоестественномъ началѣ господства нѣмецко-мадьярскаго меньшинства надъ славяно-романскимъ (румыны и итальянцы) большинствомъ.

Дуалистическая система въ частности очень невыгодна и для русскаго народа, такъ какъ дѣлитъ его на двѣ части: австрійскую (Галичина и Буковина) и угорскую (Угорская Русь). Итакъ, Австрія должна преобразоваться изъ дуалистическаго государства въ федерацію народовъ. А такъ какъ большинство ея населенія составляютъ славяне, то отсюда вытекаетъ необходимость, чтобы Австрія была какъ во внутренней, такъ и во внѣшней своей политикѣ вполнѣ славянскимъ государствомъ.

Обсуждая положеніе восточнаго вопроса и касаясь вмѣстѣ съ тѣмъ могущества Германіи, только что объединившейся послѣ удачной для нея франко-прусской войны (1871 г.), авторъ выражаетъ увѣренность, что объединенной Германіи будетъ служить противовѣсомъ Россія, „розумѣется, въ союзѣ съ племенемъ славянскимъ" (стр. 30).

Говоря о будущей, неизбѣжной войнѣ Россіи съ Германіей изъ-за балканскаго вопроса, А. И. Добрянскій-Сачуровъ дѣлаетъ свои предположенія, которыя свидѣтельствуютъ не только о его горячемъ славянолюбіи, но и замѣчательно вѣрномъ пониманіи задачъ славянской политики Россіи.

Такъ какъ будущая русско-нѣмецкая, или славяно-германская, война должна привлечь на сторону Россіи всѣхъ славянъ, то необходимо предварительно достигнуть русско-польскаго примиренія. Для этого,—по мнѣнію автора,—„желательно и справедливо было бы въ лицѣ политики славянской, дабы Поляки назадъ пріобрѣли природныи и нравственныи условія своего быта и развитія національного въ предѣлахъ цѣлой имперіи россійской, такъ само было бы совершенно справедливо и необходимо, еслибъ они точно исполняли всѣ основательныи требованія державной идеи россійской" (стр. 41).

Въ своемъ „Проектѣ" А. И. Добрянскій-Сачуровъ затронулъ многіе вопросы внутренней и внѣшней политики Австріи, разсмотрѣвъ ихъ въ тѣсной связи съ положеніемъ и ролью русскаго народа и всего славянства. Впослѣдствіи онъ къ этимъ вопросамъ еще вернулся, и въ цѣломъ рядѣ сочиненій разработалъ ихъ болѣе подробно.

„Патріотическія письма" (1873).

Замѣчавшееся уже въ началѣ 1870-хъ годовъ, съ одной стороны, распространеніе въ Галичинѣ поддерживаемаго поляками украйнофильства, которое уже тогда стало принимать формы мазепинства, а съ

другой—рутенская косность „старо-русской“ партіи, заставили всегда чутко прислушивавшагося къ народнымъ дѣламъ А. И. Добрянскаго-Сачурова выступить во львовской газетѣ „Слово“ съ цѣлымъ рядомъ статей подъ общимъ заглавіемъ *„Патріотическіи письма“*. Въ нихъ онъ задался цѣлью разсмотрѣть четыре основныхъ вопроса: 1) малорусское движеніе въ южной Россіи,2) малорусское движеніе въ Австріи, 3) возрожденіе славянскихъ народностей въ Австріи и Турціи и 4) панславизмъ и его послѣдствія (стр. 4). Но въ отдѣльномъ оттискѣ (Львовъ, 1873 г., стр. 157), изложены только первый вопросъ и часть второго.

Въ предисловіи (стр. 3—11) авторъ разъясняетъ цѣль и стиль своихъ „Писемъ“, причемъ особенно подчеркиваетъ вредъ, приносимый русскому дѣлу въ Австріи, какъ украйноманствомъ, подъ знаменемъ котораго искажается правописаніе, дѣлается безобразнымъ малорусское нарѣчіе и поддѣлывается исторія (стр. 7), такъ и рутенствомъ, которое, хотя и считаетъ себя русскимъ движеніемъ, но для русскаго народа сдѣлало очень мало, почему и нуждается въ совершенно новыхъ принципахъ для своей работы (стр. 9—10).

Въ первой части „Патріотическихъ писемъ“ (стр. 13—74), посвященной исторіи украйнофильства въ Россіи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что движеніе это въ первой половинѣ XIX в. имѣло характеръ соціальный (въ отличіе отъ Славянскаго Возрожденія, имѣвшаго національную, или даже политическую окраску), и что въ благородномъ стремленіи къ освобожденію и просвѣщенію крестьянъ, малорусскіе патріоты шли рука объ руку съ великорусскими интеллигентами. Только подъ воздѣйствіемъ романтизма и особенно Славянскаго Возрожденія украйнофильство стало національно-политическимъ движеніемъ Дѣятели Славянскаго Возрожденія часто принуждены были начинать съ изобрѣтенія азбуки, выбора правописанія и образованія литературнаго языка; за все это безъ всякой надобности принялись ихъ малорусскіе подражатели, нашедшіе себѣ въ свою очередь послѣдователей въ лицѣ польскихъ комиссаровъ и мадьярскихъ министровъ...

Свою странную поэзію украйнофильскіе дѣятели внесли въ правописаніе, этнографію и исторію. Заговоривъ объ исторіи, авторъ указываетъ на то, что малорусское казачество не было едино, а дѣлилось на городовыхъ и запорожскихъ казаковъ, изъ которыхъ первые издавна, а вторые со временъ Стефана Баторія были въ зависимости отъ Польши, и что казаки никогда не составляли особаго народа (стр. 62). Когда же возникли правильныя арміи, то одна часть казаковъ поступила на военную службу, а другая—занялась земледѣліемъ и слилась съ сельскимъ сословіемъ (стр. 63). Но свободные прежде казаки не могли примириться съ крѣпостнымъ состояніемъ; поэтому только освобожденіе крестьянъ окончательно упрочило единство всего русскаго народа

Во второй части, посвященной „малорусскому движенію въ Австріи“, авторъ задается цѣлью: во-первыхъ, точно и всесторонне опредѣлить

наши австрійско-русскія и общерусскія задачи и, во-вторыхъ, найти новые пути для достиженія лучшихъ и счастливѣйшихъ отношеній (стр. 76). Съ этою цѣлью Адольфъ Ивановичъ разбираетъ основныя теченія русской исторіи (стр. 81—157), причемъ отмѣчаетъ единство всей русской земли со включеніемъ Галичины въ дотатарскій періодъ (862—1240 гг.), съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдитъ за собираніемъ Руси отъ Калиты до Екатерины II и въ яркихъ краскахъ изображаетъ печальныя для западныхъ вѣтвей русскаго народа послѣдствія навязанныхъ имъ поляками Люблинской и Брестской уній. Разсматривая новѣйшую исторію австрійской Руси, А. И. Добрянскій-Сачуровъ между прочимъ говоритъ, что „изъ исторіи предыдущихъ столѣтій давно увѣрились мы въ національномъ единствѣ всѣхъ русскихъ отраслей“, а потому даже находясь подъ властью Габсбурговъ и исполняя обязанности австрійскихъ гражданъ, мы всегда должны трудиться для осуществленія общерусскихъ задачъ. И лишь въ тѣсной связи съ нашими общерусскими задачами и въ духѣ нашего историческаго призванія могли бы наши спеціальныя австрійско-русскія задачи „пріобрѣсти истинно патріотическій смыслъ и историческое значеніе“ (стр. 153—154). Указавъ далѣе на то, что въ первое время послѣ присоединенія къ Австріи правительство признавало наши племенныя связи со всѣми прочими отраслями русскаго народа (стр. 156), и что галицкіе и угорскіе русскіе доказали свою преданность престолу между прочимъ „въ лютыхъ войнахъ съ Наполеономъ“ (стр. 157),—А. И. Добрянскій-Сачуровъ ставитъ вопросъ: почему остались невыполненными до сихъ поръ наши главнѣйшія австрійско-русскія и общерусскія задачи? (стр. 157). На этомъ и кончается разбираемый оттискъ.

„О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра“ (1880).

Занимаясь церковными и общественными дѣлами, Адольфъ Ивановичъ не забывалъ также о наукѣ, особенно объ исторіи своей родины— Подкарпатской Руси, вопросъ о западныхъ границахъ которой, не только историческихъ, но и современныхъ, все еще считается спорнымъ, и нерѣдко, даже подъ перомъ выдающихся ученыхъ, получаетъ невѣрное освѣщеніе. Желая разъяснить хотя бы историческую сторону этого вопроса, А. И. Добрянскій-Сачуровъ помѣстилъ во львовскомъ „Словѣ“ (1880 г.) статью „*О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра*“ (перепечатанную въ томъ же году въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“, часть 208, стр. 134—159). Указавъ на то, что, по даннымъ Начальной лѣтописи, „Русь граничила въ X в. на юго-западѣ съ государствами Польскимъ, Чешскимъ и Угорскимъ“ (стр. 134), но что вопросъ объ этихъ границахъ не разработанъ, авторъ въ первой части статьи (стр. 135—139) на основаніи историческихъ документовъ, подтверждаемыхъ данными этнографіи (и теперь еще „между рѣками Дунайцемъ и Выслокомъ находится 172 русскихъ селеній, съ 129 русскими церквами и свыше 90,000 русскихъ жителей“—стр. 138), доказываетъ справедливость мнѣнія галицкаго историка Д. И. Зубрицкаго, „что древняя Русь простиралась до самаго Кракова, который самъ построенъ, по его мнѣнію, на почвѣ

искони русской“ (стр. 138—139); во второй части статьи (стр. 139—159) Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ исторію Спиша (гдѣ онъ, какъ извѣстно, провелъ свое дѣтство) и доказываетъ, „что нынѣшній Спишъ входитъ въ составъ земель искони русскихъ, составляетъ часть наслѣдія св. Владиміра“ (стр. 139). Въ этомъ его убѣждаетъ не только исторія, но и то обстоятельство, что коренные жители Спишской земли и теперь еще называютъ русскими „свою народность и славянскую церковь... Лишь въ ближайшемъ сосѣдствѣ латинскихъ монастырей, основанныхъ мадьярами и поляками, совращены были русскіе спишаки въ римскую церковь, а съ тѣмъ вмѣстѣ пострадалъ и ихъ языкъ; по внушенію латинскихъ ксендзовъ, эти окатоличенные спишаки стали называть себя съ конца XVIII вѣка словаками, хотя ихъ говоръ рѣзко обличаетъ ихъ русское, а не словенское происхожденіе“ (стр. 155). Въ заключеніе А. И. Добрянскій-Сачуровъ указываетъ въ общихъ чертахъ древнія русско-чешскую („по водораздѣльному кряжу между теченіемъ рр. Вага и Грона“—стр. 159) и русско-угорскую („по Дунаю между городами Остригономъ (Gran) и Вацовомъ (Waizen)“ и далѣе ломанною линіею до Семиградскихъ Альпъ) границы, которыя онъ затѣмъ разсматривалъ подробнѣе въ своей неизданной статьѣ объ Угорской Руси.

Отвѣтъ угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи своему епископу (1881).

Не добившись осуществленія своего проекта автономіи угро-русской церкви, Адольфъ Ивановичъ тѣмъ не менѣе продолжалъ всѣми силами оберегать ее отъ латинизаціи, которой настойчиво добивались мадьярскіе шовинисты. Подъ ихъ давленіемъ еще въ 1840-хъ гг. оба угро-русскіе епископа стали брить бороды, а въ 1862 г. Іосифъ Гаганецъ, епископъ Пряшевскій, дважды воспретилъ ношеніе бороды священникамъ своей епархіи. Запрещенія эти остались однако безъ послѣдствій, такъ какъ вѣрная своей церкви и народности часть духовенства продолжала носить бороды. Поэтому въ 1880 г. преемникъ Гаганца—епископъ Николай Товтъ, опять подъ давленіемъ свыше, издалъ циркуляръ, грозившій за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ строгими наказаніями и приказывавшій благочиннымъ слѣдить за его исполненіемъ.

Тогда А. И. Добрянскій-Сачуровъ составилъ отвѣтъ епископу, подписанный 14 священниками (первымъ подписался писатель А. И. Павловичъ), въ которомъ на основаніи постановленій Флорентійскаго собора („пусть латиняне бреютъ, а греки растятъ бороды“), папскихъ буллъ и практики угро-румынскихъ, хорватскихъ и итало-греческихъ уніатовъ доказывается обязательность для уніатскаго духовенства соблюденія восточнаго обряда вообще, и ношенія бороды и длинныхъ волосъ въ частности, и недѣйствительность всякаго, даже епископскаго или патріаршаго, распоряженія, внушающаго уніатамъ неуваженіе къ греческому обряду. Въ заключеніе подписавшіеся выражаютъ готовность претерпѣть мученичество за свой обрядъ и намѣреніе аппеллировать къ папскому престолу.

Аппелляція къ папѣ отъ имени угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи по вопросу о ношеніи уніатскими священниками бороды (1881).

Подписавшіе этотъ отвѣтъ священники получили (каждый отдѣльно) отъ епископа новое напоминаніе о необходимости брить бороду, въ которомъ между прочимъ говорится, будто духовенство Пряшевской епархіи добровольно отказалось отъ даннаго уніатамъ позволенія носить бороду, и только съ 1848—1849 гг. нѣкоторые священники опять стали носить ее изъ либерализма, а съ 1860-хъ годовъ—изъ либерализма и націонализма.

Замѣтивъ однако сильный отпоръ среди духовенства, епископъ Николай обратился въ римскую конгрегацію de propaganda fide (вѣдающую, какъ извѣстно, дѣла пропаганды на Востокѣ и уніатскихъ церквей) съ вопросами: 1) оставить ли въ силѣ свое распоряженіе? и 2) можетъ ли онъ наказывать непослушныхъ воспрещеніемъ служить (суспенсіею)? Конгрегація отвѣтила, что циркуляръ остается въ силѣ, а непокорныхъ епископъ можетъ наказывать, но воспрещеніе служить онъ можетъ примѣнять только послѣ троекратнаго напоминанія. О такомъ рѣшеніи конгрегаціи епископъ Товтъ оповѣстилъ духовенство своей епархіи особымъ циркуляромъ.

На эти дѣйствія епископа Николая А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ составленіемъ для духовенства Пряшевской епархіи аппелляціи къ папѣ, въ приложеніяхъ къ которой были напечатаны: 1) первый циркуляръ епископа (по-латыни); 2) его же—изданное по приказанію министра вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія — распоряженіе, чтобы священники запретили школьникамъ русскія привѣтствія (особенно „Слава Іисусу Христу!“) и пріучили ихъ къ мадьярскимъ (по-мадьярски); 3) отвѣтъ 14 священниковъ (по-латыни, стр. 3—7); 4) отвѣтъ каждому изъ нихъ епископа (по-латыни) и 5) второй циркуляръ послѣдняго (по-латыни).

Въ самой аппелляціи (по-латыни, стр. 11) Адольфъ Ивановичъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что епископъ издалъ свои распоряженія подъ давленіемъ мадьярскихъ шовинистовъ, мечтающихъ о созданіи „на развалинахъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Угріи... какой-то независимой мадьярской церкви“ (стр. 1); напоминаетъ о постановленіяхъ Флорентійскаго собора и папскихъ буллъ; опровергаетъ утвержденія епископа Николая, будто уніатамъ только дозволено, а не прямо предписано носить бороды и длинные волосы, и будто духовенство Пряшевской епархіи добровольно отказалось отъ этого права, а затѣмъ опять начало растить бороды изъ либерализма; отмѣчаетъ допускаемыя епископомъ другія уклоненія отъ восточнаго обряда, презрительное отношеніе его къ послѣднему, а также къ русскому и церковно-славянскому языкамъ, которые въ оффиціальной перепискѣ замѣнены мадьярскимъ, вводимымъ исподволь даже въ богослуженіе; обвиняетъ Товта въ желаніи исправлять постановленія соборовъ и папъ и даже „подвергать критикѣ дѣйствія апостоловъ и Самого Спасителя“ (стр. 10) и наконецъ, покорнѣйше проситъ папу: 1) отмѣнить (кассировать) постановленіе Пряшевскаго епископа и 2) внушить послѣднему, чтобы онъ

не поддавался воздѣйствію мадьяръ, а напротивъ позаботился о возстановленіи въ епархіи восточнаго обряда во всей его чистотѣ.

Переѣздъ во Львовъ въ 1881 г.

Въ 1880-хъ годахъ галицкіе поляки предприняли рядъ рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью полнаго національнаго обезличенія галицко-русскаго народа. Прежде всего они постарались о томъ, чтобы отъ русскаго населенія Галичины было избрано какъ можно меньшее число представителей въ австрійскую Державную Думу. Дѣйствительно, при выборахъ 1879 г., въ вѣнскій парламентъ было избрано вмѣсто прежнихъ 16-ти, только два русскихъ депутата: В. Д. Ковальскій и Д. М. Кулачковскій. Подорвавъ, такимъ образомъ, вліяніе русскихъ галичанъ на политическую жизнь страны, поляки рѣшили ослабить также и значеніе русской церкви, для чего призвали на помощь іезуитовъ и, отдавъ въ ихъ распоряженіе два богатѣйшихъ уніатскихъ монастыря—Добромильскій и Лавровскій,—поручили имъ воспитаніе, въ чисто-польскомъ духѣ, русскихъ монаховъ-василіанъ. Кромѣ всего этого, польскіе политики усиленно поддерживали мазепинское движеніе, одновременно преслѣдуя всякое, даже самое малѣйшее, проявленіе русскаго національнаго самосознанія.

Въ это тяжелое для Галицкой Руси время лучшіе ея представителя обратили свои взоры на Адольфа Ивановича Добрянскаго-Сачурова и попросили его переѣхать изъ Чертежнаго во Львовъ, чтобы стать во главѣ народной работы и помочь изстрадавшейся Галицкой Руси отстоять свои права отъ бѣшенаго натиска польскихъ шовинистовъ.

Адольфъ Ивановичъ съ полною готовностью принялъ предложеніе галицко-русскихъ патріотовъ, радуясь вмѣстѣ съ тѣмъ тому, что можетъ, наконецъ, оставить мѣсто своего вынужденнаго уединенія и замѣнить кабинетныя занятія живымъ практическимъ трудомъ на пользу столь горячо имъ любимой Галицкой Руси.

Осенью 1881 года А. И. Добрянскій - Сачуровъ переѣхалъ одинъ во Львовъ и остановился у зятя Ю. М. Геровскаго, а затѣмъ, устроившись окончательно, выписалъ семью.

Адольфу Ивановичу предстояло трудное дѣло. Онъ засталъ въ Галицкой Руси общее уныніе и замѣтилъ несогласіе даже тамъ, гдѣ должно было бы царствовать единодушіе. Многіе патріоты хотя и работали для народа, но каждый порознь, почему и не могли представлять достаточной силы для успѣшной борьбы съ польскими угнетателями. Вообще чувствовалось отсутствіе объединяющаго начала, не было программы, которая бы сплачивала русскихъ галичанъ въ одно идейное цѣлое.

Съ прибытіемъ А. И Добрянскаго-Сачурова сразу началось оживленіе среди русскихъ галичанъ, а прежнее ихъ уныніе смѣнилось бодростью и вѣрой въ лучшее будущее.

Адольфъ Ивановичъ былъ избранъ предсѣдателемъ общества „Русское Касино“, гдѣ сходились для дружеской бесѣды русскіе жители Львова. Благодаря вліянію и умѣнію этого, всѣми признаннаго,

русскаго вождя, сблизились между собой галицко-русскіе дѣятели, а кромѣ того старшее поколѣніе пошло навстрѣчу молодежи, чѣмъ устранялось нежелательное отчужденіе „отцовъ“ отъ „дѣтей“.

Достигнувъ большихъ результатовъ въ дѣлѣ объединенія русскихъ патріотовъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ обратилъ свое вниманіе также и на дѣло сплоченія представителей галицко-русской печати и, вообще стремился къ примиренію, во имя общей работы, руссофиловъ и украйнофиловъ. Однако обстоятельства помѣшали Адольфу Ивановичу осуществить всѣ его благія намѣренія.

Политическій процессъ 1882 г. и рѣчь на немъ Адольфа Ивановича

Польскіе политики воспользовались случаемъ перехода изъ уніи въ православіе крестьянъ села Гниличекъ и затѣяли политическій процессъ.

Адольфъ Ивановичъ и его дочь Ольга Адольфовна (по мужу— Грабарь) вмѣстѣ съ другими русскими патріотами были въ январѣ 1882 года неожиданно арестованы и посажены въ тюрьму, въ которой просидѣли подъ предварительнымъ слѣдствіемъ и во время судебнаго разбирательства цѣлыхъ полгода.

Наконецъ, 28 апрѣля (10 мая) 1882 г. подсудимымъ былъ объявленъ обвинительный актъ, содержащій нелѣпое обвиненіе въ государственной измѣнѣ и требующій преданія ихъ смертной казни. Главнымъ свидѣтелемъ противъ Адольфа Ивановича былъ приславшій изъ Будапешта полную клеветы и явной лжи записку угорскій министръ-президентъ Коломанъ Тиса († 1902 г.), который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ предлагалъ вождю угро-руссовъ министерскій портфель...

Въ своей защитительной рѣчи, произнесенной въ 9 и 10 засѣданіяхъ суда, А. И. Добрянскій-Сачуровъ подвергъ обвинительный актъ убійственной, уничтожающей критикѣ. Отмѣтивъ въ немъ всѣ противорѣчія и явныя подтасовки, Адольфъ Ивановичъ приходитъ къ выводу, что прокуроръ стремился, очевидно, внушить подсудимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему галицко-русскому народу слѣдующее:

„а) что образованіе, честность, трезвость и незапятнанный образъ жизни, признанныя неоднократно высочайшими мѣстами и лицами, заслуги въ отношеніи къ престолу и государству и неизмѣнная вѣрность при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ никого не могутъ охранить отъ публичнаго поруганія его имени, отъ матеріальнаго разоренія и даже тюремнаго заключенія; что всѣ означенныя качества могутъ служить даже поводомъ для обвиненія, если противъ подобнаго лица представляется подозрѣніе, что онъ приверженъ своей народности и пользуется особеннымъ уваженіемъ своихъ соплеменниковъ;

„б) что, сообразно съ этимъ, ношеніе Высочайшихъ отличій, особенно орденовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ считаться отягчающимъ вину обстоятельствомъ;

„в) что основные государственные законы, обезпечивающіе каждому народу его языкъ и національность, свободу науки и образованія, свободу печати и совѣсти, ни мало не связываютъ прокурора и вообще

власти, коль скоро имъ угодно заподозрить въ комъ-нибудь побочную цѣль при пользованіи этими законами;

„г) что каждый можетъ спастись отъ уничтоженія своей чести и имущества лишь тѣмъ... (*Предсѣдатель призываетъ подсудимаго къ порядку);*

„д) что мы, слѣдовательно, должны всячески обособлять нашу литературу отъ нашихъ заграничныхъ соплеменниковъ, должны отказаться отъ литературы въ собственномъ смыслѣ слова, особенно же старательно избѣгать знанія или употребленія нашего древне-славянскаго церковнаго языка, читать исключительно рекомендуемыя обвинительнымъ актомъ—за спеціально австрійскія тенденціи—украйнофильскія изданія, особенно же писанныя фонетическимъ правописаніемъ; должны воздерживаться отъ взаимныхъ посѣщеній и закрытой переписки, хотя бы то между родными, въ крайнемъ же случаѣ, можемъ пользоваться открытыми письмами, если не желаемъ провиниться въ угрожаемой смертью государственной измѣнѣ;

„е) что мы должны съ отвращеніемъ избѣгать, какъ опаснѣйшихъ враговъ Австріи, нашихъ православныхъ соплеменниковъ во Львовѣ, Буковинѣ и Угріи и вообще всѣхъ приверженцевъ греко-восточной церкви; должны, по примѣру г. прокурора, называть ихъ браннымъ именемъ схизматиковъ и питать убѣжденіе, что если бы кому-либо изъ греко-уніатовъ заблагоразсудилось перейти къ греко-восточной церкви, по одиночкѣ или въ сообществѣ нѣсколькихъ лицъ, то это была бы, по обвиненію, апостазія, т.-е. отпаденіе къ язычеству, и что подобнымъ лицамъ никакъ нельзя вѣрить въ переходъ по религіозному убѣжденію, а наоборотъ, слѣдуетъ разсматривать ихъ, безъ дальнихъ околичностей, какъ государственныхъ измѣнниковъ;

„ж) что редакторы должны въ будущемъ издавать свои журналы на такомъ языкѣ и правописаніи, а вдобавокъ въ такомъ церковномъ и политическомъ направленіи, какое нравится г. прокурору, подъ страхомъ не только частыхъ конфискацій и, слѣдовательно, матеріальнаго разоренія редакторовъ, но и ихъ ареста, какъ государственныхъ измѣнниковъ, если они напечатаютъ статьи, противъ которыхъ ни законъ, ни прокуроръ не могли возразить въ свое время, и хотя бы съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ;

„з) что общества, гдѣ занимаются чтеніемъ газетъ, билліардною и карточною игрою или устройствомъ общественныхъ увеселеній, и которыя потому очень подозрительны въ политическомъ отношеніи, никакъ не могутъ избирать въ свои предсѣдатели лицъ хорошей репутаціи, особенно же имѣющихъ знаки Высочайшаго отличія; въ противномъ же случаѣ, они должны быть судимы въ государственной измѣнѣ". (*Прокуроръ прерываетъ подсудимаго, а предсѣдатель грозитъ лишить его слова*).

Свою замѣчательную рѣчь А. И. Добрянскій-Сачуровъ закончилъ слѣдующими словами:

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1883 г.

По фотографіи Крзиванека въ Вѣнѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

„Я не знаю за собой никакой вины, которая могла бы возбудить противъ меня подозрѣніе. Если же дѣло идетъ о томъ, что я пользовался правами, которыя обезпечены каждому гражданину основными законами, то я не думаю, чтобы кто-нибудь въ мірѣ могъ осудить меня по этому поводу. Если приговоръ нарушаетъ основные законы, то онъ самъ противозаконенъ, а потому такой случай не только поколебалъ бы нашу правовую почву, но и вызвалъ бы крикъ негодованія какъ здѣсь, такъ и за границею и нанесъ бы намъ всенародное посрамленіе".

17 (29) іюля 1882 г. присяжные вынесли А. И. Добрянскому-Сачурову и шести другимъ подсудимымъ (всѣхъ было 11 человѣкъ) оправдательный приговоръ.

Когда Адольфъ Ивановичъ вышелъ изъ зданія суда, его встрѣтила кликами „ура" тысячная толпа народа, а русская молодежь подняла на руки своего вождя - страдальца.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся ужинъ въ честь освобожденныхъ. За общею трапезою собралось около ста представителей русскихъ галичанъ изъ Львова и провинціи, чтобы засвидѣтельствовать невинно-пострадавшимъ горячую признательность и общую любовь народа.

Адольфъ Ивановичъ въ своей рѣчи поблагодарилъ собравшихся за дорогое для него вниманіе и при этомъ заявилъ, что долженъ завтра же покинуть Львовъ и переселиться въ Вѣну.

Третій періодъ жизни: 1882—1901 гг.

(Время самой плодотворной литературной дѣятельности).

Жизнь въ Вѣнѣ (1882—87).

Переѣхавъ въ Вѣну, Адольфъ Ивановичъ поселился въ небольшой квартирѣ и жилъ на очень скромныя средства, такъ какъ значительную часть своей пенсіи посылалъ въ Чертежное женѣ, которая управляла имѣніемъ.

Образъ жизни вождя угро-руссовъ отличался большой простотой. Вставалъ онъ рано и, принявъ холодную ванну, бралъ полученныя газеты, которыя прочитывалъ, идя въ кофейню. Тутъ онъ принималъ въ качествѣ лѣчебнаго средства нѣсколько стакановъ воды и, продолжая читать газеты, выпивалъ чашку кофе съ небольшою булкою. Послѣ этого снова пилъ воду, дочитывалъ газеты и отправлялся домой. Закуривъ трубку, онъ садился за письменный столъ и занимался до самаго обѣда. Случалось иногда и такъ, что за работой забывалъ совсѣмъ объ обѣдѣ, который всегда былъ очень скроменъ и никогда не состоялъ больше чѣмъ изъ двухъ блюдъ. За обѣдомъ въ ресторанѣ онъ встрѣчался со своими знакомыми, которые совершали съ нимъ обычную послѣобѣденную прогулку. Какая бы ни стояла погода, Адольфъ Ивановичъ обходилъ быстрою походкою по Рингштрассе два раза всю внутреннюю часть Вѣны. Послѣ такой прогулки онъ возвращался домой,

гдѣ и занимался до поздней ночи, а иногда и до разсвѣта. Такъ проходили у него всѣ будни. Въ праздники его жизнь принимала другой характеръ. Не заходя въ кофейню и не принимая никакой пищи, онъ отправлялся къ 8-ми час. утра въ греческую православную церковь, прослушавъ тамъ утреню, шелъ въ уніатскую церковь и оставался здѣсь до конца богослуженія, а затѣмъ спѣшилъ къ обѣднѣ въ русскую православную церковь. Придя домой, Адольфъ Ивановичъ посвящалъ весь день отдыху отъ недѣльнаго напряженнаго труда.

Кромѣ того, Адольфъ Ивановичъ долженъ былъ жертвовать однимъ, много двумя вечерами въ недѣлю и отправляться къ знакомымъ, гдѣ собирался за стаканомъ чая тѣсный кружокъ вѣнскихъ славянъ, ожидавшихъ всегда съ нетерпѣніемъ его прихода. Адольфъ Ивановичъ являлся всегда точно въ назначенное время и сразу вносилъ съ собою веселость и бодрое настроеніе. И о чемъ тогда не говорилось! О Руси и славянствѣ, объ искусствѣ и литературѣ, о религіи и наукахъ, о вѣчныхъ вопросахъ человѣческаго существованія и о современныхъ злобахъ дня! Всегда далеко за полночь продолжалась такая дружеская бесѣда, и неохотно расходились ея участники.

Въ собраніяхъ русской и славянской молодежи Адольфъ Ивановичъ бывалъ рѣдко, такъ какъ не хотѣлъ своимъ посѣщеніемъ давать повода къ разнаго рода гоненіямъ или подозрѣніямъ. Однако, былъ одинъ день въ году, именно 6-е декабря (день его рожденія), который онъ проводилъ всегда среди молодежи. Въ чествованіи Адольфа Ивановича принимало живое участіе и старшее поколѣніе, и не только живущіе въ Вѣнѣ, но и за границей, присылали свои поздравленія и благопожеланія.

Особенно торжественно былъ отпразднованъ день рожденія Адольфа Ивановича 6 (18) декабря 1886 года. Утромъ къ нему явилась съ поздравленіемъ депутація отъ вѣнскаго чешскаго политическаго Общества „Еднота", а въ полдень—отъ вѣнской славянской молодежи, которая поднесла юбиляру адресъ слѣдующаго содержанія:

„Адресъ славянской студенческой молодежи въ Вѣнѣ великому ея учителю **Адольфу Ивановичу Сачурову-Добрянскому** въ день его рожденія 6-го декабря 1886 года въ знакъ признательности и преданности.

Милостивый Государь,

Глубокоуважаемый Адольфъ Ивановичъ!

„Съ нетерпѣніемъ ожидался Славянскою студенческою молодежью день Вашего рожденія и радостно привѣтствуя его, она имъ пользуется, чтобы Вамъ, Глубокоуважаемый Несторъ славянскаго возрожденія, преподнести въ даръ свои чувства глубокой признательности и искренней преданности.

„Неусыпная Ваша дѣятельность, не ищущая громкости, извѣстности и признательности, но полная самоотверженія и самопожертвованія,

Адольфъ Ивановичъ Добрянскій-Сачуровъ въ 1885 г.

Съ портрета художника Ѳеофила О. Глѣбовицкаго.

служила пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ указаніемъ и руководствомъ для Вашихъ сподвижниковъ, лучшихъ сыновъ всѣхъ славянскихъ племенъ.

„Вашъ глубокій умъ, Ваши всеобъемлющія знанія, Ваши неистощимыя силы, Вашъ непоколебимый патріотизмъ и безграничная преданность славянскому дѣлу, Ваша незыблемая вѣра и при всемъ этомъ неподражаемая простота встрѣчаютъ не у одной только славянской молодежи робостное удивленіе и вызываютъ повсемѣстно въ славянствѣ уваженіе, преданность и любовь къ Вамъ и воодушевленіе для общаго всѣмъ намъ славянскаго дѣла.

„Если же Вы въ этотъ важный въ Вашей жизни день припомните себѣ всю Вашу дотеперешнюю дѣятельность и посмотрите на сумную картину, представляемую сегодня Славянствомъ, не унывайте и не думайте, что голосъ Вашъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

„Нѣтъ, великій нашъ учитель! Мы, представители всѣхъ славянскихъ племенъ, Русскіе, Сербы и Хорваты, Чехи и Словаки, Болгары и Словенцы, мы Славянская молодежь, готовая пожертвовать всѣ свои силы и способности добру и преуспѣянію славянства, исповѣдуемъ съ Вами и за Вами:

„Есть лишь одинъ болѣе чѣмъ 100-милліонный славянскій народъ и представляетъ онъ собою отдѣльный и самостоятельный славянскій міръ. Мы желаемъ съ Вами его объединенія и единства и готовы вездѣ и всегда содѣйствовать достиженію этой цѣли. Славянскій народъ живетъ своею собственною жизнью и имѣетъ свою самостоятельную, болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю культуру. Если же, по неимѣнію свободы, отдѣльныя славянскія племена болѣе или менѣе отторгнуты исконными врагами Славянства отъ своей славянской культуры, и наброшена имъ чужая, западная, то считаемъ это явленіе только временнымъ и преходящимъ, и конецъ ему предвидится въ скоромъ будущемъ.

„Соединятся опять всѣ Славяне въ своей славянской народной святой православной церкви, завѣщанной имъ Равноапостольными Святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ Просвѣтителями Славянъ. Бросятъ также западные Славяне чуждое германско-романское письмо и возвратятся къ своей народной славянской азбукѣ, данной славянамъ святыми славянами Апостолами.

„Всѣ мы высоко держимъ знамя высокообразованнаго нашего старославянскаго языка и, считая его общимъ нашимъ достояніемъ, завѣщаннымъ намъ предками нашими, мы вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ имѣть общимъ одинъ живой славянскій языкъ.

„По Вашимъ указаніямъ и подъ Вашимъ предводительствомъ, маститый нашъ вождь, мы достигнемъ цѣли—совершеннаго единства славянскаго народа, его полной свободы, для другихъ народовъ недостижимаго и враговъ нашихъ устрашающаго величія, съ Вами мы доживемъ того, что славянскій народъ займетъ въ мірѣ первенствующее положеніе, *возродитъ человѣчество и поведетъ его по пути развитія и совершенства!*

„Такъ пусть же будетъ для Васъ утѣшеніемъ въ тяжелое время, переживаемое теперь славянствомъ и наградою за Ваши многолѣтніе неусыпные труды, что сѣмена, засѣянныя Вами всходятъ повсемѣстно, приносятъ уже роскошные плоды, и что Вы имѣете многихъ послѣдователей, и воскликните съ нами многознаменательныя слова чудной нашей церковной пѣсни:

„**Съ нами Богъ разумѣйте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ**“.

(Слѣдуютъ подписи: 40 русскихъ, 7 болгаръ, 26 сербовъ, 14 словаковъ, 23 хорвата, 24 словенца и 66 чеховъ. *Всего 200 подписей*).

Вечеромъ въ честь А. И. Добрянскаго-Сачурова былъ устроенъ торжественный ужинъ, на которомъ произнесли рѣчи представители русскихъ, чеховъ, словаковъ, хорватовъ, словенцевъ, сербовъ и болгаръ. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія, Адольфъ Ивановичъ, коснувшись положенія славянства, высказалъ надежду на лучшее будущее великаго племени, если только оно будетъ неуклонно развивать свою культуру: ибо спасеніе славянства не въ политикѣ, а въ просвѣщеніи и истинно-христіанской любви. Адольфъ Ивановичъ получилъ также много письменнныхъ и телеграфныхъ привѣтствій со всѣхъ концовъ славянскаго міра (кромѣ, конечно, поляковъ). Болѣе всего телеграммъ было отъ австрійскихъ сербовъ (между прочимъ отъ всѣхъ сербскихъ членовъ далматинскаго сейма). Большинство славянскихъ повременныхъ изданій помѣстили объ А. И. Добрянскомъ-Сачуровѣ сочувственныя статьи.

Принятый Адольфомъ Ивановичемъ порядокъ жизни часто нарушали пріѣзжіе славяне, которые не могли отказать себѣ въ томъ, чтобы не повидаться и не побесѣдовать съ славянскимъ „Несторомъ“ или „патріархомъ“, какъ называли А. И. Добрянскаго-Сачурова. Одинъ видный русскій ученый, не заставъ Адольфа Ивановича дома, по этому поводу сказалъ: „славянину быть въ Вѣнѣ и не говорить съ А. И. Добрянскимъ то же, что католику быть въ Римѣ и не видѣть папу“.

Въ бытность въ Вѣнѣ Адольфъ Ивановичъ содѣйствовалъ основанію такихъ общеславянскихъ органовъ, какъ „Парламентеръ“, „Велеградъ“ и „Славянскій Свѣтъ“. Въ первомъ изъ нихъ А. И. Добрянскому-Сачурову принадлежала бо́льшая часть самыхъ важныхъ статей, а также многія мелкія замѣтки, часто появлявшіяся безъ всякой подписи. Благодаря А. И. Добрянскому-Сачурову была также учреждена въ Вѣнѣ община православныхъ чеховъ, положившая начало кирилло-меѳодіевскому движенію среди чешскаго народа.

Литературные труды (1882—1887). Живя въ Вѣнѣ, Адольфъ Ивановичъ бо́льшую часть своего времени посвящалъ литературнымъ трудамъ. За эти (1882—1887) годы имъ были напечатаны слѣдующія важныя сочиненія: „Аппелляція И. Г. Наумовича“ (1883 г.), „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“ (1885 г.), „Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ“ („Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen“, 1885 г.),

„Матеріалы для памятной записки галицкихъ русскихъ“ („Material zur Denkschrift der galizischen Russen“, 1885 г.), „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ („Programm zur Durchfürung der nazionalen Autonomie in Oesterreich“, 1885 г.), „Въ день праздника св. великомученика Димитрія“ („Am Festtage des heiligen Grossmärtyrers Dimitrij“, 1886 г.) и „Разъясненію и истинѣ“ („Der Aufklärung und der Wahrheit“, 1887 г.).

Разсмотримъ основную мысль и содержаніе каждаго изъ этихъ сочиненій.

Аппелляція И. Г. Наумовича (1883).

Однимъ изъ послѣдствій Львовскаго процесса было отлученіе отъ церкви свящ. И. Г. Наумовича, обвиненнаго въ „схизмѣ“, т.-е. приверженности къ православію. Всегда чутко относившійся къ страданіямъ поборниковъ русской церкви и народности, А. И. Добрянскій-Сачуровъ и на этотъ разъ оказалъ нравственную поддержку И. Г. Наумовичу и составилъ для него аппелляцію къ папѣ, въ которой вопросъ былъ поставленъ такъ широко, что тяжущимися сторонами являются уже не отлученный отъ церкви скалатскій священникъ и лишенный каѳедры львовскій митрополитъ, а весь вѣрный кирилло-меѳодіевскимъ преданіямъ галицко - русскій народъ и стремящіеся олатинить и ополячить его польскіе паны, ксендзы и монахи.

Эта „Аппелляція“, составленная и поданная папѣ на латинскомъ языкѣ, была затѣмъ издана въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „*Аппелляція къ папѣ Льву XIII русскаго уніатскаго священника мѣстечка Скалатъ (львовской митрополіи въ Галиціи) Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. 1883 года. (Переводъ съ латинскаго языка).*“

Указавъ на вызванную отсутствіемъ собора необходимость аппеллировать прямо къ папѣ, какъ патріарху, и на полезную для церкви и народа дѣятельность И. Г. Наумовича, Адольфъ Ивановичъ разбираетъ далѣе (стр. 8—37) допускаемыя въ галицко-русской церкви уклоненія отъ восточнаго обряда и другія злоупотребленія, и крайнему ея упадку противополагаетъ цвѣтущее состояніе церквей православныхъ.

Говоря о дѣлѣ И. Г. Наумовича, авторъ „Аппелляціи“ доказываетъ полную несостоятельность какъ по формѣ, такъ и по существу митрополичьяго приговора (стр. 38—68), вызваннаго желаніемъ свалить отвѣтственность за переходъ Гниличекъ въ православіе, съ постоянно нарушающихъ главное условіе уніи—чистоту восточнаго обряда, церковныхъ властей, на его поборника И. Г. Наумовича. Въ заключеніе Адольфъ Ивановичъ отъ имени И. Г. Наумовича проситъ папу „отмѣнить этотъ приговоръ и возстановить меня въ прежнемъ моемъ званіи“ (стр. 69) и бросаетъ еще одинъ взглядъ на печальныя послѣдствія уніи: „Благодаря ухищреніямъ нашихъ враговъ,... разстроенъ у насъ порядокъ въ божественныхъ службахъ, перепутаны обязанности, названія и самыя даже права власти епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, ослаблена церковная дисциплина,... уничтожены соборы епар-

хіальные, областные, во всемъ господствуетъ хаотическій безпорядокъ вслѣдствіе чего мы утратили всякое вліяніе на дѣла собственной церкви и даже всякую надежду на возрожденіе. Мало того, мы на опытѣ убѣдились, что намъ, считающимся словно рабами, не можетъ дать помощи даже покровительство св. апостольскаго римскаго престола...

„При такомъ положеніи дѣлъ никто..., вѣроятно, не удивлялся бы, если бы русскіе уніаты, не безъ основанія приписывающіе догматической уніи угрожающую опасность лишиться установленій церкви греческой и потерять, сверхъ того, свою національность, для предотвращенія такой, угрожающей имъ нравственной смерти, бросили самую унію, давно уже возвратились въ лоно греко - восточной церкви" (стр. 69—70).

Кончается „Аппелляція" указаніемъ на опасное для церкви распространеніе пантеизма и матеріализма, на фарисейство латинскихъ монаховъ и, наконецъ, на необходимость христіанской любви, которая „подастъ ее (побѣду), безъ сомнѣнія, и церкви Христовой противъ сильнѣйшихъ враговъ ея, прекратитъ несогласіе, длящееся 800 лѣтъ между Востокомъ и Западомъ, и на мѣсто его возстановитъ прочное единеніе церквей и непоколебимое согласіе между вѣрующими" (стр. 72).

„О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси"(1885).

Вынужденная разлука съ родиною не порвала крѣпкой нравственной связи А. И. Добрянскаго-Сачурова съ его земляками, которые попрежнему спрашивали его совѣта во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Къ нему же обращались съ вопросами о положеніи русскаго народа въ Австро-Угріи и публицисты изъ Россіи. Одинъ изъ нихъ, П. Ф. Левдикъ, издалъ въ Москвѣ, въ 1885 году, составленный А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ меморандумъ *„О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси"* (Москва, 1885 г., стр. 52. Бо́льшая часть этого сочиненія была первоначально напечатана во львовской газетѣ „Новый Проломъ" за 1884 г., №№ 157—167 подъ заглавіемъ *„Наши дѣла"*). Этотъ меморандумъ составленъ въ видѣ отвѣтовъ на полученныя Адольфомъ Ивановичемъ письма галицко-русскихъ патріотовъ о задачахъ русской печати въ Австріи.

Особенно подробно разбираетъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ русско-чешскія отношенія (стр. 9—27), причемъ высказывается за замѣну дуализма и автономіи областей—умѣренной (т.-е. не исключающей сильной центральной власти) автономіей народностей; если же почему-либо не удастся ея достигнуть, такъ лучше уже вернуться къ государственной централизаціи. Особенно интересна мѣткая характеристика различнаго положенія народовъ Австро-Угріи, которые Адольфъ Ивановичъ дѣлитъ на шесть разрядовъ: 1) „народы, не только свободно развивающіеся, но и безусловно господствующіе надъ другими и вообще вліяющіе на судьбы государства" (стр. 15)—мадьяры и поляки; 2) „народы, не господствующіе надъ другими, но пользующіеся достаточнымъ просторомъ для своего всесторонняго развитія и вліяющіе... болѣе или менѣе на судьбы государства" (стр. 16)—нѣмцы, чехи, сло-

венцы и итальянцы; 3) „хорватскій народъ, свободно развивающійся въ земляхъ хорватской и славонской, но не вліяющій на судьбы государства“ (стр. 16); 4) „народъ румынскій, у котораго нѣтъ достаточнаго простора для своего развитія, такъ какъ масса его подчинена неограниченному господству инородцевъ. Но есть по крайней мѣрѣ маленькій уголокъ (Буковина), гдѣ частица его дышетъ свободно; да,—не прочь даже отъ пріобрѣтенія нѣкотораго рода господства надъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, превышающимъ и численно румынское“ (стр. 17); 5) „сербскій народъ, хотя не располагающій въ предѣлахъ монархіи ни малѣйшимъ уголкомъ, въ которомъ было бы ему возможно развиваться или по крайней мѣрѣ свободно дышать, но который однако, по счастью не разнясь въ языкѣ съ хорватами, можетъ безпрепятственно употреблять свой языкъ въ хорватской, славонской и далматинской земляхъ“ (стр. 17) и 6) русскіе и словаки, „у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго клочка земли, въ которомъ они могли бы свободно дышать, или хоть по крайней мѣрѣ безпрепятственно употреблять свой языкъ,—словомъ, нѣтъ уголка, въ которомъ они могли бы чувствовать себя дома“ (стр. 17). Различіе въ положеніи австро-угорскихъ народовъ опредѣляется степенью ихъ вѣрности престолу и отечеству: мадьяры и поляки награждаются за свои постоянные мятежи, а австро-угорскіе русскіе и угорскіе нѣмцы, словаки, хорваты, сербы, румыны „страдаютъ лишь за свою вѣрность, обнаруженную въ польско-мадьярскихъ бунтахъ“ (стр. 38). Интересны также тѣ мѣста, гдѣ Адольфъ Ивановичъ совѣтуетъ своимъ землякамъ не ждать помощи отъ Рима, всегда наказывавшаго русскій народъ за вѣрность ему, и вообще отъ „черезъчуръ уже гордаго, но тѣмъ не менѣе отживающаго уже вѣкъ свой дряхлаго Запада“ (стр. 36), а также не впадать въ отчаяніе и не содѣйствовать, а, по возможности, противодѣйствовать начавшемуся уже массовому переселенію въ Америку, которое можетъ привести къ тому, что „вся австро-угорская Русь... перестанетъ существовать“ (стр. 44). Кончается разбираемый меморандумъ указаніемъ на сознаваемую всѣми русскими людьми въ Галичинѣ необходимость созыва областного собора галицко-русской церкви.

„Въ виду того,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,—что главное препятствіе нашего народнаго развитія и нашего какъ духовнаго, такъ и матерьяльнаго благосостоянія кроется въ неограниченной опекѣ иноплеменниковъ, которой подчиненъ нашъ народъ, вопреки всѣмъ положительнымъ основнымъ законамъ государства, во всѣхъ безусловно направленіяхъ, что, слѣдовательно, опеку эту необходимо прекратить, и прекратить во-первыхъ въ дѣлахъ церкви, такъ какъ она угрожаетъ тутъ исчезновеніемъ нашей святыни, съ которой неразрывными узами связана вся наша народная жизнь, которая, слѣдовательно, болѣе всего лежитъ на сердцѣ всякаго изъ насъ, какого бы онъ ни былъ политическаго направленія, и что этого прекращенія опеки въ дѣлахъ церкви возможно достигнуть только путемъ возсоединенія нашей церкви

съ православной, греко-восточной, въ уніи же лишь въ крайности, при строгомъ наблюденіи не подлежащихъ перемѣнѣ постановленій флорентинскаго собора, слѣдовательно возстановленіемъ всѣхъ достохвальныхъ установленій восточной церкви; въ виду всего этого, патріоты наши считаютъ необходимымъ:

„Созвать къ предварительному совѣщанію изъ галицкихъ, буковинскихъ и вѣнскихъ уніатовъ русской народности, по крайней мѣрѣ по шести лицъ духовнаго и мірскаго званія, которыя пріобрѣли довѣріе народа, отличившись знаніями, ревностью и самостоятельностью;

„Приготовить на этомъ предварительномъ собраніи матерьялъ касающійся церковной администраціи, преимущественно же утвержденные правительствомъ статуты церквей сербской и православной румынской въ предѣлахъ Угорщины и предложенный римско-католическою церковью Угорщины проектъ такого же статута церковной автономіи; разобрать созваніе собора и рѣшить всѣ относящіеся къ нему вопросы“ (стр. 46—47).

Перечисливъ эти вопросы, авторъ высказывается за то, чтобы:

„Созвать, согласно съ рѣшеніями помянутаго предварительнаго собранія, областный соборъ, что принадлежитъ къ правамъ и обязанностямъ митрополита или, при отсутствіи его, старшаго по чину архіерея области“ (стр. 48).

Далѣе Адольфъ Ивановичъ въ 21 пунктѣ перечисляетъ постановленія, которыя долженъ бы принять соборъ для „полнаго возстановленія учрежденій восточной церкви, значитъ, нашего обряда, во всей его первоначальной чистотѣ, а вмѣстѣ и улучшенія матерьяльнаго благосостоянія священства“ (стр. 48).

Но достиженіе связанныхъ съ созывомъ собора цѣлей „возможно лишь при сосредоточеніи всѣхъ нашихъ напряженныхъ силъ пока исключительно на разрѣшеніи этого „церковнаго вопроса“, болѣе важнаго въ настоящее время, чѣмъ какая бы то ни было политическая дѣятельность“ (стр. 51). Но если духовенство, особенно члены образованной по этому вопросу комиссіи, не исполнятъ всенароднаго желанія,—„мы будемъ *обязаны* прибѣгнуть къ разбирательству церковнаго вопроса... въ газетахъ, въ брошюрахъ, въ „Русской Радѣ“, въ народныхъ даже собраніяхъ и на вѣчахъ“ (стр. 51). Это, можетъ быть, подѣйствуетъ даже на Вѣну и Римъ. А въ противномъ случаѣ „мы не будемъ виноваты, если весь народъ нашъ послѣдуетъ примѣру двѣнадцати милліоновъ своихъ братьевъ, чтобы въ возсоединеніи съ православіемъ найти вѣчный и прочный путь къ своему спасенію...“ (стр. 52). Эта книга въ Австріи запрещена.

„Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ“ (1885).

Вопроса о наименованіи русскаго населенія Австро-Угріи, которое въ XIX в. по политическимъ соображеніямъ стали оффиціально называть „рутенскимъ“, Адольфъ Ивановичъ касался еще въ началѣ 1860-хъ годовъ въ статьѣ, напечатанной въ издававшейся Ткалцемъ на нѣмецкомъ языкѣ газетѣ „Zukunft“, гдѣ была между прочимъ высказана теорія А. И. Добрянскаго-Сачурова о происхожденіи латинскаго слова „Ruthenus“

(русскій). Съ 1870-хъ и особенно 1880-хъ гг. вопросъ этотъ еще болѣе обострился, такъ какъ поляки въ своихъ интересахъ создали украйноманскую партію, а самыхъ видныхъ русскихъ патріотовъ въ Галичинѣ не постыдились обвинить въ государственной измѣнѣ. Кромѣ искусственныхъ терминовъ „рутенскій" и „русинскій", стали употреблять еще болѣе комичныя въ примѣненіи къ Червонной Руси, никогда не входившей въ составъ Украйны, выраженія „украинскій" и „украинско-руській".

Это и заставило А. И. Добрянскаго-Сачурова выступить въ центральномъ органѣ австро-угорскихъ славянъ—„Парламентерѣ" (Вѣна, 1885 г., № 7 и отдѣльный оттискъ въ 23 стр.) со статьею „*Наименованіе австро-угорскихъ русскихъ*" („*Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen*").

Въ началѣ статьи (стр. 3) авторъ объясняетъ, что о $3^1/_2$-милліонномъ русскомъ населеніи Австро-Угріи правящіе ея круги знаютъ очень мало, такъ какъ оно имѣетъ въ палатѣ депутатовъ всего трехъ представителей, а въ палатѣ господъ—ни одного. Не удивительно поэтому, что и въ наименованіи этого народа царитъ большая путаница. Выяснить эту сторону дѣла и является задачей статьи.

Далѣе (стр. 4—8) Адольфъ Ивановичъ указываетъ на то, что употребительное въ старину и сохранившееся въ Галичинѣ названіе „русинъ" (какъ „болгаринъ", „сербинъ") имѣетъ смыслъ лишь въ единственномъ числѣ; что греки могли передавать русское „с" черезъ „ϑ", „и" черезъ „η", а все слово „русинъ" черезъ Ρουϑηνος; что множ. число по древне-русски было „Русь", по-греч. „οἱ Ρῶς", а русская земля—„Русь", „Ρωσία"; что по-латыни греч. „Ρουϑηνος" было передано черезъ „Ruthenus", рядомъ съ которымъ впрочемъ всегда употреблялось и правильное „Russus" (иногда „Russus seu Ruthenus"), а „Русь"—„Ρωσία" черезъ „Russia", но ошибка была допущена во множ. ч., гдѣ стали употреблять выраженіе „Rutheni" (рядомъ съ „Russi"); что, впрочемъ, термины „Ruthenus", „Rutheni", „Russus", „Russia" всегда употреблялись безразлично въ примѣненіи ко всѣмъ вѣтвямъ русскаго народа. Всѣ эти свои положенія авторъ подтверждаетъ примѣрами.

Переходя отъ исторіи къ современному положенію дѣла, А. И. Добрянскій-Сачуровъ констатируетъ, что всѣ русскіе люди Австро-Угріи и Россіи называютъ себя въ муж. родѣ „русинъ", „руснакъ" или „русскій", въ ж. р. только „русска", и каждый изъ нихъ „утверждаетъ, что говоритъ „по-русски", нисколько даже не подозрѣвая того—если его этому не учили въ школѣ,—что филологи и этнографы стараются различать другъ отъ друга велико-,мало-, бѣло-, червоно- и черно-руссовъ" (стр. 9). Народъ различаетъ нарѣчія по старымъ городамъ: „москали" или „москвичи", „новгородцы", „галичане" и т. д. Русскіе говоры Австро-Угріи авторъ дѣлитъ на двѣ группы: а) лемковскіе (лемки—оставшіеся русскими потомки бѣлохорватовъ, $^9/_{10}$ которыхъ омадьярилось, ословачилось или ополячилось) и б) бойковскіе съ гуцульскими, подолянскими и долишнянскими (все это потомки бѣлосербовъ). Ука-

завъ на то, что и лемки и бойки одинаково называютъ свой языкъ, даже духовенство и церковь—„русскими“, что таковыми ихъ считаютъ и ихъ сосѣди—словаки, поляки, мадьяры („orosz“; введенное же недавно оффиціальное „ruthén“ непопулярно среди мадьяръ) и нѣмцы („Russnak“ у нихъ употребляется лишь въ уничижительномъ смыслѣ, какъ „Polaken“ вмѣсто „Polen“), что „русскими“ называютъ галичанъ и австрійскіе оффиціальные документы XVIII в., и многіе серьезные ученые съ Шафарикомъ во главѣ, что до 1810 г. во Львовскомъ университетѣ читались на русскомъ языкѣ даже лекціи, а послѣ этого года читавшіе ихъ профессора продолжали свою дѣятельность въ Россіи,—А. И. Добрянскій-Сачуровъ переходитъ къ разсмотрѣнію взглядовъ по данному вопросу извѣстнаго ученаго проф. Бидермана (автора двухтомнаго капитальнаго труда „Die ungarischen Ruthenen“ — „Угорскіе рутены“, Иннсбрукъ, 1862–67 гг.), который, хотя и признаетъ русскихъ Австро-Угріи настоящими русскими, но совѣтуетъ имъ называть себя „рутенами“ въ отличіе отъ великоруссовъ—обрусѣлыхъ финновъ, татаръ и монголовъ. Указавъ на то, что подобное переименованіе „противно происхожденію, чувству и совѣсти народныхъ массъ“, Адольфъ Ивановичъ слѣдующимъ образомъ доказываетъ несостоятельность единственнаго аргумента, приводимаго Бидерманомъ:

„Ассимиляція ляшскихъ, т. е. польскихъ, затѣмъ финскихъ и татарскихъ, отчасти даже монгольскихъ племенъ восточными русскими, которыхъ въ новое время произвольно называютъ великоруссами, такъ же само подтверждается исторіею, какъ поглощеніе литовцевъ, печенѣговъ, хозаръ, половцевъ или кумановъ западными русскими, которыхъ теперь называютъ, между прочимъ, рутенами; доказано и то, что послѣднею группою поглощались также татары и черкесы, и что даже названіе украинскихъ казаковъ перешло на нихъ отъ черкесовъ, которые называются по-русски „касогами“.

„Относительно чистоты происхожденія между обѣими упомянутыми русскими группами существуетъ поэтому, вѣроятно, лишь то различіе, что западная группа, къ которой относятся русскіе нашей монархіи, завершила поглощеніе чуждыхъ элементовъ уже въ XIII в., значитъ, давно; а съ тѣхъ поръ сама страдаетъ отъ поглощенія чуждыми элементами, особенно польскими, словацкими, мадьярскими и румынскими; между тѣмъ какъ восточная группа все еще успѣшно продолжаетъ ассимиляцію чуждыхъ элементовъ, т.-е. свое мнимое загрязненіе.

„Поглощать чужіе народы или быть поглощаемымъ есть исключительно проявленіе мощи или безсилія, словомъ политическаго положенія народа въ данное время, что мы можемъ наблюдать не только у русскихъ, но и у нѣмцевъ, хотя оба эти народа все еще могутъ считаться сравнительно наименѣе смѣшанными въ Европѣ.

„Нѣмцы въ старое время ассимилировали великое множество полабскихъ славянъ и брежанъ, поморянъ, мекленбуржцевъ, славяно-лѣтскихъ пруссовъ, а равно и нижне-австрійскихъ и тирольскихъ славянъ; они, (нѣмцы), не только начали, но и успѣшно продолжали до недавняго

времени также ассимиляцію латышей и финновъ (эстовъ) въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, равно какъ и славянъ въ Каринтіи, Штиріи, Чехіи, Моравіи и Силезіи. Даже теперь нѣмцы еще нисколько не перестали посредствомъ поглощенія славянъ Познани и Лужицъ загрязнять свою кровь, такъ какъ они послѣдняго не только не боятся, но даже считаютъ себя въ этомъ весьма заинтересованными, а потому настойчиво содѣйствуютъ этому находящимися въ ихъ распоряженіи средствами духовнаго и матеріальнаго могущества.

„Несмотря на то, я не думаю, чтобы вовсе не смѣшанные съ лѣтскими и финскими элементами и даже менѣе смѣшанные со славянскими южные нѣмцы въ видахъ сохраненія своего болѣе чистаго нѣмецкаго происхожденія были склонны отдѣлять себя по происхожденію отъ сѣверныхъ нѣмцевъ и даже сдѣлавшееся имъ милымъ имя „нѣмцы" („Deutsche") замѣнить другимъ, напримѣръ, по аналогіи выраженія „рутены" („Ruthenen"), заимствованнымъ изъ латинскаго—впрочемъ совершенно правильнымъ—выраженіемъ „тевтоны" („Teutonen"). Болѣе того, я, кажется, могу съ нѣкоторымъ основаніемъ полагать, что южные нѣмцы нисколько не сердятся на своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ за продолженіе ассимиляціи остатковъ славянъ въ Пруссіи и Силезіи, а также въ Познани и Лужицахъ и даже тогда едва ли бы стали сердиться, если бы вслѣдъ за полной и окончательной ассимиляціею этихъ славянскихъ элементовъ послѣдовала германизація расположенной на лѣвомъ берегу части нынѣ еще во всякомъ случаѣ относящагося къ русской имперіи Царства Польскаго—что далеко не невозможно, а скорѣе, наоборотъ, обусловлено перенаселенностью Германіи, которая неохотно отдаетъ своихъ сыновъ Америкѣ" (стр. 16—18).

Къ тому же стремятся и малые народы, примѣръ чему поляки, которые въ Галичинѣ продолжаютъ пользоваться полученнымъ отъ имперіи могуществомъ для насильственнаго ополяченія коренного населенія. „Даже малюсенькіе народцы, собственная сила которыхъ ниже нуля, стараются на основаніи кое-какихъ фикцій добиться отъ могущественныхъ имперій привилегированнаго положенія и впадаютъ на основаніи этихъ привилегій въ манію величія, которая выражается какъ разъ и въ стремленіи насильственно денаціонализировать другіе народы". Какъ австрійскіе нѣмцы не согласились бы переименоваться въ „тевтоновъ", такъ и русскіе Австро-Угріи не хотятъ быть „рутенами". Да и правительству пора оставить подобныя „мелочныя придирки, недостойныя великой державы". До 1848 г., продолжаетъ авторъ, въ Австріи не только русскіе назывались „рутенами", но и румыны въ Угріи, Семиградьи и Военной Границѣ—„волохами" („Walachen"), а въ Буковинѣ—„молдаванами" („Moldauer"), сербы же считались „иллирійцами" („Illyrier"). Мадьяры же, до 1849 г. правильно называвшіе русскихъ „русскими" (orosz"), давали румынамъ имя „волоховъ" („oláh"), сербамъ-католикамъ (такъ назыв. „шокцамъ" и „буневцамъ")—„рацовъ" (мад. „rácz", лат. „Rasciani"), а православнымъ сербамъ—„дикихъ рацовъ"

(„vad rácz"). По отношенію къ румынамъ и сербамъ эти придирки съ 1849 г. исчезли; одни русскіе все еще слывутъ „рутенами".

Въ заключительной части своей статьи (стр. 20—23) А. И. Добрянскій-Сачуровъ говоритъ, что по-русски названіе „русинъ" такъ же правильно, какъ „болгаринъ" или „армянинъ", а въ нѣмецкомъ языкѣ всѣ они безсмысленны; что названіе „Малая Русь" („Kleinrussland", „Russia minor") въ примѣненіи къ Галичинѣ вполнѣ законно, какъ употребительное еще съ XIV вѣка, но въ примѣненіи къ Поднѣпровью съ древнею столицею Кіевомъ оно такъ же недопустимо, какъ наименованіе „Великою" Руси восточной, которую вѣдь южане считаютъ своей колоніей; что „малорусскаго" языка нѣтъ и быть не можетъ, какъ нѣтъ языка „малопольскаго": ибо въ австрійской Малой Польшѣ образованные классы говорятъ на общепольскомъ литературномъ языкѣ, а низшіе классы—по-мазовецки; что названіе „малорусскій" особенно неудобно потому, что „никто не хочетъ быть малымъ и вообще безъ нужды унижаться" (стр. 22); что, впрочемъ, ученые вольны употреблять какую угодно терминологію, но государство, не называющее своихъ польскихъ гражданъ „Polaken", но „Polen", обязано и „своимъ русскимъ гражданамъ давать единственно правильное названіе, которое живетъ въ устахъ народа, соотвѣтствуетъ духу нѣмецкаго языка и, будучи соединенно съ прилагательнымъ „австрійскій" или, въ случаѣ надобности, „австро-угорскій", не оставляетъ желать ничего лучшаго и въ смыслѣ ясности и точности" (стр. 23). Этими словами и кончается разбираемая статья.

„Матеріалы для памятной записки галицкихъ русскихъ о мѣропріятіяхъ, угрожающихъ самому существованію галицкой греко-католической церкви" (1885).

Львовскимъ процессомъ и насильственнымъ удаленіемъ съ каѳедры митрополита Іосифа Сембратовича польскіе политики воспользовались не только для усиленнаго насажденія въ Галичинѣ украйноманства (для чего былъ нарочно вызванъ изъ Россіи Кулишъ), но и для нанесенія русской уніатской церкви въ Галичинѣ смертельной раны,—раны, которая за 30 лѣтъ не только не зажила, а, наоборотъ, постоянно растравляемая слугами Польши и Рима, привела, наконецъ, къ пробужденію православнаго сознанія въ русскихъ народныхъ массахъ. Для окончательной латинизаціи галицко-русской церкви поляки рѣшили предоставить исключительное право на занятіе епископскихъ каѳедръ монахамъ, а послѣднихъ отдать на воспитаніе іезуитамъ.

Поляки добились отъ папы „апостольской конституціи" отъ 30 апрѣля (12 мая) 1882 г. „Singulare praesidium". Предписанныя этимъ папскимъ распоряженіемъ передача русскаго Добромильскаго монастыря іезуитамъ и изъятіе галицкихъ монаховъ изъ-подъ власти ихъ епископовъ съ подчиненіемъ римской конгрегаціи „de propaganda fide", проведенныя притомъ въ очень грубой формѣ, до глубины души возмутили русскихъ людей въ Галичинѣ, которые протестовали на двухъ народныхъ собраніяхъ и даже отправили къ вѣнскимъ властямъ особую депутацію. Когда же все это не привело къ желанной цѣли, А. И. Добрянскій-Сачуровъ собралъ обширный матеріалъ для меморандума, кото-

рый и былъ обнародованъ сперва въ „Парламентерѣ“ за 1885 г., а затѣмъ изданъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: „*Матеріалы для памятной записки галицкихъ русскихъ о мѣропріятіяхъ, проводимыхъ въ послѣднее время въ жизнь подъ предлогомъ реформы галицкаго чернаго духовенства и угрожающихъ самому существованію галицкой греко-католической церкви*“ („*Material zur Denkschrift der galizischen Russen über die Massregeln, welche neuester Zeit unter dem Vorwande einer Refoım des galizischen Regularclerus in's Leben gerufen, die griechisch-katholische Kirche Galiziens in ihrem Bestande gefährden*“. 173 стр. мелкаго шрифта). На основаніи этого матеріала былъ составленъ меморандумъ, поданный русскими галичанами императору и правительству.

Въ своемъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ сперва (стр. 3—8) вкратцѣ разсказываетъ исторію Галичины, указываетъ на несообразность даже съ точки зрѣнія автономіи областей соединенія галицко-владимирскаго королевства съ другими частями бывшей Рѣчи Посполитой въ одну, притомъ слишкомъ большую, коронную область, на необходимость раздѣла Галичины на восточную и западную, на несправедливость польскаго владычества надъ русскими галичанами и на стремленіе поляковъ совсѣмъ уничтожить самостоятельность галицко-русской церкви; затѣмъ такимъ образомъ излагаетъ сущность учиненнаго надъ послѣднею насилія:

„Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ греко-уніатскихъ монастыряхъ Галичины господствуетъ безпорядокъ, что поэтому весь монашескій орденъ, если онъ долженъ соотвѣтствовать своему назначенію, нуждается въ немедленной реформѣ, которую самъ протоигуменъ ордена (провинціалъ) предоставилъ іезуитамъ, послѣдніе добились въ Римѣ апостольской конституціи отъ 30 апрѣля (12 мая) 1882 г.“ (стр. 8—9).

Изложивъ содержаніе этой конституціи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ приходитъ къ такимъ выводамъ о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ папскаго посланія, если оно останется въ силѣ:

„а) Орденъ іезуитовъ останется во владѣніи греко-католическимъ Добромильскимъ монастыремъ и устроеннымъ тамъ новиціатомъ, откуда этотъ орденъ въ теченіе немногихъ лѣтъ наполнитъ своими воспитанниками всѣ греко-католическіе монастыри Галичины, а, слѣдовательно, какъ можно болѣе незамѣтнымъ образомъ, аннектируетъ ихъ съ ихъ значительнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнитъ все греко-католическое черное духовенство своими питомцами.

„б) Эти питомцы, исключительно предназначенные къ занятію всѣхъ вліятельныхъ церковныхъ степеней, должностей и учебныхъ каѳедръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ призванные также къ исполненію обязанностей настоятелей приходовъ, въ непродолжительномъ времени возьмутъ въ свои руки управленіе всею греко-католическою церковью въ Галичинѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, и, такимъ образомъ, искони служащій польскимъ національнымъ тенденціямъ орденъ

іезуитовъ получитъ необходимыя средства и нужное вліяніе, чтобы имѣть возможность провести направленные къ уничтоженію греческаго обряда проекты 1717 и 1751 годовъ, не опасаясь серьезнаго сопротивленія этому со стороны греко-католическаго духовенства или вѣрующихъ" (стр. 18).

Разсмотрѣвъ далѣе историческую и юридическую сторону вопроса и доказавъ, что постановленія папскаго посланія нарушаютъ церковные и гражданскіе законы,—въ заключеніе своего сочиненія А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ слѣдующихъ словахъ высказываетъ убѣжденіе, что русскіе галичане только въ православіи могутъ найти спасеніе своей церкви и народности:

„Такъ какъ въ теченіе продолжительнаго времени замѣчается колебаніе греческаго обряда въ Галичинѣ, и постановленія обсуждаемой апостольской конституціи, проведеніе которой, къ сожалѣнію, все болѣе подвигается впередъ, являются насиліями, которыя во всякомъ случаѣ позволяютъ совсѣмъ оставить подъ сомнѣніемъ дальнѣйшее существованіе этого обряда, а, слѣдовательно, и греко-католической церкви,—то насчитывающіе около трехъ милліоновъ коренные жители Галичины поставлены передъ альтернативою: или утратить свою національную святыню и свою народность, т.-е. свое существованіе, чтобы раствориться въ искони враждебномъ имъ польскомъ народѣ, или путемъ отказа отъ католическаго догмата, т.-е. возсоединенія съ православною церковью, навсегда избавиться отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ церковныя дѣла непрошенныхъ польскихъ опекуновъ, въ частности польскихъ іезуитовъ, и такимъ образомъ избѣжать подготовляемой гибели ихъ національной жизни" (стр. 173).

Въ примѣненіи къ Угорской Руси на то же намекаетъ Адольфъ Ивановичъ въ письмѣ къ примасу Угріи кардиналу Шимору отъ 25 сент. (7 окт.) 1869 г. Еще яснѣе высказана та же мысль въ найденной въ бумагахъ А. И. Добрянскаго-Сачурова и относящейся къ 1874 или 1875 году (на что указываетъ одновременное упоминаніе епископовъ Гаганца и Пастелія; даты нѣтъ) „Запискѣ о современномъ положеніи Руси Червонной, то-есть Галицкой и Угорской", гдѣ между прочимъ читаемъ:

„Австрійское правительство выступило на окончательную борьбу съ русскою церковью и народностію.

„Убѣдившись въ этомъ, немногіе оставшіеся вѣрными церкви представители русской интелигенціи въ Галиціи и Угорщинѣ рѣшились употребить всѣ свои усилія, чтобы отразить направленный противъ русскаго народа ударъ. Единственнымъ средствомъ къ этому они сочли принятіе православія. Къ этому издавна стремится весь простой народъ и все почти низшее духовенство. Австрійская конституція не ставитъ этому никакихъ формальныхъ затрудненій. Но что значатъ въ Австріи народныя желанія и положительные законы, когда они не согласны съ желаніями правительства, располагающаго деньгами и штыками".

Разсмотрѣнное сочиненіе рисуетъ А. И. Добрянскаго-Сачурова не только какъ глубоко вѣрующаго христіанина и горячаго патріота, но и какъ выдающагося богослова, церковнаго историка и канониста и тонкаго знатока народной души, отъ котораго не укрылась непоколебимая преданность галицко-русскаго крестьянства православной вѣрѣ, такъ ярко сказывающаяся въ наши дни.

„Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ (1885).

Проектъ преобразованія Австро-Угріи изъ федераціи областей въ федерацію народовъ былъ одною изъ любимыхъ мыслей А. И. Добрянскаго-Сачурова. Еще въ 1849 г. онъ настаивалъ на объединеніи всѣхъ русскихъ областей Габсбургской монархіи, въ 1849—50 гг. онъ стремился къ образованію въ Угріи хоть одного русскаго округа, въ 1861 г. въ своей непроизнесенной рѣчи (напечатанной по-нѣмецки) онъ высказывался за преобразованіе Угріи на началахъ автономіи народностей, въ рѣчи 13 (25) ноября 1868 г. требовалъ сохраненія за угорскими народами значенія корпорацій, призванныхъ заботиться о развитіи своего языка и народности, а въ „Проектѣ политической программы для Руси австрійской“ (1871 г.) онъ прямо указывалъ на необходимость устраненія дуализма и предоставленія автономіи каждому народу. Но наиболѣе подробно А. И. Добрянскій-Сачуровъ развилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ изданной въ 1885 г. въ Москвѣ книгѣ „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“. Она произвела огромное впечатлѣніе на австро-угорскихъ славянъ и была предметомъ всесторонняго обсужденія въ ихъ печати. Польскія газеты привели изъ нея выдержки, чешскія—посвятили ей рядъ статей, а въ общеславянскомъ „Парламентерѣ“ были изложены точки зрѣнія на этотъ проектъ: словенцевъ, чеховъ, угорскихъ сербовъ и даже французскаго политика Жюля Ферри. Все это заставило Адольфа Ивановича высказаться подробнѣе, что онъ и сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи — *„Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ („Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich“)*, напечатанномъ сперва на столбцахъ „Парламентера“ за 1885 г. и въ томъ же году появившемся въ видѣ отдѣльнаго оттиска въ 167 страницъ.

Авторъ подробно разбираетъ отношеніе къ идеѣ національной автономіи отдѣльныхъ австро-угорскихъ народовъ, излагая при этомъ ихъ историческія права. Затѣмъ онъ указываетъ на то, что теперь всѣ эти народности „воюютъ другъ съ другомъ и тратятъ свои силы въ ожесточенной борьбѣ, которую вызвала, поддерживаетъ и будетъ всегда поддерживать единственно нынѣшняя система автономіи областей“ (стр. 26). Изъ сеймовъ эта борьба вносится въ рейхсратъ, который становится неработоспособнымъ. Автономія областей ведетъ къ застою въ законодательствѣ, потерѣ времени, притупляющей патріотизмъ всеобщей усталости, волненіямъ среди угнетаемыхъ народовъ и репрессіямъ со стороны народовъ-угнетателей, даже кровавымъ возстаніямъ, а въ будущемъ и къ вмѣшательству иностранныхъ государствъ; къ

непомѣрной избалованности привилегированныхъ народовъ, разсматривающихъ „все государство, какъ свою вотчину“, къ уменьшенію любви къ государству и паденію его престижа, а черезъ ослабленіе національнаго чувства,—къ матеріализму и, наконецъ, къ анархіи (стр. 26—30).

Съ уничтоженіемъ коронныхъ областей, Австрія,—по проекту А. И. Добрянскаго-Сачурова,—должна раздѣляться на слѣдующія „національныя административныя области“ (nationale Verwaltungsgebiete):

„1) Нѣмецкая административная область составилась бы изъ нынѣшнихъ коронныхъ областей Нижней Австріи, Верхней Австріи, Зальцбурга, Тироля и Форарльберга, далѣе изъ непосредственно граничащихъ съ этими коронными областями сплошь заселенныхъ нѣмцами частей Чехіи, Моравіи, Каринтіи и Штиріи.

„2) Юго-славянская административная область охватывала бы Далматію и Крайну, Истрію, Терстъ (Triest), Горицу и Градиску, далѣе словенскія части Каринтіи и Штиріи.

„3) Чешская административная область должна бы быть образована изъ славянскихъ частей Чехіи и Моравіи, равно какъ и изъ Силезіи.

„4) Польская административная область должна была бы состоять изъ великаго воеводства (вел. герцогства) Краковскаго, затѣмъ изъ прилегающихъ чешскихъ воеводствъ (герцогствъ) Освѣтимскаго и Заторскаго, равно какъ изъ также прилегающихъ, совсѣмъ ополяченныхъ западныхъ частей Галичины.

„5) Галицко-русская административная область охватывала бы неополяченную часть Галичины и Буковину.

„6) Наконецъ, чтобы навсегда обезпечить... имперской столицѣ и резиденціи достойное и соотвѣтствующее ея особеннымъ интересамъ самостоятельное положеніе въ имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придать ей одинаково привлекательный для всѣхъ австрійскихъ народовъ, чисто австрійскій отпечатокъ, а тѣмъ самымъ заинтересовать всѣ племена имперіи въ подъемѣ ея благосостоянія и значенія,—Вѣна со своими предмѣстьями должна бы образовать особую... шестую самостоятельную административную область.

„Послѣ устраненія дуализма получили бы приращеніе:

„а) Нѣмецкая административная область отъ присоединенія прилегающихъ къ Нижней Австріи частей Угріи, сплошь заселенныхъ нѣмцами... и охватывающихъ всю Визельбургскую сто́лицу и бо́льшую часть сто́лицъ Эйзенбургской и Эденбургской;

„б) юго-славянская административная область, которая должна бы быть соединена съ Хорватіею и Славоніею, а также съ Рѣкою (Fiume) и славянскими частями сто́лицъ Залянской и Эйзенбургской, а затѣмъ съ областью, образованной въ министерство Баха сербской Воеводины, равно какъ и съ Босніею и Герцеговиною,—особенно выиграла бы въ объемѣ;

„в) чешская административная область, на долю которой выпали

бы тѣ стóлицы Угріи, которыя содержатъ сплошное словацкое населеніе и поэтому уже въ министерство Баха образовали особую, а именно Пресбургскую административную область Угріи;

„г) галицко-русская административная область, на долю которой выпалъ бы населенный русскимъ племенемъ сѣверо-востокъ Угріи, т.-е. въ общихъ чертахъ образованная въ министерство Баха Кошицкая административная область, за исключеніемъ, однако, румынскихъ частей стóлицъ Мараморошской и Угочанской.

„Итакъ, послѣ устраненія дуализма слѣдовало бы образовать еще румынскую и мадьярскую административныя области:

„7) Румынская административная область должна была бы охватывать Семиградье въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно находилось въ министерство Баха, далѣе существовавшія въ то время стóлицы Арадскую, Южно-Бихарскую, Сатмарскую и Чанадскую съ румынскими частями бывшей Военной Границы, а также стóлицъ Бекешской, Темешской, Мараморошской, Угочанской и Буковины.

„8) Пространство и составныя части мадьярской административной области обозначаются такимъ образомъ сами собою“ (стр. 59—61).

По проекту автора, каждая изъ этихъ областей „имѣла бы свой сеймъ (въ Вѣнѣ усиленную представителями предмѣстій городскую думу)... свое намѣстничество... (въ Вѣнѣ магистратъ...)“ (стр. 61). Кругъ вѣдѣнія сеймовъ можетъ остаться такимъ, какъ теперь, или даже быть суженъ, „лишь бы онъ остался для всѣхъ одинаковымъ“. „Единственно въ дѣлахъ, касающихся народности, т.-е. языка, церкви и школы (насколько они не касаются религіозныхъ обществъ, какъ таковыхъ), какое бы то ни было суженіе компетенціи сеймовъ было бы вредно“ (стр. 61).

„Въ тѣхъ національныхъ административныхъ областяхъ, въ которыхъ нельзя избѣжать большихъ и однородныхъ иноязычныхъ островов, какъ, напримѣръ, въ румынской—саксонскаго и мадьярскаго, или замѣтно различіе мѣстныхъ интересовъ и историческихъ воспоминаній, что вѣроятно случилось бы въ нѣмецкой административной области, или, наконецъ, проявляется различіе соперничающихъ другъ съ другомъ религіозныхъ обществъ,—случай, который могъ бы встрѣтиться, напримѣръ, въ юго-славянской и даже галицко-русской административной области,—кромѣ областныхъ, должны были бы собираться еще окружные сеймы для рѣшенія тѣхъ сеймовыхъ дѣлъ, которыя вслѣдствіе господствующаго различія въ интересахъ не могли бы съ должнымъ спокойствіемъ обсуждаться на областномъ сеймѣ или могли бы привести къ нарушенію правъ меньшинства.

„Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывается неизбѣжнымъ созывъ окружныхъ сеймовъ, необходимо и учрежденіе окружныхъ правительствъ, какъ они существовали въ началѣ 50-хъ годовъ въ министерство Баха“ (стр. 62); послѣднія для удобства управленія должны быть учреждаемы и въ случаѣ обширности области или по требованію мѣстныхъ усло-

вій. Все же число сеймовъ и правительствъ (областныхъ и окружныхъ) будетъ меньше теперешняго. Описывая выгодныя послѣдствія національной автономіи (стр. 62—65), Адольфъ Ивановичъ приходитъ къ заключенію, что она сдѣлаетъ Австрію сильною внутри и могущественною во внѣ.

Въ сочиненіи „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи" А. И. Добрянскій-Сачуровъ коснулся множества политическихъ, экономическихъ, правовыхъ, религіозныхъ, историческихъ и даже филологическихъ (напримѣръ, объ отношеніи словенцевъ къ хорватамъ) вопросовъ и при этомъ проявилъ свои обширныя познанія и большую самостоятельность мысли.

„Въ день праздника св. великомученика Димитрія" (1886).

Въ 1885 г. все славянство праздновало 1000-лѣтіе блаженной кончины своего Просвѣтителя—св. равноапостольнаго Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго, а въ 1886 г. исполнилось 1000-лѣтіе изгнанія изъ Моравіи его учениковъ и начала жестокихъ гоненій латинскаго духовенства на славянскую церковь. На эту печальную годовщину откликнулся и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, много пострадавшій за свою вѣрность кирилло-меѳодіевскимъ завѣтамъ. Памяти первыхъ мучениковъ за славянскую церковь посвятилъ онъ одно изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ церковно-историческихъ изслѣдованій, которое было сперва въ рукописи прочитано въ чешскомъ переводѣ на торжественномъ собраніи чешскаго политическаго общества „Еднота" въ Вѣнѣ 26 окт. (7 ноября) 1886 г. его предсѣдателемъ д-ромъ Живнымъ, а затѣмъ по-нѣмецки напечатано авторомъ въ „Парламентерѣ" (Вѣна, 1886 г., № 46, и отд. оттискъ въ 40 стр.) подъ заглавіемъ: *„Въ день праздника святого великомученика Димитрія"* (*„Am Festtage des heiligen Grossmärtyrers Dimitrij"*. Это сочиненіе издано также и по-чешски).

Указавъ на особенное почитаніе, оказываемое великомученику Димитрію Солунскому во всемъ славянскомъ мірѣ, авторъ переходитъ къ ученикамъ Первоучителей и высказываетъ предположеніе, что самъ Меѳодій былъ архіепископомъ автокеѳальной славянской церкви съ мѣстопребываніемъ въ Бѣлградскомъ монастырѣ близъ Остригома (въ теперешней Угріи), Агаѳонъ (или по-славянски Гораздъ) митрополитомъ Моравскимъ, а Савва—Срѣмскимъ. По смерти Меѳодія нѣмецкое духовенство и поддерживающее его моравское правительство не допустили назначенія преемника Меѳодію (каковымъ, по его желанію, долженъ бы быть Агаѳонъ — Гораздъ); поэтому переселившійся вслѣдствіе гоненій въ столицу Угріи Остригомъ бывшій Моравскій митрополитъ, а равно и митрополитъ Срѣмскій подчинились Цареградскому патріарху и положили начало существующимъ донынѣ, хотя и совсѣмъ олатиненнымъ, митрополіямъ Остригомской (глава ея состоитъ всегда и „княземъ-примасомъ" Угріи) и Бацко-Колоцкой (на югѣ Угріи). Исторіи этихъ двухъ митрополій, т.-е. греко-славянской церкви въ Угріи (и отчасти Моравіи) и посвящено изслѣдованіе. По мнѣнію Адольфа Ивановича, до конца XII в. угорская церковь была православною; въ концѣ

XII в. при Бѣлѣ III послѣдовало принятіе уніи, которая, однако, была враждебно встрѣчена народомъ, и отъ которой часто отрекались цѣлые монастыри и даже епископы. Тотчасъ послѣ введенія уніи латинскіе монахи начали при содѣйствіи свѣтской власти отнимать у славянскихъ чернецовъ монастыри, а на ихъ земляхъ селить нѣмецкихъ и итальянскихъ колонистовъ. Однако систематическая латинизація началась лишь съ 1308 г., когда династія Арпадовичей вымерла и на угорскомъ престолѣ стали возсѣдать итальянцы, нѣмцы и поляки. Впрочемъ, сторонниковъ восточнаго обряда разыскивали и преслѣдовали еще въ XVI в. даже на Словачинѣ. Въ господствующей же церкви изъ смѣшенія латинскаго и греческаго обрядовъ образовался „обрядъ угорской церкви" („ritus ecclesiae hungaricae"), который „удалось совсѣмъ искоренить только въ XVIII в., хотя его остатки тамъ и сямъ и теперь еще замѣтны въ римско-католической церкви Угріи" (стр. 21). Въ XIII в. пала, по словамъ А. И. Добрянскаго-Сачурова, славянская церковь среди словенцевъ и западныхъ хорватовъ, а также среди прибалтійскихъ и полабскихъ славянъ; въ XV—XVI вв., послѣ отчаянной защиты въ періодъ гуситства,—среди чеховъ. „Только на востокѣ австрійской монархіи восточная церковь... удержалась: частью въ своей полной самостоятельности, какъ греко-восточная или православная церковь, частью въ зависимости отъ римскихъ папъ, какъ церковь греко-уніатская или греко-католическая" (стр. 28).

Въ только-что разобранномъ краткомъ изслѣдованіи, основанномъ на документальныхъ данныхъ и полномъ смѣлыхъ обобщеній, содержится цѣлая программа для будущаго историка угорской церкви, который долженъ, разобравъ, по возможности, всѣ архивныя данныя, провѣрить выводы Адольфа Ивановича. Кое-что для этого сдѣлано имъ самимъ въ многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ бо́льшею частью въ томъ же „Парламентерѣ" (напр., за 1887 г., № 10); но другія занятія и невозможность даже въѣзда въ Угрію помѣшали ему закончить начатое дѣло.

„Разъясненію и истинѣ" (1887).

Славянофильскія воззрѣнія А. И. Добрянскаго-Сачурова и проповѣдуемая имъ идея замѣны автономіи областей автономіею народностей съ проведеніемъ полной ихъ равноправности вызвали сильное неудовольствіе значительной части чешскаго общества, разсчитывающей на пріобрѣтеніе для бывшаго чешскаго королевства какого-то особаго положенія въ составѣ Габсбургской монархіи. Представитель этого направленія въ 1880-хъ годахъ, чешскій журналъ „Славянскіе Листы" (1887 г., № 6) очень рѣзко выступилъ противъ „Парламентера" и автора помѣщенной въ немъ (1887 г., № 10) статьи о денаціонализаціи славянъ въ средніе вѣка, гдѣ на основаніи исторіи и фактовъ доказывалось, что народъ, утратившій всѣ свои національныя особенности, долженъ рано или поздно лишиться и своего языка.

Этимъ авторомъ былъ Адольфъ Ивановичъ, который и не замедлилъ отвѣтить „Славянскимъ Листамъ" въ особой обширной

статьѣ, напечатанной въ „Парламентерѣ“ (Вѣна, 1887 г., №№ 18—21 и отдѣльнымъ оттискомъ въ 99 стр.) подъ заглавіемъ: „*Разъясненію и истинѣ*“ („*Der Aufklärung und der Wahrheit*“). Указавъ на вызвавшія статью обстоятельства и выяснивъ различіе между основными взглядами чешскаго журнала и своими, А. И. Добрянскій-Сачуровъ совѣтуетъ чехамъ не увлекаться областною автономіей, а, напротивъ, возможно лучше отмежеваться отъ нѣмцевъ и постепенно возстановить въ себѣ утраченныя черты славянской народности. Народъ Адольфъ Ивановичъ сравниваетъ съ ежомъ, „особенность котораго,—то, что́ у людей мы называемъ народностью,—заключается въ его щетинистой кожѣ, которая защищаетъ его отъ всякаго хищнаго животнаго только до тѣхъ поръ, пока она въ цѣлости“ (стр. 4).

Переходя отъ общихъ положеній къ частнымъ вопросамъ, авторъ подробно разбираетъ утвержденія „Славянскихъ Листовъ“, будто чешская азбука лучше всего передаетъ всѣ славянскіе звуки, и съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ доказываетъ преимущество передъ нею кириллицы, которую совѣтуетъ принять всѣмъ славянамъ (стр. 11—59). Далѣе разсматриваются вопросы объ общеславянскомъ языкѣ (стр. 59—84), которому Адольфъ Ивановичъ въ 1888 г. посвятилъ особую статью, о министерствѣ бар. Баха (стр. 84—86), о чемъ подробнѣе въ „Программѣ для проведенія національной автономіи въ Австріи“ и, наконецъ, объ историческомъ значеніи Великоморавскаго государства (стр. 86—93), которое „Славянскіе Листы“ старались всячески умалить, забывая о безсмертныхъ заслугахъ Первоучителей и призвавшаго ихъ князя Ростислава.

Въ разобранной статьѣ Адольфъ Ивановичъ имѣлъ случай проявить свои обширныя познанія въ области славянской филологіи и исторіи, высказать свои—сходные съ воззрѣніями нашихъ славянофиловъ—взгляды на сущность и значеніе народности и показать на дѣлѣ, какъ близки могутъ и должны быть русскому человѣку интересы каждой изъ вѣтвей славянской липы.

Жизнь въ Иннсбрукѣ (1887—1901).

Когда австрійское правительство перевело зятя А. И. Добрянскаго-Сачурова Ю. М. Геровскаго изъ Галичины (гдѣ онъ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ!) въ самую отдаленную провинцію государства—въ Тироль, Адольфъ Ивановичъ, хотя и былъ опечаленъ такой несправедливостью, однако обрадовался близости своей дочери Алексіи Адольфовны и зятя Юліана Михайловича и, оставивъ свою одинокую жизнь въ Вѣнѣ, переселился въ 1887 году къ нимъ, въ гор. Иннсбрукъ. Здѣсь онъ, какъ и въ Вѣнѣ, продолжалъ свою правильную, трудовую жизнь: занимался гимнастикой и водолѣченіемъ, поднимался на высокія горы, много читалъ и писалъ; былъ любимцемъ и руководителемъ иннсбрукской славянской молодежи. Первыя восемь лѣтъ (1887—1895) онъ жилъ въ семьѣ своей дочери, когда же Геровскіе переѣхали въ Черновцы, А. И. Добрянскій-Сачуровъ остался совершенно одинъ и къ тому же вдали отъ родного народа. Не могъ онъ переселиться ни въ свое имѣніе Чертежное, ни вообще въ Угрію,

Галичину или Буковину, ни даже въ Россію (по австрійскимъ законамъ, пенсія должна быть расходуема внутри государства; поэтому, переселившись въ Россію, Адольфъ Ивановичъ лишился бы своей скромной пенсіи, на которую жилъ); не могъ онъ поѣхать и въ Прагу, находившуюся на военномъ положеніи, или какой-либо другой славянскій городъ. Осенью 1900 г. въ Иннсбрукъ переѣхала изъ Чертежнаго жена Адольфа Ивановича—Элеонора Осиповна.

Литературные труды (1887—1901).

За время пребыванія въ Иннсбрукѣ (1887—1901 гг.), А. И. Добрянскій-Сачуровъ напечаталъ слѣдующіе свои труды: „Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“ (1888 г.), „По истинѣ“ („Zur Steuer der Wahrheit“, 1888 г.), „Къ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго римскаго престола“ („Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles“, 1888 г.), „Партійная жизнь славянъ въ Чехіи“ („Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen“, 1889 г.), „Римсконѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне“ (1892 г.), „Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ“ (1894 г.), „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“ (1896 г.), „Куда мы дошли“? (1898 г.), „Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ русскаго церковнаго управленія, проектируемой русскими либералами нашего времени“ (1899 г.) и „Гдѣ выходъ“? (1901 г.).

„Взглядъ на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“ (1888).

Въ концѣ 1880-хъ гг. зять Адольфа Ивановича проф. А. С. Будиловичъ былъ занятъ составленіемъ своего большого труда „Общеславянскій языкъ“ (увѣнчаннаго затѣмъ Петроградскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ Кирилло-Меѳодіевскою преміею и изданнаго въ 1892 г. въ двухъ томахъ). Желая узнать мнѣніе по этому вопросу своего знаменитаго тестя, онъ обратился къ нему съ рядомъ вопросовъ, на которые А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, напечатаннымъ, съ согласія автора, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ (1888 г., №№ 183, 184 и 188 и отдѣльный оттискъ въ 24 стр.) подъ заглавіемъ: *„Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“*.

Указавъ на то, что всѣ славяне, кромѣ поляковъ, признаютъ „необходимость духовнаго объединенія всѣхъ вѣтвей славянскаго народа, именно посредствомъ общеславянскаго языка, каковымъ по общему согласію долженъ быть языкъ русскій“ (стр. 1), авторъ доказываетъ необходимость очищенія послѣдняго отъ ненужныхъ нѣмецкихъ и романскихъ словъ, странно образованныхъ глаголовъ на „ировать“ („напр., телеграфировать вмѣсто телеграфовать“—стр. 3), и читаемыхъ на нѣмецкій ладъ греческихъ словъ (въ родѣ „библіотека“—βιβλιοθήκη; стр. 2—6). „А какъ легко русскимъ сдѣлать это!“—восклицаетъ Адольфъ Ивановичъ.—„Стоитъ лишь основать славянскую академію словесныхъ наукъ, которая въ виду предстоящаго объединенія въ языкѣ является необходимою уже для того, чтобы выработать примѣненіе азбуки ко всѣмъ нарѣчіямъ, издать общеславянскую энциклопедію и т. п. Эта

академія уже при составленіи помянутой энциклопедіи могла бы поставить себѣ цѣлью очищеніе русскаго языка, а сверхъ того привела бы въ порядокъ и исторію славянъ, составляемую до сихъ поръ тоже по вкусу не-славянъ" (стр. 6). „Да, очищеніе языка не представляетъ для русскихъ особеннаго затрудненія. Русскій языкъ самъ по себѣ богатъ словами и формами, старославянскій—тоже, а въ славянскихъ нарѣчіяхъ находится среди мало пригоднаго плеонастическаго матеріала многое, чѣмъ можно и должно воспользоваться" (стр. 7). Послѣ такого очищенія общеславянскій языкъ могъ бы занять „мѣсто не-славянскихъ языковъ: во-первыхъ, въ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ славянъ между собою, а во-вторыхъ—въ высшей области наукъ" и проникнуть „не только въ верхніе, но постепенно и въ низшіе слои всѣхъ вѣтвей славянскаго народа" (стр. 7). Далѣе (стр. 7—22) Адольфъ Ивановичъ говоритъ о томъ, какихъ уступокъ (преимущественно въ школьной области) можно требовать отъ каждой изъ живущихъ въ разныхъ политическихъ условіяхъ частей славянскаго племени въ пользу общеславянскихъ церковнаго и гражданскаго (т.-е. церковно-славянскаго и русскаго) языковъ? Дѣло сводится къ изученію этихъ языковъ и преподаванію на нихъ нѣкоторыхъ предметовъ.

При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ даетъ краткій обзоръ политическаго положенія славянъ. Касаясь польскаго вопроса, онъ говоритъ, что съ нимъ „пора покончить... тѣмъ или инымъ способомъ. Если бы поляки Русскаго государства... искренно отказались отъ своихъ мечтаній и политическихъ заблужденій и были бы готовы занять подобающее положеніе среди славянъ, къ которымъ до сихъ поръ относились враждебно, то думаю, что имъ въ краяхъ, заселенныхъ болѣе или менѣе сплошною польскою стихіей, возможно было предоставить значительный просторъ въ употребленіи своего нарѣчія" (стр. 10).

Кромѣ уступокъ въ пользу общеславянскаго языка въ школьной области, А. И. Добрянскій-Сачуровъ совѣтуетъ еще славянамъ: „а) не заниматься творчествомъ новыхъ словъ, а брать ихъ изъ общеславянскаго языка; б) замѣнить выраженія какъ нововыкованныя, такъ и взятыя изъ другихъ сосѣднихъ нарѣчій, но не привитыя еще прочно народному множеству, выраженіями, употребляемыми въ русскомъ языкѣ; в) употреблять изъ находящихся въ мѣстныхъ говорахъ синонимовъ преимущественно тѣ, хотя бы менѣе обыкновенные, менѣе распространенные, которые находятся и въ русскомъ языкѣ, г) разъяснять какъ значеніе русскаго и старославянскаго языковъ, значеніе для славянъ и преимущества кириллицы, и стараться о введеніи ихъ въ жизнь по возможности, д) употреблять въ сношеніяхъ со славянами общеславянскій языкъ" (стр. 23).

Статья А. И. Добрянскаго-Сачурова весьма интересна не только своими выводами и широкой постановкой затронутаго вопроса, но также и тѣмъ, что будучи *написана по-русски*, даетъ *представленіе объ языкѣ автора*.

Меѳодіевскія торжества 1885 г. вызвали въ давно утратившихъ свою національную церковь словенцахъ и чехахъ неудержимое стремленіе во что бы то ни стало добиться на своей родинѣ возстановленія въ богослуженіи церковно-славянскаго языка и восточнаго обряда. Во главѣ этого движенія стоялъ проживавшій до средины 1887 г. въ столицѣ Австріи и пользовавшійся среди славянъ огромнымъ вліяніемъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ. **„По истинѣ" (1888).**

Однако противъ этого законнаго стремленія славянъ рѣшительно выступило высшее латинское духовенство, а архіепископъ Горицкій со всѣми четырьмя епископами своей митрополіи издалъ въ 1888 г. пастырское посланіе, обвинявшее поборниковъ славянскаго обряда въ желаніи повелѣвать церковью и вмѣшиваться въ дѣла епископовъ, въ предпочтеніи національныхъ интересовъ церковнымъ, въ невѣрности Австріи и ея монарху, и запрещавшее ксендзамъ поддерживать столь опасное движеніе подъ страхомъ суровыхъ наказаній.

Отвѣтъ Адольфа Ивановича на это посланіе былъ сперва помѣщенъ въ „Парламентерѣ", а затѣмъ изданъ отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: *„По истинѣ. Отвѣтъ на заподозриваніе славянскаго народа Горицкой митрополіи"* (*„Zur Steuer der Wahrheit. Eine Antwort auf die Verdächtigungen des Slavenvolkes der Görzer Metropolie"*, Вѣна, 1888 г., стр. 56).

Указавъ на происходящую на территоріи Горицкой митрополіи вѣковую борьбу коренной славянской стихіи съ пришлою итальянскою (стр. 3—10), Адольфъ Ивановичъ очень мѣтко доказываетъ полную несостоятельность всѣхъ пяти пунктовъ посланія (стр. 10—15), высказываетъ и обосновываетъ совершенно православный взглядъ на Церковь (15—23), а авторовъ пастырскаго посланія уличаетъ въ томъ, что они, съ одной стороны исключая изъ Церкви мірянъ и даже низшее духовенство, а съ другой—отожествляя Церковь съ Богомъ, дѣлаютъ изъ епископовъ какихъ-то боговъ (стр. 47). Указавъ на то, что посланіе составлено въ интересахъ не католицизма, а итальянскаго націонализма, авторъ въ концѣ статьи (стр. 48—56) доказываетъ допустимость съ католической точки зрѣнія существованія національныхъ церквей со своими особыми обрядами и вредъ—даже опасность—латинизаціи для католической церкви.

Гораздо осторожнѣе поступили епископы Чехіи и Моравіи, предоставившіе незавидную роль защитниковъ латинства, ищущимъ ихъ милости профессіональнымъ политикамъ и зависимымъ отъ нихъ журналистамъ. Противъ защищаемаго младочешскими „Народными Листами" („Národni Listy") движенія въ пользу возстановленія славянскаго обряда у чеховъ въ 1887 г. почти одновременно выступили старочешскій „Гласъ Народа" („Hlas Národa") и клерикальный „Чехъ" („Čech"), которымъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ и не замедлилъ дать отвѣтъ, напечатанный сперва въ „Парламентерѣ", а затѣмъ вышедшій отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ: *„Къ разъясненію защиты греко-славянской* **„Къ разъясненію защиты греко-славянской церкви со стороны апостольскаго римскаго престола" (1888).**

церкви со стороны апостольскаго римскаго престола" (*"Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles*", Вѣна, 1888 г., стр. 164).

Опредѣливъ сначала (стб. 1—8) характеръ органа старочеховъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ заискиваніи у поляковъ и мадьяръ, Адольфъ Ивановичъ остальную часть брошюры посвящаетъ разбору и опроверженію положеній „Чеха", доказывая, что самая идея Вселенской или Каѳолической Церкви предполагаетъ существованіе церквей помѣстныхъ, національныхъ, ведущихъ свое начало со временъ апостольскихъ (стр. 8—21), главными же виновниками навязыванія германцамъ и славянамъ латинскаго—въ частности римскаго—національнаго обряда были не папы, а римско-нѣмецкіе императоры, на которыхъ падаетъ отвѣтственность и за раздѣленіе церквей (стр. 21—65); но кирилло-меѳодіевская церковь пустила въ чешскомъ народѣ глубокіе корни, почему для оттѣсненія ея потребовались вѣковыя усилія королей и аристократіи, особенно не въ мѣру превозносимаго многими императора Карла IV (стр. 72—91). Далѣе авторъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что ученіе Яна Гуса и Іеронима Пражскаго носитъ не протестантскій, а православный характеръ (стр. 97—103); указываетъ на то, что раздѣлу Австріи въ 1866 г. помѣшалъ не чешскій католицизмъ, а Россія (стр. 103—104), и что возстановленіе славянскаго обряда у чеховъ вполнѣ возможно (стр. 105—115); совѣтуетъ послѣднимъ не подражать антиславянской политикѣ поляковъ, ведущей ихъ къ гибели (стр. 115—122), и возстановить славянскій обрядъ въ Чехіи и Моравіи: начать слѣдуетъ съ введенія его въ одной изъ такихъ общинъ, гдѣ двѣ или нѣсколько церквей, предоставивъ священникамъ славянскаго обряда право избирать въ каждой епархіи изъ своей среды „архипресвитера" и назначивъ двухъ викарныхъ епископовъ славянскаго обряда (для Чехіи и для Моравіи),—къ этой организаціи могли бы затѣмъ по собственному желанію присоединяться и общины съ одною церковью (стр. 123—129). Упомянувъ затѣмъ о томъ, что католическая пропаганда — вслѣдствіе принятой системы латинизаціи—имѣетъ весьма малый успѣхъ, особенно сравнительно съ миссіонерскою дѣятельностью русской церкви (стр. 130—135 и 146—159), которая создала величіе Россіи и всегда спасала ее въ трудныя времена (стр. 136—142), — Адольфъ Ивановичъ говоритъ что единство Церкви должно выражаться только во всеобщемъ признаніи догматовъ (догматъ, по православному пониманію, котораго держался и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, есть то, „во что всегда, всюду и всѣ вѣрили"—стр. 157) и взаимной любви (стр. 157—159). Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что времена, когда церковь и государство могли навязывать народамъ чужой языкъ и обычаи, прошли (стр. 159—163), и что происходящее среди чеховъ движеніе въ пользу славянскаго обряда носитъ католическій характеръ, который можетъ, однако, смѣниться противокатолическимъ, если пастыри не станутъ во главѣ стада (страницы 163—164).

„Партійная жизнь славянъ въ Чехіи“ (1889.

Для осуществленія политической программы А. И. Добрянскаго-Сачурова, т.-е. дарованія народамъ Австро-Угріи дѣйствительнаго равноправія и самоуправленія, особенно важно было содѣйствіе располагающихъ значительнымъ числомъ мѣстъ въ рейхсратѣ чеховъ. А между тѣмъ безраздѣльно господствовавшая среди нихъ съ 1860-хъ годовъ старочешская партія заодно съ мадьярами и поляками добивалась еще большаго расширенія автономіи областей и приносила реальные интересы чеховъ и всего славянства въ жертву несбыточнымъ мечтамъ о воскрешеніи подъ скипетромъ Габсбурговъ былого чешскаго королевства (въ которомъ, кстати сказать, оказалось бы около 3.000.000 нѣмцевъ). Безплодность дѣятельности старочеховъ и постоянныя заискиванія ихъ у мадьяръ, поляковъ и нѣмецкихъ консерваторовъ лишили ихъ всякаго довѣрія въ народѣ и создали благопріятную почву для выступленія младочеховъ. Чтобы возстановить свое пошатнувшееся положеніе, старочехи устроили въ сентябрѣ 1888 г. партійный съѣздъ. Этому съѣзду и связаннымъ съ нимъ вопросамъ о желательной политической программѣ для чеховъ Адольфъ Ивановичъ и посвятилъ брошюру *„Партійная жизнь славянъ въ Чехіи“*, (*„Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen“*, Любляна, 1889 г., стр. 99).

Послѣ краткаго введенія, въ которомъ указывается на пренебреженіе старочеховъ къ ихъ ближайшимъ родичамъ—словакамъ и даже мораванамъ (стр. 3—5), авторъ разбираетъ рѣчи старочешскихъ вождей: Ригера (стр. 6—12 и 43—84), проф. Квичалы (стр. 12—19), проф. Брафа (стр. 19—25) и Тоннера (стр. 25—43). При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ отмѣчаетъ отрицательныя черты старочешской партіи: высокомѣрное отношеніе къ избирателямъ, раболѣпіе передъ поляками и мадьярами, нерадѣніе о національныхъ интересахъ чехо-славянскаго племени и экономическихъ нуждахъ низшихъ классовъ населенія, въ особенности сельскихъ хозяевъ. Особенно интересны приведенные по поводу разбираемыхъ рѣчей краткіе очерки исторіи Польши (стр. 29—38), о паденіи которой сожалѣлъ „едва одинъ процентъ населенія бывшей польской Рѣчи Посполитой“ (стр. 37), а также независимыхъ нѣкогда отъ Угріи Семиградья (стр. 58—60) и Хорватіи (стр. 60—64) и, наконецъ, самой Угріи (стр. 64—80), хозяйничаньемъ въ которыхъ мадьяръ, неимѣющихъ на то никакого — даже „историческаго“ — права, такъ восхищались старочехи.

Разбирая далѣе (стр. 84—95) резолюцію съѣзда, Адольфъ Ивановичъ совѣтуетъ чехамъ не увлекаться своими мнимыми историческими правами, а добиваться національнаго равноправія и самоуправленія, на которыхъ вѣдь настаивалъ и Палацкій до 1866 г., и которыя вовсе не исключаютъ и возстановленія въ будущемъ чешской государственности. Въ заключительной части брошюры (стр. 95—99) авторъ указываетъ на успѣхи младочеховъ и близкое паденіе старочеховъ, отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки младочешской партіи и необходимость установленія общей программы для всѣхъ чешскихъ партій (не исклю-

чающей, конечно, ихъ особыхъ партійныхъ программъ), изложеніемъ которой и кончается разбираемое сочиненіе. Отмѣтимъ при этомъ, что предсказанія А. И. Добрянскаго-Сачурова сбылись: на ближайшихъ выборахъ старочехи потерпѣли полное пораженіе, и ихъ мѣста въ парламентѣ заняли младочехи.

„Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне“ (1892).

Несочувствіе правящаго меньшинства Австро-Угріи политическому проекту Адольфа Ивановича, который, по его мнѣнію, одинъ могъ спасти Габсбургскую монархію и, вообще крайняя безсмысленность съ австрійской точки зрѣнія господствующей въ обѣихъ половинахъ имперіи правительственной системы управленія, убѣдили богатаго опытомъ А. И. Добрянскаго-Сачурова въ томъ, что судьбы средне-дунайскихъ народовъ рѣшаются не ими самими и не ихъ законнымъ государемъ, а могущественнымъ главою возстановленной римско-нѣмецкой имперіи; что, слѣдовательно, судьба греко-славянскаго міра вообще, и австро-угорскихъ славянъ и румынъ въ частности, зависитъ не столько отъ внутренней политики Габсбургской монархіи, сколько отъ международныхъ отношеній. Чтобы раскрыть глаза Россіи и всему славянству на важность переживаемаго момента, А. И. Добрянскій-Сачуровъ посвятилъ этому вопросу статью *„Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне“*, напечатанную за подписью Срѣмецъ въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ (Петроградъ, 1892 г.).

Указавъ на ту зависимость отъ Гогенцоллерновъ, въ какую уже попали Австро-Угрія и Италія, а скоро могутъ попасть и всѣ небольшія средне-европейскія и балканскія государства, авторъ разсматриваетъ хорошія и дурныя стороны и внутренній строй нарождающейся огромной римско-нѣмецкой имперіи, причемъ высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ существованію малыхъ „мнимо-самостоятельныхъ“ государствъ въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, міровой торговли и огромныхъ армій. Далѣе Адольфъ Ивановичъ указываетъ на необходимость образованія балканской федераціи и на несправедливое отношеніе Австро-Угріи къ населяющимъ ее румынамъ и славянамъ (кромѣ, конечно, поляковъ, которыхъ вмѣстѣ съ мадьярами авторъ часто называетъ „будущими нѣмцами“) и разсматриваетъ порознь современное положеніе и настроеніе австро-угорскихъ хорватовъ, сербовъ, словенцевъ, чехо-славянъ, русскихъ, румынъ и, наконецъ, несочувствующихъ своимъ верхнимъ слоямъ польскихъ и мадьярскихъ народныхъ массъ. При этомъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ высказываетъ свои религіозныя, національныя и политическія убѣжденія: сочувствіе православію, греко-славянскому (со включеніемъ румынъ, мадьяръ и др.) единству и автономіи народностей и отрицательное отношеніе къ католицизму и уніи, всякимъ мелкимъ національнымъ сепаратизмамъ и автономіи областей. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Задуманная въ Берлинѣ римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ уже далеко подвинулась въ своемъ образованіи. Воля стоящаго во главѣ

тройной лиги германскаго императора имѣетъ рѣшающее значеніе не только въ могущественной Германіи, но также въ Австро-Угріи и Италіи...

„...Сосѣднія мелкія государства не въ состояніи будутъ долго удержаться...

„Такимъ образомъ, втихомолку и безъ кровопролитія можетъ постепенно совершиться въ близкомъ будущемъ образованіе могущественной римско-нѣмецкой имперіи, въ которую войдутъ всѣ германцы европейскаго материка, затѣмъ итальянцы, румыны, греки, турки, албанцы, всѣ западные и южные словяне, а также осколки славянъ восточныхъ, французовъ и финновъ. Единственнымъ условіемъ благополучнаго для нѣмцевъ исхода этого процесса является сохраненіе европейскаго мира...

„Вопросъ лишь въ томъ, согласятся ли Россія и Франція предоставить Гогенцоллернамъ безмятежный миръ на все время совершенія и завершенія этого грандіознаго политическаго процесса? Хотя мы и не посвящены въ тайны кабинетовъ петербургскаго и парижскаго, однако считаемъ себя вправѣ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ отрицательный. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что они будутъ безучастными зрителями того, какъ слабая еще нынѣ сплоченность римско-нѣмецкой имперіи постепенно будетъ возрастать, по мѣрѣ подавленія самостоятельности и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, и большинства населеній Австро-Угріи и Италіи, угрожая залить потокомъ тевтонизма множество то единовѣрныхъ, то единокровныхъ съ Франціей и Россіей народовъ серединной Европы!..

„Кромѣ того, могутъ ли Россія и Франція равнодушно смотрѣть на утвержденіе въ Европѣ диктатуры Гогенцоллерновъ . . ? Вѣдь и донынѣ много уже вреда причинили Гогенцоллерны французамъ какъ враги, а русскимъ какъ друзья. Соединенными силами должны теперь Россія и Франція позаботиться о томъ, чтобы спасти отъ ига тевтонизма не-нѣмецкіе народы Австро-Угріи и Италіи, ожививъ въ нихъ инстинкты самосохраненія и надежды на свободную народную будущность. А такъ какъ въ пользу Гогенцоллерновъ работаютъ сверхъ нѣмцевъ еще поляки и мадьяры, какъ нѣмцы будущаго, то политика Россіи и Франціи должна быть одновременно обращена на обузданіе этихъ, донельзя раздутыхъ нынѣ народностей. Это немедленно привело бы къ распаденію сложившагося зерна римско-нѣмецкой имперіи и постепенно ободрило бы подавленныя нынѣ Пруссіею мелкія нѣмецкія государства, которыя подъ главенствомъ Австріи могли бы образовать,—конечно, въ этнографическихъ границахъ нѣмецкаго племени,—независимый отъ Пруссіи союзъ южно-германскихъ государствъ. Тогда открылась бы не только для греко-славянской и романской, но и для германской Европы возможность свободнаго народнаго развитія, не сдерживаемаго, какъ нынѣ, безконечными вооруженіями и ненасытнымъ властолюбіемъ прусскаго тевтонизма“.

„Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ“ (1894).

Галицкіе и угорскіе латинизаторы въ своемъ стремленіи навязать русскимъ уніатамъ обрядъ западной церкви съ особенною ненавистью смотрѣли—и донынѣ смотрятъ—на старый юліанскій календарь, который имъ давно бы хотѣлось замѣнить новымъ, григоріанскимъ. Но всѣ ихъ усилія до сихъ поръ остаются тщетными. Понимая великую важность освященнаго церковнымъ преданіемъ и связывающаго всѣ христіанскіе народы Востока календаря, А. И. Добрянскій-Сачуровъ не могъ равнодушно слушать смущавшіе мало знакомое съ календарнымъ вопросомъ русское общество толки о замѣнѣ юліанскаго календаря григоріанскимъ и выступилъ съ обстоятельною и глубоко продуманною книгою *„Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ“* (за подписью Срѣмца. Петроградъ, 1894 г., стр. 105).

Послѣ краткаго введенія (стр. 1— 4) съ указаніемъ на тягостное впечатлѣніе, произведенное въ православномъ и даже уніатскомъ мірѣ статьею Покровскаго („Простѣйшій способъ введенія у насъ новаго стиля“, „Славянскія Извѣстія“, 1891 г., №№ 16—17), Адольфъ Ивановичъ разсматриваетъ сперва исторію календарнаго вопроса на Западѣ (стр. 4—43), причемъ особенно подчеркиваются признанная всѣми авторитетными учеными ложность самой основы григоріанскаго календаря (Прутенскихъ таблицъ и 300.000-лѣтняго цикла епактъ Лиліо) и вызванныя насильственнымъ введеніемъ его кровавыя смуты, немало способствовавшія разложенію римско-католической церкви и римско-нѣмецкой имперіи. Опровергая затѣмъ шагъ за шагомъ всѣ „мнѣнія и заключенія“ Покровскаго (стр. 43—64), авторъ не только уличаетъ его въ полномъ незнакомствѣ съ вопросомъ, но по поводу нѣкоторыхъ его утвержденій на основаніи исторіи доказываетъ самостоятельность и силу православной церкви (стр. 65—69) и крайній упадокъ церкви римской (стр. 69—73), которая отъ папскаго ига „можетъ избавиться только путемъ возвращенія къ здравымъ традиціоннымъ основаніямъ церкви Христовой, т.-е. посредствомъ возсоединенія съ православною церковью“ (стр. 71). Съ послѣднею возсоединятся по мнѣнію автора, всего скорѣе католическіе славяне, англиканцы и французы. Въ концѣ книги (стр. 95—105) А. И. Добрянскій-Сачуровъ высказываетъ свой „взглядъ на реформу календаря“, который сводится, къ слѣдующему: „немедленное исправленіе юліанскаго календаря признается, на приведенныхъ основаніяхъ, ненужнымъ и притомъ опаснымъ въ виду настроенія народовъ, крѣпко за него держащихся. Но возможность исправленія считается допустимою и до истеченія слѣдующихъ двухъ тысячелѣтій, когда оно окажется необходимымъ“ (стр. 95); лучше всего подождать, пока „въ слѣдующія столѣтія“ астрономы опредѣлятъ „великій солнечный годъ“ и путь луны; но вселенскій соборъ (безъ котораго нельзя измѣнять утвержденнаго первымъ вселенскимъ соборомъ календаря) можетъ и раньше внести поправки въ юліанскій календарь, который, „въ отношеніи простоты, легкости и практичности, до сихъ поръ остался еще не превзойденнымъ“ (стр. 96);

однако Церковь даже въ случаѣ исправленія должна „удержать ради своего авторитета старый календарь“ (стр. 97) съ тою только разницею, что каждый 128 годъ считался бы простымъ; выкидывать же 12 дней ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, а лучше, по примѣру I собора (перенесшаго равноденствіе съ 25 на 21 марта), перенести равноденствіе на 9 марта; всего лучше было бы вставить 8 дней, чтобы равноденствіе пришлось на 1 марта, которое можно бы сдѣлать (какъ было въ старину) началомъ года; а годы слѣдовало бы считать не только по невѣрному счету отъ Рождества Христова, но и отъ сотворенія міра; небольшую поправку предлагаетъ Адольфъ Ивановичъ и въ исчисленіи луннаго года; но главное, во избѣжаніе бывшихъ на Западѣ печальныхъ послѣдствій поспѣшной реформы календаря, нужно быть очень осторожнымъ, ибо „ничто не понуждаетъ православную церковь немедленно предпринять измѣненія въ календарѣ“ (стр. 104).

„Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“ (1896).

Въ 1896 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ помѣстилъ въ „Галичанинѣ“ статью *„Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого.“* переизданную затѣмъ Святѣйшимъ Синодомъ въ двухъ книжкахъ (Петроградъ, 1896, стр. 77+48). Въ этомъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ разбираетъ религіозно-философскія воззрѣнія яснополянскаго писателя и моралиста и національно-политическія ихъ послѣдствія. Не касаясь религіозно-философской стороны вопроса, замѣтимъ, что отрицательное отношеніе Адольфа Ивановича ко взглядамъ Л. Н. Толстого усугублялось опасеніемъ, что проповѣдь „непротивленія злу“ можетъ вызвать въ порабощенныхъ западныхъ и южныхъ славянахъ упадокъ энергіи и безусловную покорность судьбѣ. Главная мысль сочиненія та, что славянамъ необходимо стремиться къ лучшему будущему, анархическія же теоріи Л. Н. Толстого отвергаютъ необходимость объединенія отдѣльныхъ славянскихъ народностей для достиженія своего идеала.

„Нѣмцы и другіе западники, — говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ, — восхищаются, комментируютъ и превозносятъ гр. Л. Н. Толстого по извѣстнымъ причинамъ, но и тѣмъ у нихъ все кончается... Зато ученіе Толстого съ разрушительной силой распространяется среди славянъ, въ первомъ же ряду среди словаковъ. Этотъ бѣдный народъ, страдающій столь много отъ мадьяръ и находящійся сегодня въ отчаянномъ положеніи, нуждается въ сильныхъ и мужественныхъ ратникахъ за народное дѣло, чтобы сохранить свой элементъ отъ гибели. Но ряды борцовъ между молодшимъ поколѣніемъ уменьшаются и можетъ вскорѣ придти къ тому, что славно начатое дѣло Коллара, Штура и Гурбана для возвышенія словацкаго народа не найдетъ себѣ достойныхъ послѣдователей и защитниковъ“. (Кн. I, стр. 7).

Вообще отмѣтимъ, что среди зарубежныхъ славянъ было распространено мнѣніе, что Л. Н. Толстой является противникомъ славянской идеи. Къ тому же и самъ писатель никогда не высказывалъ своихъ симпатій спеціально къ славянскому дѣлу. Когда, послѣ введенія въ Россіи народнаго представительства, въ русскомъ обществѣ ожилъ

интересъ къ славянскому вопросу, московское общество „Славія“ отправило Л. Н. Толстому (составленное авторомъ настоящей книги) письмо слѣдующаго содержанія:

Москва, 23 іюня (6 іюля) 1909 г.

Дорогой Учитель,

Левъ Николаевичъ!

Всеславянское общество „Славія“ чествовало память дня сожженія великаго чешскаго реформатора Яна Гуса. Былъ разведенъ костеръ, около котораго представители славянскихъ народностей говорили рѣчи. Тутъ же вспомнили другого великаго славянина - реформатора, Льва Николаевича Толстого, и было рѣшено отправить, въ знакъ глубокаго уваженія ко всей жизни и дѣятельности великаго писателя Земли Русской, картину съ изображеніемъ сожженія Яна Гуса.

Всеславянское общество „Славія“ въ Москвѣ, ставящее своей задачей распространеніе среди славянства идей свободы, равенства и братства съ особенной гордостью сознаетъ, что въ нашъ вѣкъ національнаго шовинизма и религіозной нетерпимости живетъ и работаетъ геніальный мыслитель и художникъ слова, который неустанно провозглашаетъ идеи національной солидарности (основанной на общечеловѣческихъ началахъ) и принципъ единаго христіанства. Эти идеи особенно должны быть дороги славянству, которое погибало отъ того, что подчеркивало не то, что́ объединяетъ духовно людей, а, наоборотъ, то, что́ ихъ разъединяетъ. Раньше всегда говорили: „я православный“, „я католикъ“, „я протестантъ“, а также: „я русскій“, „я чехъ“, „я полякъ“, „я болгаринъ“, „я сербо-хорватъ“ и т. д.

Общество же „Славія“ говоритъ: „я христіанинъ“, „я славянинъ“, „всѣ люди должны быть братьями не только по крови, но и по духу“.

Или какъ прекрасно выразился чешскій поэтъ Янъ Колларъ:

„И пусть на зовъ твой „славянинъ“,
отвѣтитъ эхо „человѣкъ“.

Общество надѣется, что Вы осчастливите его принятіемъ его скромнаго дара.

Предсѣдатель: Чехъ С. Ко́ничекъ.
Секретарь: Русскій Ѳ. Аристовъ.

На это письмо былъ полученъ отъ Л. Н. Толстого слѣдующій знаменательный отвѣтъ:

Ясная Поляна, 8 іюля 1909 г.

Дорогіе братья.

Письмо ваше глубоко тронуло меня. Всей душой желалъ бы быть хоть въ самой малой долѣ тѣмъ, чѣмъ вы меня признаете.

Не могу не вѣрить въ исключительное значеніе славянства для объединенія не только христіанъ, но и всѣхъ людей, какъ прекрасно выражена эта мысль у Коллара. Благодарю за подарокъ.

Левъ Толстой.

Въ 1910 году Л. Н. Толстой имѣлъ новый случай высказаться по славянскому вопросу: подготовительный комитетъ по устройству славянскаго съѣзда въ Софіи послалъ ему приглашеніе. На это приглашеніе великій писатель Земли Русской отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ, высказавъ сожалѣніе, что по нездоровью и преклонному возрасту не можетъ лично принять участія въ работахъ съѣзда, въ заключеніе писалъ: „моя вѣра въ то, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая одна можетъ, все болѣе и болѣе соединяя людей, вести ихъ къ свойственному имъ благу, что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени".

Изъ приведенныхъ писемъ ясно видно, какъ сочувственно относился къ славянскому дѣлу Л. Н. Толстой, который является не только великимъ писателемъ Земли Русской, но и геніальнымъ сыномъ славянства, вѣрящимъ въ его „исключительное значеніе".

Мрачныя предположенія А. И. Добрянскаго-Сачурова такимъ образомъ сами собой отпадаютъ, но они характерны тѣмъ, что выражали взгляды не одного Адольфа Ивановича, а многихъ просвѣщенныхъ зарубежныхъ славянъ, не раздѣлявшихъ философскихъ воззрѣній Л. Н. Толстого, но всегда преклонявшихся передъ нимъ, какъ величайшимъ художникомъ слова.

„Куда мы дошли"? (1898).

Въ 1898 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ напечаталъ въ „Галичанинѣ" свое сочиненіе „*Куда мы дошли? Разсужденіе стараго австрійскаго патріота о нынѣшнемъ положеніи въ Австріи*", которое затѣмъ появилось въ видѣ отдѣльнаго оттиска (Львовъ, 1898г., стр. 95). Въ этомъ сочиненіи авторъ задается вопросомъ: къ чему привела Австрію современная конституція, и много ли потеряло бы австро-угорское государство, если бы конституція была отмѣнена. Доказывая основную мысль своей статьи,—что конституція не принесла никакой пользы,—Адольфъ Ивановичъ подробно разбираетъ тяжелое положеніе покоренныхъ народовъ Англіи, которая хотя и является родоначальницей конституціонной свободы, но въ то же время никогда не гнушалась угнетать побѣжденныя національности и тѣмъ самымъ сдѣлала въ ихъ представленіи конституціонную свободу горькой ироніей.

„Пресловутая сія конституція, — говоритъ Адольфъ Ивановичъ, — позволяла Вел. Британіи, безъ формальнаго нарушенія законовъ, посредствомъ искусственной маіоризаціи въ законодательныхъ собраніяхъ, препятствовать развитію побѣжденнаго населенія британскихъ острововъ, безпощадно эксплоатовать и даже истреблять побѣжденное населеніе, чтобы гордымъ представителямъ побѣдителей жилось пышно и роскошно. Но сей успѣхъ, не прекратившій, а раздувшій самомнѣніе представителей англо-саксnúmero племени, сдѣлался для Великой Британіи роковымъ, ибо поощрялъ ее воспользоваться рано достигнутымъ преобладаніемъ по морямъ къ безпрерывнымъ захватамъ и къ безпощадной эксплоатаціи всего захваченнаго, постепенно даже

всего міра настолько, что еще и Китайская имперія была войной принуждена допустить въ свои области ввозъ опіума, отравляющаго ея населеніе“ (стр. 21—22).

Далѣе авторъ говоритъ о другихъ государствахъ, пользующихся конституціей по образцу англійской, и поэтому, по его мнѣнію, терпящихъ разнаго рода невзгоды, начиная отъ неудачныхъ войнъ и кончая хищеніями чиновниковъ. Переходя къ Австро-Угріи, А. И. Добрянскій-Сачуровъ съ грустью замѣчаетъ: „Немудрено, если и въ нашей Австро-Угорской монархіи чувствуются горькіе плоды введенной 30 лѣтъ тому назадъ англійской конституціи тѣмъ болѣе, что составныя ея части соединены, не какъ въ другихъ государствахъ племеннымъ сродствомъ или общею всѣмъ исторіей, а исключительно царствующею габсбургско-лотарингскою династіей, представитель которой, императоръ, лишенъ конституціею безпосредственнаго вліянія на ея судьбы“ (стр. 30—31). Подробно разбирая тяжелое положеніе каждаго народа австро-угорской монархіи, доказывая безполезность требованія признанія за отдѣльными областями „историческихъ правъ“ и защищая автономію народностей въ этнографическихъ границахъ, — А. И. Добрянскій-Сачуровъ, наконецъ, ставитъ ребромъ вопросъ: что нужно сдѣлать для спасенія Австріи отъ неминуемаго распада? Для этого, по мнѣнію автора, необходимо произвести государственный переворотъ съ цѣлью отмѣны конституціи и возстановленія абсолютизма, тѣмъ болѣе, что въ австро-угорской монархіи уже были такіе перевороты.

„Не только въ 1848 году,—говоритъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ,— въ которомъ прекратилась юрисдикція и другія преимущества дворянства, былъ государственный переворотъ, но онъ былъ также послѣ 1867 года, такъ какъ введеніе дуализма и англійской конституціи, раздувшей ожесточенную борьбу всѣхъ со всѣми до чудовищныхъ размѣровъ, были также государственнымъ переворотомъ. Неужели намъ, испытавшимъ уже до сыта, до отвала пагубныя послѣдствія сей конституціи, не радоваться ея устраненію и не пособствовать ему? Неужели намъ ждать безцѣльно до поры, когда гнетъ парламентарнаго правленія принудитъ болѣе терпѣливую часть деморализованнаго населенія къ выселенію за океанъ, а менѣе терпѣливую — къ бунтамъ, какъ это случалось уже среди широкихъ мазурскихъ и мадьярскихъ массъ? Неужели ждать до поры, когда въ концѣ-концовъ наша монархія распадется на составныя части?“ (стр. 84—85).

Авторъ тѣмъ болѣе защищаетъ необходимость возстановленія абсолютизма, что Галицкой Руси жилось до введенія конституціи привольнѣе, такъ какъ тогда русское населеніе получало права непосредственно отъ императора, а съ 1867 года оно было отдано на произволъ парламентскаго большинства въ Вѣнѣ и польскаго сейма во Львовѣ. Въ своемъ сочиненіи Адольфъ Ивановичъ далъ дѣльную критику темныхъ сторонъ австрійской государственной жизни и указалъ на выходъ изъ этого положенія. Какъ лойяльный австрійскій гражданинъ,

А. И. Добрянскій-Сачуровъ и А. С. Будиловичъ въ 1898 г.

По фотографіи Макса Кетцлера въ Иннсбрукѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

авторъ взглянулъ на вопросъ съ чисто консервативной точки зрѣнія и пришелъ къ выводу о необходимости возстановленія абсолютной власти императора. Этотъ же вопросъ о свободной жизни отдѣльныхъ національностей былъ поставленъ на очередь демократическими слоями австрійскаго государства, и годъ спустя послѣ появленія сочиненія „Куда мы дошли?“ состоялся (въ 1899 г.) въ Бернѣ Моравскомъ съѣздъ представителей соціалистическихъ партій отдѣльныхъ австрійскихъ народностей, на которомъ было торжественно принято единогласное постановленіе о преобразованіи Австріи изъ централистическо-капиталистической монархіи въ демократическое государство, представляющее добровольный союзъ свободныхъ національностей. Это требованіе было затѣмъ включено и въ оффиціальную программу австрійской соціалъ-демократической партіи, которая является въ настоящее время второй по численности политической организаціей въ вѣнскомъ парламентѣ. Такимъ образомъ и А. И. Добрянскій-Сачуровъ, и представители соціалистическаго міросозерцанія одинаково сошлись на признаніи важности и неотложности разрѣшенія національнаго вопроса. Этотъ фактъ можетъ служить наилучшимъ подтвержденіемъ изреченія, что истина есть только одна, хотя и ведутъ къ ней разныя дороги!

„Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ русскаго церковнаго управленія“ (1899).

А. И. Добрянскій-Сачуровъ, будучи глубоко вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ, не могъ равнодушно относиться къ нападкамъ на православную церковь и ея главную опору — Россію. Защитѣ православія были уже посвящены его сочиненія: „Календарный вопросъ“ и „Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого“. Поэтому, когда въ 1899 году „Биржевыя Вѣдомости“ (№ 55) обрушились на русскія духовныя семинаріи, а въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 33) Н. Дурново выступилъ съ критикой дѣятельности Святѣйшаго Синода и русскаго духовенства, — А. И. Добрянскій-Сачуровъ отвѣтилъ статьею, напечатанною въ харьковскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1899г. и отд. оттискъ въ 29 стр.) подъ **заглавіемъ**: „*Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ русскаго церковнаго управленія, проектируемой русскими либералами нашего времени*“.

Въ этомъ сочиненіи, представляющемъ, повидимому, отрывокъ изъ большого письма, Адольфъ Ивановичъ, выяснивъ вкратцѣ (стр. 1—2) несостоятельность сужденій „Биржевыхъ Вѣдомостей“, желавшихъ лишить духовныя семинаріи ихъ спеціальнаго характера, сдѣлавъ изъ нихъ какой-то ненужный придатокъ гимназій, — подробно разбираетъ проектъ реформы русскаго церковнаго управленія, предложенный Дурново. Не отрицая „пользы при извѣстныхъ обстоятельствахъ“ нѣкоторыхъ его пожеланій, напр., относящихся „къ возстановленію (вѣрнѣе — учрежденію) церковныхъ общинъ въ связи съ церковными совѣтами, къ возстановленію института окружныхъ протоіереевъ (протопресвитеровъ или протопоповъ), къ значительному умноженію епархій, къ расширенію власти митрополитовъ и къ возстановленію всероссійскаго патріаршества“ (стр. 3), — авторъ „Сужденія“

возстаетъ противъ рекомендуемаго Дурново проведенія этихъ реформъ путемъ подрыва авторитета Св. Синода, признаннаго всею православною церковью. А. И. Добрянскій-Сачуровъ выясняетъ, въ какой тупикъ заводитъ дѣло церковной реформы Дурново, съ одной стороны считающій Св. Синодъ учрежденіемъ неканоническимъ (т.-е. незаконнымъ), а съ другой — признающій полный авторитетъ за „какою-то соборною комиссіею, составленною не Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ и не другимъ какимъ-либо церковью признаннымъ соборомъ, но неизвѣстно кѣмъ, по его только личному желанію, такъ какъ въ своей статьѣ онъ называетъ даже лицъ, которыя должны быть призваны къ участію въ этой комиссіи" (стр. 3—4). Стоя за участіе въ дѣлахъ Церкви также и мірянъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ не находитъ ничего противнаго канонамъ въ существованіи должности оберъ-прокурора (стр. 12). Отвѣчая же на раздающіяся въ печати обвиненія русскаго духовенства, Адольфъ Ивановичъ указываетъ на усиленіе у насъ католической и протестантской пропаганды, доказательствомъ чего можетъ служить западное происхожденіе штунды и нѣкоторыхъ другихъ распространяющихся въ Россіи сектъ, и особенно подчеркиваетъ возможность распространенія въ Россіи того безразличнаго отношенія къ религіи, которое давно уже извѣстно въ Западной Европѣ подъ названіемъ „безконфиссійности" или внѣвѣроисповѣдности.

„Гдѣ выходъ"? (1901). Въ 1901 году А. И. Добрянскій-Сачуровъ (за подписью Аидинъ) напечаталъ по-нѣмецки и по-русски въ журналѣ „Славянскій Вѣкъ" (Вѣна, 1901 г., №№ 14 и 16) свою статью *„Гдѣ выходъ"? („Wo hinaus"?)*; она является послѣднимъ, появившимся при жизни автора, сочиненіемъ и кратко излагаетъ тѣ взгляды Адольфа Ивановича на національный вопросъ, которые онъ такъ подробно развилъ и обосновалъ въ цѣломъ рядѣ предыдущихъ литературныхъ трудовъ.

По своему содержанію статья распадается на двѣ части: въ первой изъ нихъ („Славянскій Вѣкъ", № 14) авторъ доказываетъ необходимость замѣны автономіи историческихъ областей автономіей народностей, а во второй (№ 16, того же журнала) — перечисляетъ недостатки австрійской конституціи и предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію.

Въ первой части статьи А. И. Добрянскій-Сачуровъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что „всѣ австрійскія народности добиваются обезпеченія и развитія не только ихъ языковъ, но также ихъ національности вообще. Онѣ, слѣдовательно, добиваются возможности имѣть безпрепятственное вліяніе на свои духовные и матеріальные интересы,— коротко, на всѣ тѣ предметы, которые при явномъ нарушеніи ихъ правъ, подлежатъ компетенціи смѣшанныхъ въ настоящее время сеймовъ".

„И это понятное стемленіе народностей, — говоритъ авторъ, — вполнѣ обоснованно въ австрійскомъ основномъ государственномъ

законѣ, ибо XIX его статья гарантируетъ каждой (само собою понятно, живущей сплошными массами и насчитывающей милліоны) народности ненарушимое право на сохраненіе и на развитіе своей національности и своего языка. Этотъ важный основной государственный законъ, дословно перешедшій въ австрійскую конституцію изъ хорошо обдуманной отмѣнными государственными мужами, такъ называемой, кремерижской конституціи,—былъ бы способенъ не только удовлетворить всѣ народности, но также держать въ сторонѣ отъ рейхсрата опасныя національныя распри. Австрія, такимъ образомъ, могла бы согласно ея историческому призванію, посвятить себя заботамъ о благоденствіи своихъ какъ малыхъ, такъ и частей большихъ народовъ и безпрепятственно развивать свое могущество, тѣмъ болѣе, что она была свободна отъ заботъ передъ общими революціями, имѣющими обыкновенно мѣсто лишь въ національно-однородныхъ государствахъ".

„На дѣлѣ, однако, вышло, къ сожалѣнію совсѣмъ другое. И это потому, что упомянутый важный основной государственный законъ, который принципіально предоставляетъ всѣмъ безъ изъятія народностямъ важныя права, признавая ихъ, такимъ образомъ, юридическими лицами, — молчитъ относительно автономныхъ органовъ, которые, въ качествѣ представителей народностей, были бы призваны осуществлять ихъ права. Предполагалось, очевидно, изданіе дополнительнаго къ нему примѣнительнаго закона, который, благодаря стремленію къ исключительному положенію на историческомъ основаніи со стороны властвующихъ въ нѣкоторыхъ національно-смѣшанныхъ сеймахъ элементовъ, не былъ до сихъ поръ осуществленъ. Недостатокъ примѣнительнаго только закона былъ причиною тому, что важный основной государственный законъ остался мертвою буквою. Этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать, что высиженныя и тщательно взлелѣянныя въ національно-смѣшанныхъ сеймахъ злополучныя національныя распри обострились до такой степени, что дѣлаютъ невозможною плодотворную дѣятельность даже рейхсрата, что угрожаютъ серіозною опасностію и безъ того уже пошатнутому дуализмомъ могуществу австро-венгерской монархіи".

„Я поэтому и теперь еще считаю осуществленіе и безъ того принципіально гарантированной основнымъ государственнымъ закономъ національной автономіи *единственнымъ непогрѣшимымъ средствомъ,* которое можетъ привести къ основательному оздоровленію запутаннаго положенія вещей во всѣхъ отношеніяхъ и которое, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, могло бы быть приложено путемъ императорскаго рескрипта".

Далѣе Адольфъ Ивановичъ говоритъ: „Замѣна противоестественной автономіи такъ называемыхъ историческихъ странъ, въ которыхъ взаимно отталкивающіеся элементы насильно принуждаются къ совмѣстнымъ совѣщаніямъ въ общихъ сеймахъ—естественною автономіею національностей, составляющею, какъ это непреложно доказываетъ груп-

пировка его представителей въ палатѣ депутатовъ рейхсрата, общее желаніе населенія,—сдѣлала бы возможнымъ вполнѣ разрѣшить историческую задачу Австріи, заключающуюся въ одинаковомъ культивированіи всѣхъ народностей".

Во второй части своей статьи, Адольфъ Ивановичъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ недостатки австрійской конституціи: „Австро-венгерскія автономныя учрежденія состоятъ вообще изъ слишкомъ большого числа членовъ. Это съ одной стороны затрудняетъ, а подчасъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ управленіе, а съ другой мѣшаетъ, благодаря желанію многихъ *блистать своимъ ораторскимъ талантомъ* безъ нужды, совѣщаніямъ и воспитываетъ для общества *профессіональныхъ парламентарцевъ* и прочихъ карьеристовъ. Кромѣ того, оно поощряетъ къ шатанію всего существующаго и сильно обременяетъ налого-плательщиковъ. Особенное зло представляютъ собою далѣе вѣчные выборы, не дающіе населенію успокоиться, отрывающіе его часто на цѣлыя недѣли отъ обычныхъ занятій, приводящіе притомъ къ пьянству, подкупамъ, запугиваніямъ, словомъ, — деморализующіе всячески населеніе и воспитывающіе, для полнаго торжества распространяемой безнравственности, опасныхъ для общества *выборныхъ агентовъ*".

Таково содержаніе небольшой, но интересной своими выводами статьи „Гдѣ выходъ"?

Смерть и похороны Адольфа Ивановича (1901).

Съ осени 1900 года Адольфъ Ивановичъ сталъ замѣчать большой упадокъ силъ и послѣ продолжавшейся около полугода болѣзни тихо скончался утромъ 6 (19) марта 1901 года.

9 (22) марта тѣло Адольфа Ивановича было отправлено для погребенія въ Чертежное; на вокзалъ бренные останки угро-русскаго вождя провожали, кромѣ его вдовы, также славянскіе студенты Иннсбрукскаго университета.

12 (25) марта, въ часъ пополудни, тѣло прибыло на ближайшую къ Чертежному желѣзно-дорожную станцію—Межилаборцы, гдѣ было встрѣчено духовенствомъ и народомъ. Гробъ поставлили на запряженную четырьмя лошадьми крестьянскую повозку, и за нимъ до самаго Чертежнаго (около 7 вер.) шла толпа окрестнаго угро-русскаго населенія, а также пріѣзжіе: изъ Галицкой Руси—прис. повѣр. Вл. Ѳ. Дудыкевичъ (гор. Коломыя), и изъ Буковины (гор. Черновцы) студенты И. Ю. Цуркановичъ и болгаринъ Цанковъ. Населеніе селъ, черезъ которыя слѣдовало печальное шествіе, встрѣчало великаго покойника колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Особенно торжественно гробъ встрѣтили жители Чертежнаго, которые трижды преклонили кресты и хоругви передъ прахомъ своего покровителя и вождя.

По прибытіи въ Чертежное, гробъ Адольфа Ивановича былъ поставленъ въ убранномъ въ глубокій трауръ залѣ его дома, гдѣ крестьяне всю ночь читали молитвы. Ночью прибыли съ вѣнками представители русскихъ обществъ Галичины.

На другой день (13 (26) марта) 12 русскихъ священниковъ изъ Угріи и Галичины совершили обрядъ отпѣванія. Межилаборскій священникъ о. Вл. Ройковичъ въ своемъ словѣ указалъ на огромныя заслуги покойнаго и на его вѣрность восточному обряду, который онъ защищалъ отъ всякихъ посягательствъ.

Затѣмъ шествіе двинулось на кладбище, гдѣ первымъ говорилъ присяжный повѣренный Вл. Ѳ. Дудыкевичъ. „Надъ твоей могилой, великій покойникъ", — сказалъ онъ, — „мы клянемся, что всегда останемся вѣрными твоимъ завѣтамъ и пойдемъ по пути, который ты намъ указалъ". Далѣе говорили студенты И. Ю. Цуркановичъ—отъ имени карпато-русской молодежи и болгаринъ Цанковъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ надъ могилою А. И. Добрянскаго-Сачурова была положена бѣлая мраморная плита съ вырѣзаннымъ на ней осьмиконечнымъ крестомъ и соотвѣтствующей надписью.

Общая характеристика жизни и дѣятельности А. И. Добрянскаго-Сачурова.

Наиболѣе авторитетнымъ лицомъ въ дѣлѣ сужденія о значеніи А. И. Добрянскаго-Сачурова для русско-славянскаго дѣла былъ его покойный другъ и зять—проф. А. С. Будиловичъ. Онъ написалъ объ Адольфѣ Ивановичѣ яркую и въ высшей степени интересную брошюру („Объ основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго", Петроградъ, 1901 г.), откуда мы и приводимъ соотвѣтствующія страницы.

Проф. А. С. Будиловичъ въ своемъ сочиненіи останавливается на трехъ основныхъ вопросахъ:

„1) какъ смотрѣлъ Добрянскій на догматическія и историческія отношенія христіанскихъ церквей, въ ихъ взаимодѣйствіи съ другими сторонами народной и культурной жизни славянъ?

„2) въ какомъ видѣ рисовались ему идеалы политической жизни славянъ?

„и 3) какъ представлялъ онъ себѣ ихъ нормальныя отношенія въ области научно-литературной, въ частности по вопросу объ общеславянскомъ языкѣ?

„Взгляды Добрянскаго по этимъ вопросамъ могутъ служить затѣмъ критеріемъ и для оцѣнки общаго его міросозерцанія, тѣмъ болѣе, что это былъ человѣкъ очень твердый и послѣдовательный въ убѣжденіяхъ, развитыхъ въ стройную систему и проведенныхъ въ жизнь.

„По первому изъ указанныхъ вопросовъ при поверхностномъ взглядѣ могло бы показаться, что Добрянскій, какъ уніатъ по происхожденію и патронъ нѣсколькихъ русско-уніатскихъ церквей, въ одной изъ коихъ онъ и похороненъ по завѣщанію соборомъ уніатскихъ священниковъ Угорской Руси и Галича, былъ не только формально чле-

номъ русско-уніатской церкви, но и искреннимъ поборникомъ ея специфическихъ идей и стремленій, что въ этомъ отношеніи онъ не отличался существенно по воззрѣніямъ отъ бывшаго холмскаго епископа, изъ червоноруссовъ, Куземскаго или, пожалуй, отъ знаменитаго ревнителя уніи между югославянами, дьяковарскаго епископа Штросмайера. Въ подтвержденіе такого взгляда можно бы сослаться и на нѣкоторыя литературныя произведенія Добрянскаго, напримѣръ на составленныя имъ: 1) Петицію къ папѣ отъ имени угрорусскаго духовенства, по вопросу о ношеніи уніатскими священниками бороды, 2) Апелляцію къ папѣ отъ имени извѣстнаго галицкаго писателя о. Наумовича, по поводу отлученія его отъ западной церкви и 3) Протестъ противъ занятія галицко-русскихъ монастырей іезуитами, поданный особой депутаціей не только австрійскому императору, но и вѣнскому нунцію.

„Но въ этихъ фактахъ и произведеніяхъ выражаются не коренныя религіозныя воззрѣнія Добрянскаго, а только побочные ихъ спутники и нѣкоторыя дипломатическія необходимости.

„Добрянскій былъ настолько уніатъ, насколько онъ считалъ унію, въ формахъ кирилло-меѳодіевской организаціи и обряда, безконечно ближе и благопріятнѣе для народнаго сохраненія и культурной отдѣльности славянъ, чѣмъ папизмъ латинскій или любая протестантская секта. Онъ цѣнилъ въ русской уніи прежде всего церковно-славянскій языкъ, какъ звено, соединяющее настоящія поколѣнія червоноруссовъ съ ихъ отдаленными предками временъ кирилло-меѳодіевскихъ, а равно со всѣми славянами православными, употребляющими тотъ же литургическій языкъ и тѣ же богослужебныя книги. Затѣмъ онъ придавалъ великое значеніе и другимъ обрядовымъ сторонамъ русско-уніатской церкви, полагая, что какъ ни важна и въ теоріи и въ исторіи догматическая сторона вѣроисповѣданій, особенно для круговъ образованныхъ, живущихъ въ мірѣ идей, тѣмъ не менѣе для простонародья, пожалуй, еще важнѣе внѣшняя организація церкви, формы ея культа, въ ихъ отношеніяхъ къ народности. Целибатъ, напр., былъ ему противенъ не только по причинамъ каноническимъ, но и по вредному вліянію на приростъ народной интеллигенціи.

„Съ другой стороны, онъ понималъ, что унія есть мостъ для перехода не только отъ церкви восточной къ западной, но и наоборотъ, почему и считалъ полезнымъ ратовать какъ бы за унію въ бесѣдахъ съ католическими словинцами или чехомораванами, переманивая ихъ къ возврату сначала къ обрядамъ и организаціи, а затѣмъ уже къ догматамъ кирилло-меѳодіевской церкви.

„Какъ мыслитель, онъ не допускалъ компромиссовъ въ убѣжденіяхъ; но какъ дѣятель практическій, знавшій природу людей и тайну успѣха между ними,—допускалъ компромиссы въ тактикѣ, что выражается и въ указанныхъ его запискахъ къ папѣ по дѣламъ русской уніи.

„Собственные же его взгляды на вопросы религіи и славянской

церковной исторіи ничѣмъ существенно не отличались отъ воззрѣній нашихъ православныхъ богослововъ и историковъ церкви.

„Это выражалось во множествѣ фактовъ и личной его жизни, и общественной дѣятельности, и въ статьяхъ на богословскія темы.

„Будучи самъ уніатомъ, онъ всегда однако предпочиталъ посѣщать богослуженіе православное и сближаться съ православнымъ духовенствомъ (сошлюсь на его тѣсную дружбу съ вѣнскимъ протоіереемъ Раевскимъ); нѣкоторыхъ дѣтей своихъ онъ крестилъ въ церквахъ православныхъ; во время же поѣздки по Россіи съ особеннымъ чувствомъ посѣщалъ наши храмы и монастыри, участвуя въ богослуженіяхъ и таинствахъ. Онъ же былъ двигателемъ того вѣроисповѣднаго движенія между западными славянами, которое привело къ образованію православныхъ общинъ между вѣнскими чехами, а также на югѣ между словинцами и хорватами.

„Изъ напечатанныхъ имъ въ „Славянскомъ Свѣтѣ“ (Тріестъ, потомъ Вѣна), „Кромѣрижскихъ Новинахъ“, „Велеградѣ“, Parlamentär'ѣ и друг. журналахъ статей видно, съ какой любовью и какъ основательно‘ по источникамъ, знакомился онъ съ православной догматикой, литургикой, патристикой, •церковной исторіей, каноническимъ правомъ, вообще со всѣми сторонами православнаго ученія и культа. Что его взгляды по всѣмъ вопросамъ этой области ничуть не разнились отъ православныхъ, видно изъ перепечатки нѣкоторыхъ его статей въ нашихъ духовныхъ журналахъ, напр., о религіозныхъ воззрѣніяхъ гр. Толстого, о синодальномъ управленіи русской церкви, о вопросѣ календарномъ. Этому послѣднему вопросу посвящена обширная его статья, напечатанная въ 1893 г. и выражающая тѣ же взгляды на недостатки календаря григоріанскаго и на неумѣстность замѣны имъ вовсе еще не устарѣлаго для практическихъ цѣлей календаря юліанскаго, которые впослѣдствіи выражены были въ комиссіи при Спб. астрономическомъ обществѣ незабвеннымъ Вас. Вас. Болотовымъ, а въ Академіи наукъ академикомъ Бредихинымъ. Но Добрянскій выяснилъ сверхъ того и практическую важность для славянъ православнаго и уніатскаго исповѣданія юліанскаго календаря, какъ охраннаго вала противъ ихъ слiянія съ католиками и протестантами.

„И въ области славянской исторіи любимымъ предметомъ размышленій и разысканій Добрянскаго были преданія кирилло-меѳодіевской церкви. Преданія эти онъ умѣлъ воскрешать по лѣтописямъ и актамъ съ той проницательностью, которая дается лишь дѣйствительнымъ и продолжительнымъ интересомъ къ дѣлу, а именно его любовью къ завѣтамъ Славянскихъ Первоучителей. Самыя блестящія догадки Добрянскаго въ этой области относятся къ церковной исторіи Венгріи 10—14 вв., но касаются отчасти и странъ смежныхъ, славянскихъ и инородческихъ. При дальнѣйшей разработкѣ онѣ могутъ привести къ совершенно новой постановкѣ и новому освѣщенію многихъ отдѣловъ западно-славянской исторіи.

„Въ тѣснѣйшей связи съ религіозными и церковно-историческими воззрѣніями Добрянскаго были и политическіе его взгляды.

„Признавая вселенское значеніе и призваніе восточной церкви, онъ находилъ, что съ нею тѣсно связана и идея восточной имперіи, воплощавшаяся въ средніе вѣка въ Византіи, а послѣ ея паденія—въ Царствѣ Русскомъ. Эту связь онъ усматривалъ для древняго періода уже въ исторической обстановкѣ вселенскихъ соборовъ, и считалъ ее какъ бы основною нитью для переживаемыхъ вѣковъ развитія этой церкви и этой имперіи.

„По этому взгляду въ старый, средневѣковый періодъ вост. имперіи въ большей или меньшей зависимости отъ нея находились всѣ славянскія государства, насколько они не были отторгнуты въ подчиненіе имперіи западной, такъ что они могутъ быть разсматриваемы какъ члены одной обширной восточно-христіанской федераціи, во главѣ которой стоялъ византійскій императоръ. Когда же его роль съ XV—XVI в. перешла къ царямъ московскимъ, а потомъ къ императорамъ всероссійскимъ, то по взглядамъ славянскихъ и инородческихъ населеній православнаго Востока этотъ царь сталъ ихъ естественнымъ покровителемъ, т.-е. какъ-бы главою все той же обширной нравственной федераціи восточно-христіанскихъ государствъ и народовъ, поскольку они сознавали свою отдѣльность отъ политическихъ системъ мусульманскихъ и латино-нѣмецкихъ.

„Такимъ образомъ эта федерація, по взглядамъ Добрянскаго, объединена не только культурною солидарностію всѣхъ этихъ государствъ и народовъ, но и существованіемъ живого ихъ центра и призваннаго главы въ царствѣ и царѣ всероссійскомъ. По его мнѣнію, она должна быть построена по гегемоническому типу, т.-е. опираться главнѣйше на національныя и культурныя силы Россіи.

„Процессъ образованія такой федераціи, по воззрѣніямъ Добрянскаго, достаточно уже обозначился въ постепенномъ образованіи огромнаго русскаго царства, но далеко еще не закончился, въ виду принадлежности многихъ восточныхъ христіанскихъ народовъ—даже русской вѣтви—къ государствамъ чужихъ культурныхъ системъ, особенно мусульманской и латино-нѣмецкой.

„Ускореніе и довершеніе этого процесса составляетъ, по взглядамъ Добрянскаго, основную задачу какъ Россіи, такъ и прочихъ государствъ и народовъ христіанскаго Востока, такъ что они не должны останавливаться на этомъ пути ни передъ какими жертвами, подобно какъ не останавливались передъ ними и нѣмцы при образованіи на нашихъ глазахъ имперіи нѣмецкой или всенѣмецкой—какъ теперь часто выражаются въ Австріи. Мѣстные интересы отдѣльныхъ вѣтвей грекославянскаго племени, ихъ мѣстные патріотизмы или сепаратизмы могутъ-де быть принимаемы въ расчетъ и терпимы лишь настолько, насколько они не мѣшаютъ интересамъ и цѣлямъ федераціи, ибо она одна можетъ обезпечить существованіе всѣхъ этихъ вѣтвей, слѣд. ихъ главный интересъ—интересъ жизни.

„Съ этой же точки зрѣнія разсматривалъ Добрянскій и пригодность международныхъ союзовъ. Онъ думалъ, напр., что союзъ Россіи съ Франціей можетъ быть полезенъ лишь въ томъ случаѣ, если приближаетъ грекославянъ къ федеративному объединенію. Если же, наоборотъ, онъ удаляетъ отъ такой цѣли, то долженъ быть замѣненъ другой международной комбинаціей, хотя бы напр. сближеніемъ съ Германіей.

„Только за союзъ съ Англіей Добрянскій никогда не высказывался, считая „коварный Альбіонъ“ такимъ же непримиримымъ врагомъ Россій, какимъ былъ нѣкогда Карѳагенъ для Рима.

„Процессъ образованія всенѣмецкой федераціи имперіалистскаго типа вовсе не смущалъ Добрянскаго, равно какъ и вѣроятность отраженія этого процесса въ средѣ латинскихъ народовъ южной Европы. Наоборотъ, онъ считалъ подвигъ Бисмарка какъ бы подготовительнымъ условіемъ для объединенія народовъ грекославянской сферы.

„По его убѣжденію, только напоръ германизма на западныя окраины нашего культурнаго міра можетъ парализовать исконные сепаратизмы грекославянъ и какъ бы ударами нѣмецкаго молота сплотить ихъ въ болѣе тѣсную и прочную культурно-историческую систему. Лишь въ случаѣ дальнѣйшаго развитія и конечнаго торжества въ мірѣ восточно-христіанскомъ началъ разобщенія и взаимнаго соперничества усматривалъ Добрянскій въ имперіи Гогенцоллерновъ великую опасность для тѣхъ его вѣтвей, которыя своевременно не опрутся на Россію. Всего глубже разъяснена эта опасность въ замѣчательномъ трактатѣ его: „Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и грекославяне“ (Слав. Обозрѣніе 1892 г.), подписанномъ „Срѣмецъ“.

„Но, могутъ спросить меня, какъ же примирить съ этими широкими грекославянскими идеалами Добрянскаго его вѣрное служеніе Австріи какъ во время венгерской революціи, такъ и въ эпоху Баха, Шмерлинга, вплоть до утвержденія дуализма? Какъ согласить идеи о федераціи восточно-христіанскихъ народовъ со статьями о мѣрахъ для спасенія имперіи Габсбурговъ главнымъ образомъ посредствомъ превращенія ея тоже въ своего рода федерацію національно-автономныхъ группъ?

„На это отвѣчу, что Добрянскій не былъ какимъ-нибудь фантазирующимъ доктринеромъ, смѣшивающимъ отдаленное и близкое, идеалы и дѣйствительность, а практическимъ политикомъ, имѣвшимъ вѣрный глазомѣръ и умѣнье избирать доступные пути въ движеніи къ отдаленнымъ, идеальнымъ цѣлямъ. Онъ зналъ, что исходной точкой въ стремленіи къ восточной федераціи должны быть не какія либо отвлеченныя начала, а живыя реальности, въ видѣ напр. Австро-Венгріи, Германіи, Турціи и др. государствъ, гдѣ имѣются то въ центрахъ, то на периферіяхъ элементы, изъ коихъ при благопріятныхъ условіяхъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ можетъ выработаться нѣсколько звеньевъ грекославянской федераціи. Сверхъ того онъ пони-

малъ что нужно принимать всѣ законныя физическія и нравственныя мѣры для ободренія и укрѣпленія западныхъ окраинъ грекославянскаго міра, въ переживаемый ими тяжелый періодъ, чтобы по отношенію къ нимъ не нашло себѣ примѣненія предостерегающее изреченіе: „пока солнышко взойдетъ—роса глаза выѣстъ!..“

„По вопросу о національныхъ основахъ восточной федераціи Добрянскій не впадалъ въ тѣ крайности филетнизма, которыя были свойственны напр. Коллару и многимъ чешскимъ его послѣдователямъ. Онъ признавалъ, конечно, серединное значеніе въ этомъ организмѣ народности греческой въ періодъ византійскій, а славянской—въ московскій и петербургскій. Особенно важную роль въ устроеніи судебъ греко-славянскаго міра присваивалъ онъ народу русскому въ совокупности всѣхъ его вѣтвей, въ томъ числѣ и зарубежной Червонороссіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Добрянскій понималъ, что физическія или расовыя особенности славянства не могутъ перевѣшивать его психическихъ или культурныхъ основъ, особенно вѣроисповѣдныхъ, которымъ онъ придавалъ величайшее значеніе даже въ вопросахъ чисто государственныхъ. Вотъ почему онъ всегда былъ такъ расположенъ къ румынамъ, считая напр. ихъ элементъ въ Буковинѣ гораздо родственнѣе мѣстнымъ русскимъ, чѣмъ элементъ польскій, несмотря на латинское происхожденіе румыновъ, а славянское поляковъ. Съ неменьшимъ сочувствіемъ относился онъ къ средне-вѣковымъ и новѣйшимъ грекамъ, историческая судьба коихъ представлялась ему тождественною съ судьбою славянъ. На этомъ же основывалось его благоговѣніе къ древнимъ эллинамъ, языкъ и образованность которыхъ онъ считалъ столь же родными и близкими для славянъ, какъ языкъ и образованность древне-латинскіе—для народовъ романскаго и германскаго запада.

„Изъ этихъ посылокъ логически вытекали его совѣты чехамъ, полякамъ, хорватамъ и вообще западнымъ славянамъ не полагаться особенно на фактъ сохраненія ихъ нарѣчій, какъ на вѣрную гарантію этихъ народностей въ ихъ борьбѣ за жизнь съ надвигающимся съ запада германизмомъ и романизмомъ, а наоборотъ стремиться къ укрѣпленію своего племенного славизма культурнымъ, особенно въ области вѣроисповѣдной и литературной.

„Очень важное значеніе придавалъ Д-ій сближенію славянъ западныхъ съ восточными и южными въ области языка и графики, причемъ основою для такого сближенія считалъ языкъ Пушкина и графику кирилловскую, въ традиціонномъ или историческомъ ея употребленіи. По его мнѣнію, всего подробнѣе изложенному въ письмѣ ко мнѣ, напечатанномъ во II т. моего соч. „О языкѣ общеславянскомъ“ (Спб. 1892), русскій образованный языкъ является не соперникомъ прочихъ славянскихъ и неславянскихъ нарѣчій нашего культурнаго міра, а наоборотъ—ихъ союзникомъ въ борьбѣ за жизнь съ прочими большими языками, напр. нѣмецкимъ, итальянскимъ и др., которые и нынѣ очень часто употребляются на почвѣ этихъ нарѣчій. Взаимное разме-

жеваніе сферъ употребленія языка общеславянскаго и частныхъ нарѣчій не можетъ-де представить особыхъ затрудненій, если только будетъ добрая воля и свобода отъ инородческихъ науськиваній.

„Съ другой стороны Д-ій былъ горячимъ поборникомъ сохраненія языка церковно-славянскаго въ богослуженіи славянъ, а отчасти и въ духовной ихъ литературѣ, по историческому его значенію и по близости къ этимологическимъ основамъ славянской рѣчи.

„Въ постепенномъ же распространеніи между латинствующими греко-славянами кирилловской графики онъ видѣлъ одно изъ важныхъ условій ихъ сближенія съ письменностью славянъ православныхъ, а вмѣстѣ какъ бы внѣшній барьеръ противъ слiянія съ народами запада, аналогичный юліанскому стилю въ счисленіи времени.

„По этимъ же причинамъ съ крайнимъ скептицизмомъ относился Д-ій къ старымъ и новымъ попыткамъ испортить традиціонную кирилловскую орѳографію, объясняя ихъ кознями враговъ славянства, напр. вѣнскаго слависта Копитара при введеніи у сербовъ Вуковской графики, а въ недавнее время—іезуитовъ и польской шляхты при насильственномъ введеніи въ галицкія школы чтенія и письма по запутанной и невѣжественной фонетической системѣ.

„Не удивительно, что Д-ій былъ непримиримымъ врагомъ и языческаго раскола въ средѣ вѣтвей русскаго народа. Возникновеніе и распространеніе у малоруссовъ и червоноруссовъ особаго образованнаго языка, какъ-бы плеонастическаго дублета для языка Пушкина и Гоголя, онъ считалъ предательскою измѣною и вѣковымъ преданіямъ русскаго народа, и кровнымъ интересамъ какъ этого народа, такъ и всего грекославянскаго міра. Расколъ этотъ, по его убѣжденію, прежде всего ослабляетъ самихъ сепаратистовъ: при особомъ южно-русскомъ языкѣ они не въ силахъ бороться ни съ польскимъ языкомъ въ Галичинѣ, ни съ румынскимъ въ Буковинѣ, ни съ мадьярскимъ въ Венгріи, не говоря уже о языкѣ нѣмецкомъ, который въ лицѣ евреевъ, а также чрезъ нѣмецкія колоніи уже и теперь надвигается на Подкарпатье и Украйну. Затѣмъ южнорусскій литературный языкъ наноситъ ущербъ языку Пушкина, стремясь къ отторженію отъ него цѣлой трети или четверти русскаго племени, слѣд. къ пропорціональному ослабленію его въ состязаніи съ прочими міровыми языками. Болѣе того, по убѣжденію Д-го расколъ этотъ подготовляетъ распаденіе самой Россіи какъ въ національномъ и общественномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ, тѣмъ болѣе, что разлагающее дѣйствіе этого раскола неизбѣжно будетъ поддержано на русскомъ юго-западѣ и другими центробѣжными элементами и вліяніями, каковы напр. полонизмъ, іюдаизмъ, штундизмъ и вообще германизмъ и т. п. Такимъ образомъ южнорусскій литературный сепаратизмъ при дальнѣйшемъ развитіи могъ-бы стать причиною гибели нѣкоторыхъ окраинныхъ вѣтвей славянства, ослабилъ-бы его русскій центръ и слѣд. сталъ-бы по послѣдствіямъ какъ-бы авангардомъ германизма въ борьбѣ съ грекославянскимъ міромъ.

„Но, спросятъ насъ, почему же въ такомъ случаѣ Д. не только сочувствовалъ, но по возможности содѣйствовалъ, литературному расколу въ средѣ чехословенской, когда въ 40—50-хъ годахъ словаки отторглись отъ языка Гуса и Коменскаго? А потому, что въ этомъ расколѣ онъ не видѣлъ ничего опаснаго ни для чеховъ, ни для словаковъ, ни для греко-славянъ вообще, такъ какъ нарѣчіе словацкое ближе къ русскому, а вмѣстѣ и къ коренным основамъ славянской рѣчи. Это было движеніе центробѣжное по отношенію къ языку чешскому, но центростремительное къ языку русскому, слѣд. какъ бы подготовляло торжество послѣдняго въ высшемъ образованномъ употребленіи у чеховъ, мораванъ и словаковъ.

„Изъ изложеннаго видно, что воззрѣнія Д-го по вопросу о политическомъ и литературномъ сближеніи славянъ довольно близки къ взглядамъ на этотъ предметъ Данилевскаго (Европа и Россія). Различаются же они между собою главнѣйше тѣмъ, что Данилевскій придавалъ преувеличенное значеніе побочнымъ группамъ грекославянскаго міра и опекалъ ихъ самостоятельность насчетъ срединнаго ствола; тогда какъ Д. въ опытахъ исторіи находилъ доказательство чрезмѣрнаго развитія въ этомъ мірѣ—какъ нѣкогда въ эллинскомъ—началъ центробѣжныхъ. Потому-то задачею будущаго Д-ій ставилъ развитіе не ихъ, а наоборотъ—началъ центростремительныхъ, что выражалось въ его идеѣ восточнаго царства, какъ федераціи гегемоническаго типа.

„Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что Д. стоялъ по основнымъ воззрѣніямъ очень близко къ нашимъ славянофиламъ, гораздо ближе, чѣмъ къ Коллару, Палацкому, Штросмайеру и др. корифеямъ славянофильства западнаго. Только Штуръ въ своемъ трактатѣ: „Славянство и міръ будущаго“ оказывается на западѣ очень близкимъ къ воззрѣніямъ Добрянскаго. Но и по сравненію со Штуромъ Добрянскій, особенно по воззрѣніямъ вѣроисповѣднымъ, все еще ближе къ Хомякову, которому онъ не уступалъ ни по обширности образованія, ни по орлиному полету мысли, ни по самобытности ея развитія и неотразимой силѣ діалектики. Только метафизики и поэзіи у Д. мы вовсе не находимъ ни въ аргументаціи, ни въ стилѣ. Его мышленіе развивалось въ формахъ болѣе трезвыхъ и положительныхъ. Матеріаломъ для него служили главнымъ образомъ данныя исторіи и политики, обобщающимъ же и вдохновляющимъ элементомъ—глубокое религіозное и патріотическое чувство, несокрушимая вѣра въ великое призваніе Россіи и Славянства или вѣрнѣе Грекославянства“.

Проф. К. Я. Гротъ въ своей прекрасной брошюрѣ („Памяти Адольфа Ивановича Добрянскаго“. Оттискъ изъ „Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, 1902 г., стр. 2—4) даетъ слѣдующую характеристику А. И. Добрянскаго-Сачурова:

„А. И. обладалъ исключительнымъ даромъ покорять себѣ сердца и умы людей, къ нему приближавшихся. Этотъ даръ заключался въ томъ обаяніи, которое производила на всѣхъ, въ особенности же на молодежь, его необыкновенно одаренная, сильная и вмѣстѣ неотразимо-привлекательная личность. Она соединяла въ себѣ, кажется, все, чѣмъ человѣкъ можетъ подчинять другихъ своему нравственному и вообще духовному вліянію.

„Уже самый внѣшній обликъ А. И., его пріемы и обращеніе, въ высшей степени симпатичные, подкупали всякаго при первой же съ нимъ встрѣчѣ. Въ 1883 году, когда я впервые увидѣлъ Добрянскаго, ему было уже подъ 70 лѣтъ (онъ родился въ 1817 г.), а по его собственному увѣренію даже гораздо болѣе (у него была слабость прибавлять себѣ годы); преклонныя лѣта и испытанныя гоненія уже успѣли нѣсколько отразиться на его фигурѣ и посеребрить его красивую, характерную голову; но онъ все-же производилъ впечатлѣніе человѣка скорѣе среднихъ лѣтъ, въ полной еще силѣ,—такъ онъ прекрасно сохранилъ себя; этому способствовали и необыкновенная его живость, подвижность и энергія, замѣтныя въ каждомъ его словѣ и движеніи... Доброе, свѣтлое, благоволящее выраженіе въ улыбкѣ и тонкихъ чертахъ его худощаваго энергичнаго лица вмѣстѣ съ глубокимъ, проницательнымъ взглядомъ его живыхъ, умныхъ глазъ изъ подъ нависшихъ бровей и высокаго лба, при замѣчательной простотѣ, искренности и задушевности обхожденія, какъ-то сразу располагало васъ и внушало ноограниченное къ нему довѣріе.

„При ближайшемъ же знакомствѣ съ нимъ невозможно было не привязаться къ нему душою,—такъ привлекалъ къ себѣ его мощный духъ, его высоко-нравственный, благородный строй души, его принципы. Цѣльность, самобытность и внутренняя гармонія его душевныхъ силъ внушали не только глубокое уваженіе, но и удивленіе. Неодолимая стойкость характера и до конца почти юношеская энергія и пылъ; при этомъ горячее сердце, истинная доброта, мягкость и незлобивость къ людямъ; наконецъ замѣчательно глубокій и свѣтлый, многообъемлющій умъ при блестящихъ дарованіяхъ,—эти три стороны духа одинаково поражали въ богатой натурѣ А. И.: ни одна изъ нихъ не подавляла другую, и всѣ гармонично служили тѣмъ высшимъ началамъ и цѣлямъ, которыя составляли смыслъ и задачу жизни Добрянскаго.

„Желѣзная воля и неисчерпаемая энергія А. И., закаленная въ трудной житейской школѣ и перенесенныхъ испытаніяхъ, были поистинѣ изумительны. Съ помощью ихъ и въ соотвѣтствіи съ усвоеннымъ себѣ возвышеннымъ міровоззрѣніемъ онъ выработалъ свой строгій жизненный порядокъ, свои привычки, свое философское отношеніе къ матеріальнымъ благамъ, къ житейскимъ удобствамъ и комфорту. Все внѣшнее было для него второстепеннымъ; на первомъ мѣстѣ былъ упорный и неутомимый, но регулярный трудъ и сознательное стремленіе къ поставленнымъ себѣ цѣлямъ; всегда живой и бодрый, никогда не падав-

шій духомъ, всегда занятой, но не уклонявшійся отъ постояннаго живого общенія съ друзьями и знакомыми, съ людьми ему симпатичными, особенно съ вступающею въ жизнь молодежью, Добрянскій примѣромъ своимъ и наставленіемъ заражалъ и другихъ, поддерживая въ нихъ энергію и одушевленіе къ работѣ. Благодаря той-же стойкости характера, онъ закалилъ свое здоровье и усвоилъ себѣ строго размѣренный, въ иномъ даже суровый образъ жизни и привычки, которымъ не измѣнялъ до глубокой старости. И тутъ было—въ чемъ у него поучиться, что позаимствовать!

„Всѣ, кто ближе стоялъ къ нему, помнятъ ту теплоту и сердечность, которыя онъ вносилъ въ свои отношенія къ людямъ, особенно къ тѣмъ, кто шелъ на встрѣчу его постоянной готовности оказать свою поддержку и руководство, въ занятіяхъ-ли, или въ духовныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ и исканіяхъ. А такихъ людей было всегда много, благодаря разносторонности интересовъ А. И. и горячему участію его въ общественной жизни. Тутъ на первомъ мѣстѣ была всегда особенно чуткая и воспріимчивая молодежь, именно всего болѣе та, которая стояла на рубежѣ школы и жизни: продолжала учиться и уже начинала дѣйствовать. Въ Вѣну, гдѣ Добрянскій жилъ и трудился въ 80-хъ годахъ (послѣ пресловутаго процесса), кромѣ постоянной славянской, по преимуществу чешской колоніи, всегда съѣзжается много славянъ всѣхъ народностей для довершенія своего образованія, отчасти для службы или пріисканія работы въ столицѣ. Сколькіе изъ нихъ нуждаются въ помощи, руководствѣ, участіи, и конечно для такихъ людей, какъ Добрянскій, этотъ авторитетный славянскій вождь и вмѣстѣ самый добрый и участливый человѣкъ, открывалось широкое и благородное поле для дѣятельности и вліянія. Нѣтъ возможности опредѣлить и исчислить, сколько добрыхъ дѣлъ, сколько истинной пользы—въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ—оказалъ А. И. на этомъ частномъ, интимномъ поприщѣ своего служенія славянскому дѣлу.

„Но если характеръ и душа этого рѣдкаго человѣка имѣли такія притягательныя свойства, то не менѣе, если еще не болѣе обаятельными для окружающихъ были чрезвычайное развитіе его умственныхъ силъ и его высоко-поучительныя бесѣды. Не знаешь бывало, слушая Адольфа Ивановича, чему болѣе удивляться: глубинѣ ли и тонкости его мышленія, разностороннимъ его занятіямъ и широтѣ умственнаго кругозора, или несокрушимой логикѣ и послѣдовательности его взглядовъ и выводовъ. При этомъ Добрянскій обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и діалектическимъ талантомъ. Какъ обыкновенно у людей сильнаго, самобытнаго ума—у него было свое оригинальное цѣльное и стройное міровоззрѣніе, основанное на глубокихъ изученіяхъ и вынесенныхъ изъ жизни убѣжденіяхъ“.

Профессора А. С. Будиловичъ и К. Я. Гротъ въ своихъ статьяхъ дали общее представленіе о личности и литературно-общественной дѣятельности А. И. Добрянскаго-Сачурова. Но такъ какъ въ вышеприведенныхъ характеристикахъ совсѣмъ не говорится о разработанномъ Адольфомъ Ивановичемъ проектѣ автономіи народностей, то необходимо изложить взгляды А. И. Добрянскаго-Сачурова на національный вопросъ въ Австро-Угріи, для чего мы ихъ разберемъ съ государственно-правовой точки зрѣнія.

Съ именемъ Адольфа Ивановича неразрывно связана идея автономіи народностей или національной автономіи. Такъ какъ въ государственномъ правѣ подъ этимъ названіемъ понимается совершенно другая форма національнаго самоопредѣленія, чѣмъ та, которую защищалъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ, то мы сперва изложимъ сущность національнаго вопроса вообще, а затѣмъ укажемъ на особенности разработаннаго Адольфомъ Ивановичемъ проекта автономіи народностей.

Всѣ изслѣдователи національнаго вопроса, обыкновенно, видятъ его разрѣшеніе въ предоставленіи отдѣльнымъ народностямъ правъ на автономное развитіе. Но какъ только рѣчь заходитъ о формахъ или типахъ автономіи, то взгляды рѣзко расходятся: одни стоятъ за территоріальную автономію, другіе же, наоборотъ, защищаютъ автономію національную. Въ этомъ раздѣленіи мнѣній, быть можетъ, надо видѣть вліяніе факта соціальнаго подраздѣленія общества и классовой борьбы. Недаромъ территоріальную автономію часто называютъ буржуазной, а національную—соціалистической.

Разсмотримъ послѣдовательно тотъ и другой типъ автономіи.

Чтобы лучше представить какъ сущность, такъ и недостатки территоріальной автономіи, мы возьмемъ въ качествѣ примѣра идею чешской автономіи, подробно разработанную въ чешской литературѣ, а также и въ сочиненіяхъ А. И. Добрянскаго-Сачурова. Спрашивается, способна ли территоріальная автономія Чехіи удовлетворить все чешское населеніе, живущее въ предѣлахъ австрійскаго государства. Вѣдь чехи живутъ не въ одной лишь этнографической Чехіи, а во всѣхъ частяхъ Австріи, причемъ въ одной только Вѣнѣ ихъ насчитывается пятьсотъ тысячъ человѣкъ. Неужели же для удовлетворенія кровныхъ нуждъ чешскаго народа достаточно одного сознанія, что въ другомъ мѣстѣ государства, на берегахъ Волтавы, тотъ же народъ пользуется автономными правами? Очевидно, что практически осуществленная территоріальная автономія Чехіи потребуетъ логическаго своего дополненія: необходимо будетъ создать, въ той или другой формѣ, автономное устройство для чешскаго населенія тамъ, гдѣ оно является въ меньшинствѣ. Итакъ, первый существенный недостатокъ территоріальной автономіи заключается въ томъ, что она каждый народъ подраздѣляетъ на большинство и меньшинство, изъ которыхъ первое пользуется фактически автономными правами, второе же знаетъ ихъ лишь номинально, на бумагѣ.

Вѣдь автономія, обыкновенно, преслѣдуетъ въ числѣ другихъ цѣлей и ту, что, предоставленіемъ каждой народности правъ на самоопредѣленіе, желаетъ создать въ государствѣ національный миръ. Но достижимо ли это при территоріальной автономіи? На этотъ вопросъ придется отвѣтить лишь отрицательно. Благодаря существованію національнаго большинства и меньшинства явится угнетеніе сильнымъ слабаго, послѣдствіемъ чего будетъ національная борьба. Итакъ, территоріальная автономія, направленная къ тому, чтобы избѣжать въ государствѣ борьбу національностей, не достигаетъ цѣли, такъ какъ національная борьба, утрачивая свой общегосударственный характеръ, мѣняя мѣсто сраженія, возгорается еще съ бо́льшею силою и ожесточеніемъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ территоріальныхъ автономій. Это — второй недостатокъ территоріальной (областной) автономіи, которая кромѣ того создаетъ своими границами для каждой національности своего рода черту осѣдлости.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что территоріальная автономія не можетъ служить исключительнымъ, исчерпывающимъ средствомъ разрѣшенія національнаго вопроса. Поэтому, въ противовѣсъ идеѣ территоріальной автономіи, выставляется идея автономіи національной, творцами которой являются славянскіе соціалисты, а главнымъ популяризаторомъ—выдающійся знатокъ національнаго вопроса австрійскій соціалистъ Карлъ Реннеръ, болѣе извѣстный подъ псевдонимами Синоптикуса и Шпрингера.

Славянскіе соціалисты, въ лицѣ южно-славянской соціалъ-демократической партіи, слѣдующимъ образомъ формулировали свои требованія по національному вопросу въ резолюціи, предложенной съѣзду австрійской соціалъ-демократіи въ Бернѣ Моравскомъ въ 1899 году:

„1) Австрія должна стать демократическимъ союзнымъ государствомъ національностей.

„2) Каждый народъ, живущій въ Австріи, независимо отъ обитаемой его членами территоріи, представляетъ автономную группу которая вполнѣ самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ свои національныя потребности, касающіяся культуры и языка.

„3) Территоріальныя области имѣютъ чисто административное значеніе и не оказываютъ никакого вліянія на національныя отношенія

„4) Въ государствѣ всѣ нарѣчія равноправны; поэтому исключаются всякія національныя преимущества, а также и всякій государственный языкъ; необходимость всестороннихъ сношеній заставитъ свободныя націи кромѣ родного языка учиться и тѣмъ языкамъ, которые имъ необходимы въ практической жизни.“

Идею національной автономіи, высказанную въ вышеприведенной резолюціи славянскихъ соціалистовъ, болѣе подробно и популярно изложилъ Карлъ Реннеръ.

По мнѣнію Реннера территоріальный принципъ представляетъ

нѣчто антинравственное и антисоціальное. Въ чемъ его сущность? „Если ты живешь на моей территоріи, то обязанъ подчиняться моему верховенству, моему языку, моимъ правовымъ нормамъ"... „Этотъ принципъ есть выраженіе господства, но не равноправія; господства осѣдлаго надъ пришельцемъ, собственника, привязаннаго къ своей собственности, надъ неимущимъ, который долженъ подчиняться рѣшеніямъ большинства, а иногда даже и меньшинства осѣдлаго населенія. Отсюда происходятъ территоріальныя войны національныхъ государствъ и „территоріальная политика" различныхъ націй въ одномъ государствѣ. Такимъ образомъ младочехи добиваются государственнаго права на чешскую территорію потому, что оно обезпечило бы имъ господство надъ нѣмецкимъ меньшинствомъ; младонѣмцы же хотятъ возстановить самостоятельность бывшихъ нѣмецкихъ союзныхъ земель и отдѣленія Далмаціи и Галиціи (такъ называемое младо-нѣмецкое государственное право), что́ обезпечивало бы господство за нѣмецкимъ большинствомъ. Территоріальный принципъ никогда не можетъ повести къ равноправію и соглашенію; онъ несетъ за собою борьбу и угнетеніе, ибо его сущность — господство.

„Нація, какъ цѣлое, ничего не выигрываетъ отъ такого господства. Вслѣдствіе переселеній внутри государства и соприкосновенія самыхъ отдаленныхъ общественныхъ группъ, благодаря экономическимъ сношеніямъ, націи не могутъ удержаться въ опредѣленныхъ территоріальныхъ рамкахъ, къ тому же довольно тѣсныхъ. Всѣ граждане, покидающіе свою родную территорію, безправны, ибо они иностранцы. Если разсуждать строго послѣдовательно по государственному праву, то нужно признать, что чехъ не можетъ, напримѣръ, въ Вѣнѣ проявлять свою національность. Территоріальный принципъ безпощадно выдаетъ „свое" меньшинство и столь же безпощадно угнетаетъ „чужое" въ угоду осѣдлымъ имущимъ классамъ. Благодаря ему, совмѣщаются интересы національные съ интересами собственниковъ, и онъ часто является антинаціональнымъ" („Государство и нація").

Поэтому Реннеръ ищетъ разрѣшенія національнаго вопроса въ совершенно иныхъ путяхъ и средствахъ. Необходимо „организовать національности, облечь ихъ извѣстными правами и отвѣтственностью и установить, что каждый членъ какой-нибудь націи во всѣхъ частяхъ государства, хотя бы до извѣстной степени, пользуется защитой своей націи и раздѣляетъ ея повинности и обязанности. Короче говоря: въ основу регулировки долженъ быть положенъ личный принципъ, а не территоріальный. Націю нужно конституировать не какъ территоріальное цѣлое, а какъ союзъ личностей; не какъ государство, а какъ народъ; не по какому-то отвлеченному государственному праву, а по жизненному обычному праву".

Національная автономія рисуется въ слѣдующихъ чертахъ: лица одной національности, живущія въ данной мѣстности, образуютъ **національную общину**, владѣющую имуществомъ и облеченную

публичными и гражданскими правами и правомъ самообложенія. Извѣстное число такихъ общинъ, объединившихся культурно и территоріально, образуютъ національный округъ, имѣющій тотъ же циклъ правъ, что и община. Наконецъ совокупность этихъ округовъ даетъ націю. Она также есть субъектъ публичнаго и гражданскаго права. Въ связи съ этимъ административное устройство государства должно быть слѣдующимъ: государство отбираетъ у всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ заявленія объ ихъ національности, занося ихъ въ метрическія національныя книги. Дѣла, касающіяся интересовъ исключительно данной національности, вѣдаются особыми національными учрежденіями (общиннымъ, окружнымъ и національнымъ совѣтами); надъ ними стоятъ областныя учрежденія, вѣдающія дѣла цѣлыхъ областей, въ которыхъ живутъ нѣсколько національностей и, наконецъ, надъ всѣмъ этимъ возвышается общегосударственное законодательство, съ общегосударственнымъ парламентомъ, направляющимъ жизнь всего государства, всѣхъ областей и всѣхъ національностей.

Итакъ, если славянскіе соціалисты являются творцами идеи національной автономіи, а Реннеръ ея популяризаторомъ, то окончательная и самая подробная формулировка основъ національной автономіи принадлежитъ съѣзду россійскихъ національно-соціалистическихъ партій, состоявшемуся въ Финляндіи въ апрѣлѣ 1907 года.

Необходимо отмѣтить, что національный принципъ былъ не только изучаемъ въ теоріи, но и примѣненъ на практикѣ въ Моравіи, которая, со времени введенія въ Австріи всеобщаго избирательнаго права въ 1907 году, раздѣлена дважды на избирательные округа, какъ будто бы зарегистрированы двѣ Моравіи—чешская и нѣмецкая. Для чешскихъ избирателей вся Моравія раздѣлена на 30 округовъ, а для нѣмецкихъ тоже вся провинція подѣлена на 19 округовъ. Каждый гражданинъ обязанъ до начала выборовъ, смотря по своему родному языку, записаться въ чешскій или нѣмецкій „народный кадастръ", а затѣмъ уже голосовать въ той или другой національной организаціи. Слѣдовательно въ Моравіи, вмѣсто территоріально-ограниченныхъ избирательныхъ округовъ, созданы однородныя національныя группы и голосованіе происходитъ не по территоріальному, а по національному принципу.

Прослѣдивъ развитіе идеи національной автономіи, остается въ заключеніе подчеркнуть то обстоятельство, что національная автономія есть средство разрѣшенія національнаго вопроса лишь внутри даннаго государства. Гдѣ же національный вопросъ выходитъ за предѣлы того или другого государственнаго организма, тамъ необходимо и другое средство, какимъ не можетъ быть уже національная автономія, а должно явиться національное государство (или,—въ случаѣ обширности территоріи и разноплеменности населенія,—государство національностей). Такъ было съ Греціей, то же повторилось,

когда объединялись и освобожались Италія и Германія, а въ наши дни—Сербія и Болгарія.

Если славянскій вопросъ разрѣшать лишь внутри Россіи, Австро-Угріи и Германіи, то бóльшаго нельзя требовать, какъ признанія за славянами со стороны этихъ государствъ національной автономіи; если же рѣшать славянскій вопросъ во всемъ его объемѣ и разъ навсегда, то тогда неминуемо должны придти къ выводу, что порабощенное и раздробленное славянство должно создать свое собственное государство—единую и свободную Славію.

Изложивъ сущность территоріальной и національной автономіи, переходимъ къ особенностямъ проекта А. И. Добрянскаго-Сачурова, предложеннаго имъ для разрѣшенія національнаго вопроса въ Австро-Угріи. И въ своей практической дѣятельности и въ литературныхъ трудахъ Адольфъ Ивановичъ постоянно касался вопроса о правовомъ положеніи различныхъ національностей, живущихъ въ имперіи Габсбурговъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія: дѣятельность А. И. Добрянскаго-Сачурова въ 1849 г., его непроизнесенная рѣчь 1861 г., рѣчь 13 (25) ноября 1868 г., „Проектъ политической программы для Руси австрійской“ (1871 г.), меморандумъ „О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси“ (1885 г.), „Программа для проведенія національной автономіи въ Австріи“ (1885 г.), „Куда мы дошли?“ (1898 г.), „Программа, направленная къ оздоровленію нашихъ отношеній“ (1900 г.) и „Гдѣ выходъ?“ (1901 г.). Въ 1849 г. Адольфъ Ивановичъ добивался объединенія всѣхъ русскихъ земель тогдашней Австріи (со включеніемъ Угріи), т. е. территоріальной автономіи въ этнографическихъ границахъ; въ 1861 г. онъ требовалъ съ одной стороны разграниченія стóлицъ согласно ихъ этнографическимъ признакамъ и образованія въ Угріи мадьярско-нѣмецкаго, русскаго, словацкаго, румынскаго и сербскаго округовъ съ введеніемъ мѣстныхъ языковъ во внутреннее ихъ дѣлопроизводство (при нѣкоторомъ, однако, огражденіи интересовъ національныхъ меньшинствъ или „острововъ“), съ другой же стороны—разрѣшенія представителямъ каждаго народа и каждой церкви въ Угріи ежегодно собираться для обсужденія своихъ національныхъ, церковныхъ и школьныхъ дѣлъ „независимо отъ границъ округа“; въ 1868 г. А. И. Добрянскій-Сачуровъ убѣждалъ сеймъ дать народамъ Угріи церковно-школьную автономію (безъ территорій); въ 1871 г., считая безполезнымъ раздѣлъ Галичины на русскую и польскую части, онъ высказывался за учрежденіе какъ въ областной управѣ, такъ и областномъ училищномъ совѣтѣ особаго русскаго отдѣленія съ самостоятельнымъ бюджетомъ, т. е. за автономію русскихъ галичанъ въ національныхъ, церковныхъ и школьныхъ дѣлахъ, не требуя при этомъ права на территоріальное самоуправленіе восточной Галичины; во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ Адольфъ Ивановичъ не ограничивался уже церковно-школьной автономіей, а требовалъ также и самоуправленія каждаго

народа въ предѣлахъ его этнографической территоріи, съ признаніемъ, однако, Вѣны за особую автономную единицу. Такимъ образомъ, А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ національномъ вопросѣ отстаивалъ, въ зависимости отъ политическихъ условій даннаго времени, то минимальную, то максимальную программу, причемъ и ту и другую онъ называлъ національной автономіей. Первая (минимальная) программа сводилась къ предоставленію каждой національности правъ на церковно-школьное самоуправленіе, управленіе же территоріей, заселенной данной національностью, попрежнему оставалось въ рукахъ центральнаго правительства и областныхъ сеймовъ. Вторая (максимальная) программа требовала для каждой народности помимо церковно-школьнаго самоуправленія также права распоряжаться,—при контролѣ центральнаго правительства,— до извѣстной степени и своей территоріей (напр. проводить дороги, регулировать рѣки, заботиться о развитіи земледѣлія и промышленности, устанавливать нормы городского и сельскаго самоуправленія и т. д.); областные сеймы при этомъ упразднялись, въ дѣлопроизводство же остающихся областныхъ (судебныхъ и административныхъ) учрежденій вводились мѣстные языки, съ сохраненіемъ, однако, прежнихъ правъ за нѣмецкимъ языкомъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Итакъ, идея экстерриторіальной церковно-школьной автономіи (минимальная программа), которая со временемъ могла бы развиться въ дѣйствительную національную автономію, была оставлена А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ, склонявшимся въ своихъ симпатіяхъ болѣе къ проекту территоріальной автономіи въ этнографическихъ границахъ. Хотя Адольфъ Ивановичъ и называлъ этотъ (максимальный) проектъ тоже національной автономіей, однако, по своимъ отличительнымъ признакамъ онъ долженъ быть названъ какъ разъ не „національной“, а „территоріальной“ автономіей. Несмотря на это, названіе „національная“ автономія въ проектѣ А. И. Добрянскаго-Сачурова имѣетъ логическое основаніе, такъ какъ свою идею автономіи народностей онъ противополагалъ идеѣ автономіи историческихъ областей. Надо отмѣтить, что территоріальная автономія имѣетъ двѣ разновидности: во-первыхъ, самоуправленіе въ историческихъ границахъ и, во-вторыхъ, самоуправленіе въ границахъ этнографическихъ. Такъ какъ Адольфъ Ивановичъ защищалъ не отжившій принципъ историческихъ границъ, а живое начало самоуправленія населенія въ нынѣ существующихъ этнографическихъ границахъ, то его проектъ былъ болѣе желателенъ широкимъ массамъ населенія и поэтому, въ этомъ именно смыслѣ, можетъ быть названъ автономіей народностей или національной автономіей. Но, повторяемъ, съ точки зрѣнія науки государственнаго права, проектъ А. И. Добрянскаго-Сачурова все же является не національной, а именно территоріальной автономіей.

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій А. И. Добрянскаго-Сачурова.

Примѣчаніе. **А. И. Добрянскій-Сачуровъ** имѣлъ слѣдующіе *криптонимы*: **1) A. Iv.....tsch; 2) A. I....witsch;** 3) **A. I.;** 4) **S;** 5) **А. И. Д.** и *псевдонимы*: 1) **K. Lomensky;** 2) **Ein Slave;** 3) **Ein österreichischer Patriot; 4) Срѣмецъ;** 5) **Старый австрійскій патріотъ;** 6) **Православный галичанинъ;** 7) **Аидинъ.**

1861.

Rede des ungarischen Landtags-Abgeordneten Adolf Ritter von Dobrzansky in der Adress-Angelegenheit. Вѣна, 1861, 8⁰, стр. 130.

1868.

Въ 1868 году были (по-мадьярски) напечатаны въ Будапештѣ слѣдующія рѣчи, произнесенныя А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ въ 1867 и 1868 годахъ въ угорскомъ сеймѣ:

Рѣчь 27 октября (8 ноября) 1867 г. (о мѣстномъ самоуправленіи: сказана по поводу запроса о роспускѣ правительствомъ ягерской стóличной комиссіи).

Рѣчь 1(13) декабря 1867 г. (противъ законопроекта о принятіи на себя Угріей части австрійскаго государственнаго долга).

Рѣчь 24 іюня(6 іюля) 1868 г. (въ защиту своей поправки, касающейся законопроекта объ измѣненіяхъ въ податной системѣ).

Рѣчь 25 іюня(7 іюля) 1868 г. (противъ законопроекта, устанавливающаго налогъ на дома, весьма обременительнаго для крестьянскаго населенія Угріи).

Рѣчь 7(19) октября 1868 г. (въ защиту законопроекта объ учрежденіи вмѣсто одного, восьми аппелляціонныхъ судовъ въ разныхъ частяхъ Угріи).

Рѣчь 8(20) октября 1868 г. (противъ вмѣшательства свѣтской власти въ брачныя дѣла).

Рѣчь 13(25) ноября 1868 г. (по законопроекту о народностяхъ. Напечатана *по-мадьярски* подъ заглавіемъ: „Dobrzanszky Adolf képviselö urnak az alsóházban 1868—dik évi november 25—én a nemzetiségi kérdésben mondott beszéde“, стр. 16. Есть также *словацкій* переводъ этой рѣчи, вышедшій въ Будапештѣ подъ заглавіемъ: „Reč Adolfa Dobrianskyho povedaná v Snemovne zastupcov 25 novembra 1868“).

Запросъ (министру юстиціи о томъ, намѣренъ ли онъ еще въ текущую сессію внести три законопроекта, направленныхъ къ ликвидаціи остатковъ крѣпостного права во всей Угріи). Напечатанъ въ Будапештѣ.

Предложеніе (А. И. Добрянскаго-Сачурова и двухъ румынскихъ

депутатовъ о томъ, чтобы сеймъ потребовалъ отъ министра вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія скорѣйшаго внесенія законопроекта объ устройствѣ особыхъ національныхъ конгрессовъ уніатскихъ,—румынской и русской,—церквей).

1869.

Рѣчь 31 мая(12 іюня) 1869 г. на католическомъ соборѣ. (А. И. Добрянскій-Сачуровъ требовалъ созыва русскаго и румынскаго національныхъ соборовъ по образцу православныхъ; они могли бы избирать представителей и на общій католическій соборъ). Эта рѣчь напечатана въ мадьярской газетѣ „Autonomia", Будапештъ, 1869, № 147.

1871.

Калловскіе волхвы. (Передовая статья въ газетѣ „Свѣтъ", содержащая отвѣтъ „калловскимъ волхвамъ",—такъ иронически назвалъ А. И. Добрянскій-Сачуровъ священниковъ калловскаго благочинія,—и доказывающая необходимость автономіи для угро-русской церкви). „Свѣтъ", Ужгородъ, 1871, № 2 и „Прибавленіе" къ нему.

Проектъ политической программы для Руси австрійской. Изданіе Венедикта Мих. Площанскаго, ред. „Слова". Львовъ, 1871, стр. 43.

1873.

Патріотическіи письма. Отдѣльный оттискъ изъ „Слова", Львовъ, 1873, стр. 157.

1880.

О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра (за подписью **А. И. Д.**). „Слово", Львовъ, 1880, №№ 50—58 и „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", Петроградъ, 1880, часть 208, стр. 134—159.

1881.

Отвѣтъ угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи своему епископу (по-латыни; напечатано въ приложеніяхъ къ нижеслѣдующей аппелляціи).

Аппелляція къ папѣ отъ имени угро-русскаго духовенства Пряшевской епархіи по вопросу о ношеніи уніатскими священниками бороды. (Напечатана по латыни). Пряшевъ, 1881.

1882.

Рѣчь А. И. Добрянскаго-Сачурова, произнесенная имъ въ 9 и 10 засѣданіи львовскаго уголовнаго суда въ 1882 году. (*Нѣмецкій* подлинникъ напечатанъ въ книгѣ „Стенографическій отчетъ изъ судовойросправы до дѣлу Ольги Грабарь и товарищей", Львовъ, 1882. *Русскій* переводъ, — проф. А. С. Будиловича, — помѣщенъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" за 1882 г., №№ 231, 232 и 233 подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ червоннорусской мартирологіи").

1883.

Аппелляція къ папѣ Льву XIII русскаго уніатскаго священника мѣстечка Скалатъ (львовской митрополіи въ Галиціи) Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ. 1883 года. (Переводъ съ латинскаго языка). Петроградъ, 1883, 8°, стр. 72. (Эта книга въ Австріи запрещена).

1884.

Глубоко-обдуманное патріотическое предпріятіе (по вопросу о покупкѣ земель). „Слово", Львовъ, 1884, № 86.

1885.

О современномъ религіозно-политическомъ положеніи австро-угорской Руси. Москва., 1885, 8°, стр. 52. (Бо́льшая часть этого сочиненія была первоначально напечатана во львовской газетѣ „Новый Проломъ" за 1884 г., №№ 157—167, подъ заглавіемъ „*Наши дѣла*". Эта книга въ Австріи запрещена).

Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen. Von A. Iv.....tsch. „Parlamentär", Вѣна, 1885, № 7 и отдѣльный оттискъ въ 23 стр.

Die Slavenapostel Kyrill und Method. „Parlamentär", Вѣна, 1885, № 21. (Это переводъ съ русскаго рѣчи проф. А. С. Будиловича о Кириллѣ и Меѳодіи, изданной въ Варшавѣ въ 1885 г.).

Die Lage der galizischen Russen (за подписью А. I.). „Parlamentär", Вѣна, 1885, № 26.

Material zur Denkschrift der galizischen Russen. Von A. I....witch. „Parlamentär", Вѣна, 1885, №№ 22—37 и отдѣльный оттискъ въ 173 стр.

Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich (Fon einem Slaven). Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Parlamentär", Вѣна, 1885, 8°, стр. 173.

Das Serbenthum in der Nieder-Lausitz (за подписью А. I.). „Parlamentär", Вѣна, 1885, № 36.

Der Leitmeritzer Hirtenbrief (за подписью S.). „Parlamentär", Вѣна, 1885, № 52.

1886.

Die Nationalitäten-Frage jenseits der Leitha. „Parlamentär", Вѣна, 1886, № 7. (Статья напечатана за подписью Dr. Živný; но онъ не могъ имѣть такихъ свѣдѣній по исторіи Угріи вообще и Угорской Руси въ частности, какія замѣтны у автора статьи, по всѣмъ признакамъ принадлежащей А. И. Добрянскому-Сачурову; особенно характерны для послѣдняго цитаты изъ „Corpus juris Hungarici").

Die magyarische Wirthschaft (за подписью S.). „Parlamentär", 1886, № 27.

Am Festtage des heiligen Grossmärtyrers Dimitrij. „Parlamentär", Вѣна, 1886, № 46 и отдѣльный оттискъ въ 99 стр. (Это же сочиненіе издано и

по-чешски, за подписью Dr. Živný, но принадлежность статьи А. И. Добрянскому-Сачурову видна изъ его письма къ проф. А. С. Будиловичу).

1887.

Der romanische Kunststyl. „Parlamentär“, Вѣна, 1887, № 2 (за принадлежность этой статьи А. И. Добрянскому-Сачурову говоритъ, кромѣ содержанія и стиля, подпись K. Lomensky; см. ниже).

Studie über die Entnationalisirung der Slaven im Mittelalter. „Parlamentär“, Вѣна, 1887, № 10. (Статья напечатана за подписью K. Lomenský; но принадлежность ея А. И. Добрянскому-Сачурову видна изъ его сочиненія „Der Aufklärung und der Wahrheit“).

Das Slavische Mönchswesen (безъ подписи). „Parlamentär“, Вѣна, 1887, № 10.

Die Westslaven (за подписью K. Lomenský). „Parlamentär“, Вѣна, 1887, № 18.

Der Aufklärung und der Wahrheit. „Parlamentär“, Вѣна, 1887, №№ 18—21 и отдѣльный оттискъ въ 164 стр.

1888.

Взглядъ А. И. Добрянскаго на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ. (Изъ письма къ проф. А. С. Будиловичу). „Варшавскій Дневникъ“, 1888, №№ 183, 184 и 188 и отдѣльный оттискъ въ 24 стр.

Zur Steuer der Wahrheit. Eine Antwort auf die Verdächtigungen des Slavenvolkes der Görzer Metropolie. Fon einem Slaven. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Parlamentär“, Вѣна, 1888, стр. 56.

Zur Aufklärung des Schutzes der griechisch-slavischen Kirche seitens des Apostolischen römischen Stuhles. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Parlamentär“, Вѣна, 1888, стр. 164. Это же сочиненіе издано и по-чешски подъ заглавіемъ: „Na objasněnou. Odpůrcům znovuzavedení kyrillomethodějských obřadů do katolické církvi českého naroda“. Отдѣльный оттискъ изъ „Кромѣрижскихъ Новинъ“, Кромѣрижъ, 1888.

„Памяти Адольфа Ивановича Добрянскаго“. „Православная Буковина“, Черновцы, 1901, №№ 10—11. (Здѣсь помѣщено одно большое письмо А. И. Добрянскаго-Сачурова о русско-румынскихъ отношеніяхъ, написанное имъ въ 1888 году предсѣдателю студенческаго Общества „Буковина“ въ Черновцахъ).

1889.

Das Parteiwesen der Slaven in Böhmen. Betrachtet an der Hand der Versammlung des prager altčechischen Parteitages. Von einem österreichischen Patrioten. Любляна, 1889, стр. 99.

1891.

Угро-русское нарѣчіе въ настоящемъ и прошломъ. (Изъ письма къ А. Л. Петрову). Напечатано А. Л. Петровымъ въ I выпускѣ его сочиненія „Матеріалы для исторіи Угорской Руси“. („Новый сборникъ ста-

тей по славяновѣдѣнію, сост. и изд. учениками В. И. Ламанскаго", Петроградъ, 1905, стр. 186—188. Правильнѣе было бы озаглавить не „Угро-русское *нарѣчіе*", а „Угро-русскіе *говоры*", такъ какъ только послѣднее заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ взгляду А. И. Добрянскаго-Сачурова на этотъ вопросъ).

Очеркъ исторіи православія въ Угріи. (Изъ письма къ А. Л. Петрову). Тамъ же, стр. 188—199.

1892.

Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ и греко-славяне. Политическій очеркъ (за подписью Срѣмецъ). „Славянское Обозрѣніе", 1892, т. II, стр. 25—44 и 265—294; т. III, стр. 35—56 и 210—220.

1894.

Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ. Срѣмца. Петроградъ, 1894, стр. 105.

1896.

Изъ записокъ о походѣ 1849 года. (Издано въ приложеніи къ статьѣ проф. А. С. Будиловича „О значеніи русскаго похода 1849 г. для австро-угорскихъ народовъ", „Русская Бесѣда", 1896, № 1).

Плоды ученія гр. Л. Н. Толстого. Петроградъ, 1896. Книжка первая стр. 77, книжка вторая стр. 48. (Изданіе Св. Синода, представляющее перепечатку статей, первоначально появившихся въ „Галичанинѣ" за 1896 г.).

1898.

Куда мы дошли? Разсужденіе стараго австрійскаго патріота о нынѣшнемъ положеніи въ Австріи. Изданіе редакціи „Галичанина". Львовъ, 1898, 16°, стр. 95.

1899.

Сужденіе православнаго галичанина о реформѣ русскаго церковнаго управленія, проектируемой русскими либералами нашего времени. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣра и Разумъ", Харьковъ, 1899, 8°, стр. 29.

1900.

Ein auf die Sanierung unserer Zustänge gerichtetes Programm. „Slavisches Echo", Вѣна, 1900, №№ 14 и 15. (Это же сочиненіе, подъ заглавіемъ „A. J. Dobrjanskij's politisches Testament", было перепечатано въ томъ же журналѣ за 1904 г., №№ 42 и 43).

1901.

Гдѣ выходъ? Wo hinaus? (статья напечатана по-нѣмецки и по-русски за подписью Аидинъ). „Славянскій Вѣкъ", Вѣна, 1901, №№ 14 и 16

Сочиненія, оставшіяся въ рукописи.

Автобіографія. (Доведена до начала 1851 года; рукопись, впрочемъ, сильно повреждена, такъ-что конецъ могъ пропасть; написана автобіографія въ 1879 году или нѣсколько позже — это видно изъ словъ: „Дѣлопроизводство мукачевской епархіи до сего дня русское, хотя съ 78 г. постепенно опять вводится мадярскій языкъ". Рукопись безъ заглавія).

О границахъ Угорской Руси. (Это сочиненіе, повидимому, составляетъ вторую часть напечатанной въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1880 г. статьи „О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ св. Владиміра"; въ напечатанной части, какъ извѣстно, подробно разсмотрѣны только границы Галицкой Руси и русскаго Спиша; рукопись безъ заглавія).

Всѣ свои рукописи А. И. Добрянскій-Сачуровъ завѣщалъ своему зятю проф. А. С. Будиловичу († 1908 г.), вдовѣ котораго, Е. А Будиловичъ, онѣ теперь и принадлежатъ.

Такъ какъ всѣ сочиненія А. И. Добрянскаго-Сачурова будутъ изданы его наслѣдниками, то здѣсь мы не приводимъ полнаго перечня рукописей.

Литература объ А. И. Добрянскомъ-Сачуровѣ.

Переписка.

„Письма А. И. Добрянскаго къ И. П. Корнилову" (см. И. С. Свѣнцицкій. „Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси", часть вторая, Львовъ, 1909, стр. 94—101).

Біографіи и характеристики.

Vilém Podolsky. „Adolf Ivanovič Dobriansky". Словацкій журналъ „Sokol", Будапештъ, 1862, № 6. (Къ статьѣ приложенъ портретъ, подъ которымъ сдѣлана по-русски надпись: „Адолфъ Івановичь Добрянскій". Отмѣтимъ также, что годъ рожденія (1817) указанъ правильно, чего нельзя сказать про большинство послѣдующихъ статей объ А. И. Добрянскомъ-Сачуровѣ, всегда обозначающихъ время его рожденія не 1817, а 1803 годомъ).

„Адольфъ Ивановичъ Добрянскій" (біографическій очеркъ съ портретомъ). „Золотая Грамота", Вѣна, 1865, №№ 4—5.

Проф. А. С. Будиловичъ. „Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ". Часть I. Кіевъ, 1878, (На стр. I—II напечатано: „Адольфу Ивановичу Добрянскому на Угорской Руси *посвященіе*" и дана краткая характеристика значенія дѣятельности А. И. Добрянскаго-Сачурова).

„Адресъ славянской студенческой молодежи въ Вѣнѣ великому ея учителю Адольфу Ивановичу Сачурову-Добрянскому въ день его рожденія 6 декабря 1886 года". (Рукопись. Впервые напечатана въ настоящей книгѣ на стр. 174—176).

„Адольфъ Ивановичъ Добрянскій" (біографич. очеркъ). „Слово", Львовъ, 1886, № 25.

„Адольфъ Ивановичъ Сачуровъ-Добрянскій". „Наука", Вѣна, 1887, №№ 1, 2, 3, 5, 8 и 11.

„A. I. Dobrjanskij". „Parlamentär", Вѣна, 1887, № 1. (Статья описываетъ чествованіе А. И. Добрянскаго-Сачурова славянской молодежью въ Вѣнѣ).

„Eine Jubelfeier". „Parlamentär", Вѣна, 1887, № 51. (Статья посвящена дню рожденія А. И. Добрянскаго-Сачурова).

Невѣдѣнскій. „Катковъ и его время". Петроградъ, 1888.

Газета „Велеградъ", Кромѣрижъ, 1890, № 95. (Передовая статья, посвященная характеристикѣ А. И. Добрянскаго-Сачурова, какъ выдающагося русскаго и славянскаго дѣятеля).

Журналъ „Slovanski Svet", Вѣна, 1896, № 16. (Статья посвящена дню рожденія А. И. Добрянскаго-Сачурова).

Проф. А. С. Будиловичъ. „Объ основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго". Петроградъ, 1901, стр. 17.

Журналъ „Slovenské Pohl'ady", Турчанскій св. Мартинъ, 1902, № 4. (Помѣщена, составленная Шкультетымъ, рецензія на сочиненія проф. А. С. Будиловича: „Объ основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго").

„Edinost", Тріестъ, 1901, №№ 79—81. (Даны воспоминанія Ф. М. Подгорника объ А. И. Добрянскомъ-Сачуровѣ).

Д. Н. Вергунъ. „Памяти А. И. Добрянскаго" (стихотвореніе). „Червоннорусскіе отзвуки", Львовъ, первое изданіе 1901, стр. 18—19; второе изданіе, 1907, стр. 24—25.

„А. И. Добрянскій" (некрологъ). „Листокъ" Ужгородъ, 1901.

„А. И. Добрянскій" (некрологъ). „Наука", Ужгородъ, 1901.

„А. И. Добрянскій" (некрологъ). „Недѣля", Будапештъ, 1901.

„А. И. Добрянскій" (некрологъ, съ портретомъ). „Галичанинъ", Львовъ, 1901, №№ 53 и 54.

„А. И. Добрянскій" (некрологъ). „Православная Буковина", Черновцы, 1901, №№ 7, 8 и 9.

„А. И. Добрянскій" (некрологъ, съ портретомъ). „Славянскій Вѣкъ", Вѣна, 1901, № 18.

„Adolf Jvanovič Dobrianskij". „Národnie Noviny". Турчанскій св. Мартинъ, 1901, № 35.

„Adolf Dobrjanskij". „Hlas Národa". Прага, 1901.

„Adolf Jvanovič Dobrjanskij". „Politik" (нѣмецкая газета). Прага, 1901, № 84.

„А. И. Добрянскій". „Новое Время", Петроградъ, 1901, № 1901.

„А. И. Добрянскій“ (некрологъ). „Свѣтъ“. Петроградъ, 1901, № 85.

„А. И. Добрянскій“ (некрологъ съ портретомъ, относящимся къ 1860-мъ годамъ). „Прибавленіе къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“, Петроградъ, 1901, № 11.

„А. И. Добрянскій“ (некрологъ). „Московскія Вѣдомости“, 1901.

„А. И. Добрянскій“ (некрологъ). „Рижскій Вѣстникъ“, 1901, № 72.

Проф. К. Я. Гротъ. „Памяти Адольфа Ивановича Добрянскаго“. „Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго О-ва“ и отдѣльный оттискъ, Петроградъ, 1902, стр. 1—7, въ два столбца.

О. А. Марковъ. „Адольфъ Ивановичъ Добрянскій“ (съ портретомъ работы художника Ѳеофила Глѣбовицкаго). Сборникъ „Колосье изъ галицко-русской нивы“, Львовъ, 1902, стр. 89—91.

„Адольфъ Ивановичъ Добрянскій“. (По случаю годовщины со дня смерти; даны краткая біографія и портретъ работы художника Ѳеофила Глѣбовицкаго). „Славянскій Вѣкъ“, Вѣна, 1902, № 41.

Отзывы критики объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

И. И. Раковскій. „Письма изъ Венгерской Руси. Письмо 4-е“ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“. Кіевъ, 1862, томъ 2, стр. 167—171. (Здѣсь данъ обстоятельный разборъ сочиненія А. И. Добрянскаго-Сачурова: „Rede des ungarischen Lantags-Abgeordneten“).

Составленная А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ „Аппелляція Наумовича“ вызвала сочувственные отзывы въ русской печати, напр., въ „Руси“ И. С. Аксакова, 1883, № 22, а также въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“, 1883, № 3, гдѣ на стр. 1—4 помѣщено „Сообщеніе М. И. Кояловича объ аппелляціи къ папѣ галицкаго уніатскаго священника Іоанна Наумовича, отлученнаго отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ, и о значеніи этого памятника съ русской и общеславянской точки зрѣнія“. Однако въ Россіи тогда еще не знали, что „Аппелляція“ составлена А. И. Добрянскимъ-Сачуровымъ.

„Die Autonomie der Nationalitäten“ (передовая статья). „Parlamentär“, Вѣна, 1885, № 4.

„Dobrjanskij's Programm und die Böhmen“. „Parlamentär“, 1885, № 6.

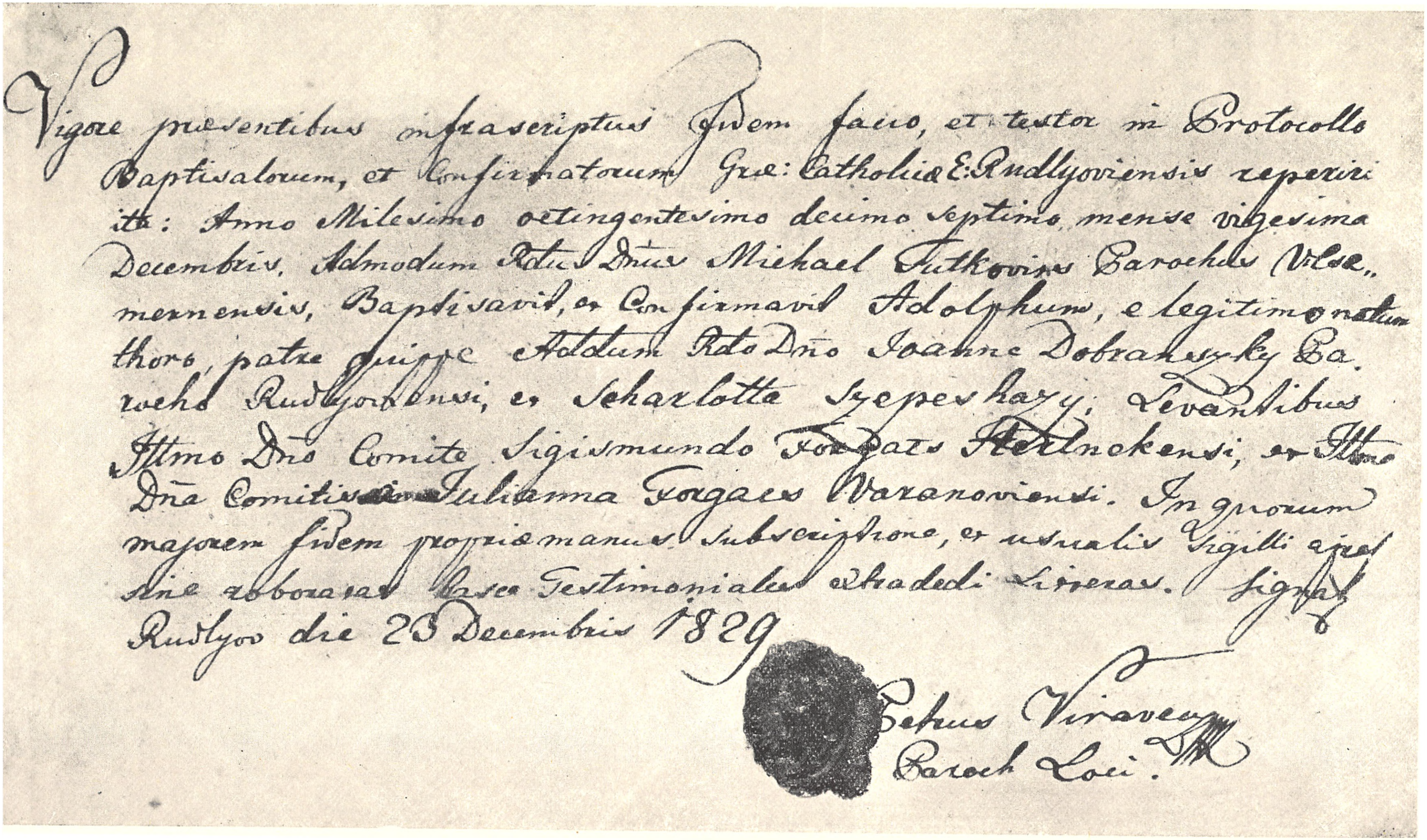
„Dobrjanskij's Programm und die Slovenen“. „Parlamentär“, 1885, № 6.

„Dobrjanskij's Programm und die Serben“. „Parlamentär“, 1885, № 7.

„Jules Ferry über Dobrjanskij“ (бесѣда съ Ферри; корреспонденція изъ Парижа). „Parlamentär“, Вѣна, 1885, № 7.

Прибавленія къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“ 1894, № 28, стр. 965—969. (Данъ разборъ сочиненія А. И. Добрянскаго-Сачурова: „Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ. Срѣмца. Спб., 1894 г.“).

„Ad. I. Dobrjanskij's politisches Testament“. „Slavisches Echo“ Вѣна, 1904, №№ 42 и 43.

Vigore praesentibus infrascriptus fidem facio, et testor in Protocollo Baptisatorum, et Confirmatorum Grae: Catholicae E: Rudlyoviensis reperiri ita: Anno Millesimo octingentesimo decimo septimo, mense vigesima Decembris, Admodum Rdus Dnus Michael Tutkovics Parochus Velsemernensis, Baptisavit, et Confirmavit Adolphum, e legitimo natum thoro, patre quippe Adm Rdo Dno Ioanne Dobranszky Parocho Rudlyoviensi, et Scharlotta Szepeshazy; Levantibus Illmo Dno Comite Sigismundo Forgats Ghimeskensi, et Illma Dna Comitissa Julianna Forgacs Varanoviensi. In quorum majorem fidem propriae manus subscriptione, et usualis sigilli appressione roboratas hasce Testimoniales extradedi Literas. Signat. Rudlyov die 23 Decembris 1829.

Petrus Viravecz
Paroch Loci.

Метрическая выпись о крещенiи А. И. Добрянскаго.

Воспроизводится въ печати впервые.

Портреты.

А. И. Добрянскій-Сачуровъ около 1860 года. (По фотографіи Эдуарда Алькера въ Будапештѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1860-хъ годахъ. (Съ очень рѣдкой фотографіи. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*)

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1866 году. (По фотографіи Баршоша и Доктора въ Будапештѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1872 году. (Съ портрета масляными красками художника Ѳеофила Копыстинскаго. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1883 году. (По фотографіи Крживанека въ Вѣнѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настояшей книгѣ*).

А. И. Добрянскій-Сачуровъ въ 1885 году. (Съ портрета художника Ѳеофила О. Глѣбовицкаго въ Вѣнѣ. Изданіе русскаго академическаго Общества „Буковина“ въ Вѣнѣ. Фототипія фотографа Іос. Альберта въ Мюнхенѣ. 1885, 4°. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. И. Добрянскій-Сачуровъ и А. С. Будиловичъ въ 1898 году. (По фотографіи Макса Кетцлера въ Иннсбрукѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

Иллюстраціи.

Метрическая выпись о крещеніи А. И. Добрянскаго. (Факсимиле. *Впервые воспроизведена въ настоящей книгѣ*).

Метрическая выпись о крещеніи А. И. Добрянскаго.

Латинский подлинникъ.

Vigore praesentibus infrascriptus fidem facio, et testor in Protocollo Baptisatorum, et Confirmatorum Grae(co) Catholicae E(cclesiae) Rudlyoviensis reperiri ita: Anno Milesimo octingentesimo decimo septimo, Mense vigesima Decembris, Admodum R(everen)dus D(omi)nus Michael Tutkovits Parochus V-Csemernensis, Baptisavit et Confirmavit Adolphum, elegitimo natum thoro, patre quippe Ad(mo)dum R(everen)do D(omi)no Joanne Dobranszky Parocho Rudlyoviensi, et Scharlotta Szepeshazy; Levantibus Ill(ustrissi)mo D(omi)no Comite Sigismundo Forgats Hertnekensi, et Ill(ustrissi)ma D(omi)na Comitissa Julianna Forgacs Varanoviensi. In quorum majorem fidem propriae manus subscriptione, et usualis sigilli apressi(o)ne roboratas hasce Testimoniales extradedi Litteras. Signat(um) Rudlyov die 23 Decembris 1829.

Petrus Viravecz
Paroch(us) Loci.

Русскій переводъ.

Симъ я, нижеподписавшійся, удостовѣряю и свидѣтельствую, что въ Книгѣ Крещенныхъ и Мvропомазанныхъ греко-католической Рудлевской Церкви находится слѣдующее: Лѣта Тысяча восемьсотъ семнадцатаго Мѣсяца Декабря двадцатаго Его Высокопреподобіе Михаилъ Тутковичъ, Приходскій Священникъ В.-Чемернянскій, Крестилъ и Мvропомазалъ Адольфа, рожденнаго отъ законнаго брака, а именно отъ отца Его Высокопреподобія Іоанна Добрянскаго, Рудлевскаго Приходскаго Священника, и Шарлотты Сепешгазій; при чемъ Воспріемниками были: Его Сіятельство Графъ Сигизмундъ Форгачъ-Герхнихтскій и Ея Сіятельство Графиня Юліана Форгачъ-Вороновская. Для болѣе сильнаго доказательства этого, я выдалъ сіе Свидѣтельство, скрѣпленное собственноручною подписью и приложеніемъ обычной печати. Дано въ Рудлевѣ, дня 23-го Декабря 1829 г.

Петръ Выравецъ
Мѣстный Приходскій Священникъ.

Антоній Степановичъ Петрушевичъ.

(Родился 6 (18) января 1821 г.—умеръ 10 (23) сентября 1913 г.)

Біографія.

Дѣтство и вліяніе отца на избраніе научнаго поприща.

Антоній Степановичъ Петрушевичъ родился 6 (18) января 1821 г. въ селѣ Добрянахъ, Стрыйскаго округа, въ семьѣ русскаго священника. Огромное вліяніе на Антонія Степановича, въ смыслѣ избранія имъ научнаго поприща, оказалъ его отецъ—Степанъ Григорьевичъ Петрушевичъ, который былъ образованнымъ и способнымъ человѣкомъ, отличавшимся литературными дарованіями. Чтобы нагляднѣе представить это благотворное вліяніе, необходимо прежде всего ознакомиться съ біографіей С. Г. Петрушевича и его важнѣйшими сочиненіями. Онъ родился въ 1772 году и получилъ образованіе во Львовской духовной семинаріи; въ 1802 году былъ рукоположенъ въ священники и долгое время состоялъ настоятелемъ прихода въ Добрянахъ, а затѣмъ благочиннымъ въ Стрыйскомъ округѣ; въ 1857 году выслужилъ пенсію и вышелъ въ отставку; умеръ 77 лѣтъ, въ 1859 году. Первое печатное произведеніе С. Г. Петрушевича появилось въ 1801 году, въ бытность автора еще воспитанникомъ духовной семинаріи; это было польское стихотвореніе: „*Благодарность Его Вельможному и Достойному Преподобію Ксендзу Модесту Гриневецкому*" („*Wdzięczność Wielmożnemu i Najprzewielebniejszemu Imci Xiędzu Modestowi Hryniewieckiemu*"). Черезъ 40 лѣтъ была напечатана въ журналѣ „Lwowianin" (Львовъ, 1841 г.) по-русски, но латинскими буквами, его „*Русская пѣснь о Смерти изъ XVII вѣка*" („*Ruska pieśn o Śmierci z wieku XVII*"), а въ 1848 году, въ самый разгаръ польско-русскаго спора въ Галичинѣ, С. Г. Петрушевичъ составилъ на польскомъ языкѣ и издалъ (подъ криптонимомъ *М. Д.*) во Львовѣ „*Пѣснь о привидѣніяхъ Свято-Юрскихъ*" („*Pieśn o marach Swięto-Jurskich*"). Кромѣ того, ему принадлежитъ большое собраніе галицко-русскихъ народныхъ пословицъ и поговорокъ, напечатанное въ 1857 году въ польскомъ журналѣ Ступницкаго „Пріятель Домовый" подъ заглавіемъ: „*Пословицы и поговорки русскаго населенія въ Галичинѣ*" („*Przyslowia i przypowieści ludu ruskiego w Galicyi*", „Przyjaciel Domowy", Львовъ, 1857 г., №№ 26—35, 37, 38, 41, 44, 45, 47 и 48). Большинство сочиненій С. Г. Петрушевича осталось, однако, въ рукописи и хранится въ библіотекѣ „Народнаго Дома" во Львовѣ. Изъ рукописей, написанныхъ прозою, слѣдуетъ отмѣтить: *Проповѣди*, отличающіяся довольно правильнымъ общерусскимъ языкомъ; затѣмъ интересны два польскихъ отрывка

„*Религія*“ и „*Молитва*“, изъ которыхъ видно, что авторъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, стремившимся познать также и другія вѣроученія и вообще вникнуть въ самую сущность религіознаго вопроса; въ научномъ отношеніи заслуживаетъ вниманія его польское сочиненіе: „*Синтагма для пониманія разныхъ авторовъ польскихъ, латинскихъ и русскихъ*“ („*Syntagma dla zrozumienia rożnych autorów polskich, łacińskich i ruskich*“), [представляющее собой нѣчто въ родѣ словаря; кромѣ того извѣстенъ его водевиль „*Мужъ старый, жена молодая*“ („*Stary mąż, młoda żona*“), являющійся передѣлкой однороднаго произведенія Котляревскаго—„Москаль чарывникъ“; сохранился также отрывокъ дневника его путешествія изъ Львова въ Журавно въ 1795 году, написаннаго съ легкимъ юморомъ, прозою смѣшанною со стихами, въ подражаніе путешествію изъ Варшавы во Львовъ польскаго сатирика Красицкаго; наконецъ, авторъ занимался исторіей, составляя собственныя записки и дѣлая выписки изъ разныхъ историческихъ сочиненій XVIII и XIX столѣтій, напримѣръ, изъ Шлёцера, Нарушевича, Бандтке, Вальтера Скотта („Исторія Наполеона“) и другихъ. Что касается рукописныхъ стихотвореній, то всѣ они, за исключеніемъ басенъ, по преимуществу лирическаго характера, воспѣвая любовь, природу, идиллическую деревенскую жизнь и житейскую мудрость. Авторъ писалъ свои стихотворенія какъ по-польски, такъ и на галицко-русскомъ нарѣчіи. Любовь къ книгѣ и наукѣ привилъ С. Г. Петрушевичъ и своимъ дѣтямъ, которыхъ у него было десять человѣкъ—пять сыновей и пять дочерей, а именно: Михаилъ, Петръ, Иванъ, Антоній, Александръ, Розалія, Марія, Юлія, Елена и Софія. Старшая дочь—Розалія, послѣ смерти матери, занялась воспитаніемъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ и стала, такимъ образомъ, для нихъ какъ-бы второй матерью. Она всегда провожала юнаго Антонія Степановича въ городъ въ школу, писала къ нему письма и посылала подарки, и потому онъ ее любилъ больше всѣхъ другихъ братьевъ и сестеръ. Одинъ изъ братьевъ А. С. Петрушевича, а именно самый старшій, Михаилъ, занимался также наукою, писалъ по-польски и по-малорусски и составилъ словарь русскаго языка, который теперь находится въ Петроградской Академіи Наукъ, куда послалъ его Антоній Степановичъ вмѣстѣ со своимъ словаремъ. Всѣ дѣти посѣщали школы, обучаясь на скудныя средства своего отца—настоятеля бѣднаго прихода. Въ письмахъ къ сыну онъ очень часто жаловался на безденежье, и особенно на несправедливость и всякаго рода притѣсненія со стороны сосѣдняго польскаго помѣщика. По этому поводу Степанъ Григорьевичъ Петрушевичъ подалъ даже жалобу въ императорскую канцелярію въ Вѣнѣ и писалъ въ одномъ изъ писемъ къ сыну, который былъ тогда еще воспитанникомъ семинаріи, чтобы попросилъ митрополита заступиться за него у императора. Этотъ фактъ съ одной стороны наглядно показываетъ, насколько нуждался священникъ С. Г. Петрушевичъ, а съ другой—свидѣтельствуетъ о томъ, что тогда уже молодой богословъ Антоній Степановичъ пользовался особымъ вниманіемъ митрополита Михаила Левицкаго.

Среди подобныхъ матеріальныхъ лишеній и другихъ семейныхъ заботъ скончался священникъ Степанъ Григорьевичъ Петрушевичъ въ глубокой старости, въ 1859 году. Такова была та семья, въ которой родился Антоній Степановичъ. Онъ, слѣдовательно, уже изъ родительскаго дома вынесъ влеченіе къ научно-литературнымъ занятіямъ и любовь къ русскому народу. Онъ пошелъ по стопамъ своего отца и продолжалъ начатую имъ работу до конца жизни, стяжавъ почетную извѣстность своими научными трудами не только въ Прикарпатской Руси, но также въ Россіи, и вообще во всемъ славянскомъ мірѣ.

Полученіе образованія. Грамотѣ научился маленькій Антоній у отца въ деревнѣ. Испытаніе выдержалъ онъ, по старо-русскому обычаю, въ церкви, когда во время богослуженія, въ воскресенье, прочелъ на клиросѣ Апостола. Отецъ тогда убѣдился, что сынъ уже достаточно подготовленъ и отдалъ своего девятилѣтняго мальчика въ нѣмецкую трехклассную школу въ гор. Стрыѣ, которую Антоній Степановичъ и окончилъ 17(29) августа 1833 года.

Въ 1834 году А. С. Петрушевичъ поступилъ въ доминиканскую гимназію во Львовѣ. Учился все время онъ съ большимъ прилежаніемъ, добросовѣстно проходя задаваемые уроки, и особенно много читалъ. Въ старшихъ классахъ Антоній Степановичъ успѣлъ перечитать всю гимназическую библіотеку и поэтому пришлось брать книги изъ другихъ библіотекъ и у частныхъ лицъ. Больше всего интересовался онъ сочиненіями историческаго и лингвистическаго содержанія и тогда уже успѣлъ ознакомиться съ трудами патріарха славяновѣдѣнія аббата Іосифа Яковлевича Добровскаго, лѣтописью преподобнаго Нестора, „Исторіей Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина (въ нѣмецкомъ переводѣ) и исторіей Польши Нарушевича. Среди товарищей А. С. Петрушевичъ выдѣлялся своимъ русскимъ самосознаніемъ и всегда съ жаромъ отстаивалъ права русскаго народа въ Галичинѣ какъ ссылками на научныя сочиненія, такъ и примѣрами, взятыми изъ живой дѣйствительности. Въ 1839 году Антоній Степановичъ блестяще окончилъ гимназическій курсъ.

Гимназія имѣла тогда только шесть классовъ, нынѣшніе же VII и VIII классы считались „философіей“ и преподаваніе происходило въ университетѣ. Записался на „философію“ и Антоній Степановичъ. Здѣсь онъ зачитывался научными сочиненіями и собиралъ матеріалы, которыми въ будущемъ воспользовался для своихъ ученыхъ трудовъ. Два года (1839 и 1840), проведенные А. С. Петрушевичемъ на „философіи“, замѣчательны прежде всего тѣмъ, что къ этому времени относится его знакомство съ отцомъ галицко-русской исторіи Денисомъ Ивановичемъ Зубрицкимъ. Антоній Степановичъ былъ лучшимъ ученикомъ Д. И. Зубрицкаго, всегда посѣщалъ его, бралъ у него для чтенія книги, (особенно полученныя изъ Россіи) и все свободное время проводилъ въ бесѣдѣ, посвященной разнымъ научнымъ вопросамъ. Д. И. Зубрицкій сразу замѣтилъ въ А. С. Петрушевичѣ большой талантъ, охотно дѣлился съ нимъ своими знаніями, научивъ, напр., Антонія Степановича

А. С. Петрушевичъ.

Съ очень рѣдкой фотографіи.

Воспроизводится въ печати впервые.

А. С. Петрушевичъ.

По фотографіи Родецкаго во Львовѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

читать старинныя рукописи, и давалъ ему всевозможные совѣты. Трудолюбивый юноша дѣйствительно проникся идеями отца галицко-русской исторіи и съ той поры началъ работать въ указанномъ ему Д. И. Зубрицкимъ направленіи.

По окончаніи „философіи" А. С. Петрушевичъ, по тогдашнему обычаю и желанію отца, поступилъ въ 1841 г. во Львовскую духовную семинарію и, такъ какъ лекціи семинаристамъ читались въ университетѣ, посѣщалъ богословскій факультетъ Львовскаго университета до 1845 года. Среди преподавателей того времени находились такія лица, извѣстныя въ исторіи 1848 года, какъ священники Онуфрій Крыницкій и Яковъ Геровскій. Въ духовной семинаріи любовь А. С. Петрушевича ко всему русскому еще болѣе усилилась. Этому способствовало и то обстоятельство, что въ семинаріи были живы традиціи вдохновенной „русской тройцы" —М. С. Шашкевича, И. Н. Вагилевича и Я. Ѳ. Головацкаго; тамъ употреблялась уже вмѣсто польской русская рѣчь и все усиливалось русское національное самосознаніе. Этому направленію сочувствовали и настоятели семинаріи, какъ, напр., викарный епископъ Яхимовичъ и ректоръ Бохинскій; также поощрялъ русское національное движеніе и самъ митрополитъ Михаилъ Левицкій. Тогда тамъ кипѣла жизнь. Семинаристы писали на русскомъ языкѣ панегирики и лирическія стихотворенія, переписывали исторію уніатской церкви архипресвитера Михаила Гарасевича и читали русскія книги. Антоній Степановичъ также сочинялъ стихи и даже написалъ научное разсужденіе о славянскомъ переводѣ Священнаго Писанія, будучи всего на второмъ курсѣ семинаріи. Это самое лучшее доказательство начитанности, познаній и вѣры въ свои силы юнаго студента-богослова. Этотъ талантъ, конечно, сразу замѣтили настоятели семинаріи. Они оцѣнили его и представили митрополиту Михаилу Левицкому, который полюбилъ Антонія Степановича и окружилъ его своимъ вниманіемъ. Всѣ возлагали на него большія надежды и самъ А. С. Петрушевичъ сознавалъ, что кому много дано, съ того много и спросится и поэтому, отказавшись отъ личной жизни, посвятилъ себя на служеніе родному народу.

Рукоположеніе въ священники (1847).

Въ апрѣлѣ 1847 года Антоній Степановичъ былъ рукоположенъ въ пресвитеры (добровольно оставшись безбрачнымъ) и получилъ мѣсто приходскаго сотрудника села Перегинска, Долинскаго уѣзда. Однако, здѣсь ему пришлось пробыть недолго. И хорошо, что недолго, а то бы Антоній Степановичъ въ сельской глуши былъ лишенъ возможности пользоваться львовскими библіотеками и музеями и заниматься наукой.

Назначеніе капелланомъ (1847).

19 (31) августа 1847 года Антоній Степановичъ былъ назначенъ капелланомъ митрополита Михаила Левицкаго, проживающаго въ его излюбленномъ Уневѣ, возлѣ Львова, въ древней архимандріи чина св. Василія Великаго. Митрополитъ любилъ молодого, многообѣщающаго іерея Антонія и питалъ къ нему до конца жизни осо-

бое расположеніе. А. С. Петрушевичъ являлся самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ митрополита: былъ его нотаріусомъ, личнымъ секретаремъ и казначеемъ; вообще, Михаилъ Левицкій не дѣлалъ ни одного шага безъ участія Антонія Степановича, который присутствовалъ даже при актѣ присяги, принесенной митрополитомъ папскому нунцію во время врученія владыкѣ Михаилу кардинальской шляпы. Такъ какъ легатъ рѣшительно возсталъ противъ присутствія Антонія Степановича, то послѣдній принужденъ былъ предварительно принести присягу, что сохранитъ обо всемъ тайну; онъ ее и сохранилъ, унеся съ собой въ могилу, и никому не сообщивъ о томъ, что было сказано легатомъ.

Съ 1847 по 1858 годы Антоній Степановичъ жилъ большей частью въ Уневѣ, а во Львовъ пріѣзжалъ только по дѣламъ, или сопровождая кардинала, занятія въ канцеляріи котораго отнимали у него весь день, такъ какъ приходилось работать въ ней буквально съ утра до вечера. Чтобы заниматься научными трудами, А. С. Петрушевичъ, какъ онъ выражался, „воровалъ“ у себя ночь и трудился. А было тогда такое время, что работать нужно было непремѣнно, и притомъ очень много, такъ какъ наступилъ памятный 1848 годъ!

Общественная дѣятельность въ 1848 г.

1848-ой годъ явился временемъ самой оживленной и всесторонней дѣятельности А. С. Петрушевича. Онъ принималъ тогда участіе во всѣхъ культурныхъ начинаніяхъ галицко-русскаго народа: состоялъ членомъ-основателемъ „Головной Русской Рады“ и „Галицко-Русской Матицы“, участникомъ „Собора русскихъ ученыхъ“, сотрудникомъ повременныхъ изданій, писалъ брошюры, составлялъ съ крылошаниномъ Куземскимъ и епископомъ Яхимовичемъ „отзывы“, „пропамятныя письма русской націи въ Галичинѣ для разъясненія ея отношеній“, митрополичьи „посланія“ и т. д. Словомъ, онъ занялъ самое выдающееся мѣсто въ исторіи галицко-русскаго народа въ 1848 году и былъ идеологомъ національнаго возрожденія Прикарпатской Руси.

Назначеніе совѣтникомъ консисторіи (1851).

25 октября (6 ноября) 1849 года Антоній Степановичъ выдержалъ такъ-называемое конкурсное испытаніе, а 5 (17) января 1851 года, въ канунъ тридцатой годовщины своего рожденія, былъ назначенъ совѣтникомъ консисторіи. Назначеніе это послѣдовало не столько за іерейскія заслуги, сколько за научно-литературные труды, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ врученный ему дипломъ съ собственноручной подписью митрополита. Такъ какъ это распоряженіе митрополита очень важно и въ то же время интересно, то приводимъ его цѣликомъ въ переводѣ съ латинскаго языка на русскій. Содержаніе диплома слѣдующее:

„Многоуважаемому Господину Антонію Петрушевичу, нотаріусу митрополичьей консисторіи.

„Усидчивый трудъ Вашего Преподобія, который постоянно затрачиваете на литературныя занятія и одновременно на улаживаніе дѣлъ

митрополичьяго ординаріата въ качествѣ его нотаріуса, заслуживаетъ справедливаго вниманія, ибо:

„1) Вы сочинили и издали въ 1848 г. во Львовѣ книжку подъ заглавіемъ: „Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości“ и пр., въ которой защитили хорошую славу русскаго народа передъ его врагами.

„2) По документамъ, найденнымъ въ митрополичьемъ архивѣ, составили исторію бывшей Уневской архимандріи и ея типографіи. Отрывокъ этой исторіи появился въ свѣтъ въ 1849 г. въ русскомъ періодическомъ изданіи „Пчола“, остальную же часть, которую слѣдовало бы уже въ ближайшее время напечатать, имѣете въ рукописи такъ какъ редакторъ этого повременнаго изданія пересталъ его продолжать.

„3) Въ 1850 г. вышла въ свѣтъ напечатанная во Львовѣ книжка подъ заглавіемъ: „Die ruthenische Frage in Galizien“ и проч., въ которой отлично отражаете оскорбительныя утвержденія, распространяемыя о русскихъ. Замѣчательную часть этой книги составляютъ приведенныя Вашимъ Преподобіемъ историческія свѣдѣнія.

„4) Вы перевели на русскій языкъ историческую поэму XII столѣтія, озаглавленную „Слово о полку Игоревѣ“, добавивъ надлежащія грамматическія и историческія разъясненія, что и подобало бы издать печатью.

„5) Вы собрали историческіе документы, касающіеся Южной и Западной Руси, а именно тогдашнихъ русскихъ княжествъ: владимірскаго, перемышльскаго и галицкаго, начиная съ ихъ возникновенія и до половины XIV вѣка. Въ настояшее время Вы заняты редакціей этихъ матеріаловъ, чтобы послѣ отдать ихъ въ общее употребленіе.

„Къ этимъ литературнымъ трудамъ присоединяется и то, что Ваше Преподобіе обыкновенно являетесь для меня, страдающего продолжительной болѣзнью, желательнымъ и охотнымъ помощникомъ въ веденіи дѣлъ митрополичьяго ординаріата и что отличаетесь безупречнымъ характеромъ.

„Потому въ награду за это и въ доказательство моего особеннаго благоволенія, въ силу принадлежащаго мнѣ, какъ правителю архіепархіи, права, жалую Вамъ настоящимъ распоряженіемъ титулъ и характеръ совѣтника консисторіи и взываю Васъ въ Господѣ, чтобы Вы и въ будущемъ съ равнымъ же рвеніемъ и усидчивостью направляли свой трудъ на литературныя занятія, вели образъ жизни, соотвѣтствующій Вашему занятію, и старались изо дня въ день пріобрѣтать для себя все большія заслуги.

Уневъ, 17 января 1851.

Михаилъ, митрополитъ“.

Заботы о созданіи „Народнаго Дома".

Послѣ революціи 1848 г. наступила реакція, конституція была отмѣнена и возстановленъ прежній абсолютизмъ. Для Галицкой Руси настали тяжелыя времена: „Головная Русская Рада" была закрыта, уставъ „Галицко-Русской Матицы" намѣстничествомъ не былъ утвержденъ, надъ газетами тяготѣлъ цензурный гнетъ, а въ школахъ была введена опять германизація. Съ тѣмъ бо́льшей энергіей взялась за работу временная комиссія, принявшая на себя на послѣднемъ засѣданіи „Головной Русской Рады" заботы о сборѣ пожертвованій на постройку большого зданія для русскаго „Народнаго Дома", который по мысли иниціатора этого культурнаго очага, священника Льва Трещаковскаго, долженъ былъ вмѣщать въ себѣ: „бурсу" (общежитіе) для русской учащейся молодежи, типографію, книжную лавку, библіотеку, музей, залу для собраній и т. д., словомъ, являться средоточіемъ русской народной жизни во Львовѣ. Антоній Степановичъ съ самаго начала принималъ въ этомъ важномъ дѣлѣ дѣятельное участіе, состоя не только членомъ возникшаго позднѣе „Народнаго Дома", но и усерднымъ членомъ правящаго совѣта и самымъ жертволюбивымъ патріотомъ, который помимо безвозмезднаго труда, завѣщалъ ему все свое огромное собраніе книгъ и рукописей. Этотъ „Музей А. С. Петрушевича" при библіотекѣ „Народнаго Дома" во Львовѣ состоитъ изъ 15.000 томовъ книгъ научнаго содержанія, атласовъ, географическихъ картъ, цѣнныхъ рукописей, документовъ, портретовъ, произведеній искусства и археологическихъ предметовъ. Принадлежа къ правящему совѣту этого учрежденія, А. С. Петрушевичъ относился отрицательно къ мысли о безотлагательной постройкѣ второй городской церкви, для чего потребовались бы громадныя денежныя затраты. Этому удивлялись и вмѣняли ему во зло, что онъ,—священникъ и къ тому же каноникъ митрополичьяго капитула,—предлагаетъ отложить это дѣло на позднѣйшія времена, но Антоній Степановичъ всегда заявлялъ, что уже есть одна городская церковь во Львовѣ—Успенская, а „Народный Домъ" не исполнилъ еще ни одной изъ возложенныхъ на него культурныхъ задачъ. Онъ хотѣлъ видѣть въ „Народномъ Домѣ" прошлое и настоящее Галицкой Руси, собрать тамъ все исторически цѣнное, что не затерялось еще въ пыли вѣковъ, объединить всѣхъ русскихъ, не потерявшихъ еще сознанія своего національнаго происхожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспитать новое поколѣніе, которое бы могло найти все необходимое для работы въ этомъ учрежденіи, созданномъ на пожертвованія всего галицко-русскаго народа. А. С. Петрушевичъ пожертвовалъ этому учрежденію все свое имущество. Такъ онъ любилъ „Народный Домъ", который на его глазахъ и при его содѣйствіи не только былъ выстроенъ, но и успѣлъ принести огромную пользу дѣлу возрожденія и просвѣщенія галицко-русскаго народа, представляя всегда несокрушимую идейную крѣпость общерусскаго національнаго и культурнаго единства.

Переѣздъ въ приходъ Новицу (1858).

Состоя при дряхломъ и разбитомъ параличомъ митрополитѣ, Антоній Степановичъ старался получить свой приходъ, чтобы на случай смерти своего престарѣлаго покровителя не остаться безъ должности. Въ 1856 году А. С. Петрушевичъ получилъ приходъ Новицу, въ Калушскомъ округѣ, однако туда не переѣзжалъ, а поручивъ завѣдываніе приходомъ другому священнику, оставался попрежнему при Михаилѣ Левицкомъ.

Въ 1858 году скончался престарѣлый уніатскій митрополитъ Михаилъ Левицкій и А. С. Петрушевичъ отправился въ свой приходъ Новицу, имѣя уже титулъ почетнаго каноника митрополичьяго капитула, который онъ получилъ въ 1857 г., на 36 году жизни. Послѣ смерти кардинала у Антонія Степановича стало меньше обязанностей и онъ могъ больше посвящать времени научнымъ трудамъ. Раньше онъ не могъ никуда поѣхать, чтобы заниматься изслѣдованіями на мѣстѣ и принужденъ былъ ограничиваться находящимися подъ рукой матеріалами, а вмѣсто подлинниковъ пользоваться чужими описаніями. Только теперь Антоній Степановичъ началъ свои поѣздки по Галичинѣ, по разнымъ монастырскимъ музеямъ и библіотекамъ. А это ему было тѣмъ легче, что онъ состоялъ уже почетнымъ каноникомъ и пользовался славою ученаго историка.

Приведеніе въ порядокъ капитульной библіотеки въ Перемышлѣ (1858).

Но недолго пробылъ А. С. Петрушевичъ въ Новицѣ, такъ какъ вскорѣ его вызвалъ тогдашній Перемышльскій епископъ Григорій Яхимовичъ въ Перемышль, привести въ порядокъ перемышльскую капитульную библіотеку. Антоній Степановичъ поѣхалъ и пробылъ тамъ два самыхъ жаркихъ лѣтнихъ мѣсяца—іюнь и іюль, работая съ ранняго утра до поздняго вечера, пересмотрѣлъ всю библіотеку, описалъ находящіяся въ ней многочисленныя рукописи и составилъ первый ихъ каталогъ. Онъ первый ввелъ тамъ систематическій порядокъ, извлекъ изъ пыли важные документы, сохранивъ такимъ образомъ много цѣннаго и сдѣлавъ библіотеку доступной для частныхъ лицъ.

Изъ Перемышля А. С. Петрушевичъ возвратился опять въ Новицу, гдѣ попрежнему собиралъ историческіе памятники, поручивъ завѣдываніе приходомъ священнику, которому платилъ вознагражденіе изъ своихъ частныхъ средствъ.

Избраніе депутатомъ галицкаго сейма (1861).

Въ 1861 г. произошли выборы въ первый галицкій сеймъ. Русскій избирательный комитетъ съ крылошаниномъ Михаиломъ Куземскимъ во главѣ провелъ тогда въ сеймъ, несмотря на большую агитацію со стороны польскихъ политическихъ партій, болѣе 40 депутатовъ, такъ-что русскіе располагали въ сеймѣ 49 голосами изъ всѣхъ 150. Среди нихъ былъ также и Антоній Степановичъ, избранный въ Калушскомъ округѣ. Совѣщанія сейма начались обсужденіемъ важнѣйшихъ національно-политическихъ и соціально-экономическихъ вопросовъ. Русскіе депутаты требовали раздѣла Галичины на двѣ части: западную (польскую) и восточную (русскую), разрѣшенія сервитутнаго вопроса, признанія русскаго языка въ школахъ, судѣ, администраціи

и въ сеймѣ. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ Антоній Степановичъ занималъ первое мѣсто съ русской стороны. Онъ выказалъ во время дебатовъ по языковому вопросу столь большое знаніе прошлаго русскаго и польскаго языковъ, что этому удивлялись всѣ поляки. Его рѣчи были помѣщены въ газетѣ „Слово" подъ заглавіемъ: „Бесѣда, произнесенная въ языковомъ вопросѣ въ XXII засѣданіи краеваго сейма во Львовѣ" (1866 г., №№ 3—4) и „Рѣчь при генеральной дебатѣ о преподавательномъ языкѣ на Львовскомъ и Краковскомъ университетахъ" (1868 г., № 70). Въ январѣ 1866 года А. С. Петрушевичъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы въ сеймѣ было признано полное равноправіе русскаго и польскаго языковъ. Сеймъ призналъ обязательнымъ для дѣлопроизводства лишь польскій языкъ, разрѣшая, однако, русскимъ произносить рѣчи, вносить предложенія и оглашать законопроекты въ третьемъ чтеніи также и по-русски.

По истеченіи первой каденціи сейма, было избрано въ сеймъ уже только 30 русскихъ депутатовъ; А. С. Петрушевичъ былъ переизбранъ въ томъ же округѣ. Во время этой каденціи Антоній Степановичъ входилъ въ составъ польско-русской комиссіи (1869 г.), которая должна была провести „соглашеніе" обоихъ народовъ, населяющихъ Галичину. Но она ничего не могла сдѣлать, такъ какъ поляки рѣшили удержать за собой господство въ краѣ и ничего не хотѣли слышать о русско-польскомъ равноправіи въ Галичинѣ.

Назначеніе соборнымъ каноникомъ (1861).

24 августа (6 сентября) 1861 г. Антоній Степановичъ былъ назначенъ соборнымъ каноникомъ львовскаго митрополичьяго капитула и тогда же переселился изъ Новицы во Львовъ, на Святоюрскую гору, гдѣ и жилъ до самой смерти.

Соборъ крылошанъ поручилъ А. С. Петрушевичу веденіе канцеляріи, какъ лицу уже нѣсколько лѣтъ управлявшему митрополичьей канцеляріей. Онъ также велъ отдѣлъ „презентъ", т.-е. распоряжался раздачей приходовъ. Этотъ отдѣлъ самый большой въ капитулѣ и поэтому управленіе имъ требовало немалой затраты времени и труда. Надо было вести регистрацію всѣхъ приходовъ, какъ замѣщенныхъ, такъ и незамѣщенныхъ, объявлять конкурсы, принимать въ пропозицію и давать „презенты", если данный приходъ не имѣлъ еще „колатора". Эти дѣла создавали Антонію Степановичу всегда очень много хлопотъ: онъ хотѣлъ быть справедливымъ и всякому отдать должное по заслугамъ. Былъ обычай, что хлопочущій о приходѣ священникъ приходилъ къ данному канонику представляться и при этомъ жертвовалъ извѣстную сумму „на службу", чтобы пріобрѣсти благоволеніе каноника. Но Антонія Степановича старались, какъ разсказываютъ, снискать другимъ путемъ: а именно, священникъ, который долженъ былъ идти къ нему представляться, старался принести ему для музея старопечатныя книги, рукописи, картины или монеты,—вообще что-нибудь изъ памятниковъ старины, что Антоній Степановичъ глазомъ знатока сейчасъ же разсматривалъ и, если чего у него еще не было, покупалъ. Но свя-

щенникъ, конечно, денегъ не принималъ, заявляя, что жертвуетъ вещь для музея. Такимъ именно образомъ было собрано столь много цѣннаго матеріала въ его музеѣ при „Народномъ Домѣ".

Назначеніе кустосомъ (1873).

Въ 1873 году А. С. Петрушевичъ былъ назначенъ кустосомъ митрополичьяго капитула и это мѣсто занималъ до смерти, завѣдуя одновременно и капитульной библіотекой. Однако, ею онъ не особенно занимался, такъ какъ тогда именно подготовлялъ, помимо другихъ ученыхъ трудовъ, самое большое свое сочиненіе: „Сводную галичско-русскую лѣтопись", которая поглощала у него все свободное отъ служебныхъ занятій время.

Избраніе депутатомъ парламента и дѣятельность въ Вѣнѣ (1873).

Кромѣ того былъ онъ избранъ въ 1873 г. депутатомъ Вѣнскаго парламента отъ избирательнаго округа Калушъ—Долина—Бобрка. Пребываніе въ Вѣнѣ въ связи съ исполненіемъ депутатскихъ обязанностей было для него какъ бы богатой научной экскурсіей. Въ Вѣнѣ познакомился А. С. Петрушевичъ со многими славянскими дѣятелями, учеными и писателями, какъ, напр., съ В. В. Ганкой и др. Здѣсь расширился кругъ его знаній по славяновѣдѣнію и лингвистикѣ и съ этой поры замѣчается у него поворотъ отъ историко-археологическаго направленія къ филологическо-лингвистическому. Особенно много работалъ тогда Антоній Степановичъ въ вѣнскихъ и пражскихъ библіотекахъ и архивахъ и вынесъ оттуда большой матеріалъ, который для него лично принесъ большую пользу и былъ отчасти использованъ въ напечатанныхъ сочиненіяхъ. Въ Вѣнѣ становится Антоній Степановичъ горячимъ славянофиломъ; вообще славянофильское движеніе тогда, благодаря русско-турецкой войнѣ, чрезвычайно усилилось среди австрійскихъ славянъ и центромъ его служила Вѣна. Съ этого времени А. С. Петрушевичъ особенно усердно изучаетъ славянскіе языки и исторію, интересуется современной жизнью и литературами славянскихъ народовъ, выступаетъ съ рѣчами по разнымъ славянскимъ вопросамъ и собираетъ матеріалы для огромнаго „Этимологическаго словаря всѣхъ славянскихъ языковъ съ сравненіемъ съ индоевропейскимъ и съ употребленіемъ собственныхъ, личныхъ и важнѣйшихъ географическихъ названій всѣхъ славянскихъ земель, какъ по печатнымъ, такъ и рукописнымъ источникамъ", который позже, благодаря неусыпному труду и феноменальной памяти скромнаго составителя, возросъ до коллосальныхъ размѣровъ, ибо содержитъ болѣе 1.000.000 словъ. Все свое депутатское жалованье Антоній Степановичъ расходовалъ на выписыванье разныхъ научныхъ журналовъ, на покупку древностей какъ по славянской, такъ и по русской исторіи, и такимъ образомъ сдѣлалъ свою коллекцію, называемую теперь „Музеемъ А. С. Петрушевича" при „Народномъ Домѣ" во Львовѣ не только русской, но и общеславянской. Для занимающихся русской исторіей и литературой эта коллекція представляетъ неоцѣнимый кладъ. Такой коллекціи и при такихъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, какими располагалъ Антоній Степановичъ, не собралъ никто изъ русскихъ галичанъ и едва ли успѣетъ когда-либо собрать. На это былъ способенъ только А. С. Петрушевичъ!

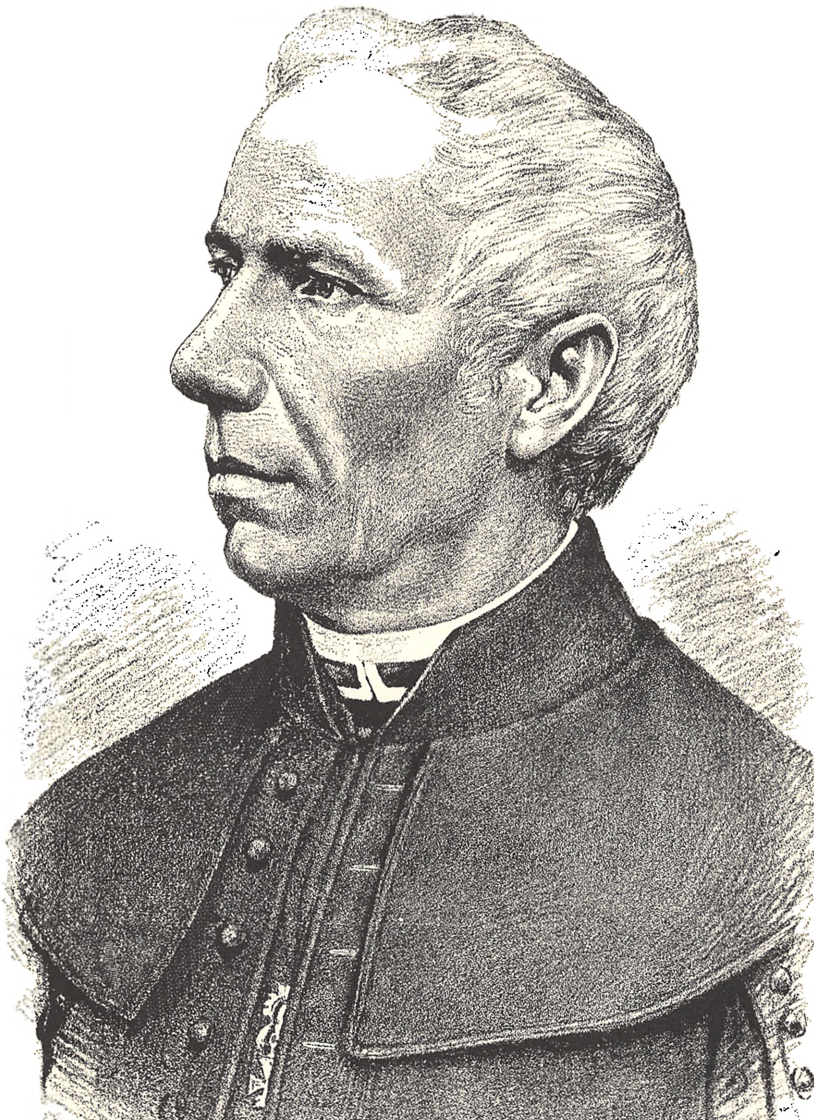
Поѣздка въ Буковину (1876).

Завѣтной мечтой А. С. Петрушевича была поѣздка въ Буковину съ цѣлью собранія тамъ матеріаловъ по исторіи русско-румынскихъ отношеній. Объ этомъ онъ сообщаетъ въ своей корреспонденціи изъ Новицы („Слово“, 1861 г., № 29) слѣдующее: „На святой Руси нашей хранится еще немало драгоцѣнныхъ письменныхъ памятниковъ. На сихъ дняхъ получилъ я изъ Буковины письма, извѣщающія меня о пергаминныхъ Евангеліяхъ на старословенскомъ языкѣ, сберегающихся въ монастырѣ Путна. Одно Евангеліе писано рукой Господаря Стефана въ концѣ XV вѣка. Іер. Соневицкій пишетъ изъ Кимпелунга, что въ монастырѣ Ватра Молдавица хранится выше 150 старинныхъ рукописей и грамотъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ! Все это тѣмъ больше подстрекаетъ меня съ началомъ іюня отправиться въ Буковину. Открывши кое-что любопытное, не омедлю сейчасъ извѣстить Васъ о всемъ подробно“.

Но какъ уніатскому священнику ему нельзя было ѣхать туда безъ особаго разрѣшенія Черновецкаго православнаго митрополита. Такое разрѣшеніе на научную экскурсію по монастырямъ въ Сучавѣ, Путнѣ и Драгомірнѣ получилъ Антоній Степановичъ 6 іюня 1861 г. Однако А. С. Петрушевичъ не могъ тогда поѣхать въ Буковину, которую посѣтилъ только въ 1876 году.

Послѣ своего пребыванія въ Вѣнѣ и поѣздки по Буковинѣ и нѣкоторымъ мѣстностямъ Румыніи, А. С. Петрушевичъ уже больше никуда не ѣздилъ, отправляясь лишь на лѣтніе мѣсяцы въ Жегестовъ, или какое-либо другое купальное мѣсто. Даже тамъ во время отдыха не переставалъ заниматься наукой: дѣлалъ экскурсіи въ окрестности съ цѣлью этнографическихъ, лингвистическихъ и географическихъ изслѣдованій Если же гдѣ-либо онъ самъ не могъ побывать, то обращался письменно къ интеллигентнымъ лицамъ—преимущественно къ настоятелямъ приходовъ, съ разными разспросами, о чемъ свидѣтельствуютъ многія сохранившіяся письма Антонія Степановича. Все время своей предолгой жизни, начиная съ 20-лѣтняго возраста провелъ А. С. Петрушевичъ во Львовѣ и притомъ въ одномъ мѣстѣ—на Святоюрской горѣ. Живя въ столицѣ, въ центрѣ культуры и науки Галицкой Руси, Антоній Степановичъ имѣлъ возможность пользоваться всѣми необходимыми для литературной дѣятельности матеріалами, и могъ трудиться и дѣйствительно работалъ до послѣднихъ силъ. И удивительно, онъ, который всегда ложился спать не ранѣе 12 час. ночи и котораго солнечный восходъ заставалъ уже за работой, онъ который имѣлъ въ своей жизни дѣло только съ исторической пылью, пережилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, ведшихъ болѣе спокойную жизнь.

Антоній Степановичъ занимался не только наукой, онъ интересовался и общественной жизнью. Поэтому русскія общества и учрежденія избирали его въ правящіе совѣты и разные комитеты, и вездѣ онъ былъ всегда дѣятельнымъ членомъ. Точно прибывалъ на засѣданія, поддерживалъ или оспаривалъ предложенія, вообще способствовалъ развитію русскаго общества какъ перомъ и словомъ, такъ и дѣломъ.

А. С. Петрушевичъ

Со временемъ, однако, по мѣрѣ того какъ сверстники его начали сходить съ политико-общественной сцены, а старость подрывала его удивительныя силы, ослабѣвало участіе Антонія Степановича въ общественной жизни. Но на учено-литературномъ поприщѣ онъ не перестаетъ работать.

40-лѣтній юбилей литературной дѣятельности (1887).

Въ своей жизни А. С. Петрушевичъ отпраздновалъ три юбилея: 40-лѣтія литературной дѣятельности (1887 г.), 50-лѣтія священства (1897 г.) и 80-лѣтія со дня рожденія (1901 г.). Первые два юбилея прошли очень скромно, такъ какъ русскіе галичане своимъ участіемъ въ чествованіи юбиляра боялись навлечь на него подозрѣнія со стороны оффиціальныхъ властей, видѣвшихъ въ каждомъ культурномъ начинаніи Галицкой Руси проявленія политическаго руссофильства или даже панславизма; къ этому надо прибавить также и то обстоятельство, что Антоній Степановичъ по своей скромности, присущей всѣмъ истинно-великимъ ученымъ, не любилъ по отношенію къ себѣ никакихъ торжествъ и чествованій. Когда исполнился въ 1887 году 40-лѣтній юбилей литературной дѣятельности А. С. Петрушевича, то прежде всего откликнулась „Галицко-Русская Матица", которая посвятила маститому ученому томъ „Литературнаго Сборника" за 1887 годъ, помѣстивъ, кромѣ портрета и краткой характеристики, научно-литературныхъ заслугъ юбиляра, пять слѣдующихъ его сочиненій: „О происхожденіи письма у словенъ", „О происхожденіи и значеніи старо-словенскихъ словъ жоупа, жоупище, жоупанъ, жоупань и другихъ словъ относящихся къ трупосожиганію и погребенію умершихъ у словенъ", „Корочунъ-Кракъ", „О значеніи и происхожденіи слова «rokosz»" и „De versione slovenica sacrae Scripture" (послѣднее изслѣдованіе, написанное авторомъ еще въ 1843 году, появлялось въ печати впервые). Откликнулась на юбилей Антонія Степановича также большая газета Галицкой Руси—„Новый Проломъ", которая въ статьѣ „Юбилей 40-лѣтней литературной дѣятельности А. С. Петрушевича" (№ 488 за 1887 г.), съ гордостью указала на то, что имя маститаго ученаго пользуется почетной извѣстностью не только въ русскомъ Прикарпатьи, но и во всемъ обширномъ славянскомъ мірѣ. Газета при этомъ оговорилась, что какъ политическій органъ, она не рѣшается предлагать тотъ или другой способъ чествованія юбиляра, такъ какъ это могло бы быть истолковано врагами Галицкой Руси въ нежелательную сторону.

50-лѣтній юбилей священства (1897).

50-лѣтній юбилей священства А. С. Петрушевича прошелъ почти незамѣченнымъ. Появилась только небольшая замѣтка въ газетѣ „Галичанинъ" (Львовъ, 1897 г., № 112), въ которой говорилось, что по присущей Антонію Степановичу скромности, онъ скрывалъ, даже отъ самыхъ близкихъ ему лицъ, дату своего юбилея. Газета выражала при этомъ увѣренность, что если бы заранѣе былъ извѣстенъ день юбилея, то его съ большою торжественностью отпраздновала бы вся Галицкая Русь.

80-лѣтній юбилей со дня рожденія (1901).

6(19) января 1901 года исполнилось 80-лѣтіе со дня рожденія Антонія Степановича Петрушевича, которое было торжественно отпраздновано 11(24) января того же года всей Галицкой Русью. Починъ въ въ дѣлѣ чествованія А. С. Петрушевича взяла на себя „Галицко-Русская Матица".

Торжество началось въ 2 часа дня въ помѣщеніи „Народнаго Дома", предсѣдатель котораго І. Г. Делькевичъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ „Галицко-Русской Матицы" Б. А. Дѣдицкимъ ввели маститаго юбиляра въ залъ, гдѣ уже собрались въ ожиданіи его многочисленные почитатели, а хоръ студенческой молодежи привѣтствовалъ прибывшаго ученаго прекраснымъ псалмомъ Бортнянскаго „Сей день".

Затѣмъ слѣдовали привѣтственные рѣчи и адреса, въ которыхъ настолько вѣрно и всесторонне была обрисована полезная дѣятельность галицко-русскаго ученаго, что мы ихъ приводимъ полностью. (См. „Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", 1901 г., томъ I, книга 1).

Секретарь Совѣта „Галицко-Русской Матицы" О. А. Мончаловскій привѣтствовалъ юбиляра слѣдующей рѣчью:

„Глубокоуважаемый отецъ Антоній! Рѣдкому изъ смертныхъ положено Провидѣніемъ достигнуть въ полномъ обладаніи умственныхъ и физическихъ силъ 80-й годовщины своего рожденія. Но еще менѣе людей дожило до сего знаменательнаго дня, оставивъ за собою многочисленные и высокоцѣнные плоды болѣе чѣмъ полувѣкового просвѣщеннаго, безкорыстнаго и неутомимаго труда. Вы, Ваше Высокопреподобіе, одинъ изъ тѣхъ избранниковъ, въ личности котораго на славу Вамъ и на радость русскаго народа въ дивномъ сочетаніи соединились эти рѣдкія условія благословенной старости.

„Сегодня, въ нарочитый день 80-лѣтія Вашей жизни, съ особеннымъ вниманіемъ устремляется мысль всѣхъ, отъ имени которыхъ имѣю честь говорить, въ долгіе годы Вашихъ трудовъ и въ плоды ихъ. Больше половины вѣка тому назадъ начинается Ваша ученая и писательская дѣятельность. Историческія судьбы Червонной Руси создали въ высшей степени скудныя и неблагопріятныя условія не только для развитія русскихъ національныхъ основъ въ жизни нашего народа, но и для образованія сознательныхъ русскихъ характеровъ, а тѣмъ болѣе для ихъ научной подготовки и дѣятельности въ русскомъ направленіи. Жизнь галицко-русскаго народа теплилась только въ церквахъ и среди простонародія, въ сельской глуши, подъ давленіемъ иноплеменныхъ вліяній, а русскаго, вполнѣ сознательнаго общества не было въ нашемъ отечествѣ. Какими же дарованіями, какою силою духа и проницательностью ума, какою вѣрою и убѣжденностью въ единоспасительность русскихъ идеаловъ долженъ былъ обладать человѣкъ, чтобы смѣло и открыто выступить на общественное поприще и для ихъ защиты изслѣдовать и раскрывать историческіе пути въ жизни русскаго народа и указывать своимъ современникамъ, „гдѣ путь добрый?"—Вы, Ваше

Высокопреподобіе, совершили этотъ великанскій подвигъ. Говорю— подвигъ, ибо если нынѣ еще есть русскіе галичане, стыдящіеся или боящіеся признавать себя русскими, то тѣмъ больше ихъ было полъ вѣка тому назадъ; если нынѣ приходится еще бороться за русскую мысль, за русское слово и за русскую правду, то насколько труднѣе была эта борьба тогда, когда развитіе народнаго самосознанія находилось у насъ въ зачаточномъ состояніи.

„Но мы чтимъ Васъ не за этотъ одинъ подвигъ. Начавъ съ 1847 года, Вы съ муравейнымъ трудомъ собирали и собираете матеріалы для исторіи, языкознанія и археологіи, матеріалы для русской и славянской науки, и въ той цѣли Вы побывали не только въ богатыхъ библіотекахъ Львова и Перемышля, Вѣны и Праги, но и въ бѣдныхъ галицкихъ и буковинскихъ церквахъ и древнихъ монастыряхъ Прикарпатской Руси и Румыніи. Объ одномъ только слѣдуетъ намъ вмѣстѣ съ Вами пожалѣть: что Вамъ не дана была возможность лично посѣтить священныя мѣста жизни, дѣятельности и подвиговъ Вашего великаго учителя, преподобнаго Нестора Лѣтописца, что Вы не посѣтили всѣхъ тѣхъ областей русской земли, которыхъ судьбы Вы обнимаете любовью и поясняете силою своего знанія. Мы чтимъ Васъ, ибо Вы раскрыли передъ нами скрижали исторіи и показали намъ жизнь нашихъ предковъ съ ея радостями и страданіями. Мы съ уваженіемъ взираемъ на богатые плоды трудовъ Вашихъ, содержащіе историческую правду. Вы пояснили закрытую временемъ или заключенную въ малопонятныхъ для нынѣшнихъ людей названіяхъ городовъ, весей, рѣкъ и мѣстностей исторію поселенія и разселенія русскаго и славянскихъ народовъ. Мало того, Вы пошли еще дальше, въ глубь доисторическаго времени и на основаніи Вашихъ глубокихъ знаній представляете намъ первоначальное образованіе семьи, общинъ, возникновеніе культовъ,—однимъ словомъ, первыя ступени культурнаго развитія человѣчества. Убѣдившись въ величіи русскихъ народныхъ идеаловъ, Вы въ своихъ многочисленныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ искали и нашли средства для поученія современниковъ объ ихъ единоспасительности и вмѣстѣ съ тѣмъ нашли доказательства для опроверженія лжеученій, двоящихъ или троящихъ единый русскій народъ. И мнѣ, съ благоговѣніемъ взирающему на Ваши многіе и цѣнные труды, на Ваше стремленіе къ открытію исторической правды, на Ваши разъясненія темныхъ историческихъ событій, невольно приходитъ на мысль желаніе—отнести къ Вамъ изреченіе: „Се бо истину возлюбилъ еси, безвѣстная и тайная премудростію твоею явилъ намъ еси".

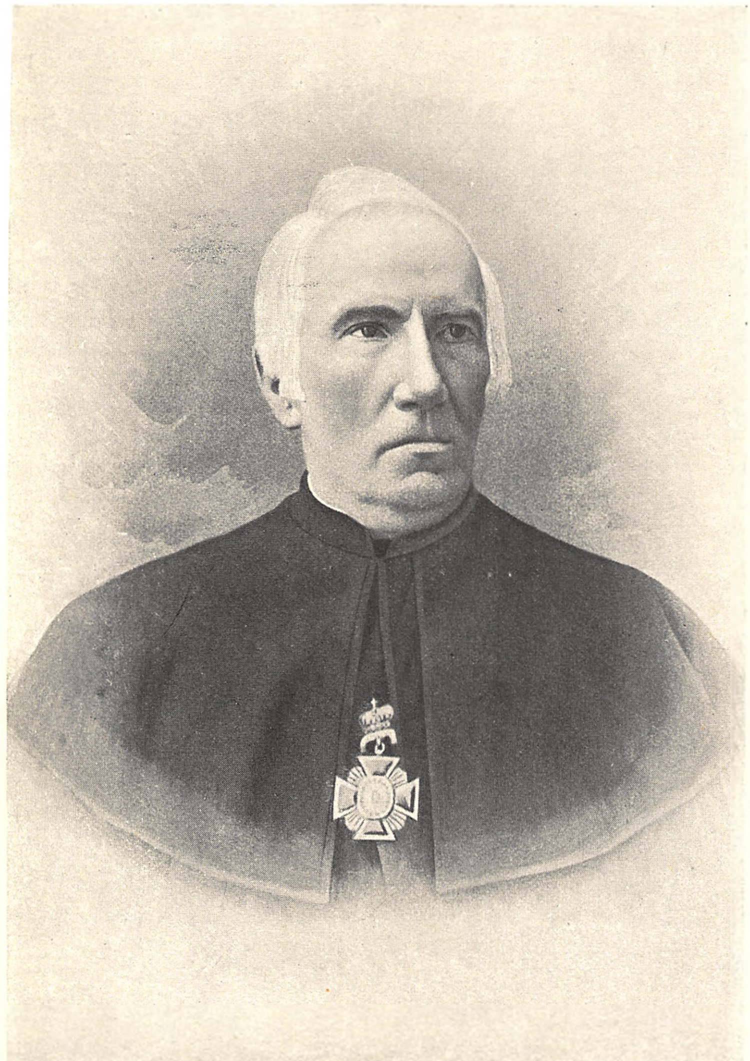
„Вы, Ваше Высокопреподобіе, родились 80 лѣтъ тому назадъ въ особочтимый русскимъ народомъ праздникъ Просвѣщенія. Не содержится ли въ этомъ совпаденіи предзнаменованіе Вашей просвѣщенной дѣятельности? Вѣдь Вы вмѣстѣ съ другими великими дѣятелями Галицкой Руси спасли насъ отъ духовной темноты и просвѣтили насъ свѣтомъ науки!

„Полученныя Вами съ разныхъ концовъ русскаго и славянскаго міровъ поздравленія и привѣтствія по случаю Вашего юбилея свидѣтельствуютъ о томъ, что Вы, Ваше Высокопреподобіе, своими многоцѣнными трудами и своею свѣтлою личностью возвеличили Галицкую Русь далеко за предѣлами ея географическихъ границъ и пріобщили ее къ русской и славянской культурѣ. Вовѣки не забудетъ Вамъ этого русскій народъ въ Австріи, а намъ, скромнымъ труженикамъ въ указанномъ Вами направленіи, и всѣмъ русскимъ галичанамъ нечего возсѣдать и плакать „на рѣкахъ Вавилонскихъ", ибо Галицкая Русь, имѣющая такихъ людей, какъ Вы, не погибнетъ, и крѣпость русскаго духа въ нашемъ народѣ не можетъ быть сломлена никакими историческими условіями, если онъ изъ своей среды выдалъ такую свѣтлую личность, какъ Вы!

„Примите же, Ваше Высокопреподобіе, отъ насъ въ этотъ торжественный для Васъ и насъ день не только дань глубокаго уваженія, но и сердечную благодарность съ искреннимъ пожеланіемъ: да дастъ Вамъ Всевышній еще много лѣтъ прожить на славу Галицкой Руси и въ пользу русской науки!"

Затѣмъ привѣтствовали юбиляра отъ имени „Народнаго Дома": предсѣдатель д-ръ І. Г. Делькевичъ и секретарь І. А. Давидовичъ, прочитавшій слѣдующій адресъ:

„Ваше Высокопреподобіе, многоужаваемый отецъ Крылошанинъ! По случаю исполнившагося 6(19) сего января 80-лѣтія со дня Вашего рожденія, члены первѣйшаго на Галицкой Руси русско-народнаго института „Народный Домъ" во Львовѣ имѣютъ честь поздравить Васъ съ этимъ замѣчательнымъ юбилеемъ, принести Вамъ дань уваженія и преданности, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъявить Вамъ глубокую благодарность и признательность за всѣ Ваши труды и жертвы для русскаго дѣла и его развитія. Разнородна и многосложна Ваша, Достойный Мужъ, дѣятельность, а результаты ея обильны и плодотворны, и Вы можете смотрѣть нынѣ на прошедшее съ умиленіемъ и чувствомъ совѣстно исполненнаго долга. Обнимая мыслью Вашу выше полувѣковую дѣятельность въ области исторіи, этнографіи, археологіи, языкознанія и словесности, Вашу княжескую щедрость, положившую прочное основаніе библіотекѣ и музею нашего „Народнаго Дома", Вашу мужественность въ защитѣ русской правды какъ бывшаго посла въ сеймъ и въ вѣнскій парламентъ, Ваше неутомимое служеніе въ вертоградѣ Христовомъ, Вашу патріотическую отзывчивость на всякое требованіе русскаго народнаго дѣла,—мы сознаемъ себя передъ Вами въ громадномъ долгу, который можетъ быть оплаченъ лишь цѣлымъ народомъ. Сознаетъ это и народъ, который чтитъ и славитъ Васъ за то, что Вы подняли его культурный уровень, усвоили ему пониманіе бывальщины и научили той истинѣ, что въ виду нынѣшняго положенія, всего лучше въ нашемъ прошломъ житіи-бытіи искать облегченія и вѣры въ будущность Руси и ея историческое посланничество. Плодами своего даровитаго пера

Антоній Степановичъ Петрушевичъ въ 1901 г.

По фотографіи Н. Лиссы во Львовѣ.

Вы равно же познакомили съ нами славянскія племена и дали намъ извѣстность въ мірѣ. Прикарпатская Русь видитъ въ Васъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ: знаменитаго народнаго труженика, чистый, незапятнанный характеръ, твердыя убѣжденія, глубокія и всестороннія знанія, безпристрастіе ученаго, а при всемъ этомъ изумительную скромность. Къ почестямъ Вы никогда не стремились, предпочитая служить въ рядовыхъ народному дѣлу, а нынѣ,—гдѣ своими печатными трудами, имъ же нѣсть числа, свили Вы себѣ неувядаемый вѣнецъ славы,— состоите дѣятельнымъ членомъ правленій почти всѣхъ русско-народныхъ обществъ и институтовъ, ревно содѣйствуя успѣванію ихъ своимъ свѣтлымъ совѣтомъ и авторитетомъ своей личности. Итакъ, воздавая въ этотъ высоко-торжественный день должную честь Вашимъ доблестямъ и заслугамъ, желаемъ Вамъ, маститый землякъ, много-много лѣтъ здравствовать и бодрствовать на радость и утѣшеніе Вашимъ безчисленнымъ почитателямъ, на пользу науки, на славу отечества! Продолжайте, неутомимый дѣятель, сторожить наши народныя сокровища, обогащать наше достояніе, одушевлять нашу мысль, согрѣвать наши сердца! Общія симпатіи да будутъ Вамъ среди дальнѣйшихъ заботъ и трудовъ ободреніемъ и опорою въ Вашихъ старческихъ дняхъ и да даруетъ Вамъ Провидѣніе, послѣ толикихъ треволненій на Вашей родинѣ, дождаться благополучно свѣтлой минуты торжества народнаго генія!“

Отъ имени Ставропигійскаго Института поздравилъ юбиляра совѣтникъ Н. Н. Герасимовичъ слѣдующей рѣчью:

„Ваше Высокопреподобіе, многоуважаемый отецъ Крылошанинъ! Ставропигійскій Институтъ горячо привѣтствуетъ Васъ, Ваше Высокопреподобіе, моими устами съ знаменательнымъ днемъ восьмидесятилѣтія Вашей жизни, столь плодотворной для русской науки. Будучи болѣе трехъ столѣтій свидѣтелемъ и участникомъ исторіи русскаго народа вообще, Галицкой Руси же въ особенности, Ставропигійскій Институтъ вполнѣ оцѣниваетъ значеніе Вашихъ трудовъ по исторіи, языкознанію и археологіи, ибо онъ самъ, въ своемъ архивѣ и въ своемъ музеѣ, старается собрать и сохранить памятники русской древности и русской культуры, вещественныя доказательства духовной и общественной жизни и развитія русскаго народа. Вы, Ваше Высокопреподобіе, всю Вашу жизнь посвятили собиранію, изученію и выясненію этихъ историческихъ памятниковъ и, такимъ образомъ, Ставропигійскій Институтъ видитъ въ Васъ просвѣщеннаго, доблестнаго и неутомимаго труженика въ той области знанія, которая ему самому дорога и которая составляетъ предметъ его особенныхъ стараній и заботъ“.

Наконецъ, отъ лица „Галицко-Русской Матицы“ прочиталъ ея дѣлопроизводитель д-ръ Ю. А. Яворскій адресъ слѣдующаго содержанія:

„Глубокочтимый отецъ Крылошанинъ! Если „Галицко-Русская Матица“ взяла на себя честь почина къ сегодняшнему торжественному празднованію 80-лѣтія Вашей многозаслуженной и плодотворной жизни,

то сдѣлала она это не только потому, что она, какъ старѣйшее и единственное русское учено-литературное общество въ Галичинѣ, призвана на первомъ мѣстѣ почтить великія заслуги маститаго земляка и выразить ему въ такой рѣдко-нарочитый день глубокую признательность отъ имени своего и всей своей тѣснѣйшей родины. Нѣтъ, не только на основаніи этого своего естественнаго права первородства привѣтствуетъ и поздравляетъ Васъ сегодня „Галицко-Русская Матица"! Она привѣтствуетъ Васъ прежде всего какъ своего отца и воспитателя, какъ того, кто положилъ закладной камень подъ ея основаніе и съ любовью руководилъ ея первыми робкими шагами. Она чествуетъ Васъ какъ вѣрнѣйшаго и неутомимаго своего сотрудника и радѣтеля, отдавшаго ей лучшую часть своихъ великихъ силъ и знаній, трудившагося для нея болѣе чѣмъ полъ-вѣка безкорыстно и самоотверженно. Она благодаритъ Васъ за то, что Вы слили съ ея жизнью и дѣятельностью Вашу плодотворную дѣятельность и жизнь, что Вы отдали ей всего себя, восторженно и беззавѣтно. Примите же, глубокочтимый отецъ Крылошанинъ, въ сегодняшній нарочитый день Вашего 80-лѣтія, глубочайшую признательность и искреннѣйшія поздравленія отъ Вашего вѣрнаго и благодарнаго дѣтища, отъ „Галицко-Русской Матицы"!

Въ этотъ же день вечеромъ состоялся въ гостиницѣ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовало 50 человѣкъ. Въ рядѣ задушевныхъ рѣчей и тостовъ были отмѣчены выдающіяся заслуги юбиляра передъ Галицкой Русью.

Отвѣчая на всѣ эти поздравленія и тосты, А. С. Петрушевичъ произнесъ слѣдующую краткую и вмѣстѣ съ тѣмъ образную рѣчь:

„Поднося сію благодарственную чашу зеленаго вина, скажу прежде всего притчу о виноградной лозѣ, которой уподоблю судьбу нашей Галицкой Руси. Виноградная лоза имѣетъ, какъ извѣстно, двухъ враговъ: одного—филоксеру, истребляющую ея листву, другого же врага, поддѣлывающаго вино, происходящее отъ виноградной лозы. Наша Русь имѣетъ также двухъ недруговъ: одного, столько вѣковъ уже старающагося уничтожить ее, а другого—поддѣлывающаго нынѣ ея исторію и языкъ. По той причинѣ подношу сегодня заздравную чашу какъ за благоденствіе всей Руси, такъ и за всѣхъ вѣрныхъ ея сыновъ и дочерей, какъ здѣсь находящихся, такъ и отсутствующихъ, которые выразили мнѣ свои благожеланія въ день 80-лѣтія моего рожденія, и возглашаю: да сотворитъ имъ всѣмъ Господь Богъ многая и благая лѣта!"

Послѣдніе годы жизни. Несмотря на преклонный возрастъ, Антоній Степановичъ продолжалъ заниматься научными трудами, а въ свободное время ходилъ гулять, ежедневно посѣщая „Вѣнскую" кофейную, гдѣ обыкновенно собирались галицко-русскіе народные дѣятели. Здѣсь А. С. Петрушевичъ прочитывалъ газеты, отмѣчая интересныя извѣстія и даже отдѣльныя слова въ записной книжкѣ, а также велъ разговоры со своими знакомыми. Антоній Степановичъ заходилъ также въ „Русское Касино", гдѣ читалъ газеты, которыя затѣмъ, когда престарѣлый ученый не

могъ уже самъ ходить, посылались ему на квартиру. Кромѣ того, онъ посѣщалъ студенческія организаціи: „Академическій Кружокъ“ и возникшее вмѣсто него общество „Другъ“, всегда поощряя молодежь къ занятіямъ русской исторіей и литературой, и разсказывая много интереснаго о прошлой жизни Галицкой Руси.

Въ 1905 году А. С. Петрушевича постигло великое несчастіе— онъ потерялъ зрѣніе. Съ одного глаза удалось снять катаракту и онъ имъ немного видѣлъ, другой же глазъ былъ потерянъ навсегда. А. С. Петрушевичъ думалъ, что не перенесетъ этого горя и поэтому просилъ у Бога смерти. Онъ, который привыкъ всю жизнь лично читать всѣ книги, дѣлать различныя изъ нихъ выписки и писать изслѣдованія, долженъ былъ теперь всецѣло положиться на другихъ. Это была для Антонія Степановича истинная трагедія. Онъ ходилъ по своей комнатѣ, ломая руки и не зная, за что взяться. Въ концѣ концовъ примирился съ несчастіемъ и безропотно доживалъ свой вѣкъ. Къ нему заходили сослуживцы-каноники: Крыжановскій, М. Пакежъ и Кобылянскій и разсказывали о консисторскихъ дѣлахъ и митрополитѣ, чѣмъ Антоній Степановичъ всегда интересовался и любилъ дѣлать сравненія съ прошлыми временами, особенно съ эпохой кардинала Михаила Левицкаго. Каждое новое начинаніе консисторіи онъ всесторонне разбиралъ и высказывалъ при этомъ свои остроумныя замѣчанія. Изъ молодежи къ нему никто не заходилъ, кромѣ двухъ-трехъ студентовъ Львовскаго университета, которые исполняли обязанности чтецовъ и переписчиковъ сочиненій А. С. Петрушевича, продолжавшаго трудиться до самой кончины.

А. С. Петрушевичъ испытывалъ одиночество, такъ какъ не съ кѣмъ было побесѣдовать о научныхъ вопросахъ. Только когда заходилъ къ нему Ф. И. Свистунъ, престарѣлый Антоній Степановичъ какъ бы становился моложе: съ интересомъ разспрашивалъ о научныхъ новостяхъ и о жизни русскихъ галичанъ, всегда при этомъ повторяя: „что подѣлываетъ многострадальная Галицкая Русь“. Благо родины для Антонія Степановича было выше всего. Онъ всегда глубоко скорбѣлъ по поводу преслѣдованій русскихъ галичанъ и искренно радовался всякому успѣху русскаго и вообще славянскаго дѣла. Какъ, напр., радовался Антоній Степановичъ побѣдамъ славянскаго оружія въ первую балканскую войну, какъ благодарилъ онъ съ поднятыми руками Бога послѣ взятія болгарами Адріанополя и съ благоговѣніемъ ждалъ того момента, когда православные славяне смогутъ водрузить крестъ на храмѣ св. Софіи въ Царьградѣ; зато какъ скорбѣлъ престарѣлый ученый по поводу второй братоубійственной балканской войны, стараясь объяснить это несчастіе исторической распрей славянъ между собою. А. С. Петрушевичъ очень интересовался дѣломъ С. Ю. Бендасюка. Не проходило дня, чтобы онъ не спрашивалъ, когда же, наконецъ, начнется судебное разбирательство и заключенные получатъ возможность доказать полную свою невиновность. За народной жизнью Галицкой Руси А. С. Петрушевичъ слѣдилъ очень внимательно до самой смерти и каждый день поручалъ читать ему вслухъ газеты „Прикар-

патскую Русь“ и „Галичанинъ“. Всегда откликался на всякія воззванія и очень радовался, что при сборѣ пожертвованій обращались и къ нему. „Видите,—смѣясь повторялъ онъ,—люди еще не позабыли обо мнѣ“. Интересовался также Антоній Степановичъ и общеевропейской политикой, причемъ умѣлъ всякое международное событіе связать съ судьбой Галицкой Руси.

А. С. Петрушевичъ всегда проявлялъ большое вниманіе и искреннюю сердечность къ своимъ многочисленнымъ родственникамъ. Несмотря на то, что почти всѣ они были украйнофилы, Антоній Степановичъ стоялъ выше политическихъ симпатій и приглашалъ своихъ родственниковъ гостить у него. Добрымъ геніемъ для А. С. Петрушевича была его племянница—г-жа Гетманчукъ, которая относилась къ нему съ идеальнымъ самопожертвованіемъ, нѣжною женскою ласкою и поистинѣ дѣтской привязанностью. Она приняла на себя всѣ заботы о своемъ дядѣ, а когда онъ захворалъ, то просиживала неотступно у его кровати и старалась облегчить страданія больного.

А. С. Петрушевичъ былъ небольшого роста и крѣпкаго тѣлосложенія, но уже немного сгорбленный. Лицо было покрыто слегка морщинами съ красными жилами. Лѣвый глазъ всегда прищуривалъ; зубовъ уже давно не было. Волосы, обыкновенной длины и бѣлые какъ снѣгъ, всегда были причесаны налѣво. Лысины не было и слѣда; всегда хорошо выбритый. Одѣвался, какъ всѣ галицко-русскіе священники одѣваются у себя дома; замѣчательна была его шапка, похожая на шапку древне-русскихъ монаховъ, и большіе сапоги, которые могли бы показаться тяжелыми даже молодому. Обыкновенно сидѣлъ въ креслѣ, имѣя возлѣ себя темно-синій носовой платокъ, какой бываетъ у потребителей нюхательнаго табака, а въ рукѣ держалъ простую палку, съ которой никогда не разставался. Всегда сидѣлъ въ креслѣ и о чемъ-нибудь думалъ или же просто дремалъ.

Смерть и похороны (1913).

Преклонный возрастъ и понесенные тяжелые труды ослабили организмъ Антонія Степановича, который послѣдніе мѣсяцы жизни лежалъ больной въ постели. Здоровье съ каждымъ днемъ ухудшалось и 10 (23) сентября 1913 года послѣдовала смерть.

Въ четвергъ, 12 (25) сентября, въ 4 часа пополудни гробъ съ тлѣнными останками А. С. Петрушевича былъ перенесенъ въ Свято-Георгіевскій соборъ. Панихиду у гроба отслужили сперва латинскіе священники—епископъ Бандурскій, инфулатъ Левицкій и каноники Слюсаржъ и Еловицкій, а затѣмъ русскіе—митраты Бѣлецкій и Туркевичъ и каноники Пакежъ, Бачинскій, Мельницкій, Чапельскій, Давидякъ, Гузаръ и Давидовичъ. Во время перенесенія гроба присутствовали представители всѣхъ русскихъ обществъ во Львовѣ. Пѣлъ хоръ Ставропигійскаго Института.

Въ пятницу, 13 (26) сентября, съ 6 часовъ утра служились читанныя литургіи какъ русскими священниками, такъ и римско- и армянско-католическими. Въ $9^1/_2$ час. епископъ Чеховичъ при участіи архидіакона Іоанна Литвиновича изъ Станиславова, митрата Подолинскаго и

каноника Зубрицкаго изъ Перемышля, канониковъ Пакежа и Чапельскаго изъ Львова и діаконовъ Дикаго и Гаврищака, началъ архіерейское богослуженіе. Пѣлъ хоръ Ставропигійскаго Института при участіи воспитанниковъ „бурсы" (общежитія) „Народнаго Дома".

Въ церкви присутствовали представители всѣхъ львовскихъ русскихъ обществъ и учрежденій, д-ръ В. Ѳ. Дудыкевичъ, и депутаты— д-ръ Д. А. Марковъ и совѣтникъ В. М. Куриловичъ. Польскій ученый міръ представляли: директоръ городского архива д-ръ Чоловскій и директоръ Оссолинскаго института д-ръ Кентчинскій, представлявшій также краковскую Академію Наукъ. Изъ украйнофиловъ въ церкви находились: Романчукъ, Федакъ, Барвинскій, Свѣнцицкій и другіе. На богослуженіи присутствовалъ также настоятель православнаго прихода во Львовѣ о. Дигонъ.

Послѣ богослуженія отъ имени капитула произнесъ надгробное слово о. В. С. Давидякъ, который сказалъ слѣдующее: „Наша Галицкая Русь передъ выступленіемъ А. С. Петрушевича была, по словамъ Шафарика, невѣдомой землей. Она походила на дерево безъ цвѣтовъ и листьевъ. Цвѣтъ—дворяне отказались отъ нея, листья—мѣщане пали въ борьбѣ съ еврействомъ. При пнѣ остался только корень—мужикъ. И въ такое-то время начинаетъ свою дѣятельнесть въ 1843 г. покойный Антоній Степановичъ. Товарищъ и другъ Я. Ѳ. Головацкаго и И. Н. Вагилевича, ученикъ и почитатель Д. И. Зубрицкаго, подготовлялъ онъ основаніе для нашего національнаго возрожденія и указывалъ своимъ соотечественникамъ, „гдѣ путь добрый". Покойный являлся гордостью Галицкой Руси и какъ ученый былъ извѣстенъ на всю Европу. Антоній Степановичъ уже въ ранней юности началъ свою литературно-научную дѣятельность собираніемъ историческихъ матеріаловъ. Собиралъ онъ ихъ въ библіотекахъ: въ Перемышлѣ, Львовѣ, и вообще въ Галичинѣ, Буковинѣ и Румыніи. Съ 1848 г. не было ни одного русскаго повременнаго изданія, гдѣ бы не было напечатано его сочиненій. А. С. Петрушевичъ хорошо владѣлъ русскимъ, польскимъ, нѣмецкимъ, румынскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, а кромѣ того зналъ почти всѣ европейскіе языки. Онъ былъ феноменомъ въ ученомъ мірѣ. Больше всего времени посвятилъ составленію этимологическаго словаря, рукопись котораго въ 40 ящикахъ послалъ въ русскую Академію Наукъ въ Петроградѣ. 70 лѣтъ работалъ онъ для своего народа и всѣ свои труды оставилъ тому же народу. Смерть его была такая же спокойная, какъ и его жизнь. Въ понедѣльникъ покойный призвалъ къ себѣ своего племянника о. Стефановича и просилъ его читать молитву. Во вторникъ вечеромъ благословилъ присутствующихъ и спокойно скончался. Его жизнь была какъ бы вытесана изъ цѣльнаго гранита. Антоній Степановичъ отличался откровенностью и рѣдкой отзывчивостью, и потому у него не было враговъ. Прощай нашъ незабвенный, ты не жилъ для себя; твой трудъ остался между нами. Ты глубже смотрѣлъ на

нужды русскаго крестьянина, чѣмъ звѣздочетъ въ небо. Мы слезами орошаемъ твой гробъ и молимъ Господа да упокоитъ душу твою въ мѣстѣ святыхъ, идѣже нѣсть болѣзни, нѣсть печали, но жизнь безконечная. Аминь".

Послѣ рѣчи о. Давидяка у гроба служили римско-католическіе священники съ архіепископомъ Бильчевскимъ во главѣ. Когда епископъ Чеховичъ съ галицко-русскими священниками сталъ возлѣ гроба для совершенія „послѣдняго цѣлованія", отслужилъ экзеквіи армянскій архіепископъ Теодоровичъ.

Когда кончились богослуженія и гробъ вынесли изъ собора, хоръ подъ управленіемъ И. И. Цьороха спѣлъ „Тихій вѣтеръ", представители же русскихъ обществъ и учрежденій организовали шествіе. Впереди шли церковныя братства, за которыми учащаяся молодежь несла вѣнокъ съ надписью *„Дорогому учителю родной старины—Русская учащаяся молодежь"*, за вѣнкомъ слѣдовала женская молодежь. Дальше красовался вѣнокъ съ надписью *„Незабвенному историку Руси—Воспитанницы пансіона"*, за которымъ шли гимназисты и воспитанники „бурсъ". Передъ вѣнкомъ съ надписью *„Подвижнику родной исторіи—Читальня им. М. Качковскаго во Львовѣ"* несли знамя съ трехцвѣтной русской лентой, а за нимъ слѣдовали представители читальни. За четвертымъ вѣнкомъ съ надписью *„Подвижнику русской идеи—Русская Дружина въ Знесеньѣ"*, шли члены въ мундирахъ. За пятымъ вѣнкомъ съ надписью *„Пробудителю русскаго самосознанія—Львовская Самопомощь"* шли делегаты этого Общества. Передъ шестымъ вѣнкомъ съ надписью—*„Учителю родной страны—Русская Дружина во Львовѣ"* несли знамя. Дальше делегаты несли вѣнки съ надписями: *„Свѣточу русскаго единенія—О-во Муза, Кружокъ Русскихъ Дѣвицъ"; „Свѣточу русской науки—О-во Жизнь во Львовѣ"*; *„Вдохновителю русской мысли—Студенческая молодежь"; „Патріарху русской науки—О-во Русскихъ Дамъ во Львовѣ"; „Духовному вождю Галицкой Руси—Редакція Прикарпатской Руси и Голоса Народа"*; *„Историку русскаго народа—Русское крестьянство"; „Творцу духовной силы Прикарпатской Руси—Союзъ Русскихъ Дружинъ"*, причемъ впереди несли знамя Союза; *„Своему члену-основателю—Русское Касино во Львовѣ"*; *„Великому патріоту и знаменитому ученому—Перемышльская Русь", „Глашатаю исторической правды—Русское Касино въ Самборѣ"; „Заслуженнному историку Руси—Ризница въ Самборѣ"; „Читальня им. М. Качковскаго филія О-ва им. М. Качковскаго, О-во Русскихъ Женщинъ въ Самборѣ"*; *„Своему духовному наставнику—О-во им. М. Качковскаго во Львовѣ"*, причемъ впереди несли знамя Общества.

Кромѣ того, везли на колесницѣ вѣнки съ надписями: *„Первѣйшему ученому Галицкой Руси—Институтъ Народный Домъ во Львовѣ"*; *„Своему почетному члену—Ставропигійскій Институтъ"; „Своему духовному родителю—Галицко-Русская Матица"*; *„Общество Добробытъ въ Самборѣ"; „Дорогому патріарху—Опечаленная Родина"*; *„Косѣапети*

Dziadkowi—Rodzina"; *„Своему вдохновителю и почетному члену—Русское литературно-драматическое Общество въ Коломыѣ*" и *„Своему члену-основателю—Русская Рада во Львовѣ*". За представителями обществъ слѣдовалъ хоръ подъ управленіемъ И. И. Цьороха. Въ похоронномъ шествіи приняли участіе 52 греко-католическихъ священника съ епископомъ Чеховичемъ во главѣ, 4 римско-католическихъ, а именно: инфулатъ Любоменскій, каноники гр. Бадени, Еловицкій и Бѣльскій, и 3 армянскихъ священника съ каноникомъ Петровичемъ во главѣ. За гробомъ, кромѣ племянниковъ покойнаго Антонія Степановича, шли представители „Народнаго Дома", „Галицко-Русской Матицы", Ставропигійскаго Института, „Русской Рады" и другихъ русскихъ обществъ и учрежденій.

Похоронное шествіе направилось къ Преображенской церкви, гдѣ была отслужена панихида. Передъ церковью произнесъ надгробную рѣчь о. Іоаннъ Костецкій. „Русско-народный институтъ „Народный Домъ" отдаетъ сегодня послѣднюю честь первѣйшему ученому Галицкой Руси и лучшему русскому патріоту, прелату и крылошанину о. А. С. Петрушевичу. Болѣе 15 ученыхъ учрежденій: академій наукъ, университетовъ и другихъ почтило покойнаго, избравъ его своимъ членомъ. Покойный разъяснилъ свѣту древнее прошлое галицко-русскаго народа въ языковомъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ, защищалъ бодро и неустрашимо драгоцѣнные памятники русскаго народа и боролся словомъ и перомъ за честь и достояніе своего народа. Институтъ „Народный Домъ", провожая сегодня тлѣнные останки незабвеннаго своего члена и великаго благодѣтеля, приноситъ отъ ступеней своего храма искреннѣйшее благодареніе этому великому мужу и неустрашимому труженику за цѣнное добро, которое пріобрѣлъ для русскаго народа и его института „Народный Домъ". Въ этотъ скорбный моментъ уста не въ состояніи высказать тебѣ, великій Антоній, того, что слѣдовало бы, что ты заслужилъ, но здѣсь въ твоемъ Музеѣ „Народнаго Дома" остаются драгоцѣнныя грамоты, рукописи и другія древности, тобой собранныя, остаются твои драгоцѣнныя сочиненія и они будутъ вѣками славить твое великое имя".

Послѣ рѣчи о. Костецкаго, похоронное шествіе при пѣніи хора двинулось на Лычаковское кладбище. Тлѣнные останки были погребены въ собственномъ гробѣ. Надъ гробомъ, послѣ окончанія богослуженія, былъ произнесенъ рядъ рѣчей. Свящ. В. Гургула отъ имени русскаго духовенства сказалъ, что „покойный Антоній Степановичъ былъ патріархомъ и гордостью русскаго духовенства, онъ высоко поднялъ и держалъ священническое знамя и далеко за предѣлы нашей родины прославилъ своимъ именемъ галицко-русское духовенство".

Отъ имени русскихъ учрежденій Ставропигійскій Институтъ и „Народный Домъ" говорилъ д-ръ Ѳ. С. Заяцъ, который указалъ прежде всего на отношеніе покойнаго къ молодежи. „А. С. Петрушевичъ всю свою жизнь любилъ и цѣнилъ галицко-русскую молодежь, собиралъ ее вокругъ себя и указывалъ, какими принципами она должна руково-

диться въ жизни. И молодежь достойно оцѣнила его, лучшимъ доказательствомъ чего являются нынѣшніе похороны, въ которыхъ молодежь приняла самое многочисленное участіе и несла его гробъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Дай Богъ, чтобы эта молодежь шла по слѣдамъ великаго покойнаго, и изъ его сочиненій черпала новыя силы для народной работы".

Д-ръ В. Ѳ. Дудыкевичъ сказалъ рѣчь отъ имени всей Галицкой Руси: „Жизненный путь, длинный, трудовой, пройденъ и оконченъ. Русская земля открыла свои нѣдра, чтобы принять лучшаго своего сына, который всю свою жизнь пожертвовалъ на народную службу, сына, который всѣмъ своимъ сердцемъ возлюбилъ русскій народъ. За эту его великую любовь Всевышній сподобилъ его многое видѣть, многое слышать и передать современникамъ правду. Антоній Степановичъ Петрушевичъ далъ своему народу самосознаніе. Онъ, когда казалось, что русскій народъ погибъ, что кончилась для него въ рабствѣ его исторія, онъ тогда первый сказалъ, что его спасеніе въ единствѣ Руси. Въ 1848 г., когда мы просыпались отъ національнаго сна, онъ указалъ намъ, что мы не безродные, а дѣти славнаго рода, дѣти великой, недѣлимой Святой Руси, и этой истинѣ пожертвовалъ онъ всю свою жизнь. Весь свой вѣкъ посвятилъ онъ тому, чтобы просвѣтить свой бѣдный русскій народъ, потерявшій въ вѣковомъ рабствѣ свой національный обликъ. Болѣе 70 лѣтъ трудился онъ неусыпно для своего народа и нынѣ такъ сравнительно мало пришло на его похороны. Рабы мы, рабы! Но правда, открытая покойнымъ, правда непобѣдимая, соединитъ около знамени національнаго единства весь русскій народъ. Правда эта растетъ, хотя навлекаетъ на насъ преслѣдованія. Мы должны принести здѣсь присягу, что соблюдемъ его завѣтное знамя изъ рода въ родъ. Быть можетъ, будущее поколѣніе помянетъ его лучше".

Отъ имени студенческой молодежи произнесъ рѣчь студентъ С. Г. Шахъ, который сказалъ: „Стоимъ надъ открытой могилой, которая скоро скроетъ въ своемъ лонѣ первѣйшаго сына Галича, истиннаго патріарха галицко-русскаго національнаго возрожденія, незабвеннаго Антонія Степановича Петрушевича. Кто былъ покойный Антоній Степановичъ, мы всѣ отлично сознаемъ, и я сегодня, у этого гроба, отъ имени русской молодежи, обѣщаю бодро и смѣло идти по его стопамъ и исполнять его завѣты, данные намъ еще въ 1848 г. Прощай, великій нашъ путеводитель и пусть твое имя будетъ свято, пока только живетъ русскій народъ на своей русской землѣ".

Отъ имени русскаго крестьянства говорилъ Лука Старицкій изъ Знесенья, въ теплыхъ словахъ охарактеризовавшій покойнаго, какъ человѣка, который всю жизнь посвятилъ просвѣщенію галицко-русскаго народа.

Послѣ рѣчей была пропѣта „вѣчная память" и похороны окончились въ 4 часа пополудни.

Научно-литературная дѣятельность.

Научно-литературную дѣятельность А. С. Петрушевичъ началъ еще во время пребыванія въ духовной семинаріи, написавъ въ 1843 г. латинское разсужденіе о славянскомъ переводѣ Св. Писанія подъ заглавіемъ „*De versione slovenica sacrae Scripturae*". Однако, эта работа не могла тогда появиться въ печати (такъ какъ этого не разрѣшило начальство семинаріи), увидѣвъ свѣтъ лишь въ 1887 году въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы". Такимъ образомъ, первымъ печатнымъ сочиненіемъ Антонія Степановича является его стихотвореніе: „*Радостная пѣснь Русина Галичанина въ день праздника св. Архистр. Михаила, а именинъ такожъ Его Превосходительства Преосвященнаго Архіепископа Митрополита Львовскаго, Галицкаго и Епископа Каменецкаго куръ Михаила въ селѣ Уневѣ, дня 8 ноембрія лѣта Божого 1847*" (Львовъ, 1847, 4^0, стр. 4). Надо отмѣтить, что у А. С. Петрушевича имѣется еще нѣсколько другихъ стихотвореній, написанныхъ главнымъ образомъ на разные торжественные случаи. Такъ, напр., въ „Зорѣ Галицкой" были помѣщены слѣдующія его стихотворенія: „Братьямъ Галичанамъ" (1848 г., № 1), „Плачъ русской матери надъ блуднымъ сыномъ" (1848 г., № 11), „Голосъ изъ Галича" (1849 г., №№ 51 и 53) и „Русская пѣснь, воспѣтая Ловованиномъ въ радостное торжество славнаго прибытія Его Величества Франца-Іосифа I въ столичный Австрійской Руси городъ Львовъ 16 Жолтня 1851 года" (1851 г., № 82). Однако, во всѣхъ этихъ поэтическихъ опытахъ видна скорѣе работа ума, чѣмъ непосредственное вдохновеніе художника. Область А. С. Петрушевича—не поэзія, а наука, гдѣ онъ и проявилъ свои разностороннія познанія, доставившія ему заслуженный авторитетъ во всемъ славянскомъ мірѣ. **Стихотворенія.**

Въ 1848 году А. С. Петрушевичъ издалъ на польскомъ языкѣ свою замѣчательную брошюру: „*Нѣсколько словъ, написанныхъ въ защиту русской народности*" („*Słow kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości*", Львовъ, 1848 г., 8^0, стр. 56), которой положилъ краеугольный камень подъ зданіе національнаго возрожденія Галицкой Руси. **„Нѣсколько словъ въ защиту русской народности" (1848).**

Причины, побудившія автора написать эту брошюру были слѣдующія. Еще 6 (18) марта 1848 года русскіе жители гор. Львова послали отъ лица всей Галицкой Руси чрезъ графа Стадіона петицію къ императору съ ходатайствомъ о введеніи русскаго языка въ народныхъ и среднихъ школахъ, объ изданіи русскаго перевода государственныхъ законовъ, объ уравненіи въ правахъ уніатскаго духовенства съ латинскимъ, о назначеніи русскихъ чиновниковъ и т. д. 9 мая 1848 г. былъ полученъ отвѣтъ на адресъ „Головной Русской Рады" во Львовѣ отъ министра Пиллерсдорфа, который сообщалъ, что императоръ рѣшилъ удовлетворить ходатайство русскихъ галичанъ. Тогда же Стадіонъ учредилъ при себѣ Приближенный Совѣтъ (Beirat), назначеніемъ кото-

раго было помогать ему въ управленіи Галичиной, и пригласилъ для участія въ работахъ Совѣта русскихъ дѣятелей: Перемышльскаго епископа Григорія Яхимовича, крылошанъ Куземскаго и Малиновскаго и адвоката Климентія Рачинскаго. Тогда же возникли пренія по вопросу объ языкѣ, при чемъ было рѣшено ввести равноправіе русскаго и польскаго языковъ. Однако, съ этимъ положеніемъ ни за что не хотѣли согласиться поляки, которые начали оспаривать это рѣшеніе въ „Газетѣ Львовской" и ея приложеніяхъ. При этомъ особенно непримиримыми были: князь Яблоновскій, ксендзъ Кухарскій и Тшцинскій, которымъ отвѣчаетъ въ своей брошюрѣ А. С. Петрушевичъ и научно доказываетъ полную несостоятельность всѣхъ ихъ доводовъ относительно невозможности примѣненія мѣстнаго русскаго языка въ школахъ, а также употребленія кирилловской азбуки, которую поляки хотѣли замѣнить латинскимъ алфавитомъ.

Въ началѣ своей брошюры (стр. 1—6) авторъ говорить о судьбѣ восточной Галичины, находившейся съ 1340 г. подъ властью Польши, а затѣмъ, послѣ перваго ея раздѣла въ 1772 г., отошедшей къ Австріи. При этомъ онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что Австрія, въ противоположность Польшѣ, стремилась привязать къ себѣ эту новую провинцію не столько силою, сколько терпимостью къ религіознымъ и отчасти національнымъ особенностямъ (въ смыслѣ признанія мѣстнаго языка въ начальной школѣ и въ низшей административной единицѣ, т.-е. волости). Со своей стороны авторъ одобряетъ такую политику, отмѣчая, что народы существуютъ, какъ таковые, только при наличности ихъ языка.

Затѣмъ (стр. 7—11) авторъ переходитъ къ полемикѣ съ тѣми польскими публицистами и политическими дѣятелями, которые отстаивали необходимость сохраненія въ восточной Галичинѣ на-ряду съ мѣстнымъ галицко-русскимъ нарѣчіемъ правъ польскаго языка, какъ оффиціальнаго въ краѣ. Въ защиту своего мнѣнія ими приводились слѣдующія соображенія. Польскій языкъ по всей области настолько распространенъ, что его знаютъ всѣ жители края и считаютъ языкомъ разговорнымъ какъ поляки, такъ и русскіе. Кромѣ того, польскій языкъ имѣетъ то преимущество, что онъ вполнѣ обработанъ для научнаго и литературнаго употребленія, въ то время какъ мѣстное галицко-русское нарѣчіе представляется совершенно неприспособленнымъ для преподаванія въ школахъ и для научныхъ изслѣдованій.

На это А. С. Петрушевичъ возражаетъ: правда, что галицко-русская интеллигенція всего края признаетъ единственнымъ разговорнымъ языкомъ—польскій, но галицко-русскіе крестьяне и даже мѣщане говорятъ на родномъ нарѣчіи; затѣмъ А. С. Петрушевичъ старается доказать кн. Яблоновскому, что если малорусское нарѣчіе настолько бѣдно и необработано, что не можетъ обойтись безъ помощи другого языка, то развѣ нѣтъ другой богатой литературы, къ тому же болѣе близкой русскимъ галичанамъ, чѣмъ литература польская. При этомъ онъ цѣ-

лымъ рядомъ сопоставленій старается доказать свое положеніе, сравнивая, напр., Карамзина и Погодина съ Нарушевичемъ и Лелевелемъ, а Пушкина и Лермонтова съ Мицкевичемъ и Словацкимъ. Далѣе (стр. 12—43) А. С. Петрушевичъ возражаетъ ксендзу Кухарскому, проф. восточныхъ языковъ, который признавалъ необходимость развитія малорусскаго нарѣчія, но утверждалъ, что введеніе одного малорусскаго нарѣчія будетъ мало способствовать просвѣщенію крестьянства, такъ какъ народная школа должна давать практическое образованіе, между тѣмъ какъ книги на галицко-русскомъ нарѣчіи по большей части литургическаго содержанія, не имѣющія никакого практическаго примѣненія, кромѣ церкви. А. С. Петрушевичъ на это возражаетъ: если даже дѣло обстоитъ и такъ, то все-таки для народа, лишеннаго политической независимости, въ религіи выражается его самобытность, въ религіи вообще хранятся національныя чувства и особенности даннаго народа, — значитъ и литургическія книги (вѣрнѣе — книги религіознаго содержанія) на мѣстномъ нарѣчіи не лишены значенія. Въ дальнѣйшей своей полемикѣ съ проф. Кухарскимъ А. С. Петрушевичъ не довольствуется только допущеніемъ преподаванія малорусскаго нарѣчія, какъ такового, а требуетъ также, чтобы на этомъ нарѣчіи шло преподаваніе въ русской (восточной) части Галичины. При этомъ (на стр. 22) А. С. Петрушевичъ замѣчаетъ проф. Кухарскому, что почти 50 милліоновъ говорятъ на разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ (т.-е. великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы). Авторъ желаетъ этимъ подчеркнуть близость галичанъ къ русскому народу въ Россіи.

Для того, чтобы убѣдить Кухарскаго, А. С. Петрушевичъ дѣлаетъ обширный экскурсъ въ исторію взаимныхъ отношеній Руси и Польши, указывая на то, что и тотъ и другой народы сходятся только въ одномъ—въ горячей любви каждаго къ свой родинѣ. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что у нихъ можетъ быть одна родина, которая мыслима только въ загробной жизни (стр. 53).

Послѣ полемики съ Кухарскимъ, авторъ напоминаетъ (стр. 43—44) о временахъ Хмѣльницкаго, предостерегая о нежелательныхъ послѣдствіяхъ кровавой расправы.

Наконецъ (стр. 45—54) А. С. Петрушевичъ полемизируетъ съ Тщинскимъ (Trzciński), который высказывалъ ту мысль, что хотя каждая народность въ Галиціи (русскіе галичане, поляки, нѣмцы, армяне, евреи и т. д.) имѣетъ полное право развивать свой родной языкъ, но въ то же время необходимо, чтобы былъ одинъ языкъ культуры, какимъ для Галиціи можетъ быть только польскій языкъ.

На это А. С. Петрушевичъ возражаетъ, что $2^1/_2$ милліона галичанъ составляютъ часть малороссовъ, живущихъ въ Россіи, вмѣстѣ съ которыми ихъ насчитывается 15 милліоновъ. Поэтому галицкіе малороссы не могутъ сами рѣшать столь важный для нихъ вопросъ о принятіи польскаго языка, да къ тому же малороссовъ и больше, чѣмъ

поляковъ, почему послѣдніе и должны признать права за малорусскимъ нарѣчіемъ.

Читая брошюру А. С. Петрушевича, не можешь не поражаться тому, сколько глубокаго ума, блестящаго знанія вопроса и зажигающаго своей юношеской вѣрою темперамента вложено въ это сочиненіе. Кромѣ того, отличается большой красотой и правильностью польскій языкъ этой брошюры.

А. С. Петрушевичъ написалъ такое множество научныхъ трудовъ, что давать характеристику каждаго изъ нихъ нѣтъ никакой возможности. Поэтому мы разсмотримъ научныя изслѣдованія Антонія Степановича по отдѣльнымъ группамъ, т.-е. по исторіи, археологіи и языковѣдѣнію.

Труды по исторіи.

По исторіи самымъ капитальнымъ трудомъ А. С. Петрушевича является его шеститомная „*Сводная галицко-русская лѣтопись*“.

I томъ съ 1600 по 1700 годъ (1874 г., стр. 700) посвященъ князю Константину Константиновичу Острожскому.

II томъ съ 1700 до конца августа 1772 года, часть I (1887 г., стр. 329) посвященъ „блаженной памяти святѣйшаго вселенскаго архіерея Венедикта XIV папы римскаго въ 1840—1858“.

III томъ съ 1772 до конца 1800 года, часть II (1889 г., стр. 434) посвященъ „блаженной памяти императрицы Маріи-Терезіи и вседостойнѣйшему сыну ея императору Іосифу II“.

IV томъ подъ заглавіемъ „Дополненія ко Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1600 по 1700 годъ, изданной во Львовѣ въ 1874 г.“ (1891 г., стр. 939) посвященъ „Вѣчной памяти молдавскому воеводичу, кіево-печерскому архимандриту, кіевскому и галицкому митрополиту Петру Могилѣ“.

V томъ подъ заглавіемъ „Дополненія ко Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1700 по 1772 г., изданной во Львовѣ въ 1887 г., часть I“ (1896 г., стр. 423) посвященъ „святой памяти Іосифу Шумлянскому, епископу Львовскому“.

VI томъ подъ заглавіемъ „Дополненія ко Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1700 по 1772 г., изданной во Львовѣ въ 1887 г. часть II“ (1897 г., стр. 519) посвященъ „блаженной памяти Михаилу барону отъ Нейстернъ Гарасевичу архипресвитеру Львовской митрополичьей капитулы гр. кат. обряда“.

Какъ видимъ, это—капитальный, шеститомный трудъ, содержащій около 3.500 страницъ, который могъ составить А. С. Петрушевичъ, благодаря полувѣковой неустанной работѣ. Все, что только касается исторіи южной Руси и смежныхъ съ ней земель можно найти въ „Сводной галицко-русской лѣтописи“. Остается только пожалѣть, что ко всему этому огромному труду не приложенъ алфавитный указатель личныхъ именъ и географическихъ названій, безъ чего затрудняется отысканіе необходимыхъ свѣдѣній.

Безпристрастную, строго научную оцѣнку трудовъ А. С. Петру-

шевича далъ по порученію Одесскаго „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ проф. И. А. Линниченко, который въ своей брошюрѣ „Антоній Стефановичъ Петрушевичъ“ (Одесса, 1901 г., стр. 13) пишетъ слѣдующее: „Изъ изданныхъ о. Петрушевичемъ матеріаловъ самымъ важнымъ трудомъ слѣдуетъ признать его „Галицко-русскую сводную лѣтопись“ обнимающую періодъ 1600—1800 г. Этотъ трудъ представляетъ собою сводъ всевозможныхъ извѣстій, замѣтокъ и т. д., касающихся южной Руси. Извѣстія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ. Авторъ сводитъ здѣсь выписки изъ печатнаго и рукописнаго матеріала. Сводъ этотъ представляетъ неоцѣненное пособіе для всѣхъ занимающихся исторіей южной Руси, и нужно сказать, что этотъ огромный трудъ могъ сдѣлать только нашъ почтенный ученый, съ его громадной начитанностью и знакомствомъ со всѣми галицко-русскими архивами“.

„Сводная галицко-русская лѣтопись“ (со своими дополненіями отъ 1600 до 1800 г.) это—только часть собраннаго А. С. Петрушевичемъ матеріала по исторіи южной Руси, такъ какъ онъ собралъ еще матеріалъ по русской исторіи до 1600 года, который остается пока въ рукописи въ „Музеѣ А. С. Петрушевича“ въ библіотекѣ „Народнаго Дома“ и ждетъ только обработки и средствъ къ изданію. Авторъ началъ издавать свою „Сводную галицко-русскую лѣтопись“ лишь съ XVII ст. потому, что Русь въ этотъ періодъ испытала самыя большія религіозныя и политическія гоненія, а также съ тою цѣлью, чтобы дать возможность подробнѣе изучить политику Польши по отношенію Руси. Такой же трудъ приготовилъ Антоній Степановичъ и по отношенію къ Молдавіи—„*Сводную молдаво-русскую лѣтопись*“, отъ времени учрежденія молдавскаго воеводства и до XVIII ст., какъ плодъ его научной историко-археологической экскурсіи по буковинскимъ и молдавскимъ православнымъ монастырямъ. Однако, сочиненіе это еще не издано. Взялъ его изъ „Музея А. С. Петрушевича“, съ согласія автора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Е. А. Козакъ, проф. Черновецкаго университета, который занимается надгробными и церковными надписями, чтобы пополнить свои изданія въ этомъ отношеніи, и до сихъ поръ труда еще не возвратилъ.

Антоній Степановичъ отводитъ въ этомъ трудѣ очень большое значеніе валашскому элементу въ дѣлѣ колонизаціи юго-восточной Галичины и Буковины до XIII—XIV ст. Особенно слѣды этого видитъ авторъ въ названіяхъ географическихъ мѣстностей, какъ напр.: Питричъ (возлѣ Галича) отъ молд. слова pietrice=камешекъ, Тисьменица =tesmenese=мутная вода. Болоховъ, Болеховъ, Болоховецъ, Болховъ, Болхуны и проч. относитъ А: С. Петрушевичъ также къ валашскому происхожденію. Упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ (Ипат. лѣт. подъ годомъ 1241) Болоховскихъ князей Антоній Степановичъ выводитъ въ своей статьѣ „Кто были Болоховскіе князья?“ изъ порѣчья южнаго Буга и доказываетъ ихъ происхожденіе отъ странствующихъ въ дунай-

скихъ странахъ Блаховъ (Влаховъ, Βλάχοι), Болоховъ или Волоховъ, которые во время княженія воинственнаго Романа Мстиславича, поддерживавшаго тѣсныя сношенія съ византійской имперіей, сильно поддались въ его княжествѣ вліянію печенѣжскаго элемента. По этому поводу авторъ изслѣдовалъ вопросъ о сношеніяхъ Руси съ Валахіей, причемъ Румынская Академія Наукъ въ Бухарестѣ избрала его своимъ почетнымъ членомъ „за благосклонное отношеніе къ румынской отечественной исторіи".

Труды по археологіи. Къ археологическимъ трудамъ А. С. Петрушевича принадлежатъ его разсужденія о начаткахъ городовъ Львова и Галича, въ которыхъ авторъ развиваетъ свой взглядъ на начало русской исторіи въ Галичинѣ вообще.

Въ 1881 году, благодаря стараніямъ д-ра И. И. Шараневича, навѣрное подъ вліяніемъ статьи А. С. Петрушевича („Историческое извѣстіе о церкви св. Пантелеймона близъ города Галича, теперь костелѣ св. Станислава оо. францисканов, яко древнѣйшемъ памятникѣ романскаго зодчества на Галицкой Руси съ первой половины XIII ст."), былъ откопанъ на поляхъ Луквы около Галича фундаментъ русской церкви, которая признана остаткомъ стариннаго русскаго Галича. Съ этого времени прошлое древняго Галича возбуждало живой интересъ ученыхъ, который еще болѣе возросъ, когда новыя раскопки дали важные результаты.

На основаніи этихъ изслѣдованій ученые старались представить прежній видъ и мѣстоположеніе стараго Галича. Первое мѣсто въ этихъ изслѣдованіяхъ принадлежитъ д-ру И. И. Шараневичу и А. С. Петрушевичу, однако, съ самаго уже начала изученія вопроса о томъ, гдѣ собственно лежалъ древній Галичъ, занявшихъ діаметрально-противоположныя точки зрѣнія. Д-ръ И. И. Шараневичъ доказывалъ, что Галичъ лежалъ раньше не тамъ, гдѣ теперь находится новый Галичъ, а нѣсколько западнѣе, именно, на высокомъ плоскогорьѣ между Днѣстромъ и впаденіемъ въ него Ломницы. А. С. Петрушевичъ, наоборотъ, защищалъ мысль, что нынѣшній Галичъ лежитъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, и вовсе не происходитъ отъ позднѣйшаго Казиміроваго (XIV ст.) времени. Въ подтвержденіе своего положенія Антоній Степановичъ предпринялъ цѣлый рядъ изслѣдованій какъ историческаго и археологическаго, такъ этнографическаго и лингвистическаго характера. Всѣ эти разсужденія о Галичѣ были позднѣе объединены общимъ заглавіемъ.

Свои изслѣдованія Антоній Степановичъ писалъ въ теченіе шести лѣтъ по мѣрѣ поступленія матеріаловъ и возбуждаемыхъ въ наукѣ вопросовъ. Поэтому въ нихъ нѣтъ той стройности, какую можно требовать отъ одного сочиненія, но это не мѣшаетъ имѣть имъ большую научную цѣнность. Основная мысль всего сочиненія слѣдующая. А. С. Петрушевичъ, въ противоположность Чоловскому, выводящему названіе Галича отъ галловъ, какъ ихъ селенія, и проф. А. Брикнеру,

утверждающему, что слово Галичъ обозначаетъ чернаго человѣка или чернаго сына,—доказываетъ происхожденіе этого слова отъ галичи, галки, нынѣшней кавки (птица), что и потверждаетъ гербъ, который имѣетъ галку на красномъ фонѣ галицкой земли. Галичъ имѣлъ у языческихъ славянъ символическое или миѳологическое значеніе и потому названіе „галича" повторяется во всѣхъ славянскихъ странахъ. Изъ южно-славянскихъ земель оно перенеслось позднѣе на сѣверъ, и для доказательства этого положенія авторъ приводитъ исторію переселенія славянъ съ юга на сѣверъ.

А. С. Петрушевичъ утверждаетъ, что днѣстровскій Галичъ—только продолженіе на новомъ мѣстѣ нынѣшняго Галаца (Galatz), древняго города тиверцевъ и угличей, которые, будучи вытѣснены мадьярами на западъ—основали надъ Днѣстромъ новый Галичъ, который съ возникновеніемъ новаго княжества сдѣлался уже съ 1124 (а не 1134 г., когда впервые о немъ упоминается) столичнымъ городомъ.

Авторъ проводитъ границу между червенскими и польскими городами, какою по его мнѣнію была рѣка Дунаецъ. При этомъ разъясняетъ онъ миѳы о польскомъ Кракѣ и Вандѣ, какъ олицетвореніи культа свѣта и воды, говоритъ о происхожденіи названій рѣкъ, мѣстностей и населенія Галичины, какъ, напримѣръ, гуцуловъ.

Конечно, не всѣ доводы Антонія Степановича одинаково убѣдительны, и нѣкоторые изъ нихъ послѣдующіе изслѣдователи можетъ быть не примутъ, но все-же трудъ А. С. Петрушевича является исходной точкой для всѣхъ, кто занимается исторіей города Галича — этой древней столицы Галицкой Руси.

Антоній Степановичъ принималъ дѣятельное участіе въ ученомъ спорѣ по вопросу о мѣстѣ смерти св. Меѳодія. Въ 1885 г. славянскій міръ чествовалъ 1000-лѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія. Чествованіе должно было происходить главнымъ образомъ въ Велеградѣ, который по изслѣдованіямъ чешскихъ ученыхъ Шафарика и Палацкаго, считали мѣстомъ погребенія св. Меѳодія.

Новѣйшіе же нѣмецкіе и русскіе ученые считали мѣсто смерти св. Меѳодія столицу славянскихъ королей Прибины и сына его Коцела—паннонскій городъ Мосбургъ. А. С. Петрушевичъ тоже принялъ эту точку зрѣнія, въ защиту которой выступилъ съ очень богатой литературой и разнообразными доводами, изложенными имъ въ статьѣ *„Гдѣ ѣкончался св. Меѳодій, просвѣтитель Словенъ?"*. („Слово", Львовъ, 1884 г. №№ 140—143 и 1885 г. №№ 1—8, 10—38). Къ этому вопросу Антоній Степановичъ вернулся еще въ 1901 году, когда журналъ „Славянскій Вѣкъ" поднялъ вопросъ о паломничествѣ въ Велеградъ на могилу св. Меѳодія. Въ своемъ письмѣ, въ редакцію А. С. Петрушевичъ говоритъ: „Я вычиталъ въ „Славянскомъ Вѣкѣ" 1901 н-ръ 25 статью озаглавленную *„Всеславянское паломничество въ Велеградъ"*. Такому начинанію совсѣмъ не противлюсь, но стою только за защиту исторической истины, будто бы св. Меѳодій, учитель Словенъ, скончался

въ Велеградѣ моравскомъ, несмотря на утвержденія въ этомъ отношеніи моравскаго архивиста Брандля, а за нимъ Б. Дудика. Я по этому предмету высказался въ моей статьѣ, напечатанной въ 1884 и 1885 годахъ въ львовскомъ „Словѣ", годъ XXIV, н-ра 140—143 и годъ XXV, н-ра 3—28 озаглавленной: „*Гдѣ скончался св. Меѳодій, просвѣтитель Словенъ?*" Мѣстопребываніемъ св. Меѳодія, архіепископа Паннонскаго, былъ древній городъ *Мосбургъ*, Urbs Paludarum, по словенски названъ *Каонъ или Каланъ* градъ, нынѣ *Салаваръ*, гдѣ рѣка Сала течетъ въ Блатное озеро. І. Коляръ открылъ тамже каменныя основанія церкви, гдѣ священнодѣйствовали словенскіе Апостолы и начерталъ планъ упомянутыхъ основаній. Въ тысячелѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія издано мою брошюру: „Краткое историческое извѣстіе о введеніи Христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена свв. Кирилла и Меѳодія тѣхже учениками и проповѣдниками". Львовъ, 1882, 8°, 76 страницъ. Правда, что предполагаемое паломничество не возможно нынѣ совершить въ память свв. Кирилла и Меѳодія въ городъ Салаваръ, то пусть оно изъ за вражды Мадьяровъ имѣетъ мѣсто въ Велеградѣ, но безъ утвержденія, что тамже скончался св. Меѳодій, чтобы не разминуться съ историческою истиною. Вотъ мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Намъ нужно бороться съ нашими врагами *истиною, а не обманомъ*".

На это письмо редакціей „Славянскаго Вѣка" дается А. С. Петрушевичу слѣдующій отвѣтъ:

„И мы воодушевлены желаніемъ строить все на истинѣ и избѣгать обмана. Порицая обманъ латинянъ, пріурочившихъ память Славянскихъ Первоучителей къ Новому Велеграду, мы не желаемъ итди по ихъ слѣдамъ. Оттого мнѣніе столь авторитетнаго историка, какъ А. С. Петрушевичъ, заставило насъ, пользуясь его указаніями, изучить литературу предмета, чтобы убѣдиться, которая сторона *ближе къ истинѣ*, ибо *подлинныхъ*, ясныхъ доказательствъ въ пользу своего утвержденія не можетъ привести ни одна, ни другая сторона. А. С. Будиловичъ въ своей „Замѣткѣ о празднованіи тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго и Паннонскаго („Варшавскій Дневникъ", 1884) говоритъ: „Сомнѣнія Добровскаго и Дудика относительно смерти св. Меѳодія въ Моравіи настолько опровергнуты изслѣдованіями славистовъ чешскихъ и русскихъ, что самъ Дудикъ, послѣ ожесточенной полемики съ Брандлемъ, въ новомъ чешскомъ изданіи своей „Моравской исторіи" совершенно отказался отъ прежняго своего мнѣнія о тождествѣ Велеграда съ паннонскимъ Мосбургомъ и присоединился къ взглядамъ Шафарика („Slovanske Starožitnosti" II, 493, 503, 504), Палацкаго („Dêjiny ćéske" I, 157), Вольнаго („Kirchliche Topographie", „Olmützer Erzdiöcese" II, 209), Г. Ирѣчка („Slovanske Pravo" I, 61), Брандля („Pamatky Archaeologicke" V, 520) Горскаго („Кир.-Меѳ. Сборникъ", 41), Лавровскаго („Кириллъ и Меѳодій" 450) къ мнѣнію о кончинѣ св. Меѳодія въ Моравскомъ Велеградѣ, лежавшемъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Угорскаго Градища („(Dêjiny Moravy" I, 123,

175). Вмѣсто того, чтобы заняться разборомъ приведенныхъ А. С. Будиловичемъ цитатъ, А. С. Петрушевичъ въ своей статьѣ: „Гдѣ скончался св. Меѳодій, просвѣтитель Словенъ?“ выходитъ изъ положенія Дудика въ первомъ изданіи „Моравской исторіи“, отъ котораго Дудикъ во второмъ изданіи самъ отказался, что не Велеградъ былъ столицей Моравско-паннонскаго царства Моймировичей, а городъ Каонъ, по-нѣмецки Мосбургъ, по-мадьярски Салаваръ, который онъ переименовываетъ въ „Каланъ-градъ“ отъ болотистаго мѣстоположенія. Выводовъ А. С. Будиловича почтенный историкъ даже ни разу ни цитируетъ. Относительно перемѣны мнѣнія Дудика, А. С. Петрушевичъ высказываетъ странное по отношенію къ историку подозрѣніе, что онъ измѣнилъ своему убѣжденію вслѣдствіе натиска соотечественниковъ. Въ концѣ А. С. Петрушевичъ говоритъ: „Въ упомянутыхъ сочиненіяхъ (чешскихъ ученыхъ) не доказано, чтобы въ X столѣтіи существовалъ Велеградъ, какъ столица Моравіи, чтобы св. Меѳодій скончался въ Велеградѣ и чтобы отсюда были изгнаны его ученики въ Болгарію“. Но такъ какъ чешскіе ученые основывали свои взгляды на легендѣ св. Вячеслава, сохранившейся въ спискѣ изъ XIV вѣка, гдѣ ясно говорится, что Меѳодій крестилъ чешскаго князя Боривоя въ Велеградѣ, и на хроникѣ Далимила тоже изъ XIV в., гдѣ тоже ясно объ этомъ говорится, то А. С. Петрушевичу пришлось опять прибѣгнуть къ догадкѣ, что это „сказаніе могло возникнуть во время Далимила, составленное имъ самимъ или другимъ писателемъ ex etymologia verbi Velegrad, т.-е. великій градъ, будто означающій столицу Моравіи, гдѣ долженъ былъ сидѣть св. Меѳодій, какъ архіепископъ Моравскій“. И ни слова больше въ защиту подобнаго страннаго мнѣнія о Далимилѣ. *Народныя преданія* на Моравіи о Кириллѣ и Меѳодіи А. С. Петрушевичъ объясняетъ появленіемъ въ свѣтъ *латинской* книги Стрѣдовскаго „Sacra Moraviae historia sive vita SS. Cyrilli et Methodii“, 1710. Въ концѣ своей статьи А. С. Петрушевичъ говоритъ: „Въ новѣйше время „Sbornik Velehradsky“ напрасно старается доказать, что Велеградъ былъ мѣстопребываніемъ св. Кирилла и Меѳодія“. И только, ни полслова въ опроверженіе доказательствъ ученыхъ, участвовавшихъ въ этомъ сборникѣ.

„Оставля оцѣнку аргументовъ почтеннаго историка болѣе компетентнымъ славянскимъ ученымъ, мы ограничимся только тѣмъ, что взвѣсимъ основы этихъ агрументовъ. Защитники Велеграда опираются, правда, только на древнія *легенды*, житіе св. Меѳодія, житіе Вячеслава и хронику Далимила, а А. С. Петрушевичъ, напротивъ, основывается на взглядахъ Дудика, отъ которыхъ тотъ самъ принужденъ былъ отказаться и не приводитъ ни одного вполнѣ яснаго историческаго свидѣтельства, что Меѳодій скончался въ другомъ мѣстѣ. Авторитетный славистъ академикъ И. В. Ягичъ, занимавшійся еще недавно вопросомъ о Кириллѣ и Меѳодіи для своего знаменитаго сочиненія „Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“, мнѣніе котораго по данному вопросу мы спрашивали, склоняется въ пользу тѣхъ уче-

ныхъ, которые утверждаютъ, что Меѳодій скончался въ Велеградѣ моравскомъ. Итакъ, вѣроятность правды на сторонѣ защитниковъ Велеграда. Притомъ же тутъ и vox populi, который, какъ говорятъ, vox Dei".

Такимъ образомъ, въ общеславянской научной полемикѣ Антоній Степановичъ принималъ всегда очень видное участіе.

Труды по языковѣдѣнію. Самымъ большимъ трудомъ Антонія Степановича, надъ которымъ онъ работалъ болѣе пятидесяти лѣтъ, нужно признать „*Этимологическій словарь всѣхъ славянскихъ языковъ съ сравненіемъ съ индоевропейскимъ и съ употребленіемъ собственныхъ, личныхъ и важнѣйшихъ географическихъ названій всѣхъ славянскихъ земель, какъ по печатнымъ, такъ и рукописнымъ источникамъ*". Этотъ „Словарь" поглотилъ почти все свободное время галицкаго ученаго и онъ сталъ излюбленнымъ его трудомъ. Доживъ до глубокой старости и потерявъ зрѣніе, Антоній Степановичъ не могъ дольше работать надъ „Словаремъ" и поэтому послалъ его въ даръ русской Академіи Наукъ, которой состоялъ почетнымъ членомъ.

Проф. А. Л. Петровъ (см. „Рукописные матеріалы о. А. Петрушевича". „Извѣстія Академіи Наукъ", 1910 г., № 7) сообщаетъ слѣдующее:

„Въ присланныхъ Отдѣленію Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о. Петрушевичемъ трехъ большихъ ящикахъ помѣщено было 47 меньшихъ ящиковъ, а также небольшое количество книгъ и брошюръ, преимущественно его же сочиненія. Кромѣ того, отъ него позднѣе былъ полученъ конвертъ съ нѣкоторыми дополненіями".

„Ящики одинаковой величины: длина—42 сант., ширина—24 сант., вышина—17 сант., съ задвижными крышками.

„На крышкахъ 3-хъ изъ нихъ сдѣланы о. Петрушевичемъ надписи: 1) „Матеріалы для малорусского (галицкого) нарѣчія", 2) „Словарь М. Петр. Historia naturalis. Малорусь. Geogr.", 3) „Словарь Михаила Петрушевича. Въ остальныхъ 44-хъ ящикахъ помѣщенъ „Словено-русскій корнесловъ" Петрушевича".

„Какое же содержаніе „Корнеслова"? Это—*ни* этимологическій словарь,—хотя иногда и занесены предполагаемые корни и подъ ними—производныя слова,—*ни* словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, *ни* словарь старо-церковно-славянскаго языка, *ни* историческій словарь русскаго языка, *ни* словарь современнаго общерусскаго или малорусскаго языка.

„Карточки заполнены разнообразнѣйшимъ матеріаломъ въ самомъ необработанномъ видѣ, безъ всякой системы и послѣдовательности. Иногда на карточкѣ (или на нѣсколькихъ) приведены формы одного и того же слова въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, иногда сдѣланы сближенія со словами родственныхъ языковъ, иногда сообщены разныя историческія свѣдѣнія, разныя выписки изъ письменныхъ памятниковъ, народныхъ именъ и т. п. На иныхъ карточкахъ стоитъ только одно

слово, часто—названія мѣстныя, имена лицъ (даже и не славянскія) почти безъ объясненія или съ очень краткимъ и самаго разнороднаго характера.

„Въ „Дополненіяхъ“ находятся, между прочимъ, такія связки карточекъ: крестныя имена, суффиксы, корни, явленія фонетическія, „игры при усопшихъ“, выписки изъ Bibl. Warsz. 1872 г. и т. п.

„Очевидно, о. Петрушевичъ во все время своей долголѣтней и неутомимой ученой дѣятельности заносилъ на карточки тѣ слова, которыя *по чему-либо* въ данное время его интересовали, и тѣ поясненія, которыя *по чему-либо* казались ему нужны. Отъ времени до времени онъ дѣлалъ на тѣхъ же карточкахъ дополненія или же помѣщалъ эти дополненія на новыя карточки.

„Отмѣтимъ еще нѣкоторые недостатки: 1) слова приведены иногда въ современной формѣ, иногда въ предполагаемомъ древнемъ видѣ; 2) очень рѣдко указано точно, *откуда* взято данное слово; 3) большая часть „Корнеслова“ основана, повидимому, не на рукописномъ, а *на печатномъ* матеріалѣ. Въ „Дополненіяхъ“ скорѣе можно разсчитывать найти первый.

„Какъ же можно все-таки использовать „Корнесловъ“? Намъ кажется, спеціалисты могли бы взять на себя трудъ, *пересмотрѣвъ весь „Корнесловъ“, выбрать* тѣ карточки, на которыя занесены слова и выраженія: 1) *живого малорусскаго языка, не попадающіяся въ другихъ записяхъ*, и 2) *взятыя изъ неизданныхъ или пропавшихъ рукописей.* Кромѣ того, карточки, содержащія разныя *неизвѣстныя историческія, этнографическія* и т. п. *данныя*, а также *удачныя этимологическія догадки.* Затѣмъ уже можно этотъ отобранный матеріала привести въ порядокъ и, если окажется нужнымъ, напечатать“.

Что же касается первыхъ трехъ ящиковъ, т.-е. не занятыхъ карточками „Корнеслова“, то проф. А. Л. Петровъ дѣлитъ весь находящійся въ нихъ матеріалъ на три разряда: 1) бумаги А. С. Петрушевича, 2) отрывки рукописей и старопечатныхъ книгъ и 3) рукописные матеріалы иныхъ лицъ.

О бумагахъ А. С. Петрушевича проф. А. Л. Петровъ говоритъ: „Судя по внѣшнему виду, по бумагѣ, по черниламъ—все это по бóльшей части, старый черновой матеріалъ, взятый, къ тому же, преимущественно изъ печатныхъ изданій“.

Относительно матеріаловъ иныхъ лицъ проф. А. Л. Петровъ замѣчаетъ: „По нашему мнѣнію, это—*самое интересное, что доставлено о. Петрушевичемъ.* Заслуга о. Петрушевича не только въ томъ, что матеріалы были имъ собраны и сохранены, но и въ томъ, что какъ видно изъ писемъ его корреспондентовъ, онъ побуждалъ мѣстныхъ дѣятелей записывать областныя слова, названія урочищъ, народныя пѣсни и т. п.“.

Лингвистика и лексикографія сдѣлались вообще любимымъ занятіемъ маститаго ученаго, и если, быть можетъ, строгая филологи-

ческая критика не всегда согласится съ его выводами и отрицательно отнесется къ нѣкоторымъ изъ его пріемовъ изслѣдованія, то все же нельзя не преклониться предъ обширностью собраннаго имъ матеріала по славянскому языкознанію.

„Образцомъ лингвистически-историческихъ изслѣдованій А. С. Петрушевича можетъ служить его изслѣдованіе о происхожденіи словъ жупа, жупанъ. Этой статьѣ самъ авторъ придаетъ большое значеніе, утверждая, что въ немъ онъ даетъ „заголовокъ для исторіи всего славянства“. Слово жупа онъ производитъ отъ одного корня со словомъ жечь (жупа сокращеніе изъ жегупа); такимъ образомъ оно „равнялось первоначально по своему этимологическому значенію нынѣшнему огнищу, очагу (Feuerheerd), на которомъ наши языческіе предки сожигали своихъ мертвецовъ“. Доказывая глубокую древность этого слова, авторъ приходитъ къ заключенію, что „основаніемъ общиннаго быта у славянъ язычниковъ, взявшаго свое начало изъ религіознаго вѣрованія ихъ, былъ способъ погребанія покойниковъ; жупа, т.-е. мѣсто общаго трупосожиганія, была тѣмъ средоточіемъ, около котораго поселялись всѣ члены, составлявшіе первую языческую общину, съ начальникомъ ея жупаномъ, который былъ не только духовнымъ, но и мірскимъ главою общины (жупы)“. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, язычники славяне управлялись теократическимъ началомъ. Въ упомянутой статьѣ авторъ не ограничивается однимъ опредѣленіемъ этимологическаго и историческаго значенія словъ жупа и жупанъ, но даетъ еще объясненіе цѣлой массы словъ, имѣющихъ отношеніе къ религіознымъ обрядамъ языческихъ славянъ. Любопытно между прочимъ его объясненіе загадочнаго слова панъ, какъ сокращенія изъ жу-панъ (какъ сударь изъ государь, господарь). Любопытно также объясненіе племенного названія сербъ, какъ почитателя солнца, производство названія Руси отъ глагола рысати (откуда наше—рысакъ)—Русичи, Русь= рыскатели, воинственная дружина, занятая постоянными походами“. (И. А. Линниченко, стр. 11—12).

Очень видную роль сыгралъ Антоній Степановичъ въ общеславянской полемикѣ о подлинности старочешскихъ письменныхъ памятниковъ. А. С. Петрушевичъ отрицалъ подлинность этихъ памятниковъ древнечешской литературы, о чемъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей во львовской газетѣ „Слово“ за 1878 г., которыя послѣ вышли отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ *„О подложныхъ старочешскихъ письменныхъ памятникахъ: судѣ Любуши, Евангельскомъ отрывкѣ св. Іоанна, Краледворской рукописи и подложныхъ чешскихъ глоссахъ въ пражской рукописи Mater verborum“* (Львовъ, 1878 г., 16°, стр. 208). На основаніи собственныхъ изслѣдованій и трудовъ нѣкоторыхъ чешскихъ ученыхъ, Антоній Степановичъ доказывалъ подложность этихъ памятниковъ еще тогда, когда почти всѣ чешскіе ученые и патріоты считали ихъ самымъ дорогимъ достояніемъ старочешской литературы. За это, конечно, чехи негодовали на галицкаго ученаго и

считали его даже врагомъ чешскаго народа. Однако, позднѣйшая наука доказала, что истина была не на сторонѣ чешскихъ изслѣдователей, а на сторонѣ А. С. Петрушевича.

Къ числу филологическихъ работъ А. С. Петрушевича относится также его изданіе (1886 г.) „Слово о полку Игоревѣ“, съ исправленіемъ и раздѣленіемъ текста. По мнѣнію автора, списокъ, въ которомъ дошло до насъ „Слово о полку Игоревѣ“, не позже начала XVI ст. и могъ быть сдѣланъ въ Литовской Руси для какого-нибудь русскаго вельможи. Рѣдкость списковъ этого литературнаго памятника Антоній Степановичъ приписываетъ его свѣтскому содержанію и языческому элементу, который занимаетъ въ немъ такое выдающееся мѣсто, почему „Слово“ не могло нравиться православному духовенству и быть-можетъ даже причислялось къ запрещеннымъ книгамъ, въ виду замѣченнаго въ немъ двоевѣрія. Но тѣмъ не менѣе оно было хорошо извѣстно въ древности, что доказываютъ заимствованія изъ „Слова“ отдѣльныхъ выраженій разными писателями XIV—XV столѣтій не только свѣтскими, но даже и духовными. Родиной автора „Слово о полку Игоревѣ“ А. С. Петрушевичъ считаетъ Галицкую землю, что, по его мнѣнію, доказывается его хорошимъ знакомствомъ съ исторіей и географіей этой земли; онъ могъ, по предположенію Антонія Степановича, прибыть въ Сѣверскую землю вмѣстѣ съ дочерью Ярослава Галицкаго, Евфросиніею, выданною за героя его пѣсни, сѣверскаго князья, Игоря. Одно изъ наиболѣе поэтическихъ мѣстъ „Слова“ относится именно къ этой княгинѣ, супругѣ Игоря (плачъ Ярославны); притомъ у пѣвца „Слова“ сильно замѣтны слѣды западно-русскаго образованія, которое было недоступно дружиннику юго-восточной Руси. „Слово“, по мнѣнію А. С. Петрушевича, было написано тотчасъ послѣ несчастнаго похода Игоря и возвращенія его изъ плѣна, ибо „судя по его замысловатому отрывистому составу и по нѣсколькимъ десяткамъ именъ князей, приводимыхъ въ немъ, трудно допустить, чтобы оно съ начала по памяти изъ устъ въ уста передавалось“. Антоній Степановичъ предполагаетъ, что сочинитель „Слова“ могъ писать его отдѣльными стихами для удобнѣйшаго чтенія и пѣнія, и поэтому въ своемъ изданіи А. С. Петрушевичъ разбиваетъ „Слово“ на стихи и исправляетъ крупнымъ шрифтомъ неясныя мѣста.

Какъ дополненіе къ своимъ работамъ надъ „Словомъ“, Антоній Степановичъ напечаталъ въ 1897 году свои разсужденія: *„Кто былъ вѣщій Баянъ, упоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ?“* и *„О названіи и происхожденіи пѣвца „Слово о полку Игоревѣ“*.

Итакъ, изъ обзора литературной дѣятельности А. С. Петрушевича видно, что большинство его ученыхъ трудовъ касается исторіи (преимущественно исторіи южно-русской церкви), археологіи, языкознанія и библіографіи. Кромѣ того, имъ издано множество историческихъ матеріаловъ, актовъ, лѣтописей, записокъ, матеріаловъ для исторіи всѣхъ южнорусскихъ епархій, базиліанскихъ монастырей южной Руси, составлены

списки всѣхъ русскихъ святителей и князей въ хронологическомъ порядкѣ, матеріалы для исторіи Аѳонскаго монастыря и его отношеній къ Руси, собрана масса народныхъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ, причитаній, и проч., которыя теперь въ Академіи Наукъ въ Петроградѣ, описано большинство старо-славянскихъ типографій и отпечатанныхъ въ нихъ книгъ и т. д. „Насколько цѣнны всѣ эти своды и матеріалы, видно изъ массы изслѣдованій о. Петрушевича по отдѣльнымъ вопросамъ. Масса неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ данныхъ изъ рукописнаго матеріала или рѣдкихъ печатныхъ изданій, помимо всегда любопытныхъ и оригинальныхъ соображеній автора, дѣлаютъ его работы весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку“. (И. А. Линниченко, стр. 14).

Характеристика научныхъ пріемовъ А. С. Петрушевича.

Кромѣ хорошихъ качествъ, у А. С. Петрушевича есть и нѣкоторые внѣшніе недостатки, которые ослабляютъ значеніе его трудовъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ его недостатковъ является отсутствіе стройности въ его изложеніи: масса матеріала, громадная начитанность, до извѣстной степени его подавляютъ. „Изложеніе изобилуетъ безчисленными цитатами, множествомъ эпизодовъ и уклоненій въ сторону. Вы ожидаете изслѣдованія по частному какому-либо историческому, археологическому и т. д. вопросу, а находите въ сущности исторію цѣлой эпохи, цѣлаго отдѣла науки. Авторъ точно боится, что не успѣетъ подѣлиться съ читателемъ всѣми своими знаніями, богатыми выводами по разнымъ вопросамъ и спѣшитъ изложить ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Особенно это нужно сказать относительно его лингвистически-историческихъ изслѣдованій. Обладая громаднымъ лингвистическимъ матеріаломъ и рѣдкой памятью, А. С. Петрушевичъ, изслѣдуя значеніе какого-нибудь отдѣльнаго слова (напр. въ статьяхъ о словѣ жупа, жупанъ, корочунъ-кракъ и т. д.) захватываетъ цѣлую область понятій, имѣющихъ сродство съ понятіемъ отдѣльнымъ, имъ изслѣдуемымъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ изданныхъ имъ трудовъ „Лингвистично-историческія разсужденія“, посвященномъ собственно изслѣдованію только трехъ словъ: жупа, корочунъ-кракъ и рокошъ, мы находимъ объясненіе болѣе 1.200 словъ“. (И. А. Линниченко, стр. 10).

Въ связи съ характеристикой научныхъ пріемовъ А. С. Петрушевича, необходимо также сказать и объ языкѣ его сочиненій. По этому поводу проф. И. А. Линниченко въ своей брошюрѣ (стр. 9—10) говоритъ слѣдующее: „Пишетъ онъ преимущественно по-русски; среди огромной массы его печатныхъ трудовъ (болѣе 100 отдѣльныхъ сочиненій и статей) едва можно насчитать 5—6, писанныхъ по-польски. Уже въ этомъ онъ характерно отличается отъ другихъ галицко-русскихъ ученыхъ, пишущимъ разомъ на 3—4 языкахъ (польскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ). А. С. Петрушевичъ держится того убѣжденія, что ученыя работы должны быть писаны на языкѣ литературномъ, а не мѣстномъ, и къ какому же иному языку можетъ обратиться русскій, какъ не къ своему литературному, въ образованіи котораго

участвовали едва-ли не всѣ наши мѣстныя нарѣчія? Если все славянство въ настоящее время готово принять въ качествѣ литературнаго языка языкъ русскій, наиболѣе обработанный и обладающій уже весьма цѣнной и богатой литературой, то неужели русскіе Галиціи, для которыхъ этотъ языкъ ближе всѣхъ, должны отъ него отказаться въ пользу иного языка или трудиться надъ созданіемъ новаго литературнаго языка изъ мѣстныхъ элементовъ? Послѣдняя работа крайне трудна и неблагодарна; трудность созданія литературнаго южнорусскаго языка еще увеличивается вслѣдствіе борьбы разныхъ партій, изъ которыхъ каждая предлагаетъ въ качествѣ литературнаго языка свое мѣстное нарѣчіе и каждая притомъ еще настаиваетъ на своемъ правописаніи.

„Правда языкъ о. Петрушевича не есть чистый русскій литературный языкъ, онъ напоминаетъ скорѣе тотъ языкъ, которымъ писали у насъ до Карамзина; въ немъ много словъ церковно-славянскихъ и встрѣчаются особенности и мѣстнаго нарѣчія; но съ одной стороны почтенному ученому, знакомому съ русскимъ литературнымъ языкомъ только по однѣмъ книгамъ, трудно было усвоить наше литературное нарѣчіе во всей его чистотѣ; нѣкоторыя особенности пришлось оставить еще потому, что австрійское правительство, подозрѣвающее постоянно галицкихъ русскихъ въ москалефильствѣ, несмотря даже на услуги, оказанныя ему Галиціей въ трудныя времена 1848 г., сочло бы появленіе въ галицко-русской печати чистаго русскаго литературнаго языка за государственную измѣну. Извѣстно, что „Русалка Днѣстровая“, небольшой сборникъ, со времени изданія котораго въ 1837 г. считаютъ литературное возрожденіе Галицкой Руси, была конфискована главнымъ образомъ только за то, что была напечатана русскимъ гражданскимъ шрифтомъ. Во всякомъ случаѣ языкъ о. Петрушевича гораздо ближе къ русскому литературному языку, чѣмъ тотъ языкъ, который галицко-русскіе писатели считаютъ малорусскимъ и который, однако, одинаково непонятенъ ни нашимъ малороссамъ, ни своимъ же галицкимъ“.

Избраніе членомъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ.

А. С. Петрушевичъ являлся въ 1848 году членомъ основателемъ „Головной Русской Рады“ и „Галицко-Русской Матицы“, а кромѣ того за свои научно-литературные труды былъ избранъ почетнымъ или дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Такъ, еще въ 1851 г. онъ получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена Ставропигійскаго Института; въ 1863 г. былъ избранъ членомъ совѣта „Народнаго Дома“ во Львовѣ; затѣмъ почетнымъ членомъ: въ 1869 г.—„Русской Бесѣды“ въ Черновцахъ, а въ 1872 г.—„Академическаго Кружка“ во Львовѣ; въ 1873 г. получилъ званіе кустоса митропольчьей капитулы; въ 1874 г. его избрала своимъ членомъ Краковская Академія Наукъ; въ 1875 г. получилъ званіе хранителя (консерватора) русскихъ письменныхъ историческихъ памятниковъ; затѣмъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ вѣнскія студенческія общества: въ 1875 г.—„Русская Основа“, и въ 1876 г.—„Союзъ“; въ 1881 г.

избранъ почетнымъ членомъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, а въ 1884 г. былъ избранъ докторомъ русской исторіи университетомъ св. Владиміра въ Кіевѣ; въ 1885 г.—почетнымъ членомъ русскаго студенческаго общества „Буковина“ въ Вѣнѣ; въ 1888 г. получилъ дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена отъ Одесскаго „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, въ 1890 г. избранъ почетнымъ членомъ Румынской Академіи Наукъ въ Бухарестѣ; въ 1892 г. избрало его своимъ почетнымъ членомъ „Общество имени Мих. Качковскаго“ во Львовѣ, въ 1894 г. избранъ почетнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества; въ 1901 г. избранъ почетнымъ членомъ Одесскаго „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ (дѣйствительнымъ членомъ котораго состоялъ еще съ 1888 г.); въ томъ же 1901 г. получилъ дипломъ на званіе почетнаго члена отъ Кіевскаго „Славянскаго Благотворительнаго Общества“; въ 1904 г. избранъ почетнымъ членамъ Московскаго „Славянскаго Вспомогательнаго Общества; въ 1904 г. получилъ дипломъ на званіе *почетнаго члена Академіи Наукъ въ Петроградѣ,* въ 1905 г. Центральная Комиссія искусства и историческихъ памятниковъ въ Вѣнѣ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Кромѣ того А. С. Петрушевичъ былъ избранъ членомъ Чешской Академіи Наукъ въ Прагѣ.

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій А. С. Петрушевича.

Примѣчаніе. А. С. Петрушевичъ имѣлъ слѣдующіе *криптонимы*: 1) **Ант. Петр.**; 2) **А. С. П.**; 3) **І. А. С. П. Н. М. У.** (т. е. Іерей Антоній Степановичъ Петрушевичъ Нотарій Митрополичьяго Уряда); 4) **А. изъ Д.**; 5) **А. изъ Добр.**; 6) **Антоній изъ Добрянъ**; 7) **А. П.** и *псевдонимы*: 1) **Галичаненько А.**; 2) **Галичанинъ**; 3) **А. Русолюбовичъ**; 4) **А. Галицкій.**

1847.

Радостная пѣснь Русина Галичанина въ день праздника св. Архистр. Михаила, а именинъ такожъ Его Превосходительства Преосвященнаго Архіепископа Митрополита Львовского, Галицкого и Епископа Каменецкого кvръ Михаила въ селѣ Уневѣ, дня 8 ноембрія лѣта Божого 1847. 4⁰, стр. 4.

1848.

Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości. Lwów, gród Rusi Austryackiej, 1848, 8⁰, стр. 56.

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1848) А. С. Петрушевичъ (безъ подписи) помѣстилъ два стихотворенія:

Братямъ Галичанамъ (№ 1) и

Плачъ руской матери надъ блуднымъ сыномъ (№ 11).

1849.

Въ журналѣ „Пчола" (Львовъ, 1849) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Польща, Русь и Ромыны (историческій очеркъ; №№ 1—2) и

Историческія извѣстія о древной Архимандріи чину св. Василія Великого въ селѣ Уневѣ, округа Золочевского (№№ 16—19).

Отвѣтъ клеветникамъ. Приложеніе къ № 14 журнала „Зоря Галицка", Львовъ, 1849, 4⁰, стр. 4.

Голосъ изъ Галича (за подписью Галичаненько А.; стихотвореніе). „Зоря Галицка", Львовъ, 1849, №№ 51 и 53.

1850.

Die Dąbczański'sch-ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. Львовъ, 1850, 8⁰, стр. 148.

1851.

Въ журналѣ „Зоря Галицкая" (Львовъ, 1851) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Словицкій женскій монастырь Чину св. Василія В. и его дѣвочое воспиталище. Краткое историческое извѣстіе по грамотамъ и актамъ того же монастыря (№№ 13—15);

О чудотворной иконѣ Пресв. Богородицы, находящейся въ костелѣ оо. Доминикановъ въ городѣ Львовѣ, и польской легендѣ ея (за подписью І[ерей] А[нтоній] С[тепановичъ] П[етрушевичъ] Н[отарій] М[итрополичьяго] У[ряда]; №№ 56 и 57);

Подробное описаніе помянника Крестовоздвиженской церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Львовѣ (№№ 67—72);

Краткая историческая роспись всѣмъ рускимъ церквамъ и монастырямъ, такъ уничтоженнымъ, какъ до сихъ поръ существующимъ въ престольномъ червоно-русскомъ городѣ Львовѣ (№№ 75—82 и 86. Эта статья была вновь перепечатана въ „Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ Галицкой-Русской Матицы", Львовь, 1853, стр. 3—48) и

Русская пѣснь воспѣтая Львовяниномъ въ радостное торжество славного прибытія Его Величества Францъ-Іосифа І въ столичный Австрійской Руси городъ Львовъ 16 Жолтня 1851 года (безъ подписи; стихотвореніе; № 82).

Въ „Вѣстникѣ" (Вѣна, 1851) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Достопочтенный Господине Редакторъ Вѣстника (письмо отъ имени митрополита Михаила Левицкаго къ издателю сочиненія Андрея Балудянскаго—„Исторія церковная Новаго Завѣта"; № 83. Это письмо А. С. Петрушевича было затѣмъ перепечатано въ журналѣ „Зоря Галицкая", Львовъ, 1851, № 61) и

Представляетъ ли открытый истуканъ, въ руслѣ рѣки Збруча въ восточной Галиціи, божка Святовича или Хорса? (№№ 106—111. Эта статья съ дополненіями и новымъ окончаніемъ была перепечатана въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1885, вып. I—III).

1852

О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ, съ приложеніемъ вида и плана нынѣшней Галицкой церкви Рождества Христова, какъ единственнаго памятника византійскаго стиля изъ XII вѣка въ Галицкой Руси. „Зоря Галицкая", Львовъ, 1852, №№ 78—80, 82, 84—90 и „Галицкій Историческій Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1853, стр. 51—147 и 1860, стр. 3—59.

Дерево родства въ восходящой и нисходящой линіяхъ. Львовъ, 1852, на открытомъ листѣ.

1853.

Въ журналѣ „Зоря Галицкая" (Львовъ, 1853) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

О начаткахъ перваго епископства въ галицко-русскомъ княжествѣ (№№ 6—11) и

Обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и церковныхъ происшествій въ Галицкомъ княжествѣ съ половины XII до конца XIII вѣка (начало статьи; №№ 12—19, 21, 24, 37—41).

1854.

Въ журналѣ „Зоря Галицкая“ (Львовъ, 1854) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и церковныхъ происшествій въ Галицкомъ княжествѣ съ половины XII до конца XIII вѣка (окончаніе статьи; №№ 2—9, 11—14) и

Каменныя развалины близъ села Урѣчья, Стрыйскаго округа, суть остатки древняго русскаго города Тустань (№ 10).

„Галицкій Историческій Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, выпускъ 2 (Львовъ, 1854) цѣликомъ занятъ слѣдующими статьями А. С. Петрушевича:

О галицкихъ епископахъ со временъ учрежденія Галицкой епархіи даже до конца XIII вѣка (стр. 3—81);

Пересмотръ грамотъ князю Льву приписываемыхъ (стр. 81—93);

Примѣчанія (стр. 94—187) и

Дополненія къ I и II выпускамъ (стр. 188—192).

1855.

Словене, ихъ древнія жилища и образованіе между ними первыхъ словенскихъ государствъ. „Семейная Библіотека“, Львовъ, 1855, стр. 1—10.

1856.

Въ „Церковной Газетѣ“ (Будапештъ, 1856) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

О русско-словенскихъ толковыхъ псалтыряхъ (№№ 8—10) и

Извѣстіе о древнемъ монастырѣ Вознесенія Господня, званномъ Зановъ, находящемся нѣкогда въ Мараморошской области въ Венгріи близъ города Сигота (за подписью Галичанинъ; № 12).

Въ „Семейной Библіотекѣ“ (Львовъ, 1856) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Царьградъ и Турки (стр. 49—51) и

Краткое извѣстіе о галицко-русскихъ епископахъ и митрополитахъ (стр. 129—131, 145—148 и 161—164).

1857.

Обозрѣніе древнѣйшихъ Евангельскихъ списковъ на старословенскомъ языкѣ. „Церковная Газета“, Будапештъ, 1857, №№ 2—5.

1858.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (Будапештъ, 1858) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Письмо къ Редактору «Церковнаго Вѣстника» о Перемышльской капитульной библіотекѣ. Новица въ Галиціи 18(30) августа 1858 (№ 7) и

Древняя икона нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа съ старословенскою надписью (находящаяся въ Ватиканской базиликѣ св. Петра въ Римѣ и извѣстная подъ именемъ иконы св. Вероники; № 9).

1860.

Въ сборникѣ „Зоря Галицкая яко альбумъ на годъ 1860“ (Изданіе Б. А. Дѣдицкаго. Львовъ, 1860) напечатаны слѣдующія сочиненія А. С. Петрушевича:

Историческое обозрѣніе митрополіи руской галицкой. Изъ просторонного, доселѣ не вполнѣ еще изданного, сочиненія Антонія Петрушевича. Сокращеніе. (Это сочиненіе появилось за подписью Михаила Малиновскаго, который его доставилъ въ сборникъ; стр. 182—195) и

Жизнь преподобнаго отца Іова, основателя Ставропигіальной Скитской обители Чину св. Василія, списана современникомъ іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова (стр. 225—251).

1861.

Корреспонденція изъ Новицы (за подписью **А. П.**). „Слово“, Львовъ, 1861, № 29.

1862.

Уставная таможенная грамота Берладского князя Ивана Ростиславича съ 1134 года. „Слово“, Львовъ, 1862, № 86.

Въ изданіи „Галичанинъ, литературный сборникъ“, кн. I, вып. 1 (Львовъ, 1862) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Іосифъ Шумлянскій, первый Львовскій уніятскій Епископъ (стр. 117—124);

Историческій очеркъ о состояніи польского народа (стр. 124—134) и

Акта, относящіяся до затвержденія Капитулы Епископского Собора во Львовѣ (стр. 134—149).

1863.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1864 годъ (Львовъ, 1863) А. С. Петрушевичъ (безъ подписи) помѣстилъ:

О началѣ Львовской городской Церкви Успенія Пресвятой Богородицы и судьбахъ ея даже до нашихъ временъ (съ иллюстраціей; стр. 69—74);

О братствѣ Ставропигіяльной Церкви и судьбахъ его (стр. 74—77) и

О цѣли и средствахъ Ставропигіяльного Института (стр. 77—80).

Въ изданіи „Галичанинъ, литературный сборникъ“, кн. I, вып. 3—4 (Львовъ, 1863) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Историческое извѣстіе о древней Почаевской Обители Чину Св. Василія Великого и типографіи ея, съ росписью въ той печатаннымъ книгамъ (стр. 158—181) и

Приключеніе зъ 1771 года, розсказалъ одинъ Брустурскій газда, яко современный житель, Преп. Отцу Приходнику, который тое въ записцѣ держалъ (стр. 229—232).

1864.

Во „Временникѣ" Ставропигійскаго Института на 1865 годъ (Львовъ, 1864) А. С. Петрушевичъ (безъ подписи) помѣстилъ:

О объемѣ дѣятельности Ставропигійского Института (стр. 87—95) и

Замѣчанія касательно нового устройства отношеній Ставропигійского Института (стр. 95—105).

1865.

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы", выпуски 1—4 (Львовъ, 1865) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Разсужденіе о важности историческихъ записокъ и надписей, яко источницѣ для нашей исторіи (стр. 1—8);

Было-ли два Галичи, княжескіи города, одинъ въ Угорско-словацкой области, а другій по сю сторону Карпатъ надъ Днѣстромъ, или нѣтъ? (стр. 24—49);

Антоній Мальчевскій и Русь (стр. 114—119);

О Паннонскихъ Ругахъ или Псевдоруссахъ (стр. 120—134 и 170—180) и

О древнѣйшихъ иконахъ съ кирилическими надписями, находящихся въ Римѣ (съ двумя таблицами снимковъ; стр. 270—282 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 15).

Общерусскій дневникъ церковныхъ, народныхъ, семейныхъ праздниковъ и хозяйственныхъ занятій, примѣтъ и гаданій. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1866 годъ, Львовъ, 1865, стр. 67—156 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 104.

1866.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1866) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Бесѣда произнесена на XXII засѣданью сойма краевого (№№ 3—4. Эта рѣчь была также напечатана въ „Отечественномъ Сборникѣ", Вѣна, 1866, №№ 3—4) и

Отвѣтъ моему безъименному критику въ «Познанскомъ Дневницѣ» по дѣлу вторичного крещенія Владислава Ягайла (№№ 10—12, 15 и 20).

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы" (Львовъ, 1866) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

О Микоринскихъ надгробныхъ камняхъ съ руническо-словенскими надписями (съ двумя снимками; стр. 57—65 и 155—156 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 11) и

Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея, со временъ введенія христіанства до 1863 года (начало статьи; стр. 159—298).

1868.

Патріаршія грамоты, изданы въ пользу Львовскаго Ставропигіального Братства. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1869 годъ, Львовъ, 1868, стр. 113—140.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1868) напечатаны двѣ сеймовыя рѣчи А. С. Петрушевича:

Рѣчь въ краевомъ соймѣ объ урядовомъ языцѣ въ судахъ и администраціи (№ 69) и

Рѣчь при генеральной дебатѣ о языцѣ преподовательномъ на Львовскомъ и Краковскомъ университетахъ (№ 70).

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1868) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Краткое извѣстіе о Холмской епархіи и святителяхъ ея со временъ введенія христіанства до 1866 года (окончаніе статьи; стр. 1—109. Это сочиненіе, напечатанное въ „Науковомъ Сборникѣ“ за 1866—1867 гг., вышло также и отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ „*Холмская епархія и святители ея по 1866 годъ*“, Львовъ, 1867, 8°, стр. 1+249, а кромѣ того было перепечатано въ сокращенномъ видѣ въ „Холмскомъ греко-уніатскомъ Мѣсяцесловѣ на 1871 годъ“, Варшава, 1871, стр. 25—59);

Львовская лѣтопись (стр. 255—291 и отдѣльный оттискъ въ 8°);

Краткій списокъ геммановъ козацкихъ, бывшихъ до Богдана Хмельницкого (стр. 292—294) и

Акты относящіеся къ исторіи южно-западной Руси (стр. 365—378).

1869.

Въ „Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1869) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ:

Народная пѣснь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ, бывшемъ потомъ Галицкомъ князѣ (стр. 1—15) и

Акты относящіеся къ исторіи южно-западной Руси (стр. 70—159, 289—352 и отдѣльное изданіе, Львовъ, 1868, 8°, стр. 192).

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1870 годъ (Львовъ, 1869) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія грамоты:

Уставъ Братства свято-Онуфріевскаго (стр. 129—146);

Іеремія константинопольскій патріархъ затверждаетъ уставъ церковнаго братства въ городѣ Красноставѣ (стр. 146—147);

Мелетій митрополитъ и ексарха всей Азіи, изъ порученія Цареградскаго патріарха Парѳенія, затверждаетъ уставъ церковного братства въ городѣ Новомъ Самборѣ 1644 года, Апрѣля 14 (стр. 147—148);

Аѳанасій Шептицкій, епископъ Львовскій, Галицкій и Каменца Подольского, извѣщая о притѣсненіяхъ русского духовенства мірскими людьми и властями, подвергающими тоеже ко платѣ разныхъ датковъ и поношеній восковыхъ тягаровъ, за что допускающихся таковаго безчинія предаетъ церковной клятвѣ 1716 года, 21 августа (стр. 149—151) и

Жалованная грамота Аѳанасія Шептицкого, Львовского епископа для Серафиміи Зѣнковской на игуменью Словѣтского монастыря, 1721 года, Августа 22 (стр. 151—152).

Поселство до Папежа Римскаго Сикста четвертаго, отъ духовенства и княжатъ и пановъ рускихъ з Вильна, року 1476, мѣсяца марта, 14 дня.

„Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1869, стр. 223—260.

Szczerbiec i złota brama Kijowska. „Słowianin“, Львовъ, 1869, №№ 7 и 8.

1870.

Радовецко-Черновецкая епископія и святители ея. „Буковинская Зоря“, Черновцы, 1870, №№ 7, 10, 12—16.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1870) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Историческое дѣло К. Стадницкого о сынахъ князя Гедимина (за подписью **А. П.**; корреспонденція изъ Новаго Свѣта; № 7) и

О потребѣ новаго изданія сочиненія Дениса Зубрицкаго «Kronika miasta Lwowa» (корреспонденція изъ Львова; № 13).

Посланія Львовскаго Ставропигіальнаго Братства. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1871 годъ, Львовъ, 1870, стр. 129—152.

1871.

Волынско-Галицкая лѣтопись, составленная съ концемъ XIII вѣка (1205—1292). „Слово“, Львовъ, 1871, №№ 50—53 и „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1871, стр. 1—96 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 96.

1872.

Филиппъ Орликъ, послѣдній польскій гетманъ западной Украины 1709—1742 г. Львовъ, 1872, 8⁰, стр. 27.

Въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1872) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ три статьи:

Путникъ о градѣ Іерусалимѣ, составленъ неизвѣстнымъ галицко-русскимъ паломникомъ между 1597—1607 (стр. 99—124 и отдѣльное изданіе, Львовъ, 1872, 8⁰, стр. 28);

Волынско-галицкая лѣтопись, составленная съ концемъ XIII вѣка (приложеніе, стр. 97—146 и отдѣльное изданіе, Львовъ, 1872, 8⁰, стр. 97—146+2) и

Письмо Филиппа Орлика, гетмана приднѣпровскихъ козаковъ, къ генер. ассистенту езуитовъ въ дѣлѣ своего введенія снова въ гетманство, за что онъ одолжается обратити Украину къ римскому католицизму и подданству Польщѣ (стр. 158—182).

1873.

Акта относящіися къ возобновленію сгорѣвшей Ставропигіальной Успенской церкви съ больницею, страннопріемнымъ домомъ, школою и типографіею (за подписью **А. С. П.**). „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1874 годъ, Львовъ, 1873, стр. 113—128.

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1873) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ **«Отвѣты и вопросы»**, содержаніе которыхъ слѣдующее:

Письмо I (№ 1);

О воспитаніи чадъ въ Львовѣ въ друкарни Братской 1609 г. (№№ 8 и 9);

Переписка Іоанна Запольского Угорского короля съ протомъ Аѳонскихъ монастырей Гавріиломъ съ 1534 г. (№ 21);

Януша, краля Угорского, посланіе второе чрезъ своего Логофета къ проту святыя горы Аѳонскія и ко всему собору ихъ (№№ 21—23) и **Зельманщина** (№ 42).

1874.

Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ. „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы" (за 1872 и 1873 гг.), Львовъ, 1874, стр. 1—700 и отдѣльно въ 8⁰, стр. 700.

1875.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1875) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Казнь молдавского господаря Ивана Подковы во Львовѣ 1578 (за подписью А. Русолюбовичъ; № 79 и отдѣльный оттискъ въ 16⁰) и

Францискъ Скорина, издатель русской Вивліи въ Празѣ чешской въ 1517, 1518 и 1519 годахъ (безъ подписи; № 130).

О кіевскихъ и московскихъ митрополитахъ. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1876 годъ, Львовъ, 1875, стр. 173—186.

1876.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1876) А. С. Петрушевичъ (безъ подписи) помѣстилъ три статьи:

Кіево-польская земля и Polska (№№ 3, 4, 32, 33, 38 и 53);

Корочунъ-Кракъ (№№ 67—69, 71—73 и отдѣльно въ 16⁰,стр. 40) и

Введеніе христіанства въ Великопольшѣ (№ 123).

1877.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1877) А. С. Петрушевичъ (безъ подписи) помѣстилъ три статьи:

Бронзовыи памятники египетского культа Озириса и Изиды въ Галицкой Подоліи (№ 82 и отдѣльно въ 16⁰, стр. 8);

Письмо турецкого султана Амурата IV къ польскому королю Владиславу IV (№№ 83 и 84) и

Кто были Болоховскіи князья? (№№ 94 и 95 и отдѣльно въ 16⁰, стр. 16).

Акты относящіеся къ исторіи южно-западной Руси (безъ подписи). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1878 годъ, Львовъ, 1877, стр. 127, 131—133 и 135 и отдѣльно въ 8⁰, стр. 10.

1878.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1878) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

О подложной Зеленогорской чешской рукописи, т.-е. Судѣ Любуши, и о поддѣльныхъ чешскихъ глоссахъ въ Пражской рукописи Mater Verborum (безъ подписи; №№ 15, 16, 18, 19, 22, 23, 27, 28, 33—35, 37—39, 42, 43, 47—50, 52—55, 57, 63—70, 73, 75—78, 80, 103 и 104 и отдѣльно въ 16°, стр. 208) и

Михалково-Днѣстрянскій кладъ (за подписью **А. С. П.**; №№ 93, 94 и 98).

Царьградъ и Турки (за подписью **А. С. П.**). „Весна", Коломыя, 1878, № 1.

1879.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1879) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ три статьи:

О старочешскихъ подложныхъ письменныхъ памятникахъ (за подписями: 1) А. изъ Добр. и 2) Антоній изъ Добрянъ; №№ 66, 67, 74, 75, 78, 81, 83, 85—89, 96—100, 102—104, 106, 107, 109, 110, 113—115);

Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница, Л. В. Березина (за подписью А. изъ Д.; критическій отзывъ объ этомъ изданіи; № 117) и

Любушинъ Судъ и Краледворская рукопись и оспорщики подлинности ихъ (безъ подписи; № 131).

Акты относящіеся къ исторіи Львовского братства Ставропигіального. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1880 годъ, Львовъ, 1879, стр. 137, 143 и 145 и отдѣльно въ 8°, стр. 12.

1880.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1880) А. С. Петрушевичъ (за подписью **А. С. П.**) помѣстилъ двѣ статьи:

Уступительная запись Іоанна Гневоша изъ Олексова на села Козловъ, Бубновъ и Заячичи для Марка Собеского, издана въ Варшавѣ 20 марта 1589 г. (№ 62) и

Столѣтняя годовщина рожденія Варѳоломея Копитара (№ 102).

Письма Молдавского Господаря Александра къ русскимъ гражданамъ во Львовѣ, занимающимся созданіемъ городской Успенской церкви, съ 1558—1566 года. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1881 годъ, Львовъ, 1880, стр. 149.

1881.

Историческое извѣстіе о церкви св. Пантелеймона близъ города Галича, теперь костелѣ св. Станислава оо. Францисканов, яко древнѣйшемъ памятникѣ романскаго зодчества на Галицкой Руси съ первой половины XIII столѣтія. Львовъ, 1881, 8°, стр. 118+1+2 таблицы.

Судьба русской перкви и народности за временъ польского владѣнія на Галицкой Руси и съ временъ занятія Галиціи Австріею. „Родимый Листокъ", Черновцы, 1881, №№ 14—22.

Продолженіе письмъ Молдавскихъ Господарей, писанныхъ къ Львовскому Ставропигійскому братству при церквѣ Успенія пресв. Богородицы, занимающомуся вторично постройкою сей церкви, послѣ пожара тойже въ 1571 году. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1882 годъ, Львовъ, 1881, стр. 149.

1882.

Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ Предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія, тихже учениками и проповѣдниками. Изданіе „Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1882, 8⁰, стр. 2+76.

Краткое историческое извѣстіе о времени введенія христіанства на Галичской Руси, особенноже объ учрежденіи святительскихъ столицъ въ Галичѣ и Львовѣ, и о святителяхъ сидѣвшихъ на упомянутыхъ столицахъ. Изданіе „Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1882, 8⁰, стр. 2+15.

Письма къ Львовскому Ставропигійскому братству (главнымъ образомъ—молдавскихъ господарей XVII в.). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1883 годъ, Львовъ, 1882, стр. 147, 157, 163—166, 169—171, 174 и 175.

Въ журналѣ „Przegląd archeologiczny" (Львовъ, 1882) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Wiadomość o Diaryuszu, czyli dzienniku ks. Porfirego Ważyńskiego, biskupa Chełmskiego, od roku 1780 do 1804 dnia 4 Lutego napisanego (стр. 24—43);

Materyały historyczne (грамоты съ комментаріями А. С. Петрушевича; стр. 72, 74, 77, 80, 84 и 90);

O znaczeniu i pochodzeniu słowa «rokosz» (стр. 94—102) и

Familie litewskie (стр. 114—115).

1883.

Археологическія находки близъ города Галича. „Вѣстникъ Народнаго Дома", Львовъ, 1883, №№ 1—13.

О началѣ книгопечатанія на Руси вообще, а въ городѣ Львовѣ въ особенности. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1884 годъ, Львовъ, 1883, стр. 113. (Это же сочиненіе, подъ заглавіемъ „*Иванъ Ѳедоровъ, Русскій Первопечатникъ*", вышло и отдѣльнымъ изданіемъ, Львовъ, 1883, 8⁰, стр. 38).

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1883) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Послѣдніи двѣ живущіи женщины изъ рода Собѣскихъ (за подписью **А. С. П.**; № 99) и

Eine wiedererstandene Fürstenstadt (т.-е. Галичъ; за подписью Галичанинъ; №№ 94—108, 110, 111, 113—118, 120—124, 126, 129—143).

Початки христіянства пôсля греч. обряду въ Чехахъ, въ Польщи и въ Галичинѣ (безъ подписи). „Зоря", Львовъ, 1883, №№ 7—9.

Въ журналѣ „Przegląd archeologiczny" (Львовъ, 1883) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Wiadomość o Diariuszu, czyli dzienniku ks. Porfirego Ważyńskiego, biskupa Chełmskiego, od roku 1780 do 1804 dnia 4 Lutego napisanego (выпускъ II, стр. 43—72; выпускъ III, стр. 38—50);

Urzędowa Wizija Cezkwi i Monasteru Ś. Jerzego Męczennika we Lwowie... przedsięwzięta ze strony Magistratu miasta Lwowa dnia 12 Lipca 1765 roku (выпускъ II, стр. 128);

Król Stanisław August, w Warszawie dnia 6-go Lutego 1792 roku (выпускъ II, стр. 134);

List Filipa Orlika, hetmana Kozaków do generalnego assystenta oo. Jezuitów w Rzymie, pisany z Tesaloniki 5 Sierpnia 1727 roku (выпускъ III, стр. 115);

Książeczka do modlenia Teresy, córki Krzysztofa Opalińskiego, wojewody Poznańskiego, zmarłego w r. 1655 (выпускъ III, стр. 124) и

Żródła do słowiańskiej ornamentyki (выпускъ III, стр. 128).

1884.

Хронологическая роспись церковныхъ и мірскихъ русско-словенскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами въ городѣ Львовѣ, начиная съ 1574 до 1800 года. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1885 годъ, Львовъ, 1884, стр. 113 и отдѣльно въ 8⁰, стр. 24.

Гдѣ скончался св. Меѳодій, просвѣтитель Словенъ (безъ подписи). „Слово“, Львовъ, 1884, №№ 140—143.

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“ (Львовъ, 1884) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ два сочиненія:

Археологическія находки близъ города Галича (№№ 14—18) и

О городѣ Галичѣ за Луквою (№№ 18—25).

1885.

Въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1885) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ два сочиненія:

О каменномъ истуканѣ Хорса-Даждьбога, открытомъ въ руслѣ рѣки Збруча въ 1848 г. (стр. 1—7 и 73—111) и

Бывшая Радовецкая епископія на Буковинѣ (стр. 175—187).

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“ (Львовъ, 1885) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ три сочиненія:

О городѣ Галичѣ за Луквою (№№ 26—37);

Короткое описаніе старинныхъ предметовъ открытыхъ на залуковскихъ поляхъ близъ города Галича (за подписью **А. С. П.**; № 34. Это сочиненіе появилось также въ газетѣ „Слово“, Львовъ, 1885, № 102) и

Поганское кладбище въ Лятачѣ (за подписью **А. С. П.**; № 36. Это сочиненіе появилось также въ газетѣ „Слово“, Львовъ, 1885, № 131).

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1885) А. С. Петрушевичъ (безъ подписи) помѣстилъ двѣ статьи:

Гдѣ скончался св. Меѳодій, просвѣтитель Словенъ (№№ 1—8, 10—38) и

Звенигородъ (№№ 134 и 135).

Белзъ. „Прикарпатская Русь“ (ежемѣсячное приложеніе въ газетѣ „Слово“), Львовъ, 1885, № 3.

1886.

Въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы“ (Львовъ, 1886) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ три сочиненія:

Слово о полку Игоревѣ, древне-русское эпическое стихотвореніе изъ конца XII столѣтія. Изданіе текста исправленного и роздѣленного по стихамъ вмѣстѣ съ поясненіями А. С. Петрушевича (вып. I, стр. 1—32, вып. II, стр. 129—164 и отдѣльно въ 8⁰, стр. 74);

Близшое извѣстіе о времени и мѣстности открытія каменного истукана Святовита въ рѣцѣ Збручѣ 1848 года, написанное г. Казиміромъ Бенковскимъ, открывшимъ тотже истуканъ. Вѣрный переводъ изъ польского подлинника (вып. I, стр. 31—35) и

Историческая Пѣснь Карпаторуссовъ изъ 1683 года (вып. II, стр. 190—198).

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома" (Львовъ, 1886) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ два сочиненія:

Извѣстіе о древнѣйшемъ греческомъ письменномъ памятникѣ изъ IV или III столѣтія предъ Рожд. Христовымъ, находящемся въ монастырской церкви въ Драгомирнѣ близъ города Сучавы (№№ 38—39) и

О городѣ Галичѣ за Луквою (безъ подписи; №№ 38—49).

Историческое извѣстіе о времени введенія христіанства на Галицкой Руси. Historica expositio de auctoritate, juribus et praerogativis Metropolitani in Hierarchia Ecclesiae graeco-ruthenae ab ejusdem origine usque ad nostra tempora succincte concinnata. (Эта статья, написанная еще въ мартѣ 1851 года, была напечатана на латинскомъ и русскомъ языкахъ въ изданіяхъ: „Шематизмъ Всечестного клира Епископской Діецезіи греко-католической Станиславовской на рокъ 1886", Львовъ, 1886, стр. I—XXXII; „Шематизмъ Всечестного клира Митрополитальной Архидіецезіи греко-католической Львовской на рокъ 1886", Львовъ, 1886, стр. I—XVIII, 1—16 и только по латыни въ изданіи „Schematismus universi venerabilis cleri archidioeceseos metropolitanae graeco-catholicae Leopoliensis et dioeceseos Stanislaopoliensis", Львовъ, 1885, стр. 3—20).

Плащениця. „Выстава археологична польско-руска устроена во Львовѣ въ року 1885", Львовъ, 1886.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1886) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Слово о полку Игоревѣ (№№ 85—90) и

Мое изданіе «Слова о полку Игоревѣ», плагіатъ и моя оборона №№ 98—105).

1887.

Въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы" (Львовъ, 1887) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ сочиненія:

Лингвистическо-историческія изслѣдованія (Этимъ статьямъ предшествуетъ краткое предисловіе редакціи „Сборника" подъ заглавіемъ: „Въ 40-лѣтіе литературной дѣятельности А. С. Петрушевича (1847—1887)"; кромѣ того приложенъ портретъ автора-юбиляра; стр. 1—121 и отдѣльно) и

Первое большое литературное разсужденіе А. С. Петрушевича съ 1843 г. до сихъ поръ печатью неизданное: De versione slovenica sacrae Scripturae (стр. 144—228 и отдѣльно, Львовъ, 1888, 8⁰, стр. 87+1).

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома" (Львовъ, 1887) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

О городѣ Галичѣ за Луквою (№№ 50—59);

О мнимой старинной картѣ «Царствъ Галицкаго и Владимірскаго» (№№ 53—55) и

О предградіи Галича за рѣкою Днѣстромъ (№№ 59—61).

Сводная галичско-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 г. Часть I. Львовъ, 1887, 8⁰, стр. XV+329.

Новолѣтка на рôкъ 1848 (стихотвореніе). „Бесѣда", Львовъ, 1887, № 5.

1888.

Каталогъ церковно-словенскихъ рукописей и старопечатанныхъ книгъ кирилловского письма, находящихся на археологическо-библіографической выставцѣ въ Ставропигійскомъ Заведеніи. Изданіе Ставропигійскаго Института, Львовъ, 1888, 8⁰, стр. 45.

Критико-историческія разсужденія о надднѣстрянскомъ городѣ Галичѣ и его достопамятностяхъ. Изданіе „Народнаго Дома", Львовъ, 1888, 8⁰, стр. 1+1+2+619+1+48.

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома" (Львовъ, 1888) А, С. Петрушевичъ помѣстилъ три сочиненія:

О предградіи Галича за рѣкою Днѣстромъ (№№ 62—67);

О собственноручныхъ рукописяхъ свящ. Григорія Петрушевича (№ 63) и

Дополненія, исправки и опечатки въ статьи: Археологическіи находки близъ города Галича (№№ 69 и 70).

1889.

Вопросы и отвѣты: O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu, skreślił Dr. F. Piekosiński. „Новый Галичанинъ", Львовъ, 1889, №№ 21—24.

О начаткахъ города Львова. Приложеніе къ №№ 74—85 „Вѣстника Народнаго Дома", Львовъ, 1889.

Сводная галичско-русская лѣтопись съ 1772 до конца 1800 г. Часть II. „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1889 и отдѣльно въ 8⁰, стр. VII+434+2.

Szczerbiec i złota brama Kijowska. (Сочиненіе А. С. Петрушевича, переведенное на русскій языкъ М. М. Клемертовичемъ). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1890 годъ, Львовъ, 1889, стр. 164—170.

1890.

Въ Приложеніи къ „Вѣстнику Народнаго Дома" (Львовъ, 1890) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Катихизисъ, напечатанъ въ городѣ Тернавѣ, на Словаччинѣ, въ Пресбургскомъ комитатѣ 1698 года, неизвѣстный русскимъ библіографамъ за подписью **А. С. П.**; стр. 1—4);

Букварь, напечатанный Спиридономъ Соболею въ Кутейнѣ, 1631 г. (безъ подписи; стр. 5—6);

Кѣмъ, для чего и якимъ способомъ созванъ былъ Берестейскій церковный соборъ въ 1596 году, въ польской Рѣчи Посполитой, за короля Сигисмунда III (безъ подписи; стр. 7—44) и

О начаткахъ города Львова (безъ подписи; стр. 45—86).

1891.

Дополненія ко Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1600 по 1700 годъ, изданной во Львовѣ 1874 г. Львовъ, 1891, 8°, стр. 4+III+939.

Кроника русская Межигорская. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1892 годъ, Львовъ, 1891, стр. 178.

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“ (Львовъ, 1891) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Галицко-Русская Матица и ея «Литературный Сборникъ» за 1889 и 1890 г. (№№ 103—104);

Къ исторіи Святогеоргіевскаго храма во Львовѣ (извлечено изъ „Сводной галичско-русской лѣтописи“; № 105) и

Изъ «Дополненій къ Сводной галицко-русской лѣтописи» (№№ 106—108).

Въ „Новомъ Галичанинѣ“ (Львовъ, 1891) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ два сочиненія:

Старина каменной эпохи (съ изображеніями; № 1) и

Жорна каменной эпохи (съ изображеніями; №№ 12—14).

1892.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1893 годъ (Львовъ, 1892) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Журба молодого козака (старо-козацкая пѣсня; сообщилъ А. С. Петрушевичъ; стр. 143);

О русскомъ родѣ Ледоховскихъ или Ледуховскихъ, дворянъ въ Волынской землѣ (стр. 144; это сочиненіе напечатано также въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“, Львовъ, 1892, № 115) и

Дума о гетманѣ войскъ запорожскихъ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ (стр. 176).

Словенская старина: I. Букварь словенскаго языка изъ 1815 г. (Николая Щавинскаго; за подписью **А. С. П.**). „Вѣстникъ Народнаго Дома“, Львовъ, 1892, № 113.

Modlitewnik córki Krzysztofa Opalińskiego, Wojewody Poznańskiego, żony Stefana Niemierzyca, Wojewody Kijowskiego, z końca XVII wieku. „Teka konserwatorska. Rocznik Koła c. k. konserwatorów starożytnych pomników Galicyi wschodniej“, Львовъ, 1892, стр. 61—64.

1893.

О происхожденіи и значеніи слова человѣкъ. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1894 годъ, Львовъ, 1893, стр. 157—164 **и** отдѣльный оттискъ въ 8⁰, стр. 12.

Лингвистическо-историческія изслѣдованія о начаткахъ города Львова и окрестностей его, съ воззрѣніемъ на предисторическія времена переселенія словенскихъ и румынскихъ племенъ изъ придунайскихъ странъ въ предкарпатскія области. Львовъ, 1893, 8⁰, стр. 4+276.

Изъ «Сводной Лѣтописи». „Вѣстникъ Народнаго Дома“, Львовъ, 1893, №№ 126, 128—131.

1894.

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома“ (Львовъ, 1894) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія:

Колійщина (№№ 139—140);

Изъ старины Львовской Ставропигіи (№ 144);

Винодѣліе на Руси (№ 145);

Морова зараза передъ 200 лѣтами (№ 145) **и**

Молдавскій митрополитъ Досиѳей (№ 146).

1895.

Описаніе портрета князя Владислава Опольскаго, Львовъ, 1895, 8⁰, стр. 8.

1896.

Дополненія «Сводной галицко-русской лѣтописи» съ 1700—1772 гг. Часть I. Львовъ, 1896, 8⁰, стр. 423.

Возникновеніе церковной Берестейской уніи (за подписью А. Галицкій). „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1897 годъ, Львовъ, 1896, стр. 138—152.

1897.

Дополненія ко Сводной галицко-русской лѣтописи съ 1700 по 1772 годъ, изданной въ Львовѣ 1887 года. Часть II. „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1897, стр. 1—519. (Этотъ трудъ А. С. Петрушевича занимаетъ цѣликомъ „Литературный Сборникъ“, за 1897 годъ).

Дневникъ Краковскаго возстанія въ 1794 году сочинилъ Людовикъ Цѣшковскій, виц. бригадиръ польскаго войска. Издалъ съ примѣчаніями А. С. П. Львовъ, 1897, 8⁰, стр. 43.

Жизнеописаніе о. Іеронима Стрѣлецкаго греч. кат. пароха св. Варвары въ Вѣнѣ (съ изображеніемъ). Львовъ, 1897, 8⁰, стр. 14.

Въ Приложеніи къ „Вѣстнику Народнаго Дома“ (Львовъ, 1897) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ два сочиненія:

Кто былъ „вѣщій Боянъ“, припоминаемый въ Словѣ о полку Игоревѣ (стр. 1—4) и

О названіи и происхожденіи пѣвца Слова о полку Игоревѣ (стр. 5—24).

1900.

О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ, происходящей изъ первой половины XII ст. (съ приложеніемъ ея плана и вида). Львовъ, 1900, выпускъ 1, стр. 1—137; выпускъ 2, стр. 137—224.

1901.

Архіератиконъ Кіевской митрополіи съ половины XIV столѣтія по списку съ конца XVI столѣтія; описалъ и изъяснилъ А. С. П. „Богословскій Вѣстникъ", Львовъ, 1901 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 11.

Историко-филологическія письма: I. кирилица и глаголица. „Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1901, кн. 1, стр. 2—15, кн. 2, стр. 123—129 и отдѣльный оттискъ въ 8°, стр. 19.

Женскій институтъ чина св. Василія В. въ селѣ Вировѣ, Холмско-Варшавской епархіи. „Вѣстникъ Народнаго Дома", Львовъ, 1901, №№ 218—219.

Польскій король Сигизмундъ III подтверждаетъ въ Краковѣ 28 марта 1764 г. договоръ города Риги, сдѣланный съ Генрикомъ Себастіановичемъ, а по кончинѣ того же съ Гаркомъ Изебранзокомъ, касающійся очищенія рѣки Двины отъ 34 камней, препятствующихъ судоходству на той же рѣкѣ за цѣну 8.000 талеровъ. „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1902 годъ, Львовъ, 1901, стр. 140—143.

1902.

Арестованіе польскими войсками митрополита Галицкого Антонія Ангелловича въ городѣ Стрыѣ 22 н. ст. іюня 1809 года (за подписью **А. С. П.**). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1903 годъ, Львовъ, 1902, стр. 177—181.

1904.

О происхожденіи города Vindobona, нынѣшней Вѣны, престольнаго города Австріи. Львовъ, 1904, 8°, стр. 3.

1905.

Русская земля и ея жители въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ (въ алфавитномъ порядкѣ). „Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1905, кн. 2, стр. 105 — 114 (А — Г), кн. 3, стр. 122—130 (Д—Л) и кн. 4, стр. 158—174 (М—Я).

O pierwszym zawiązku familii u aryjskich narodów, w szczególności u Słowian. Львовъ, 1905, 8°, стр. 34.

Въ „Вѣстникѣ Народнаго Дома" (Львовъ, 1905) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

Было ли у языческихъ Словенъ божество, названное Есе (№ 1) и

О древнѣйшихъ изображеніяхъ божества Солнца у скандинавскихъ Нѣмцевъ и сѣверныхъ Словенъ (№ 9).

1910.

Кто раздѣлилъ нешвенную русскую ризу на русскую и россійскую? „Галичанинъ", Львовъ, 1910, №№ 259—260.

1911.

Въ газетѣ „Галичанинъ“ (Львовъ, 1911) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

О Кракѣ-Карачунѣ (№№ 283 — 285) и

Кто составилъ словенскую азбуку, названную глаголитицей? (№ 285).

1912.

Въ газетѣ „Галичанинъ“ (Львовъ, 1912) А. С. Петрушевичъ помѣстилъ двѣ статьи:

О новооткрытомъ древнѣйшемъ каменномъ памятникѣ словено-русскаго божества Велеса или Волоса (съ изображеніемъ; №№ 275—278) и

Мелкія замѣчанія (къ объясненію нѣкоторыхъ нарицательныхъ и собственныхъ именъ; №№ 286—289).

Другія сочиненія А. С. Петрушевича.

De origine sedis Episcopalis ritu graeci primum Haliciensis deinde Leoqoliensis et de Praesilibus hujus sedis. (Это сочиненіе проф. Венедикта Левицкаго въ теченіе многихъ лѣтъ печаталось въ „Шематизмахъ“ Львовской греко-коѳолической архіепархіи, причемъ съ **1857 и по 1882 годы издавалось съ дополненіями и исправленіями А. С. Петрушевича**).

Литература объ А. С. Петрушевичѣ.

„Сочиненія и изданія А. С. Петрушевича“ (съ приложеніемъ краткаго біографическаго очерка). „Галичанинъ, литературный сборникъ“, Львовъ, 1863, книга I, вып. 2, стр. 163—168.

Корженко (Вл. Коцовскій). „Историческое извѣстіе о церкви св. Пантелеймона близъ города Галича. Написалъ А. С. Петрушевичъ“. „Сьвіт“, Львовъ, 1882, № 14.

Б. А. Дѣдицкій: 1) „Сочиненія А. С. Петрушевича“ (біографія писателя и хронологическій перечень его сочиненій съ критическимъ разборомъ ихъ по отдѣльнымъ группамъ), „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1885, вып. 4, стр. 220 — 234 и 2) „Антоній Петрушевичъ“, Календарь „Общества им. Мих. Качковскаго“ на 1888 годъ Львовъ, 1887, стр. 56—67.

Емельянъ Партыцкій. „Отвѣтъ о. А. Петрушевичу“. „Дѣло“, Львовъ, 1886, №№ 113—116, 118—122, 124 и 125.

Л—й. „Кіевская Старина о Словѣ о. Петрушевича“. „Дѣло“, Львовъ, 1886, № 144.

Ф. И. Свистунъ: 1) „Споръ о Варяго-Руссахъ. Полемика о. Партыцкого съ крыл. А. Петрушевичемъ“, „Новый Проломъ“, Львовъ, 18*7, №№ 401, 402, 408 (прибавленіе), 409, 410, 412 — 417, 420, 421 (прибавленіе), 422—424 и 2) „О. Стефанъ Петрушевичъ“, „Вѣстникъ Народнаго Дома“, Львовъ, 1908, №№ 8—11.

„А. С. Петрушевичъ“ (біографическій очеркъ). „Бесѣда“, Львовъ, 1887, №№ 21 и 22.

„А. С. Петрушевичъ“ (біографич. очеркъ). „Наука“, Вѣна, 1887, № 12.

В. Д. Залозецкій. „О лингвистично-историческихъ разсужденіяхъ А. С. Петрушевича“. „Червоная Русь“, Львовъ, 1888, №№ 30—37.

А. І. Степовичъ. „Филологическія Записки“, III, 1, 1888, стр. 7.

В. Б. Антоновичъ. „А. С. Петрушевичъ. Сводная галическо-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772“: 1) „Дѣло“, Львовъ, 1888, №№ 164 и 165 и 2) „Кіевская Старина“, 1888, кн. 6, стр. 45.

„А. С. Петрушевичъ“ (біографическій очеркъ съ портретомъ). „Бесѣда“, Львовъ, 1891, № 3.

„Антоній Петрушевичъ“ (біограф. очеркъ съ портретомъ). „Просвѣщеніе“, Вѣна, 1893, № 6.

Ю. А. Яворскій. „Архіератиконъ Кіевской митрополіи съ половины XIV ст. по списку съ конца XVI ст.“ (критическій отзывъ объ этомъ изданіи А. С. Петрушевича). „Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1901, кн. 3, стр. 267.

„80-лѣтіе рожденія А. С. Петрушевича“ (съ портретомъ). „Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1901, томъ I, кн. 1, приложеніе 1, стр. V—XXII.

„80-лѣтіе А. С. Петрушевича“. „Галичанинъ“, Львовъ, 1901.

„По поводу 80-лѣтія А. С. Петрушевича“ (съ портретомъ). „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1902 годъ, Львовъ, 1901, стр. 169.

„Юбилей крылошанина А. С. Петрушевича“. „Славянскій Вѣкъ“, Вѣна, 1901, №№ 13 и 15.

В. О. Щавинскій. „А. С. Петрушевичъ“. „Славянскій Вѣкъ“, Вѣна, 1901, № 15.

И. Я. Франко: 1) „О. Антін Петрушевич“, „Літературно-Науковый Вістник“, Львовъ, 1901, томъ 13, стр. 171; 2) „Із історіи москвофільского письменства въ Галичині“, „Літературно-Науковый Вістник“, Львовъ, 1901, томъ 8 и 3) „Нарис історіи українсько-руськоі литературы до 1890 р.“, Львовъ, 1910 (о С. Г. Петрушевичѣ говорится на стр. 88 и 136, а объ А. С. Петрушевичѣ—на стр. 47, 135—138, 155, 160, 171, 207, 252, 294—298, 302—304).

И. А. Линниченко. „Антоній Стефановичъ Петрушевичъ“, Одесса, 1901, 4°, стр. 15.

К. Студинскій. „Кореспонденція Якова Головацького“: за годы 1850—1862, Львовъ, 1905 (приводится 28 писемъ А. С. Петрушевича); за годы 1835—1848, Львовъ, 1909 (приводится 2 письма А. С. Петрушевича; кромѣ того о немъ говорится въ предисловіи каждаго тома).

А. Л. Петровъ. „Рукописные матеріалы о. А. Петрушевича“. „Извѣстія Академіи Наукъ“, Петроградъ, 1910, № 7.

„Нашему свѣточу-патріарху“ (по поводу дня его Ангела, исполняющагося 17(30) января). „Галичанинъ“, Львовъ, 1913, № 14.

С. Г. Шахъ: 1) „Памяти А. С. Петрушевича", „Прикарпатская Русь", Львовъ, 1913, №№ 1165—1171 и 2) „Мои воспоминанія объ А. С. Петрушевичѣ", „Прикарпатская Русь", Львовъ, 1913, №№ 1296—1305.

„А. С Петрушевичъ" (некрологъ, съ портретомъ). „Новое Время", Петроградъ, 1913, № 13482.

„А. С. Петрушевичъ" (некрологъ). „Историческій Вѣстникъ", Петроградъ, 1913, № 11.

„Похороны А. С. Петрушевича". „Русское Слово", Львовъ, 1913, № 29.

Портреты.

А. С. Петрушевичъ. (Съ очень рѣдкой фотографіи. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. С. Петрушевичъ. (По фотографіи Родецкаго во Львовѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. С. Петрушевичъ. (Портретъ и факсимиле подписи. Снимокъ относится къ 1887 г. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

А. С. Петрушевичъ въ 1901 году. (По фотографіи Н. Лиссы во Львовѣ. *Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

Иванъ Николаевичъ Гушалевичъ.

(Род. 22 ноября (4 декабря) 1823 г.—умеръ 20 мая (2 іюня) 1903 г.).

Молодые годы и полученіе образованія.

Иванъ Николаевичъ Гушалевичъ родился 22 ноября (4 декабря) 1823 года въ селѣ Паушовкѣ, Залещицкаго округа, гдѣ жили его родители, занимавшіеся земледѣліемъ. Народную школу и первые шесть классовъ гимназіи Иванъ Николаевичъ прошелъ въ Бучачѣ, остальные же седьмой и восьмой классы, или по тогдашнему названію „философію“, окончилъ во Львовѣ, гдѣ прослушалъ также курсъ богословскаго факультета, состоя воспитанникомъ русской духовной семинаріи. Тогда же онъ учился еще эстетикѣ, исторіи философіи и педагогикѣ, а кромѣ того читалъ поэтическія творенія Матиссона, Уланда и Шиллера и знакомился съ философіей Гегеля.

Выступленіе съ русскою рѣчью въ 1848 г.

Въ 1848 году И. Н. Гушалевичъ, будучи слушателемъ четвертаго курса богословскаго факультета, произнесъ въ семинаріи, въ присутствіи епископа Григорія Яхимовича, многочисленнаго духовенства и представителей интеллигенціи, „стихъ“, посвященный дню рожденія австрійскаго императора Фердинанда. Это выступленіе знаменательно въ томъ отношеніи, что представляло первую попытку примѣненія галицко-русскаго нарѣчія въ общественномъ собраніи, такъ какъ до этого времени въ Галицкой Руси пользовались въ публичныхъ засѣданіяхъ обыкновенно польскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, Иванъ Николаевичъ завоевалъ права гражданства для галицко-русскаго нарѣчія и тѣмъ самымъ подготовилъ почву для распространенія въ Галичинѣ общерусскаго литературнаго языка.

Въ 1848 году были напечатаны въ Перемышлѣ *„Стихотворенія Ивана Гушалевича“* (8°, стр. 32), изданныя на средства священника о. Ѳомы Полянскаго. Въ этомъ сборникѣ было помѣщено 10 стихотвореній.

Въ томъ же 1848 году И. Н. Гушалевичъ началъ свое сотрудничество въ первомъ по времени галицко-русскомъ повременномъ изданіи—журналѣ „Зоря Галицка“, гдѣ помѣстилъ стихотворенія: *„Слово ангела“*, *„Вовкъ, баранъ и лисъ“*, *„Голосъ съ могилы“* и *„Звонъ святоюрскій“*.

И. Н. Гушалевичъ принималъ въ 1848 году также участіе въ работахъ „Собора русскихъ ученыхъ“, при закрытіи котораго прочиталъ свое патріотическое стихотвореніе *„До моей родины“*.

Женитьба.

Въ 1848 году Иванъ Николаевичъ женился на Павлинѣ Николаевнѣ Киселевской, дочери приходскаго священника въ селѣ Струтинѣ, Долинскаго округа.

Иванъ Николаевичъ Гушалевичъ.

По фотографіи С. Т. Піяновскаго во Львовѣ.

Воспроизводится въ печати впервые.

Въ январѣ 1849 года И. Н. Гушалевичъ получилъ мѣсто учителя русскаго языка въ доминиканской гимназіи во Львовѣ. Въ августѣ 1849 года онъ былъ рукоположенъ въ священники, а въ сентябрѣ того же года занялъ должность законоучителя въ VII и VIII классахъ доминиканской гимназіи. Какъ учитель русскаго языка въ I—IV классахъ онъ издалъ въ качествѣ пособія *„Слово о полку Игоря Святославича“* (1850 г.) съ нѣкоторыми своими поясненіями и, такимъ образомъ, первый познакомилъ русскихъ галичанъ съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ русской словесности. **Рукоположеніе въ священники (1849).**

Съ 1 (13) января по 30 марта (11 апрѣля) 1849 года И. Н. Гушалевичъ издавалъ во Львовѣ подъ своей редакціей политическій журналъ *„Новины“*, который прекратилъ существованіе на 26 номерѣ. Послѣ „Новинъ“ Иванъ Николаевичъ сталъ издавать въ 1849 году во Львовѣ еженедѣльный журналъ *„Пчолу“*, который изъ-за недостатка средствъ прекратился на 19 номерѣ. „Пчола“ былъ первымъ научно-литературнымъ журналомъ въ Галицкой Руси. **Изданіе „Новинъ“ и „Пчолы“.**

Съ 1850 до 1853 года И. Н. Гушалевичъ былъ редакторомъ журнала *„Зоря Галицка“*. **Редактиров. „Зори Галицкой“.**

Въ 1852 году И. Н. Гушалевичъ издалъ во Львовѣ сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *„Цвѣты изъ наддньстрянской левады“* (8°, стр. 78; всего 31 стихотвореніе). Впереди текста поставленъ эпиграфъ изъ стиховъ романтика В. А. Жуковскаго и весь сборникъ дѣйствительно проникнутъ духомъ романтизма

Съ 1854 по 1861 годы поэтъ жилъ въ селѣ Яновкѣ, Долинскаго округа, гдѣ былъ настоятелемъ прихода. **Жизнь въ Яновкѣ.**

Въ 1861 году И. Н. Гушалевичъ переѣхалъ во Львовъ, получивъ здѣсь мѣсто законоучителя въ академической гимназіи. Въ томъ же 1861 году онъ былъ избранъ депутатомъ Львовскаго сейма, гдѣ находился до 1870 года. Въ 1867 году онъ былъ избранъ отъ сейма депутатомъ въ Вѣнскій парламентъ, въ которомъ пробылъ до 1870 года. **Избраніе депутатомъ Львовскаго сейма и Вѣнскаго парламента.**

Въ 1861 году Б. А. Дѣдицкій издалъ *„Поэзіи Іоанна Гушалевича“*, подраздѣленныя на двѣ части: 1) пѣсни и думы и 2) басни (всего въ сборникѣ 16 пѣсенъ и думъ, и 31 басня). Б. А. Дѣдицкій ставилъ очень высоко поэтическій талантъ И. Н. Гушалевича и даже сравнивалъ его стихотворенія съ нѣмецкими балладами Бюргера, польскими думами Залѣскаго и русскими пѣснями Кольцова.

Въ 1863—1864 годахъ И. Н. Гушалевичъ издавалъ педагогическій журналъ *„Домъ и Школу“*, который знакомилъ съ вопросами воспитанія и обученія. **Редактиров. „Дома и Школы“**

Въ 1869 году была напечатана мелодрама *„Сельскіе пленипотенты“*. Въ 1879 году вышла вторая часть *„Поэзій“* И. Н. Гушалевича, гдѣ, между прочимъ, была помѣщена его мелодрама *„Подгоряне“*. Всего И. Н. Гушалевичъ написалъ четыре мелодрамы: „Подгоряне“, „Обманъ очей“, „Сельскіе пленипотенты“ и „Снесенье панщины“, причемъ первыя три изъ нихъ положены на музыку Михаиломъ Вербицкимъ, а четвертая—Исидоромъ Воробкевичемъ. **Мелодрамы**

Кромѣ уже отмѣченныхъ выше, поэтъ издалъ еще слѣдующіе сборники своихъ стиховъ: *„Галицкіе отголосы“* (1880 г.), *„Гальшка Острожская княжна“* и *„Казацкая выправа въ Молдавію“* (1883 г.), *„Стихотворенія“* (1884 г.), *„Балканскія думы“* (1891 г.) и *„Закавказскія думы“* (1891 г.).

Заботы о народномъ образованіи. И. Н. Гушалевичъ много удѣлялъ также вниманія вопросамъ народнаго образованія, составивъ съ этой цѣлью нѣсколько катехизисовъ и пособій по исторіи русской литературы.

Выслуживъ установленную пенсію, Иванъ Николаевичъ вышелъ въ отставку и, живя во Львовѣ, принималъ участіе въ дѣятельности всѣхъ русскихъ народныхъ обществъ.

Смерть (1903). Иванъ Николаевичъ Гушалевичъ скончался во Львовѣ 20 мая (2 іюня) 1903 года, на 80 году жизни.

Значеніе дѣятельности писателя. Національно-политическое значеніе дѣятельности И. Н. Гушалевича для Галицкой Руси вѣрно опредѣлилъ О. А. Марковъ. Приводимъ эту характеристику (въ переложеніи съ галицкаго нарѣчія на общерусскій языкъ) изъ сборника „Колосье“ (Львовъ, 1905 г., стр. 77—78):

„Гушалевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ писателей, которые прокладывали путь русской рѣчи и своими произведеніями доказали, что между великорусскимъ или „московскимъ“ языкомъ и малорусскимъ или галицко-русскимъ нарѣчіемъ нѣтъ такой разницы, чтобы ихъ считать отдѣльными языками. За это очень не любилъ Гушалевича наибольшій врагъ русскаго народа графъ Агеноръ Голуховскій, который въ 1850-ыхъ и 1870-ыхъ годахъ былъ намѣстникомъ Галичины и добился для поляковъ всѣхъ тѣхъ правъ, какія они имѣютъ въ краѣ и теперь. Но Гушалевичъ не боялся Голуховскаго, ибо зналъ, что идетъ дорогой правды и исторіи. Нужно еще знать и то, что Гушалевичъ принадлежалъ къ числу такихъ твердыхъ и закаленныхъ русскихъ людей, которые никогда не переставали вѣрить въ лучшую и свѣтлую будущность русскаго народа и которые всегда жили надеждой, что и въ наше оконце засвѣтитъ солнце и умѣли влить эту надежду въ каждаго, съ кѣмъ только сходились и говорили. Съ этою крѣпкою вѣрою и надеждой въ лучшую будущность нашего русскаго народа, съ твердымъ убѣжденіемъ въ полной несостоятельности украйнофильства и его работы провелъ Гушалевичъ цѣлую свою жизнь и всегда говорилъ каждому молодому человѣку, что какъ есть лишь одна Русь на свѣтѣ, такъ существуетъ лишь одинъ русскій народъ и одинъ общерусскій языкъ!“

Литературное значеніе дѣятельности И. Н. Гушалевича состоитъ въ томъ, что онъ, подобно поэту Н. Л. Устіановичу, очищалъ галицко-русское нарѣчіе отъ чужеземныхъ словъ и выраженій и тѣмъ самымъ сближалъ его съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ. Кромѣ того, поэту принадлежитъ большая заслуга въ дѣлѣ развитія журналистики и учебной литературы въ Галицкой Руси.

Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій И. Н. Гушалевича.

Примѣчаніе. **И. Н. Гушалевичъ** имѣлъ слѣдующіе *криптонимы*: 1) **И**; 2) **И. Г**; 3) **И. Н. Г.**

1848.

Стихотворенія. Перемышль, 1848, 8^0, стр. 32. (Этотъ сборникъ, содержащій 10 стихотвореній И. Н. Гушалевича, былъ изданъ на средства священника о. Ѳомы Полянскаго).

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1848) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Слово ангела (№ 2);

Вовкъ, баранъ и лисъ (№ 6);

Голосъ съ могилы (№ 7) и

Звонъ святоюрскій (№ 10).

1849.

Въ журналѣ **«Новины»** (Львовъ, 1849), редакторомъ котораго былъ И. Н. Гушалевичъ, имъ напечатанъ собственный переводъ австрійскаго гимна подъ заглавіемъ—

Австрійскій народный гимнъ. Переложеный зъ нѣмецкого по давнѣйшой нутѣ спѣваемый (№ 20).

Въ журналѣ **«Пчола»** (Львовъ, 1849), редакторомъ-издателемъ котораго былъ И. Н. Гушалевичъ, имъ напечатаны слѣдующія свои сочиненія: стихотворенія—

До мои мысли (№ 2);

Молитва передъ битвою (№ 3);

Гуси и бузьки (№ 4);

Розлука (№ 5);

Пѣснь житя (№ 6);

Кара (№ 8);

Мати и донька (№ 11);

Пляси бури съ вѣтромъ (№ 12);

Надѣя (№ 15);

Пѣснь остатна лирвака (№ 18) и

До свободы (№ 19), а также статья—

Введеніе до отечественной исторіи (№ 1).

Пѣсни на день 3 (15) мая 1849. Львовъ, 1849, 8^0, стр. 8. (Здѣсь напечатаны слѣдующія три пѣсни И. Н. Гушалевича, положенныя на музыку: „Миръ вамъ братя", „Де есть руска отчина?" и „Щасть намъ Боже").

1850.

Въ журналѣ «**Зоря Галицка**» (Львовъ, 1850), редакторомъ котораго былъ И. Н. Гушалевичъ, имъ напечатано свое стихотвореніе—

Введеніе до думъ (№ 91).

Слово о полку Игоря Святославича, пѣснотворъ старорускій изъ XII столѣтія, издано Іоанномъ Гушалевичемъ. Львовъ, 1850, 8°, стр. 43.

До моей родины. Стихъ голошенъ на засѣданію (26 октября 1848 года). „Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ", Львовъ, 1850, стр. 99—101.

1852.

Цвѣты изъ надднѣстрянской левады. Съ приложеніемъ ноты музикійской. Львовъ, 1852, 8°, стр. 78+1 листъ нотъ. (Этотъ сборникъ содержитъ 31 стихотвореніе И. Н. Гушалевича, причемъ „Введеніе до думъ" положено на музыку М. Рудковскимъ).

1853.

Имнъ народный. Сочиненіе А. Пальме. Переводъ И. Гушалевича. Львовъ, 1853, 8°, стр. 2.

1854.

Поклонъ голду (стихотвореніе). „Oesterreichisches Frühlings-Album", Вѣна, 1854, стр. XXV—XXVI. (Это же стихотвореніе напечатано въ журналѣ „Отечественный Сборникъ", Вѣна, 1854, № 18).

1855.

Практическа грамматика нѣмецкого языка для другого и третего отряда городскихъ и головныхъ школъ. Вѣна, 1855, 8°, стр. 355. (Эту грамматику составилъ И. Н. Гушалевичъ).

1856.

Въ журналѣ „Зоря Галицка" (Львовъ, 1856) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія—

Къ Богу во время грозы (№ 15);

Къ отчизнѣ (№ 39) и

Отвѣтъ на пѣснь къ отчизнѣ (№ 46), а также статью—

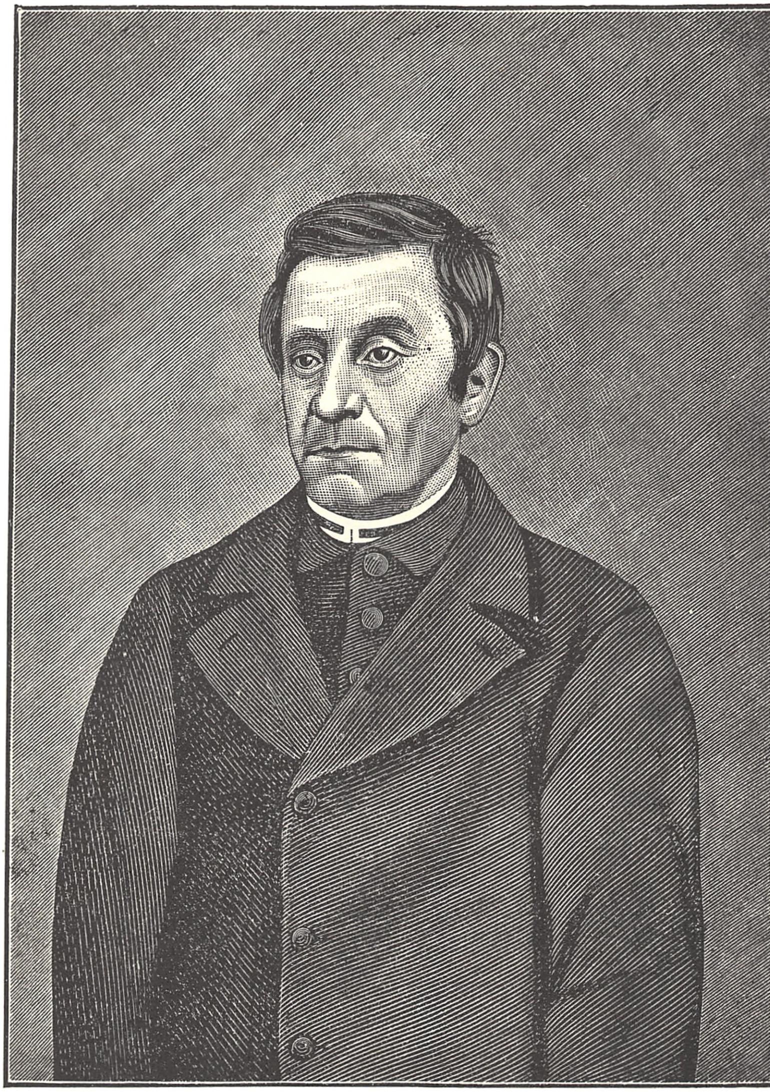
Довременное зло и его слѣдствія на народъ (№ 18).

Стихотвореніе на память торжественнаго дня дѣйствительнаго произведенія куръ Михаила Левицкаго, митрополита Галицкаго въ чинъ кардинала св. римской церкви, поднесенное сочинителемъ отъ имени австрійскаго русскаго духовенства. „Церковная Газета", Будапештъ, 1856, № 22.

1857.

Къ другамъ (стихотвореніе). „Зоря Галицка", Львовъ, 1857, № 11.

Корреспонденція изъ Княжевскаго. „Церковная Газета", Будапештъ, 1857, № 35.

Иванъ Николаевичъ Гушалевичъ.

1860.

Въ сборникѣ „Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860“ (изданіе Б. А. Дѣдицкаго. Львовъ, 1860) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія—

Сонъ князя Льва (стр. 40—42);

Любовь родинной земли (стр. 43—44);

Мое скрѣпленіе (стр. 44);

Лебедка (стр. 45);

Пришелецъ (стр. 45—46) и

Колыбельная пѣсня (стр. 46), а также статью—

Взаимныи отношенія руской церкви и гражданской власти въ XII столѣтію (стр. 176—181).

1861.

Пастырское Богословіе на основанію св. писанія, св. отцевъ и иныхъ сочиненій, составилъ Іоаннъ Гушалевичъ, гр. кае. священникъ архіепархіи Львовской. Львовъ, 1861, 8⁰, томъ 1, стр. 2+2+VII+VII+129+1; томъ 2, стр. VIII+143+2.

Поезіи Іоанна Гушалевича. Часть первая. Львовъ, 1861, 16⁰, стр. XII+104. (Этотъ сборникъ стиховъ издалъ Б. А. Дѣдицкій, который написалъ для него предисловіе и краткую біографію И. Н. Гушалевича).

Въ газетѣ „Слово“ (Львовъ, 1861) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія—

Сказка для дѣтей о томъ, якъ Лихій съ Ъ-омъ въ адъ достаеся (№№ 2 и 3);

Теля на мотузку (№ 42) и

Отвѣтъ зъ-подъ Бескида на голосъ «Зъ-за Дунаю» (№ 76), а также корреспонденціи.

Корреспонденція изъ Княжовского (№№ 60 и 78) и

Корреспонденція изъ Стрыйского (№ 75).

1862.

Въ изданіи „Галичанинъ, литературный сборникъ“, кн. 1, вып. 1 (Львовъ, 1862) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Наши пѣсни (стр. 12) и

Пойду свѣтомъ (стр. 12—13).

1864.

Катихизмъ великій или наука христіанско-каеолического богочестія, основана на правилахъ и законахъ св. церкви каеолической восточного обряду для рускихъ головныхъ школъ въ цесарствѣ Австріи. Львовъ, 1864, 8⁰, стр. 232.

1865.

Исторія библійна ветхого и нового завѣта для народныхъ школъ, съ 100 изображеніями и землеписы картою, ведля нѣмецкого сочиненія

д-ра І. Шустера. Львовъ, 1865, 8⁰, стр. XII+260. (И. Н. Гушалевичъ сдѣлалъ переводъ этого учебника съ нѣмецкаго на русскій языкъ).

Корреспонденція изъ Львова. „Вѣстникъ", Вѣна, 1865, № 48.

1866.

Въ книгѣ „Читанка руская для низшой гимназіи. Часть II" (Львовъ, 1866) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія—

Береза и яворъ (стр. 44);

Плавба житья (стр. 60);

Будь благороднымъ (стр. 72);

Радостная пѣснь при заложенью каменя угольного цесаремъ Францъ-Іосифомъ I на вторую городскую церковь и Домъ Народный во Львовѣ (стр. 203) и

Молодцеви (стр. 280); разсказъ—

Господь Богъ нагородитъ васъ на вашихъ дѣтяхъ. Зъ нѣмецкого (стр. 3—5), а также статью—

Виѳлеемъ (стр. 10—12).

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1866) напечатаны двѣ сеймовыя рѣчи И. Н. Гушалевича:

Бесѣда за внесеньемъ о уменьшенью консумційного податку отъ мяса (№ 6) и

Бесѣда въ вопросѣ языковомъ (№ 33).

1868.

Прощальная рѣчь съ Преосвящ. епископомъ киръ М. Куземскимъ отъ имени комисіи «Народного Дома» дня 5 (17) серпня 1868 выголошена о. Іоанномъ Гушалевичемъ. „Михаилъ Куземскій. Очеркъ его жизни и прощальное его слово, яко памятникъ его дѣятельности для блага Галицкой Руси, изданъ въ нарочитый день его консекраціи въ холмского епископа 11 (23) августа 1868 г." Изданіе редакціи „Слова", Львовъ, 1868, 4⁰. (Эта же рѣчь И. Н. Гушалевича напечатана въ газетѣ „Слово", Львовъ, 1868, № 65).

Въ книгѣ Алексѣя Торонскаго „Руская читанка для высшой гимназіи. Томъ III. Часть I" (Львовъ, 1868) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія—

Михаилъ Черниговскій. Дума (стр. 350);

Бурлакъ (стр. 350—351);

До зорѣ (стр. 351—352) и

Туга за юностевъ (стр. 354—355), а также прозою—

Подгоряне. Мелодрама (отрывокъ; стр. 364—381).

1869.

Въ „Литературномъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы" (Львовъ, 1869) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ:

Сельскіи пленипотенты. Мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ (стр. 3—17 и 141—169 и отдѣльное изданіе, Львовъ, 1870, 8⁰, стр. 45) и

Дѣва въ тузѣ (стихотвореніе; стр. 17).

Катихисмъ христіанско-католической вѣры, составленый зъ найлучшихъ катихисмовъ, особенно д-ра І. Шустера съ увзглядненіемъ гр. к. обряда. Издалъ И. Гушалевичъ. Львовъ, 1869, 8⁰, стр. 2+165.

1870.

Рѣчь на засѣданіи Вѣденьской Думы державной. „Слово", Львовъ 1870, № 5.

1871.

Земледѣлецъ и воробецъ (стихотвореніе). „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы", Львовъ, 1871, стр. 18—19.

Въ журналѣ „Ластовка", часть 2 (Львовъ, 1871) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Песъ, вовкъ и лисъ (№ 3);

Пиво и медъ (№ 4) и

Перогъ и книшъ (№ 7).

Въ книгѣ Александра Барвинскаго „Руска Читанка для высшой гимназіи", часть 2, отдѣлъ 1 (Львовъ, 1871) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ стихотворенія:

Невольники. Дума (стр. 431—432) и

До свободы (стр. 434—435).

Въ книгѣ Емельяна Партыцкаго „Руска Читанка для низшихъ клясъ середнихъ школъ", часть 2 (Львовъ, 1871) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Два волы (стр. 58—59);

Вовкъ и левъ (стр. 59) и

Буря зъ вѣтромъ (стр. 97—98).

1873.

Катихизмъ христіанско-католической вѣры, составленный зъ найлучшихъ катихизмовъ, особенно д-ра І. Шустера съ увзглядненіемъ гр. к. обряда. Составилъ И. Гушалевичъ. Второе изданіе. Львовъ, 1873, 8⁰, стр. 166+2.

1875.

Въ журналѣ „Ластовка" (Львовъ, 1875) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Правда (№ 13);

Пчолы и шершень (№ 13);

Сила духа людского (№ 15) и

Угощенье (№№ 18 и 19).

Въ Галичи 1875 г. (стихотвореніе: „Гдѣ Русь живетъ—тамъ наша жизнь"). Львовъ, 1875, 8⁰. Это же стихотвореніе было напечатано въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Слово", Львовъ, 1875, № 91, „Русская Рада", Коломыя, 1875, № 17 и „Ластовка", Львовъ, 1875, № 16).

1876.

Въ журналѣ „Ластовка" (Львовъ, 1876) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Сказка о томъ, якъ Лихій на Азбуку нападавъ (№№ 8 и 9);

Честолюбивый вовкъ (№№ 8 и 9) и

О не будѣтъ дитя (№№ 20 и 21).

1878.

Славянская кровь (безъ подписи; стихотвореніе). „Слово", Львовъ, 1878, № 109.

Роза (за подписью **И. Г.**; стихотвореніе). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1879 годъ, Львовъ, 1878, стр. 117.

1879.

Поэзіи И. Н. Гушалевича. Часть вторая. Львовъ, 1879, 8⁰, стр. 237+2.

Вѣнецъ сонетовъ, посвященный сынамъ Галицкой Руси. Изданіе автора. Львовъ, 1879, 8⁰, стр. 16.

Подгоряне. Мелодрама въ 3 дѣйствіяхъ, написанная И. Н. Гушалевичемъ. Музыка Вербицкого. Изданіе О. А. Маркова и М. И. Бѣлоуса. Львовъ-Коломыя, 1879, 8⁰, стр. 43.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1879) И. Н. Гушалевичъ (за подписью **И. Н. Г.**) помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Нашъ човнъ (№ 42);

Тихо, ты сирота (№ 45);

Вертепъ злодѣйствъ (№ 48) и

Послѣдняя нива (№ 50).

1880.

Галицкіи отголосы. Стихотворенія И. Н. Гушалевича. Львовъ, 1880, 8⁰, стр. 310+3+V.

Пращальная пѣснь. Слова И. Н. Гушалевича. Львовъ, 1880, 8⁰, стр. 2.

Въ газетѣ „Слово" (Львовъ, 1880) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Исправленная пѣснь «Миръ вамъ братья» (№ 50);

На нашей русской тутъ земли (безъ подписи; № 87);

Пращанье (№№ 131 и 132) и

Многая лѣта съ Новымъ годомъ 1881 (№№ 142 и 143).

Русская кантата въ честь принятія императора Францъ-Іосифа (безъ подписи). „Наука", Львовъ, 1880, № 8.

Во „Временникѣ" Ставропигійскаго Института на 1881 годъ (Львовъ 1880) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Отчимъ (стр. 126) и

Мачиха (стр. 131).

Наше жите (стихотвореніе). „Зоря", Львовъ, 1880, № 22.

1881.

Стихъ въ память торжества св. Кирилла и Меѳодія, празднованного въ Римѣ 5 липця 1881 г. „Галицкій Сіонъ", Львовъ, 1881, № 12. (Этотъ же стихъ вышелъ и отдѣльно вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ Иваномъ Бартошевскимъ).

Въ газетѣ „Проломъ" (Львовъ, 1881) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія сочиненія: стихотворенія —

На проломъ (№ 1) и

Къ соединенію (№)24, а также статью (безъ подписи) —

«Вѣче» на розвалинахъ. Воспоминаніе очевидца (№ 1).

Добошъ, по простонародному розсказу (стихотвореніе). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1882 годъ, Львовъ, 1881, стр. 137.

Маловѣры (стихотвореніе). „Родимый Листокъ", Черновцы, 1881, № 4.

1882.

Пращальный стихъ посвященный... Митрополиту кvръ Іосифу Сембратовичу въ память опущенія имъ Архіепархію Львовскую (безъ подписи). „Галицкій Сіонъ", Львовъ, 1882, № 22.

Въ день Свѣтлого Воскресенія. „Проломъ", Львовъ, 1882, № 6.

Божій храмъ (стихотвореніе). „Временникъ" Ставропигійскаго Института на 1883 годъ, Львовъ, 1882, стр. 128.

1883.

Гальшка Острожская княжна, историческая повѣсть изъ XVI вѣка. Стихотвореніе Ивана Н. Гушалевича. Львовъ, 1883, 16°, стр. 175.

Воспоминанье посвященно Іоанну III Собьескому королю польскому, освободителю Вѣдня отъ Турковъ дня 12 Вересня 1683 въ день двохсотлѣтного ювилею празднованного 11 и 12 Вересня 1883 во Львовѣ. Стихъ Ивана Гушалевича. Львовъ, 1883, 8°, стр. 22. (Это стихотвореніе напечатано здѣсь же и на польскомъ языкѣ въ переводѣ Платона Костецкаго).

Въ газетѣ „Новый Проломъ" (Львовъ, 1883) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Воскресеніе (за подписью **И. Н. Г.**; № 29);

Молодому другу (за подписью **И. Н. Г.**; № 32) и

Польскимъ братьямъ (№ 67).

1884.

Стихотворенія И. Н. Гушалевича. Львовъ, 1884, 8°, стр. 158.

1885.

Въ газетѣ „Миръ“ (Львовъ, 1885) И. Н. Гушалевичъ (безъ подписи) помѣстилъ слѣдующія сочиненія: разсказъ—

Пацыковска знахорка (№№ 89, 91 и 92) и статьи—

Перше засѣданье комисіи въ дарованыхъ руинахъ, где нынѣ «Народный Домъ». Изъ записокъ очевидця (№ 76);

Выправа першой руской депутаціи до Вѣдня (№ 78);

Свято-юрски вечерки (№ 81) и

Богослуженье подъ открытымъ небомъ. Изъ записокъ очевидця (№№ 85 и 86).

Въ память 300-лѣтного юбилея львовской Ставропигіи (за подписью **И;** стихотвореніе). „Новый Проломъ“, Львовъ, 1885, № 299.

1887.

Крещеніе Руси, стихотвореніе въ память девяти-сотной годовщины. „Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы“, Львовъ, 1887, стр. 228—235 и отдѣльный оттискъ, Львовъ, 1888, 8⁰, стр. 8.

Воспоминанія старика очевидца изъ семинарской жизни 1848 г. (безъ подписи). „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1888 годъ, Львовъ, 1887, стр. 108—117.

1888.

Крѣпись Русь Галицкая, святись свята (стихотвореніе). „Русская Рада“, Коломыя, 1888, № 19.

1889.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1890 годъ (Львовъ, 1889) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Студенческая пѣснь (стр. 112);

Оратай (стр. 112—113);

Гости (стр. 113) и

Земля осталась (стр. 113).

Въ „Сборникѣ литературно-гумористичномъ“ (изданіе „Новаго Галичанина“, Львовъ, 1889) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Тайна сердця. Двѣ пѣсни вынятыи изъ рукописи «Знесеніе панщины», мелодрама (стр. 8—9) и

На пращанье (стр. 13).

Въ „Новомъ Галичанинѣ“ (Львовъ, 1889) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Миръ вамъ братья (№№ 7 и 8;

Щасть намъ Боже (№№ 7 и 8);

Жатва (съ иллюстраціею; № 15) и
Лирникъ до громады (№ 17).

1891.

Балканскіи думы. Историческое изъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Изданіе „Бесѣды“, Львовъ, 1891, 8⁰, стр. 91.

Закавказскіи думы. Историческое изъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Львовъ, 1891, 8⁰, стр. 60.

1892.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1893 годъ (Львовъ, 1892) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Нашъ край (стр. 74—16) и

Пѣсни подъ танецъ (стр. 87—89).

1893.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1894 годъ (Львовъ, 1893) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Молитва за Русь (стр. 70—71);

Несломны (стр. 82—83) и

Изъ галицкихъ нивъ (стр. 84—90).

1894.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1895 годъ (Львовъ 1894) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Ждемъ (стр. 64);

Козацкій станъ подъ Бѣлою Церковью. Отрывокъ изъ поэмы «Освобожденіе Южной Руси» (стр. 73—74) и

Смерть Ничая. Отрывокъ изъ поэмы «Освобожденіе Южной Руси» (стр. 89—90).

1895.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Иинститута на 1896 годъ (Львовъ, 1895) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Струйка (стр. 72);

Не долго! (стр. 86);

Стонъ (стр. 110) и

Кара (стр. 131).

1896.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1897 (Львовъ, 1896) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Грѣшныя души (стр. 76—77) и

Старикъ въ раздумьи (стр. 86—87).

1897.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1898 годъ (Львовъ, 1897) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія:

Галицкое (стр. 92—93) и

Любѣмся (стр. 115).

1898.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1899 годъ (Львовъ, 1898) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ слѣдующія стихотворенія:

Выйди (стр. 126);

Дума изъ нашого времени (стр. 130) и

Соперницы (стр. 146—147);

1899.

Битва при Пилявцѣ. Отрывокъ изъ поэмы «Освобожденіе Южной Руси». „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1900 годъ, Львовъ, 1899, стр. 129—131.

1900.

На будущее (стихотвореніе). „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1901 годъ, Львовъ, 1900, стр. 88.

1901.

Во „Временникѣ“ Ставропигійскаго Института на 1902 годъ (Львовъ, 1901) И. Н. Гушалевичъ помѣстилъ два стихотворенія

Отличенныи (стр. 114) и

На памятку для моего сына Е. Г. (стр. 117).

1902.

Наставленіе (стихотвореніе). „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1903 годъ, Львовъ, 1902, стр. 165.

Литература объ И. Н. Гушалевичѣ.

Біографіи и характеристики.

Алексѣй Торонскій. „Іоаннъ Гушалевичъ“. „Руская читанка для высшой гимназіи“, Львовъ, 1868, томъ 3, часть 1, стр. 349.

Александръ Барвинскій. „Иванъ Гушалевичъ“. „Руска Читанка для высшой гимназіи“, Львовъ, 1871, часть 2, отдѣлъ 1, стр. 430.

Емельянъ Огоновской. „Исторія литературы руской“, Львовъ, 1889, часть 2, отдѣлъ 2 стр. 596—606.

„Иванъ Гушалевичъ“. „Бесѣда“, Львовъ, 1891, № 10.

„Иванъ Гушалевичъ“. „Временникъ“ Ставропигійскаго Института на 1893 годъ, Львовъ, 1892, стр. 162.

„Иванъ Гушалевичъ“ (біографія и портретъ). „Бесѣда“, Львовъ, 1898, №№ 13 14.

„Иванъ Гушалевичъ“ (некрологъ). „Галичанинъ“, Львовъ, 1903, № 113.

О. А. Марковъ. „Иванъ Гушалевичъ“. Сборникъ „Колосье изъ галицко-русской нивы“. Львовъ, 1905, стр. 77—78.

Портреты.

И. Н. Гушалевичъ. (По фотографіи С. Т. Піяновскаго во Львовѣ. *Впервые воспроизведенъ въ настоящей книгѣ).*

И. Н. Гушалевичъ. (*Воспроизведенъ въ настоящей книгѣ*).

Карпато-Русскій Музей Ѳ. Ѳ. Аристова.

Въ 1907 году нами было приступлено къ собиранію матеріаловъ для подготовляемыхъ тогда къ печати изданій: трехтомнаго изслѣдованія „Карпато-русскіе писатели“, представляющаго біографіи-характеристики всѣхъ выдающихся дѣятелей общерусской литературы въ Карпатской Руси и многотомной „Библіотеки карпато-русскихъ писателей“, ставящей своей задачей ознакомленіе съ оригинальными произведеніями тѣхъ авторовъ, жизнь и дѣятельность которыхъ изложена въ вышеназванномъ изслѣдованіи.

Въ настоящее время „Карпато-русскіе писатели“ заканчиваются уже печатаніемъ, а также вышли въ свѣтъ первые выпуски „Библіотеки“, посвященные сочиненіямъ А. А. Полянскаго, О. А. Мончаловскаго и Д. А. Маркова. Работая надъ своимъ изслѣдованіемъ и „Библіотекой“, намъ удалось собрать много цѣннаго матеріала въ видѣ писемъ, автобіографій, рукописей, портретовъ, рѣдкихъ печатныхъ изданій и разнаго рода предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературной дѣятельности карпато-русскихъ писателей. Такимъ именно образомъ и составился „Карпато-Русскій Музей Ѳ. Ѳ. Аристова“ (пока еще закрытый для частнаго пользованія).

Желая и впредь пополнять Музей, мы обращаемся ко всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу лицамъ съ просьбою о присылкѣ матеріаловъ, которые будемъ пріобрѣтать за высокую цѣну, установленную по взаимному соглашенію. Что же касается пожертвованій, то о лицахъ, сдѣлавшихъ таковыя, будетъ съ благодарностью отмѣчаться въ особомъ „Указателѣ“ Музея.

Заботясь о томъ, чтобы собранные въ Музеѣ матеріалы сдѣлались достояніемъ науки, мы будемъ ихъ печатать въ видѣ отдѣльныхъ изданій. Такъ, напр., будутъ обнародованы въ особой книгѣ „Письма В. Д. Залозецкаго Ѳ. Ѳ. Аристову“, весь сборъ отъ продажи которой поступитъ въ фондъ на сооруженіе памятника на могилѣ этого выдающагося галицко-русскаго писателя.

Всю переписку, касающуюся Карпато-Русскаго Музея слѣдуетъ направлять по адресу: Москва, Прогресивное Издательство А. С. Дзюбенко, Ѳедору Ѳедоровичу Аристову.